

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ВОСЬМЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1867.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Апрѣля 26 дня
1867 года.

Цензоръ Протоіерей С. Зерновъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Г Л А В А XIX.

Ревность о православіи и просвѣщеніи въ южно-русской митрополіи, — Соборъ въ Вильнѣ. — Священномученикъ Макарій, митрополитъ Кіевскій. — Упадокъ образованія въ сѣверной Руси. — Обители иноческія — разсадники духовнаго просвѣщенія. — Библія, собранная святителемъ Геннадіемъ. — Жизнь и писанія преп. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. — Свѣтъ Христовъ на крайнемъ сѣверѣ: преп. Евѣимій Корельскій и первоначальники Соловецкіе: Савватій, Германъ и Зосима.

Обозрѣніе достославнаго царствованія Іоанна III отвлекло насъ отъ дѣлъ южной митрополіи, о которыхъ мы почти не упоминали съ того времени, когда православная Русская Церковь, по преставленіи святителя Іоны, окончательно раздѣлилась на двѣ половины, подъ отдѣльнымъ управленіемъ двухъ іерарховъ.

Чистота вѣры и ревность къ православію сохранялись въ юго-западной Руси подъ иновѣрною властію, не смотря наковыя нападенія. Мы видѣли, что гоненіе, воздвигнутое въ Литвѣ противъ православія, послужило во вредъ самимъ гонителямъ: слабый великій князь Александръ за послабленіе фанатизму принужденъ былъ уступить Москвѣ свои восточныя владѣнія по Днѣпру. Хотя папа, со времени Флорентійскаго собора, считалъ себя верховнымъ распорядителемъ Церкви

(*) Предшествующія главы см. въ Душеп. Чтеніи за 1865 и 1866 годы.

не только на западѣ, но и на востокѣ, но унія не распространялась въ Литовской Руси, не смотря на то, что ученикъ отступника Исидора, Григорій долго занималъ первосвятительскую кафедру Кіева ^(а). Преемники его были архипастыри православные, избираемые своими епископами, съ утверженія патріарха Константинопольскаго. Несмотря на скудость свѣдѣній объ этомъ времени, мы часто встрѣчаемъ указанія на сношенія ихъ съ Константинополемъ, и никакого намека на сношенія съ Римомъ ^(б).

Живое и общее стремленіе къ наукамъ, пробудившееся въ Европѣ, отразилось и на западной Руси. Нѣкоторые изъ дворянъ православныхъ еще въ XV вѣкѣ слушали уроки въ Краковской академіи, въ Прагѣ и другихъ мѣстахъ. Необходимость охраненія чистой вѣры предковъ отъ покушеній папы, заставила умножать собственныя училища. А для размноженія православныхъ богослужебныхъ книгъ и сохраненія ихъ отъ злонамѣренныхъ поврежденій, послужили типографіи въ Краковѣ, Вильнѣ и другихъ мѣстахъ, учрежденныя векорѣ по изобрѣтеніи книгопечатанія ^(в).

Блистательнымъ памятникомъ заботливости южныхъ пастырей о лучшемъ управленіи Церковію Христовою служить Виленскій соборъ 1509 г. На немъ составлены были правила благоразумныя, твердыя, достойныя восточнаго православія. Изобразивъ печальное состояніе южной своей Церкви, соборъ постановилъ: 1) Не подкупать никого, для полученія сана

(а) Литовская церковная унія, соч. М. Кояловича. Т. I, стр. 16—22.

(б) Статья «Митрополія Кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ Московской» въ прибавл. къ Твор. св. Отц. 1854, стр. 535.

(в) Въ Краковѣ изданы (въ 1491 г.) псалтирь, часословъ, шестодневъ, тріоди. Въ Вильнѣ, съ 1525 года, напечатано много церковныхъ книгъ. Повдѣе издавались онѣ въ Заблудовѣ, Львовѣ, Острогѣ

епископскаго, и епископа поставляющаго въ священство за деньги лишать власти. 2) Не поставлять въ священство людей чужой епархіи. 3) Поставлять въ священство людей достойныхъ, одобренныхъ судомъ духовника. «Если бы и самъ государь прислалъ недостойнаго, то всѣмъ епископамъ съ митрополитомъ, явясъ къ государю, объявить недостойнство того, и ни за что не посвящать.» 4) Отлучать отъ священства тѣхъ, которые, скрывъ свое поведеніе предъ духовникомъ, обнаружатъ жизнь свое недостойнство. 5) Не допускать до священнодѣйствія священниковъ и иночествующихъ, когда являются безъ увольнительной грамоты. 6) Не допускать къ служенію и вдовыхъ священниковъ, пока не поступятъ въ монашество. 7) Священниковъ и игуменовъ безъ вины не лишать церковей ихъ. 8) «Если князь или бояринъ отниметъ церковь отъ священника безъ вины и свидѣтельства святительскаго, то не давать другаго священника, пока не оказана будетъ справедливость невинно-обиженному.» 9) Князь или бояринъ можетъ оставлять церковь безъ священника не долѣе, какъ на три мѣсяца; по прошествіи срока сего посылать священника по усмотрѣнію епископа. 10) Не отнимать имѣній у церковей. 11) Священникъ, священствующій только по волѣ князя или боярина, но безъ благословенія святителя, лишается сана. 12) Тоже игумены и іеромонахи, произвольно удаляющіеся изъ обители. 13) Епископамъ не принимать на себя мірскихъ дѣлъ и не уклоняться отъ соборовъ за недосугами. Наконецъ 14) «если государь, если бояры, или другая власть пришлютъ за митрополитомъ или епископомъ по какому-либо изъ постановленныхъ и утвержденныхъ теперь правилъ, желая разрушить заповѣдь, положенную по правиламъ апостольскимъ, и выполнить свою волю, то никому на то не осмѣливаться, а всѣмъ немедленно съѣхаться къ митрополиту, каждому на свой счетъ, смиренно просить

государя и твердо стоять, дабы не былъ нарушенъ законъ, положенный и утвержденный по правиламъ Божиимъ, апостольскимъ и отеческимъ» ^(г).

Эти опредѣленія писаны, какъ очевидно, подъ вліяніемъ особенной осторожности и вниманія къ вліянію иновѣрной гражданской власти; они поставлены такимъ образомъ въ главное руководство для управленія православіемъ среди козней папизма.

Южная Русь много страдала отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ; они нѣсколько разъ опустошали югъ, убивали или уводили въ плѣнъ христіанъ, грабили и жгли храмы. Особенно пораженъ былъ югъ глубокою скорбію, когда Татары, едѣлавъ внезапный набѣгъ, умертвили митрополита Макарія ^(д), мужа святой жизни и пастыря ревностнаго (1 мая 1497 г.), Макарій отправился изъ Вильны въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы заняться исправленіемъ дѣлъ, разстроенныхъ нападеніями тѣхъ же Татаръ, преимущественно же возобновленіемъ Софійскаго храма; Татары нагнали его въ селѣ Скрыголовѣ на р. Бчичи, за 5 миль отъ Мозыря. Современный лѣтописецъ, знавшій жизнь Макарія, оплакиваетъ смерть его, какъ наказаніе за грѣхи паствы и какъ залогъ награды за его святую ревность. И онъ не ошибся: мощи Макарія прославлены неглѣніемъ, какъ мощи священномученика ^(е).

Въ сѣверной Руси, или государствѣ Московскомъ, усердіе къ вѣрѣ и отвращеніе отъ всего неправославнаго были такъ

(г) Опредѣленія Виленскаго Собора помѣщены въ Истор. акт. Т. I. № 289.

(д) Св. митрополитъ Макарій посвященъ въ этотъ санъ изъ архимандритовъ Виленскаго Троицкаго монастыря въ 1495 году.

(е) Нетлѣнные мощи священномученика Макарія почиваютъ открыто въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ. Тамъ же хранится кипарисный крестъ святителя.

же живы и искренни, какъ и на юго-западѣ Русской земли, но образованіе не только мірянъ, но и клира находилось въ жалкомъ положеніи. Въ XIV вѣкѣ, даже въ началѣ XV-го еще были (особенно въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ) училища для первоначальнаго обученія грамотѣ, чтенію, письму и церковному пѣнію подъ руководствомъ мѣстныхъ священнослужителей ^(*), но къ концу XV-го столѣтія, невѣжество стало усиливаться. Какъ печальна картина, представленная блаж. архіепископомъ Геннадіемъ, богомудрымъ ревнителемъ просвѣщенія! «Вотъ, пишетъ онъ къ митрополиту, приводятъ ко мнѣ мужика для поставленія въ священникъ: я приказываю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтырь, а онъ и по той едва бредетъ. Я отказываю ему, и на меня жалобы: «земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ». Вотъ и обругалъ всю землю, будто нѣтъ человѣка на землѣ, кого бы ставить въ священство. Бьютъ мнѣ челомъ; «пожалуй, господине, вели учить.» Приказываю учить эктению а онъ и къ слову пристать не можетъ; ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить азбуку, и они, не много поучившись азбукѣ, просятъ прочь, не хотятъ учить ее. А у меня духа не достааетъ ставить неучей въ священники. Мужики невѣжи учатъ ребятъ грамотѣ и только портятъ; а между тѣмъ за ученіе вечерни принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже, или и больше; за часы особо... А отойдетъ отъ мастера, и ничего неумѣетъ, едва-едва бредетъ по книгѣ; а церковнаго порядка вовсе не знаетъ.» Вотъ какъ

(ж) Въ одномъ изъ такихъ училищъ воспитывался сирота Иванецъ, въ послѣдствіи святитель новгородскій Іона; какъ видно изъ житія его. И соборъ 1551 года свидѣтельствуетъ, что «въ прежнія времена въ Москвѣ, въ Новгородѣ и другихъ городахъ бывало много училищъ».

готовили къ сану учителей Церкви! Вотъ каковы были познанія будущихъ наставниковъ народа! Святитель Геннадій молилъ великаго князя и митрополита объ учрежденіи первоначальныхъ училищъ, но не видно, чтобы желанія его были исполнены ^(а).

Не было въ храмахъ живой изустной проповѣди слова Божія: она, по необходимости, замѣнялась уставными чтеніями изъ древнихъ учителей Церкви. Люди неграмотные, составлявшіе огромное большинство народа, не могли освободиться отъ суевѣрія и ложныхъ толкованій, потому что ученія, писанныя для древняго времени, для другой страны, переведенныя неяснымъ языкомъ и читаемыя въ церкви безъ всякаго изъясненія, были для нихъ совершенно невразумительны. Такое невѣжество народа открывало къ нему свободный доступъ всѣмъ учителямъ лжи, всѣмъ сѣятелямъ ересей и расколовъ. Пагубные плоды такого посява увидимъ въ послѣдующее время.

Только смиренныя обители иноческія продолжали распространять просвѣщеніе духовное по Русской землѣ; въ нихъ, по прежнему, живой опытъ объяснялъ подвижникамъ тайны вѣры и благочестія; примѣры святой жизни разливали свѣтъ и жизнь на современниковъ. Во многихъ обителяхъ списывали отеческія сочиненія, заносили въ лѣтописи событія современныя, писали житія угодниковъ Божіихъ.

Памятникомъ пастырской заботливости св. владыки Новгородскаго Геннадія сохранился составленный имъ полный списокъ Библіи ^(в). При этомъ онъ желалъ не только доста-

(з) Исторія Русск. Церкви преосв. Филарета черниговскаго, изд. 3-е. Пер. III, стр. 94.

(и) Полный списокъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завета, древнѣйшій изъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ въ Россіи, написанъ въ 1499 году въ Новгородѣ, по волѣ св. Геннадія, и хра-

вить православнымъ возможность читать священное Писаніе, необходимое для всѣхъ и почти никому недоступное ⁽ⁱ⁾, но и оградить простодушныхъ отъ обольщеній еретиковъ, которые выдавали подложныя и баснословныя сочиненія за книги священныя.

Другой знаменитый ревнитель и труженикъ духовнаго просвѣщенія былъ преп. Іосифъ, Волоцкій чудотворецъ. Уроженецъ Волока-Ламскаго, онъ происходилъ изъ дворянскаго рода Саняныхъ. Ученикъ опытнаго наставника, преп. Пафнутія Боровскаго, Іосифъ наслѣдовалъ ему, по желанію братіи, въ управленіи монастыремъ. Какъ пламенный приверженецъ общежительнаго житія, онъ предлагалъ братіи ввести въ обитель чинъ общежитія, и когда предложеніе не было принято, тайно ушелъ на Бѣлое озеро и тамъ, нѣсколько лѣтъ, въ видѣ простаго послушника, на опытѣ изучалъ уставъ общежитія, который былъ составленъ преп. Кирилломъ и сохранялся во всей строгости. Тамъ у братіи все было общее, и пища и одежда; собственности личной не было: послушаніе было совершенное, такъ что безъ благословенія старца не дѣлалось ни малѣйшаго дѣла; въ храмѣ иноки вели себя благоговѣнно, каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ, погруженный въ молитву; за трапезою безмолвно внимали чтенію душевспасительныхъ книгъ. Іосифъ принялъ на себя послушаніе въ хлѣбопекарнѣ монастырской: между тѣмъ старался точнѣе узнать уставъ преп. Кирилла, и бесѣдовалъ

дится въ Моск. Синод. Библ. подъ № 915. Нѣкоторыя изъ ветхозавѣтныхъ книгъ помѣщены въ переводѣ съ еврейскаго, другіе — съ греческаго, а нѣкоторыя — съ латинской вульгаты. Превосходный обзоръ этой замѣчательной рукописи, составленный А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ, помѣщенъ въ опис. рукоп. Синод. библ. стр. 1—164.

(i) Отдѣльныя священныя книги не легко было отыскать и самому владыкѣ Новгородскому, какъ видно изъ посланія его.

со старцами, болѣе прочихъ знакомыми съ преданіями богомудраго основателя обители. Здѣсь Іосифъ нашелъ тотъ порядокъ, который желалъ учредить въ своемъ братствѣ. Посѣтивъ еще нѣсколько монастырей ^(к), ревностный игумень возвратился въ свою обитель, снова предложилъ братіи правила общежитія и получивъ новый отказъ, рѣшился оставить навсегда Пафнутіевъ монастырь и основать свой собственный, чтобъ устроить его по своему желанію. Для сего съ семью преданными ему иноками онъ удалился въ знакомые ему лѣса Волоколамскіе.

Князь Волоколамскій Борисъ Васильевичъ, давно слышавшій о добродѣтеляхъ Іосифа, узнавъ о прибытіи его въ предѣлы Волоколамскіе, отдалъ въ полную его волю выбрать мѣсто для обители ^(л). Она была основана преп. Іосифомъ въ 1479 году.

При самомъ началѣ монастыря, ревностный основатель не имѣлъ возможности учредить общее житіе, но когда число братіи возрасло значительно и удовлетвореніе внѣшнихъ вуждъ обезпечено было обильными вкладами, тогда Іосифъ учредилъ порядокъ общежительныхъ монастырей, избравъ образцемъ преимущественно уставъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря.

По правилу преп. Іосифа у братіи должно быть все общее: одежда, обувь, пища, питіе; никто изъ братіи безъ словенія настоятеля не могъ взять въ келлію ни малѣйшей

(к) Въ это время онъ посѣтилъ Тверскій Саввинъ монастырь, Савватіеву пустынь близъ Твери, гдѣ подвизался тогда дивный старецъ Евфросинъ, проведшій 60 лѣтъ безвыходно въ пустынь, и видѣлъ преп. Макарія въ Калязинской его обители.

(л) Мѣсто для новой обители избрано Іосифомъ среди густаго сосноваго лѣса, на берегу небольшой рѣчки Струги, вливающейся въ р. Сестрь.

вещи; не долженъ былъ ничего ѣсть и пить отдѣльно отъ другихъ; хмѣльные напитки не только не позволялось держать въ монастырѣ, но запрещалось привозить прїѣзжающимъ и на гостиницу. Къ божественной службѣ должно было являться по первому благовѣсту, и занимать въ храмѣ определенное для каждаго мѣсто; переходить съ мѣста на мѣсто или разговаривать во время службы запрещалось. Послѣ литургіи всѣ должны были идти въ трапезу, вкушать пищу безмолвно и внимать чтенію. Въ свободное отъ службы время братія должны были участвовать въ общихъ работахъ, или, сидя по келліямъ, заниматься рукодѣльемъ. Послѣ повечерія не позволялось останавливаться въ монастырѣ, или сходитья, но каждый долженъ былъ идти въ свою келлію и съ наступленіемъ вечера исповѣдываться отцу своему духовному, въ чемъ кто согрѣшилъ въ теченіе дня. Женщинамъ и дѣтямъ запрещенъ былъ входъ въ монастырь, а братія всякая бесѣда съ ними (*). Безъ благословенія никто не могъ выходить за ворота. Для управленія монастыремъ учрежденъ былъ совѣтъ изъ старцевъ.

Подъ руководствомъ преп. Іосифа братія подвизалась усердно на поприщѣ иноческой жизни. Все время было посвящено или молитвѣ или трудамъ тѣлеснымъ. Пища была самая простая; всѣ носили худыя одежды, обувь изъ лыкъ, терпѣли зной и холодъ съ благодушіемъ; не было между ними смѣха и празднословія, но видны были постоянныя слезы сокрушенія сердечнаго. Въ келліяхъ своихъ братія ничего не имѣли, кромѣ иконъ, книгъ божественныхъ и худыхъ ризъ, а потому у дверей келлій и не было запоровъ. Кромѣ обыкновеннаго правила монашескаго, иной полагалъ еще по ты-

(*) Строго запрещая женщинамъ входъ въ монастырь, преп. Іосифъ отказался принять даже престарѣлую мать свою — инокиню, когда она просила свиданія съ нимъ.

сячѣ, другой по двѣ и по три тысячи поклоновъ въ день. Для большаго самоумерщвленія иной носилъ желѣзную броню, другой тяжелыя вериги, третій острую власяницу. Большая часть ночи проходила въ молитвѣ. Сну предавались на короткое время, иной сидя, иной стоя. И все такіе подвиги предпринимались не самовольно, но съ благословенія настоятеля. Такимъ образомъ послушаніе освящало ихъ и любовь увѣнчивала. Каждый готовъ былъ помочь тѣлеснымъ и душевнымъ нуждамъ своего брата. Знаменитость происхожденія, мірская слава и богатства за вратами обители были забываемы. Приходилъ ли въ монастырь нищій или богачъ; рабъ или вельможа, они равны были; на каждого возлагались одинакіе труды, и почестъ отдаваема была только тѣмъ, которые болѣе подвизались и преуспѣвали на поприщѣ иноческихъ подвиговъ.

Самъ Іосифъ во всемъ былъ примѣромъ для братіи. Прежде всѣхъ приходилъ онъ въ храмъ Божій, пѣлъ и читалъ на клиросѣ, говорилъ поученія, и послѣ всѣхъ выходилъ изъ храма. Была ли общая работа для братіи, онъ спѣшилъ и здѣсь предварить всѣхъ; трудился, какъ послѣдній изъ братіи; носилъ такую убогую одежду, что часто его не узнавали; изнурялъ себя постомъ и бдѣніемъ, вкушая пищу большею частію только черезъ день, и проводя ночи въ молитвѣ. Но не видали его никогда дряхлымъ, или изнемогающимъ; всегда лицо его было свѣтло, отражая душевную чистоту. Съ любовію помогалъ онъ братіи во всѣхъ ихъ нуждахъ; особенное вниманіе обращалъ на душевное состояніе каждого, подавалъ мудрыя совѣты, и силу слова подкрѣплялъ усердною молитвою къ Богу о спасеніи ввѣренныхъ ему душъ. Когда кто изъ братіи боялся, или стыдился открывать ему свои помыслы, опытный старецъ, провидя внутреннія помышленія, самъ заводилъ бесѣду о нихъ и подавалъ нужные

совѣты. Ночью тайно обходилъ онъ келліи, чтобы видѣть чѣмъ кто занимается, и если слышалъ гдѣ разговоръ послѣ повечерія, то ударялъ въ окно, показывая свой надзоръ. Во время одного изъ такихъ обозрѣній замѣтилъ онъ, что кто-то крадетъ жито изъ монастырской житницы. Увидя Іосифа, тать хотѣлъ бѣжать, но Іосифъ остановилъ его, самъ насыпалъ ему мѣшокъ жита и отпустилъ съ миромъ, обѣщаясь впередъ снабжать его хлѣбомъ.

Благодѣтельное вліяніе Іосифа не ограничивалось однимъ монастыремъ, но распространялось на всю Волоцкую область. Слава добродѣтельной жизни Іосифа, мудрость наставленій, подкрѣпляемыхъ свидѣтельствами Нисанія и Отцевъ Церкви, сила слова привлекали къ нему многихъ. Князь Волоколамскій Борисъ часто посѣщалъ его, открывалъ ему свою душу и руководствовался въ жизни благочестивыми его совѣтами. Сынъ его Іоаннъ былъ крестникъ и духовный сынъ Іосифа. Вельможи и высшіе сановники считали для себя за счастье удостоиться бесѣды съ Іосифомъ, избирали его себѣ духовнымъ отцемъ, съ любовію исполняли его совѣты и исправляли жизнь свою по его указанію. Женщины, не имѣя возможности лично пользоваться наставленіями Іосифа, спрашивали совѣтовъ его письменно, или чрезъ своихъ духовниковъ.

Особенно любилъ онъ помогать нуждающимся. Имѣлъ ли кто изъ поселянъ нужду въ сѣменахъ для посѣва, или лишался домашняго скота и земледѣльческихъ орудій, приходили къ Іосифу, и онъ снабжалъ всемъ нужнымъ. Въ одинъ годъ, въ Волоколамской области былъ голодъ. Не имѣя насущнаго пропитанія, поселяне стекались къ обители Іосифа, прося хлѣба. Въ продолженіи всего этого несчастнаго времени, Іосифъ питалъ около семи сотъ человѣкъ, кромѣ дѣтей. Чтобы дать пріютъ нѣкоторымъ изъ нихъ, и особенно дѣтямъ, Іосифъ построилъ подлѣ монастыря страннопріимницу и при

ней церковь въ честь Введенія во храмъ Богородицы, велѣлъ покоить болящихъ и страждущихъ, кормить всѣхъ бѣдныхъ, поставилъ здѣсь особаго смотрителя, и эта страннопріимница получила названіе «Богораднаго монастыря». Когда истощились собственныя средства обители, Іосифъ, несмотря на ропоть братіи, дѣлалъ займы и кормилъ бѣдныхъ. Въ тоже время убѣждалъ и владѣтельныхъ князей употребить свои мѣры для вспомоствованія страждущимъ отъ голода. По устройенію Промысла Божія, пожертвованія препод. Іосифа въ пользу бѣдныхъ не остались безъ вознагражденія, для новыхъ раздаваній бѣднымъ. Великій князь Василій Іоанновичъ, лично удостовѣрившись въ оскудѣніи обители, обильными дарами спѣшилъ вознаградить издержки. Братья великаго князя: Симеонъ, Дмитрій и Юрій, также присылали отъ себя пожертвованія въ обитель Іосифа.

Мы знаемъ уже подвиги преподобнаго Іосифа, въ борьбѣ съ ересью жидовствующихъ. Твердыя рѣчи его на соборѣ и богомудрыя писанія много способствовали къ обузданію ереси ^(н) и успокоенію Церкви.

Но вскорѣ неутомимый оберегатель мира церковнаго самъ подвергся огорченіямъ въ собственномъ своемъ монастырѣ. Главною причиною этихъ безпокойствъ былъ князь Волоколамскій Ѳедоръ Борисовичъ. Онъ началъ дѣлать различныя притѣсненія Іосифову монастырю, который принадлежалъ тогда вмѣстѣ съ владѣніями Волоцкаго князя, къ епархіи Нов-

(н) Ересь жидовствующихъ не прекратилась вполне, потому что изъ числа еретиковъ многіе разбѣжались по разнымъ окраинамъ Русской земли и въ послѣдствіи положили начало «сектѣ іудействующихъ», которая существуетъ и до сихъ поръ. Позднѣе эта секта сливалась иногда съ молоканствомъ, или готовила многихъ къ принятію молоканства и духоборчества. (Статья г. Ливанова «Тамбовскіе молокане и духоборцы въ XVIII вѣкѣ» въ журналѣ «Всемирный трудъ» 1867, февраль, стр. 252.)

городской. Чтобъ избавиться отъ обидъ, препод. Іосифъ рѣшился, по примѣру нѣкоторыхъ другихъ обителей ^(о), перейти подъ непосредственное покровительство великаго князя и митрополита. Въ 1507 году желаніе его было исполнено и онъ получилъ отъ великаго князя несудимую грамоту.

Переходъ Іосифа изъ Новгородской епархіи въ область митрополита оскорбилъ владыку Новгородскаго: архіепископъ Серапіонъ ^(п) подвергъ Іосифа церковному запрещенію за то, что онъ безъ вѣдома и воли своего архипастыря уклонился изъ паствы его, а великій князь, принявъ запретительную грамоту Серапіона за личное себѣ оскорбленіе ^(р), объявилъ владыку лишеннымъ каѳедры, и подвергъ тяжкому заключенію въ Москвѣ, въ Андроніевомъ монастырѣ. На соборѣ 1509 года, обвинили Серапіона за неправильное отлученіе Іосифа, который желалъ, но не могъ получить благословеніе своего архипастыря ^(о), а Іосифу выдали разрѣшительную гра-

(о) Іосифъ оправдывалъ себя примѣрами монастырей Троицкаго Сергіева, Толгскаго и Каменнаго, которые, отъ притѣсненій удѣльныхъ князей, перешли подъ покровительство великаго князя.

(п) Св. Серапіонъ былъ прежде сельскимъ священникомъ недалеко отъ Москвы, и овдовѣвъ постригся въ Дубенской пустыни, что на острову (см. въ XIV главѣ этихъ «Разсказовъ»), былъ тамъ настоятелемъ, потомъ игуменомъ Сергіевой Лавры, а съ 1506 года архіепископомъ Новгородскимъ.

(р) Серапіонъ писалъ въ грамотѣ къ Іосифу: «почему ты передалъ монастырь свой въ вѣдѣніе великаго государства? Ты отступилъ отъ небснаго и пришелъ къ земному». Великій князь Василій понялъ эти слова превратно, и послѣ выговаривалъ святителю: «ты назвалъ князя Ѳедора (Волоцкаго) небеснымъ, а меня — земнымъ. Что я земной, это я знаю: но скажи мнѣ, почему ты Ѳедора назвалъ небеснымъ?»

(с) По причинѣ моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ Новгородѣ, великій князь поставилъ на дорогахъ заставы, для прекращенія сообщеній съ зараженнымъ краемъ.

моту. Спустя нѣсколько времени двое богоугодныхъ мужей: святитель и игумень примирились, и прежняя любовь водворилась между ними ^(†).

Пользуясь расположеніемъ великаго князя, пр. Іосифъ послѣдніе годы жизни своей провелъ въ мирѣ. Но онъ подвергался тяжкимъ и частымъ недугамъ. Предъ концемъ жизни, ослабѣло у него зрѣніе, такъ что онъ съ трудомъ видѣлъ, не могъ ничего читать, едва могъ ходить и въ церковь, водимый и поддерживаемый братією. Чувствуя свою немощь и приближеніе къ смерти, онъ вновь просилъ в. князя охранять своимъ покровительствомъ монастырь, насажденный его потоми и трудами, и возвращенный молитвами и слезами. Чувствуя приближеніе кончины, онъ поручилъ братіи избрать изъ среды себя преемника ему. Выборъ палъ на Данила, старца, любившаго нищету, пребывавшаго въ трудахъ, постѣ и молитвахъ. Пр. Іосифъ утвердилъ это избраніе и послѣ того часто бесѣдовалъ съ своимъ преемникомъ объ обязанностяхъ его званія, завѣщевалъ ему поступать во всемъ по духовной грамотѣ, написанной самимъ Іосифомъ, а братіи внушалъ имѣть любовь и почтеніе къ новому игумену.

Въ послѣдніе дни своей жизни преп. Іосифъ принялъ великую схиму, и пребывалъ постоянно въ совершенномъ уединеніи и въ молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ. Во время цер-

(†) По примиреніи съ св. Серапіономъ, преп. Іосифъ испросилъ ему дозволеніе великаго князя жить въ любимой имъ лаврѣ чудотворца Сергія. Здѣсь, въ тотъ самый часъ, когда Іосифъ переходилъ въ жизнь вѣчную, Серапіонъ всталъ и сказалъ бывшимъ при немъ: «братъ нашъ Іосифъ преставился. Да проститъ ему Богъ: бываетъ подобное и съ праведными». Святитель-страдалецъ, принявъ схиму, мирно почилъ 16 марта 1516 года. Мощи его обрѣтены нетлѣнными 7 апрѣля слѣдующаго года и остаются подъ снудомъ въ Серапіоновской палаткѣ, близъ Троицкаго собора Сергіевой лавры.

ковнаго богослуженія, братія выносили его въ храмъ: тамъ въ уединенномъ мѣстѣ, невидимый другими, онъ слушалъ церковную службу. Въ субботу, 8 сентября 1515 г., приобщившись св. Таинъ, онъ созвалъ всѣхъ братій, преподалъ имъ миръ и благословеніе и, при послѣднемъ прощаніи, изрекъ имъ утѣшительное обѣтованіе: «вотъ вамъ знаменіе, — сказалъ онъ, — если я получу нѣкое дерзновеніе и милость у Господа, — мѣсто сіе святое не оскудѣетъ, и обитель распространится.» На слѣдующій день братія отпѣли у него въ послѣдній разъ утреню. Въ церкви богослуженіе еще продолжалось, и въ то время, какъ тамъ начали пѣть: «Святый Боже,» преп. Іосифъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ, предалъ духъ свой Богу, 75 лѣтъ отъ рожденія ^(у).

Въ обители преп. Іосифа образовалось много великихъ подвижниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ возведены были на каѳедры святительскія: непосредственный преемникъ Іосифа, Даниилъ былъ послѣ митрополитомъ. Ростовскій архіепископъ Вассіанъ II-й, братъ Іосифа; епископы: Смоленскій Савва Слѣпушкинъ, Коломенскій Вассіанъ Топорковъ, Тверской Акакій, Крутицкіе Савва Черный, Нифонтъ и другіе были постриженниками и учениками богомудраго игумена Волоколамскаго. Изъ простыхъ иноковъ замѣчательны по своей жизни Герасимъ Черный и Кассіанъ Косой, пришедшіе съ Іосифомъ изъ Пафнутіева монастыря. Первый изъ нихъ, строгій постникъ, жилъ въ послѣдствіи внѣ обители, въ затворѣ, занимаясь молитвою и рукодѣліемъ. Однимъ изъ главныхъ егозанятій было списываніе книгъ. Кассіанъ Косой ни лѣтомъ,

(у) Мощи преп. Іосифа почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ основаннаго имъ монастыря. Житіе его писано двумя учениками его Досифеемъ Топорковымъ и Саввою Чернымъ, епископомъ крутицкимъ. Память его правднуется повсемѣстно, по опредѣленію собора 1591 года.

ни зимой не носилъ обуви, не зналъ мѣховой одежды; онъ такъ изнурилъ себя постомъ, что преп. Іосифъ находилъ нужнымъ умѣрять его подвиги.

Извѣстенъ также по жизни добродѣтельной Іона Голова, въ мірѣ бывший приставникомъ у дѣтей князя Бориса. Въ одно время онъ не досмотрѣлъ за княземъ Ѳедоромъ, который упалъ и повредилъ себѣ языкъ. Избѣгая гнѣва князя, онъ удалился, какъ въ тихое пристанище, въ обитель Іосифа, постригся въ монашество и проходилъ самыя тяжелыя послушанія, непрестанно пребывая въ трудахъ и молитвѣ. Непрестанное сокрушеніе и смиреніе надѣлили его обильнымъ даромъ слезъ, а любовь и святость жизни привлекали къ нему всѣхъ. Проходящіе мимо обители воины брали хлѣбъ, который онъ пекъ, на благословеніе, а больные для исцѣленія. Ему отдался въ послушаніе племянникъ его, юный Епифаній, оставившій дворъ князя Бориса, и убѣжавшій отъ похвалы человѣческой, чтобъ удостоиться благословенія Божія. Шесть лѣтъ провелъ онъ въ непрекословномъ повиновеніи своему духовному отцу, подвизаясь въ молитвѣ; никакое обидное слово не могло вызвать съ его стороны гнѣва и ропота. Чрезъ 14 лѣтъ по кончинѣ Епифанія тѣло его найдено было нетлѣннымъ. Славился также своимъ благочестіемъ Діонисій, изъ рода князей Звенигородскихъ; онъ исправлялъ послушаніе въ хлѣбопекарнѣ за двоихъ братій, и каждый день прочитывалъ по 77 псалмовъ и полагалъ по 3000 земныхъ поклоновъ. Но любя уединеніе, онъ выпросилъ себѣ у Іосифа позволеніе идти на Бѣлоозеро къ Нилу Сорскому. Съ нимъ вмѣстѣ удалился туда и другой знаменитый инокъ Іосифова монастыря Нилъ Полевъ, изъ рода князей Смоленскихъ. Князь Андрей Андреевичъ Голенинъ Ростовскій былъ душевно привязанъ къ Іосифу и любилъ слушать его наставленія. Въ одно время, отправившись на охо-

ту, онъ заѣхалъ въ монастырь Іосифа, взошелъ въ церковь, гдѣ совершалась Божественная служба, и, павъ къ ногамъ Іосифа, умолялъ его немедленно постричь въ монашество, повторяя, что онъ не выйдетъ изъ храма, пока не исполнится его желаніе. И тутъ же, свергнувъ съ себя драгоценную одежду, облекся въ грубую власяницу инока, и получилъ при постриженіи имя Арсенія. Свое имѣніе онъ подарилъ монастырю, слугъ отпустилъ на свободу. Отданный въ послушаніе Іонѣ Головѣ, онъ раздѣлялъ съ братіей все труды, держалъ чреду на поварнѣ и хлѣбопекарнѣ, ходилъ за больными; никогда не видали его празднымъ; одежду носилъ онъ одинаковую съ братією, и питался тою же пищею ^(*).

Писанія преп. Іосифа, по большей части, находятся въ тѣсной связи съ обстоятельствами его жизни: таже ревность о славѣ Божіей и вѣчномъ благѣ своихъ братій, которая одушевляла его во всехъ дѣлахъ, открывается и въ сочиненіяхъ праведника. Преп. Іосифъ одаренъ былъ обширною и твердою памятью; при свѣтломъ умѣ, при опытности въ духовной жизни, онъ обладалъ обширными свѣдѣніями^(х). Главное изъ твореній его—шестнадцать словъ противъ еретиковъ жидовствующихъ, извѣстное подъ общимъ наименованіемъ

(*) По кончинѣ преп. Іосифа, Арсеній часто ходилъ на могилу его, и умолялъ со слезами, чтобы ваялъ его къ себѣ, если онъ обрѣлъ благодать у Бога. Іосифъ явился ему во снѣ и сказалъ: «знай, что я получилъ благодать отъ Бога, и ты скоро перейдешь въ лучшую жизнь». Дѣйствительно Арсеній вскорѣ заболѣлъ и, принявъ схиму, скончался.

(х) Замѣтимъ, что преп. Іосифъ, хотя не зналъ по гречески, но приводитъ въ своихъ писаніяхъ мѣста почти изъ всехъ великихъ отцевъ Греческой Церкви и даже изъ многихъ не очень важныхъ писателей: это доказываетъ, какъ богата была въ его время славянская письменность переводами отеческихъ твореній. Преп. Іосифъ любилъ собирать книги; многіе изъ учениковъ и преемниковъ его подражали въ этомъ отцу своему, такъ что въ Волоколамскомъ монастырѣ составила весьма обширная биб-

«Просвѣтителя». Здѣсь богоносный игумень является глубокимъ богословомъ, основательно защищающимъ догматы и постановленія христіанской Церкви мѣстами св. Писанія и свидѣтельствами Отцевъ церкви, а иногда объясняющимъ и своими умозаключеніями. Въ предисловіи къ этой книгѣ, изложивъ начало Новгородской ереси, онъ говоритъ о соборѣ, бывшемъ противъ еретиковъ при Зосимѣ, и о нечестивыхъ мнѣніяхъ самого Зосимы. Послѣ сего, прерывая повѣствованіе, занимается опроверженіемъ еретическихъ мнѣній, въ XIV словахъ. Въ XV-мъ словѣ онъ доказываетъ, что не всякаго еретика, тотчасъ же послѣ покаянія, можно допускать къ общенію съ церковію, но нужно различать свойство и тяжесть ереси и отступленія отъ вѣры. Разсматривая дѣйствія Новгородскихъ еретиковъ послѣ собора, бывшаго на нихъ при Зосимѣ, до втораго собора, преп. Іосифъ доказываетъ, что съ такими еретиками нельзя поступать снисходительно. Въ XVI-мъ словѣ, онъ старается доказать, что раскаяніе, вынужденное страхомъ казни, не должно освобождать кающагося отъ наказанія.

Основатель Волоколамскаго монастыря желалъ оградить обитель свою опредѣленными правилами, дабы своеволіе не ввело въ нее, ко вреду духовной жизни, своихъ обычаевъ. Въ такомъ духѣ писаны имъ: «Уставъ монастырю», въ 14-ти главахъ ^(и). Въ заключеніи устава приложены «завѣщаніе или духовная грамота грѣшнаго и худаго игумена Іосифа» и дополнительныя правила для иноковъ.

ліотека, изъ которой, въ недавнее время, часть рукописей поступила въ Моск. Дух. Академію, а другая — въ Моск. Епарх. бібліотеку.

(и) Особенно замѣчательна X глава Устава, заключающая въ себѣ прекрасное описаніе иноческой жизни, по наблюденіямъ преп. Іосифа, во время путешествій его по монастырямъ. Это описаніе напечатано въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г.

Сверхъ того преп. Іосифъ оставилъ послѣ себя много посланій, писанныхъ имъ во время борьбы съ еретиками, по поводу спора съ св. Серапіономъ и для назиданія разныхъ лицъ въ жизни духовной ^(ч).

Чтобы ближе ознакомить читателей съ писаніями преп. Іосифа, извлечемъ изъ нихъ наставленіе его о томъ, какъ надобно служить единому Богу:

«Прежде всего возлюби Господа Бога всѣмъ сердцемъ и всѣмъ умомъ твоимъ и крѣпостію; пусть не отлучаетъ тебя отъ любви Божіей ни жизнь, ни смерть, ни настоящее, ни грядущее. Пусть всѣ правила и привычки твои будутъ удобны Богу.... Мало говори и много размышляй; не будь дерзокъ въ словѣ, не излишествуй въ бесѣдѣ, не будь склоненъ къ смѣху, украшайся стыдливостію. Трудись руками своими, благодари за все, терпѣливъ будь въ скорби, охраняй сердце отъ гордости и худыхъ помышленій.—Не засматривайся на жизнь лѣнливыхъ, а ревнуй житію святыхъ; радуйся успѣхамъ добродѣтельныхъ, но не завидуй. Плачь о согрѣшающихъ, но не осуждай ихъ—есть Судія, Который воздастъ каждому по дѣламъ его. Не оправдывай себя, а признавай себя грѣшникомъ предъ Богомъ и людьми; не бесѣдуй лъстиво; не клевети ни на кого и не слушай клеветы. Пусть ярость не дѣлаетъ тебѣ насилія и похоть не владѣетъ тобою; не гнѣвайся напрасно и не думай о мести, чтобы платить зломъ за зло. Пусть укоряютъ тебя, но ты не укоряй; пусть бьютъ тебя, но ты не бей; пусть обижаютъ тебя, но ты не обижай. Остерегайся бесѣдъ женскихъ и вина: то и другое отуманиваетъ даже самыхъ умныхъ людей. Совершая заповѣди Господа, не будь печаленъ, а жди награды отъ Бога и ищи жизни вѣчной.

«Читай завѣщанныя книги и отнюдь не читай запрещенныхъ. Лици небеснаго и не жаждай земныхъ благъ: валь ни ми растянута сѣть; увязнешь какъ птица. Откажись отъ мір-

(ч) Посланія и другія сочиненія преп. Іосифа перечислены въ Обзорѣ Русск. Дух. Литер. преосв. Филарета черниговскаго. Ч. I, стр. 121—126.

ской мудрости и умудрайся во Христъ. Иное дѣло мудрость Его и другое — мудрость міра, который распялъ Христа, Господа славы.

«Пусть исходитъ изъ устъ твоихъ слово утѣшенія, укрѣпляя любовь къ тебѣ другихъ. Бесѣдуй съ лицомъ веселымъ, чтобы весело было и разговаривающему съ тобою. Разговаривая съ бѣднякомъ, не оскорби его: кто обижаетъ нищаго, оскорбляетъ Создателя. Не стыдись кланяться всякому, какъ созданному по образу Божію. Старшаго лѣтами постарайся почитать; съ равными встрѣчайся мирно; младшихъ принимай съ любовію; предъ почтенными не лѣнись стоять. Алчущаго накорми, жаждущаго напой, какъ повелѣлъ Господь, нагаго одѣнь, страннаго введи въ домъ, больнаго посѣти, дойди до темницы и узнай бѣду тамошнихъ; чего требуютъ, подай; поскорби, вздохни и прослезись съ ними; вспомни, что многіе изъ нихъ страждутъ за одинъ какой нибудь грѣхъ, а мы постоянно грѣшимъ и однако живемъ счастливо. Такъ скорби о грѣхахъ своихъ, воздыхай о соблазнахъ и паденіяхъ рода, гдѣ живешь.

«Ищи человѣка боящагося Бога и служащаго Ему всею душею и къ нему прилѣпись душею и тѣломъ. Если нашелъ ты такого человѣка: будь покоенъ; ты нашелъ ключъ къ царству небесному. Слѣдуй ему во всемъ, внимай словамъ его, дѣлай пріятное ему. Монастыри и дома святыхъ пусть будутъ для тебя пристанищемъ; прибѣгай къ нимъ, принимай въ нихъ участіе, утѣшай ихъ въ нищетѣ ихъ. Если есть у тебя нужное для нихъ, принеси имъ: ты отдашь это въ руки Божіи. Пойми, чего требуетъ Царь небесный отъ твари своей? Малой и легкой милостыни. Подай же малость и получишь вѣчное; подай немного и возвратится тебѣ во сто разъ. Милующій убогаго дастъ взаймы Богу.

«Міръ этотъ пройдетъ мимо насъ и слава его исчезнетъ; а придетъ Господь съ небесными силами, поставитъ каждому на судъ и каждому воздастъ по дѣламъ его. Помни, что можешь завтра же увидѣть, какъ разверзутся небеса, сойдутъ ангелы и ты станешь предъ страшнымъ судилищемъ и будешь давать отчетъ въ твоей жизни, въ дѣлахъ, словахъ и

мысляхъ. Позаботься же о себѣ, вспомни грѣхи свои, не забывай о судѣ. Помни, что ты человѣкъ смертный, немощный и подверженный страстямъ. Помни, что ты живешь въ жизни печальной, погубившей многихъ добрыхъ и злыхъ, умныхъ и неумныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Помни, что ты человѣкъ слабый, не можешь вынести труда одного дня, ни бдѣнія одной ночи. Вспомни, сколько ты грѣшилъ предъ Богомъ въ юности своей. Вспомни что день и ночь борешься ты съ грѣхомъ, какъ со львомъ. Подумай, сколько тамъ подъ землею душъ, оскорблявшихъ Бога, желавшихъ получить малый отдыхъ и не получившихъ. Подумай, какъ часто поднималось море жизни нашей отъ плоти нашей, сколько бурь и мятежей, сколько вѣтровъ, сколько грѣховъ, сколько слезъ по городамъ, домамъ и торгамъ! Подумай, сколько было людей, послѣ Адама, и всѣ прошли безъ слѣда. Прославились на небѣ и на землѣ лишь тѣ, которые жили по заповѣдямъ Божиимъ. Что въ этомъ мірѣ—не ложь? Все полно болѣзни и страха. Рожденіе наше съ страстями и смерть страшна. А что будетъ по смерти, не извѣстно, всѣ пути наши—печальны. Плоть наша неумирима. Здоровая воюетъ, немощная печалитъ насъ; не давай ей хлѣба—ослабѣетъ. Кто въ этой жизни прожилъ безъ скорби? Кто не стоналъ? Сколько обманутыхъ жизнию! Подумай, что скоро—скоро оставишь ты все видимое: и эту землю, и это небо, и этихъ людей. Подумай, какъ ничтоженъ ты тѣломъ и душею. Малая скорбь одолѣваетъ тебя, малое слово громитъ тебя, малая болѣзнь какъ огонь обжигаетъ тебя и ввергаетъ въ скорбь. Каждое веселье свѣта окончивается печалію. Нынѣ играютъ свадьбу, завтра плачутъ надъ мертвецомъ. Нынѣ раждаются, завтра погребаются. Нынѣ радость, завтра слезы. Нынѣ богатъ, завтра нагой. Нынѣ знатенъ, завтра трупъ, поѣдаемый червями. Содрогнемся и вострепещемъ. Что съ нами будетъ, не знаемъ. Покаемся теперь; послѣ смерти нѣтъ покаянія. Что сдѣлаемъ здѣсь, то и найдемъ тамъ; что поѣдемъ, то и пожнемъ ^(ш).

(Окончаніе главы до слѣдующей книжки).

Графъ М. Толстой.

(ш) Эти наставленія извлечены нами изъ книги «Русскіе святыя» (сентябрь, стр. 39—45).

Н Ъ Ч Т О

О БЛАГОТВОРНОМЪ ДѢЙСТВІИ

П Р И Р О Д Ы Н А Д У Ш У .

Разумный человекъ, какъ пчела, изъ всего можетъ извлекать для себя поучительные уроки: но ничто не представляетъ такого (послѣ св. Писанія) обильнаго источника этихъ уроковъ, какъ природа, которая, какъ твореніе рукъ Божіихъ, есть отраженіе Его совершенствъ. *Небеса повѣдаютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвыщаетъ твердь.* Свящ. Писаніе, за нимъ отцы и учителя Церкви и всѣ мыслители охотно пользуются этимъ неизсякаемымъ источникомъ истинъ умозрительныхъ и нравственныхъ. Какія прекрасныя и возвышенныя наставленія извлекалъ изъ природы Господь нашъ Иисусъ Христосъ! Одною изъ особенностей Его ученія было именно превосходство уроковъ заимствованныхъ изъ природы. Въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, Онъ былъ неподражаемъ. Не думайте однако, чтобъ умѣнье пользоваться природой, какъ поучительной книгой въ обыкновенной жизни требовало необыкновенной способности. Природа — это книга, написанная рукою Творца такими четкими, выразительными и простыми буквами, что ее легко можетъ читать каждый, даже самый простой, безграмотный че-

ловѣкъ. Духовные уроки, при малѣйшемъ вниманіи съ нашей стороны, представляются въ природѣ почти сами собою, наирашиваются, такъ сказать, на наше вниманіе. «Нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія, на которомъ бы не былъ слышанъ голосъ небесъ проповѣдающихъ славу Божию» (Ис. 18, 1. 4). Невидимыя свойства Божіи — Его присносущная сила и Божество отъ самаго созданія міра всегда были видимы въ Его твореніяхъ (Рим. 1, 20). Оттого рѣчь каждаго человѣка, живущаго близко къ природѣ, всегда бываетъ полна мыслей и сравненій, заимствованныхъ изъ природы.

Но какъ ни велико значеніе природы съ этой стороны, не въ этихъ урокахъ, которые мы все-таки сами должны извлекать изъ природы, ея главное значеніе: высшая, воспитательная сила природы заключается въ эстетическомъ дѣйствіи ея на человѣка. Въ этомъ дѣйствіи человѣкъ съ своей стороны иногда не принимаетъ никакого участія, онъ даже не можетъ и защититься отъ него, еслибы даже и желалъ этого. Природа дѣйствуетъ на него безъ его воли, безъ его желанія, и притомъ такъ, что онъ даже и не сознаетъ этого дѣйствія и никогда не можетъ вполнѣ понять его: ея дѣйствіе таинственно и неотразимо. Съ природой мы связаны тысячью крѣпчайшихъ узъ; чувства наши такъ созданы, что служатъ лучшими проводниками въ душу впечатлѣній отъ природы. Посему можно сказать, что душа наша, какъ музыкальный инструментъ, настроена съ нею въ одинъ тонъ; оттого такъ обаятельно дѣйствуетъ гармонія природы на всякую неиспорченную душу; только долгое удаленіе отъ природы и постоянное вращеніе въ искусственной сферѣ ослабляетъ эти узы, которыми мы связаны съ природой, и разстраиваетъ это единеніе съ нею. Несравненная сила вліянія природы происходитъ еще отъ ея постоянства. Дѣйствіе того или другаго существа преходяще; дѣйствіе природы постоянно, не-

прерывно: человекъ погруженъ въ природу, онъ отвсюду объять ея и никогда не можетъ совершенно выйти изъ-подъ ея вліянія. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ будетъ видѣть надъ собой лазурь неба, днемъ озареннаго солнцемъ, а ночью усыпаннаго милліонами звѣздъ, подобно царской порфирѣ, украшенной драгоценными камнями. Даже въ центрѣ большаго города, гдѣ впечатлѣнія природы заслоняются и подавляются множествомъ предметовъ и впечатлѣній искусственной городской жизни, даже и здѣсь человекъ несомнѣнно лишень благотворнаго вліянія природы. Природа, такъ сказать, боязлива, тайкомъ прокрадывается въ душу городского жителя и своимъ животворнымъ вліаніемъ хоть сколько-нибудь ослабляетъ мертвящее дѣйствіе удушливой городской атмосферы. Такъ дыханіе весны, проникая сквозь отворенное окно, освѣжаетъ заразительный воздухъ бѣдной лачужки. Природа проникаетъ даже въ темницу узника, и золотой лучъ, прокрадывающійся въ его мрачное жилище, какъ взоръ состраданія озаряетъ отрадою его душу. Это благотворное дѣйствіе природы превосходно выражено въ одной прекрасной легендѣ. Подъ мрачными сводами съ мрачными лицами, отражавшими мрачные замыслы, сидѣли кардиналы и прелаты римской курии, замышляя убійство; вдругъ у отвореннаго окна, въ которое несло свѣжее дыханіе и аромать весны, на кустъ сирени стѣлъ пѣвецъ весны, соловей, и подъ мрачными сводами раздались его веселыя трели. Мгновенно преобразились мрачныя лица: морщины разгладились, во взорахъ засвѣтилась радость, свѣтлая улыбка заиграла на сухихъ, дотолѣ сжатыхъ губахъ; на минуту суровые судьи забыли о своихъ кровавыхъ замыслахъ, на минуту стали людьми. Увы! это чудное, освѣжающее паитіе было мимолетно! Пѣвецъ весны вспорхнулъ и улетѣлъ, съ нимъ улетѣло и очарованіе. Прелаты при-

няли свое увлеченіе за навожденіе сатаны и, оградивъ себя крестомъ, возвратились къ своимъ мрачнымъ замысламъ.

Чтобъ упрочить благотворное вліяніе природы, нужно если не совсѣмъ удалиться отъ шума городской жизни—что для многихъ невозможно, по крайней мѣрѣ какъ можно чаще нужно погружаться въ лоно природы. Съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ поворотомъ колесъ вашего экипажа, удаляющаго васъ отъ городского шума, вы болѣе и болѣе будете ощущать въ себѣ какъ бы перерожденіе. По мѣрѣ того, какъ будетъ затихать городской шумъ и васъ начнетъ охватывать тишина поля, лѣса, миръ начнетъ проникать въ вашу душу. Все, что волновало васъ въ стѣнахъ города, всѣ эти заботы, которыя давили васъ какъ кошмаръ, всѣ эти замыслы, страсти, вражды, которыя терзали васъ какъ коршунъ,—начнутъ исчезать, какъ мрачныя сновидѣнія, какъ ночные туманы, исчезающіе отъ лучей солнца. Многое, что казалось вамъ въ стѣнахъ города важнѣйшею задачею жизни, является теперь такимъ мелкимъ, ничтожнымъ, что вы не понимаете, какъ все это могло озабочивать, тревожить, волновать васъ. Даже горести смягчаются въ материнскихъ объятіяхъ природы. «Въ простомъ сближеніи съ природою, говоритъ Гумбольдтъ, — въ одномъ уже вольномъ воздухѣ заключается таинственная сила; вліяніе природы и радостно, и кротко; она освѣжаетъ и укрѣпляетъ утомленный духъ, успокоиваетъ сердце, печально потрясенное въ самой глубинѣ своей, или взволнованное напоромъ дикихъ страстей.»

Откуда эта чудная, животворная сила природы? «Строгій, торжественный характеръ, сопряженный съ этими душевными движеніями, говоритъ Гумбольдтъ, вытекаетъ изъ почти бессознательнаго чувства высшаго порядка и внутренней законности природы; онъ связанъ съ впечатлѣніями вѣчно повторяющихся созданій, отражающихъ въ каждой частности сво-

ей организаціи общій планъ; онъ обусловливается наконецъ контрастомъ чувственно безконечнаго, открываемаго звѣзднымъ небомъ, необозримой равниной, туманнымъ горизонтомъ океана, и собственной нашей ограниченностью, которую мы стремились побѣдить».

Прекрасно изображаетъ впечатлѣнія природы Григорій Нисскій. «Когда я вижу, говоритъ онъ, скалистый утесъ, доль или равнину, покрытую вновь выросшею травой и разнообразный нарядъ деревьевъ, а у ногъ своихъ лиліи, украшенная ароматомъ и блескомъ красокъ; когда я вижу вдали море, къ которому влечетъ мои взоры блуждающее облако, тогда душу мою охватываетъ тоска, соединенная съ чѣмъ-то пріятнымъ. Когда же осенью исчезнуть съ деревьевъ плоды, отпадутъ листья и сухо торчатъ вѣтви,—тогда, при этой вѣчно и правильно повторяющейся переменѣ, мы невольно погружаемся въ себя и приходимъ въ гармонію съ силами природы. *Кто проникъ въ нихъ зоркимъ окомъ, тотъ чувствуетъ всю ничтожность человека предъ величіемъ вселенной.*»

Гдѣ, въ какомъ бѣдномъ уголкѣ земли человекъ можетъ быть лишень этихъ высокихъ, святыхъ впечатлѣній? Не однѣ поразительныя картины природы, которыя, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ, даже слишкомъ мощно дѣйствуютъ на нашу слабую душу, поражаютъ и подавляютъ ее своимъ величіемъ и ослѣпляютъ блескомъ своей красоты, но и самыя простыя, обыкновенныя явленія и картины поражаютъ возвышенныя чувства. Что проще, обыкновеннѣе нивы, древеснаго листа, ландыша, ключа воды? А посмотрите, какія чувства пробуждаютъ эти простые и даже бѣдные предметы природы, въ чуткой душѣ, и не отца и учителя Церкви, каковъ Григорій Нисскій, а свѣтскаго поэта, вовсе не отличавшагося религіозностію и даже слишкомъ часто и много увлекавшагося вихремъ свѣта.

Когда волнуется желтѣющая нива,
 И свѣжій листь шумить при звукѣ вѣтерка,
 И прячется въ саду малиновая слива,
 Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
 Когда росой обрызганный душистой
 Румянымъ вечеромъ или утра въ часъ золотой
 Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
 Привѣтливо киваетъ головой;
 Когда студеныи ключъ играетъ по оврагу
 И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
 Лепечеть мнѣ таинственную сагу
 Про мирный рай, откуда мчится онъ:
 Тогда смиряется души моей тревога,
 Тогда расходятся морщины на челѣ.
 И счастье я могу постигнуть на землѣ,
 И въ небесахъ я вижу Бога.

Сближеніе съ природой можетъ развить эту чуткость души особенно въ женщинѣ, которой природа дала нѣжную организацію, бѣольшую тонкость чувства, нежели мужчинѣ.

Мнѣ кажется однако, что на губахъ моихъ читателей мелькаетъ улыбка недовѣрчивости. Вы съ такимъ одушевленіемъ отзываетесь объ эстетическомъ вліяніи природы, говорить эта улыбка, — къ сожалѣнію, опытъ совсѣмъ не подтверждаетъ вашихъ увѣреній. Наши ли свѣтскія женщины не сближаются съ природой? Посмотрите, съ какимъ нетерпѣніемъ онѣ весной спѣшатъ оставить городъ и уѣхать на дачу; но кажется нельзя сказать, чтобы природа особенно благотворно дѣйствовала на нихъ. — Увы! все это справедливо: справедливо, что наши свѣтскія женщины каждое лѣто проводятъ на дачахъ, въ нѣдрахъ природы, — справедливо также и то, что природа не обнаруживаетъ на нихъ почти никакого нравственнаго вліянія, какъ будто онѣ застрахованы отъ этого вліянія. Что это значитъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ всѣ эти наблюденія замѣ-

чательнѣйшихъ мыслителей и поэтовъ надъ эстетическимъ дѣйствіемъ природы, — пустая мечта или вздорный вымыселъ? Конечно нѣтъ. Дѣло въ томъ, что свѣтскія женщины, такъ близко живущія къ природѣ каждое лѣто, въ то же время весьма далеки отъ нея. Это, по видимому, противорѣчіе; а между тѣмъ это совершенно вѣрно. Присмотрите къ самому дѣлу къ дачной жизни нашихъ свѣтскихъ женщинъ: онѣ такъ сказать перевозятъ на дачу всю свою городскую жизнь съ всею ея пустотой, мелочностью, пошлостью и шумомъ. Оставивъ себя такимъ образомъ всеми принадлежностями и привычками городской жизни, онѣ укрываются за ними отъ вліянія природы, какъ за укрѣпленіями. Въмѣсто того, чтобы напимѣръ встать какъ можно ранѣе и насладиться свѣжестью утра и торжественнымъ моментомъ пробужденія природы, онѣ, какъ и въ городѣ, спятъ до 10 часовъ; потомъ, послѣ утренняго чая, потративъ еще добрый часъ на туалетъ и разодѣвшись съ изысканностью, совершенно неумѣстной и смѣшной въ деревнѣ, выходятъ наконецъ на воздухъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, вы думаете, онѣ углубятся въ чащу лѣса, будутъ всматриваться въ картины природы, влущиваться въ ея голоса, — ошибаетесь: для этого имъ не нуженъ бы былъ такой изысканный нарядъ. Нѣтъ, онѣ пойдутъ въ самое людное мѣсто дачи, чтобы, какъ говорится, людей посмотреть и себя показать. Вотъ смотрите: однѣ изъ нихъ выступаютъ съ изысканною осанкою, на лицѣ у нихъ до смѣшного натянутое выраженіе, такъ и видно, что онѣ очень хорошо помнятъ, что на нихъ смотрятъ; другія сидятъ и вымѣриваютъ глазами гуляющихъ, стараясь отыскать недостатки въ туалетѣ соперницъ и взоры ихъ выражаютъ то удовлетворенную гордость и злосную радость, если недостатки открывались, то зависть и досаду, если недостатковъ не отыскалось; инныя пустословятъ и слетничаютъ. Такъ прохо-

дѣть время до обѣда. Вечеромъ дачный балъ, музыка, танцы, фейерверкъ и проч. Утромъ всѣ встаютъ съ измятыми лицами, а многія еще и съ растерзанными сердцами и услаждаютъ слухъ своихъ бѣдныхъ мужей другой музыкой, которой тѣ до пресыщенія наслушались въ городѣ. Такъ вотъ каковы наши любительницы природы! Имъ совсѣмъ не до природы, онѣ ея не понимаютъ, и если какая нибудь изъ нихъ случайно прочтетъ эту статью, что весьма сомнительно, то всѣ эти размышленія о значеніи и вліяніи природы покажутся имъ дикими, относящимися къ какой нибудь другой планетѣ. Онѣ и ѣдутъ-то на дачу совсѣмъ не для природы, природа тутъ не причемъ. Однѣ ѣдутъ, потому что ѣдутъ другія, этого требуетъ обычай, мода; потому онѣ выбираютъ дачу непременно въ самыхъ людныхъ окрестностяхъ города; въ настоящую же деревню, тихую, удаленную отъ городского шума, онѣ ни за что не поѣдутъ потому что это не принято, и еще потому, что тамъ онѣ умрутъ отъ скуки. Жалкія созданія! Можетъ быть ни въ чемъ не выражается такъ ярко вся пустота, вся пошлость ихъ жизни, какъ въ этой дачной жизни, которую они величаютъ *наслажденіемъ природой*, сами не понимая, какая злая насмѣшка надъ ними самими заключается въ этомъ выраженіи.

Нѣтъ, природа — цѣломудренная дѣва: она боится городского шума. Если хотите ощутить благотворное ея вліяніе, хотите видѣть и слышать ее, то, оставляя городъ, отрясите прахъ его отъ ногъ своихъ, т. е. оставьте за собой всѣ эти искусственныя привычки, всю суету городской жизни, и съ благоговѣйною мыслию о Творцѣ природы погрузитесь въ ея лоно, и тогда всматривайтесь и велушивайтесь: тогда вы поймете ее, вы увидите ея прелесть, вы ясно услышите ея гармонію, вы полюбите ее, и ея животворящая сила изольется въ васъ. Правда, не вдругъ совершится

съ вами этотъ переворотъ: вдругъ ничто не дѣлается. Если вы слишкомъ долго находились подъ вліяніемъ городской суеты и успѣли порядочно загрязниться ею, то не вдругъ установится гармонія между вами и природой, и на первыхъ порахъ вы будете скучать въ деревнѣ. Вѣрнѣйшее средство какъ можно скорѣе сблизиться съ природой—сельскохозяйственныя занятія. Поговорите съ крестьяниномъ, съ садовникомъ, вы встрѣтите въ нихъ болѣе любви, болѣе пониманія природы, чѣмъ есть въ васъ, не смотря на то, что вы окончили курсъ въ какомъ нибудь институтѣ. Отчего это? Оттого, что они близки къ природѣ, оттого что они просятъ отъ нея даровъ и заботливо за ними ухаживаютъ. Она для нихъ мать кормилица, питающая ихъ своими сосцами. Каждая былинка, за которой они ухаживали, дорога имъ какъ родное дитя; между ими и этою былинкой устанавливается живая связь, какъ будто они слышатъ бѣненіе ея сердца. По этому, если вы такъ счастливы, что имѣете помѣстье, займитесь имъ: сбѣйте, садите, поливайте. Если нѣтъ помѣстья, такъ можетъ быть есть клочокъ лишней земли,—разведите садикъ и ухаживайте за нимъ. Если у васъ нѣтъ даже и клочка земли, поставьте у себя въ комнатѣ два, три горшечка съ цвѣтами.

Цвѣтокъ есть достойный представитель природы. Онъ имѣетъ въ себѣ особенную трогательную прелесть и грацію. Это частное воплощеніе Творческой мысли, такъ же какъ стихъ есть воплощеніе мысли поэта; это одинъ изъ лучшихъ стиховъ въ поэмѣ мірозданія. Пусть же онъ сдѣлается для васъ символомъ вашего союза съ природой. Заботьтесь о немъ, слѣдите за его развитіемъ, и между вами и имъ установится таинственный, симпатическій союзъ: вы полюбите его какъ живое существо и его цвѣтеніе будетъ живо радовать васъ. Когда начнетъ раскрываться его

вѣнчикъ, вамъ будетъ казаться, что предъ вами открывается и съ нѣжностью смотритъ на васъ глазъ милого существа. Конечно, это не болѣе какъ мечта; но это совсѣмъ не то, что мечты празднои свѣтской женщины. Эти мечты составляютъ поэзію, благоуханіе жизни; онѣ улаждаютъ наше сердце, а главное — вносятъ въ душу много добрыхъ чувствъ, много любви и нѣжности. Въ дѣшѣ, освѣжаемой подобными мечтами, нѣтъ мѣста злобнымъ чувствамъ и замысламъ. Полюбивъ цвѣты, эти привлекательныя, граціозныя существа, вы полюбите въ нихъ всю природу, полюбите все, въ чемъ есть искра жизни, полюбите и своихъ братій. Въ цвѣтахъ вы увидите лучшій урокъ женственности, — чистоты, невинности, нѣжности, скромности и женской граціи. Когда который-нибудь изъ вашихъ любимцевъ окончитъ свое краткое существованіе и склонитъ свою поблекшую головку, сердце ваше конечно наполнится грустію, но грустію тихою, сладостною. Вы почувствуете, что между жизнью его и вашею есть сходство, что и ваша жизнь не болѣе какъ жизнь однодневнаго цвѣтка предъ лицомъ вѣчности, въ сравненіи съ которой *и тысяща лѣтъ яко день единъ*.

Человѣкъ, яко трава, дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ (Пс. 102, 15).

Д. Д.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ. (*)

УШ. Паремія, положенная на вечернѣ въ среду великой чотыредесятницы. Быт. 4, 16—26.

Въ сей пареміи идетъ рѣчь о членахъ Каинова рода и о распространеніи благословеннаго племени въ лицѣ Сива и Эноса.

Гл. 4. ст. 16. И изыде Каинъ отъ лица Божія, и вселися въ землю Наидъ прямо Едему.

Каинъ до совершенія злодѣянія жилъ съ родителями въ странѣ Едемской. Здѣсь, какъ членъ общества вѣрныхъ Богу, хотя и согрѣшившихъ предъ Нимъ, онъ находился вмѣстѣ съ ними въ близкомъ общеніи съ Богомъ, и удостоивался лицезрѣнія Божія, ибо Богъ являлся ему въ чувственномъ, чловѣкообразномъ видѣ. Милосердый Господь, какъ солнце сіяющее на злыя и благія, явился *лицемъ* Своимъ Каину и тогда, когда сей замыслилъ совершить, и тогда, когда совершилъ злодѣяніе, и кротко обличалъ и вразумлялъ его. Теперь же за нераскаянность Каинъ отлученъ правосуднымъ Богомъ отъ общества вѣрныхъ Ему и вмѣстѣ съ симъ *отъ лица*, т. - е. отъ лицезрѣнія, *Божія*. Изгнанный изъ страны

(*) О предшествующихъ пяти пареміяхъ см. въ книжкахъ «Душен. Чтенія» 1866 г., и въ февральской и март. книжкахъ за 1867 г.

Едемской, онъ переселился не вдали отъ ней въ страну, которая отъ этаго переселенія и скитанія его въ ней по разнымъ направленіямъ названа *Наидъ*, что на Еврейскомъ языкѣ означаетъ землю странствованія.

17. И позна Каинъ жену свою, и зачещи, роди Еноха, и бѣ зиждй градъ: и именова градъ во имя сына своего, Енохъ.

И позна Каинъ жену свою. На комъ онъ былъ женатъ? На родной сестрѣ. «Въ тогдашнее время это не было преступленіемъ: потому что не было еще закона, которымъ бы такой союзъ былъ запрещаемъ. Иначе и невозможно было въ началъ размноженіе человѣческаго рода» (Феодор. на кн. Быт. вопр. 42.). Прибавимъ, что дѣвственная природа была тогда сильна и супружество родныхъ не могло имѣть нынѣшнихъ пагубныхъ послѣдствій, каковы безплодіе, рожденіе уродовъ, тупоумныхъ, глухонѣмыхъ.

Неизвѣстно, сколько у Каина было дѣтей, но видно, онъ очень любилъ Эноха, когда нарекъ его именемъ городъ, къ созданію котораго приступилъ. Въ древности городомъ называлось огражденное стѣной или валомъ пространство съ нѣсколькими палатками, или какими-нибудь другими жилими строеніями, больше похожее на крѣпость или острожекъ, чѣмъ на городъ—средоточіе промышленности. Такое же укрѣпленное мѣсто, конечно, хотѣлъ устроить и Каинъ. Къ созданію города Каинъ, вѣроятно, побуждаемъ былъ желаніемъ положить конецъ своей скитальческой жизни, на которую осужденъ Божескимъ правосудіемъ, и утвердить пребываніе въ одномъ мѣстѣ; но едвали онъ могъ исполнѣ успѣть въ этомъ, ибо не сказано, чтобъ онъ водворился въ своемъ городѣ, который притомъ онъ только началъ строить, *бѣ строяй*, предоставивъ окончаніе начатой постройки своимъ дѣтямъ и

внукамъ. Постройку города Каинъ могъ предпринять также для того, чтобы найти въ немъ безопасное убѣжище отъ людей, мщенія которыхъ продолжалъ страшиться, а вмѣстѣ для того, чтобы самому имѣть точку опоры при нападеніи на людей, ибо при неудачѣ въ земледѣліи онъ, вѣроятно, для прокормленія себя, прибѣгалъ къ грабежу. На Каиновъ городъ можно также смотрѣть какъ на попытку сдѣлать средоточіе соединенія для своего рода въ замѣнъ утраченнаго единенія съ Богомъ.

18. Родися же Еноху Гаїдадь: и Гаїдадь роди Малелеила: и Малелеиль роди Маусала.

Имена нѣкоторыхъ потомковъ Каина: Еноха, Малелеила и Маусала одинаковы съ именами потомковъ благочестиваго племени (Быт. 5, 13. 19. 22). Это показываетъ, что оба племени не чуждались одно другаго. Изъ потомковъ Каина Бытописатель съ особенною подробностію повѣствуетъ о Ламехѣ и его семействѣ, чтобы въ ихъ примѣрѣ представить сокращеніе склонностей и пороковъ всего племени.

19. И взя себѣ Ламехъ двѣ жены: имя единой, Ада, и имя вторѣй Селла.

Вопреки первоначальному закону брака (Быт. 2, 24) Ламехъ первый показалъ примѣръ многоженства. Видно, онъ не уважалъ нравственнаго значенія супружескаго союза и смотрѣлъ на него только какъ на средство быстрѣйшаго размноженія рода ^(а) и удовлетворенія чувственности. «Подобное несовершенство брака терпимо было въ патріархахъ (послѣ потопа), но тогда, когда жизнь человѣческая примѣтнымъ образомъ сократилась, а вѣра Патріарховъ и самое смотреніе Божіе требовали скорого размноженія избраннаго племени». (Зап. на кв. Быт.).

(а) По Іосифу Флавію, у него отъ двухъ жень было 77 сыновей.

20. И роди Ада Ювила: сей бяше отецъ живущихъ въ селеніихъ скотопитателей.

Начало пастушескаго рода жизни положено было еще Авелемъ. Изобрѣтеніемъ Ювила можно почитать только соединеніе ея съ кочеваніемъ. *Селенія скотопитателей*, это кущи или палатки. Перегоняя стада съ одного мѣста на другое по мѣрѣ потревы пастбищъ, скотопитатели стали переносить и свои палатки и ставили ихъ при стадахъ. Такое кочеваніе благопріятствовало размноженію стадъ, а вмѣстѣ съ симъ корыстолюбію ихъ хозяевъ и сластолюбію: не мудрено, если они, вопреки первоначальному закону о пищѣ (Быт. 1, 29.), стали употреблять мясную пищу.

21. И имя брату его Іуваль: сей бяше показывый пѣвницу и гусли (точнѣе съ еврейскаго: арфу и свирль).

Іуваль былъ изобрѣтателемъ струнныхъ и духовыхъ музыкальныхъ орудій и игры на нихъ. Музыка употребительна была при ветхозавѣтномъ богослуженіи и Псалмопѣвецъ приглашаетъ хвалить Бога игрою на разныхъ музыкальныхъ орудіяхъ (Пс. 150). Но потомки Каина употребляли музыку, безъ сомнѣнія, не для хвалы Господу, а для одного чувственнаго веселія.

22. Селла же и тая роди Фовела: сей бяше платобіецъ ковачъ мѣди и желѣза, сестра же Фовелова, Ноема.

До изобрѣтенія Фовелова сосуды и орудія приготовляемы были изъ дерева и камня. Фовель нашель болѣе пригодными для многихъ издѣлій желѣзо и мѣдь, по большей ихъ прочности и твердости. Видно, что онъ очень хорошо изучилъ свойства этихъ металловъ, умѣлъ разработывать желѣзную и мѣдную руду, изобрѣлъ литейное и плавильное искусство.

Кромѣ орудій домашнихъ и земледѣльческихъ, Оувель изъ мѣди и желѣза, вѣроятно, выдѣлывалъ мечи и копья для нападенія на людей и для отраженія ихъ.—*Сестра же Оувелова Ноема. Ноема* значитъ прекрасная. По одному этому имени догадываются, что она первая употребляла красоту для обольщенія слабыхъ и вмѣстѣ была изобрѣтательницею тѣхъ женскихъ нарядовъ и украшеній, которыя служатъ къ возвышенію природной красоты искусственнымъ образомъ.

23. Рече же Ламехъ своимъ женамъ: Ада и Селла, услышите гласъ мой жены Ламеховы, внушите моя словеса, яко мужа убихъ въ язву миѣ и юношу въ струѣ миѣ.

Ламехъ говоритъ женамъ, что побои, слѣды которыхъ онѣ видятъ на его тѣлѣ, получены имъ въ борьбѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ убилъ. Неизвѣстно, кто былъ этотъ молодой человѣкъ, но достоверно, что при убійствѣ его употреблено было то металлическое оружіе, изобрѣтателемъ котораго былъ сынъ его Оувель. Хвалясь злодѣйствомъ предъ своими женами, Ламехъ въ тоже время тщеславится изобрѣтательностію своего сына. Въ еврейскомъ текстѣ эти слова Ламеха представляютъ стихотворный складъ. Вѣроятно они составляютъ отрывокъ изъ древней пѣсни, которая дошла до временъ Бытописателя. Можетъ быть Ламехъ самъ былъ изобрѣтателемъ стихотворнаго искусства, и какъ изобрѣтатель не уступалъ превосходства своимъ даровитымъ сыновьямъ.

24. Яко седмицею отиистися отъ Каина, отъ Ламеха же семьдесятъ седмицею.

Жены Ламеховы могли тревожиться опасеніемъ потерять мужа, которому за убійство угрожало мщеніе отъ родствен-

никовъ убитаго. Ламехъ успокоиваетъ ихъ, увѣряя, что онъ безопаснѣ Каина. «Если за смерть Каина произнесено угроженіе седмикратнымъ мщевіемъ виновнику ея, то моя жизнь несравненно дороже въ очахъ Божіихъ, и тому, кто дерзнетъ убить меня, грозитъ наказаніе несравненно тягчайшее, чѣмъ тому, кто подвѣялъ бы убійственную руку на Каина, ибо и вина моя несравненно легче вины Каина. Вѣдь я убилъ не брата роднаго, а чуждаго мнѣ по крови и самъ притомъ получилъ раны въ борьбѣ съ нимъ.» Разсужденіе Ламеха отзывается кощунствомъ, или глумленіемъ и надъ милосердіемъ Божіимъ, на которое онъ будто бы имѣетъ особенное право, словно любимецъ Божій, и надъ Божіимъ правосудіемъ, какъ будто Богъ несправедливо поступилъ бы, если бы допустилъ кому-нибудь отомстить Ламеху за убійство.

Этимъ заканчивается повѣствованіе Моисея о Каинѣ и его потомкахъ. Конецъ повѣствованія представляетъ поразительное соотвѣтствіе съ началомъ. Родоначальникъ нечестиваго племени совершилъ убійство, а потомки его воспѣваютъ, прославляютъ въ стихахъ убійство. Каинъ-убійца по крайнѣйшій мѣрѣ снѣдаемъ былъ угрызениями совѣсти, Ламехъ заглушилъ въ себѣ совѣсть, и не только хвалится убійствомъ, но еще глумится надъ Богомъ. До большей степени нечестіе не могло достигнуть.

Не продолжая исторіи нечестиваго племени, Бытописатель обращается теперь къ исторіи благословенной части Адамова потомства; въ ней заключается хранилище будущности человѣчества, и потому Моисей представляетъ подробно родословіе тѣхъ, которыхъ Господь избралъ для сохраненія обѣтованія о Сѣмени жены, побѣдителя діавола.

25. Позна же Адамъ Еву жену свою, и заченши роди сына: и именова имя ему Сивъ, глаголющи:

воскреси бо ни Богъ сѣмя другое вмѣсто Авеля, егже уби Каинъ.

Для продолженія благословеннаго племени Богъ даетъ прародителямъ вмѣсто Авеля другаго сына. Мать называетъ его Сиеомъ, что значить *замына*, и сама объясняетъ смыслъ этого имени: *воскреси бо*, т. е. возставиль, *ми Богъ сѣмя другое вмѣсто Авеля*.

26. И Сноу бысть сынъ: именована же иня ему Еносъ: сей упова призывати имя Господа Бога.

Упова призывати имя Господа Бога. Понятнѣе и точнѣе съ еврейскаго текста: «тогда началось призываніе Іеговы» (еврейское наименованіе Господа). Судя по тому, что выраженіе: «призвалъ имя Іеговы» употреблено о жертвоприношеніяхъ Авраама въ Веилѣ (Быт. 12, 18; 13, 4.), должно думать, что идетъ рѣчь объ отправленіи богослуженія въ честь и славу истиннаго Бога.—*Началось*. Изъ сего не слѣдуетъ заключать, чтобы прежде люди не совершали богослуженія, — противное доказываютъ жертвы Авеля и Каина, которыя были приносимы по наученію и примѣру Адама и, безъ сомнѣнія, соединяемы были съ призываніемъ имени Господа. Со времени Еноса *началось* собственно *общественное* богослуженіе, болѣе торжественное, чѣмъ частное или домашнее, вслѣдствіе чего общество чтителей истиннаго Бога явственно начало отдѣляться отъ общества нечестивыхъ потомковъ Каина, забывшихъ о Богѣ, и помышлявшихъ только объ однихъ житейскихъ выгодахъ и удовольствіяхъ.

Свящ. В. Нечаевъ.

БОРЬБА ВѢРЫ СЪ НЕВѢРІЕМЪ.

СЛОВО ВЪ НЕДѢЛЮ 6-Ю ПО ПАСХѢ.

•Отвѣща чловѣкъ и рече имъ: о семъ бо дивно есть, яко вы не вѣсте, откуда есть, и отверзете очи мои... Иоан. 9, 30.

Въ евангельской исторіи объ исцѣленіи слѣпорожденного Господомъ Иисусомъ Христомъ изображена борьба разумной вѣры съ упорнымъ невѣріемъ по поводу сего чуда (Иоан. 9, 1—35). Благовѣстникомъ вѣры является нищій, не получившій никакаго образованія, мало знакомый съ жизнію и людьми, слѣпорожденный, только что въ первый разъ увидѣвшій свѣтъ солнечный, впрочемъ, по всей вѣроятности, еще прежде того просвѣщенный благодатнымъ свѣтомъ Божиимъ (Иоан. 9, 3), и потому сподобившійся чудодѣйственной помощи Божіей.

Поборниками невѣрія въ семъ дѣлѣ становятся книжники и фарисеи съ своею ученостью, съ умомъ испытательнымъ (Иоан. 9, 15). По строгомъ всестороннемъ, повидимому, изслѣдованіи дѣла, они сначала выражаютъ сомнѣніе относительно святости лица, совершившаго его, потомъ продолженіемъ слѣдствія стараются запутать и затмить дѣло, само себя защищавшее явно, смѣшать вопросами и запутать свидѣтеля истины; во имя Божіе требуютъ отъ него отвѣтовъ и показаній согласныхъ съ ихъ желаніями, но не получивши

требуемаго, рѣшаются на отчаянное, хотя въ подобныхъ случаяхъ не необыкновенное средство, — привести въ подозрѣніе дѣйствительность очевиднаго для всѣхъ событія, свидѣтельствующаго о всемогуществѣ Господа Іисуса Христа.

Благовѣстникъ вѣры защищаетъ истину спокойно, безстрашно, съ достоинствомъ, съ полнымъ самообладаніемъ и побѣдоносно.

Невѣріе глубоко чувствуетъ свое пораженіе, раздражается и прибѣгаетъ къ послѣднимъ средствамъ своей обороны и нападенія на истину, — къ личнымъ оскорбленіямъ, униженію свидѣтеля истины и насилію. «Во грѣсѣхъ ты родился еси вель, и ты ли ны учиши? и изгваша его вонь».

Таковъ всегда былъ и есть образъ дѣйствованія невѣрія. Подъ предлогомъ изслѣдованія истины оно всегда старается затмить ее, и для прикрытія незаконныхъ своихъ дѣйствій обыкновенно возстаетъ съ враждою противъ защитниковъ истины.

Невѣріе есть болѣзнь духа, неестественное состояніе ума, въ которомъ онъ непременно хочетъ видѣть глазами то, что по природѣ своей не подлежитъ видѣнію, и не хочетъ видѣть то, что у него на глазахъ, или видя отрицаетъ видимое, какъ бы не довѣряя своимъ глазамъ. Болѣзнь сія постоянно показывалась въ нѣкоторыхъ людяхъ во все время. Но какъ въ вещественномъ мірѣ бываютъ повѣтрія, производящія повальныя болѣзни, нѣчто подобное тому бываетъ и въ духовной природѣ. Бываютъ времена, когда недугъ невѣрія дѣйствуетъ какъ повальная болѣзнь. Такъ было предъ потопомъ (Быт. 6, 3), такъ бывало и послѣ въ разныя времена, такъ будетъ и предъ кончиною міра (Мѡ. 24, 37. Лук. 18, 8).

Всякое время имѣетъ свой духъ, владычествующій надъ умами людей покорныхъ ему и дающій направленіе воли. Сей-

то духъ времени воспитываетъ и поддерживаетъ невѣріе, ослѣпляя разумъ, во еже не возсіати имъ свѣту истины. Духъ нашего времени есть духъ необузданнаго стремленія къ самоуправной, ничѣмъ не стѣсняемой свободѣ и мечтательному земному благоденствію и довольству общему и неизмѣнному до забвенія о другихъ высшихъ цѣляхъ бытія, стремленія, не всегда разборчиваго въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей. Самое сильное сопротивленіе сія неправильныя стремленія встрѣчаютъ въ святой вѣрѣ, которая строго ограничиваетъ ихъ закономъ нравственнымъ и указаніемъ высшихъ цѣлей бытія нашего. Чтобъ ослабить сіе сопротивленіе, духъ вѣка усиливается воспитать и распространить невѣріе. Духъ времени, какъ духъ міра, есть духъ переходящій и измѣнчивый, какъ и самый міръ, отъ котораго онъ происходитъ; его владычество ограничивается тѣсными предѣлами извѣстнаго времени; но и въ сихъ тѣсныхъ предѣлахъ онъ никогда не можетъ превозмочь духа истины, который отъ Бога; а потому нечего бы много опасаться его. Но онъ можетъ увлекать и губить слабыхъ, какъ и дѣйствительно увлекаетъ и губить, и потому должно всеми силами противодѣйствовать вреднымъ его направленіямъ.

Одна изъ святѣйшихъ обязанностей христіанина есть подвизаться въ вѣрѣ и за вѣру, утверждать ея владычество въ себѣ и во всѣхъ, въ комъ можемъ, и защищать ее отъ всѣхъ нападеній невѣрія. Чѣмъ и какъ защищать? Можно, конечно, и должно защищать ее словомъ; орудія нападенія бываютъ также орудіями и защиты. Защита словомъ особенно полезна противъ сомнѣнія незлонамѣреннаго, не такого, какое обнаружили фарисеи и книжники при допросѣ слѣпорожденнаго (Іоан. 9, 29), а сомнѣнія, ищущаго осторожно истины и осмотрительно принимающаго ее. Но невѣріе рѣдко бываетъ доступно убѣжденію слова истины. Хотя обыкновен-

но оно требуетъ доказательствъ и свидѣтельствъ очевидныхъ (Матѳ. 27, 40. 42; 12, 38. Мар. 8, 1. Лук. 11, 16. 30), но ни доказательствами, ни свидѣтельствами не убѣждается, хотя бы свидѣтельства и доказательства представилъ ему кто изъ мертвыхъ воскресшій (Лук. 16, 31). «Покажи мнѣ хотя одного воскресшаго изъ мертвыхъ, чтобы увидѣть и повѣрить,» говорилъ невѣрующій Автоликъ Теофилу епископу антиохійскому. «Я можетъ быть показалъ бы тебѣ, отвѣчалъ Теофилъ, мертвеца, который воскресъ, еще живъ, но ты и этому не повѣришь» (Теоф. къ Автол. кн. 3-я, гл. 13). Притомъ не всѣ могутъ защищать вѣру словомъ, ибо не всѣмъ дано слово премудрости и разума (1 Кор. 12, 8).

Въ первыя времена христіанства, когда вѣра Христова должна была бороться съ невѣріемъ всего міра, ничто столько не способствовало къ утверженію ея владычества во вселенной и къ низложенію языческаго невѣрія, какъ глубокое убѣжденіе самихъ христіанъ въ истинѣ и святости ея, сопровождавшееся непоколебимою твердостью въ исповѣданіи ея. Вѣра составляла жизнь ихъ (Гал. 2, 19. 20), обнимала и проникала всѣ силы духа ихъ, владычествовала надъ умомъ и волею, обнаруживалась въ чувствованіяхъ, выражалась въ бесѣдахъ, полагала свою печать на все, что входило въ жизнь христіанъ, на трудъ, покой, удовольствія, пищу, одежду, жилища. Присмотритесь къ повседневному домашнему быту древнихъ христіанъ: его освящала постоянная молитва, съ молитвою и крестнымъ знаменіемъ принимались они за всякое дѣло, молитвою и оканчивали его; они трудились постоянно, но не для пріобрѣтенія или умноженія имущества на предметы роскоши и прихотливости, а для избѣжанія праздности и, по заповѣди апостола, да имутъ подавать требующимъ (Еф. 4, 28); ихъ труды были не средства къ прибытку, а дополненіе къ дѣламъ благочестія; во время труда въ будни,

и отдохновенія въ праздники ихъ бесѣды не были многорѣчивы и шумны, но тихи и скромны, чужды празднословія, злословія и смѣхотворства, исполнены назиданія, проникнуты духомъ благочестія; они любили пѣніе, но пѣніе псалмовъ и другихъ священныхъ пѣсней, которыми они освящали и облегчали домашнія работы, и отражали праздные помыслы; любили чтеніе, но чтеніе слова Божія, повѣствованій о подвигахъ вѣры и благочестія предковъ и современниковъ своихъ. Всякій домъ былъ малая церковь, и Христось посредѣ ея. Всмотритесь въ жизнь ихъ: строгая чистота нравовъ, цѣломудріе, простирающееся на самыя мысли, правда въ словѣ и дѣлѣ, высокая честность въ частныхъ сношеніяхъ и общественной дѣятельности, человѣколюбіе не лицемерное и безкорыстное, благотворительность отъ чистаго сердца, уваженіе, покорность къ закону и законной власти для Господа, воздержаніе отъ всякаго рода излишествъ, скромная простота и неизысканность въ жилищахъ, пищѣ и одеждѣ были общими качествами древнихъ христіанъ. Святая вѣра освящала всю ихъ домашнюю и общественную дѣятельность. Духъ Христовъ вѣялъ повсюду. Св. Теофилъ Антиохійскій въ концѣ 2-го вѣка писалъ къ невѣрующему Автолику о христіанахъ такъ: «у нихъ соблюдается цѣломудріе и воздержаніе, сохраняется чистота, истребляется неправда, искореняется грѣхъ, уважается справедливость, почитается законъ, совершается Богопочтеніе, Богъ исповѣдуется, истина господствуетъ, благодать сохраняетъ ихъ, миръ ограждаетъ, Слово Божіе руководитъ, мудрость учитъ, Богъ царствуетъ». (Кн. 3, гл. 15.) Оттого сила вѣры сдѣлалась непобѣдимой. Противъ нея воздвигли страшную брань земная мудрость, человѣческія страсти, невѣріе и суетвѣріе народовъ, могущество владыкъ земныхъ; насмѣшку и клевету, соблазнъ и позоръ, огонь и мечъ употребляли оружіемъ противъ нея; ее хотѣ-

ли сжечь огнемъ, утопить въ водѣ, залить кровію ея исповѣдниковъ: но она, безоружная, беззащитная, побѣдила міръ. преклонила подъ свою власть кесарей и мудрецовъ, попрамила суевѣріе, вразумила и просвѣтила невѣріе. *Сія есть побѣда побѣдившая міръ, въра наша* (1 Іоан. 5, 4). Самымъ сильнымъ оружіемъ сей побѣды была жизнь христіанъ, въ которой свѣтло сіяла истина и святость вѣры, и которую они охотно приносили въ жертву святой вѣрѣ.

Можемъ ли мы видѣть въ себѣ, въ нашей жизни, въ нашихъ правилахъ и дѣлахъ тѣхъ же христіанъ, которыхъ вѣра дѣйствовала такъ побѣдоносно на вооруженное и владычествовавшее тогда невѣріе? Можно ли объ насъ сказать, что мы живемъ вѣрою Сына Божія, возлюбившаго насъ и предавшаго себя за ны? Духъ Христовъ благоухаетъ ли въ нашихъ мысляхъ, располагаетъ ли нашу волю, владычествуетъ ли въ нашемъ сердцѣ? Сохранилась ли печать вѣры на нашихъ обычаяхъ, занятіяхъ, на нашей домашней и общественной жизни, въ нашихъ жилищахъ, пищѣ и одеждѣ? Ищемъ ли въ вѣрѣ освященія нашимъ земнымъ радостямъ, нашимъ связямъ, нашимъ бесѣдамъ, всей нашей жизни?

Еслибы мы все это находили въ себѣ, то наша жизнь послужила бы лучшимъ врачествомъ противъ недуга невѣрія, дѣйствующаго въ мірѣ по духу вѣка сего. Ибо жизнь назидаетъ и молча, и поученіе ея сильнѣе всякаго человѣческаго слова (Исид. Пелус. Достоп. сказ. о под. св. отц. стр. 92. 1).

Вѣра сильная, живая не можетъ и не должна потаенно скрываться въ сердцѣ: это свѣтильникъ жизни, ему надобно быть на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ. Отсюда сама собою возникаетъ обязанность исповѣданія вѣры.

Мы исповѣдуемъ вѣру откровенно, необязанно подъ покровительствомъ закона гражданскаго, и не только не подвергаемся ответственности за сіе, какъ это было въ первыя

времени христіанства, но скорѣе можетъ подвергнуться сей отвѣтственности тотъ, кто бы сталъ открыто говорить, или писать противъ вѣры. Тѣмъ не менѣе и въ наше время есть подвигъ исповѣдничества, и подвигъ сей весьма важенъ. Невѣріе не преслѣдуетъ святу ю вѣру властію; нѣтъ въ его рукахъ ни меча, ни огня, ни колесъ, ни бичей; но оно нападаетъ на вѣру словомъ, смущаетъ ложными сужденіями, обольщаетъ, какъ змій искуситель, обманчивыми надеждами, увлекаетъ приманкою свободнаго пользованія земными удовольствіями и, опираясь на ложно понимаемое достоинство разума и неправильные выводы изъ опытовъ и наблюденій надъ природою, осмѣиваетъ и унижаетъ благоговѣнно чтущихъ святу ю вѣру. Противъ сихъ-то козней невѣрія, поддерживаемаго духомъ времени, долгъ христіанина требуетъ стоять крѣпко, препоясавши чресла истиною, мужественно подвизаться за дѣло вѣры, и не щадить заблужденій своего времени, какими бы они не прикрывались покровами, и подъ какими бы ни являлись благовидными названіями. Эта обязанность не на однихъ пастырей и учителей церкви падаетъ исключительно; если вѣра и блага, ею даруемая, суть достояніе всѣхъ, то и охраненіе вѣры есть обязанность всѣхъ. При томъ невѣріе большею частію избѣгаетъ встрѣчи съ пастырями и учителями церкви; оно обыкновенно лучше любить являться въ такихъ обществахъ, бесѣдовать съ такими лицами, которыя на дѣло вѣры смотрятъ какъ на что-то имъ чужое, равнодушно; встрѣчаемое ими снисходительно, невѣріе увлекаетъ ихъ своею взаимною снисходительностію къ ихъ страстямъ, порокамъ и слабостямъ, и такимъ образомъ мало по малу распространяется въ обществѣ. Всѣ пороки и заблужденія въ обществѣ дѣйствуютъ какъ заразительныя болѣзни; если не встрѣчаютъ противодѣйствія сильнаго и общаго, то отъ одного лица непримѣтно переходятъ къ

другимъ; встрѣченныя свиходительно или равнодушно въ обществѣ, начинаютъ выказываться свободно, небоязненно, возрастають, распространяются, отъ частаго появленія перестаютъ казаться ужасными и отвратительными, незамѣтно прививаются и къ тѣмъ, которые прежде осуждали или отвращались ихъ. Такъ распространяется всякій порокъ, всякое зло въ обществахъ. Невѣріе есть порокъ сердца и вмѣстѣ ума; вездѣ и всегда распространялось оно отъ слабости противодѣйствія, и производя развращеніе сердца и нравовъ, отъ него получало и само силу. Отсюда становится ясно, сколь важно искреннее исповѣданіе вѣры для того, чтобы противодѣйствовать невѣрію. Тамъ невѣріе не смѣетъ высказываться, гдѣ видитъ, что на него смотрятъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, какою бы оно ни прикрывалось благовидною внѣшностію; въ тѣхъ благочестивыхъ семействахъ, гдѣ не стыдятся исповѣдывать Распятаго, гдѣ и слова и правила, и принятыя обычаи всѣмъ свидѣтельствуютъ явно о благоговѣйномъ поклоненіи Ему, никто не осмѣлится произнести слово оскорбительное для святости вѣры Христовой.

Такъ какъ общества слагаются изъ семействъ, то и общественная жизнь есть выраженіе или развитіе тѣхъ направленій, какія даются въ семейной жизни; изъ жизни семейной жизнь общественная развивается какъ дерево изъ сѣмени. Посему благоговѣйную любовь къ вѣрѣ и мужественную твердость въ исповѣданіи ея должно прежде всего водворять въ семействахъ, чтобы оттуда онѣ переходили въ жизнь общественную. Это важнѣйшая задача воспитанія, — выполненіе этой задачи лежитъ прежде и больше всѣхъ на васъ, отцы и матери. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Рождественскій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ВНУТРЕННЕЙ, ВНѢШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ

МОЛИТВѢ. ^{а)}

1. Чѣмъ влечется жаждущій *елень на источники водные?* Тѣлесною потребностью, вещественными условіями своей жизни, тѣмъ, что мы въ себѣ назвали бы внѣшнею стороною бытія нашего. Справедливо что *еще желаетъ и душа наша къ Богу* (Ис. 41. 2), но совсѣмъ другое нѣчто влечетъ ее къ Нему, не зависящее отъ нашей телесной жизни, и принадлежащее къ другому кругу или роду ощущеній, который, за неимѣніемъ болѣе точнаго слова, мы называемъ внутреннимъ міромъ. Сіе внутреннее и есть, такъ сказать, сѣдалище молитвы, безъ него и внѣ его она невозможна и не мыслима. Совершаясь внутри существа нашего, она потому самому есть молитва внутренняя, тайная, мысленная, умственная или умная, какъ называютъ ее люди, по преимуществу упражнявшіеся въ ней. Она есть занятіе, дѣемое въ умѣ, или «умное дѣланіе» человѣка, какъ называютъ

(а) Въ первыхъ четырехъ книжкахъ Душев. Чтенія за 1866-й г. помѣщены рассказы: «пять дней на святой землѣ.» Въ непродолжительномъ времени появится въ свѣтъ, принадлежащее автору этихъ прекрасныхъ рассказовъ собраніе «Словъ и бесѣдъ на праздничные дни св. четырехдесятницы и пятидесятницы», печатаемыхъ въ настоящее время подъ наименованіемъ *Круга подвижныхъ праздниковъ церкви.* 1-й томъ собранія, содержащій проповѣди на четырехдесятницу, выйдетъ изъ печати вторымъ изданіемъ въ концѣ мая, а второй на пятидесятницу въ концѣ будущаго іюля. Предлагаемая вниманію читателей статья о молитвѣ составляетъ извлеченіе изъ втораго тома.

ее тѣ же святые мужи, есть невидимая, нечувственная, безмолвная безвидная бесѣда человѣка съ Богомъ, и состоитъ въ «помыслахъ или божественныхъ движеніяхъ чистаго сердца и мысли», которыя, по выраженію подвижниковъ, суть «гласи кротцы, имиже благочестивыя души Тайному тайно поють» (Добротол. част. 2. гл. 38.) Она есть непрестающее возведеніе или возношеніе всѣхъ силъ души къ Богу, какъ бы постоянное мысленное «хожденіе предъ Богомъ», предстояніе Ему, созерцаніе Его, величавіе Его, поклоненіе Ему, равноангельное выну-видѣніе лица Его. Начинаясь въ умѣ, она проникаетъ во всѣ душевныя силы человѣка, объемлетъ собою все существо его, и дѣлаетъ его *исполненнымъ очесъ кругомъ*, носящимъ въ себѣ *духъ жизни, воздвигающимся отъ земли*, въ соотвѣтствіе таинственному движенію на небесахъ міроправительнаго престола Господа славы, чуднымъ образомъ *шествующимъ на четыре страны, и не обращающимся* (Іезек. 1, 15—21). «Егда бо кто достигнетъ сего, къ концу всѣхъ добродѣтелей dospѣ; и прочее жилище св. Духа есть, бываетъ душа его прежде смерти ангель», такъ отзываются объ истинной *молитвѣ ума* знающіе ее.

Братія! Та ли это молитва, которою мы молимся? Не другая ли она, предоставленная однимъ отшельникамъ, однимъ великимъ подвижникамъ, молящимся за весь міръ? Нѣтъ. Двухъ молитвъ нѣтъ, какъ нѣтъ у человѣка двухъ душъ. Но что же недоумѣваемъ и какъ бы страшимся передъ высотой своей молитвы мы, призванные къ общенію съ Богомъ? Для насъ не можетъ быть ничего уже высокаго и недоступнаго послѣ того, какъ самъ Богъ запечатлѣлъ насъ своимъ Духомъ, непрестанными *неизглаголанными воздыханіями ходатайствующимъ о насъ* (Рим. 8, 26). Ахъ, еслибы только услышать сіи божественныя воздыханія! Тогда не убоялся бы никакой высоты, а напротивъ взыскалъ бы ея, и чѣмъ она выше, тѣмъ охотнѣе устремился бы къ ней. *Господи! Воздвигни въ насъ силу твою, и приди во еже спити насъ* (Пс. 79, 3).

2. Когда такое, почти исключительное, значеніе въ жизни христіанина имѣетъ молитва внутренняя, что сказать о

такъ называемой внѣшней, которую, въ противоположность молитвѣ умной, называютъ еще устной, потому что главнымъ образомъ она совершается при участіи устъ? То, что она есть съ одной стороны конецъ или завершеніе молитвы внутренней, — *отъ избытка бо сердца уста глаголютъ*, сказалъ Господь (Мат. 12, 1 34), отъ полноты внутренняго хваленія и чувстваванія происходитъ славословіе устъ и поклоненіе тѣла, съ другой стороны—въ свою очередь — ея начало: потому что есть первое и побудительнѣйшее средство расположить къ ней душу. Мысль человѣческую занимавшіеся самоиспытаніемъ люди уподобляютъ птицѣ, постоянно перелетающей съ мѣста на мѣсто. Какъ бы ни сильно возбуждена была чѣмъ вибудь душа, но если мысль о возбуждившемъ предметѣ постоянно уносится отъ него, то и самое возбужденіе слабѣетъ до того, что наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Ее удерживаетъ при немъ слово. Слово собираетъ умъ, движетъ, останавливаетъ, привлекаетъ, направляетъ, руководитъ имъ, однимъ словомъ: подчиняетъ себѣ душу. Такъ робѣющій челоуѣкъ придаетъ себѣ мужество своимъ собственнымъ голосомъ. Стихъ церковной пѣсни, пропѣтый по привычкѣ, не намѣренно, вдругъ даетъ иногда богомысленное настроеніе челоуѣку въ самыя «веселія», какъ ихъ называютъ, минуты. И одно ли слово такъ дѣйствуетъ? Нѣтъ, а и многія изъ движеній тѣла, которыя также называютъ языкомъ души. Подними къ небу руки твои, говорятъ учителя молитвы, и ты поднимешь свои мысли. Склони чело твое къ персти земной, и ты упадешь съ высоты превозношенія. Приложи къ сердцу руку твою, и оно изнесетъ вздохъ сокрушенія. Теплота сердца отверзаетъ уста, какъ бы стремясь выйти ими вонъ, когда есть избытокъ ея въ душѣ. Уста, въ свою очередь, своимъ словомъ толкутъ въ дверь сердца, и вносятъ въ него теплоту, когда ея недостаетъ душѣ. Такой круговоротъ есть самое обыкновенное явленіе въ духовной жизни нашей.

Братія! Великое приобрѣтеніе или великое лишеніе несетъ намъ съ собою *молитва устная*. Обыкновенно она бываетъ не наша собственная, не нами сложенная, а чужая, готовая, заимствованная у Церкви. Такимъ образомъ то, что

излилось изъ одной души, очищенной и освященной великимъ и труднымъ подвигомъ, достается другой душѣ даромъ, вводить ее въ чужой трудъ или лучше въ воздаяніе за чужой трудъ.. Высокая и блаженная доля! Бываютъ дѣйствительно чудныя переменѣны въ сердцѣ иногда отъ одного слова молитвы, проникнутой духомъ великаго боголюбца. Но бываетъ и совсѣмъ напротивъ. Чужое слово, не находя себѣ никакого созвучія въ душѣ, пролетаетъ сквозь нее, не оставляя по себѣ никакого слѣда, бываетъ *яко мѣдъ звѣнцая или кимвалъ звяцаый* (1 Кор. 13, 1). Между тѣмъ человѣкъ думаетъ, что онъ молится, и привыкаетъ такимъ образомъ въ молитвѣ видѣть одно упражненіе языка, одинъ обрядъ, часто тяжелый и непріятный, обыкновенно бесполезный, а иногда и прямо вредный для его духовной жизни. Говорить ли о томъ, какъ рѣдко насъ молитва внѣшняя приводитъ ко внутренней, и какъ часто, напротивъ, и внутренняя въ самомъ началѣ своемъ у насъ спѣшитъ перейти во внѣшнюю, и перешедши, немедленно разсѣяться? Но говорить и ничего не дѣлать, не есть ли и это также одно напрасное упражненіе языка?.

3. Собравшимся во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семъ на общую молитву, вѣрующимъ можетъ показаться страннымъ вопросъ: что намъ думать о сей самой общей или общественной молитвѣ? Но за стѣнами молитвенныхъ собраній слышится же подобный вопросъ. Не обойдемъ его и мы. Молитвы *умной* и молитвы *устной*, говорятъ намъ, развѣ недостаточно къ тому, чтобы изъ нихъ составилаь полная и вседостаточная *молитва христіанская*? Къ чему еще существуетъ и заповѣдуется молитва *общественная*? Для чего воздвигаются всенародныя молебны или храмы? Зачѣмъ установлены особенные дни и часы для общихъ собраній на молитву? На что придуманы чтеніе и пѣніе и притомъ въ одномъ опредѣленномъ видѣ, одного содержанія, одного выраженія? Много важныхъ вопросовъ! Отвѣтимъ на нихъ по возможности проще. Допустивъ, что молитва внутренняя и внѣшняя необходимы человѣку, представимъ себѣ, что одинъ изъ членовъ многочисленнаго семейства желаетъ помолиться Богу, а дру-

гіе члены семьи занимаются въ тоже время каждый своимъ дѣломъ или бездѣльемъ. Молящійся есть человѣкъ, легко развлекаемый всякимъ постороннимъ впечатлѣніемъ. Удержится ли онъ въ молитвенномъ расположеніи духа, когда не только ни въ комъ не найдетъ сочувствія своему занятію, а напротивъ еще отвсюду встрѣтитъ ему препятствія? Конечно нѣтъ. Итакъ самый простой порядокъ дѣлъ внушаетъ цѣлому семейству отдѣлить для молитвенныхъ упражненій особенное мѣсто въ домѣ, и назначить опредѣленное для того время, въ которое бы всѣ, настраиваясь въ одинъ и тотъ же молитвенный духъ, совершали общую молитву въ мѣстѣ, отъ котораго устранено все, что можетъ мѣшать ей, вызывая память обыденной суеты. А нужно ли говорить, что общество есть сложное семейство? Общественная молитва не является случайно, ни составляется искусственно, а устанавливается необходимою вслѣдствіе незаглушимыхъ требованій сердца человѣческаго и самыхъ простыхъ внушеній благоразумія. Человѣка нѣчто тайное постоянно движетъ идти и подѣлиться съ другими своими чувствами. Тоже самое нѣчто заставляетъ его и молиться съ другими. Онъ безотчетно вѣритъ не только въ вещественную, но и въ духовную силу общества. Христіанство, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, и здѣсь раскрыло разумныя требованія природы человѣческой во всей ясности ихъ основаній. *Идиже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ*, сказалъ Господь (Мат. 18, 20). Послѣ сихъ божественныхъ словъ, оказалось не только умѣстнымъ, но и весьма законнымъ сходиться людямъ на молитву. Но христіанство ведетъ своихъ вѣрующихъ еще далѣе. Христіанская литургія не есть только молитвословіе, которое можетъ совершать кто угодно и гдѣ угодно. Она есть тайнодѣйствіе, умиловительное жертвоприношеніе, истинное предстояніе Богу, дѣйствительная, прямая и непосредственная бесѣда дѣтей къ Отцу небесному, дѣйствительное и существенное общеніе съ Богомъ чрезъ посредство богочеловѣчества Христова, дѣйствительное, несомнѣнное и непремѣнное очищеніе, освященіе, прощеніе и благословеніе. Вотъ почему христіане спѣшаютъ въ свои церкви на свое бо-

гослуженіе такъ охотно, такъ неудержимо, можно сказать! Гдѣ литургія, тамъ Христось. Отъ сего, еслибы и хотѣлъ кто, не можетъ отказаться.

Но столпленіе столькаго народа, тѣснота, духота, шумъ, передвижка, переговоръ взоровъ и языковъ, столкновение характеровъ, привычекъ, предразсудковъ, самолюбій и прочее, что неизбѣжно какъ бы при общественной молитвѣ, не способствуютъ ли скорѣе къ ослабленію, чѣмъ къ усиленію молитвеннаго настроенія вѣрующихъ? А худые примѣры худыхъ молитвенниковъ? А неизбѣжное стѣсненіе чувства добрыхъ молитвенниковъ? А столько удобная школа лицемѣрія, самообольщенія, самонадѣянія и духовной гордости?!.. Братія! Если все это мы знаемъ, и обо всемъ имѣемъ дерзновение говорить всенародно, то не стоитъ ли дѣло того, чтобы общими усиліями взяться за него, и устроить отъ церкви Божіей, позорное для нея, зло? Не всѣ ли мы сходимся для молитвы и единственно для молитвы? За чѣмъ же вносить съ собою цѣлый домъ и весь міръ? Нѣтъ, не общественное богослуженіе виновато въ томъ, что мы выходимъ изъ церкви съ тѣмъ же, съ чѣмъ вошли въ нее. Не оно излишне, а мы оказываемся лишними въ царствѣ Христовомъ. Не оно не пригодно для свѣта, а такъ называемый свѣтъ негоднымъ, видно, является при Божественномъ освѣщеніи.. Вотъ что надобно говорить и думать! Мы собираемся въ храмъ Божій не съ тѣмъ, чтобы учиться недостаткамъ другъ у друга, а чтобы взаимно одушевляться чувствомъ общаго благоговѣнія, умиленія, духовнаго восторга, чему содѣйствуетъ весь составъ, ходъ и видъ богослуженія. Намъ извѣстно, что и одинъ плачущій можетъ тысячи другихъ подвигнуть на слезы. Молитва есть плачъ души боголюбивой. Голосъ молящагося предстоятеля церкви, проникнутаго до глубины сердца сознаниемъ своего блаженнаго общенія со Христомъ и Богомъ, развѣ не силенъ увлечь за собою къ престолу Вседержителя всю полноту вѣрныхъ?

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ОКОНЧАНИЕ XIX ГЛАВЫ. *

Другимъ путемъ, по кътой же цѣли—спасенію своей души и пользѣ ближняго, шелъ великій отецъ Русской Церкви, преп. Нилъ Сорскій, изъ дворянскаго рода Майковыхъ. Онъ родился въ 1433 году и положилъ начало иноческой жизни въ Кирилловой обители, гдѣ пользовался совѣтами мудраго и строгаго старца Паисія Ярославова. Спустя нѣсколько времени, онъ пошелъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ и сотрудникомъ, монахомъ Иннокентіемъ, къ святымъ мѣстамъ восточнымъ, и нѣсколько лѣтъ провелъ на Аѳонской горѣ и въ монастыряхъ Константинопольскихъ. Въ это особенно время онъ напиталъ духъ свой наставленіями великихъ отцевъ пустынныхъ, которые путемъ внутренняго очищенія и непрестанной молитвы, совершаемой умомъ въ сердцѣ, достигали свѣтоносныхъ озареній Духа Святаго. Душеспасительные уроки сихъ богомудрыхъ Отцевъ не только изучилъ онъ умомъ и сердцемъ, но и обратилъ въ жизнь и постоянное упражненіе ^(ш).

Возвратясь въ Бѣлоезерскій монастырь, пр. Нилъ уже не остался жить въ немъ, но срубилъ себѣ келлію не вдаль отъ него; потомъ отошелъ за 15 верстъ, гдѣ водрузивъ

* Начало см. въ майской книжкѣ. — Предшествующія главы см. въ Душеп. Читеніи за 1865 и 1866 годы.

(ш) Преп. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ о жительствѣ скитскомъ. М. 1849, стр. I и II.

крестъ, поставилъ сперва часовню и уединенную келью, и при ней ископалъ кладязь, а когда собралось къ нему для сожитія нѣсколько братіи ^(ъ), то построилъ деревянную церковь Покрова Богородицы. Отсюда писалъ онъ къ другу своему Иннокентію: «когда мы жили вмѣстѣ съ тобою въ монастырѣ (Кирилловомъ), ты знаешь, какъ удалялся я мірскихъ связей и старался жить по священному писанію, хотя по лѣности моей и не успѣвалъ. По окончаніи странствованія моего пришелъ я опять въ монастырь, устроилъ себѣ вблизи его келлію, жилъ сколько могъ. Теперь переселился я вдаль отъ монастыря, нашелъ благодатію Божію мѣсто по мыслямъ моимъ, мало доступное для мірскихъ людей, какъ самъ ты видѣлъ ^(ы). Живя на единѣ, занимаюсь испытаніемъ духовныхъ писаній: прежде всего испытываю заповѣди Господни и ихъ толкованіе, и преданія апостольскія, потомъ житія и наставленія св. отцевъ. () всемъ томъ размышляю, и что по разсужденію моему, нахожу богоугоднаго и полезнаго для души моей, переписываю для себя. Въ этомъ жизнь моя и дыханіе. О немощи моей и лѣни возложилъ упованіе на Бога и пречистую Богородицу. Если что случается мнѣ предпринимать и если не нахожу того въ Писаніи, на время отлагаю въ сторону, пока не найду. По своей волѣ и по своему разсужденію не смѣю предпринимать что-нибудь. Жи-

(ъ) Братіи было немного: іеромонахъ, діаконовъ и 12 старцевъ. Преп. Нилъ и не желалъ принимать къ себѣ многихъ, потому что усердныхъ исполнителей правилъ его оказывалось весьма мало.

(ы) Дико, мрачно, пустынно мѣсто, избранное преп. Ниломъ. Рѣчка Сорка чуть струится по болотистой, низкой мѣстности, на которой устроенъ скитъ. Тамъ цѣлы еще выкопанные дивнымъ подвижникомъ небольшой прудъ и колодезь съ весьма вкусною водой, цѣлебною для вѣрующихъ. Еще цѣла власяница преп. Нила: волосья ея колются какъ иглы («Русскіе Святые», апрѣль, стр. 18).

вещь ли отшельнически или въ общежитіи, внимай святому Писанію и слѣдуй по стопамъ отцевъ или повинуйся тому, кто извѣстенъ тебѣ, какъ мужъ духовный въ словѣ, жизни и разсужденіи. . . . Святое Писаніе жестко лишь для того, кто не хочетъ смириться страхомъ Божиимъ и отступить отъ земныхъ помышлений, а желаетъ жить по своей страстной волѣ. Иные не хотятъ смиренно испытывать св. Писаніе, не хотятъ даже слышать о томъ, какъ слѣдуетъ жить, какъ будто писаніе не для насъ писано, не должно быть выполняемо въ наше время. Но истиннымъ подвижникамъ и въ древнія времена и въ нынѣшнія и во всѣ вѣка слова Господни всегда будутъ словами чистыми, какъ очищенное серебро; заповѣди Господни для нихъ дороже золота и камней драгоцѣнныхъ, слаще меда и сота.»

Какъ для себя, такъ для и учениковъ своихъ, преп. Нилъ поставилъ правиломъ не общежительное житіе, а строгое скитское (аскетское). При построеніи храма надлежало сдѣлать на болотистой почвѣ высокую насыпь, тѣмъ болѣе, что подъ церковь назначалась братская усыпальница. Руками богومудраго старца и жившихъ при немъ скитниковъ насыпанъ былъ высокій холмъ для храма и усыпальницы. Кельи поставлены на возвышеніи; каждая—отъ другой и отъ храма—на растояніи брошеннаго камня. Скитники собирались въ храмъ свой, по примѣру восточныхъ, только по субботамъ, воскресеньямъ и праздникамъ; въ прочіе дни каждый молился и трудился въ своей кельѣ. Всенощная скитская продолжалась во всю ночь. въ полномъ смыслѣ слова: за каждую каѳизмою предлагалось по три и четыре чтенія изъ отцевъ. Во время литургіи пѣли только трисвятую пѣснь, аллилуія, херувимскую и достойно; все прочее читалось протяжно, на распѣвъ. Въ субботу приходили въ братскую усыпальницу, гдѣ совершалась панихида за упокой усопшихъ. Въ за-

вѣщаніи ученикамъ преп. Ниль такъ изображаетъ внѣшнюю сторону скитскаго житія: а) Пропитаніе снискивать трудами рукъ, но не заниматься даже земледѣліемъ, такъ такъ оно по сложности своей не прилично отшельнику. б) Только въ случаѣ болѣзни или крайней нужды принимать милостыню, но не ту, которая могла бы служить кому либо въ огорченіе. в) Не выходить изъ скита. г) Въ церкви не имѣть никакихъ украшеній изъ серебра, даже и для священныхъ сосудовъ, а все должно быть просто. д) Здоровые и молодые должны утомлять тѣло постомъ, жаждою и трудомъ, а старцамъ и слабымъ дозволяется успокоеніе въ известной мѣрѣ. е) Женщинамъ отнюдь не входить въ скитъ.» Не многосложно правило для варужной жизни. Но преимущественный трудъ и подвигъ скитскаго житія состоитъ во внутреннемъ подвижничествѣ, въ бдительности надъ состояніями души, въ очищеніи ея молитвою и богомысліемъ. Сіе-то подвижничество пр. Ниль изображаетъ довольно подробно въ завѣщаніи для учениковъ своихъ, и въ обширномъ сочиненіи: «Преданіе о жительствѣ отъ св. отецъ ученикомъ своимъ» или скитскомъ уставѣ.^(б)

Сколько уставъ пр. Іосифа Волоцкаго отличается внѣшнею строгостію, столько творенія дивнаго подвижника Сорскаго глубокими свѣдѣніями о внутренней жизни во Христѣ.^(в) Введенный имъ, несслыханный дотолѣ на сѣверѣ, скитскій образъ жизни, полное отреченіе отъ всего земнаго, выска-

(б) Скитскій уставъ преп. Нила напечатанъ въ Ист. Росс. Іер. V. 214—236, но не совсѣмъ исправно; болѣе исправная редація его—въ вышеупомянутой брошюрѣ (см. прим. а); въ переводѣ на современный языкъ—въ книгѣ А. Н. Муравьева «Русская Оиваида на сѣверѣ». Тамъ же помѣщены отрывки изъ посланій преп. Нила, донынѣ еще не изданныхъ.

(в) Общежительныхъ уставовъ, писанныхъ для разныхъ монастырей, было нѣсколько (Корниліевъ, Кирилловъ, Іосифовъ и другіе) но наставникомъ жизни соверцательной остался одинъ Ниль Сорскій, великій отецъ скитниковъ (аскетовъ).

занное имъ на Соборѣ ^(а) и заботы объ исправленіи, испорченныхъ переписчиками, церковныхъ книгъ, возстановили многихъ противъ преп. Нила и учениковъ его, но онъ продолжалъ терпѣливо идти путемъ своимъ, не обращая вниманія на клеветы людскія.

Преп. Нилъ предалъ духъ свой Господу 7 апрѣля 1508 г., достигнувъ 75 лѣтняго возраста. Предъ кончиною онъ заповѣдалъ ученикамъ своимъ: «Молю васъ, бросьте тѣло мое въ пустынь, потому что оно согрѣшило предъ Богомъ и недостойно погребенія; пусть разстерзаютъ его звѣри и птицы. Или, если, хотите, выкопайте яму и положите его туда безъ всякаго уваженія. Бойтесь слова сказаннаго Великимъ Арсевиємъ ученикамъ его:» на судъ стану съ вами, если кому отдадите (для почитанія) тѣло мое. Во всю жизнь мою избѣгалъ я чести и славы вѣка сего; того же желаю и по смерти.» И предсмертное желаніе великаго ревнителя нищеты и смиренія исполнилось: обитель его осталась одною изъ самыхъ малолюдныхъ и бѣдныхъ на сѣверѣ Россіи и св. мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ убогой часовнѣ. ^(ю)

(а) Одинъ современникъ говоритъ о мнѣніи, предложенномъ собору преп. Ниломъ: нѣкоторые отцы, любители пустыннаго уединенія и внутренняго безмолвія (преп. Нилъ Сорскій съ старцемъ своимъ Паисіємъ Ярославовымъ и немногими другими) скорбѣли о томъ, что монастыри владѣютъ селами и полагали что напрасно монахи произносятъ отреченіе отъ міра, потому что они, также какъ и міряне, волнуются и ссорятся за доходы съ имѣній, ходятъ по судамъ и заводятъ тяжбы. Въ этомъ убѣжденіи они выказали свой образъ мыслей Собору и самодержцу, уважавшему ихъ за крѣпкую жизнь и великія добродѣтели (Руск. Свят. апрѣль стр. 20).

(ю) Царь Іоаннъ Грозный въ 1569 году хотѣлъ построить каменный храмъ надъ гробницею преп. Нила. Но богоносный ревнитель скитской простоты, въ сонномъ видѣніи, запретилъ Царю эту постройку. Прошло нѣсколько столѣтій и уже въ наше время возобновилась мысль о каменной церкви въ честь преп.

И дальнія окраины сѣвера, суровые берега и острова «студенаго моря» (какъ называли наши предки Сѣверный Океанъ съ его заливами) населялись пустынножителами. Въ началѣ XV вѣка пришелъ (неизвѣстно откуда) на Корельскій берегъ Бѣлаго моря преп. Евѣимій. Но едва усердный труженикъ успѣлъ построить храмъ святителя Николая и нѣсколько келлій, какъ въ 1419 года, Норвежскіе разбойники напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили нѣсколькихъ иноковъ. Вскорѣ потомъ сыновья Марѣы посадницы, владѣвшей на сѣверѣ огромными пространствами земли, осматривая имѣнія свои, утонули въ устьѣ Двины ^(а) и погребены въ развалинахъ раззоренной обители, а мать ихъ доставила богатыя средства для возобновленія церкви и келлій. Блаж. Евѣимій извѣстенъ не только по заботамъ объ устройствѣ монастыря, но и по ревности къ просвѣщенію дикаго

Нила; церковь была построена, но своды ея обрушились надъ самою ракою основателя обители, при чемъ чудесно спаслись отъ смерти трое каменщиковъ, работавшіе въ церкви («Русская Энциклопедія» стр. 353).

(а) Потонувшіе Феликсъ и Антоній были сыновья Марѣы отъ перваго ея брака съ Филиппомъ Васильевичемъ и кончили жизнь въ молодости, потому что въ 1470 году мы видѣли Марѣу уже вдовою послѣ втораго ея брака съ Исаакомъ Борецкимъ, матерью взрослыхъ сыновей Борецкихъ: посадника Дмитрія Исаковича и другихъ. Одинъ изъ числа утонувшихъ, Феликсъ, при жизни своей былъ извѣстенъ богатворительностію: онъ далъ Михаило-Архангельскому монастырю, что на устьѣ Двины, земли съ тонями по морскому берегу (Акты Юридич. № 110, стр. 144). Надъ могилами сыновей Марѣы построена часовня и тамъ сохранились портреты ихъ. Въ томъ же монастырѣ хранится изображеніе будто бы самой Марѣы посадницы, но вся одежда и обстановка до мельчайшихъ подробностей весьма похожи на портреты другой Марѣы—Романовой, матери царя Михаила Феодоровича, хотя самое лице различно. Невольно возникаетъ сомнѣніе не снято ли изображеніе древней Новгородской боярыни съ портрета «великой старицы» Марѣы Іоанновны?

Корельскаго края свѣтомъ евангельской истины. Онъ просвѣщаль заблудшихъ словомъ и примѣромъ жизни своей. Преставленіе преп. Евѳимія послѣдовало около 1435 года ^(*)

Почти въ то же время на одномъ изъ бесплодныхъ острововъ Бѣлаго моря возникла обитель иноческая, которой суждено было занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между монастырями Русской земли. Въ Бѣлозерской лаврѣ преп. Кирилла подвизался инокъ Савватій. Безотвѣтное послушаніе игумену, кроткая любовь къ братіи и строгая жизнь стали пріобрѣтать ему общее уваженіе. Это тяготило старца и онъ рѣшился скрыться въ безмолвное мѣсто.

Услышавъ, что въ Новгородской сторонѣ на озерѣ Невѣ (Ладожскомъ) есть островъ Валаамъ и на немъ монастырь, отдѣляемый отъ міра водою, любитель смиренія и безмолвія собрался идти на тихій островъ; бѣлозерскіе иноки не безъ скорби разстались съ подвижникомъ Божиимъ. На Валаамѣ Савватій явился инокамъ послушливымъ и безотвѣтно выполнялъ порученія не спрашивая и себя, для чего требуютъ того или другаго. Дошло до слуха Савватія, что еще дальше на сѣверъ есть Соловецкій островъ, ^(v) никѣмъ не обитаемый, весьма не легкій для пребыванія на немъ, рѣдко доступный даже для рыбаковъ. Загорѣлась душа пустынолюбиваго стар-

(*) Въ древнихъ свѣдѣніяхъ записаны между святыми покоящимися въ Корельской обители не только Антоній и Феликсъ подъ названіемъ «праведныхъ», но и «преп. Стефанъ подвижникъ и преп. отцы Исаія и Никаноръ новые чудотворцы».

(v) Острова Бѣлаго моря, числомъ шесть, извѣстные подъ названіемъ Соловецкихъ, находятся въ 150 верстахъ—отъ берега Кемскаго уѣзда въ 180 Онеги, и въ 400—отъ г. Архангельска, главный изъ нихъ—Соловки длиною отъ сѣвера къ югу около 25, а шириной до 16 верстъ. Остальные пять острововъ называются: Анзерскій, большой и малый Муксальскіе и два заяцкихъ. Около нихъ множество мелкихъ островковъ или «корговъ» и отмелей.

ца желаніемъ пожить тамъ въ любезномъ безмолвіи. Когда объявилъ онъ о своемъ желаніи игумену и братіи, они никакъ не хотѣли разстаться съ Савватіемъ. Чудная ревность къ суровымъ подвигамъ! Убѣленный сѣдинами старецъ ночью бѣжалъ съ Валаама. Когда достигъ онъ берега Бѣлаго моря и сталъ спрашивать прибрежныхъ жителей о Соловецкомъ островѣ, они рассказали ему, что островъ великъ, съ озерами, лѣсами, горами, но необитаемъ отъ того, что очень неудобно сообщеніе съ нимъ. Этотъ рассказъ еще болѣе воспламенилъ въ старцѣ желаніе поселиться на немъ. «Чѣмъ же ты будешь питаться и одѣваться тамъ, старецъ, когда ты такъ бѣденъ и дряхлъ?» спросили люди, съ которыми бесѣдовалъ Савватій. Подвижникъ отвѣчалъ: «у меня такой Владыка, который и дряхлости даетъ силы свѣжей юности и голодныхъ питаетъ до сытости.» Старецъ рѣшился остаться на время въ часовнѣ, стоявшей вблизи устья р. Выги ^(а).— Здѣсь увидался онъ съ отшельникомъ Германомъ и отъ него узналъ еще болѣе, какъ благопріятенъ для безмолвія островъ. Германъ изъявилъ готовность не только проводить его до острова, но и поселиться съ нимъ тамъ. На малой ладѣ отправились они по безпокойному морю и хранимые Господомъ на третій день счастливо достигли берега. Близъ горы Сѣкирной, въ растояніи 12 верстъ отъ нынѣшней обители, поставили они крестъ ^(б) и себѣ купци. Это были первые отшельники на дальнихъ Соловкахъ. Подвиги ихъ съ 1429 года освятили негостепріемный островъ суроваго сѣвера. Это отшельничество далеко тяжелѣе отшельничества восточнаго. На здѣшней почвѣ нельзя было имѣть никакой растительной пищи, а страшный холодъ зимы и сырость осени сжимали самую

(а) Здѣсь теперь волость Сороки на Корельскомъ берегу.

(б) На этомъ мѣстѣ въ послѣдствіи сооружена пустынь съ часовнею преп. Савватія и нѣсколькими келліями.

жизнь въ организмѣ тѣлесномъ. Подвижники Божіи терпѣливо выносили всѣ перемѣны климата въ плохихъ своихъ хижинахъ, согрѣваясь любовію къ Господу: они молились и пѣли псалмы, ожидая вѣчности блаженной.

Когда прибрежные жители Кеми услышали, что на Соловецкомъ островѣ поселились монахи, они позавидовали и послали туда одну семью, съ тѣмъ чтобъ она, ознакомься тамъ ближе съ средствами острова, открыла удобства и другія для поселенія. Разъ Савватій пѣлъ съ другомъ своимъ воскресную всенощную и вышелъ покадить крестъ, поставленный предъ келлію. Неожиданно слышитъ онъ крикъ и вопль и въ смущеніи спѣшитъ въ келлію сказать о томъ Герману. Оградясь крестнымъ знаменіемъ, Германъ идетъ на голосъ крика и видитъ горько рыдающую женщину. «О чемъ ты такъ плачешь?» спросилъ онъ. «Я шла къ мужу, отвѣчала она, и вдругъ встрѣтились мнѣ двое юношей свѣтлыхъ, съ гнѣвомъ стали жестоко бить меня и говорили: бѣгите стеселѣ, не для васъ это мѣсто, сонмы иноковъ будутъ здѣсь славить Бога, — бѣгите, чтобы иначе скорая смерть не постигла васъ. И мгновенно исчезли они.» Германъ рассказалъ старцу, что узналъ и оба прославили Господа за Его дивную волю.

На шестомъ году Соловецкой отшельнической жизни, авва Германъ для нуждъ келейныхъ отправился на берегъ къ р. Онегѣ. Послѣ него въ томъ же году старцу Савватию было извѣщеніе о скоромъ разрѣшеніи его отъ узъ тѣлесныхъ. Онъ поспѣшилъ на твердую землю, чтобы приобщиться св. Таинъ и въ два дни на утлой ладѣ достигъ берега. Тамъ встрѣтилъ онъ игумена Наѳанаила, жившаго при часовнѣ на р. Выгѣ; рассказавъ о себѣ, гдѣ онъ жилъ, Савватій просилъ преподавать ему разрѣшеніе и приобщить св. Таинъ. — Наѳанаиль спѣшилъ напутствовать больного и просилъ св. старца

идти въ часовню и тамъ ждать его до утра. «Не вѣсте, что утрѣ будетъ» сказалъ старецъ и просилъ не отлагать исполненія просьбы его до утра. Игумень исполнилъ желаніе св. старца и просилъ подождать его въ часовнѣ, чтобы насладиться духовною бесѣдою. «Какъ Господу угодно, такъ и будетъ», отвѣчалъ старецъ и пошелъ къ часовнѣ. Въ это время прибылъ на берегъ Новгородскій купецъ Іоаннъ. Помолясь въ часовнѣ, зашелъ онъ въ келлію и здѣсь увидѣлъ благолѣпнаго старца. Усладясь бесѣдою его, купецъ предложилъ ему богатое подаваніе. «Мнѣ это не нужно, сказалъ старецъ, раздай бѣднымъ» и объяснилъ, какъ много значитъ для души подаваніе милостыни. — Купецъ опечалился тѣмъ, что св. старецъ не принялъ у него ничего для себя, а Савватій съ ласкою любви сказалъ ему: «останься, другъ, до завтра здѣсь: не будешь жалѣть о томъ и путь твой будетъ покоенъ». Купецъ отвѣчалъ, что нынѣ же долженъ отправиться въ море. Но едва вышелъ онъ изъ келліи, какъ на морѣ поднялась буря. Пришлось и противъ желанія остаться на берегу. На утро добрый купецъ пришелъ принять благословеніе у старца, съ молитвою толкнулъ въ дверь, отвѣта не было, — взошелъ въ келлію и увидѣлъ старца сидящаго въ куколѣ и мантии, съ кадильницею въ рукѣ, но не слышалъ отвѣта на привѣтствіе: старецъ скончался съ молитвою на устахъ. Это было 27 сентября 1435 года. Пришедшій игумень Наѳанаилъ похоронилъ, вмѣстѣ съ Іоанномъ, почившаго подвижника.

Но кончивъ преп. Савватія, островъ, освященный его молитвами и подвигами, не на долго остался необитаемымъ. Въ поморскій край пришелъ инокъ, по имени Зосима ^(в), искавшій удобнаго мѣста для безмолвія. На устьѣ р. Сумы встрѣтилъ онъ блаженнаго авву Германа, и узналъ отъ него о под-

(в) Преп. Зосима былъ родомъ изъ села Толвуя, на берегу Онежскаго озера; неизвѣстно, въ какой обители онъ постригся.

вигахъ преп. Савватія. Зосима обрадовался и вмѣстѣ съ Германомъ пустился въ ладѣ, черезъ Бѣлое море, на Соловецкій островъ. Прибывъ безбѣдно на желаемое мѣсто, пустытники ходили по острову съ мыслію, гдѣ бы Богъ благословилъ устроить обитель, и остановились не далеко отъ морскаго берега, на берегу озера съ пріятною водою. Они поставили себѣ кущи и провели ночь въ молитвѣ. Это было въ 1436 году. На утро пр. Зосима вышелъ изъ хижины и увидѣлъ надъ мѣстомъ ихъ необыкновенный свѣтъ и на воздухѣ церковь. Незнакомый еще съ видѣніями, онъ ужаснулся и въ страхѣ поспѣшилъ въ кущу. Старецъ Германъ, увидѣвъ измѣнившееся лице его, понялъ, что онъ видѣлъ что-нибудь особенное и спросилъ: «что случилось съ тобою, братъ мой? Ты видѣлъ что-то необыкновенное! Зосима передалъ ему, что видѣлъ. Старецъ разказалъ ему въ свою очередь, какъ еще при Савватіѣ прогнаны были съ этаго мѣста мірскіе люди и какъ оно свыше назначено было для пребыванія иноковъ. Обрадованный увѣреніемъ небеснымъ о назначеніи мѣста, Зосима утвердился въ намѣреніи основать здѣсь обитель. Помяся Господу, отшельники начали рубить деревья для сооруженія кельи; днемъ они занимались работою, а ночь проводили въ молитвѣ. Въ исходѣ лѣта Германъ отправился на Сумскій берегъ, чтобы заpastись хлѣбомъ и надѣялся возвратиться осенью. Но вѣтры и потомъ снѣгъ не позволили ему пуститься въ море и онъ провелъ зиму на берегу. Зосима остался одинъ, но возложилъ упованіе на Господа. Онъ удвоилъ молитвенныя бдѣнія свои ^(г). Духи злобы стали тревожить отшельника разными призраками, домогаясь прогнать

(г) Еще цѣла въ Синод. библ. (№ 708) рукописная псалтырь, по которой, какъ видно изъ собственноручной приписки св. митрополита Филиппа, «правилъ правило самъ Зосима чудотворецъ».

его съ мѣста. Зосима подвизался твердо. «Если дана вамъ, говорилъ онъ, власть надо мною, дѣлайте что хотите; если же нѣтъ, напрасно трудитесь». Призраки исчезли. Но стала грозить голодная смерть: скудный запасъ хлѣба исчезалъ. Зосима обратился съ молитвою къ Господу о помощи. И вотъ приходятъ къ нему два человѣка съ запасомъ хлѣба, муки и масла и говорятъ: «возьми это и положи у себя; — если будешь имѣть нужду, можешь употреблять въ пищу до нашего возвращенія». Зосима не успѣлъ спросить, кто они и какъ зимою попали на островъ? Напрасно прождавъ ихъ не малое время, онъ понялъ, что это помощь отъ Господа и возблагодарилъ Его. Весною Германъ привезъ съ собою запасъ хлѣба и рыболова Марка съ снастью для рыбной ловли. Духовные друзья прославили вмѣстѣ Господа за дивную гостя Его.

Когда разнеслась молва о новомъ подвижникѣ Соловецкомъ, къ преп. Зосимѣ стали приходять любители безмолвія; онъ принималъ ихъ съ любовію. На мѣстѣ дивнаго видѣнія срубленъ былъ небольшой храмъ Преображенія Господня и при немъ трапеза. Послали одного монаха въ Новгородъ испросить благословеніе архипастыря и антиминосъ для новаго храма. Возблагодаривъ Господа за благодать, одушевившую такимъ мужествомъ рабовъ Его, святитель ^(д) послалъ игумена Павла съ антиминосомъ для освященія храма и для управленія новымъ братствомъ. Такъ началась обитель Соловецкая! Для содержанія своего братія рубили дрова, копали подъ огородъ землю, доставали изъ озеръ соль. Последнюю по времени продавали они и для стороннихъ людей, которые стали ѣздить на островъ и въ замѣнъ соли привозили

(д) Вѣроятно св. Евѳимій (1429 — 1457), хотя писатель житія преп. Зосимы Досифея, по ошибкѣ называетъ св. Іону, который вступилъ на епископство не ранѣе 1458 года.

хлѣбъ. Приобрѣтая трудами рукъ средства къ жизни, иноки, по наставленію и примѣру Зосимы, ревностно славли Бога въ храмѣ и довольны были малымъ. Но жадная зависть подняла войну противъ пустынниковъ. Боярскіе люди являлись на островъ и отнимали у иноковъ рыбную ловлю. «Это отчина бояръ нашихъ», говорили они, тогда какъ дотолѣ никто не жилъ на островѣ. Лопари также жестоко обижали иноковъ. Эти нападенія злости сильно тревожили Зосиму. Старецъ Германъ успокоивалъ его: «нужны терпѣніе и молитва», говорилъ онъ. Между тѣмъ игуменъ Павель не долго могъ вытерпѣть трудности жизни на суровомъ и глухомъ островѣ. Послѣ него были еще два игумена, но и они возвратились въ Новгородъ.

Какъ настоятели, посылаемые на островъ, не могли ужиться тамъ, то брагія рѣшили избрать игумена изъ среды себя и стали просить первоначальника своего, преп. Зосиму, чтобъ онъ принялъ на себя игуменство. Но смиренный подвижникъ не хотѣлъ и слышать о томъ. Пустынники собрались къ Герману и сказали: «мы собрались сюда для подвижника Божія Зосимы, изъ насъ никто не можетъ быть игуменомъ; игуменомъ долженъ быть тотъ, кому поручили мы души свои». За тѣмъ тайно отправили посла въ Новгородъ, чтобъ архипастырь вызвалъ и посвятилъ въ игумена Зосиму святитель согласился и, вызвавъ Зосиму, убѣдилъ его принять санъ священства и игуменства. Въ Новгородѣ уже слышали о чудномъ подвижникѣ Соловецкомъ и многіе желали получить отъ него благословеніе въ домахъ своихъ. Преп. игумену Зосимѣ дарили для обители церковную утварь и хлѣбъ; другіе вызывались помогать обители въ возможныхъ нуждахъ.

Возвратившись на свой островъ, преп. Зосима ревностно занялся устроеніемъ внутренняго быта обители. Постановивъ непремѣннымъ правиломъ для нея общежитіе, онъ внушалъ

братіи вести жизнь иноческую такъ, какъ заповѣдали великіе отцы общежитія: не желать и не искать ничего для себя, а заботиться объ общемъ покоѣ; въ храмѣ стоять со страхомъ Божиимъ, не сходить съ мѣста до конца службы, не разговаривать съ другими: въ трапезѣ сохранять молчаніе и внимать назидательному чтенію. Понынѣ еще извѣстенъ уставъ его о жизни братіи. «Игумень, говорится въ немъ, священники, старцы, вся братія ѣдятъ и пьютъ въ трапезѣ; кушанье для всѣхъ одинаковое; по келліямъ, за исключеніемъ больныхъ, нѣтъ стола; изъ трапезы не выносить кушанья и питья. Одежда и обувь выдаются изъ казны. Если кто можетъ, покупаетъ себѣ келлію; иначе живутъ въ келліяхъ обители. Дохода нѣтъ никакого ни священникамъ и братіи, ни служащимъ въ монастырѣ и за монастыремъ: все нужное для каждаго выдается изъ казны ^(е)».

Богъ благословлялъ монастырь по молитвамъ угодника Своего. По двумъ грамотамъ ^(ж) новая обитель получила земли по р. Сумѣ и право на владѣніе цѣлымъ островомъ Соловецкимъ, и другими сосѣдними островами.

Слухъ о высокой духовной жизни преп. Зосимы привлекалъ на островъ ревнителей вѣчнаго спасенія со всѣхъ сторонъ. Приходили священники, діаконы, причетники, иноки, желая жить съ преподобнымъ и пользоваться наставленіями его: старецъ принималъ ихъ съ любовію. Даже Лопари и Чудь, даже Норвежцы приходили къ преп. Зосимѣ и поучались ду-

(е) Описаніе Соловец. монастыря, сост. архимандр. Досиѣеи. Ч. 1, стр. 222.

(ж) Обѣ подлинныя грамоты: вдовы посадника Борецкаго Марѳы на земли при устьѣ р. Сумы и Новгородскаго вѣча на право владѣнія Соловецкимъ островомъ съ прочими островами, принадлежащими къ нему, хранятся въ монастырской ризницѣ. Вѣчевая грамота писана на пергаменѣ за подписью св. владыки Іоны, посадниковъ и тысяцкихъ; при ней 8 свинцовыхъ печатей.

шевному спасенію. Мало зная языкъ Русскій, они слушали языкъ сердца чистаго, которое безъ словъ говорить сердцамъ о Богѣ и вѣчности ^(з).

Въ 1465 году, по совѣту Кирилловскихъ иноковъ ^(и), преп. Зосима перенесъ мощи преп. Савватія, уже прославленныя чудесами, съ берега р. Выги, въ свою обитель. Между тѣмъ люди міра грѣшнаго не переставали оскорблять иногда соловецкихъ иноковъ. Блаж. игумень отправился въ Новгородъ. «Часто приходятъ къ намъ боярскіе дѣти, говорилъ онъ владыкѣ Теофілу, и много дѣлаютъ оскорбленій, не позволяя ловить рыбу и угрожая даже совѣмъ выгнать насъ изъ нашей пустыни; заступись за насъ.» Владыка обѣщалъ помощь. Старецъ обратился съ просьбою и къ Новгородскимъ боярамъ. Боярыня Марѳа, вдова посадника, была тогда лицомъ сильнымъ въ Новгородѣ. Къ ней болѣе, чѣмъ къ кому нибудь, нужно было обратиться съ просьбою, потому что слуги ея жившіе на ея земляхъ, близкихъ къ острову, болѣе чѣмъ кто нибудь дѣлали оскорбленія послушникамъ обители. Препо-

(з) Воевода Калянского войска Феодоръ съ двумя подвоеводами «дѣти карельскія, Вымольцы и Тиврульцы, и все войско Калянское», наученные вѣрѣ Христовой преп. Зосимою, дали при преемникѣ его колоколь въ Соловецкую обитель. (Правосл. собесѣд. 1860, № 2, стр. 27.)

(и) Иноки Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, свидѣтели добродѣтельной жизни преп. Савватія, писали въ Соловецкую обитель и совѣтовали принести мощи его туда, гдѣ онъ много лѣтъ трудился. Въ томъ же письмѣ сообщено извѣстіе, о знаменіяхъ и чудесахъ при гробницѣ преп. Савватія и о томъ, какъ онъ сохранилъ отъ потопленія на морѣ купца Феодора, роднаго брата того Іоанна, который бесѣдовалъ съ нимъ предъ блаженною его кончиною. Когда раскопали уединенную могилу дивнаго подвижника, воздухъ наполнился благовоиємъ; нетлѣнныя мощи, по перевезеніи на островъ, были положены за олтаремъ Преображенскаго храма, и на гробницѣ поставленъ образъ преп. Савватія, присланный отъ помянутыхъ Іоанна и Феодора.

добный явился къ ней. Гордая боярыня, возмущенная своими слугами, сочла за оскорбленіе себѣ жалобы иноковъ и приказала выгнать Зосиму изъ своего дома. Преподобный спокойно перенесъ оскорбленіе и сказалъ со вздохомъ ученикамъ: «настають дни, когда обитатели сего дома не станутъ ходить въ немъ; затворятся двери его и дворъ заростетъ травою.» Прочіе бояре почтительно принимали преподобнаго, у кого только онъ былъ. Марѳа почувствовала за тѣмъ вину свою и пригласила къ себѣ св. старца. Встрѣтивъ его съ дѣтьми своими, просила она простить ея вину предъ нимъ и обителю. Она вручила ему новую вкладную грамоту на землю и рыбныя ловли. За обѣдомъ, къ которому приглашено было нѣсколько бояръ, Зосима сидѣлъ молча и по обыкновенію мало кушалъ. Взглянувъ на сидѣвшихъ съ нимъ, онъ увидѣлъ, что шестеро бояръ сидятъ безъ головъ; въ другой и третій разъ смотрѣлъ онъ на всѣхъ и видѣлъ одно и то же. Слезы жалости потекли изъ глазъ его и онъ уже болѣе не касался пищи. Ученикъ его Даніилъ, когда вышли они изъ дома боярыня, спросилъ его: что значить, отче! что во время стола три раза смотрѣлъ ты на сидѣвшихъ и потомъ съ поникшимъ лицомъ плакалъ? Св. старецъ открылъ ученику, что видѣлъ онъ и не велѣлъ говорить о томъ до времени другимъ ⁽ⁱ⁾.

(i) Видѣніе преп. Зосимы о боярахъ обезглавленныхъ вскорѣ исполнилось: сынъ Марѳы Борецкой Дмитрій Исаковъ, Василій Селезневъ-Губа, Еремей Сухощекъ, Кипріянь Арбузеевъ и еще двое бояръ, тѣ самые, которыхъ прозорливый старецъ видѣлъ сидящими безъ головъ, были казнены Іоанномъ, какъ главные возмутители, при окончательномъ покореніи Новгорода. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, на заднемъ столпѣ съ правой стороны, поставлена большая икона Соловецкихъ чудотворцевъ, письма XVI вѣка; на ней изображеніе преп. Зосимы и Саввагія окружено множествомъ клеймъ съ событіями изъ жизни чудотворцевъ. Особенно замѣчательны два клейма, на которыхъ

Великій свѣтильникъ глубокаго сѣвера Русской земли, начальникъ общежитія въ странѣ нестерпимыхъ морозовъ, богоносный Зосима прожилъ 42 года на Соловецкомъ островѣ и 26 лѣтъ настоятельствовалъ въ созданной имъ обители. Убѣленный сѣдинами, чувствуя близость кончины, созвалъ онъ братію и сказалъ: «дѣти, я иду въ путь отцевъ, избери-те себѣ наставника». Они зарыдали о разлукѣ съ нимъ. «Не плачьте, сказалъ преподобный, поручаю васъ милостивому Спасителю и Матери Божіей». Братія съ скорбію объявили, что только онъ, наставникъ ихъ, можетъ назначить имъ вмѣсто себя наставника. Преподобный указалъ на Арсенія, и обратясь къ послѣднему сказалъ: «ты строитель и питатель обители сей; смотри, чтобы сохранялось все установленное по храму и трапезѣ и соблюдался чинъ введенный смиреніемъ моимъ. Заповѣдую ученикамъ моимъ соблюдать уставъ киновіи; опьяняющее питье и женскія лица не должны быть на этомъ острову; даже и дающія млеко животныя не должны быть здѣсь. Тѣлесно разлучаюсь я съ вами, но духомъ съ вами пребывать буду». Сказавъ послѣднее: «миръ всѣмъ», онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и предалъ душу свою Господу 17 апрѣля 1478 года ^(к).

представлена Марѳа Борецкая: на первомъ принимающая въ своемъ домѣ преп. игумена Соловецкаго, а на второмъ сидящая за обѣдомъ съ нимъ же и съ обезглавленными гостями. Черты лица Марѳы на иконѣ довольно сходны съ портретомъ, о которомъ упомянуто нами выше, (въ прим. я.)

(к) Мощи преп. Зосимы были преданы землѣ за олтаремъ деревяннаго Преображенскаго храма, подлѣ могилы преп. Савватія, въ 1566 году. По освященіи новаго каменнаго собора, нетлѣнныя мощи обоихъ чудотворцевъ перенесены въ придѣлъ, посвященный ихъ памяти и тамъ почиваютъ подъ спудомъ на южной сторонѣ. Въ ризницѣ сохраняется фелонь бѣлаго полотна съ камчатнымъ оплечьемъ, данная преп. Зосимѣ св. архиепископомъ Іоною.

Вскорѣ по блаженной кончинѣ преп. Зосимы, множество исцѣлевій и другихъ благодатныхъ знаменій доказали святость угодника Божія. Особенно пловцы Бѣлаго моря много разъ испытывали дивную помощь въ страшныхъ опасностяхъ, когда призывали на помощь преп. Зосиму, «Постоянно обу-реваемые бѣдами и страстями, прибѣгаемъ къ тебѣ, преп. Зосима, и молимъ быть молитвенникомъ за насъ предъ Богомъ. Посѣщай милостиво, отче нашъ, да тобою спасаемые поемъ: благословенъ Богъ отцевъ нашихъ» ^(а).

Подъ руководствомъ великаго аввы образовались крѣпкіе подвижники благочестія. Таковы были свѣщеносецъ и ученикъ его Іоаннъ, Василиій ученикъ, Онуфрій ученикъ и пустынный, Герасимъ ученикъ и отшельникъ ^(а). Всѣ они пережили дивнаго наставника. Пережилъ его и ветхій старецъ Германъ. Болѣе 50 лѣтъ прожилъ авва на островѣ Соловецкомъ. Онъ не былъ человѣкомъ книжнымъ, но многолѣтняя духовная опытность научила его различать явленія духовныя отъ естественныхъ. Убѣжденный въ томъ, что жизнь великихъ подвижниковъ доставляетъ назиданіе многимъ, авва Германъ приказывалъ ученику своему Досіею ^(в) и другимъ

(а) Изъ канона на 17 апрѣля въ Миней Московской печати 1625 года.

(м) О первомъ изъ нихъ, блаж. старцѣ Іоаннѣ, сказано въ описаніи чудесъ преп. Зосимы (въ рукописи «Житія святыхъ рус. библ. Серг. лавры № 692): «Этого Іоанна всѣ помнятъ; онъ былъ постриженникъ Соловецкій еще при преп. Зосимѣ, дивный подвижникъ и постникъ, смиренный, кроткій и послушливый; особенно трудился въ рыбной ловлѣ.» При исцѣленіи одного больного, по имени Никона, преп. Зосима и Савватій являлись ему вмѣстѣ съ Іоанномъ.

(н) Этотъ Досіеѣй былъ послѣ игуменомъ Соловецкимъ. По желанію архіепископа Геннадія, онъ написалъ записки о житіи преп. Зосимы и похвальное ему слово. Имъ собрано много книгъ въ монастырѣ; нѣкоторыя изъ нихъ донинѣ цѣлы. Послѣ преп. Германа сохранился и принадлежавшій ему сборникъ.

записывать все, что онъ видѣлъ при жизни преп. Савватія и какъ жилъ съ нимъ на островѣ. Онъ любилъ слушать назидательное чтеніе и собиралъ книги. Не смотря на глубокую старость, онъ много разъ путешествовалъ на твердую землю для нуждъ обители, и самая кончина застигла старца въ 1479 году, вдали отъ обители—въ великомъ Новгородѣ, куда онъ былъ посланъ игуменомъ Арсеніемъ. Преп. Германъ представился въ обители преп. Антонія Римлянина ^(о).

Прославляя подвиги первоначальниковъ Соловецкой обители, св. Церковь воспѣваетъ: «Избѣгая шума многомятежнаго міра, мудрый Савватій, ты поселился на пустынномъ островѣ, и въ ладѣ тѣлесной, при кроткомъ дыханіи всеоживляющаго Духа, легко переплылъ пучину житейскую, въ которой мы теперь подвергаемся бурямъ и напастямъ; молись о душахъ нашихъ» ^(а)!

«Возсіяла весна духовная въ странѣ лютаго мороза, когда ты, богомудрый Зосима, руководимый доблественнымъ Германомъ, проникъ въ незнакомые отоки моря, въ селеніе Савватія, и тамъ собралъ множество подвижниковъ, неусыпно прославляющихъ Господа ^(р).»

Графъ М. Толстой.

(о) Ученики повезли тѣло старца своего въ Соловки, но за распутицею принуждены были оставить его на берегу р. Свири, въ часовнѣ при деревнѣ Хавроньиной. Спусти 5 лѣтъ, гробъ Саввы Германа перенесенъ на Соловецкій островъ; мощи его, обрѣтенныя нетлѣнными, положены 30 іюля 1484 года въ часовнѣ, посвященной его памяти, подъ спудомъ. Тамъ же хранится каменный, четвероконечный, келейный крестъ его.

(п) Изъ канона преп. Савватію, въ сентябрьской Миней.

(р) Стихира изъ службы преп. Зосимѣ по рукописной Миней начала XVII вѣка, принадлежавшей Іосифову монастырю, а нынѣ находящейся въ Моск. епарх. библіотекѣ подл. № 391.

РАЗГОВОРЪ

ОБРАТИВШАГОСЯ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ

СЪ ПРЕБЫВАЮЩИМЪ ВНЕ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ. ^(а)

Въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца, прошедшаго 1866-го года, случилось мнѣ быть въ колоніи Тарутино (Ончакрактъ), Аккерманскаго уѣзда. Здѣсь я встрѣился съ однимъ знакомымъ мнѣ старообрядцемъ, котораго, по присоединеніи моемъ къ церкви православной, видѣлъ теперь въ первый разъ. Поздраствовавшись, какъ водится, я спросилъ его: получилъ ли онъ мою книжку «Рассказъ о моей жизни въ расколѣ и о обращеніи въ православіе», изданную при журналѣ «Душеполезное чтеніе»? Вопросъ этотъ послужилъ

(а) За долгъ почитаемъ и съ своей стороны замѣтить, что предлагаемый здѣсь разговоръ дѣйствительно происходилъ и записанъ авторомъ довольно точно,—даже мѣста изъ отеческихъ писаній были приведены во время бесѣды, только, разумѣется, не съ буквальной вѣрностью: «разговоръ этотъ, пишетъ намъ сочинитель, я передалъ почти отъ слова до слова, какъ онъ былъ, за исключеніемъ лишь немногихъ свидѣтельствъ св. отецъ, которыя тогда говорилъ я въ сокращеніи, а теперь привелъ во всей точности.» Для насъ православныхъ печатаемый разговоръ не лишень значенія въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о характерѣ раскольничьихъ совопросниковъ и о томъ, на что именно обращаютъ они теперь особенное вниманіе. Примѣръ ончакракскаго совопросника, который, надобно замѣтить, принадлежитъ къ числу «окружниковъ» и слѣдовательно въ нѣкоторой степени

поводомъ къ продолжительной между нами бесѣдѣ, которую почелъ я излишнимъ изложить письменно и обнародовать посредствомъ напечатанія, съ тою единственно надеждою, не послужить ли сія бесѣда, при Божіемъ благословеніи, ко вразумленію старообрядцевъ, мыслящихъ одинаково съ мимъ собесѣдникомъ.

Собесѣдникъ мой отвѣчалъ: книжку вашу получилъ и прочиталъ. Мы съ тестемъ много говорили о вашемъ присоединеніи и думаемъ, что присоединились вы безъ всякихъ интересовъ, по убѣжденію, не такъ какъ другіе, что присоединяются изъ какихъ нибудь-видовъ, какъ тѣ наприм. что присоединились въ Москвѣ.

Я отвѣчалъ: благодарю васъ, что не такъ думаете обо мнѣ, какъ прочіе бывшіе мои собратія. Но скажите, пожалуйста, какіе же особенные виды могли имѣть присоединившіеся въ Москвѣ епископы?

чуждъ стараго раскольниковъ фанатизма, примѣръ его показываетъ, съ какимъ рѣшительнымъ недоумѣріемъ принимаютъ старообрядцы все, что говорится въ защиту православія, хотя бы предлагалась имъ очевидная истина и притомъ людьми, которые въ прежнее время пользовались ихъ уваженіемъ (какъ наприм. въ настоящемъ случаѣ бывший епископъ коломенскій Пафутій, или самъ авторъ разговора), и напротивъ какое неразумное доумѣріе питаютъ они доселѣ къ своимъ собственнымъ наставникамъ, хотя бы живость ихъ ученія представляли имъ въ очевидной ясности. А что касается современныхъ раскольниковъ возраженій противъ церкви православной, то примѣръ того же совопросника показываетъ, что старообрядцы, чувствуя свою несостоятельность по старымъ, давно рѣшеннымъ и однако же существеннымъ вопросамъ относительно православія и раскола, теперь обратили преимущественное вниманіе на нашу, такъ сказать, церковную практику и особенно на мнѣя противорѣчія, которыя, будтобы допустила церковь чрезъ свою полемику противъ раскола. Оупущенія въ исполненіи церковнаго устава и жестокословныя порицанія, произнесенныя въ полемическихъ книгахъ на обряды, которые признанны самою церковію

Онъ. Виды ихъ понятны: имъ хотѣлось славы мірской, вотъ они и присоединились.

Я. Напрасно вы такъ думаете. Неужели меньше славы быть епископами, чѣмъ простыми иноками? И неужели они всѣ до единого такъ дешево ставили свое душевное спасеніе, что согласились перейти безъ убѣжденія въ ту религію, которую когда-то считали неправославною? Этого, кажется, быть не можетъ.

Онъ. Въ старообрядчествѣ были они опорочены, особенно отецъ Пафнугій. Этотъ былъ даже устраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ духовныхъ; потому, стыда ради, не зная что дѣлать, онъ и согласился присоединиться къ великороссійской церкви, да сбиль къ тому же и другихъ.

Я. Нѣтъ, И. П., это несправедливо вы такъ думаете. Во-
 за непротивные православію,—вотъ что составляетъ теперь любимыя возраженія противъ церкви православной. Нѣтъ сомнѣнія, что возраженія эти легко могутъ быть опровергнуты; но тѣмъ не менѣе желательно, чтобъ отнять былъ и всякій поводъ къ подобнаго рода возраженіямъ. Великаго плода въ дѣлѣ обращенія старообрядцевъ можно было бы надѣяться, еслибъ (тамъ особенно, гдѣ есть много раскольниковъ) богослуженіе совершалось по возможности съ строгимъ исполненіемъ устава, еслибъ православные *истово* полагали на себя крестное знаменіе, и проч. и проч. И еще большихъ плодовъ паллежить ожидать, если сдѣлано будетъ *отъ лица православной церкви* надлежащее *объясненіе* по поводу тѣхъ порицаній на двуперстіе и проч. обряды, которыми старообрядцы такъ сильно смущаются. Изъ нашихъ собственныхъ наблюденій надъ старообрядцами мы хорошо знаемъ, какую важную оказалъ услугу въ этомъ отношеніи блаженной памяти митрополитъ Григорій своимъ прямымъ и откровеннымъ замѣчаніемъ объ этихъ порицательныхъ отзывкахъ. И его однимъ замѣчаніемъ защитникъ православія можетъ удобно заграждать уста старообрядческимъ совопросникамъ: понятно, какую силу имѣлъ бы онъ въ этомъ случаѣ, еслибъ могъ говорить отъ лица всей церкви православной.

Н. Субботинъ.

первыхъ, пороковъ за ними никакихъ не было; это всему старообрядческому міру извѣстно. Во вторыхъ, о. Пафну-тій вовсе не былъ устраненъ отъ участія въ дѣлахъ духовныхъ; а если онъ и не участвовалъ въ нихъ дѣйствительно передъ тѣмъ временемъ, какъ оставилъ расколъ, то по своему желанію, и это онъ сдѣлалъ съ согласія Московскаго духовнаго совѣта. Что же касается до того, будто онъ сбиль и прочихъ къ уклоненію изъ раскола, то это говорите вы опять нерезонно. Не такъ-то легко и всякаго человѣка, даже малограмотнаго, склонить къ перемѣнѣ вѣры, а ихъ тѣмъ болѣе: вѣдь они были епископы, положимъ, не такіе ученые, какъ православные епископы, но ужъ во всякомъ случаѣ больше насъ съ вами знаютъ.

Онъ. Да что про нихъ говорить! Я никакъ не могу вѣрить, чтобы они присоединились по убѣжденію...

Я. Вы себѣ какъ хотите, такъ и думайте; а на дѣлѣ должно быть такъ именно, какъ я говорю. Впрочемъ, пожалуй, оставимъ объ этомъ продолжать рѣчь; ихъ здѣсь на лице нѣтъ; еслибъ они были на лице, то сами отвѣтили бы за себя. Мнѣ кажется только, что и совѣстно бы за глаза, недопытавшись отъ нихъ самихъ правды, толковать объ нихъ вкривь и вкось, какъ это всѣ у васъ теперь дѣлаютъ. По моему слабому разсужденію это и грѣшно даже. Такъ оставимъ же ихъ въ покоѣ, а поговоримъ лучше обо мнѣ. Вы сказали, что я по убѣжденію принялъ православіе. Что же, справедливо ли я поступилъ, по вашему мнѣнію?

Онъ. Нѣтъ.

Я. Почему же?

Онъ. Потому что ты принялъ Никоновы новодогматствованія; въ этомъ-то ты и заблудился.

Я. Знаете что, И. П., вѣдь когда вы говорите, что я заблуждаюсь, принялъ какія то Никоновы новодогматствованія,

вы говорите это, кажется мнѣ, вовсе не разумѣя дѣла. Что это за Никоновы новодогматствованія? Патріархъ Никонъ никакихъ новыхъ догматовъ въ книги православныя никогда не вносилъ; онъ только исправилъ книги богослужебныя, согласно древнимъ, подлинникамъ, греческимъ и старославянскимъ; и исправилъ собственно въ словахъ и въ некоторыхъ обрядахъ, а догматовъ нисколько не касался. Доказывать это подробно я вамъ не стану, потому что потребовалось бы на это много времени, да и книгъ для показанія вамъ я не имѣю съ собой. Если вы искренно желаете узнать, въ чемъ дѣйствительно состояли сдѣланныя Никономъ исправленія, я совѣтовалъ бы вамъ прочесть: 1, исторію раскола, составленную преосвященнымъ Макаріемъ; 2, книгу: «истинно-древняя и истинно-православная Христова Церковь», сочиненіе Григорія Митрополита Новгородскаго и С.-Петербурскаго; 3, «Выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ, Адріана Озерскаго». Только прошу васъ, читайте безпристрастно, безъ всякихъ предубѣжденій; тогда и узнаете, правильно ли исправлены Никономъ патріархомъ книги, или нѣтъ. Теперь же я хочу спросить васъ вотъ о чемъ. Можетъ ли Церковь Христова существовать безъ епископа, — вотъ такъ, какъ наши предки были безъ епископа почти 200 лѣтъ, — или не можетъ?

Онъ. Отъ чего не можетъ? Есть гдѣ-то писано, что «еще вужда належить, то мощно церкви быти и безъ епископа»

Я. Гдѣ же это написано, скажите мнѣ, въ какой книгѣ?

Онъ. Книгу назвать я не могу, но знаю, что есть гдѣ-то написано; такъ наши наставники утверждаютъ.

Я. А вы сами не читали?

Онъ. Нѣтъ, не читалъ.

Я. Такъ увѣряю же васъ, что этого не писано нигдѣ, чтобы церковь могла быть безъ епископа; и своимъ ста-

рообрядцамъ въ этомъ случаѣ вы, Бога ради, не вѣрьте: они лгутъ и говорятъ совершенно противное ученію святыхъ и богоносныхъ отецъ. Вотъ послушайте, я приведу вамъ, что могу; изъ писаній святыхъ отецъ, какъ они учатъ о необходимости епископскаго чина въ церкви Христовой. Св. Игнатій Богоносецъ пишетъ: «Елицы Христовы суть, сіи со епископомъ суть: елицы же уклоняются отъ него и общеніе любятъ съ проклятыми, сіи съ ними посѣкутся. Не бо земледѣліе Христово суть, но сѣмя вражіе». (3 Посланіе къ Филадельфіанамъ). И далѣе: «безъ епископа ничтоже творите» (тамже). «Никтоже безъ епископа что-либо да творить отъ подобныхъ, яже въ Церкви. Та извѣстна евхаристія да будетъ, яже отъ епископа бываетъ или емуже той повелить;—не лѣтъ есть безъ епископа ни крестити, ни предложенія творити, ни жртвы проскомисати, ниже церковныхъ пировъ содержать». Въ четіи-Минеи Макарія митрополита московскаго приводятся того же Святителя слова: «не подобаеть убо безъ епископа ни крещати, ни любве творити. Но еже аще онъ искусятъ, то Богу годѣ есть; иже епископа чтить, отъ Бога честевъ есть. И иже тай епископа что творить, то діаволу служитъ». (Декабрь, книга Пандокъ св. Антіоха листъ 823). Св Іоаннъ Златоустъ свидѣтельствуеть: «не можетъ Церковь безъ епископа быти». (Маргаритъ 154 л.)⁽⁶⁾. А 39 Апостольское правило заповѣдуетъ: «безъ воли епископа своего, пресвитери или діакони, да не творятъ ничто же, тому бо суть поручени людіе Господни.» Въ толкованіи: «кромѣ того (епископа) не могутъ ни что же творити, яко епископу суть поручени Господни людіе, и той хоцетъ воздати слово о душахъ ихъ» (Кормчая листъ 10 и 11). Шестое же правило Гавгрскаго собора проклина-

(6) Всѣ указанныя свидѣтельства желающей можетъ видѣть въ книгѣ А. Озерскаго, часть 1. стр. 105—108. 136—137.

еть тѣхъ, которые для своихъ священныхъ собраній хотя и имѣютъ священниковъ, но не по изволенію и благословенію епископа дѣйствующихъ. Въ семь правилѣ сказано: «Аще кто кромѣ соборныя церкви о себѣ собирается и не радя о Церкви, церковная хочетъ творити, не сущу съ нимъ пресвитеру *по воли Епископли*, да будетъ проклятъ» (Кормчая листъ 58—выписки страница 1-я.).

Это правило вамъ слѣдуетъ особенно твердо запомнить, ибо дѣйствія нашихъ предковъ, очевидно, подлежатъ содержащемуся въ немъ опредѣленію. Предки наши хотя имѣли священниковъ, но собирались на моленіе кромѣ соборныя церкви, ибо собирались съ священниками *не по воли Епископли*, и что всего важнѣе, даже и не имѣли у себя ни одного епископа, который имѣлъ бы власть рукополагать для нихъ священниковъ. И если теперь по вашему церковь и безъ епископа можетъ существовать, то скажите мнѣ, какъ же надобно судить о всѣхъ указанныхъ отеческихъ изреченіяхъ и соборныхъ правилахъ? Ихъ ли намъ признать погрѣшительными, недостойными уваженія, или признать таковыми свидѣтельства вашихъ наставниковъ, увѣряющихъ, что по нуждѣ мощно церкви и безъ епископа быти?

Олѣ. Не знаю, право, что тебѣ сказать. Если въ самомъ дѣлѣ св. Отцы такъ учатъ, какъ ты говоришь: то наши старообрядцы, конечно, заблуждаютъ. Только я словамъ твоимъ не повѣрю.

Я. Богъ съ вами! Я васъ и непринуждаю вѣрить мнѣ голословно. Вы, какъ человекъ грамотный, сами можете справиться въ книгахъ, и если окажется, что я говорилъ вамъ неправду, то позволяю назвать меня въ глаза лжецомъ и обманщикомъ. Но вотъ что еще скажите мнѣ: Христосъ Спаситель установилъ въ своей Церкви семь таинствъ: крещеніе, муропомазаніе, покаяніе, причащеніе, священство, бракъ

и елеосвященіе; всѣ ли таинства сіи должны пребывать въ Его святой Церкви до втораго славнаго Его пришествія?

Онъ. Всѣ непременно.

Я. Значить, невозможно, чтобъ которое нибудь изъ нихъ перестало дѣйствоваться,

Онъ. Невозможно.

Я. И если какая церковь не имѣтъ у себя котораго нибудь изъ семи таинствъ, можетъ ли она названа быть истинною Церковію?

Онъ. Конечно нѣтъ.

Я. Хорошо. Священство есть одно изъ седми таинствъ, и какъ извѣстно каждому, можетъ быть совершаемо только епископомъ; но такъ какъ епископовъ старообрядцы 200 л. не имѣли, то и можно съ рѣшительностію сказать, что не имѣлось у нихъ и таинства священства; а потому и церковь старообрядческая, какъ неимѣющая одного изъ семи таинствъ не можетъ быть названа истинною. Такъ слѣдуетъ повимать о Церкви или обществѣ не имѣющемъ архіерейства, а слѣдовательно и священства. Блаженный Симеонъ Солунскій принадлежащихъ къ таковому обществу не удостоиваетъ даже имени христіанъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Никтоже крещаетъ, аще не хиротонію имать: сія же отъ архіерея. И паки не можетъ крестити безъ мѹра, сіе же архіерейства есть. Тѣмъже вся Божественныя тайны и во всѣхъ священныхъ архіерейство дѣйствующе есть. И безъ того ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже мѹро святое, ниже крещеніе, виже убо христіане. Чрезъ тое убо истинное христіанство и Христовы чрезъ тое вся тайны» (книга 1 глава 77).

Онъ. Какъ же ты говоришь, что мы не имѣли таинства священства? Вѣдь у насъ же были священники постоянно.

Я. Да, были лица называвшія себя священниками и дѣй-

ствовавшія по священнически! Но были ли то истинные священники? Кто ихъ поставлялъ для старообрядцевъ? Какой епископъ посылалъ къ нимъ священнодѣйствовать? Вѣдь епископовъ 200 лѣтъ у васъ не было?

Отв. Положимъ, что не было; но мы принимали священниковъ, поставленныхъ великороссійскими епископами, принимали, какъ входящихъ отъ ереси, потому и таинство священства у насъ и не теряло своего значенія.

Я. Но разсудите сами. Вѣдь, принимая священника отъ великороссійской (какъ вы ее постоянно называете) Церкви, вы эту Церковь православною не почитаете, напротивъ признаете и зовете еретическою. По словамъ же толковаго апостола, «невозможно нигдѣже тайнѣ совершиться, токмо въ единости церкви Божіей, еже между сонмищами еретическими нѣсть, тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго отъ нихъ, еже тако есть достойно, яко крещаемого отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію церкви, паки крестити нѣтребѣ» (Толковой Апостолъ листъ 549.). Изъ сихъ словъ явствуетъ, что священникъ вашъ, какъ получившій, по вашему мнѣнію, таинство священства отъ церкви еретической, священнаго на себѣ не имѣетъ сана, ибо по смыслу приведенныхъ словъ въ еретической церкви нѣтъ ни одного таинства, кромѣ крещенія, да и это послѣднее тогда только признается дѣйствительнымъ и не повторяется, когда кто изъ еретиковъ обратился къ церкви; «аше ли не приидетъ къ церкви, ничесоже ему нѣсть полезно». (Тамъ же на 549 листѣ.) Вотъ что выходитъ изъ вашего замѣчанія, что старообрядцы принимали священниковъ отъ ереси входящихъ. Правда, извѣстны въ церковной исторіи нѣсколько примѣровъ подобнаго рода принятій. Но у васъ правильно принять отъ мнимой ереси входящаго священника было некому, потому что право это предоставлено однимъ

только епископамъ, которыхъ у васъ не было, а не священникамъ, какъ это дѣлали наши старообрядцы и даже теперь нѣкоторые дѣлаютъ, какъ напримѣръ Лужковскіе. Принимая отъ ереси приходящаго священника, нужно преподать ему благодать рукоположенія, которой ни одинъ священникъ, если даже былъ и законный, преподать не можетъ, ибо власть рукоположенія принадлежитъ только епископу. А у васъ принимали священниковъ священники же, притомъ и сами незаконно приняты; у васъ и митрополита Амвросія, отъ котораго произошла вся ваша нынѣшняя іерархія, принялъ также простой священникъ, да еще такой, котораго и сами старообрядцы не признаютъ правильно принятымъ, т. е. законнымъ священникомъ. И выходитъ такимъ образомъ, что у васъ «неимѣющей благословенія благословляетъ не имѣющаго благословенія. Не есть ли сіе одинъ только призракъ благословенія, которымъ люди не благословенные прельщаютъ другъ друга?»^(в) И однакоже такое отступленіе отъ священныхъ правилъ вы и нынѣ признаете за свято. Къ чему же послѣ этого и правила, положенныя въ Кормчей? Къ чему писанія св. отецъ? Неужели у васъ не имѣютъ они никакого значенія? Надо полагать, что такъ. Одинъ московскій начетчикъ изъ вашихъ и высказалъ уже, что правила, приводимыя православными противъ раскольниковъ въ неправильномъ принятіи ими митрополита Амвросія, не относятся къ нимъ, «а касаются только до внутръ круга православныхъ»^(г). Такъ какъ мы, дескать, старообрядцы, а

(в) Изъ Бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу.

(г) Такъ отвѣчалъ на вопросы единовѣрцевъ Семень Семеновъ. Отвѣты его напечатаны въ книгѣ Игумена Парвенія «обличеніе отвѣтовъ данныхъ раскольниками.»

не православные, то правила эти и не имѣютъ для насъ никакой силы. Что вы на это скажете?

Онъ. Что же я могу сказать? Если въ самомъ дѣлѣ безъ епископа церкви быть невозможно, то наши старообрядцы, конечно, заблуждаются. Только я все-таки словамъ твоимъ не повѣрю. Ты можешь начитался этого въ гражданскихъ книжкахъ, потому такъ и говоришь: а я книжкамъ этимъ не вѣрю. Вотъ если увижу самъ, своими глазами въ отеческихъ старинныхъ книгахъ, тогда повѣрю.

Я. Повторяю вамъ опять, что я не заставляю васъ вѣрить мнѣ голословно; я тоже совѣтую вамъ читать побольше именно старинныхъ книгъ: тогда вы сами найдете въ нихъ тѣ свидѣтельства, которыя я приводилъ. А чтобъ вамъ долго не рыться, еще разъ совѣтую приобрести книгу подъ заглавіемъ «Выписки изъ старописьменныхъ и старопечатныхъ книгъ Адриана Озерскаго.» Въ ней вы скорѣе можете отыскать мѣста, относящіяся до старообрядчества. Если же захотите повѣрить, безошибочно ли приведены напечатанныя въ ней выписки изъ древнихъ книгъ, можете справиться въ тѣхъ книгахъ, на которыя выписки указываютъ, ибо въ нихъ указано, изъ какой книги какое мѣсто взято, указаны даже годъ печатанія каждой книги, глава и листъ.

Онъ. Хорошо, я пожалуй выпишу эту книгу, если она такъ хороша. А теперь поговоримъ-ка мы съ тобой о великороссійской церкви, —будетъ о старообрядцахъ, —вотъ на примѣръ о томъ, что священники великороссійскіе въ служеніи очень много пропускаютъ, какъ ты и самъ это замѣчалъ неоднократно и написалъ въ своемъ «разказѣ», какъ-то: антифоны на утрени не дочитываютъ, псалмы и прочее. Что ты на это скажешь? вѣдь это очень не хорошо.

Я. На это скажу вамъ то, что и въ разказѣ своемъ написалъ: если гдѣ и бываютъ подобныя упущенія (а къ сожалѣ-

нію бываютъ дѣйствительно), то отвѣтственность падаетъ не на молящихся, а на служащихъ, и во всякомъ случаѣ ради подобнаго рода недостатковъ отъ церкви отдѣляться никакъ не слѣдуетъ. И развѣ такіе недостатки, да еще и гораздо поважнѣе, не бывали и въ прежнеевремя? Припомните, что пишется въ книгѣ Стоглавъ, — какія въ то время происходили неблагочїнія въ нѣкоторыхъ церквахъ. Но чрезъ это никто и не думалъ тогда отдѣляться отъ церкви. Притомъ же указанные вами недостатки не во всѣхъ же православныхъ храмахъ можно замѣтить. Развѣ мало священниковъ, которые съ большимъ благоговѣніемъ отправляютъ службы?

Онъ. Мало подобныхъ, а большею частію такіе, которые служатъ небрежно. Правда, я въ Молдавіи былъ въ одномъ монастырѣ, гдѣ служеніе совершается все по уставу, ничего не пропускаютъ.

Я. Вотъ видите, — это вы замѣтили; а я былъ какъ-то въ новонамецкомъ монастырѣ въ с. Кицканахъ ^(а): тамъ все служеніе идетъ по уставу, ничего не пропускается. Также и въ с. Веденскомъ (Тамурѣ) служба совершенно по уставу отправляется. Это мы съ вами знаемъ; а кто постранствовалъ по святой Руси, особенно по иноческимъ обителямъ, тотъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ и очень много такихъ храмовъ и монастырей, гдѣ чинъ богослуженія исполняется во всей строгости и со всѣмъ благоговѣніемъ. Осуждать же не благоговѣнно служащихъ православныхъ священниковъ вамъ никакъ не слѣдуетъ. Сознайтесь-ка, все ли и у васъ исполняется по уставу? Дѣло въ томъ, что чужіе недостатки мы всегда видимъ, а у себя предъ глазами не замѣчаемъ.

Онъ. Это правда, — каждый свои недостатки считаетъ

(а) Этотъ монастырь составилъ изъ иноковъ знаменитаго молдавскаго немецкаго монастыря, года четыре или пять тому назадъ; онъ находится въ 12 верстахъ отъ Бендеръ.

менѣ важными чѣмъ у другаго; но все же мнѣ кажется, что священники великороссійскіе ведутъ себя слабѣе,—чѣмъ бы слѣдовало, напримѣръ хоть у насъ въ Кагулѣ вдовый отецъ NN?—ты его знаешь?

Я. Какъ же, знаю.

Онъ. Ну что же! Онъ какъ священникъ долженъ бы своею строгою жизнію примѣръ подавать паствѣ, а вмѣсто того служить соблазномъ для слабодушныхъ

Я. Это справедливо, что священникъ долженъ служить примѣромъ для пасомыхъ, по заповѣди апостола: «образы бывайте стаду» ^(е). Но судить намъ священниковъ за нравственныя слабости все-таки не приходится: «ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоять, или падаетъ». При томъ же разсудите, что и священникъ такой же человѣкъ, облеченный плотію, какъ и всѣ мы грѣшныя. Санъ же не избавляетъ отъ слабостей и страстей человѣческихъ. И во всякомъ случаѣ, повторяю вамъ, не наше дѣло судить священниковъ, пусть судить ихъ Богъ, если они согрѣшаютъ Ему; а у насъ своихъ грѣховъ довольно, себя лучше будемъ судить. Но вы указали мнѣ примѣръ съ тою цѣлію, чтобъ опорочить вообще православное духовенство; а что еслибы я вздумалъ приводить примѣры, чтобы показать, каково ваше старообрядческое духовенство, прежнее и нынѣшнее, какъ жили и живутъ ваши попы и иноки? Вѣдь примѣровъ нѣсть числа! только я не стану подражать вамъ, не стану приводить примѣровъ, помня изреченіе: да не возглаголють уста моя дѣлъ человѣческихъ...

Онъ. Ну положимъ, что о человѣческихъ паденіяхъ; отъ которыхъ соблюстись трудно, говорить нечего. А вотъ нѣкоторые изъ вашихъ священниковъ и то дѣлають, на соблазнъ

(е) 1. Пос. Петрово глав. 5. ст. 3-й.

другихъ, отъ чего легко можно соблюсти себя,—постовъ не соблюдаютъ, табакъ курятъ, а что всего хуже, о религіи съ пренебреженіемъ относятся.

Я. Что табакъ курятъ, да еще и въ публичныхъ мѣстахъ, на желѣзныхъ дорогахъ наприм., это, конечно, дурно и крайне неприлично; только недостатокъ этотъ неужели до вѣры касается? А чтобы постовъ не соблюдали, особенно, избави Боже, о религіи отзывались неуважительно, то я не знаю, гдѣ это вы слышали и видѣли? Если и дѣлается это гдѣ-нибудь и кѣмъ-нибудь, то, конечно, тайно; а содѣланное тайно, тайно и судится. Но чтобы въ церкви какой-нибудь священникъ говорилъ противъ вѣры или нравственности, это доселѣ не слыхано, и еслибы нашелся такой безумецъ, подвергся бы церковному суду. Да наконецъ; допустимъ, что все это есть. Что же изъ этого? Развѣ заблужденіе или нечестіе отдѣльнаго лица падаетъ на всю церковь? Развѣ и Апостолъ не предрекалъ, что будутъ пастыри нещадящїе стада и глаголющїе развращенная, и развѣ такихъ пастырей дѣйствительно не было? Однакоже Церковь осталась и стоитъ цѣла и непорочна. Даже священныя дѣйствія совершаемыя недостойными пастырями нисколько не теряютъ своего священнаго значенія. Кому бы, какъ не вамъ, старообрядцамъ, лучше знать сказанное въ инокескомъ требникѣ: «не всѣхъ избираетъ Духъ Святый; но чрезъ всѣхъ дѣйствуетъ ^(ж)». И чрезъ священника недостойнаго благодать дѣйствуетъ, какъ чрезъ нѣкое орудіе, хотя и горе такому орудію ^(в). Этимъ изреченіемъ вы постоянно успокоивали себя, видя безобразія своихъ самочинныхъ пастырей; а когда поведете рѣчь о православномъ духовенствѣ, не хотите его припомнить.

(ж) См. въ требникѣ Инокескомъ, листъ 53 на обор. и 56.

(в) Тамже л. 56.

Онъ. Вотъ еще не хорошо дѣлають въ великороссійской церкви, что позволяютъ всѣмъ неправославнымъ входить въ церковь и молиться, тогда какъ это воспрещено правилами.

Я. Да знаете ли вы, съ какою цѣлю такія правила уставлены?—для того, чтобы предохранить православныхъ, какъ бы еретики своимъ ученіемъ или проповѣдію не совратили ихъ въ ересь; и такія правила нужны были въ то время, когда ереси сильно распространялись въ Церкви. А теперь развѣ иновѣрцы приходятъ въ православные храмы за тѣмъ, чтобы проповѣдывать свое ученіе? И развѣ церковная и гражданская власти позволили бы имъ являться туда для проповѣди? А если они приходятъ за тѣмъ, чтобы получить понятіе о православномъ богослуженіи и чрезъ это могутъ получить даже расположеніе къ православію, разсудите сами, благо-разумно ли и законно ли было бы недопускать ихъ въ православные храмы. Развѣ пословъ нашего великаго князя св. Владиміра, тогда еще язычниковъ, не допустили въ храмъ св. Софіи въ Константинополь и развѣ не это самое послужило къ тому, что Русь приняла вѣру Христову? Согласитесь же, что Церковь православная поступаетъ въ истинно христіанскомъ духѣ, дозволяя и иновѣрцамъ присутствовать при ея благолѣпномъ богослуженіи. А въ этой мелочной строгости, съ какой вы наблюдаете, какъ бы съ кѣмъ иномыслящимъ не сдобщиться въ моленіи и въ пищѣ, поставляя въ томъ величайшій грѣхъ, виденъ духъ не христіанскій, а фари-сейскій! И всѣ-то у васъ еретики,—и Греки и великорос-сіяне! ^(и) Кстати, скажите-ка мнѣ по совѣсти, когда это

(и) Объ этой нетерпимости раскольниковъ въ отношеніи ко всѣмъ непринадлежащимъ къ ихъ согласію, простирающейся до того, что они почитаютъ грѣхомъ назвать православнаго даже «братомъ» и встрѣчать его христіанскимъ привѣтствіемъ, предлагаю въ приложеніи особую статью.

греческая Церковь, потеряла свое благочестіе? до Никона патріарха, или послѣ?

Онъ. Конечно до Никона.

Я. Сколько же лѣтъ прежде?

Онъ. Сколько именно, сказать не могу.

Я. По крайней мѣрѣ будетъ ли сто лѣтъ, пятьдесятъ или меньше?

Онъ. И этого не скажу тебѣ, потому что не знаю.

Я. Это хорошо, что вы сознаетесь по крайнѣй мѣрѣ въ незнаніи. А вотъ нѣкоторые изъ вашихъ, основываясь на «Соловецкой Челобитной», утверждаютъ, что греческая Церковь утратила свое благочестіе лѣтъ за 400 до Никона патріарха.

Онъ. Это ложь, и челобитной многіе старообрядцы у насъ теперь не вѣрятъ.

Я. Разумѣется ложь, потому что въ «книгѣ о вѣрѣ», напечатанной за пять лѣтъ до начала исправленія Никономъ богослужебныхъ книгъ, говорится, что «святая восточная во грецѣхъ обрѣтенная церковь, ни въ чемомъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ Его ученикъ и святыхъ отецъ преданія и седми вселенскихъ соборовъ, Духомъ Святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отмѣняетъ и въ малѣйшей части не отступаетъ.» И еще: «слушаемъ (патріарховъ) Александрійскаго, Антиохійскаго, Іерусалимскаго и великой Руссіи, яко единовѣрныхъ константинопольскому архіереовъ почитаемъ и пріимаемъ;—къ нимъ бо належать оны Христовы словеса: слушай васъ, Мене слушаетъ; а отмѣтайся Мене, отмѣтается пославшаго Мя. И истинно есть, кто слушаетъ патріарховъ и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, Христа слушаетъ, а кто отменяется ихъ, самага Христа Бога отмѣтается той» ⁽¹⁾. Теперь спрашивается, правы ли

(1) Кн. о вѣрѣ г. 27—28; 232.

были наши предки, что отступились отъ четырехъ восточныхъ патріарховъ и отъ своего Россійскаго? Непослушавъ патріарховъ, они не метнулись ли отъ самаго Христа Бога? Положимъ, они заподозрили въ мнимой ереси Никона патріарха и всю россійскую Церковь; въ такомъ случаѣ зачѣмъ же не обратились къ восточнымъ патріархамъ? Непослушавъ патріарховъ, они послушали раздорниковъ, — протопопа Аввакума, попа Никиту, Лазаря и діакона Θεодора. Неужели на всемъ свѣтѣ всѣ епископы сдѣлались тогда не православными и одни только эти люди знали истинное православіе?

Онъ. Вижу, что вопросъ твой клонится все къ тому же, что безъ епископовъ церкви быть не возможно. Вопросъ этотъ, конечно, важный и если правда, что говоришь ты, то наши дѣйствительно ошиблись. Только мнѣ удивительнымъ кажется, ужели наши наставники не знали въ самомъ дѣлѣ, что церковь безъ епископа быть не можетъ, и ужели они не читали того, что ты мнѣ указываешь. Это что-то не вѣроятно, тѣмъ больше, что не всѣ же изъ нашихъ невѣжи; есть много такихъ, особенно въ Москвѣ, которые хорошо понимаютъ священное писаніе.

Я. Что мнѣ сказать вамъ объ вашихъ наставникахъ? Вотъ лучшіе-то изъ нихъ дозволяли наконецъ правду и перешли изъ раскола въ православную Церковь; а изъ остальныхъ не видятъ и не понимаютъ ясныхъ мѣстъ въ писаніяхъ отеческихъ, одни дѣйствительно *по невѣжеству*, другіе *по упорству и закоренелости въ расколъ*, а третьи пожалуй, не хотятъ видѣть и понимать *по расчетамъ*, чтобы поддержать расколъ. Впрочемъ были всегда между старообрядцами люди, понимавшіе, что безъ епископа церкви быть не возможно, скорбѣли, что не имѣютъ архіереевъ, и нѣсколько разъ пытались пріобрѣсти ихъ, даже и добывали, но только къ несчастію вмѣсто епископовъ пріобрѣтали самозванцевъ и об-

маншиковъ, каковыя были: Епифаній, Афиногень и Анфимъ, которыхъ и вы сами стыдитесь. Вотъ видите, старообрядцы хорошо сознавали, что безъ епископа быть церкви не возможно; и однакоже 200 лѣтъ жили безъ епископа! А что ваши начетчики могутъ постоянно сидѣть за книгами и не видѣть того, что въ нихъ говорится въ обличеніе раскола, это хорошо доказываетъ исторія изданнаго въ Москвѣ *Окружнаго посланія*. Въ немъ, какъ вы очень хорошо знаете, опровергнуты старыя невѣжественныя злохуленія, на имя Иисусово, на четвероконечный крестъ и другія, опровергнуты на основаніи старописменныхъ и старопечатныхъ книгъ. Эти книги двѣсти лѣтъ читались вашими начетчиками; а того, что указано теперь въ *Окружномъ посланіи*, они не видали или не хотѣли видѣть. Да что говорить о прежнихъ; и нынѣшніе, когда имъ такъ ясно уже показано все это въ *Окружномъ посланіи*, все еще видя не видятъ. И это не одни безпоповцы, противъ которыхъ *посланіе* написано, а и большая часть изъ вашихъ, приемлющихъ священство. Что у васъ теперь происходитъ изъ-за *Окружнаго посланія*, какіе не скончаемые споры и рездоры?! ^(к) Вотъ и можно видѣть отсюда, что старообрядцы намѣренно не хотятъ тому слѣдовать, что говорится даже въ старинныхъ книгахъ, ими уважаемыхъ, а хотятъ дѣлать и жить такъ, какъ имъ предки патолковали, не разсуждая, правильно ли предки толковали, или нѣтъ...

Онъ. Ну да что говорить объ *окружномъ*; вѣдь противъ него возстали одни только невѣжи, необразованные, а кто больше понимаетъ, тотъ ничего вреднаго и противнаго върѣ въ немъ не находитъ, даже много полезнаго почерпаетъ въ немъ.

Я. Значить, посланіе дѣйствительно справедливо написано?

Онъ. Разумѣется справедливо.

(к) Привожу образчикъ подобнаго рода споровъ въ приложеніи.

Я. Такъ почему же его ваши власти уничтожили?

Онъ. Это они сдѣлали изъ снисхожденія къ малограмотнымъ и ради мира церковнаго, ибо нѣкоторые, не понявъ въ немъ тонкихъ выраженій, стали соблазняться имъ.

Я. А развѣ можно изъ снисхожденія къ невѣждамъ и ради будто бы мира церковнаго отказываться отъ истины? Вѣдь въ *Окружномъ посланіи* есть такія истины, отъ которыхъ отказаться, значитъ отказаться отъ христіанства, таковы: о Хриstopреданномъ священствѣ, о святѣйшей тайнѣ евхаристіи, что они пребудутъ до скончанія вѣка. Все это ясно и обстоятельно выражено въ *Окружномъ посланіи*; а ваши власти порѣшили однимъ почерковъ пера: «опровергаемъ (*Окружное посланіе*) и уничтожаемъ и яко не бывше вмѣняемъ.»

Онъ. А чтожь нужно было дѣлать съ этими невѣждами и раздорниками?

Я. Нужно было объяснять имъ истину и вразумлять ихъ въ духъ кротости; а не послушаютъ, Богъ съ ними. Но самимъ уничтожать и испровергать истинное ученіе никакъ не слѣдовало. Мнѣ представляется что у васъ теперь происходитъ то же, что было въ первыя времена раскола при патріархѣ Никонѣ, и нынѣшнія ваши событія могутъ нѣсколько объяснить, какъ и въ началѣ появился расколъ. Точно такимъ же образомъ начальники раскола, во время Никона патріарха, возстали противъ исправленія книгъ, произвели волненіе въ Церкви православной, какъ теперешніе раздорники возстали противъ *Окружнаго посланія* и произвели уже отъ раскола расколъ. Разница между тѣмъ и другимъ событіемъ заключается въ томъ лишь, что тогда соборное исправленіе книгъ произвело расколъ въ большихъ размѣрахъ противъ нынѣшняго, возникшаго въ нѣдрахъ самого раскола, но по характеру то и другое событіе дѣйствительно одинаковы. Какъ тогда пастырей православныхъ, простиравшихъ къ нимъ кроткія

ваставленія, раскольники отвергли и назвали еретиками; такъ и нынѣ, когда явились у старообрядцевъ свои пастыри, (законные они, или не законные, не мѣсто здѣсь говорить объ этомъ), и стали исправлять нѣкоторыя изъ старыхъ грубыхъ ошибокъ, они и этихъ не хотятъ слушать, назвали еретиками же. Вотъ вы и можете судить отсюда, изъ-за чего и отъ чего произошелъ расколъ и въ старое время. Отъ крайняго невѣжества, малограмотности и грубости. И теперь какое у старообрядцевъ образованіе? Все кончается букваремъ, псалтирю, да часословомъ. Вѣдь этого мало, чтобы судить, какъ дѣлаетъ у васъ каждый, о вѣрѣ христіанской. А вотъ какъ бы далъ Богъ, явилось между нами побольше образованія, тогда быть можетъ, прекратился бы и расколъ.

Онъ. Да будетъ тебѣ объ *Окружномъ*; ты скажи мнѣ вотъ что. Когда васъ присоединяли къ великороссійской церкви, то какимъ крестомъ велѣли молиться, двуперстнымъ, или треперстнымъ?

Я. То-есть какъ требовали слагать персты для осѣненія себя крестнымъ знаменіемъ? Объ этомъ насъ неистязывали, — предоставили на нашу волю креститься двумя перстами, или тремя, требовали только, чтобы въ томъ и другомъ случаѣ не соединяли съ перстосложеніемъ какого нибудь неправославнаго мудрованія.

Онъ. Странно; положимъ, что единовѣрцамъ не запрещаютъ двумя перстами молиться, потому что у нихъ и обряды и книги наши; но вѣдь ты перешелъ не въ единовѣріе.

Я. Здѣсь нѣтъ ничего страннаго; все очень просто и ясно. Православная Церковь не придаетъ такой великой важности перстосложенію, какъ старообрядцы; въ томъ, что не касается догмата, она охотно дозволяетъ чадамъ своимъ слѣдовать тому обычаю, какого они привыкли держаться съ юныхъ лѣтъ. Тому, кто привыкъ употреблять двуперстное сложеніе

руки, она не воспрещаетъ этого обычая, такъ какъ знаетъ, что молящійся двуперстно не соединяетъ ничего неправославнаго съ этимъ перстосложеніемъ. Вотъ почему нѣкоторые иконы православные молятся и въ церкви и дома двуперстно. На томъ же основаніи и единовѣрцамъ дозволены такъ-называемые старые обряды, ибо дознано на опытѣ, что обряды сіи не имѣютъ ничего въ себѣ еретическаго. А еслибы Церковь полагала (какъ и было въ прежнее время), что въ нихъ есть что-либо неправославное, еретическое, то никакъ не дала бы такого дозволенія.

Онъ. Нѣтъ, какъ ты хочешь, а Церковь ваша сама себѣ противорѣчить. Дмитрій Ростовскій въ своей книгѣ «Розыскъ» наименовалъ двуперстное сложеніе «демоносѣденіемъ» и обозвалъ другими жестокословными порицаніями; а теперь великороссійская Церковь тѣмъ же двуперстнымъ сложеніемъ дозволила молиться. Вотъ видишь, одно и тоже перстосложеніе для крестнаго знаменія и велить употреблять и демоносѣденіемъ называетъ.

Я. Вы не такъ понимаете это мѣсто у святителя Дмитрія, даете ему свое собственное толкованіе. Чтобы судить о немъ правильно, нужно посмотрѣть, какъ именно сказано въ его книгѣ, какая у него связь рѣчи. Вотъ жаль, что у насъ этой книги нѣтъ подъ руками; поэтому ни я, ни вы рѣшительно говорить объ этомъ предметѣ не можемъ. Я только скажу вамъ объ этомъ свое мнѣніе. Помнится мнѣ, что святитель Дмитрій выразился такъ рѣзко о двуперстїи потому, что тогда старообрядцы изрыгали страшныя хулы на треперстное сложеніе. У нихъ была составлена тетрадка съ изображеніемъ руки, имѣющей православное перстосложеніе, и надъ тремя перстами этой руки написано *са-та-на*. Въ отвѣтъ на такое ругательство Дмитрій и сказалъ, что если вы такъ хулите наше треперстное сложеніе, то можно и на вашемъ

двуперстномъ написать *де-монъ*, а не написалъ дѣйствительно. Вотъ и все. Даже самого слова «демоносѣденіе» у него нѣтъ, это выдумали уже раскольники. Вы возстаете противъ Димитрія; но если хотите быть безпристрастными: то прежде позовите на свой судъ вашихъ единовѣрцевъ, противъ которыхъ онъ пишетъ: ихъ-то дерзость какова? Написать на крестномъ знаменіи *сатана*! Посудите сами, можно ли было стерпѣть такія страшныя хулы, какими раскольники поносили то, что свято почитаютъ православные? вѣдь они своимъ безуміемъ сами вызывали отвѣчать имъ по ихъ безумію, — сами вводили во искушеніе. Такъ не судите же строго такъ о Святителѣ Димитріѣ, который могъ же увлекаться въ спорахъ, какъ и всѣ люди ⁽¹⁾.

Онъ. Все-таки мнѣ это неудобовразумительно. Какъ же

(1) Возвратившись домой, я справился въ книгѣ «Розыскъ», и оказалось, что мысль святителя Димитрія я передалъ довольно вѣрно. Вотъ что говорится въ «Розыскѣ»: у св. Димитрія находилъ свитокъ раскольничій, составитель котораго «начерта руку, три перста сложены имущую; на единомъ убо перстѣ написа *са*, на другомъ *та*, на третьемъ *на*, сіе есть *сатана*; и подписа, яко то имя есть сквернаго богоборца антихриста, еже онъ дастъ на деснѣй руцѣ вѣрующихъ въ онъ. И худить насъ правовѣрныхъ, аки бы мы въ антихриста, а не въ Христа вѣруемъ и акибы антихристово имя на тріехъ перстахъ носимъ, и антихристовымъ аки бы именемъ знаменаемъ». Затѣмъ св. Димитрій пишетъ: *приличнѣ имъ* раскольщикомъ на своемъ двуперстномъ сложеніи написати имя демонское: на единомъ перстѣ *де*, на другомъ *монъ*, и такъ будетъ на двухъ ихъ перстахъ сидѣти демонъ, егоже они давно въ сердцахъ своихъ носятъ и того слушаютъ, и егоже духомъ учими мудрствуютъ хульная и ложная на Христову церковь» (Розыскъ, часть 2 гл. 26). Итакъ собственно слова «демоносѣденіе» въ Розыскѣ дѣйствительно нѣтъ и св. Димитрій выразился не такъ рѣшительно, какъ утверждаютъ раскольники, онъ сказалъ: *приличнѣ имъ написать* на своемъ двуперстномъ сложеніи, а самъ не нарисовалъ руки съ двуперстнымъ сложеніемъ и не надписалъ на ней *демонъ* по примѣру «раскольничьяго свитка».

употреблять такія выраженія о перстосложеніи, которое сама же Церковь ваша не признаетъ неправильнымъ? Да вѣдь не одинъ Димитрій такъ выражается, его выраженіе приняла и вся великороссійская Церковь, ибо его книгу, именуемую «Розыскъ», она печатаетъ; тоже повторяетъ въ предисловіяхъ къ Псалтири, какъ бы въ руководство каждому читающему. Вотъ и выходитъ, какъ я сказалъ тебѣ, что Церковь великороссійская и одобряетъ двуперстное сложеніе и называетъ его демоносѣденіемъ.

Я. Да вѣдь я же вамъ сказалъ, что этого слова нѣтъ и у святителя Димитрія. А что будто бы Церковь православная приняла такое названіе, такъ это вы говорите совершенно несправедливо. Книга Розыскъ дѣйствительно издается по благословенію Церкви, но это еще не значитъ, что каждое изреченіе этой книги она издаетъ какъ правило, какъ руководство для всѣхъ вѣрующихъ. О предисловіи же къ Псалтири вы свазали рѣшительную неправду: есть тамъ довольно укоризненныя выраженія о двуперстїи, но демоносѣденіемъ оно въ псалтиряхъ никогда не называлось ^(м). И ужъ если васъ такъ занимаетъ выраженіе святителя Димитрія, то что бы не осталось оно для васъ не разъясненнымъ, я совѣтую вамъ прочесть объ этомъ въ книгѣ: «истиннодревняя Христова Церковь»: тамъ найдете довольно удовлетворительный отвѣтъ; на словахъ же мы съ вами если будемъ препираться, изъ этого пользы мало будетъ.—Скажу отъ души—пора бы вамъ возвратиться въ вѣдра святой Церкви Божіей. Что васъ удер-

(м) Въ то время я не зналъ еще, что предисловіе сіе издано теперь въ исправленномъ видѣ и укоризненныя выраженія о двуперстїи совсѣмъ исключены изъ него. Благодареніе Господу Богу и попечительнымъ пастырямъ православной церкви за сіе истинное благое дѣло; многихъ людей, подобныхъ моему собесѣднику, можетъ обратить оно на путь истинный.

живаетъ въ удаленіи отъ нея? Ужели двуперстное сложеніе? Ужели оно такъ важно, что ради его должно отдѣляться отъ Церкви? Вѣдь перетосложеніе не есть догматъ, основанный и утвержденный на словѣ Божіемъ; ни двуперстное, ни треперстное сложеніе не утверждены св. вселенскими соборами. Какъ же безстрашно поступаютъ тѣ, которые ради перетосложенія отдѣляются отъ Церкви! Старообрядцы очень любятъ повторять слова святаго Златоуста о церковномъ раздѣленіи: «ничтоже тако раздражаетъ Бога, яко еже церкви раздѣлитися, аще и безчисленна будетъ содѣявшая благая. Ниже мученическая кровь можемъ сего заглавити грѣха.» А между тѣмъ никто больше ихъ не нарушаетъ этого великаго изреченія. У нихъ отдѣляться другъ отъ другъ ради всякой мелочи и за грѣхъ не считается. Первое дѣло—другъ съ другомъ вмѣстѣ не молиться, другъ друга ненавидѣть, другъ друга еретикомъ называть. И все это изъ-за чего? Большею частію изъ-за разностей въ какихъ-нибудь обрядовыхъ мелочахъ. Да, на эти мелочи вы обращаете вниманіе; вотъ какъ упорствуете, нападаая на изреченіе святителя Димитрія о двуперстномъ сложеніи, какъ будто онъ возсталъ противъ какого нибудь основнаго догмата вѣры, произнесъ нетерпимую ересь! А дѣйствительныхъ еретическихъ мнѣній у вашихъ учителей не хотите замѣтить, тогда какъ противъ нихъ-то прежде всего и слѣдовало вооружиться. Вотъ, на прим. почему ваши пастыри не обращаютъ вниманія на ереси, которыя оказались въ Бѣлокриницкомъ уставѣ, гдѣ знаменитый основатель вашей новой іерархіи инокъ Павелъ сдѣлалъ изложеніе вѣры, и въ его же третьей части Бѣлокриницкой церковной исторіи?

Онъ. Какія тамъ ереси? Это говоришь ты неправду, — никакихъ ересей тамъ нѣтъ.

Я. Вотъ видите, когда коснулось дѣло до васъ самихъ,

вы ужъ вѣрить ничему не хотите. Вамъ и самимъ слѣдовало знать, чему учить вашъ знаменитый учитель. А если не знаете, я пожалуй скажу вамъ. Во второй статьѣ Бѣлокриницкаго устава проповѣдуется, что будто бы Богъ Отецъ родилъ Слово, Сына Своего, въ то время когда сказалъ: «да будутъ вѣцы.» Значить, было время, когда Сынъ Божій не былъ еще рожденъ, и Богъ Отецъ родилъ Сына тогда уже, когда благоволилъ сотворить вѣки, т. е. во времени. Вѣдь это рѣшительно ересь! Потомъ въ третьей части Бѣлокриницкой церковной Исторіи, сочиненіе того же Павла, на 51 и 73 страницахъ, есть и другія подобныя ереси. Все это даже замѣчено было въ Москвѣ, на соборѣ, въ присутствіи всѣхъ старообрядческихъ епископовъ въ 1863 году и признано за богопротивныя ереси, о чемъ тогда же дано было знать и митрополиту Кирилѣ.

Онъ. Не вѣрится мнѣ, чтобы все это было такъ, какъ ты говоришь.

Я. Если не вѣрите, такъ посмотрите сами въ Бѣлокриницкомъ уставѣ и въ третьей части Бѣлокриницкой церковной исторіи. Вамъ это сдѣлать не трудно, такъ какъ вы живете не очень далеко отъ Бѣлой-Криницы.

Онъ. А ты откуда это знаешь?

Я. Я читалъ объ этомъ въ «отвѣтъ на письмо глаголемаго старообрядца,» сочиненіе бывшаго архидіакона Филарета. Отвѣтъ напечатанъ въ журналѣ «Душеполезное Чтеніе» и отдѣльной книжкой, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1865 года, въ Москвѣ.

Онъ. Это пустяки. Филаретъ не правду напечаталъ.

Я. Нѣтъ, извините, М. П., онъ напечаталъ сущую правду. Устава, положимъ, я не видалъ; а что касается церковной исторіи, такъ я самъ ее читалъ и убѣдился, что отзывъ Филарета объ этой книжкѣ совершенно справедливъ. По этому обстоятельству можно судить, что и объ уставѣ онъ

сказалъ правду. Да и нельзя допустить, чтобы ложное позволили печатать. А ваши пастыри не заботятся объ истребленіи такихъ ересей, несмотря на то, что ихъ указали имъ въ сочиненіяхъ Павла. Что же оставалось дѣлать людямъ, которые считали за великій грѣхъ держаться подобныхъ еретическихъ ученій? Ужели имъ слѣдовало оставаться въ общеніи съ этими пастырями, которые объ уничтоженіи ересей не пекутся? Конечно, слѣдовало разорвать съ ними общеніе и бросить расколъ. Такъ и поступили бывшіе старообрядческіе епископы Онуфрій и Пафнутій и прочіе ихъ собратія. Вотъ что заставило ихъ обратиться къ православной Церкви, а не слава и почести небывалыя, какъ вы говорите. Самъ о. Пафнутій, до присоединенія своего, и открылъ въ сочиненіяхъ Павла еретическія мысли, онъ и указалъ ихъ старообрядческимъ епископамъ; по его внушенію эти послѣдніе и составили соборное противъ нихъ постановленіе, написавъ разборъ на сочиненія Павла, который и препроводили въ Бѣлую-Криницу. А потомъ сами же оставили все по прежнему, и тѣ же еретическія мысли въ сочиненіяхъ Павла остаются неисправленными доселѣ. А это, замѣтьте, не обрядъ какой-нибудь, въ родѣ двуперстнаго или треперстнаго сложенія....

Послѣ этого собесѣдникъ мой перешелъ опять къ нескончаемымъ толкамъ о двуперстіи, зачѣмъ оно похулено въ Розыскѣ и другихъ полемическихъ книгахъ. Онъ съ упорствомъ нападалъ на православныхъ пастырей, не внимая никакимъ моимъ доказательствамъ въ ихъ защиту, такъ что я принужденъ былъ сказать ему: «мы съ вами не спорить сошлись, а мирно побесѣдовать о нашихъ религіозныхъ недоразумѣніяхъ; если же вы возводите нашъ разговоръ до спора, то я, вынужденнымъ нахожусь прекратить его. Оставайтесь вы при своемъ, а я при своемъ останусь. Въ заключеніе я

только опять совѣтую вамъ прочесть о жестокословныхъ порицаніяхъ на двуперстіе въ книгѣ «Истинно-древняя Христова Церковь»: эта книга есть въ Кагулѣ у вашего родственника С. А. Г.; онъ взялъ ее у меня.

Такъ мы и разстались. Въ послѣдствіи слышалъ я, что собесѣдникъ мой похвалялся предъ нѣкоторыми изъ старообрядцевъ, будто своими вопросами сдѣлалъ меня безотвѣтнымъ и вообще одержалъ надо мною побѣду въ преніи. Безпристрастному читателю предоставляю судить, справедлива ли такая похвальба. Надѣюсь, что упорство никто не признаетъ побѣдою.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Замѣчено мною, что старообрядцы, не хотятъ или боятся назвать въ разговорѣ кого-либо не принадлежащаго къ ихъ толку именемъ брата, или сказать ему за что-либо «спаси Христось,» «спаси Господи,» а при разставаніи «Богъ прости», какъ это у нихъ бываетъ между своими. Если же случится иному по ошибкѣ, или по привычкѣ сказать въ разговорѣ иновѣрному: «ты братъ», то послѣ опомнившись, обыкновенно сокрушается о томъ: «ахъ! зачѣмъ это я назвалъ его братомъ, вѣдь онъ еретикъ»; или со стороны ему замѣтитъ другой старообрядецъ: «зачѣмъ ты называешь его братомъ, какъ это можно; вѣдь онъ еретикъ, а еретика грѣхъ называть братомъ.»

На чемъ же старообрядцы основываютъ такой жестокой, не христіанскій образъ дѣйствія? Если не ошибаюсь, они думаютъ утверждаться на слѣдующихъ словахъ св. апостола Іоанна: «аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приносить, не пріемлите сего въ домъ, и радоватися ему не глаголите: глаголай бо ему радоватися, сообщается дѣламъ его злымъ» (2 Соб. посл. Іоанново глав. 1 ст. 10 и 11). Не понимаютъ они сего апостольскаго изреченія. Св. апостоль говоритъ, что не должно принимать и привѣтствовать того, кто не приноситъ *сего ученія*, то-есть ученія, преподаннаго апостоломъ или, что то же, ученія Христова. И такъ по смыслу апостольскаго наставленія нужно различать, съ какою цѣлю кто либо приходитъ къ намъ въ домъ,—по житейскимъ дѣламъ, или съ проповѣдію ученія, и если съ проповѣдію, то какое ученіе онъ проповѣдуетъ, Христово, или противное ученію Христову; и только этихъ послѣднихъ, святой Апостоль заповѣдуетъ чуждаться, не принимать въ домъ и радоватися имъ не глаголати. Заповѣдалъ же онъ это, предосте-

регая учениковъ своихъ отъ увлеченія въ какую либо ересь. А старообрядцы развѣ поступаютъ такъ, какъ заповѣдалъ апостоль? Развѣ сначала подумаютъ, зачѣмъ пришелъ къ нимъ иновѣрный и какого онъ держится ученія? Они всѣмъ иновѣрнымъ безразлично почитаютъ за грѣхъ дѣлать христіанское привѣтствіе, да и братьями называть ихъ не хотятъ. На что это похоже? Развѣ всѣ люди не братья между собою, не всѣ произошли отъ одного человѣка, Адама? Хотя иной по духу и вѣрѣ различается отъ тебя, но по плоти онъ все таки братъ тебѣ и ненавидѣть его—великій грѣхъ. Приведу въ назиданіе старообрядцамъ ученіе о семъ предметѣ св. Іоанна Златоуста изъ бесѣдъ его на посланіе къ Коринѳянамъ: «что убо, рече, аще врази будутъ и Елліны, не подобае ли ненавидѣти? Ненавидѣти убо, не оныхъ же, но вѣру или уставъ; не человѣка, но злое дѣяніе, разстлѣнный разумъ. Человѣкъ убо есть дѣло Божіе, прелесть же дѣло діавольско. Не смѣсиши убо яже Божія и яже діавольская, понеже и іудіе и хульницы быша, и гонители и досадители и безчисленная на Христа глаголаху злая. Еда ли убо ненавидяше ихъ Павель, иже всѣхъ наипаче любяше Христа. Никакоже, но и любяше и всятѣхъ ради творяше.» Вотъ какъ учить св. Іоаннъ Златоустъ. А если и была заповѣдь ненавидѣть человѣка невѣрнаго, такъ это было въ еврейскомъ законѣ, христіанскій же законъ отвергъ сію заповѣдь. О семъ тотъ же святитель пишетъ: «ученикомъ глаголющимъ свити огню, якоже при Іили, *не вѣсте*, рече Христъ, *когою духа есте*. Тогда убо (т. е. въ Еврейскомъ законѣ)—неточію нечестіе, но и нечестствующихъ самыхъ ненавидѣти повелѣни бяху, да не како дружество будетъ имъ вина законопреступленію. Сего ради и сродства отсѣче, и смѣшенія и отвсюду ихъ огради. А нынѣ понеже на большее возведе насъ любомудріе, и высочайшихъ вреда онаго сотвори, и приходити и утѣшати повелѣваетъ. Не намъ бо отъ нихъ вредъ, но онымъ отъ насъ польза бываетъ. Что убо глаголетъ? Не подобае ненавидѣти, но миловати; аще бо возненавидиши, како удобнѣ обратиши заблуждающаго, како помолитиши о невѣрномъ? Яко бо молитися подобае. Слыши что глаголетъ Павель: *молю убо прежде*

всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся челоувѣки; а яко вси тогда не быша вѣрныи, всякому негдѣ явлено: и паки: за царей и иже во власти сущихъ. Якоже сіи нечестивыи быша и законопреступницы, и сіе явлено подобнѣ.»

Да внимають же старообрядцы словамъ великаго учителя! Да вѣдаютъ, что не только не слѣдуетъ ненавидѣть челоувѣка невѣрнаго, но еще и молиться за него; а если нужно за него молиться, то какъ же могутъ они почитать за грѣхъ привѣтствовать его словами: «Спаси Христось», или: «спаси Господи»?

Продолжаю выписку изъ бесѣды великаго вселенскаго учителя: «аще ли же имамы нечестивыхъ ненавидѣти и законопреступныхъ, предыдуще и грѣшныхъ возненавидимъ и тако путемъ предходяще отъ множайшихъ братій отторгнешися, паче же отъ всѣхъ; нѣсть бо, нѣсть ни едиць грѣха кромѣ. Аще ли же подобаетъ враги Божія ненавидѣти, не точію нечестивыхъ подобаетъ ненавидѣти, но и грѣшныхъ и тако будемъ горшіи звѣрей, всѣхъ отвращающеса, гордынею дмящеса, якоже фарисей онъ; но Навель не тако повелѣ; по како? *Вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ».* И далѣе: «дѣло діавольско есть же разтерзати вы другъ отъ друга, и зѣло тщашеса (діаволь) отъяти любовь, да отсѣчетъ путь исправленія и удержитъ онаго убо въ прелести, тебе же во враждѣ, таже сице преградитъ оному путь спасенія.... Аще бо и чудеса твориши, аще и мертвыя воскрешати, аще и что любо дѣлаеши, никогда же ти тако почудатся Еллини, яко егда увидятъ кротка и тиха и сладокъ подающа правъ... Ничто же бо тако привлеци можетъ, якоже любовь»^(а).

Какое сильное обличеніе для глаголемыхъ старообрядцевъ заключается въ этихъ словахъ вселенскаго учителя! Любви, — вотъ чего именно недостаетъ имъ; отъ недостатка любви христіанской они и «удерживаются во враждѣ»; отъ того же

(а) См. Вышскіи пзъ старопеч. книгъ Озерскаго. Ч. 1, стр. 402—406.

не хотѣть они никого называть братьями, кромѣ своихъ единовѣрцевъ и никому не желаютъ спасенія, какъ только себѣ.

А до чего доходить ихъ отвращеніе отъ церкви Христовой и чаея, представлю въ доказательство примѣръ изъ моей собственной жизни. Въ бытность мою въ городѣ Анавьевѣ, когда еще мы всѣ жили въ семействѣ, мнѣ и старшей моей сестрѣ случилось изъ любопытства зайти въ православную церковь посмотрѣть, какъ совершается таинство бракосочетанія. Надобно замѣтить, что входя въ церковь мы уже считали себя преступниками предъ волей родителей, ибо они строго приказывали намъ отвращаться отъ всего православнаго, въ особенности запрещали ходить въ церковь православную. Не знаю, какія мысли занимали сестру во время пребыванія ея въ церкви, но я до такой степени считалъ это преступленіемъ важнымъ и противнымъ Богу, что думалъ, — вотъ, вотъ, стѣны церковныя обрушатся на насъ и этимъ Господь накажетъ насъ за преступленіе. Однимъ словомъ я все время стоялъ въ церкви съ величайшимъ страхомъ и мысленно просилъ Бога, чтобы не наказалъ меня. А мнѣ тогда было не болѣе 12 лѣтъ! Вотъ какъ старообрядцы съ самыхъ раннихъ лѣтъ внушаютъ дѣтямъ своимъ отвращеніе отъ церкви «великороссійской» и всего православнаго. Когда же мы пришли домой и о томъ, что заходили въ церковь, какимъ то образомъ узнали наши домашніе, чего только недоставалось намъ отъ нихъ! Дѣло не ограничилось наказаніемъ; нужно было еще прочитать молитву надъ нами, какъ осквернившимися въ церкви мнимоеретической. И вотъ случившійся въ ту пору старообрядческій инокъ Паисій Митковскій, приступилъ къ этой «исправкѣ». Насъ поставили рядомъ предъ образами; положивъ начало, то-есть семь поклоновъ, мы стали повторять вслѣдъ за монахомъ какія-то молитвы, которыхъ я теперь не припомню; только одну изъ нихъ я не забылъ, потому что ее училъ въ часовникѣ. Эта молитва читается такъ: «Прости мя, отче святой, и благослови, елика ти согрѣшихъ дѣломъ, словомъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами, слухомъ, видомъ, волею и неволею, и нѣсть того грѣха, егоже азъ не сотворихъ; но о всѣхъ

каюся, прости мя отче святыи и благослови и помолися о мнѣ грѣшнѣмъ». Молитву эту читали мы, припадая лицомъ на землю; по окончаніи же сей молитвы, мы поклонились старцу въ ноги, потомъ поклонились также роднымъ, и тѣмъ «справа» наша кончилась, значить мы уже стали чистыми отъ той скверны, которую будто бы получили, побывавши въ церкви православной.

Вотъ до чего доходить ненависть раскольниковъ къ церкви православной! Не фарисейство ли это? Не противленіе ли Христовой и апостольской заповѣди о любви?

II.

Извѣстно, что теперь между старообрядцами Бѣлокриницкими сдѣлалось раздѣленіе по поводу изданнаго въ Москвѣ *Окружнаго посланія*: одни, принявшіе *посланіе*, называются «окружниками», другіе, которые его отвергаютъ, «раздорниками». Между тѣми и другими происходят споры и «окружники», разумѣется, отстаиваютъ то, что сказано въ *Окружномъ посланіи*. Особенно сильно состязаются о имени «Иисусъ» и крестѣ четвероконечномъ. Передамъ здѣсь объ одномъ подобномъ состязаніи: оно происходило въ посадѣ Воронкѣ, въ молитвенномъ домѣ, во время какого-то собранія всѣхъ старообрядцевъ.

Препирались окружникъ Е. Е. Б—въ и раздорникъ П. В—въ, о имени Спасителя «Иисусъ». Окружникъ доказывалъ всѣми способами, что *Иисусъ* есть точно такъ же имя Господа Спасителя, какъ и старообрядческое *Исусъ*. Раздорникъ же, ничему не внимая, стоялъ на своемъ, что Иисусъ не есть имя Христа Спасителя, а имя антихриста. Тогда окружникъ, чтобъ какъ нибудь вразумить своего противника, придумалъ слѣдующее: подводитъ его тутъ же въ моленной къ образу Спасителя и спрашиваетъ. чей это образъ?

— Христовъ, отвѣчаетъ раздорникъ

— Хорошо. Теперь, если бы кто къ написанному сверхъ этого образа, имени *Исусъ*, *Хрсь*, приставилъ еще одну букву: *І*, или *И*,—то чей бы тогда былъ это образъ?

— Антихристовъ, отвѣчалъ раздорникъ.

— Какъ же это можно такъ говорить! вѣдь ты хулу приносишь на образъ и на имя Христова! развѣ икона Спасителя можетъ измѣняться чрезъ прибавленіе одной буквы къ надписи? Послѣ этого ты не человѣкъ, а животное, не имѣющее никакого разсужденія...

Тѣмъ они прекратили свой разговоръ. А раздорникъ все таки остался при своемъ нечестивомъ мнѣніи. И вотъ теперь самимъ старообрядцамъ, хоть сколько нибудь разсудительнымъ, приходится бороться съ своими невѣжественными братьями и выслушивать отъ нихъ такія же дикія выраженія, какія отъ ихъ предковъ, быть можетъ, приходилось выслушивать пастырямъ православной церкви въ первыя времена раскола. Пусть же они сами разсудятъ, напрасно ли церковь православная употребляла тогда даже строгія мѣры къ обузданію раскольниковъ, какъ людей дерзкихъ и великихъ хулителей на имя Божіе.

Еще слышалъ я отъ нѣкоторыхъ, что они сами видали, какъ раскольники, если встрѣтятся въ какой книгѣ старопечатной имя Спасителя съ двумя итами, собственноручно вычищали ножичкомъ одну иту, будто бы вошедшую въ печать по ошибкѣ. Истину изрекъ о таковыхъ Св. Іоаннъ Златоустъ въ Маргаритѣ: «якоже бо мышъ, огрызая писмена, многаци отъемлетъ обличеніе: тако и еретицы сіи огрызующе писанія, ова убо обрѣзующе, ова же оставляюще, не пшуютъ избѣжати обличенія; но и та оставляема показуютъ тѣхъ навѣтъ и неистовство»⁽⁶⁾.

Федоръ Богомоловъ

(6) Слово о Крещеніи листъ 428 на оборотѣ.

СЛОВО ВЪ СУББОТУ СЕДМОЙ НЕДЕЛИ ПО ПАСХѢ. ^(а)

Плачу и рыдаю егда помышляю смерть. Стихир. Самогл. Погребенія.

Плачу и рыдаю... но ужели и у христіанскаго гроба долженъ слышаться сей вопль, раздирающій сердце?

Плачу и рыдаю, егда помышляю... но самое сіе помышленіе, какъ прямое свидѣтельство безсмертнаго духа, не должно ли удержать слезы, остановить рыданія?

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть... но отчего священнопѣвецъ-проповѣдникъ не сказалъ лучше: веселюсь и торжествую, помышляя сей рѣшительный предѣлъ земнаго злостраданія?

1. *Плачу и рыдаю, егда... вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную, нашу красоту, безобразію, безславию, не имущую вида.* Такъ вотъ отъ чего оны плачеть, вотъ о чемъ скорбитъ и вотъ надъ чѣмъ рыдасть! Нѣтъ словъ на устахъ нашихъ противъ сей высокой поразительной жалобы. Повторяемъ се и мы, вмѣстѣ съ печальнымъ пѣсописцемъ. Намъ приходитъ на мысль, что и наша, по мѣрѣ и степени, красота неминуемо превратится также въ ужасающее безобразіе, нестерпимое для взора, от-

(а) Изъ приготовляемыхъ къ выпуску въ свѣтъ *словъ и бесѣдъ* того же автора, которому принадлежитъ напечатанныя въ майской книжкѣ Душеп. Чтенія «Нѣсколько словъ о молитвѣ внутренней, внѣшней и общественной».

чаявающее для ума. О, что за жребій, грозный и жалостный, неотвратимый и неумолимый, тяготѣтъ надъ тобою, бѣдный и всебѣдственный составъ тѣлесный! Какъ не плакать и какъ не рыдать воплемъ смертнымъ надъ симъ послѣднимъ униженіемъ человѣческой природы? Посмотрите на чей угодно гробъ, и отыщите тамъ его, мнимаго царя земли, передъ волю котораго смиренно преклоняются стихіи міра, великія и страшныя. Загляните въ чью угодно могилу, въ эту малую, но безъ дна зіяющую пропасть, поглощающую такъ чудно составленную жизнь, и скажите, это ли совершеннѣйшее изъ созданій Божіихъ, украшающихъ землю, отличное, какъ намъ чается, печатію Несозданной красоты? Гдѣ тутъ все, чѣмъ мы столько дорожимъ, хвалимся и плѣняемся нерѣдко до потери разума? *Гдѣ доброта тѣлесная? Гдѣ юность? Гдѣ суть очеса и зракъ плотскій? Вся увядоша яко трава, вся потребишя! Уста упразднишяся, языкъ преста и устни преняшяся, руцѣ связасться и нозѣ сплетосться, зракъ измѣнися, очи угасость...* И нудишься возопить, подобно пророку, въ горести души: *кто дастъ главѣ моей воду, и очесѣмъ моимъ источникъ слезъ, и плачуся день и ночь* (Иерем. 9, 1) надъ симъ страшнымъ обезображеніемъ, по образу Божію созданной, нашей красоты? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, наслѣднику безсмертія и обручнику вѣчной жизни смотрѣтъ на такое крайнее униженіе себя, подѣ которымъ преустрашенной плоти видится уже прямое уничтоженіе? Что же? спрашиваетъ онъ. Для чего и дается намъ оный недовѣдомый, сокровенный, зиждущій дѣятель, внутрь насъ живущій и живовосящій мертвенное вещество? Для того ли, чтобы, часто среди разцвѣта жизни, вдругъ бросить свое дѣло, и оставить бездыханную храмину свою на ужасающее разрушеніе? *О чудесе! что сіе, еже о насъ бысть, таинство?*

Истинно—*таинство*, глубочайшее и величайшее! Кто, по руководству слова Божія, изучилъ начало смерти человѣческой, тотъ можетъ нѣсколько гадать о существѣ, силѣ и цѣли сего, страшнаго на взглядъ естественный, таинства. Яснѣйшее разумѣніе его стало доступно намъ съ тѣхъ поръ, какъ пострадалъ, умеръ и воскресъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Таинство смерти Богочеловѣка, послужившее средоточіемъ таинствъ Ветхаго и Новаго завѣта, и раскрывшее предъ нами великую тайну человѣческой жизни вообще, показало намъ, что и наша смерть есть также таинство благодати Божіей, такое же свидѣтельство любви Божіей къ человѣку, какъ и все божественное промышленіе, воззаввшее насъ къ бытію, и благоволительно опредѣлившее намъ сей, какъ говорятъ, переломъ жизни. Да не смущается безсмертный духъ смертнаго, видя, что мы предаемся тлѣнію, сопрягаемся смерти. *Воистину* дѣлается все это *Бога повелѣніемъ, подающаго преставльшимся упокоеніе*. Кого не умиляло слово Господне: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11, 28)! Вотъ онъ, покой вѣчный, ненарушимый, священный, блаженный, хотя и устрашающій суетливую дѣятельность нашу своимъ безвозвратнымъ отреченіемъ ея, и своихъ поражающимъ несходствомъ съ нею! *Блаженъ путь, въ оныже идеши, всякая христіанская душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія. Блаженни* вы всѣ, *мертвіи, умирающіи о Господи!* *Ей глаголетъ Духъ: почиете отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 13). Простите слѣпому, отлѣсенному взору души нашей, когда мы, живые, смотря на разрушающійся образъ вашъ, плачемъ и рыдаемъ. Намъ не дано зрѣть и разумѣть того дивнаго, поваго состоянія вашего, въ которое жи- водательный *Начатокъ умершихъ* (1 Кор. 15, 20) ввелъ теперь васъ, вѣрныхъ *служъ* своихъ (Іоан. 12, 26). Мы пла-

чемъ и тужимъ о вашемъ прежнемъ образѣ, потому что не можемъ не любить его, не заниматься имъ, не жалѣть о немъ. Ибо его единственно мы знаемъ, его сами на себѣ носимъ, его считаемъ вещественнымъ изображеніемъ невещественной мысли Творца, имъ и чрезъ него учимся тайнамъ своего собственнаго бытія и бытія всего міра, предъ нимъ изумѣваемъ, какъ предъ нерукотворенной храминой нетлѣннаго духа, и передъ нимъ благоговѣемъ, какъ предъ храмомъ Духа Святаго. Но вы, скинувшіе съ очей своихъ повязку тѣлеснаго зрѣнія, ясно видите теперь, сколько въ вашемъ прежнемъ образѣ было непонятнаго нѣкого, ничѣмъ не устранимаго, разстройства и всесторонняго несовершенства. Духъ вашъ тайно или явно, но неизмѣнно, жаждалъ жизни полной, свободной, мирной и вседовольной, а въ тѣлѣ крылись скудость, худость, тревога и немощь. Духъ порывался въ небо, тѣло влекло и клонило къ землѣ. Духъ горѣлъ, и тѣло — тлѣло! Можетъ быть, большая часть васъ не видѣла конца своему душевному терзанію. Бога повелѣніемъ на помощь вамъ послѣшило наконецъ таинство смерти, и *житейское лукавое разрушилось торжество суеты: брѣніе очернися, сосудъ раздразя, безгласенъ, нечувственъ, мертвенъ, недвижимъ! Духъ оскудѣ отъ селенія* и воспарилъ въ горняя, въ отчизну вѣчную и вѣчно радостную. И можетъ быть въ то самое время, какъ мы плачемъ и рыдаемъ надъ вашимъ истлѣніемъ, каждый изъ васъ говоритъ: *нынѣ упокоихся и обрѣтохъ ослабу многу, яко прѣставихся отъ истлѣнія и приложихся къ животу.*

Братія! оставимъ бесѣду съ мертвыми, и поговоримъ съ самими собою, которые также нѣкогда умремъ, умремъ неминуемо. *Вѣмы, говоритъ Апостоль, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ. Ибо о семъ*

воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе. Ибо сущи въ тлѣ семъ воздыхаемъ отячаеми: по-неже не хотимъ совлещися, но пооблещися, да пожертво будетъ мертвенное животою (2 Кор. 5, 1-5). Чьи это столь отрадная, рѣчи? какой неложный христіанинъ, творецъ, а не точію слышатель слова Христова (Іак. 2, 22), говорить подобнымъ образомъ? И что располагаетъ его имѣть такой свѣтлый, радостный взглядъ на смерть? Ничто, какъ *любы Божія, обдержавшая* его (2 Кор. 5, 14), предъ которою ничего не значатъ ни *смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая* (Рим. 8, 38).. О, если бы всякій христіанинъ былъ и христолюбецъ, подобный апостолу: тогда сей успокоительный взглядъ на смерть былъ бы всеобщимъ, полнымъ и живымъ убѣжденіемъ вѣрующихъ во Христа, всѣхъ и насъ съ вами, слѣдовательно, оплакивающихъ, въ сей печальный день памяти отъ вѣка почившихъ отцевъ и братій нашихъ, свое тлѣніе, и исчезновеніе изъ среды живыхъ, какъ величайшее несчастіе, какъ конечное зло! Тогда каждый воздыхалъ бы о смерти, *отячаемый въ тлѣ семъ*, и, приближаясь къ ней, веселился бы и торжествовалъ, предзря въ ней начало совлеченія *образа перстнаго и облеченія въ образъ небснаго* (1 Кор. 15, 49), въ образъ *Христа возставшаго отъ мертвыхъ* (Рим. 6, 4. 5)! Тогда всякій, по примѣру Апостола, плакалъ бы болѣе надъ жизнью, нежели надъ смертію, и вмѣстѣ съ нимъ восклицалъ бы: *окаленъ азъ человекъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего* (—7, 24)!

2. Близорукій взоръ сердца нашего рѣдко поднимается на ту высоту, откуда можно смотрѣть на смерть, какъ на несчастіе всего рода человѣческаго. Ближе къ намъ скорбь лишенія, скорбь разлуки, скорбь сиротства нашего. Плачемъ мы и рыдаемъ, егда видимъ во гробѣ лежащаго, по образу нашему соз-

даннаго, по сердцу нашему бывшаго, своего приснаго, часто единственнаго и незамѣнимаго, кто *вчераиный день* еще *бесѣдовалъ съ нами*, и уже не кому *походитъ или собесѣдуетъ намъ прочее*,—кто, *яко цвѣтъ, отцвѣте, яко трава посьщеся, яко младо вѣтвіе* нерѣдко *прежде прозябенія, прежде искуса земныхъ сладостей*. О, *плачу и рыдаю, егда помышляю* такуюю *смерть!* Нѣтъ человѣка, конечно, который бы не имѣлъ причины отозваться самымъ глубокимъ сочувствіемъ на подобный плачь. Кто изъ насъ въ теченіе своей жизни не склонялся къ кому-нибудь сердцемъ? Отъ минуты перваго дыханія нашего въ мірѣ семъ, можно сказать, мы влечемъ къ окружающимъ насъ, и пока достигнемъ преполовенія дней нашихъ, много переиспытаемъ привязностей, и много перенесемъ потерь, часто ни-чѣмъ невознаградимыхъ. Рано слишкомъ иногда изъ-за несчетныхъ радостей безпечальнаго дѣтства выступаетъ для человѣка грозный обликъ смерти въ лицѣ тѣхъ, кто составляетъ первую радость его на землѣ, и заставляетъ плакать и рыдать въ то время, какъ все влечетъ разцвѣтающую жизнь къ веселію и наслажденію. По счастью скоро проходитъ обыкновенно сія безвременная скорбь, но много разъ возвращается въ жизни. каждый гробъ говоритъ сиротѣ: плачь и рыдай,—ты не знаешь сладчайшей отрады жизни—любви родительской.—И непорочныхъ безмятежныхъ радостей любви братской также не щадитъ рука смерти. Голосъ крови и голосъ привычки, совокупившись воедино, надолго вызываютъ душу, повесшую горестную утрату, на плачь и рыданіе.—То, что дѣлаютъ плоть и кровь неволью, духъ человѣческой ищетъ сдѣлать свободно, и радости родства дополняются обыкновенно у насъ утѣшеніями дружества, часто до того глубокими и сладостными, что люди вовлекаются ими въ величайшее саможертвованіе любви земной, *полагаютъ душу свою за други своя* (Іоан.

15, 13). Ахъ! дружескій плачь надъ могилою есть явленіе преисполненное жалости. Кого не умиляетъ вопль Давида надъ Іонааномъ, тотъ напрасно зовется человѣкомъ. Говорить ли далѣе о томъ, что значить смерть для людей, сочетанныхъ не только въ одинъ духъ, но и въ одну плоть? Какой отчаянной тоски супружеской не бываетъ свидѣтелемъ храмъ христіанскій, — сей проповѣдникъ безсмертія? И какимъ смертнымъ увыніемъ не наполняютъ сердца, пораженнаго безмѣрнымъ горемъ, радующія и утѣшающія цѣснопѣнія церковныя? Видно, что человѣкъ весь можетъ превращаться въ страданіе, недоступное никакой цѣльбѣ. Наконецъ и та противуестественная смерть, которая дѣтей поядаетъ въ глазахъ родителей, представляетъ сострадательному взору всежалостное зрѣлище. *Видѣхъ младенца умирающа, говоритъ священнопѣвецъ, и животъ мой оплакахъ: возмятеся бо весьма и трепеташе. Егда прииде часъ, возопи: отче, помози ми! мати, спаси мя. И никтоже доволенъ тогда помощи ему: только видяще увядаютъ и во гробъ плачутъ его* (Погреб. свящ. Икосъ 21). И что говорить? Всякая смерть есть смерть, т. е. самое послѣднее зло, и самое жестокое зрѣлище.

Слезамъ не поможешь, это извѣстно всякому. Св. Церковь не желая, чтобы любимыя чада ея напрасно и бесплодно томили себя *якоже прочіи, немущіи упованія* (1 Сол. 4, 13.), отвлекаетъ ихъ отъ бесполезнаго плача, и употребляетъ многоразличныя средства, чтобы утѣшить ихъ и успокоить. То, что въ настоящій день дѣлаетъ она, также можетъ быть отнесено къ числу сихъ душеврачебныхъ средствъ. Подобно мудрому врачу, она ищетъ сосредоточенную боль пораженной части тѣла уврачевать повсемѣстною, частною, но сильною—общею, но слабою. Она поставляетъ сегодня всѣхъ насъ, у кого смерть похитила какую нибудь радость или оно-

ру жизни, надъ гробами всѣхъ, отъ вѣка почившихъ. Если посѣщеніе одного малаго кладбища вызываетъ изъ души нашей столько тихихъ, умиряющихъ ощущеній, то что должно почувствовать она въ то время, какъ, по манію Церкви, ее ставятъ среди кладбища всего рода человѣческаго, простирающагося во всю широту земли? Сколько слезъ, вздоховъ, жалобъ, степеній, моленій, клятвъ и упрековъ судьбъ слышало надъ собою въ теченіи множества вѣковъ сіе безпредѣльное кладбище! А смерть, а судьба, т. е. воля Божія, все дѣлали свое дѣло, пожинали съ нивы человѣчества и спѣлое и не спѣлое, и великое и малое, и сильное и немощное, и благопотребное и бесполезное, такъ какъ бы наши земныя соображенія, желанія и ожиданія не значать ничего передъ взоромъ Подателя жизни! И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ воображаетъ себя имѣющимъ право надъ человѣкомъ. Богъ ли не имѣетъ сихъ правъ во всей ихъ полнотѣ и безотчетности? Самолюбіе наше, мелкое, слѣпое и непризательное, причиною тому, что мы какъ бы вовсе забываемъ, что *Господь вся содѣла Себе ради* (Притч. 16, 4). Въ Его волѣ дать человѣку жизнь, когда захочетъ: отъ чего же не въ Его волѣ взять ее, тоже когда захочетъ? Но Онъ отнимаетъ ее безвременно? Т. е.—судя по нашему; ибо кто же знаетъ благовременность или безвременность лучше Того, у Кого *во власти времена и лѣта* (Дѣян. 1, 7)? Но Онъ поступаетъ какъ бы несправедливо?.. Ахъ, скажемъ лучше: поступаетъ безстрастно, не увлекаясь ни склонностію, ни расчетомъ, ни какимъ бы то ни было побужденіемъ самолюбія; поступаетъ—премудро, то изводя честное отъ недостойнаго, то исторгая плевелы изъ пшеницы, то однимъ спасая многихъ и т. д. Но Онъ дѣйствуетъ неумолимо? Онъ какъ бы вовсе не обращаетъ вниманія на человѣка? Удержись, ропщущее сердце. *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего едиnorodнаго*

далъ есть намъ (Іоан. 3, 16). Сынъ же до конца возлюбилъ Свою сущія въ міръ (—13, 1.). Духъ Святой и понинѣ въздыжаетъ въ насъ въздыханіи неизглаголаннѣми (Рим. 8, 26), И можетъ ли быть послѣ сего, чтобы Господь Богъ не обращалъ вниманія на своего, и притомъ страждущаго, и притомъ молящагося къ Нему?

Однако, братія, что же значить въ самомъ дѣлѣ, что Богъ какъ бы не видитъ мученія нашего, какъ бы не слышитъ воплей и стенацій нашихъ, какъ бы не знаетъ, что лишеніе наше доводитъ насъ до ропота на Него же Самого? Чтобы понять, что все это значить, надобно только стать среди всеобщаго онаго кладбища человѣческаго. Разсудокъ нашъ устыдится при этомъ невообразимомъ зрѣлищѣ, вступать въ какое бы то ни было состязаніе и совопрошеніе съ Богомъ. Всѣ жили, и всѣ умерли! Умремъ и теперь живущіе всѣ. О чемъ же столько печалиться и собрушаться, видя, что одинъ умираетъ прежде другаго? Такъ. Но что же дѣлать, когда столько трудно, горько и невыносимо — разставаніе съ умирающимъ? За то, печальный отецъ, другъ, братъ, супругъ, легче будетъ разстаться потомъ самому тебѣ съ міромъ, когда будешь нѣкоторымъ образомъ уже приготовленъ къ тому, и твое сердце будетъ имѣть уже своего присаго тамъ, гдѣ все намъ представляется теперь чуждымъ и страшнымъ. И еще одна жалоба неможенія или самолюбія нашего. Почему бы не вести жизни нашей такъ, чтобы лишенія наши не были столь безвременно жалки и столь невыносимо тяжки? Ахъ! почему бы, въ самомъ дѣлѣ не вести намъ жизнь свою такимъ образомъ? Мы пришли къ тому, что надлежало сказать съ перваго раза, и рѣшительно, на всѣ наши жалобы. Богъ ли, создавшій насъ для счастья, виновенъ въ томъ, что умираютъ наши ближніе въ то или другое время, такъ или иначе, здѣсь или тамъ, тѣ или другіе? Виноваты или они са-

ми, или мы сами. А и того вѣрнѣе, ни мы, ни они, виновна въ томъ общая доля рода человѣческаго, предавагося тлѣвнѣю, сопрягагося смерти; при чемъ и малѣйшаго повода достаточно стало, чтобы разстраивалась жизнь, и наступала смерть, послѣ чего вся уже привременная жизнь наша превратилась въ одинъ *трудъ и бользнь* (Ис. 89, 10), въ *рыданіе, жалость и горе* (Иезек. 2, 10), и посѣщенія смертныя сдѣлались призываніями насъ къ другой вѣчной жизни, напоминаніями забывчивому сердцу о возвратѣ странниковъ и пришельцевъ въ блаженную отчизну! Если уже точно неизбѣжно плакать и рыдать, помышляя смерть, то нужно плакать и рыдать не о потерѣ того, что рано или поздно будетъ съ нами, а о своей, паче мѣры и паче разума, привязанности къ потерянному. Но, о еслибы вмѣсто плача и рыданія, всякій, помышляющій смерть свою или чужую припоминалъ чаще слово Христово: *оставите мертвыя погребсти своя мертвецы* (Мат. 8, 22.), и имѣлъ духъ говорить апостольски. *желаю разрѣшиться и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23.)!

3. Третій призывъ къ плачу и рыданію слышится намъ уже изъ другаго міра. *Восплачитесь о мнѣ*, говоритъ устами Церкви почившій, *братія и друзи, сродницы и знаеміи. Къ Судіи бо отхожду, идѣже нѣсть лицепріятія: рабъ бо и владыка вкупль предстоятъ, царь и воинъ, богатый и убойный, въ равнѣмъ достоинствѣ: кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится* (стихир. цѣлованія).. Повстинѣ достойное плача и рыданія, положеніе души, не только пристрашной отъ новаго, незнакомаго бытія, но еще и ведомой на судъ. И какой судъ! Если только одна *память смерти горька челоуьку, мирно во импніихъ своихъ живущу, мужеви не пекущуся и благополучку во вспѣхъ* (Сир. 41, 1), то какъ же горька должна быть сама смерть

человѣку безпечному и благополучному во всемъ! Для того, кто не знаетъ, или зная не думаетъ, что *едино есть на потребу человеку* (Лук. 10, 41), мiръ здѣшній представляется не только достаточнымъ къ удовлетворенiю всѣхъ много-различныхъ его потребностей, но и единственно пригоднымъ къ тому. Въ такомъ самоуспокоенiи и самоублаженiи какъ неприятно услышать голосъ Божественной истины: *лежитъ человекъ единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9, 27.)! Какой судъ, спрашиваетъ *мирно во импiи своихъ живущий*, за что, на что, почему? Судъ Божiй, отвѣчаютъ ему. Судъ за всякое дѣло жизни, за всякое слово, намѣренiе, желанiе, помышленiе. Судъ для того, *да оправдится Богъ во словесныхъ своихъ* (Пс. 50, 6), не напрасно изреченныхъ Имъ въ законъ и правило человекъ. Судъ—потому, что человекъ есть разумно-свободное существо, а не животное безсловесное. Да, *смерте!* Горька должна быть ты *человѣку не пекущемуся*, т. е. всякому, кто живетъ и не думаетъ о тебѣ, вѣкъ живетъ, вѣкъ учится, и все *учится тщетнымъ* (Пс. 2, 1.), и все не научится одному, самому главному и существенному, какъ встрѣтить тебя, какъ пройти черезъ тебя, какъ сказать тебѣ: *о, смерте!* *Добръ судъ твой есть* (Сир. 41, 3)! Не будемъ льстить себя. *Не добръ судъ* несетъ съ собою смерть всякому миролюбцу, хотя бы онъ не только считался, но и думалъ быть, *добрымъ* христiаниномъ. Тоска безмѣрная гнететъ сердце, когда возымѣешь силу представить себѣ оный грозный, истязательный судъ, ожидающiй всякаго человекъ, *грядущаго* въ тотъ мiръ. Другой встрѣтитъ онъ тамъ порядокъ вещей, другiя лица, другiя рѣчи.. Другiе вопросы предложатся на рѣшенiе его изнемогшему отъ унынiя уму.. Другiя книги разогнуты передъ нимъ, другiми письменами писанныя, другiя истины, часто невыносимо—ясныя и грозныя, открывающiя трепетному взору.. Но-

вья испытанія, весьма различныя отъ всѣхъ, намъ здѣсь извѣстныхъ, ждуть готовящагося перейти въ высшее отдѣленіе жизни, и стыдъ, какого вообразить теперь не можно, встрѣтить несправнаго слушателя божественныхъ уроковъ ⁽⁶⁾. *Гдѣ узриши окрестъ, человекъ, кто бы подсказалъ тебѣ тамъ слово оправданія, или далъ тебѣ хотя одинъ малый намекъ вразумленія? Кто имать тамо помощи тебѣ* (Погр. свящ. Икосъ 18)? *Тамо обличителіе страшнѣе.. Кто они? Увы! мы сами, наша неумолимая совѣсть, наши неотстранимыя дѣла, ходящія въ слѣдъ насъ, наши бывшіе друзья и недруги, нашъ искунитель, нашъ Ангелъ — хранитель, Богъ — всевѣдѣцъ! И какія это кнѣги многоплачевныя? Память, время, тѣло, міръ, земля и небо, все, что насъ видѣло, слышало, носило, знало и напрасно вразумляло!. О, восплачите братья и друзи! То, что ожидаетъ васъ за гробомъ, достойно плача нескончаемаго.. Трепетъ неисповѣдимый и страхъ тамо. Придетъ бо Господь, и дѣло съ Нимъ кожде отъ человекъ! И ничтоже помощи можетъ, Богу существу суди, ни тцаніе, ни козни, ни слава, ни дружба* (Служб. повседн.). *И нѣсть тамо прочее ослабы. Тамо червь неусыпаемый, тамо земля темна и помрачена вся, идѣже имамъ азъ осудитися* (Погр. свящ. Икосъ 11). Какія томящія представленія! Ужасающіе образы! Но безъ сомнѣнія все это только малый, несовершенный намекъ на страшную и неизобразимую дѣйствительность. *Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть..*

Какъ ни естественъ, ни справедливъ сей послѣдній плачь нашъ надъ смертію, вѣстницею или прямо, началомъ страшнаго суда Божія, но и его, безъ сомнѣнія, не желала бы слышать постоянно изъ устъ вѣрныхъ чадъ своихъ присная утѣ-

(6) Говорено въ стѣнахъ учебнаго заведенія.

шительница наша, св. Церковь. При каждомъ погребеніи усыпающихъ въ надеждѣ воскресенія и жизни вѣчной, она даетъ слышать живущимъ о той же надеждѣ, одно и то же, утѣшительное, слово апостольское: *братія! не хочу васъ не вѣдѣти о умершихъ, да не скорбите, якоже и прочіи немущіи упованія* (1. Сол. 4, 13). Она знаетъ, что гдѣ христіанство, тамъ и упованіе. И въ самомъ дѣлѣ, ея постоянная умиловительная жертва безкровная, ся безчисленная и, можно сказать, непрерывная молитвы о усопшихъ, ея завтрьшнее колѣнопреклоненное, торжественное, моленіе о упокоеніи «прежде усопшихъ отецъ и братій нашихъ и прочихъ сродникъ по плоти и всѣхъ своихъ въ вѣрѣ», наконецъ всѣ ея освятительныя таинства, не служить ли все это прямымъ залогомъ блаженной будущности всѣхъ, кто имѣетъ счастье принадлежать и оставаться вѣрнымъ ей? Та самая, всѣмъ столько памятная, пѣснь ея о упокоеніи со святыми всякаго раба Христова, отъ которой сильнѣе прежняго оглашается у насъ храмъ Божій воплями не христіанскаго отчаянія, что другое содержитъ въ себѣ, какъ не величайшее утѣшеніе? *Со святыми упокой, Христе, души рабъ твоихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная..* Что можно вообразить лучше и блаженнѣе состоянія, въ которомъ не извѣстны ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе... прибавитьли? — ни самое дыханіе, которое, при всей своей легкости, все же составляетъ трудъ тѣла и заботу духа, но одна *жизнь*, и жизнь... Господи! Вѣруемъ слову твоему, и молимъ, да не постыдится вѣра наша!.. *жизнь безконечная?* И сіе-то невообразимо радостное состояніе ждетъ всякаго истиннаго христіанина. *Аще бо вѣруемъ, продолжаетъ слово апостольское, яко Иисусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершія о Иисусъ приведетъ съ нимъ. Всѣ мертвіи о Христь* воскреснутъ нѣкогда, и вмѣстѣ съ остав-

шими живыми восхищени будутъ въ срѣтеніе Господне на воздусъ, и тако всегда съ Господемъ будутъ (1 Солун. 4, 16. 17). На что янѣ и рѣшительнѣ сего свидѣтельства, завѣреннаго, для большаго успокоенія, *Словомъ Господнимъ* (—15)? *Тѣмже утѣшайте другъ друга въ словесяхъ сихъ* (—18), присовокупляетъ Апостоль, *яко не положи насъ Богъ въ инѣвъ, но въ полученіе спасенія Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, умершимъ за насъ* (—5, 9). Такъ. Но грѣхи, но судъ, но адъ? Какъ съ этимъ быть? говорить трепетная совѣсть. Грѣховъ нѣтъ тамъ, гдѣ было таинство покаянія. Судъ не страшенъ тому, кто *на судъ не придетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. 5, 24). Адъ ничего не значить для того, кому Побѣдитель ада говорить: *днесъ со мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43). И такъ еще разъ: *ни бользнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная*—вотъ что ожидаетъ насъ за таинственными вратами смерти! Кромѣ того, порадуйтесь, братія: тамъ ждуть насъ всѣ близкіе намъ по вѣрѣ и духу, всѣ извѣстные намъ изъ исторіи Церкви Божіей, ревнители благочестія, — преподобные, мученики, апостолы, пророки, ангелы; словомъ: вся Церковь, свѣтлая и пресіянная, готова принять насъ съ свои *вѣчныя кровы* (Лук. 16, 9). Но, что самое высшее и ни съ чѣмъ несравнимое, такъ это—самъ Господь Иисусъ Христосъ, о которомъ столько теперь думаемъ всѣ, къ которому столько стремимся сердцемъ, Онъ самъ будетъ тамъ приснымъ утѣшеніемъ нашимъ, приметъ насъ, какъ своихъ учениковъ, общниковъ, друзей и братій, введетъ насъ въ невѣдомыя намъ теперь и не гадаемыя, *многія обители Отца небеснаго*, и въ безконечность вѣковъ, будетъ показывать намъ въ безконечную радость нашу свое безконечное царство по своей безконечной благодати... *О, смерти! Добръ судъ твой есть челоуьку христіанину.*

Стань же, наслѣдникъ праотеческой смертности, надъ гробами отцевъ своихъ, и ублажи и благослови смерть христіанскую! Невольно проторгающійся изъ сердца, плачь ратвори упованіемъ, и рыданію положи предѣль въ богомыслии. *Не бойся суда смерти: помяни первая твоя и послѣдняя твоя.* . Помяни, что ты не былъ, и будешь существовать вѣчно, что ты взятъ отъ персти, и будешь царствовать съ Богомъ, и не отмайся благоволенія Вышняго, *аще десять, аще сто, аще тысяча лѣтъ* будетъ жизни твоей или твоихъ любимыхъ! *Ибо сей судъ отъ Господа всякой плоти* (Сир. 41, 5. 6). Вѣрь, что мы, христіане, *аще живемъ, Господеви живемъ: аще умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь* (Рим. 14, 8). Аминь.

ХРИСТИАНСКАЯ СВОБОДА.

Идѣже духъ Господень, ту свобода. 2 Кор. 3, 17.

Когда слышится слово: свобода,—за нимъ, какъ за свѣтомъ тѣнь, предполагается скрывающимся другое слово: рабство. Человѣчество хотя любитъ свободу, какъ радующій свѣтъ души, но жило и живетъ постоянно въ рабствѣ или по кр. мѣрѣ въ работѣ, съ которою до того свыклось, что большею частію только по количеству или по свойству послѣдней уразумѣваетъ и цѣнить первую. Три вида духовной работы узнаемъ мы изъ слова Божія. Оно говоритъ намъ о работѣ *грѣху* (Іоан. 8, 34), о работѣ *мамонѣ* и о работѣ *Богу* (Мат. 6, 24). Зная, что *идѣже Духъ Господень, ту свобода*, умѣстно спросить: прилична ли христіанину, въ которомъ *живетъ Духъ Христовъ* (Рим, 8, 9), какая бы то ни была *духовная работа*?

1. Господь нашъ Иисусъ Христосъ однажды сказалъ Іудеямъ: *аще пребудете въ словеси моемъ, воистину ученицы мои будете, и уразумѣете истину, и истина сведитъ вы* (Іоан 8, 31. 32). Слушатели обидѣлись, и отвѣчали: *сымя Авраамле есмы, и никомуже работахомъ николиже: како ты глаголеши: яко свободни будете?* (—33). Тогда Господь, исправляя ихъ односторонній и ограниченный взглядъ на свободу, сказалъ: *аминь, аминь, глаголю вамъ: яко творяи грѣхъ рабъ есть грѣха* (—34).

Вотъ первое, что христіанство выдаетъ за дѣйствительное рабство, — *рабства грѣху*. Такъ или иначе, всякій человѣкъ сознаетъ свое глубокое, внутреннее порабоженіе. Рѣдко понимается оно ясно и отчетливо; большею частію только тайныя воздыханія сердца, сокрушаемаго разладомъ жизни, свидѣтельствуютъ о томъ, что духъ знаетъ свое горькое положеніе. *Азъ плотянкъ есмь*, говоритъ Апостоль, *проданъ подъ грѣхъ*. *Не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣлываю. Соуслаждаюся закону Божію, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоюющъ закону ума моего, и плыняющъ мя закономъ грѣховнымъ. . ока-яненъ азъ человекъ* (Рим. 7, 14—24). Какое разительное свидѣтельство внутренняго рабства человѣка, изшедшее изъ чистѣйшей и свободнѣйшей души! Кто изъ насъ въ лучшія минуты жизни, святія минуты покаянія, не восклицалъ того же самаго? Сіе первоначальное и родоначальное рабство наше началось съ того, въ чемъ всего менѣе можно было ожидать найдти его, съ самолюбія нашего. Человѣкъ связалъ себя своекорыстною мыслию объ одномъ себѣ, поработилъ себя себѣ. Все у него обратилось въ средство къ сей единственной цѣли, и главная цѣль бытія его, Богъ, перестала быть предметомъ его неотступнаго вниманія и помышленія. Изъ перваго грѣха сего родились потомъ многіе другіе, и рабъ перваго сдѣлался рабомъ всѣхъ прочихъ. Чѣмъ болѣе онъ подчинялся и покорялся имъ, тѣмъ болѣе они крѣпли и возрастали и размножались. Заманивая духъ человѣка удовольствіями, грѣхи входили въ ежедневныя потребности человѣка, становились его привычками, изъ привычекъ переходили въ склонности, изъ склонностей въ страсти. Рабъ дѣлался невольникомъ всѣхъ преступныхъ влеченій плоти и духа до того, что наконецъ не сознавалъ своей погибельной неволи, оковавъ себя отовсюду ложными правилами, ложными взглядами,

ложными ощущеніями. Мы видѣли, что когда возсіяль Свѣтъ божественной истины, обѣщавшій людямъ изведеніе на свободу, люди уже не разумѣли своего рабства, и искали какъ бы укорить Истину въ мнимой клеветѣ на нихъ. Побѣдившій грѣхъ своимъ непримѣрнымъ, искушительнымъ самоотверженіемъ, Господь нашъ первымъ правиломъ жизни для своихъ послѣдователей поставилъ въ противодѣйствіе и въ противоядіе самолюбію, самоотверженіе, и тѣмъ положилъ начало освобожденію нашему изъ работы грѣху. Его Духъ, сообщающій намъ *вся, яже къ животу и благочестію силы* (2. Петр. 1, 3), возвращаетъ насажденное Господомъ, сѣмя свободы нашей и дѣлаетъ христіанина способнымъ восходить мало-по-малу къ полной и блаженной независимости отъ собственныхъ желаній, ощущеній и кичливыхъ представленій помраченнаго ума. Само собою разумѣется, что свобода, сообщаемая Духомъ, ничего не имѣетъ общаго съ тою ложною свободою, которую мудрые вѣка сего поставляютъ въ нестѣсняемости мысли, чувства, желанія, слова и дѣла. Одна ищетъ Бога, другая себя, та ревнуетъ о совершенствѣ, эта о преимуществѣ, та учитъ безстрастію, эта взываетъ къ страстямъ и дѣйствуетъ черезъ страсти, та внушаетъ миръ, эта миръ считаетъ предательствомъ, та требуетъ самоотверженія, эта проповѣдуетъ невозбранное пользованіе всѣмъ, у кого что есть, та уживается со всѣми гражданскими учрежденіями и порядками, сія же не рѣдко проповѣдуетъ, что законы положительные суть несправедливость, власть есть насиліе, права и обязанности—вещь условная, собственности нѣтъ, общественныя связи—игра. Какой же духъ одушевляетъ ревнителей сей свободы? Очевидно *духъ лжи* (Іоан. 4, 2, 6.), ничѣмъ недовольный, вѣчно мятежный и всему враждебный. Онъ изводитъ изъ мрака *стыднѣя вѣчнаго* проповѣдниковъ лжи, которые, сами нося на себѣ оковы позорнаго рабства

страстямъ, и на другихъ налагають эти оковы, *другимъ обьщаютъ свободу, сами раби суще тльнїя* (2. Петр. 2, 19). Дай Богъ, чтобъ среди насъ никогда не раздавался голосъ сихъ проповѣдниковъ.

2. Порабощенный самолюбію человѣкъ искалъ поработить себѣ все; онъ въ слѣпотѣ возмечталъ, что можетъ поработить и міръ, *приобрѣтши* его весь (Марк. 8, 36). *Во зль лежащій міръ* (1. Иоан. 5, 19.) воспользовался слѣпотою безумїя, и, уступая человѣку въ мелочномъ и случайномъ, неимѣющемъ никакой цѣны, завлекалъ его къ себѣ въ существенныхъ потребностяхъ его жизни, и мало-по-малу плѣнивъ его, связавъ, ослабивъ, обездушивъ, положилъ наконецъ на него такую глубокую печать рабства, что подъ нею съ трудомъ уже можно было узнать человѣка, провести непреходящую черту между нимъ и животными безсловесными. Имъ овладѣли съ одной стороны страхъ предъ явленїями природы, раболѣпство передъ ея силами, слѣпая вѣра въ первые видимые ея законы: онъ сталъ боготворить міръ. Съ другой стороны имъ овладѣла жажда міра неутолимая, желанїе все присвоить себѣ, всѣмъ воспользоваться, насладиться, убѣжденїе во вседостаточности міра, прибѣжность и приверженность къ нему,—онъ сталъ любить міръ. *Духъ Господень*, исполнивъ естество наше силами *не отъ міра сего* (Иоан. 18, 36), превратилъ бѣдныхъ, слабыхъ и робкихъ рыбаей въ побѣдителей міра, и чрезъ нихъ излившись на весь родъ человѣческій, освободилъ людей отъ рабства міру. Первые носители Духа Святаго чувствовали себя на столько возвышенными надъ міромъ, что прямо презирали его, *вмѣняли вся умыты быти,—тщету, Христа ради* (Фил. 3, 7. 8); не боялись ни лишенїй, ни болѣзней, ни напастей, ни скорбей, иля лучше не считали ихъ за то самое. Неисчетный ликъ исповѣдниковъ Евангельской истины показалъ величайшее

торжество человечества надъ міромъ. Въ той самой немощной и многострастной плоти, которая сама есть ближайшая и крѣпчайшая сѣть духа нашего, они показали образецъ полнѣйшей свободы и независимости духовной, отдавая ее на жесточайшія муки, и благодушествуя въ смертныхъ истязаніяхъ, ни одного стога, ни одного вздоха не уступая насилію отъ своей всесвободной рѣшимости стоять за истину Божию. Послѣ ихъ поразительнаго, и поистинѣ преестественнаго, примѣра утѣшительно посмотрѣть и на богоподобное жительство множества подвижниковъ благочестія, также побѣждавшихъ міръ и поцировавшихъ законы природы. Подобно мученикамъ, стоя до крови и до смерти за свободу духа, сонмы преподобныхъ успѣвали сохранить совершенно независимыми и неприкосновенными свои богодарованныя права надъ міромъ. *Сила Божія совершалась въ немощи* (2 Кор. 12, 9). Не владея почти ничѣмъ, они всѣмъ были довольны; едва имѣя силу двигать своимъ изможденнымъ отъ трудовъ и постничества тѣломъ, они доживали до глубочайшей и безболѣзненной старости, повелѣвали стихіями, управляли звѣрами, властвовали людьми, при помощи одного слова, одного взора, одного хотѣнія своей чудодѣйственной воли. Видно было, что все имъ работало, а они не работали никому и ничему. Сему свободнѣйшему жительству ихъ встрѣчалось одно только препятствіе—смерть. Но и смерть они умѣли дѣлать для себя предметомъ свободнаго желанія и предпочтенія, вождѣльнымъ и радостнымъ, какъ все божественное о нихъ промышленіе. Подобно Апостолу, они также имѣли непрестанное *желаніе разрѣшиться, и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23). Непривязанные совершенно ни къ чему въ мірѣ, они какъ бы нетерпѣливо спѣшили оставить и самую тѣнь рабства—тѣлесную храмину, чтобы выйти на вѣчную свободу,—свободу безъ борьбы, безъ усилія, безъ искушеній и

безъ опасеній. Такъ было тамъ, гдѣ *Духъ святой не былъ угашаемъ* (1. Сол. 5, 19) ни на самое короткое время, гдѣ благодатный *начатокъ* Его (Рим. 8, 23) *нелѣпною воззрѣваемъ* былъ (2 Тим. 1, 6; молитвою и гдѣ *наученія* Его (1 Кор. 2, 13) принимаемы были за высшую руководительную мудрость жизни.

Сколько плѣнительнаго, влекущаго и оживляющаго заключается въ словѣ, свобода! Въ кругу дѣтскихъ желаній одно изъ самыхъ несбыточныхъ, но самыхъ занимательныхъ и вмѣстѣ томительныхъ, есть желаніе имѣть крылья, чтобы летѣть свободной птицей въ небесныя пространства. Думается дитяти, что ходить по землѣ значитъ быть связаннымъ, а летать надъ землею—пользоваться свободой. Справедливо ли дѣтское сужденіе, всякій легко можетъ обсудить. Недалеко отклоняется отъ дѣтскаго сужденія о свободѣ и то, о которомъ мы намѣрены говорить. Подавляясь необъятнымъ величіемъ и непреодолимымъ могуществомъ міра, и вмѣстѣ чувствуя въ себѣ остатокъ первобытнаго царственнаго превосходства надъ нимъ, человѣчество, по мѣрѣ силъ, старается возвратить себѣ давно утраченное, и путемъ изслѣдованій и дознаній чаеъ освободить себя отъ тягостнаго владычества надъ нимъ природы. Это уже не мечта дитяти, думаетъ оно.. И подлинно, не безъ успѣха повидимому подвизается оно на поприщѣ борьбы съ міромъ. Многоразличныя науки о природѣ сдѣлали ее теперь изъ госпожи рабою, подручною хотѣнію и соображенію человѣческому. Земля перестала уже страшить человѣка своими повсюдными тайнами. Небо не стало останавливать мысли своимъ недосызаемымъ и непроницаемымъ сводомъ и своимъ ужасающимъ то появленіемъ, то исчезновеніемъ, то видоизмѣненіемъ свѣтилъ. Составъ всего, что живетъ на землѣ, и въ частности самаго человѣка, разобрали до послѣднихъ подробностей, и наука здравія указываетъ источникъ

едва не всѣхъ болѣзней, умѣетъ распознавать и успѣваетъ упредить, по крайней мѣрѣ остановить ихъ. Изученіе прошедшаго своимъ необъятнымъ запасомъ опытовъ жизни человѣческой внушаетъ человѣку надежду на все лучшее впереди, общаетъ ему, не въ отдаленномъ будущемъ, вѣчный миръ, всеобщее довольство и всякое благополучіе. Однимъ словомъ: раболѣпство передъ міромъ исчезаетъ, дуновение свободы разносится повсюду, и разумъ.. нѣтъ, не *кичитъ*—не будемъ обижать—и разумъ законно торжествуетъ! Не дополнить ли: желанныя крылья найдены и придѣланы, и дитя думаетъ летѣть?. Ахъ, все что знаетъ, и что впередъ узнаетъ, человѣкъ, не дастъ ему свободы. То, что онъ дѣлаетъ и заставляетъ дѣлать во имя освобожденія изъ подъ ига земли, даетъ не свободу, а одно улучшение неволи. Наилучшій естествовѣдецъ не увѣдаетъ отъ естества, какъ ему уберечься отъ нечаянностей, какъ освободиться отъ тиранствующихъ прихотей чрева, какъ удержаться противъ ласкающихъ похотей плоти, какъ не страшиться за жизнь, какъ не бояться смерти и пр. Часто возвращающееся къ намъ страшное моровое повѣтріе, невѣсть *откуда приходящее и камо идущее*, не доказало ли и не продолжаетъ ли доказывать гордому вѣку, что и летаніе, если не въ облакахъ, то при помощи облаковъ (паровъ), сокращающее въ три-четыре раза нашъ, самый скорый, путь, что и самый до непостижимости дивный, мгновенный переговоры на безмѣрныхъ разстояніяхъ, такъ высоко поднявшій кичливый умъ нашъ, не несутъ съ собою человѣку желанной свободы надъ міромъ? Чтобъ освободиться отъ міра, надобно *не любить міра* (1 Іоан. 2, 15). Вотъ тайна истинной свободы человѣка въ мірѣ! Между тѣмъ, что мы замѣчаемъ у людей, которые болѣе всего повидимому успѣли восторжествовать надъ міромъ? Самое страшное міролюбіе. Столько извѣстный и столько цѣнный, положительный образъ мыслей нашего времени,

что иное есть, какъ не живое свидѣтельство сей преданности нашей міру? Овлаждая какъ бы міромъ съ нѣкоторыхъ сторонъ, человекъ въ тоже время весь и всецѣло овлаждается другими его сторонами до того, что онъ кажется ему вседостаточнымъ, замѣняя собою и душу, и вѣру, и Бога. Міръ въ сердцѣ, міръ на языкѣ, міръ въ памяти, міръ въ мечтѣ, повсюду міръ и ничего другаго! Итакъ не обманъ ли оная мнимая независимость, которую человекъ, какъ говорятъ, шагъ за шагомъ завоевываетъ себѣ у міра путемъ созерцанія и опыта? Если и не прямо обманъ, то можетъ вести къ обману, тѣмъ болѣе прискорбному, чѣмъ болѣе человекъ думаетъ, что онъ, въ соотвѣтствіе намѣреніямъ Божиимъ, ищетъ этимъ возвратитъ права своего утраченнаго владычества надъ обитаемою имъ землею. Земля сама есть рабыня. Еслибы человекъ и удалось совершенно покорить ее своей волѣ, все бы онъ не возвратилъ себѣ свободы. Два раба, подчиненные одинъ другому, не уничтожаютъ своего общаго рабства. Да не смущаются укоризнами въ отсталости люди, не раздѣляющіе горделиваго взгляда на успѣхи человека въ состязаніи съ природою; пусть утѣшить ихъ мысль, что можно *міръ весь пріобрѣсть и отщетить душу свою*, и что лучше не вѣдать стихійнаго міра, нежели извѣдывая, быть *порабощеннымъ подъ стихіями міра* (Гал. 4, 3).

3. Ставъ рабомъ всѣхъ мимолетныхъ ощущеній страстнаго сердца своего и черезъ нихъ рабомъ всего міра, человекъ не могъ быть инымъ чѣмъ и предъ Богомъ, какъ рабомъ же. Завѣтъ сыноположенія, начертанный въ духѣ сотвореннаго по образу Божию человека, не могъ имѣть силы въ томъ, кто внесъ въ душу свою всѣ образы міра и все безобразіе грѣха. Гласъ Божій, гласъ совѣсти, неясно и неопредѣленно сталъ слышаться человекъ изъ-за воплей его самолюбія. Надобно было подкрѣпить его внѣшнимъ свидѣтельствомъ, и благая,

отеческая воля Божія стала для человѣка *закономъ*. Богъ явился по преимуществу *Господомъ*, а свободное устремленіе души къ ея Источнику превратилось въ работу Богу. Сія крайняя, спасительная мѣра исправленія человѣческаго положила на всѣхъ ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ печать нѣкоего *духовнаго рабства*. Степень возможно большаго работнаго служенія Богу была вмѣстѣ и степенью возможно большаго совершенства человѣческаго. Величайшая честь и слава приличествовала тому, кто поистиннѣ могъ назваться *работомъ Божиимъ* (Числ. 12 7. 8; 14, 24. Езек. 37, 25. Дан. 6, 20 и пр). *Азъ рабъ Твой емь и сынъ рабыни Твоя* (Пс. 115, 7.), говорилъ *Богу сердца своего* человѣкъ, котораго *сердце и плоть исчезали* (—72, 26.) отъ любви къ Богу, по его собственному выраженію. Рабство предъ Богомъ было въ то время единственнымъ оплотомъ свободы человѣческой противъ грѣховнаго порабощенія; Однако же не рабовъ, а сыновъ хотѣлъ видѣть въ людяхъ тотъ, кого они называли *Господомъ*. *Сыны родихъ и возвысихъ*, говорилъ Онъ чрезъ пророка своего, *ти же отвергшася Мене* (Исаи 1, 2). Самъ уже сей богоглаголивый пророкъ дерзаль называть Бога *Отцемъ* своимъ (Ис. 63, 16; 64, 8). *Авраамъ не узвѣдъ насъ, и Израиль не позна насъ, но ты, Господи, отецъ нашъ*, взываль онъ... *Исперва имя Твое на насъ есть... Отецъ нашъ еси ты, мы же брание, дѣла руку Твоею вси*. Естественно было евангелисту Ветхаго Завѣта такъ близко подойти къ свободѣ Евангелія. При всемъ томъ, слова его не имѣютъ себѣ подобныхъ во всемъ ветхозавѣтномъ бытописаніи, и не могли произрасти на той почвѣ, которую обвѣваль *духъ работы въ болѣзнь* (Рим. 8, 15). Сей Отецъ болѣе истинный, чѣмъ Авраамъ и Израиль, скорѣе есть *Отецъ будущаго вѣка* (Ис. 9, 6). *Сынъ* (—) имѣющій вывести *ходящихъ во тмѣ на свѣтъ вели и отъять яремъ, лежащій*

на нихъ и жезлъ иже на выи ихъ (— 2, 4). И точно, только съ явленіемъ Сына дарована была человѣчеству истинная сыновняя свобода. *Аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете* (Іоан. 8. 36). Такъ глашаль законоположникъ Новаго Заѣта. И что утверждалъ словомъ, то подтверждалъ дѣломъ Учитель благій. *Чадца* (13, 33), говорилъ онъ ученикамъ своимъ: *не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ Господь его* (—15, 15): *васъ же рекохъ друзи... Вы друзи мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ* (—14). Не ясно ли до очевидности, на какую широту свободы предъ Богомъ извелъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? И справедливо. *Сонаслѣдники* Сына въ царствѣ Отца (Рим. 8, 17.) должны питать въ душѣ своей сыновнія, а не рабскія чувства къ Богу, и предъ Его святѣйшимъ закономъ должны вести себя свободно, по усердію, по преданности, по любви, а не по долгу только и страху. Къ тому времени, какъ Сынъ Божій пришелъ на землю возвѣститъ міру сію высокую *духовную свободу*, рабство передъ закономъ доходило у людей до крайности, и самые совершеннѣйшіе читатели Бога не скоро конечно могли свыкнуться съ мыслию, что Духъ Господень требуетъ отъ людей повиновенія не столько закону долга, сколько *закону свободы* (Іак. 1, 25), требуетъ любви къ Богу, дружескаго сочувствія съ дѣломъ Христовымъ, братскаго единомыслія со всею Церковію, дѣтской преданности Промыслу. Первое общество христіанское дѣйствительно не знало другаго закона, кромѣ сего *совершеннаго закона свободы*, и оно достойно было такого божественнаго правила жизни. *Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Кто говорилъ подобнымъ образомъ, тому, конечно, *законъ не лежалъ* (1 Тим. 1, 9). Ибо гдѣ Христосъ и Духъ Христовъ, тамъ, разумѣется, легко обойдтисъ безъ предписаній закона. Тамъ ка-

ждый самъ есть воплощенный законъ. Дѣйствуя вполнѣ по свободѣ, онъ въ тоже время дѣйствуетъ и по закону. Сему образцу богоподобнаго жительства подражали обыкновенно и угодники Божіи всѣхъ временъ и мѣстъ. Они не знали, что такое *боязнь*, истекающая изъ *духа работы* (Рим. 8, 15), знали только блаженство *любви совершенной*, которая *вонъ изгоняетъ страхъ* (1 Іоан. 4, 18), и на землѣ предвкушали *свободу славы чадъ Божіихъ*. (Рим. 8, 21).

Но точно ли мы выражаемся, говоря о свободѣ, которая приписывается чадамъ? Гдѣ она, сія свобода *сыновьяя*? Едва ли мы ошибемся, когда скажемъ, что изъ 100 сыновей, входящихъ въ возрастъ, развѣ одинъ признаётся, что онъ пользуется свободой въ дому родительскомъ. Напротивъ сыновство и зависимость считается вообще за одно и тоже; достигъ совершеннолѣтія весьма у многихъ, даже добрыхъ, чадъ значитъ обыкновенно: «выйдти на волю.» Не тоже ли самое надобно будетъ сказать и о *свободѣ чадъ Божіихъ*? Спѣшимъ отвѣтить: то же самое, если только свобода для насъ есть не иное что, какъ воля. Даже меньше свободы можетъ быть у сыновъ Божіихъ, нежели сколько ея есть у сыновъ человѣческихъ. Мы сыны не по рожденію, но по усыновленію. Прежде, чѣмъ насъ усыновили, насъ выкупили изъ рабства. Намъ говорятъ: *нѣсте свои: куплени бо есте црною* (1 Кор. 5, 20; Рим. 7, 23.). И такъ мы не свои. Чьи же? *Христовы* (1 Кор. 3, 23). *Христосъ же Божій* (—); слѣд.—Божій. *Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есте* (—9). *храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (—17).. *есте тѣло Христово и уди отчасти* (—12, 27.). Вотъ что мы такое! При такомъ не только сыновствѣ, но какъбы купнобытіи съ Отцемъ нашимъ, какая же можетъ быть свобода? Никакой, спѣшимъ отвѣтить мы, если свобода есть самоволіе. *Нынѣ*, говорить Апостоль, *свободшеся*

отъ грѣха, порабоцишя же Богови (Рим. 6. 22). *Яко свободни.. яко раби Божіи*, сопоставляетъ другой Апостоль (1 Петр. 2, 15). Соответственно сему всѣ Апостолы, которыхъ писанія дошли до насъ, съ радостію и вседовольствомъ называютъ себя *рабами Христовыми и Божіими* (2 Петр. 1, 1. Апок. 1, 1; Іак. 1, 1; Іуд. 1, 1; Фил. 1, 1; Кол. 4, 12). Вотъ какова та свобода предъ Богомъ, которую приносятъ въ насъ съ собою Духъ. Но кто бы изъ насъ не захотѣлъ ублажить себя тѣмъ же именемъ раба Божія, слуги Христова? Что же это значить въ самомъ дѣлѣ? Независимости ли мы ищемъ себѣ или подчиненія, и что намъ дано: свобода или рабство? Не обвинясь скажемъ, что намъ дана свобода, а мы ищемъ подчиненія. Хорошо ли это? Но спросите себя, хорошо ли то, что люди, связанные другъ съ другомъ союзомъ любви, охотно подчиняютъ себя одинъ другому? Едва ли найдется кто-нибудь любящій, кто бы не одобрилъ сего, и пожелалъ другаго порядка жизни. Такимъ же точно образомъ и въ царствѣ Божіемъ, царствѣ совершенной любви, *изліявшейся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ* (Рим. 5, 5), чѣмъ на высшую кто возводится степень свободы, тѣмъ глубже порабощаетъ свою волю Возводящему. Ибо *любовь Христова обдержитъ* всякаго *судить* такимъ образомъ: *аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша. Христосъ же за всѣхъ умре, да живуции некому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2. Кор. 5, 14. 15). Сужденіе сіе, столь естественное для обдержимаго любовію, можетъ показаться страннымъ только тому, кто думаетъ, что выше и властнѣе и достойнѣе человѣка нѣтъ ничего во вселенной, что ничѣмъ ни отъ кого онъ не связанъ, и ни къ чему не обязанъ, кто по этому вовсе не желаетъ связующей свободы. Но евангельское ученіе такъ мало имѣетъ въ виду притязанія человѣка на неприкосновенность

его ничтожныхъ правъ передъ Создателемъ и Спасителемъ, что оно наше порабощеніе Богу не отдѣляетъ даже отъ порабощенія вообще всѣмъ *Иисуса ради*, и въ семь поставляетъ совершенство жизни во св. Духѣ. *Свободенъ сый отъ всѣхъ, всѣмъ себе поработихъ* (1 Кор. 9, 19), говоритъ о себѣ Апостоль. *Себе же самыхъ проповѣдуемъ рабовъ вамъ Иисуса ради* (2 Кор. 4, 5). Тоже самое внушаетъ онъ и всѣмъ другимъ, считая за одно и то же и свободу и рабство предъ Богомъ. *Рабъ ли призванъ еси, да не печалишися: но аще и можеша свободенъ быти, больше поработи себе. Призванный бо о Господи рабъ, свободникъ Господень есть: также и призванный свободникъ рабъ есть Христовъ* (Рим. 7, 21. 22). Объ одномъ заботится духоносный проповѣдникъ христіанской свободы: *не будите раби чело-вѣкомъ* (—23). Такъ пишетъ онъ, самъ увѣрившій, что поработилъ себя *всѣмъ*. Когда работаешь Богу или людямъ ради Бога, то это свобода. Но когда работаешь людямъ ради людей, то это рабство. Таковъ окончательный выводъ изъ ученія Апостольскаго о свободѣ нашей передъ Богомъ.

На свободу бысте званіи, братіе, говоритъ Апостоль. *Точію да не будетъ свобода ваша въ вину плоти. да не яже хотите сія творите* (Гал. 5 13. 17).

„Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцы явлей, низпославъ имъ Духа Святаго и тѣми уловлей вселенную. Человѣколюбче, слава Тебѣ. *Троп. въ праздникъ пятидесятницы.*

Кто эти ловцы, которыхъ Христосъ Богъ нашъ явилъ премудрыми, низпославъ имъ Духа Святаго?—Апостолы. Самъ Иисусъ Христосъ назвалъ двоихъ изъ нихъ ловцами человѣковъ, когда призвалъ ихъ къ послѣдованію Себѣ. «Проходя близъ моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Андрея брата его, закидывающихъ сѣти въ море; ибо они были рыболовы. И говоритъ имъ: идите за Мною, и я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ» (Мат. 4, 18. 19). Ясно, что Онъ назвалъ ихъ ловцами человѣковъ примѣнительно къ ихъ житейскому промыслу. Примѣръ подобнаго примѣненія можно видѣть въ словахъ псалмопѣвца о призваніи Давида къ царскому служенію отъ пастырскихъ занятій: *И избра Господь Давида раба своего, и восприять его отъ стады овчихъ: отъ доулицъ поятъ его пасты Иакова раба своего, и Израиля достояніе свое* (Псал. 77, 70. 71). Не всѣ апостолы были рыбаками, — напри- мѣръ апостолъ Матѳей былъ мытаремъ, т. е. сборщикомъ по- шлинь, — но ко всѣмъ имъ относится наименованіе ловцевъ, по- тому что всѣ они предназначены были ученіемъ своимъ уловлять людей въ церковь Христову, подобно тому, какъ многіе изъ нихъ ловиливъ мрежи рыбу.—Почему ловцы-апостолы названы въ церковной пѣсни премудрыми? Потому что они и сами были мудры въ разумѣніи евангельскаго ученія, и съ мудростію пре- подавали его другимъ. Мудрость свою въ разумѣніи евангель- ской истины, они, большею частію не книжные люди, засви- дѣтельствовали тѣмъ, что по сошествіи на нихъ Святаго Духа стали возвѣщать ученіе о Богѣ и человѣкѣ, возвышеннѣе ко- тораго не представляла человѣческая мудрость, раскрывать понятія о Мессіи и Его царствѣ, по духовности своей неизмѣ-

шія ничего общаго съ господствовавшими между современными Іудеями чувственными представленіями о томъ же, проповѣдывать правила нравственности, безконечно превышавшія всѣ когда либо бывшія нравоученія человѣческія. Недаромъ преклонилась предъ ихъ мудростію вся вселенная, — на нихъ сбылись слова Христа Спасителя: «Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить, ни противостоять всѣмъ противящіеся вамъ» (Лук. 21, 15). Мудрость свою они показали также въ святомъ искусствѣ пользоваться благопріятными обстоятельствами для своей проповѣди. Какъ опытные рыболовы, знающіе при какихъ условіяхъ можетъ быть успѣшенъ уловъ, избираютъ благопріятное для того время, мѣсто, обращаютъ вниманіе на погоду; такъ и духовные ловцы человѣковъ съ дерзновеніемъ соединяли благоразуміе и осторожность въ проповѣдываніи слова истины. Въ сношеніяхъ съ людьми, которыхъ искали уловить своею проповѣдію, они, безъ сомнѣнія, руководствовались наставленіемъ своего божесівеннаго Учителя: «будьте мудры какъ змѣи, и просты какъ голуби» (Мат. 10, 16); т. е. подобно осторожнымъ змѣямъ, быстро прячущимся въ свои убіжища при видѣ враговъ и преимущественно берегущимъ свою голову при нападеніи ихъ, апостолы не вдавались безъ нужды въ опасности, и изъ негостепримныхъ городовъ и домовъ бѣгали съ своею проповѣдію въ другіе, и такимъ образомъ и себя соблюдали для дальнѣйшихъ подвиговъ, и другихъ въ большей части случаевъ спасали отъ грѣха насилія противъ нихъ и убійства. И если евангельская проповѣдь имѣла большій успѣхъ въ простомъ народѣ, чѣмъ въ средѣ людей богатыхъ, знатныхъ, ученыхъ (1 Кор. 1, 26), то это конечно объясняется большей близостію ея къ сердцамъ простыхъ людей, чѣмъ къ сердцамъ людей, въ которыхъ чувство нужды въ духовной помощи подавлено было гордостію богатства, знатности, учености; но нельзя не признать, что и апостолы, именно вслѣдствіе этого, обращались съ своею проповѣдію больше къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ, подобно тому какъ и Самъ Іисусъ Христосъ больше обращался съ простымъ народомъ, чѣмъ съ вельможами, богатыми и учеными. Такимъ образомъ апо-

столы по совершенству и въ разумѣніи евангельской истины, и въ проповѣданіи ея, поистинѣ были *премудрые* ловцы, и таковыми Господь Иисусъ явилъ ихъ, виспославъ имъ Духа святаго. До ниспосланія на нихъ святаго Духа, они хотя отверстымъ умомъ и сердцемъ принимали ученіе Христово, но многого не понимали въ немъ, и вообще туго усвояли его, такъ что божественный Учитель не разъ долженъ былъ укорять ихъ за сіе. По той же причинѣ Онъ не все сообщалъ имъ, что они должны были знать, говоря, что они многого вмѣстить не могутъ (Іоанн. 16, 12); и хотя еще въ продолженіе Своего земнаго служенія посылалъ ихъ проповѣдывать Евангеліе, но посылалъ только къ однимъ Іудеямъ и притомъ съ самою краткою проповѣдію, — о наступленіи царства небснаго (Матѳ. 10, 7). Но сошелъ на нихъ Духъ святый, и восполнилъ въ нихъ то, чего имъ не доставало: Онъ наставилъ ихъ на всякую истину, и напомнилъ имъ и впечатлѣлъ въ ихъ умахъ и сердцахъ все, что говорилъ имъ Иисусъ Христосъ, и что они не довольно вмѣщали (Іоан. 14, 26), и содѣлалъ ихъ искусными и опытными ловцами челоуѣковъ.

Чрезъ премудрыхъ ловцевъ-апостоловъ Христосъ Богъ нашъ *уловилъ вселенную*. Это значитъ, что евангельское ученіе черезъ нихъ распространилось по всему міру, такъ что еще при жизни апостоловъ *во всю землю изыде въщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Рим. 10, 18). И на сіе была воля Христа Спасителя, — Онъ сказалъ апостоламъ: *шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари* (Марк. 16, 15). *Шедше, научите вся языки* (Мат. 28, 19). Посему и церковь Христова именуется вселенскою: въ противоположность церкви ветхозавѣтной, заключавшей въ себѣ одинъ избранный народъ, она имѣетъ въ своемъ составѣ вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ и времянь, изъ Іудеевъ и язычниковъ. Это не значитъ однако, чтобы всѣ члены церкви Христовой спаслись единственно потому, что они члены ея. Христосъ Спаситель въ одной изъ притчей своихъ царство небесное, т. е. церковь Свою — это царство небесное на землѣ — уподобляетъ «неводу, закинутому въ море, и захватившему рыбъ всякаго рода, который, когда наполнился, вытащили на

берегъ, и съвши, хорошее собрали въ сосуды, а худое выбросили вонъ.» «Такъ будетъ, прибавляетъ Спаситель, при кончинѣ вѣка: изыдутъ ангелы, и отдѣлятъ злыхъ изъ среды праведныхъ; и свергнутъ ихъ въ печь огненную, тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ» (Мат. 13, 47—50). Итакъ не всѣ члены церкви земной, воинствующей, войдутъ въ царство небесное, въ церковь торжествующую, потому что не изъ однихъ праведныхъ состоитъ церковь земная. Какъ въ неводъ, закинутый въ море, понадаютъ хорошія и худыя рыбы, такъ и въ составѣ церкви Христовой, наполняемой членами со всего міра, допускается смѣшеніе праведныхъ и злыхъ. Какъ въ ковчегъ Ноевомъ съ благочестивыми членами семейства Ноева обиталъ несчастивый Хамъ, какъ въ обществѣ 12 апостоловъ находился Иуда: такъ и въ обширномъ церковномъ обществѣ совершенные члены, святые, соединены съ великими грѣшниками, — и это соединеніе спасительно для тѣхъ и другихъ. Праведниковъ оно располагаетъ къ смиренію, напоминая имъ, что при всемъ своемъ нравственномъ превосходствѣ предъ грѣшниками, они одинаково съ ними нуждаются въ спасающей благодати, и что дѣлами закона никто не можетъ заслужить оправданіе предъ Богомъ, тѣмъ паче, что совершенной праведности, или святости на землѣ быть не можетъ, — *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 8). А грѣшники, находясь въ близкомъ общеніи съ праведниками, немощные въ общеніи съ сильными, могутъ пользоваться ихъ примѣромъ и руководствомъ для обращенія на путь истины, могутъ при помощи ихъ братскаго вразумленія и сами содѣлаться подобно имъ святыми. Слава милосердію и долготерпѣнію Господа, не отлучающаго грѣшныхъ отъ среды праведныхъ въ своей церкви, призывающаго ко спасенію однихъ чрезъ общеніе съ другими, и чрезъ таинство покаянія всѣхъ согрѣшающихъ готоваго очистить и освятить. Но это соединеніе грѣшниковъ, и даже тяжкихъ грѣшниковъ, со святыми не вѣчно продолжается: по смерти нераскаянные грѣшники навсегда отлучаются отъ лика праведниковъ. Окончательно же отлученіе сіе послѣдуетъ при кончинѣ вѣка. Какъ

по извлеченіи невода на берегъ негодныя рыбы отдѣляются отъ хорошихъ и бросаются въ сторону, такъ и при кончинѣ вѣка ангелы отлучаютъ изъ среды праведныхъ злыхъ, находившихся съ ними въ одной церковной мрежѣ въ сей жизни, и ввергнуть ихъ въ печь огненную. Безъ сомнѣнія и апостолы будутъ съ ангелами участвовать въ этомъ судѣ надъ людьми. *Не вѣсте ли, яко святіи мірови имуть судити?* (1 Кор. 6, 2). Что главное мѣсто между сими святыми судіями будутъ занимать апостолы, это видно изъ словъ самого верховнаго Судіи живыхъ и мертвыхъ Господа Иисуса: «Истинно говорю вамъ, что всѣ послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи (т. е. по воскресеніи мертвыхъ), когда сядетъ Сынъ человѣческой на престолѣ славы своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ» (Мат. 69, 28), т. е. не только израильтянъ по плоти, ветхозавѣтныхъ, но всѣхъ христіанъ, сихъ новозавѣтныхъ по духу израильтянъ. Какъ ловить рыбъ и пойманныхъ отдѣлять однѣхъ отъ другихъ—дѣло однѣхъ и тѣхъ же рыболововъ: такъ и апостолы совмѣщаютъ въ себѣ качества и духовныхъ ловцевъ человѣчества и судей его.

Христіанинъ! Размышлялъ ли ты о страшномъ отлученіи злыхъ отъ праведныхъ, имѣющемъ быть при кончинѣ вѣка? И при этомъ размышленіи приводила ли тебя въ страхъ возможность не попасть въ число оправданныхъ? Вѣдь много званныхъ, мало избранныхъ (Мат. 22, 13). Много рыбъ попадаютъ въ неводъ закинутый въ море, но не всѣ годны въ пищу, не всѣ отбираются въ сосудъ. Всѣ мы, какъ православные христіане, принадлежимъ къ одному церковному обществу, и всѣ, какъ члены его, пользуемся одинаковыми правами, всѣ, и праведники и великіе грѣшники. приступаемъ къ таинству тѣла и крови Христовой и къ прочимъ таинствамъ, всѣ участвуемъ въ однѣхъ и тѣхъже молитвахъ церковныхъ, всѣ внемлемъ одному и тому же слову Божию; но можемъ ли быть увѣрены, что при кончинѣ вѣка, на страшномъ судѣ, ангелы не отдѣлятъ однихъ изъ насъ отъ другихъ, что всѣ мы вмѣстѣ поставлены будемъ одесную престола славы, какъ всѣ вмѣстѣ стоимъ въ храмѣ предъ пре-

столомъ благодати? Вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы принадлежить къ православной Христовой церкви, а въ томъ, чтобы быть истинными сынами ея. Что пользы, если я, будучи членомъ вселенской церкви, чуждъ ей по духу и насквозь проникнуть духъ враждебнаго ей міра, если, находясь въ нѣдрахъ церкви, которую исповѣдую апостольскою и святою, не храню апостольскаго ученія и преданій, не забочусь о духовномъ освященіи? На томъ свѣтѣ будутъ судить о нашемъ христіанствѣ, о нашей церковности не по церковнымъ записямъ, въ которыхъ насъ пишутъ крещенными и бывающими на исповѣди и причащающимися святыхъ Христовыхъ Тайнъ, а по книгамъ совѣсти, по плодамъ покаянія, по жизни. Пусть каждый изъ насъ будетъ чаще размышлять объ этомъ и страхомъ имѣющаго быть при кончинѣ вѣка отлученія злыхъ отъ праведныхъ, пусть, припомощи благодати Божіей, удерживаетъ себя отъ всего, что можетъ сдѣлать насъ достойными этого страшнаго отлученія.

Свящ. В. Нечаевъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА XX.*

Подвижники и основатели монастырей въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка: преп. Мартиніанъ и ученикъ его блаж. Галактіонъ; преп. Макарій Калязинскій, Памсіѳ Углицкій, князь Іоаннъ—Игнатій, Кассіанъ грекъ, Савва Крыпецкій, Александръ Свирскій, Корнелій Комельскій и Кириллъ Новоезерскій.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію общецерковныхъ и соединенныхъ съ ними гражданскихъ событій при преемникѣ Іоанна III, обратимъ благоговѣйный взоръ на подвиги тружениковъ Божіихъ, насадителей иночества, основателей пустынныхъ обителей, которые свѣтили, какъ яркіе свѣтильники, среди лѣсовъ, болотъ и дебрей покрытой мракомъ земли Русской.

Въ странѣ Бѣлозерской доживалъ послѣдніе дни долгой своей жизни дивный подвижникъ Мартиніанъ, ученикъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, основатель общежительной обители на безлюдномъ островѣ озера Вожа, а послѣ преп. Терапонта настоятель въ монастырѣ его. Тамъ подалъ онъ совѣтъ державному слѣпцу изгнаннику, Василію Темному, искать наслѣдія, отнятаго Шемякою ^(а), и благодарный великій князь,

* См. предшествующія книжки Душеп. Чтенія.

(а) См. въ XVI главѣ этихъ «Разказовъ» Душеп. Чтеніе 1867. № 1, стр. 28.

возвративъ снова престолъ, вызвалъ Мартиніана къ себѣ и поручилъ ему игуменство въ Лаврѣ чудотворца Сергія. Искренно любя великаго князя Василія и желая ему добра, преп. Мартиніанъ всегда прямо говорилъ ему правду. Однажды Василій поручилъ ему уговорить вельможу, удалившася къ Тверскому князю, возвратиться въ Москву, и обѣщалъ, что тотъ не только будетъ прощенъ, но и получить награду. Бояринъ послушался преподобнаго, но, вмѣсто почести, заключенъ былъ въ темницу. Услышавъ о томъ, Мартиніанъ, немедленно явился къ великому князю и сказалъ ему: «таковъ ли праведный судъ твой, государь! Ты продалъ грѣшную мою душу, лишивъ свободы того, кому ручался я за свободу душею моею. Да не будетъ благословіе мое на тебѣ и на твоёмъ княженіи!» Великій князь созналъ свой грѣхъ. Въ слухъ бояръ своихъ сказалъ онъ, какъ бы гнѣваясь: «судите бояре, что со мною надѣлалъ болотный чернецъ? Пришелъ ко мнѣ во дворецъ и снялъ съ меня благословіе Божіе». Боярене понимали, что это значить. Великій князь прибавилъ: виновать я предъ Богомъ, забылъ свое слово и поступилъ несправедливо; пойдемъ къ св. Троицѣ, къ пр. Сергію и блаж. Мартиніану, чтобы получить прощеніе». Велѣдъ за тѣмъ освободилъ онъ боярина и осыпалъ его милостями, и потомъ отправился въ обитель преп. Сергія. Здѣсь со всей братією вышелъ къ великому князю на встрѣчу обрадованный Мартиніанъ. Но обитель, близкая къ столицѣ, тяготила пустынника. Онъ припоминалъ себѣ слова наставника своего преп. Кирилла: «добро иноку хранить молчаніе и нестяжаніе и избѣгать всего, что можетъ возмущать чувства». Съ другой стороны, желалъ онъ докончить устроеніе внутренняго порядка въ любезной ему Терапонтовой обители.

Онъ простился съ братією Лавры въ 1455 году, и еще 28 лѣтъ управлялъ обителью преп. Терапонта. Здѣсь онъ пре-

ставился, 86 лѣтъ отъ рожденія, 12 Января 1483 года ⁽⁶⁾. Любимый ученикъ великаго Кирилла и собесѣдникъ подвижника, Терапонтъ воспиталъ много духовныхъ чадъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательнъ преп. Галактіонъ. Онъ жилъ въ кельѣ своего отца и наставника, и когда старецъ, по дряхлости, не могъ ходить въ церковь, Галактіонъ носилъ его на плечахъ своихъ. Достигая тайными подвигами до высокаго совершенства духовнаго, и желая сохранить смиреніе, Галактіонъ, по благословенію преп. Мартиніана, иногда налагалъ на себя юродство, и предсказывалъ будущія событія. По кончинѣ наставника своего онъ прожилъ еще 20 лѣтъ въ обители, служа примѣромъ строгой жизни и подкрѣпляя ослабѣвавшихъ. Такъ сказалъ онъ одному брату, который впалъ въ уныніе и хотѣлъ оставить обитель: «что это, братъ, задумалъ ты? отъ волненія не убѣжишь, хотя бы ты и удалился отъ насъ: нельзя нигдѣ избѣжать искушеній вражійхъ». Когда, въ 1505 году, великій князь Василій посылалъ войско противъ Казани, прозорливый подвижникъ говорилъ: «еще много разъ князь Василій будетъ хлопотать о Казани, но безуспѣшно; родится сынъ Иванъ, тотъ овладѣетъ Казанскимъ царствомъ» ^(в). Блаженный Галактіонъ предвидѣлъ свою кончину, и извѣстилъ о томъ братію; сотрудникъ его Савва скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ; «не скорби, чрезъ восемь дней увидимся», сказалъ Галактіонъ. И точно, спустя 8 дней пос-

(6) Мощи преп. Мартиніана почиваютъ подъ спудомъ въ Терапонтовомъ монастырѣ, упраздненномъ въ 1798 году. Онъ обрѣтены нетлѣнными, спустя 30 лѣтъ по кончинѣ, когда хотѣли погребсти друга и ученика его, архіепископа Іоасафа. Хотя весь гробъ былъ наполненъ водою. Рака, окованная серебромъ, устроена въ 1643 году. Надъ гробницею воздвигнута позднѣе церковь во имя преп. Мартиніана (Русская Энциклопедія стр. 385).

(в) Это предсказаніе сбылось въ свое время: царь Іоаннъ покорилъ Казань въ 1553 году.

лѣ блаженнаго Галактіона, умеръ и Савва. Это было въ 1506 году.

Въ Тверской области, близъ г. Кашина, въ селѣ Грибковѣ (что нынѣ Кожино), у боярина Василя Кожина ^(г) родился сынъ Матвѣй. Рано обученный грамотѣ, молодой Кожинъ женился на дѣвицѣ изъ рода Яхонтовыхъ, но, скоро овдовѣвъ, рѣшился быть слугою Царя небеснаго и постригся въ Клобуковъ монастырь ^(д), съ именемъ Макарія. Спустя нѣсколько лѣтъ, не довольствуясь подвигами послушанія и стремясь душою изъ городской обители въ пустынное уединеніе, Макарій удалился съ семью иноками изъ Клобукова, чтобъ отыскать безмолвное мѣсто для подвиговъ. Въ 18 верстахъ отъ Кашина, между двумя озерами, вблизи Волги, нашель онъ мѣсто красивое и тихое, какого искалъ душою. Водрузивъ крестъ, поставилъ онъ хижину и сталъ подвизаться въ безмолвіи. За мѣстомъ трудовъ его оставилъ названіе Колязиной пустыни бояринъ Иванъ Коляга, которому принадлежали ближнія земли. Этотъ Коляга сначала ненавидѣлъ пустынниковъ, но исцѣленный преп. Макаріемъ отъ тяжелой болѣзни, отдалъ свои земли подъ новую обитель иноческую. Она была устроена въ честь св. Троицы и Макарія принудили принять на себя настоятельство. Въ санѣ игумена Макарій трудился на ряду со всею братіею, какъ и въ то время, когда былъ

(г) Полководецъ Василя Темнаго, сынъ выходца изъ Швеціи Георгія Фаренсбаха, Василій, одержалъ побѣду надъ Галицкимъ княземъ (Шемякою?) и убилъ подъ нимъ коня. Въ знакъ побѣды, онъ привезъ великому князю лукъ, палашь и лоскутъ кожи отъ убитаго коня, и съ того времени получилъ прозваніе «Кожа». (Лакіера Русская Геральдика, ч. II, стр. 514).

(д) Клобуковъ Николаевскій заштатный монастырь находится подлѣ г. Кашина. Время основанія его неизвѣстно. Тамъ донынѣ указываютъ келью, въ которой подвизался преп. Макарій. (Журн. Минист. Внутр. дѣлъ 1844. V, 508.)

простымъ инокомъ. Для умножившейся братіи купилъ онъ у Тверскаго князя с. Сергѣевское. Игуменъ къ подвигамъ инокъ присоединилъ заботу и трудъ наставлять братію и посѣтителей обители. Къ Макарію приходили и простые люди и многіе вельможи. Они уважали его какъ отца, хотя носилъ онъ одежду худую, покрытую заплатами. По такому одѣянію и по простотѣ обращенія иные принимали его за человѣка простаго и даже смѣялись надъ нимъ. Утѣшеніемъ для него было ходить по мѣстамъ безмолвнымъ и бесѣдовать съ природою. Тогда жителями пустыннаго края были дикіе звѣри: но они были кротки съ кроткимъ рабомъ Божиимъ и иногда принимали отъ него пищу.

Духовная жизнь цвѣла въ обители Макарія. Вотъ что говорилъ самъ Макарій посѣщавшему его преп. Иосифу волоколамскому: «когда пришелъ я на это мѣсто, то со мной пришли изъ Клобукова монастыря семь старцевъ. Они были такъ совершенны въ добродѣтеляхъ и духовной жизни, что всѣ братія приходили къ нимъ принимать наставленія; они же учили всѣхъ полезному, однихъ утверждали въ добродѣтеляхъ, а уклонявшихся къ безчинію удерживали запрещеніемъ и не дозволяли слѣдовать своей волѣ». Благодать Божія проявлялась въ подвижникѣ Божиимъ чудными знаменіями еще въ земной жизни его. Разъ привезли въ обитель его ослабленнаго Захарію и больной со слезами просилъ Макарія помолиться за него. «Зачѣмъ привезли тебя ко мнѣ, братъ мой, зачѣмъ просишь ты помощи у грѣшника, который едва кое-что пріобрѣлъ только для своего спасенія?» говорилъ смиренный игуменъ. Ослабленный не преставаля просить помощи. «Знаю, говорилъ онъ, что молитва твоя за меня несчастнаго не останется тщетною предъ Богомъ». Макарій сказалъ ему: «сынъ мой! Богъ не хочетъ смерти грѣшника и ведетъ его къ покаянію. Вотъ и на тебя пришло посѣщеніе

Божіе. Если покаешься и отстанешь отъ прежнихъ привычекъ худыхъ, получишь исцѣленіе; если же нѣтъ, хуже будетъ съ тобою» Захарій со слезами исповѣдалъ всѣ грѣхи свои. Блаженный благословилъ его и больной сталъ здоровъ. Другой опытъ былъ съ бѣсновавшимся молодымъ человѣкомъ Василиемъ Рясинымъ. Макарій отслужилъ молебень о его здравіи, ослѣпилъ его крестомъ и выздоровѣвшій больной уже не возвратился въ свой домъ, а принялъ въ обители иночество. Разъ не добрые люди украли рабочихъ воловъ обители, но внезапно ослѣпли. Блуждая по окрестностямъ, они невольно воротились въ обитель и покаялись въ грѣхѣ своемъ Макарію; преподобный разрѣшилъ ихъ отъ грѣха и слѣпоты, прибавивъ: «впередъ не грѣшите».

Съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ пустынѣ, Макарій не измѣнялъ своего иноческаго правила до глубокой старости: твердо стоялъ онъ на молитвѣ днемъ и ночью. Разъ вступивъ на жесткій путь, не оставлялъ его до гроба и часто лилъ слезы умиленія. По смерти нашли на немъ тяжелыя вериги, о которыхъ дотолѣ не знали. Блаженная кончина его послѣдовала 17 марта 1483 года, на 83 году жизни его ^(e).

Родная сестра преп. Макарія Ксенія Васильевна была въ замужствѣ за помѣщикомъ Иваномъ Гавреневымъ, вѣрнымъ

(e) Мощи преп. Макарія почивали въ соборномъ храмѣ обители его, на правой сторонѣ подъ аркою, въ серебряной рактѣ, устроенной иждивеніемъ царя Бориса. Въ 1610 году Ляхи ввали приступомъ монастырь, сожгли и раззорили его, причемъ похитили раку, извергнувъ изъ нея св. мощи. Теперь онѣ почиваютъ открыто въ серебряной, позолоченной рактѣ, сооруженной въ 1700 году. (Ист. Русск. Цер. IV, 583). Повсемѣстное правднованіе преп. Макарію установлено на Соборѣ 1547 года. Основанный имъ Макаріевъ Колязинъ монастырь, состоящій нынѣ въ 1-мъ классѣ, имѣлъ, до отобранія монастырскихъ имѣній, около 12.000 крестьянъ.

слугою Углицкаго князя Андрея Васильевича. Сынъ ихъ, отрокъ Павелъ Гавреневъ, часто приходилъ въ обитель колизинскую, а по смерти родителей совѣмъ перешелъ къ дядѣ, былъ имъ постриженъ на 11-мъ году возраста и нареченъ Паисіемъ. Подъ руководствомъ опытнаго старца, въ тиши обители, юный инокъ возрасталъ въ жизни духовной, не тревожимый опасными волненіями и совѣтами міра; съ юныхъ лѣтъ научился онъ подвигамъ послушанія, поста и молитвы. Онъ занимался списываніемъ душеполезныхъ книгъ и между прочимъ списалъ книгу св. Григорія Богослова. Не засоряемый впечатлѣніями мірскими и очищаемый подвигами самоотреченія, духъ его сталъ способенъ и къ созерцанію міра духовнаго. Разъ, во время ночной молитвы, явился ему ангель и сказалъ: «ты долженъ быть наставникомъ для многихъ: ты выйдешь отсюда и будешь жить тамъ, гдѣ тебѣ велятъ: такъ надобно для славы Божіей». Паисій со страхомъ выслушалъ эту вѣсть и тайно пересказалъ наставнику своему препод. Макарію.

Прошло нѣсколько времени послѣ чуднаго видѣнія. По просьбѣ князя Андрея, желавшаго основать обитель иноческую въ Угличѣ, преп. Макарій отпустилъ къ нему юнаго инока. Паисій поселился въ хижинѣ, на лѣвомъ берегу р. Волги, въ 3 верстахъ отъ Углича и на первый разъ построилъ деревянный храмъ Богоявленія съ нѣсколькими кельями. Къ нему собралось 10 братій, и онъ ввелъ строгое общежитіе. По настоянію князя подвижникъ принялъ санъ игумена. Благочестивый и добрый князь искренно уважалъ Паисія и щедро подавалъ пособія для новой обители, въ 1482 году освященъ былъ каменный храмъ въ честь Покрова Богоматери. Но ни уваженіе князя, ни санъ игумена не ослабили подвижнической строгости въ достойномъ ученикѣ преп. Макарія. Онъ самъ копалъ землю, носилъ воду, и въ жестокіе морозы хо-

диль въ одной власяницѣ. Свѣтская вѣтренность смѣялась надъ трудолюбивымъ старцемъ, но къ своему вреду. Разъ молодой бояринъ ѣхалъ мимо обители и, увидавъ старца, заступомъ копающаго землю, посмѣялся надъ нимъ. Вдругъ лошадь сбросила его съ себя и онъ упалъ безъ чувствъ: блаженный Паисій привелъ его въ чувство и кротко сказалъ: «не осуждай иноковъ». Печальная участь любимаго князя Андрея, скончавшагося въ темницѣ (въ 1493 г.) ^(ж) и дѣтей его, сосланныхъ въ заточеніе, оживляла въ душѣ подвижника мысль, что въ царствіе Божіе входятъ путемъ скорбей многихъ. Преподобный просилъ вел. князя за невинныхъ дѣтей; но это не облегчило горькой ихъ участи; удручаемый скорбію и немощами глубокой старости, передалъ онъ управленіе монастыремъ ученику своему Геннадію, но неутомимо продолжалъ молитвенные подвиги. Каждый воскресный день и каждый праздникъ самъ онъ совершалъ литургію. Когда же наконецъ ноги отказались служить, ослабленныя дряхлостію и подвигами, онъ сидя совершалъ келейное правило. Преп. Паисій почилъ отъ трудовъ на 107 году своей жизни, 6 іюня 1504 года ^(з).

Между тѣмъ невинныя дѣти князя Андрея Васильевича,

(ж) Іоаннъ не довѣрялъ братьямъ — Андрею и Борису, которые не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе самодержца. Въ 1491 году князь Андрей былъ вызванъ въ Москву; здѣсь объявили ему, что онъ лишается свободы за измѣну противъ великаго князя. «Воленъ Богъ, да государь братъ мой, сказалъ Андрей, а Всевышній разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно.» Спустя два года, Андрей умеръ узникомъ, а дѣти его остались въ Вологодской темницѣ.

(з) Мощи преп. Паисія почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ монастырскомъ храмѣ; онѣ были свидѣтельствованы въ 1610 году и тогда же написана служба. Чудеса описаны у преосв. Филарета Черниговскаго (Русск. Свят. Іюнь, стр. 32—34).

жертвы подозрительности державнаго дяди, невинно томились въ Вологодской темницѣ. Старшій изъ нихъ Димитрій тосковалъ, и по временамъ горько жаловался на жестокость Іоанна III-го. Но младшій — Іоаннъ, съ юныхъ лѣтъ кроткій и богобоязненный, находившій утѣшеніе только въ изученіи закона Божія, и самую темницу сдѣлалъ для себя училищемъ благочестія; не только не ропталъ онъ на суровую участь свою, но благодарилъ за нее Господа, по примѣру мучениковъ Божіихъ; онъ подвизался въ молитвѣ и въ ней находилъ для себя силу и утѣшеніе. Онъ утѣшалъ брата тѣми высокими мыслями христіанскими, которыми жила душа его. «Къ чему скорбѣть, братъ мой? говорить онъ Димитрію. Богъ внушилъ великому князю позаботиться о спасеніи душъ нашихъ. Не видишь ли, какъ мы далеки отъ міра, опаснаго для души? все, что есть въ мірѣ — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — все это не отъ Отца, но отъ міра. Счастливы мы, что разлучены съ такими не завидными преимуществами міра. Тѣсенъ затворъ нашъ? Но не тѣснымъ ли путемъ шли въ царство небесное святые? Они терпѣли голодъ, стужу, побои, раны, темницу, потерю всего; но пѣли псалмы и утѣшались чтеніемъ слова Божія. Будемъ и мы подражать имъ и намъ данъ будетъ вѣнецъ нетлѣнія.» Такъ чистая душа блаженнаго юноши смотрѣла на земную участь свою, какъ на строеніе благой премудрости Божіей, обращающей и дѣла людскія въ средства къ спасенію. Наконецъ страдалецъ Божій истомился въ душномъ воздухѣ темницы и чувствуя близость кончины своей, захотѣлъ облечься въ иноческую одежду. Почему же давно онъ не облекся въ эту одежду? Тогда подозрительная политика людская, конечно, возвратила бы ему свободу. Но въ такомъ случаѣ братъ Димитрій, не желавшій иночества, не принявшій его и предъ смертію, остался бы одинъ въ темницѣ; а этого не допускала вѣжная любовь

къ брату. По просьбѣ блаженнаго узника, Прилуцкій игумень Михаилъ облекъ его въ иноческую одежду, назвавъ Игнатіемъ. Страдалецъ причастился св. таинъ и осыня себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «въ руки твои, Господи, предаю духъ мой.» Такъ перешелъ онъ въ вѣчный покой 19 мая 1523 года, 45 лѣтъ отъ рожденія. Горько плакалъ братъ Дмитрій о потерѣ утѣшителя и наставника—брата. Но смотря на свѣтлое лице почившаго, не имѣвшее вида мертвенности, и ощущая легкое благоуханіе, исходившее отъ почившаго, успокоился увѣренностію въ блаженной его долѣ. Весь городъ собрался къ темницѣ, услышавъ о преставленіи блаж. князя: его уважали въ узахъ болѣе, нежели другихъ владѣвшихъ силою власти земной. Во время погребенія блаженнаго князя-инока совершилось нѣсколько чудесъ ^(и).

Собесѣдникомъ и другомъ преп. Паисія былъ пришлецъ изъ Греціи, потомокъ княжескаго рода, по имени Константинъ. Онъ прибылъ въ Москву съ невѣстою Іоанна III-го царевною Софією, но не захотѣлъ остаться при дворѣ великокняжескомъ и, любя уединеніе, скорбя о горькой участи своей родины, страдавшей подъ игомъ Турокъ, избралъ себѣ скромное мѣсто боярина при ростовскомъ архіепископѣ Іоасафѣ, изъ рода князей Оболенскихъ. Когда святитель Іоасафъ отказался отъ

(и) Мощи преп. Игнатія положены въ томъ же храмѣ Прилуцкаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи преп. Дмитрія, основателя втои обители. Братъ князя—инока Игнатія еще нѣсколько лѣтъ по кончинѣ его оставался узникомъ, но умеръ на свободѣ и погребенъ при ногахъ брата, утѣшителя его въ узахъ темничныхъ. Замѣчательно, что икона Богородицы, единственное родительское наслѣдіе братьевъ узниковъ, постоянно сохраняется въ тюрьмѣ на память страдальцевъ. Жители Вологды привлекаютъ съ вѣрою къ сему чудотворному образу въ острогѣ. Церковная служба преп. Игнатію извѣстна по рукописи XVI вѣка. (Библи. Царскаго № 563.)

каведры и удалился въ Терапонтовъ монастырь, на мѣсто своего постриженія, сюда вмѣстѣ съ нимъ перешель и кн. Константинъ. Здѣсь въ молитвѣ и чтеніи книгъ находилъ онъ покой душѣ. Это было спустя шесть лѣтъ по преставленіи преп. Мартиніана. Константинъ не желалъ постриженія иноческаго, хотя и уговаривали его блаж. Іоасафъ и другіе; явившись ему въ сонномъ видѣніи, преп. Мартиніанъ грозилъ подвергнуть его строгому наказанію за сопротивленіе доброму совѣту. «Видѣлъ я во снѣ, рассказывалъ онъ владыкѣ Іоасафу, благолѣпную церковь съ иноками; посреди ея какъ бы каavedра и на ней преп. Мартиніанъ, съ жезломъ въ рукѣ. Постригись, говоритъ мнѣ игумень. Не постригусь, отвѣчалъ я. Если непослушаешься, продолжалъ онъ, буду бить тебя жезломъ, и хотѣлъ ударить меня». Отъ страха я проснулся. Константинъ тогда же, по просьбѣ его, постриженъ былъ съ именемъ Кассіана.

Въ обители Терапонтовой жилъ онъ не долго, и удалился, съ нѣсколькими братіями, въ удѣлъ добраго угличскаго князя Андрея, съ которымъ былъ друженъ еще въ мірѣ. Въ 15 верстахъ отъ Углича, на берегу Волги и р. Учмы, водрузилъ онъ крестъ, поставилъ кельи и по благословенію Ростовскаго архіепископа построилъ храмъ въ честь Успенія Богоматери. — Но храмъ поврежденъ былъ разливомъ Волги. Добрый князь Андрей доставилъ ему средства построить храмъ и кельи на новомъ мѣтѣ и назначилъ еще пособіе на содержаніе обители. Чудотворецъ Кассіанъ, предузнавъ свое отшествіе къ Господу, преподалъ наставленіе братіи, приобщился св. Таинъ и преставился 2 октября 1504 года ⁽¹⁾.

(1) Основанный преп. Кассіаномъ монастырь управленъ въ 1764 году, при чемъ церковь сдѣлана приходскою для сосѣднихъ селеній. Въ ней почиваютъ мощи преп. Кассіана, подъ спудомъ. Надгробная икона написана иконописцемъ-священникомъ по дву-

Въ половинѣ XV вѣка подвижникъ, по имени Савва, пришедшій изъ чужихъ странъ (изъ Сербіи, а по сказанію другихъ, съ св. горы Аѳонской), спасался въ окрестностяхъ Пскова, сначала въ Свѣтогорскомъ ^(к), потомъ въ Елеазаровомъ монастырѣ ^(л), гдѣ пользовался наставленіями преп. Евфросина; наконецъ удалился за 15 верстъ далѣе, на урочище, называемое Крипцы, находившееся въ непроходимомъ мѣстѣ, гдѣ жили только медвѣди и другіе дикіе звѣри, около озера, обильнаго рыбой. Тамъ, на камнѣ, поставилъ себѣ Савва малую хижину, подвизался въ постѣ и молитвѣ, питался хлѣбомъ и водою, а въ среду и пятокъ пребывалъ вовсе безъ пищи, воздѣлывая землю своими руками, что въ послѣдствіи завѣщалъ и ученикамъ своимъ, которые вскорѣ начали стекаться къ нему на сожительство, привлекаемые молвою о святой его жизни. Не желая самъ начальствовать, блаженный старецъ въ обители своей поставилъ игумена, по имени Кассіана, и устроилъ общежительство, не дозволяя никому изъ братіи считать что-либо своимъ, хотя бы кто и пожертвовалъ изъ имѣнія своего при вступленіи въ монастырь.

кратному явленію чудотворца. Чудеса исчислены въ Яросл. Епарх. вѣдом. 1861. № 29,

(к) Время основанія Свѣтогорскаго монастыря, близъ Пскова, на Свѣтной или Снятой горѣ, неизвѣстно. Въ 1299 году онъ былъ разоренъ Ливонскими рыцарями, при чемъ умерщвленъ блж. игумень Іоасафъ съ 17 иноками. Соборная церковь обители, построенная въ 1312 г., замѣчательна по красотѣ древняго зодчества.

(л) Спасо-Елеазаровъ монастырь, въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Пскова, близъ Псковскаго озера, основанъ въ 1425 году преп. Евфросимомъ, въ мѣрѣ Елеазаромъ, который собралъ братію, далъ ей наставленіе въ формѣ завѣщанія, сохранившагося до нынѣ, потрудился болѣе 50 лѣтъ въ пустынѣ и преставился 15 мая 1481 года, достигнувъ 95-ти-лѣтней старости. Мощи его почитаются подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ воздвигнутой имъ обители.

Въ келліи у самого Саввы ничего не было, кромѣ иконъ Спасителя и Божіей матери, убогой мантіи и ветхой рогожи, на которой онъ ложился для краткаго успокоенія. Посадники и бояре Псковскіе усердно жертвовали имѣніе для новаго монастыря, а Псковскій намѣстникъ, князь Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, имѣлъ великую вѣру къ преп. Саввѣ, подавалъ много милостыни обители и еженедѣльно пріѣзжалъ туда къ всенощному бдѣнію. Однажды онъ вздумалъ отправиться туда съ своею супругою, которая была больна и хотѣла просить преподобнаго о исцѣленіи. Но прозорливый старецъ выслалъ къ нему на встрѣчу ученика своего съ такими словами: «грѣшный старецъ Савва говоритъ тебѣ, князь: не входи съ княгинею въ монастырь, ибо по преданію св. отцевъ, не дозволено женщинамъ входить въ обители иноческія; если же не послушаешь меня, то супруга твоя не получитъ исцѣленія». Князь смиренно повиновался, взшелъ одинъ въ монастырь и просилъ прощенія въ нарушеніи заповѣди, которой не зналъ, а старецъ вышелъ къ княгинѣ за врата обители, тамъ отслужилъ для нея молебень съ водосвятиемъ, и окропленіемъ св. воды исцѣлилъ княгиню отъ болѣзни. Благодарный князь, въ память сего избавленія, устроилъ, чрезъ непроходимыя болота, мостъ къ обители преп. Саввы въ 1400 саж. длины, существующій донинѣ подъ именемъ «моста Ярославля», а въ 1487 году, по совѣту съ посадниками, съ тысяцкими и со всѣмъ Псковскимъ вѣчемъ, по благословенію духовенства всѣхъ соборовъ богоспасаемаго града Пскова, далъ обители крѣпостную грамоту на владѣніе землями.

Въ томъ же году препод. Савва, достигнувъ маститой старости, впалъ въ тяжкую болѣзнь и мирно отошелъ ко Господу 28 августа 1487 года. Ученики съ великимъ плачемъ

погребли его на правой сторонѣ построенной имъ деревянной церкви св. Іоанна Богослова ^(м).

Въ дикой и суровой странѣ Олонецкой возсіялъ великій свѣтильникъ благочестія преп. Александръ Свирскій ^(н). Жизнь его чудно-высокая, отраженіе чистой евангельской жизни.

Дивный рабъ Божій родился въ древней обонежской пятинѣ, въ с. Мандерѣ, что нынѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Когда онъ отданъ былъ учиться грамотѣ, то сначала тупо учился въ сравненіи съ прочими. Это сильно огорчало отрока. Разъ со слезами молился онъ въ храмѣ о раскрытіи разумѣнія своего и услышалъ голосъ: «встань, ты получишь, чего просилъ». Веселымъ воротился онъ въ домъ и съ того времени легко и скоро сталъ понимать книжную мудрость. Богобоязненный отрокъ постоянно соблюдалъ постъ и молился по ночамъ. «Зачѣмъ ты, сынъ мой, такъ изнуряешь себя?» съ скорбію говорила мать. Сынъ отвѣчалъ: «зачѣмъ же тебѣ, мать моя, отклонять меня отъ пріятнаго мнѣ воздержанія?» Родители хотѣли, чтобы вступилъ онъ въ бракъ: но онъ отклонялся отъ того подъ разными предлогами и думалъ объ одномъ, какъ бы совѣмъ разстаться съ міромъ.

Тайно отъ родителей отправился онъ прямо на Валаамскій островъ и на 26 году возраста облекся въ иночество. Здѣсь провелъ онъ 13 лѣтъ, какъ самый строгій къ себѣ послушникъ. Крѣпкій здоровьемъ, онъ усердно служилъ всѣмъ, носилъ воду, таскалъ изъ лѣса дрова, а того и до души своей

(м) Основанный преп. Саввою Крыпецкій монастырь находится въ 20 верстахъ отъ г. Пскова, за р. Псковою. Въ нижней церкви подъ соборомъ св. Іоанна Богослова, построенномъ въ 1547 году, почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Саввы чудотворца. Подробности о Спасо-Елеазаровомъ и Крыпецкомъ монастыряхъ можно найти въ книгѣ моей: «Святѣи и древности Пскова».

(н) Житіе преп. Александра Свирскаго, писанное въ 1545 году ученикомъ его, игуменомъ Иродіономъ, въ Синод. Библ. № 874.

не допускалъ, чтобъ отказаться отъ приказанія старшихъ. Ночь проводилъ въ молитвѣ, а иногда обнаженное тѣло свое отдавалъ въ пищу комарамъ.

Въ 1486 году Александръ удалился на озеро Рощинское, въ 6 верстахъ отъ р. Свиры, избралъ себѣ мѣсто и тамъ, гдѣ въ послѣдствіи построенъ храмъ Спасителя, 7 лѣтъ подвизался въ тѣсной хижинѣ. Здѣсь по случаю нашелъ его бояринъ Завалишинъ и подумалъ, что видитъ привидѣніе: такъ изнурилъ себя подвигами рабъ Божій. По усердной просьбѣ набожнаго боярина преподобный открылъ ему жизнь свою, подъ условіемъ молчанія. «Семь лѣтъ живу я здѣсь, не видя никого, говорилъ онъ; ни раза ни вкушалъ я хлѣба, а довольствовался травою; иногда же приходилось мнѣ ѣсть одну сырую землю». — Трудно было жить тебѣ такъ? спросилъ изумленный бояринъ. «Въ началѣ было тяжело, отвѣчалъ подвижникъ, сильно страдалъ желудкомъ; по временамъ валялся на землѣ, не въ силахъ будучи поднять головы; я совершалъ пѣніе свое, лежа на землѣ; разъ очень сильно страдалъ я и—вотъ вижу кого-то свѣтлаго. Чѣмъ ты боленъ? спросилъ онъ меня. Желудкомъ, отвѣчалъ я. Покажи мнѣ больное мѣсто, сказалъ онъ. И когда я указалъ, онъ возложилъ на меня руку и сказалъ: «се здравъ еси, ктому не согрѣшай, но работай Господу». Съ того времени чувствую себя здоровымъ. Была и еще борьба отшельнику. Духи злобы не разъ являлись ему въ грозныхъ привидѣніяхъ, но онъ не уступалъ насилію ихъ и молитвою разсѣвалъ мечтанія. Спустя 7 лѣтъ стали собираться къ нему труженики, но и они сперва жили отшельнически, не близко одинъ отъ другаго. Бояринъ Завалишинъ доставлялъ по временамъ отшельникамъ хлѣбъ, что укрѣпляло слабыхъ.

По особенному внушенію преп. Александръ началъ строить монастырь въ 130 саженьяхъ отъ своей хижины, а сподвиж-

ники убѣдили его принять на себя санъ священства и настоятельство. Въ 1508 году освященъ храмъ св. Троицы. Новый игумень не перемѣнилъ строгости къ себѣ, но казался послѣднимъ въ обители. Онъ первый выходилъ на труды и больше другихъ трудился: то мѣсилъ въ хлѣбнѣ тѣсто и пекъ хлѣбы, то носилъ воду изъ озера, то рубилъ и носилъ дрова, то мололъ рожь за другихъ своими руками. Никогда не спалъ онъ даже на рогожѣ, а на голой доскѣ или сидя. Одежда его была покрыта заплатами. Иные и смѣялись надъ нимъ за такую одежду, но онъ оставался вѣрнымъ себѣ. Усердно заботился онъ о спасеніи чадъ своихъ, иноковъ, и умолялъ братію приближаться къ Богу смиреніемъ, трудами послушанія, постомъ и молитвою.

Высокая духовная жизнь сѣвернаго пустытника привлекала къ нему многихъ, изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ. Къ великому аввѣ одни приходили для испрошенія благословенія и молитвъ, другіе шли съ скорбями земной жизни, третьи открывали больную совѣсть свою. Преподобный принималъ всѣхъ съ кроткою любовію и старался помогать всѣмъ.

Вотъ одинъ изъ многихъ опытовъ прозорливости великаго подвижника. При освященіи храма св. Троицы, народъ подавалъ ему деньги и вещи. Сосѣдній поселянинъ Григорій также хотѣлъ подать отъ себя что-то: но преподобный не принялъ. Два и три раза Григорій пытался положить даръ свой въ фелонь игумена, но старецъ отталкивалъ руку его. «Рука твоя смердитъ, сказалъ ему наконецъ преподобный: ты билъ ея мать твою и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Божій». Что жъ мнѣ дѣлать? спросилъ въ сокрушеніи Григорій. «Ступай, испроси прощеніе у матери твоей и впредь не смѣй оскорблять ее». Не за долго до блаженной кончины, пустынный авва утѣшенъ былъ видѣніемъ Богоматери, обѣщавшей ему не забывать обители его и умножить число братіи богоугодной.

Много подвижниковъ благочестія воспиталъ преп. Александръ. Въ бывшей Оредежской пустыни подвизался ученикъ его преп. Макарій, основатель этой обители, почившій въ 1532 году. Въ Важеозерской Спасской пустыни, въ 12 вер. отъ Свирскаго монастыря, почиваетъ сподвижникъ его и основатель пустыни преп. Никифоръ. Въ Оятской пустыни скончались питомцы Свирскаго наставника Игнатій, Леонидъ, Діонисій, Феодоръ, Терапонтъ, Корнилій и Аванасій (поставленные, по рукописнымъ святцамъ, въ ликъ преподобныхъ). Александръ въ духовномъ своемъ завѣщаніи писалъ: «братіи моей приказываю жить о Христѣ и отнюдь не держать въ вашей пустынѣ опьяняющаго питья, не имѣть вражды между собою и не считаться ни въ чемъ. Богъ далъ, доселѣ считаться не изъ чего, — казны монастырской нѣтъ: что Богъ посылалъ при моей жизни, какой христоробецъ давалъ вкладъ въ монастырь, — то все пошло въ домъ св. Троицы и боголѣпнаго Преображенія, на храмъ и теплую церковь и на другой монастырскій расходъ». Св. старецъ скончался на 85 году отъ рожденія, 30 августа 1583 года ^(о).

И изъ неосбѣтнаго лѣса комельскаго свѣтъ Божій продолжалъ сіять на окрестности. Какое благословенное Богомъ мѣсто была эта дубрава, разстилавшаяся во всю южную полосу вологодскаго края, разсѣкаемая пустыннымъ теченіемъ

(о) Память преп. Александра читли церковною службою съ 1547 года (Акты Арх. Экспедиц. I. 203), но мощи его открыты не ранѣе 1641 года, и царь Михаилъ устроилъ серебряную раку, въ которой онѣ и нынѣ покоятся. Въ алтарѣ московскаго Успенскаго собора есть древній, огромной величины, образъ «въ житіи» преп. Александра Свирскаго. По свидѣтельству одной старинной рукописи, эта икона прославлена чудесами въ 1555 году. Она стояла тогда «у столпа, противу чудоноснаго гроба блаж. Іюны митрополита» (Сборникъ Румянн. Музея XVII вѣка подл. № 364, л. 286).

Нурмы и Комелы и другихъ безвѣстныхъ рѣчекъ! Казалось, дебри были созданы для витанія дикихъ звѣрей, но туда стремились ангело-подобные люди, чтобы сперва по краямъ лѣса, гдѣ только позволяла мѣстность, а потомъ даже и въ самой дремучей глуши его, съ большимъ дерзновеніемъ, ставить свои духовныя твердыни.

Преподобные Сергій Нуромскій и Павелъ Обнорскій съ южной стороны коснулись только сихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и едва ли тогда не впервые застучала ихъ иноческа я сѣкира на вѣковыхъ соснахъ, не выдавшихъ дотолѣ руки человѣческой ^(п). Въ концѣ XV столѣтія подвизались здѣсь преп. Аврамій и Копрій—на берегу р. Печенги ^(р), преп. Иннокентій, другъ и собесѣдникъ Нила Сорскаго ^(с), преп. Онуфрій и Авксентій основатели Перцовой пустыни ^(г), и наконецъ великій отецъ пустынножителей—Корнилій.

(п) О подвигахъ преп. Сергія и Павла см. въ Душеп. Чтен. 1866. г. Июльскую книжку, стр. 207—212.

(р) По рукописному описанію вологодскихъ святыхъ, преп. отцы Аврамій и Копрій Печенгскіе жили въ 1492 г. Пустыня ихъ была въ Грязовецкомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ отъ Вологды. Тамъ и мощи ихъ почиваютъ подъ спудомъ, въ Спасской церкви, слѣвавшейся приходскою по упраздненіи обители въ 1764 году.

(с) Преп. Иннокентій, изъ боярскаго рода Охлѣбининыхъ, постриженникъ обители Кирилла Бѣлозерскаго, странствовалъ на востокъ съ преп. Ниломъ Сорскимъ и послѣдовалъ за нимъ въ скитъ его. Въ 1491 году онъ удалился, по совѣту Нила, на р. Нурму и поселился въ самой глубинѣ комельскаго лѣса, въ 70 верстахъ отъ Вологды. Здѣсь собралось къ нему духовное стадо. Онъ преставился 19 марта 1522 года. Обитель его закрыта въ 1764 г. и Благовѣщенская церковь ея обращена въ приходскую. Тамъ почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Иннокентія.

(г) Преп. Онуфрій и Авксентій въ 1499 году поселились въ комельскомъ лѣсу, въ 35 верстахъ отъ Вологды и основали Перцову пустынь съ церковью св. Троицы. Въ этомъ храмѣ, нынѣ приходскомъ, почиваютъ мощи ихъ подъ спудомъ.

Родители преп. Корнилія, люди знатные и богатые, по прозванію Крюковы, оставили его сиротою въ младенчествѣ, поручивъ дядѣ, Лукьяну Крюкову, служившему при дворѣ великой княгини Маріи, супруги Темнаго. Лукьянъ, удалясь въ Бѣлозерскую обитель преп. Кирилла, взялъ съ собою и 12-ти лѣтняго племянника. Здѣсь отрокъ, принявъ постриженіе, началъ труды иноческіе тяжелымъ послушаніемъ въ хлѣбняхъ, въ свободное время списывалъ книги, носилъ вериги, потомъ предпринялъ странствованіе по пустыннымъ обителямъ ^(у). Это странствованіе не было празднымъ: юный инокъ собиралъ опыты жизни духовной, терпѣлъ голодь и жажду, зной и морозъ, для Господа.

Въ 1497 году Корниліи перешелъ въ глухой и дикій комельскій лѣсъ и поселился въ 45 верстахъ отъ Вологды. Сначала онъ подвизался одиноко и безмолвно, потомъ стали собираться къ нему любители безмолвія; онъ построилъ (1501 г.) деревянную церковь Введенія Богоматери во храмъ и посвященъ былъ въ санъ священства. Рѣшась жить въ обществѣ братіи, блажен. Корниліи не щадилъ себя для ихъ пользы. Онъ самъ наряду съ другими трудился въ лѣсу и въ обители, рубилъ и очищалъ лѣсъ. Разбойники, досадуя на старца, какъ на помѣху ремеслу ихъ, избили его до того, что едва добрелъ онъ до кельи. Разъ шелъ онъ съ братіею по лѣсу и на него упало дерево, мимо котораго другіе прошли счастливо; послѣдствіемъ была тяжкая болѣзнь, отъ которой пролежалъ онъ на одрѣ полтора года; а рана на головѣ его оставалась еще долго. Едва оправился онъ отъ этой болѣзни, какъ, будучи на работѣ, оскользнулся и покатился по реб-

(у) Тогда Корниліи нѣсколько времени пробылъ въ пустынѣ бливъ Новгорода, гдѣ посѣщаль святителя Геннадія, который желалъ удержать его при себѣ; потомъ искалъ, но не нашель, безмолвія въ Савватіевой пустыни.

рамъ страшной стремнины; онъ разбился до того, что отчаявались въ его жизни: но Господь сохранилъ раба своего. Не мало пришлось ему перенести огорченій и за самое мѣсто, гдѣ основалась пустынная его обитель. На него жаловались даже в. князю, будто онъ отнимаетъ чужую собственность, тогда какъ заселялъ онъ непроходимый лѣсъ. Когда число братіи увеличилось, онъ построилъ (въ 1512 г.) новый, болѣе прежняго обширный храмъ;—при этомъ одни изъ братіи плотничали, другіе писали иконы или занимались рѣзною работою, третьи списывали книги. Корнилій построилъ и еще храмъ въ честь начальника пустынной жизни Антонія Великаго; при тепломъ храмѣ устроена братская трапеза. Для наблюденія за порядкомъ въ храмѣ назначилъ онъ еkkлeсiарха, а для хозяйственныхъ дѣлъ келаря; установилъ чинъ утреннихъ и вечернихъ службъ. Въ постоянное руководство своей братіи онъ далъ письменный уставъ ^(Ф). Для больныхъ и странниковъ поставилъ больницу и страннопріимный домъ. Если приходилось преподавать кому либо изъ братіи наставленіе въ присутствіи другихъ, старецъ не обличалъ его лично, а говорилъ противъ грѣха его. Если же кто самъ приходилъ къ нему исповѣдаться грѣхъ свой, для облегченія совѣсти онъ возлагалъ эпитимію.

Преп. Корнилій особенно любилъ выполнять заповѣдь Спа-

(Ф) Уставъ, оставленный преп. Корниліемъ, довольно сходенъ съ правилами другихъ общежительныхъ монастырей. Предписывая братіи нестяжательность и воспрещая принимать отдѣльныя подаванія, отецъ пустынножителей говоритъ: «Инокъ, имѣющій въ общежитіи что-либо свое собственное, чуждъ любви Божіей. Желаящій сподобиться благодати пребываетъ въ полномъ нестяжаніи и нищетѣ, по примѣру убожества Христова. Если же кто изъ приходящихъ захочетъ раздавать милостыню по рукамъ, то пусть лучше не будетъ милостыни, нежели разворять ею правило общежитія».

сителя о милостынѣ. Случилось, что къ дню праздника преп. Антонія запасы вышли и раздавать было нечего. Преподобный обратился къ молитвѣ и на разсвѣтѣ дня праздничнаго посланный великаго князя Василя принесъ богатую милостыню, такъ что весь народъ питался съ избыткомъ. Милосердіе и вѣра его открылись въ блистательномъ видѣ во время голода, посѣтившаго вологодскую страну. Для всѣхъ входящихъ отворены были клѣти съ мукою, хотя мука покупалась по дорогой цѣнѣ. Родители оставляли дѣтей у стѣнъ обители, не имѣя чѣмъ кормить ихъ: преподобный устроилъ для нихъ богадѣльню на монастырскомъ дворѣ и кормилъ ихъ. Иные по два и по три раза получали милостыню, во зло употребляя доброту старца и приставники говорили о томъ преп. Корнилію, но онъ приказывалъ подавать помощь всѣмъ просящимъ, безъ различія. За подвиги любви утѣшенъ онъ былъ видѣніемъ. Въ праздникъ великаго Антонія, вечеромъ послѣ обычнаго правила, сѣлъ онъ отдохнуть и въ тонкомъ снѣ видитъ преп. Антонія: египетскій отшельникъ приказываетъ ему идти за нимъ и выводитъ на обширное поле, съ грузами просфоръ и калачей. «Вотъ твои подаянія нищимъ, сказалъ небесный посѣтитель, собирай себѣ въ полы». Корнилій сталъ собирать, собралось такъ много, что они посыпались на землю. Корнилій проснулся и съ радостными слезами дивился видѣнію. Потомъ рассказалъ онъ о томъ братіи и заповѣдалъ, чтобы при жизни и по смерти его щедро подаваема была милостыня нищимъ.

Устроивъ обитель свою, старецъ по случаю неудовольствій, поднятыхъ противъ него нѣкоторыми строптивыми людьми, рѣшился удалиться въ новое уединеніе. Напрасно уговаривали его лучшіе изъ братій не оставлять обители своей. Сказавъ имъ, что онъ не разстанется съ ними духомъ, онъ поручилъ управленіе монастыремъ 12 ученикамъ, а самъ съ уче-

никомъ Геннадіемъ отправился искать себѣ уединенія и за 70 вер. отъ своей обители, на Сурскомъ озерѣ, сталъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Въ 1526 г. великій князь Василій съ молодою супругою Еленою ходилъ на богомолье въ Кирилловъ монастырь—и на пути посѣтивъ Корниліеву обитель, узналъ, что Корнилія нѣтъ тамъ. Онъ послалъ сказать Корвилію, что желаетъ видѣть его. Старецъ явился къ великому князю въ Вологду. Василій радъ былъ свиданію съ дивнымъ подвижникомъ; онъ просилъ его молить Господа и Богоматерь, дабы даровано было ему чадородіе; потомъ потребовалъ, чтобы старецъ возвратился въ свою обитель, и смиренный пустыльникъ повиновался. Послѣ сего Великій князь сказалъ ему: «слышалъ я, отче, что монастырь твой не имѣетъ ни селя, ни деревень: проси, чтò тебѣ нужно—дамъ все». Преподобный благодарилъ Великаго князя и просилъ утвердить за монастыремъ окружающую его землю съ лѣсомъ, дабы братія спокойно, трудами рукъ своихъ доставали себѣ хлѣбъ. Великій князь исполнилъ желаніе старца ^(х).

Въ обители съ радостію встрѣтили преп. Корнилія. Онъ принялся по прежнему трудиться здѣсь и очищать лѣсъ для нивы. Разъ въ полдень братія отдыхали, а онъ собиралъ хворостъ; внезапно поднявшееся пламя обхватило вокругъ него лѣсъ и едва не сгорѣлъ онъ: но поднявшійся вѣтеръ открылъ ему дорогу среди пожара. Не взирая на старость, онъ не уклонялся ни отъ какихъ трудовъ по обители и первый являлся на церковную службу. — Одежду любилъ онъ самую бѣдную. Инокъ Закхей просилъ его, чтобы мантия Закхеева, связан-

(х) Впрочемъ преп. Корнилій не любилъ владѣть угодьями и селами. Онъ продалъ землю въ Пошехонскомъ уѣздѣ, подаренную Комельской обители княземъ Семеномъ Шелешпанскимъ, (Юрид. акты, стр. 121.)

ная лыками, замѣнена была другою. Игуменъ отдалъ Закхею свою, а на себя надѣлъ Закхееву.

Сила Божія, могущественно дѣйствовавшая въ дивномъ подвижникѣ, дѣйствовала чрезъ него и въ другихъ людяхъ, которыхъ сердца были открыты для нея. Осязаемый опытъ тому былъ слѣдующій: инокъ, посланный на работу, принесенъ былъ въ монастырь едва живой, бывъ избитъ разбойниками. Преподобный велѣлъ позвать духовника, а самъ пошелъ къ больному и лишь только коснулся перстомъ ранъ его, какъ тотъ всталъ здоровымъ.

За годъ до смерти передалъ онъ правленіе обителью ученику своему Лаврентію. На четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи, изнемогшій отъ лѣтъ старецъ велѣлъ вести его въ церковь, чтобъ еще разъ причаститься св. Таинъ. Возвратясь изъ церкви, простился со всѣми, выслушалъ акаѳистъ Спасителю и Богоматери и тихо предалъ духъ свой Господу; это было 19 мая въ 1537 году, на 82 г. жизни ^(ц).

Великій пустынножитель комельскій примѣромъ жизни своей и наставленіями возрастилъ для духовной жизни много мужей богоугодныхъ. Таковы: блаж. Лаврентій Комельскій ^(ц), основатели монастырей: преп. Геннадій Любимскій, Иродіонъ Илоезерскій, Адрианъ Пошеховскій ^(ш), Кириллъ Новоезрскій.

(ц) Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ Комельской обители. Тамъ сохранилась часть власницы чудотворца, фелонь его изъ бѣлой камки, составленный имъ уставъ общежитія и подлинная ставленная грамота, выданная въ 1501 г. митрополитомъ Симономъ рукоположенному имъ въ діаконскій и іерейскій санъ «дьяку иноку Корнилию Ѳедорову сыну Крюкову». Эта грамота напечатана въ Ист. Досс. Іер. IV. 660.

(ч) Лаврентій, преемникъ преп. Корнилія въ настоятельство Комельской обители, постникъ, подвижникъ и молитвенникъ, скончался 1 мая 1547 года.

(ш) О преп. Геннадіи Любимскомъ мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Преп. Адрианъ, по кончинѣ бого-

Земною родиною Кирилла былъ г. Галичь; родители его были люди богатые и благочестивые, изъ дворянскаго рода Бѣлыхъ или Бѣлаго. Еще въ лѣтахъ отрочества, Кирилль ушелъ изъ родительскаго дома—искать преп. Корнилія, о которомъ много слышалъ. Дорогою встрѣтилъ онъ старца. На вопросъ: куда идешь? Кирилль отвѣчалъ: «къ Корнилію; у него, какъ слышно, учатся спасенію, а мнѣ хотѣлось бы спастись». «Благословенъ Богъ вразумившій тебя, отвѣчалъ старецъ; если хочешь, иди за мною къ Корнилію». На другой день въ виду было мѣстопребываніе Корнилія; указывая на него, старецъ сказалъ: «иди чадо, къ блаженному Корнилію, я попрошу его за тебя»; благословилъ его и разстался съ нимъ. Преп. Корнилій съ любовію принялъ отрока и вскорѣ же постригъ его въ иночество; ему было тогда около 20 лѣтъ. Молодой инокъ съ горячею любовію началъ совершать подвиги иночества, учиться послушанію, посту и молитвѣ. Послѣ молитвы общей, со всею усердіемъ трудился онъ, то въ пекарнѣ, то на другой службѣ. Въ свободное отъ трудовъ время поучался житію святыхъ, читалъ св. книги, особенно псалмы Давидовы. Чистая, духовная, жизнь его радовала всѣхъ, жившихъ съ Корниліемъ. Родители блаженнаго, безъ пользы искавъ сына долгое время, начали уже считать его

мудраго наставника своего, поселился съ двумя иноками, по указанію черноризца Безстужа, въ дремучемъ пошехонскомъ лѣсу, на берегу р. Вотхи, подъ дубомъ, на которомъ нашли они икону Богородицы. Здѣсь, въ 1543 году, соорудили они обитель, въ которой почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Адріана, умерщвленнаго разбойниками 5 марта 1550 года. Другой ученикъ дивнаго Корнилія, преп. Иродіонъ Илозерскій — основатель монастыря на островѣ Илоозера, въ 15 верстахъ отъ берега озера Бѣлаго, преставился 28 сентября 1541 года. Надъ гробницею его въ XVII вѣкѣ построень храмъ Рождества Богородицы съ придѣломъ въ честь преп. Иродіона. Надгробная икона его написана, по особому явленію, живописцемъ Софоніемъ.

умершимъ, какъ спустя 7 лѣтъ комельскій инокъ сказалъ имъ, что въ ихъ пустыни ведетъ высокую жизнь молодой инокъ, неизвѣстно откуда пришедшій. Отецъ отправился въ пустынь съ богатыми пожертвованіями и не узналъ въ строгомъ постникѣ Кириллѣ сына своего.

Сынъ продолжалъ молить Господа о спасеніи родителей. Наконецъ отецъ, узнавъ сына, объявилъ ему, что самъ желаетъ иночества, и его постригли съ именемъ Варсануфія. Спустя 8 дней получено извѣстіе, что мать блаж. Корнилія скончалась инокинею Еленою. По распоряженію Кирилла, оставшееся имѣніе роздано было бѣднымъ и слугамъ дана была свобода. Отецъ прожилъ въ обители около трехъ лѣтъ въ постѣ и молитвахъ и сынъ покоилъ старость его до гроба.

Спустя годъ по смерти родителя, Кириллъ, стремясь къ высшему совершенству, рѣшился вести жизнь отшельническую, въ глуши лѣсовъ сѣверныхъ. По благословенію Корнилія отправился онъ на сѣверъ и ходилъ по пустынямъ; пищу его составляли теперь то разныя травы ^(ш), то кора сосновая; чаще ему случалось видѣть звѣрей, чѣмъ людей. Такъ провелъ онъ около 7 лѣтъ, очищая въ уединеніи душу молитвою и созерцаніями духовными. По временамъ посѣщаль онъ, какъ благоговѣйный поклонникъ, святыя мѣста Новгорода и Пскова: но, проходя по жилымъ мѣстамъ, не заходилъ онъ ни въ одинъ домъ и не бралъ ни отъ кого подавій, кромѣ развѣ куска хлѣба. Духъ его возвысился въ такихъ подвигахъ, но тѣлесное здоровье ослабѣло и онъ молилъ Господа указать ему мѣсто постоянного пребыванія. Молитва была услышана.

По небесному указанію блаж. Кириллъ въ 1507 году изъ

(ш) Въ числѣ растений, которыми питался въ пустынѣ преп. Кириллъ, упоминается «вахта», или трефоль (*Menganthus trifoliata*)—горькая болотная трава.

Тихвина пошелъ къ Бѣлуозеру; съ Кобылиной горы увидѣлъ Новое озеро и на немъ Красный островъ; ангель во снѣ извѣстилъ его, что здѣсь назначено ему мѣсто ^(ъ). Пустынникъ подъ высокою елью устроилъ себѣ хижину; выпросилъ у сосѣднихъ крестьянъ Красный островъ для основанія обители; поставилъ другую келлію, сборную для ожидаемой братіи, соорудилъ двѣ малыя церкви Вознесенія Христова и Одигитріи. Вѣроятно, тогда, какъ испрашивалъ онъ благословеніе архипастыря на освященіе храмовъ своихъ, посвященъ онъ былъ въ санъ священства. Одинъ за однимъ стали собираться къ Кириллу искатели безмолвія. Но на пустынномъ островѣ предстояли имъ скорби. Рыболовы, пріѣзжавшіе на островъ, для своего промысла, видѣли въ Кириллѣ своего врага; опасаясь, что озеро сдѣлается собственностію монастыря, они дѣлали ему разныя оскорбленія, домогаясь согнать его съ острова. Блаженный переносилъ оскорбленія ихъ терпѣливо. Не такъ привіалъ онъ людей, жившихъ безчестнымъ, безчеловѣчнымъ ремесломъ. Шайка разбойника, грабившаго берега Новаго озера, досадовала уже на то, что поселились на острову люди, которые могутъ знать о ея дѣлахъ. Хищники приплыли на челнахъ къ Красному острову. «Сыны беззаконія, грозно сказалъ отшельникъ при встрѣчѣ съ ними, вы забыли, что есть грозный судъ правды Божіей, и на пустой островъ явились вы для грабежа, и у пустытника думаете найти корысть? Что вы дѣлаете?..» Приведенные въ ужасъ, хищники молили простить ихъ. «Впередъ не злодѣйствуйте, чтобы не быть въ аду», сказалъ преподобный, и отпустилъ ихъ.

(ъ) На Кобылиной горѣ стоитъ теперь часовня съ Тихвинскою иконою Богородицы, принесенною преп. Кирилломъ изъ Комельской обители. Сюда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ монастыря. (Шоѣздка въ Кирилловъ, Шевырева, II, 186).

Онъ служилъ для учениковъ своихъ образцемъ подвижнической жизни; самъ копалъ землю и рубилъ лѣсъ, въ жесточайшіе морозы ходилъ въ худой одеждѣ и даже иногда босой. Когда только нужно было для другихъ, самъ совершалъ литургію, никогда не утомляясь. Похотливая жена вздумала прельстить блаженнаго на грѣхъ; она явилась въ келью, когда чтеніемъ молитвъ готовился онъ къ совершенію литургіи. На вопросъ блаженнаго: зачѣмъ пришла? лукавая отвѣчала, что не зная гдѣ добыть огня, пришла за огнемъ. Преподобный обличилъ ее предъ всею братіею: «вздумала, говорилъ онъ, видѣть тѣло мое мертвое, заживо погребенное». Пораженная страхомъ, трепетала она всѣмъ тѣломъ. Преподобный успокоилъ ее кроткимъ наставленіемъ, но запретилъ женщинамъ являться на острову его.

Опыты прозорливости и чудесныхъ исцѣленій доказали святость угодника Божія, который мирно преставился 4 Февраля 1532 года ⁽⁴⁾. Въ числѣ чудесъ преп. Кирилла Новаго (такъ звали его современники) особенно замѣчательно слѣдующее: въ с. Кемѣ, въ 1620 году, жена священника Михаила сильно страдала отъ родовъ. Преподобный явился ей въ іерейскомъ облаченіи съ крестомъ въ рукѣ и сказалъ: «иди въ монастырь мой и будешь здорова. Она почувствовала облегченіе, хотѣла идти въ обитель, но удержана была родными, подъ опасеніямъ за ея здоровье. Преподобный явился опять въ прежнемъ видѣ. «Не бойся, Антонина! сказалъ онъ; пусть священникъ отслужитъ молебенъ и ты будешь здорова. Мужу твоему іерею Михаилу скажи, чтобъ училъ людей добру. Видите гнѣвъ Божій: то нападаютъ иноплеменики, то посѣща-

(ы) Мощи преп. Кирилла обрѣтены были нетлѣнными, при основаніи новаго храма монастырскаго, освидѣтельствованы и въ 1652 году перенесены въ новый храмъ, гдѣ и нынѣ почиваютъ открыто.

еть голодь и моръ. Это за то, что презирають праздники Божіи, не посята въ среду и пятокъ, не чтятъ воскреснаго дня и валяются въ тинѣ грѣховъ. Если не покаются, хуже того будетъ».

«По успеніи твоємъ, блаженный, и рака твоя — учитель нашъ. Истекающими изъ нея чудесами, возбуждая къ трудамъ и подвигамъ, она говоритъ намъ: любите Господа, чтобъ обрѣсти благодать; не ставьте ничего выше Его, дабы тогда, какъ пріидетъ Онъ, найдти покой съ избранными и сподобиться жизни вѣчной.» ^(б).

Графъ М. Толстой.

(б) Стихира изъ службы преп. Кириллу въ Миней московской печати 1646 года.

О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ВООБЩЕ

и

ОБЪ УЧАСТИИ ВЪ НЕЙ ДОБЛЕСТНОЙ ЖЕНЫ.

Говоря о роскоши мы, разсматривали этотъ порокъ ^(а) только въ отношеніи къ тому лицу, которое ей предано; въ этомъ отношеніи она оказалась предъ судомъ разума безуміемъ, униженіемъ достоинства человѣка. Но она представится намъ въ еще болѣе мрачномъ цвѣтѣ, когда мы посмотримъ на нее съ другой точки зрѣнія, именно съ той, съ которой Господь представилъ ее въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ. Если роскошь существуетъ рядомъ съ нищетой, пресыщеніе рядомъ съ голодомъ, то это уже не безуміе только, не униженіе только достоинства человѣка, — это уже жестокость, безчеловѣчіе. «Богатый, говоритъ Златоустъ, для роскоши, чувственности, вѣги жертвуетъ тѣмъ, что могло бы служить содержаніемъ для сотни нищихъ. Своей роскошью ты отнимаешь насущный хлѣбъ у бѣдныхъ; ты пресыщаешься за роскошнымъ столомъ, а Христосъ (въ лицѣ бѣдныхъ, которыхъ Онъ называетъ своею *меньшею братіею*), алчетъ; ты одѣваешься въ пурпуръ, а Христосъ наготуется; ты украшаешь стѣны, обдирая людей; нагой нищій вопіетъ предъ твоею дверью, а ты стараешься забыть объ немъ; нагой нищій вопіетъ, а

(а) См. въ март. книжкѣ статью «Доблестная жена».

ты занимаешься мыслью о томъ, какимъ мраморомъ украсить свой дворъ; нищій просить хлѣба, а твоя лошадь изгрызаетъ золото зубами.—Какой судъ готовишь ты себѣ, богачъ! (Бес. 21 на посл. къ Кор.). Чье сердце не почувствуетъ всей силы этихъ упрековъ? Какою же однако ужасною силою обладаетъ эгоизмъ, заглушающій въ сердцѣ богача естественный голосъ состраданія къ бѣднымъ! Рядомъ съ его богатствомъ нищета, съ его роскошью—лишенія, съ его пресыщеніемъ — голодъ, съ его наслажденіями — страданія, и его аппетитъ не уменьшается, сонъ его спокоенъ, веселье не возмутимо, пока самое пресыщеніе, излишества не отнимутъ у него аппетита и сна и не возмутятъ его веселья. Какъ понять это равнодушіе, это невозмутимое спокойствіе? Или состраданіе, — эта боль, сжимающая сердце при видѣ страданій не только человѣка, но даже и безсловесной твари, или это чувство—фальшь, и только онъ одинъ, спокойный счастливецъ, достигъ нормальнаго состоянія? Но пусть онъ вообразитъ себя въ положеніи нищаго, пусть онъ представитъ себѣ, какія чувства пронзали бы тогда его сердце при видѣ роскоши и пресыщенія, какимъ онъ предается теперь съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ. *Вы вѣстѣ*, говоритъ Моисей израильтянамъ, побуждая ихъ не оскорблять пришельца, — *вы вѣстѣ душу пришельцу, понеже сами быстѣ пришельцы въ земли Египетскій* (Исход. 23, 9.). Знаетъ ли онъ, богатый, душу нищаго? «Что сей думаетъ и чувствуетъ, проходя напримѣръ близъ обширныхъ хранилищъ богатаго, или близъ огромнаго дома зрѣлищъ, или встрѣчаясь съ одѣтымъ въ драгоценную одежду, не по требованію званія, или обоня чадъ тучнаго пира, или слыша мусикійскій громъ изъ чертоговъ роскоши и видя въ нихъ въ полночь полуденный свѣтъ?» «Если бы, вѣроятно думаетъ онъ, если бы сіи обширныя хранилища не наполнялись тѣмъ, что богатому совсѣмъ не нужно: какъ мно-

гіе, подобные мнѣ, могли бы получить отъ него необходимое, котораго мы теперь не имѣемъ! Еслибы сей широкой кровъ не былъ нуженъ на нѣкоторые часы праздности, чтобы подъ нимъ собирались видѣть притворство и слушать вымыслы: сколько можно бы собрать и водворить подъ нимъ такихъ, которые теперь не имѣютъ, гдѣ главы подклонить, или не жить, а губять жизнь въ нечистыхъ, нездоровыхъ, полуразрушенныхъ и паденіемъ угрожающихъ жилищахъ! И тогда бы здѣсь не ложныя дѣйствующія лица прои́носили вымышленныя восклицанія страстей, но непритворныя дѣйствователи неухищреннаго зрѣлища возносили къ небесамъ благодарственныя восклицовенія, и самые камни возвѣщали дѣйствительную добродѣтель челоуколюбія. Если бы носящій сію рѣдкую иноземную одежду согласился промѣнять ее на обыкновенную отечественную: онъ и тогда былъ бы одѣтъ прилично, и помогъ бы многимъ изъ насъ промѣнять рубище на одежду. Если бы съ сего стола, котораго продолжительностію скучаютъ собесѣдники, снять одну перемену пищи или питья: изъ сего можно бы составить пиръ для нѣсколькихъ, теперь алчущихъ и жаждущихъ. Сколько сладкихъ или гремящихъ звукоу въ чертогѣ роскоши въ часъ веселья, столько можно бы утишить воплей и стоновъ бѣдствія, еслибы на тотъ часъ отказать искусству, и отдать нищету то, что ему обѣщано. Тамъ игра богатыхъ несравненно дороже цѣнится, нежели трудъ бѣдныхъ, и тѣмъ, которые платятъ сію цѣну иногда безпрекословнѣе, нежели плату работающему или долгу заимодавцу, не приходитъ на мысль, что за сію цѣну можно бы было выиграть благоденствіе бѣднаго семейства и нѣсколько сердецъ признательныхъ. У сего свѣтлаго чертога можно бы отнять нѣсколько изъ многочисленныхъ его свѣтильниковъ такъ, что онъ еще оставался бы свѣтлымъ: но чрезъ то можно бы наполнить елеемъ утѣшенія свѣтиль-

никъ жизни, который отъ нищеты истощается и можетъ вскорѣ со всеѣмъ угаснуть.» Если въ сихъ размышленіяхъ ясколько нибудь угадываю душу нищаго: то помыслите, какова должна быть ея скорбь, когда онъ чувствуетъ свое бѣдствіе, видитъ вокругъ себя средства, могущія прекратить оное, и удобность употребить ихъ, но въ тоже время видитъ и то, что употреблять ихъ не хотятъ, и ему то не позволено; стоитъ среди текущей рѣки чужаго изобилія, но вода чужая проходитъ близъ устъ его, и оставляетъ его жаждущимъ! Такъ и Евангеліе въ сказаніи о Лазарѣ самою сильною чертою бѣдствія его полагаетъ то, что онъ бѣдствовалъ у прага изобилія: *лежаше предъ враты его (богатаго) тоенъ и желаше насытитися отъ крупиць, падающихъ отъ трапезы богатаго.*» (Филар. Митр. Моск. Слово при откр. попеч. о бѣдн. Д. званія).

Что такое равнодушіе богатаго къ нищетѣ есть жестокость, безчеловѣчіе—это едвали кто безпристрастно разсуждающій можетъ оспоривать; но здѣсь есть еще вѣчто такое, что едвали еще не болѣе преступно, чѣмъ простая жестокость, хотя и не такъ ужасно; по крайней мѣрѣ жестокость, безчеловѣчіе соединяются здѣсь съ несправедливостью, съ нарушеніемъ правъ человѣческихъ, съ *кражею*. Этотъ взглядъ на отношеніе богатыхъ къ бѣднымъ можетъ, читатели, изумить васъ и показаться вамъ не только слишкомъ строгимъ, но и не сираведливымъ и даже дикимъ? Но этотъ взглядъ не есть наше личное мнѣніе, это ученіе Церкви. Въ Православномъ катихизисѣ, на вопросъ: «неужели немилосердый къ бѣднымъ грѣшитъ противъ осьмой заповѣди?» данъ отвѣтъ: «Точно такъ, если онъ имѣетъ чѣмъ помогать имъ. Ибо все, что мы имѣемъ, принадлежитъ собственно Богу, а избытокъ дается намъ отъ провидѣнія Божія для вспомошествованія бѣднымъ, и потому если не удѣляемъ имъ отъ избытка нашего, то чрезъ сіе похи-

щаемъ, или утаеваемъ собственность ихъ и даръ Божій». «Быть бѣднымъ не составляетъ вреда для будущности, говорить бл. Августинъ (De temp. Sermo 42); но другое дѣло быть богатымъ, потому что въ будущей жизни потребуется отчетъ въ зарытыхъ талантахъ. Облегчая же бѣдному бремя, богатый облегчаетъ тѣмъ и собственное. Этимъ уравнивается *неравенство между людьми*, которое, *по настоящему, и не должно бы существовать*, потому что оба, и богатый и бѣдный, одного происхожденія, и живутъ для одной цѣли. Такимъ образомъ христіанская милостыня примиряетъ бѣдныхъ съ богатыми и дѣлаетъ послѣднихъ счастливыми на всю вѣчность за служеніе первымъ. Богатые только тогда внидутъ въ царство небесное, когда введутъ ихъ бѣдные.» (Лук. 16, 9). Еще сильнѣе выражается Св. Амвросій Медиоланскій: *«бѣдный имѣетъ такое же право на природу, какъ и богатый: почему же вы, богатые, одни хотите быть ея обладателями? Земля создана для бѣдныхъ и богатыхъ: почему же вы, богатые, однимъ себѣ присвоиваете право владѣть ею? Природа, создавшая всѣхъ насъ бѣдными, не знаетъ богатыхъ. Мы всѣ рождаемся и умираемъ въ одномъ состояніи и въ могилѣ не отличишь богатаго отъ бѣднаго.»* (Lib de Nabuth c. 13).

Вы не можете не признать этотъ взглядъ на отношеніе богатыхъ къ бѣднымъ человѣколюбивымъ, возвышеннымъ; но этого мало. Вы должны вполнѣ убѣдиться въ его справедливости. Для этого потрудитесь войти вмѣстѣ съ нами въ небольшое размышленіе. Положимъ, вы нажили большое состояніе, и нажили самымъ честнымъ образомъ, единственно своимъ умомъ и прилежаніемъ; однимъ словомъ, ваше состояніе составляетъ совершенно законную вашу собственность. (Замѣйте, мы дѣлаемъ самое выгодное для васъ предположеніе.). А вотъ рядомъ съ вами сотни людей, которые ничего не нажили, и это не вслѣдствіе лѣности и нерадѣнія, — объ лѣнливыхъ

нечего говорить, они бѣдны по своей винѣ,—а единственно по причинѣ бѣдности своихъ способностей или степенія неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Итакъ, вы богаты, а рядомъ съ вами сотни бѣдныхъ; вы, при всеѣхъ излишествахъ, не знаете, какъ прожить свое богатство, а тѣ, несчастные, не знаютъ нынче, чѣмъ будетъ завтра утолить голодь. Это страшное разстояніе между вами и ими не есть ли въ высшей степени грустное явленіе? Правда, оно произошло по самой естественной связи вещей: вы отъ природы надѣлены талантами, да и обстоятельства расположились въ вашу пользу — ну, вотъ вы и богаты; а тѣ и природой обдѣлены и счастіемъ,—оттого и бѣдны. Но согласитесь, что и природа и счастіе были благосклонны къ вамъ и неблагоприятны къ нимъ не безъ воли и не безъ содѣйствія Божія: такъ неужели это отъ того, что вы—любимое дитя Божіе, а тѣ—пасынки? Но чѣмъ же вы могли заслужить такое предпочтеніе отъ Бога, прежде даже чѣмъ родились на свѣтъ, получивъ отъ природы таланты, какихъ не получили другіе? Или все это дѣло слѣпаго случая и Богъ тутъ ни при чемъ, какъ будто Его и нѣтъ совсѣмъ? Замѣчаете ли, до чего можно договориться? почти до безбожія. Вы, конечно, не думали и не желали этого; вы, конечно, вѣрите, что есть Богъ, Премудрый и Всеблагій Правитель міра. А если такъ, то согласитесь, что то неравенство состояній, какое мы видимъ въ жизни, не для того существуетъ, чтобъ одни пресыщались, а другіе умирали съ голода, одни ликовали, а другіе стонали, одни благословляли жизнь, а другіе проклинали день своего рожденія. Богъ не могъ желать того, чтобы земля сдѣлалась адомъ, въ которомъ клики радости смѣшивались бы со стономъ и проклятіями. Богъ не могъ хотѣть того, чтобы счастливы превратились въ демоновъ, потому что въ этомъ равнодушій къ страданіямъ братій, въ этомъ безмятежномъ счастіи среди стоновъ и проклятіи есть

что-то демонское. Это неравенство состояній не для того допущено Богомъ, чтобы счастливыцы угнѣтали несчастныхъ. Послѣдніе, даже и не испытывая никакой несправедливости со стороны первыхъ, нерѣдко жалуются однако на нихъ, какъ бы на виновниковъ своего несчастія,—и не совѣмъ безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, отчего иногда люди, бѣдно одаренные природой, но честные и трудолюбивые, находятся въ нищетѣ? Не отъ того ли часто, что имъ перебили дорогу, ихъ вытѣснили люди болѣе даровитые, такъ что еслибы не было этихъ послѣднихъ, то, пожалуй, и они сумѣли бы устроиться получше? Мы знаемъ, что это въ порядкѣ вещей; люди, болѣе даровитые и сильные, какое бы ни занимали скромное мѣсто, нерѣдко отнимаютъ его у другаго тѣмъ самымъ уже, что занимаютъ его. Это иначе и быть не можетъ и въ этомъ въ сущности никто не виноватъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что вы должны безжалостно, равнодушно относиться къ тѣмъ, которые терпятъ разные невзгоды? Не для того ли, напротивъ, Творецъ вложилъ въ человѣческое сердце чувство состраданія къ несчастнымъ, голосъ котораго громко раздается въ каждомъ сердцѣ, не окаменѣвшемъ отъ эгоизма, чтобы *сильные* побратски *носили немощи немощныхъ* и смягчали такимъ образомъ суровый законъ необходимости? Такъ, общее чувство человѣчества громко говоритъ, что для человѣка есть другой законъ, который долженъ господствовать надъ слѣпымъ закономъ борьбы, царствующимъ въ неразумной природѣ. Этотъ высшій законъ есть *законъ братской любви*. И потому неравенство состояній, конечно, не въ той чудовищной степени, до которой оно нерѣдко доходитъ, не только допущено Промысломъ, какъ естественный законъ, но и предназначено служить средствомъ для скрѣпленія людей братскимъ союзомъ любви. Вотъ какъ апостоль раскрываетъ этотъ высшій законъ человѣческихъ отношеній: «Какъ

тѣло одно, но имѣеть многіе члены... такъ и Христось (*въ Своей Церкви*). Ибо все мы однимъ Духомъ крестились въ одно тѣло, Іудеи ли или Еллины, рабы ли или свободные: и все напоены однимъ Духомъ, (*чтобы составить одно тѣло*). Поэтому, если тѣло состоитъ не изъ одного члена, а изъ многихъ, то не странно ли, если (*например*) нога скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не рука; и если ухо скажетъ: я не принадлежу къ тѣлу, потому что я не глазъ. Если все тѣло глазъ, гдѣ слухъ? Если все слухъ, гдѣ обоняніе? Но Богъ расположилъ члены, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему было угодно. А если бы все было одинъ членъ, то гдѣ было бы тѣло? Но теперь членовъ много, а тѣло одно. Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не нужна, или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе. И которые намъ кажутся менѣе благородными въ тѣлѣ, о тѣхъ болѣе прилагаемъ попеченія. И неблагообразные наши болѣе благовидно покрываются; а благообразные не имѣютъ въ томъ нужды. Но Богъ соразмѣрилъ тѣло, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, а все члены одинаково пеклись другъ о другѣ. Посему страждетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ все члены; славится ли (*благоденствуетъ ли*) одинъ членъ, съ нимъ радуются все члены. И въ тѣло Христово, а порознь члены» (1 Кор. 12, 12—26).

Итакъ предъ вами два закона: одинъ — это *борьба за существованіе*: этотъ законъ для неразумной природы. Тамъ все борется, все воюетъ; тамъ одно тѣснить, давить, пожираетъ другое: одна травка давитъ сотню другихъ, чтобы жить самой на мѣстѣ и на счетъ ихъ; траву пожираетъ овца, овцу волкъ, волка другой сильнѣйшій звѣрь и т. д. Что уничтожено однимъ, то, значитъ, отнято у сотни другихъ; каждая тварь должна вытѣснять и уничтожать сотни, тысячи другихъ

для обезпеченія своего существованія. Таковъ законъ для неразумной природы, по крайней мѣрѣ теперь, въ ея поврежденномъ состоянїи. Но вотъ другой законъ: члены тѣла должны служить и помогать другъ другу: иначе они не могутъ существовать. Это законъ для разумныхъ тварей, для человѣка. Если же кто, считая свое счастье неизблемымъ, будетъ равнодушно смотрѣть на страданія меньшихъ братїй, и въ гордомъ и въ себялюбивомъ довольствѣ скажетъ: *богатъ есмь, и обогатихся и ничтоже требую; почивай душе, яждь, пей, веселися*: то скоро онъ почувствуетъ, что онъ жестоко ошибся, что для того, чтобы наслаждаться спокойно своимъ счастьемъ — ѣсть, пить и веселиться, нужно позаботиться и о томъ, чтобы кругомъ не было людей голодныхъ, — нужно по крайней мѣрѣ устроиться такъ, чтобы и другимъ было что ѣсть: иначе голодъ можетъ довести человѣка до озлобленія, до отчаянїя, и въ этомъ состоянїи — до преступленія. А если число голодныхъ сдѣлается слишкомъ велико, тогда уже не тотъ или другой частный человѣкъ, — тогда уже все общество подвергается крайней опасности. Эту истину рѣшительно подтверждаетъ исторїя: большая часть междоусобныхъ войнъ, и именно наиболѣе кровавыхъ, всегда происходили отъ привилегїй меньшинства въ ущербъ большинства и отъ чрезмѣрнаго неравенства состоянїй, т.-е. оттого, что не многіе счастливыцы почивали, ѣли, пили и веселились, а милліоны несчастныхъ умирали съ голода. И теперь, глухая борьба, сопровождающаяся по временамъ зловѣщими взрывами, какая на нашихъ глазахъ идетъ между богатыми, и бѣдными классами западной Европы, заставляетъ всѣхъ мыслящихъ людей задумываться надъ будущностью современнаго міра. Чѣмъ должна кончиться эта борьба, если общество не поспѣшитъ самопреобразованиемъ? Если она окончится торжествомъ счастливаго

меньшиства, то это отнюдь не будетъ окончаніемъ борьбы, — это только конецъ одного дѣйствія, за которымъ неминуемо послѣдуетъ другое, третье, и т. д., пока борьба не разрѣшится полною побѣдой большинства. И сколько бы ни повторялась борьба и въ чью бы пользу она ни оканчивалась, а окончательная побѣда непремѣнно должна остаться на сторонѣ большинства; потому что не меньшинство безъ большинства, а большинство не можетъ существовать безъ меньшиства; *мнящіяся уди тѣла немощнѣйши быти нужнѣйши суть*. А потомъ что же? Если новое общество не устроится на иномъ началѣ, на законѣ братства, то опять должна начаться прежняя исторія. На этомъ началѣ была основана древняя христіанская община, Церковь временъ апостольскихъ, — духу братства, одушевлявшему всѣхъ ея членовъ, изумлялись враги: «Смотрите, какъ любятъ другъ друга эти галилеяне, какъ они готовы умереть другъ за друга!» (Тертул. Apol. 39.) — Такъ говорили язычники о христіанахъ съ наружнымъ презрѣніемъ, худо скрывавшимъ удивленіе и зависть: «Они питаютъ другъ къ другу любовь, не будучи даже между собою знакомы. (Минуцій Феликсъ въ Октавіи гл. IX.) «Удивительно, какъ эти люди въ несчастіи помогаютъ другъ другу», признавался Лукіанъ, язвительный порицатель христіанства. Даже Юліанъ — отступникъ, непримиримый врагъ христіанства, съ удивленіемъ говоритъ о братской любви христіанъ. Этотъ духъ братства, одушевлявшій древнюю Церковь, представляетъ величественнѣйшее и единственное явленіе въ исторіи. Зато члены церкви не только не знали страшнаго недуга, пожирающаго современную Европу, но имѣли возможность даже среди ужасовъ гоненій, отъ избытковъ своихъ помогать самимъ врагамъ, не рѣдко прибѣгавшимъ къ нимъ за помощію. Это служить блистательнѣйшимъ практическимъ оправданіемъ ученія христіанскаго о братствѣ. Современная Европа

стремится къ выходу изъ своего бѣдственнаго состоянія посредствомъ такъ называемыхъ ассоціацій (товариществъ). Но пока меньшинство не отречется отъ своей себялюбивой исключительности, пока ассоціаціи хозяевъ и ассоціаціи рабочихъ будутъ представлять два враждебныхъ лагеря и не сольются въ одинъ братскій союзъ, до тѣхъ поръ онѣ не достигнутъ цѣли и того возможнаго земнаго благоденствія, которое можетъ быть удѣломъ только общества, составляющаго единое стадо съ единымъ Пастыремъ въ главѣ.

Теперь, надѣмся, взгляды Церкви на отношенія богатыхъ къ бѣднымъ не покажется вамъ не только несправедливымъ и страннымъ, но даже не покажется и очень строгимъ. Вы даже почувствуете всю справедливость совѣта, даннаго Господомъ богатому юношѣ, *продать имънїе и раздать нищимъ*, — совѣта, который приводитъ въ недоумѣніе многихъ благонамѣренныхъ послѣдователей Евангелія, а врагамъ даетъ поводъ обвинять Евангеліе въ чрезмѣрной строгости и неприложимости въ жизни. Мы однако не думаемъ доказывать безусловную необходимость этого крайняго самоотверженія, мы хотимъ только убѣдить васъ въ томъ, что это самоотверженіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ есть высшій героизмъ и высшая правда, предъ которой должна преклониться юридическая правда законовъ человѣческихъ. Такъ *оправдывается* евангельская истина *въ словесяхъ своихъ*, даже самыхъ строгихъ, *и побѣждаетъ, когда судится* съ мудрованіемъ человѣческимъ. И учителя церкви понимая, что это только совѣтъ, обязательный только въ исключительныхъ случаяхъ, никогда не требовали, чтобы богатые отрекались отъ права собственности въ пользу бѣдныхъ; они всегда проповѣдывали что кто умѣетъ мудро владѣть богатствомъ, т.-е. не порабощаетъ себя мамонѣ, *имуцій* живетъ *яко немуюцій*, тотъ не имѣетъ нужды отказываться отъ своего богатства, и владѣя

имъ болѣе сдѣласть пользы, чѣмъ отрекшись отъ него; съ другой стороны никому изъ учителей церкви не приходило въ голову дѣлать честно трудящихся людей жертвами праздныхъ тунеядцевъ. Они даже сдерживали чрезмѣрную щедрость нѣкоторыхъ и въ точности опредѣляли границы нестяжательности. «Каждый измѣрай свои силы»,—говоритъ блаж. Августинъ, «и не раздавай своего имѣнія до такой степени, чтобы самому терпѣть нужду во всемъ. Раздавай то, чѣмъ ты имѣешь полное право распорядиться, и потому жена, на примѣръ не должна раздавать денегъ безъ позволенія мужа (кромѣ, разумѣется, тѣхъ денегъ, которыя составляютъ исключительную ея собственность). Прежде всего христіанинъ долженъ подумать о себѣ и своихъ дѣтяхъ, дабы доставить имъ безбѣдное содержаніе, потомъ обязанъ позаботиться о бѣдныхъ родственникахъ, за тѣмъ о прислугѣ, а что останется послѣ этого, то обязанъ раздать бѣднымъ». (Aug. serm. 42. Ep. 262. Serm. Dom. in monte II, 2. Enchir. c. 73.) Въ этихъ словахъ вполне выразился взглядъ Церкви на права собственности. Собственникъ есть въ сущности только распорядитель своего состоянія. Но въ своихъ распоряженіяхъ онъ долженъ прежде всего имѣть въ виду обезпеченіе собственнаго своего существованія и благосостояніе своего семейства, потомъ *присныхъ*, т.-е. ближайшихъ къ себѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи, лицъ, и наконецъ бѣдныхъ. Этихъ послѣднихъ онъ отнюдь не долженъ забывать. Если онъ, по закону высшей правды, не имѣетъ безусловнаго права собственности надъ своимъ состояніемъ, то хотя и не обязанъ непременно всегда отекаться отъ своего состоянія, тѣмъ не менѣе долженъ быть какъ можно строже къ самому себѣ и соразмѣрять свои расходы съ нуждами бѣдныхъ, т.-е. чѣмъ настоятельнѣе эти нужды, тѣмъ ограниченнѣе должны быть его собственные расходы.

Таково христіанское ученіе объ отношеніи богатыхъ къ бѣднымъ. Христіанство, проповѣдуя братолюбіе, отнюдь не посягаетъ на права собственности. Христіанская *благодѣтельность* есть непремѣнный долгъ cadaго, но исполненіе этого долга предоставляется свободной любви. Здѣсь ничего нѣтъ общаго съ ученіемъ коммунистовъ, требующихъ принудительнаго раздѣла между всеми поровну имущества.

Понятно, что христіанское ученіе о благотворительности не удовлетворяетъ современныхъ прогрессистовъ. Они говорятъ: «ждать спасенія отъ такого жалкаго палліативнаго средства, какъ благотворительность, значитъ всеѣмъ не знать ни силы болѣзни, пожирающей Европу, ни тѣхъ опытовъ, которые дѣлала, напримѣръ, Англія надъ благотворительными учрежденіями всякаго рода. Она давно убѣдилась, что все они никуда не годятся и только усиливаютъ науперизмъ (нищенство), покровительствуя лѣности и тунеядству. Укажите намъ какое нибудь болѣе существенное, болѣе радикальное средство.»

Это радикальное средство мы указали уже въ отреченіи отъ эгоизма, въ проникновеніи духомъ братской любви. Доколѣ она не водворится въ сердцахъ, дотолѣ, дѣйствительно, не принесутъ существенной пользы никакія благотворительныя общественныя учрежденія. Печальный опытъ такихъ учрежденій въ Англіи доказываетъ не то, что христіанская благотворительность бессильна уврачевать зло, а только то, что она несовмѣстна съ самолюбіемъ и своекорыстіемъ. Какъ эта истина оправдалась на Англіи по отношенію къ благотворительнымъ учрежденіямъ, объ этомъ мы скажемъ нѣсколько словъ, чтобъ устранить отъ благотворительности взведенное на нее нареканіе.

Низшіе классы въ Англіи, какъ извѣстно, не имѣютъ поземельной собственности и существуютъ почти исключительно

фабричнымъ трудомъ. Это поставило ихъ въ совершенную зависимость отъ капиталистовъ. Капиталисты вполнѣ воспользовались выгодой своего положенія, уменьшили заработную плату до невозможности, и наживая сами громадныя состоянія, сдѣлали рабочаго пролетаріемъ, т. е. человѣкомъ, который живетъ изо дня въ день, котораго жизнь не обеспечена даже на завтра. Легкая болѣзнь, небольшой перерывъ работы, не большое увеличеніе семейства, повышеніе цѣны на хлѣбъ тотчасъ ставятъ его лицомъ къ лицу съ голодною смертью. Очевидно, при такомъ положеніи рабочаго класса, нищета должна была сдѣлаться не случайнымъ явленіемъ, а постояннымъ, хроническою болѣзнію общества; не десятки, не сотни людей, а тысячи, сотни тысячъ людей, почти весь низшій классъ превратился въ нищихъ, — возникъ такъ называемый *пауперизмъ*. Частная благотворительность, которая впрочемъ въ такой эгоистической странѣ и не могла имѣть прямо христіанскій характеръ и принять широкіе размѣры, — очевидно, ничего не могла тутъ сдѣлать, какъ нѣсколько ведеръ воды не могутъ потушить пожара цѣлаго дома. Понадобились средства болѣе сильныя и правильныя. Установленъ былъ *принудительный* налогъ въ пользу бѣдныхъ и устроены по приходамъ благотворительныя учрежденія. Благотворительность такимъ образомъ потеряла свой чисто христіанскій характеръ свободной любви и получила характеръ государственнаго учрежденія. Но и эта мѣра не уврачевала зло а напротивъ еще болѣе его увеличила. Данное приходамъ, во избѣжаніе чрезмѣрнаго скопленія бѣдныхъ, право высылатъ тѣхъ изъ бѣдняковъ, которые не принадлежали къ его постояннымъ обитателямъ, — право, стѣснявшее свободу движенія рабочаго населенія; работы, открытыя не ради нужды общества, а только для того, чтобы занять бѣдняковъ, грозившія подрывомъ существенно полезной промышленности и сбивавшія цѣну съ труда воль-

ныхъ рабочихъ; безсовѣстность капиталистовъ, обратившихъ самую приходскую благотворительность въ свою выгоду искусственнымъ пониженіемъ заработной платы въ надеждѣ на приплату, которую приходская касса дѣлала нуждающимся рабочимъ,—все это довело рабочихъ до отчаяннаго положенія, изъ котораго единственный, хотя какой-нибудь выходъ представляла приходская благотворительность,—и рабочіе стали бросать неблагодарный трудъ, не только не обезпечивавшій ихъ будущности, но и въ настоящемъ не дававшій самага необходимаго, и спѣшили подъ сѣнь приходской благотворительности. Отсюда—нравственная порча всего рабочаго населенія: между нимъ развились лѣность, нерадѣніе; чтобы добиться помощи, рабочіе стали прибѣгать къ попрошайству, къ проискамъ, даже къ обману и къ самымъ безсовѣстнымъ уловкамъ; на примѣръ безъ нужды продавали послѣднюю корову и свинью, чтобы только казаться какъ можно бѣднѣе. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, чтобы сдержатъ наплывъ вопіющихъ о помощи, приходскія мнимо-благотворительныя учрежденія стали прибѣгать къ разнымъ полицейскимъ мѣрамъ, понуждая къ работѣ способныхъ и преслѣдуя праздность и обманъ, и такимъ образомъ превратились въ чисто полицейскія учрежденія. Но и это ни къ чему не повело: число бѣдныхъ и налогъ въ пользу ихъ дошли до ужасающихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, здѣсь случилось нѣчто въ высшей степени странное: приходская благотворительность развратила и разорила рабочихъ, а рабочіе испортили и разорили приходскую благотворительность.

Необходимо было совершенно измѣнить систему призрѣнія бѣдныхъ. Нашли нужнымъ уничтожить не только частную, но и приходскую благотворительность, и устроить *рабочіе дома*. Представлялась къ рѣшенію слѣдующая задача: нужно было оказать пособіе всѣмъ нуждающимся, но сдѣлать это

такъ, чтобы вольные рабочіе не могли имѣть поползновенія, оставляя работу, искать этого пособія. Чтобы достигнуть этой послѣдней цѣли, пужно было устроить рабочіе дома такъ, чтобы положеніе призрѣваемыхъ въ нихъ не было завидныхъ для вольныхъ рабочихъ. Это сдѣлать было не легко, такъ какъ положеніе вольнаго рабочаго въ Англіи весьма непривлекательно. Морить съ голода призрѣваемыхъ въ рабочихъ домахъ тоже неудобно, —эта *немножко суровая* мѣра достигала бы предположенной цѣли болѣе чѣмъ нужно: можно было опасаться, что бѣдные предпочтутъ голодную смерть дома таковой же въ рабочихъ домахъ; а въ такомъ случаѣ эти *благотворительныя* заведенія грозили остаться совсѣмъ пустыми. Какъ же быть однако? Положеніе крайне затруднительное. Англійскій умъ и англійская настойчивость нашли однако изъ него выходъ и рѣшили задачу блистательно. Придумали сдѣлать изъ рабочихъ домовъ тюрьмы! Призрѣваемые распредѣляются по возрасту и полу: жены разлучаются съ мужьями, дѣти съ родителями; исключеніе дѣлается только для грудныхъ дѣтей. Этого исключенія нельзя было не допустить, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы брать для такихъ дѣтей кормилицъ или нянекъ. Другая столь же характеристическая мѣра: работы для призрѣваемыхъ избираются самыя тяжелыя, точь въ точь какъ у насъ на каторгѣ для преступниковъ. Благодаря этимъ и другимъ подобнымъ мѣрамъ рабочіе дома доведены до такого совершенства въ своемъ родѣ, что, хотя въ нихъ и не морятъ съ голода, но не многіе изъ бѣдняковъ, даже угрожаемыхъ голодною смертью, ищутъ убѣжища въ этихъ *бастиліяхъ* (парижская тюрьма до революціи), какъ называютъ рабочіе дома сами рабочіе. (О призрѣніи бѣдныхъ въ Англіи К. Г. Криса.)

Такова благотворительность въ Англіи: это не что иное, какъ чудовищная насмѣшка надъ благотворительностью. Истинная

христіанская благотворительность и невозможна въ такой эгоистической странѣ; тамъ она уже не считается и за добродѣтель; мало того, тамъ смотрять на нее какъ на государственное преступленіе. Послушайте какъ на примѣръ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ Милль: это весьма любопытно и поучительно. «Всякою выгодною переменой въ своихъ обстоятельствахъ рабочіе обыкновенно пользуются для того, чтобы размножаться (страшное преступленіе!) и лишать слѣдующее поколѣніе этой выгоды... (какъ такъ?). Государство могло бы обезпечить работу съ хорошею платой всѣмъ уже родившимся на свѣтъ. Но если оно сдѣлаетъ это, то, для самосохраненія и по требованію всѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ правительство, оно должно принять мѣры, чтобы не родился ни одинъ человѣкъ безъ его согласія (этого еще не доставало!). Необходимы будутъ ограниченія права вступать въ бракъ, ограниченія строгія, существующія въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ, или строгія наказанія людямъ, которые рождаютъ дѣтей, не будучи въ состоянїи содержать ихъ. Общество можетъ кормить нуждающихся, если оно беретъ подъ свой контроль ихъ размноженіе, или можетъ оставить его на произволъ нуждающихся, оставляя ихъ самихъ безъ помощи. Но оно не можетъ принять на себя обязанность безнаказанно прокормленіе бѣдныхъ, оставляя имъ свободу размножаться». «Давать вспоможеніе народу, подъ именемъ благотворительности или работы,—значить расточать средства, не достигая цѣли, если народъ вмѣстѣ съ этимъ не воздерживается отъ размноженія (размноженіе бѣдныхъ Миллю, а въ лицѣ его всѣхъ капиталистамъ, просто не даетъ покою, словно неотступно стоящій предъ ними ужасный призракъ). Какое бы благосостояніе вы ни дали людямъ, они и дѣти ихъ не поймутъ (вы правы, г. Милль, могутъ ли понять эти безчувственные твари такое новое, неестественное право вами проповѣдуемое), что

воздержность должна служить истиннымъ средствомъ поддержать это благосостояніе; они только будутъ требовать съ ожесточеніемъ, чтобы вы продолжали обеспечивать судьбу ихъ и всего потомства, какое могутъ они имѣть. Не удивительно по этому, что Мальтусъ и его послѣдователи возставали противъ вспоможенія бѣднымъ» (Милль о распредѣленіи богатствъ кн. II. гл. XII). «Безчестно человѣку съ претензіей учить общество игнорировать эти (мальтусовскіе) выводы, проходить ихъ молчаніемъ и разсуждать или декламировать о налогѣ въ пользу бѣдныхъ ⁽⁶⁾» (см. 1. кн. II. гл. VII). «Если бы въ рабочемъ классѣ утвердилось мнѣніе, что для благосостоянія работниковъ нужно извѣстное ограниченіе числа ихъ дѣтей (хорошо благосостояніе!), то работники солиднаго и почтеннаго характера (съ точки зрѣнія капиталистовъ) стали бы поступать согласно этому требованію, а нарушать его стали бы лишь тѣ, которые вообще не уважаютъ общественныхъ обязанностей. Тогда очевиднымъ образомъ можно будетъ оправдать обращеніе въ *юридическую* обязанность *нравственной* обязанности не производить на свѣтъ дѣтей, которыя были бы обремененіемъ для общества (новооткрытая нравственная обязанность!». (Т. 1. стр. 426). «Чѣмъ больше остается за продовольствіемъ рабочихъ, тѣмъ болѣе можетъ быть сбережено и накоплено (хозяевами капиталистами)».

Итакъ рабочіе ничего болѣе, какъ машина, рабочая сила, рѣшительно ничего болѣе: они не имѣютъ никакихъ правъ человѣческихъ; они даже не имѣютъ того права, какое имѣетъ рабочій скотъ, т. е. права на попеченіе хозяина, въ пользу котораго они работаютъ. Рабочіе нужны только для обогащенія хозяина. Обогащать хозяина ихъ нравственная и юриди-

(6) Мальтусъ, на выводы котораго ссылается Милль, былъ пасторъ. Фактъ знаменательный!

ческая обязанность. Всѣ остающіеся за удовлетвореніемъ этой потребности—лишніе на бѣломъ свѣтѣ и не имѣютъ права существовать; они должны гибнуть; обществу нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Рабочій слѣд. не имѣетъ права производить дѣтей; это ему позволено только по усмотрѣнію хозяина, по мѣрѣ потребности въ нихъ. Онъ долженъ сдѣл. заглушить въ себѣ естественную потребность брака и семейной жизни, или сдѣлаться дѣтоубійцей.

Итакъ вступленіе въ бракъ и рожденіе дѣтей со стороны рабочаго — преступленіе; благотворительность и даже хорошая плата ему за трудъ со стороны хозяина тоже преступленіе, а жестокость и безсовѣстное грабительство—добродѣтель и гражданскій долгъ! Не правда ли, мыслящая часть чело-вѣчества достигла высшей ступени прогресса: въ теоріи уже нельзя подняться выше, и только на практикѣ остается сдѣлать еще одинъ шагъ, дать этой теоріи силу закона, *нравствен- ныхъ обязанности* обратить въ *юридическія*, какъ не давно въ рабовладѣльческихъ Штатахъ было запрещено закономъ освобождаютъ невольниковъ и даже заводятъ для нихъ школы. Но чтобы вполнѣ взвѣсить всю важность нашихъ успѣховъ, чтобы вполнѣ измѣрить пространство, пройденное нами въ 18 вѣковъ, потрудитесь сравнить этотъ взглядъ передоваго чело-вѣка передовой страны нашего вѣка на взаимныя отношенія хозяевъ и рабочихъ, со взглядомъ древнихъ учителей Церкви на отношенія богатыхъ къ бѣднымъ: не правда ли, мы прошли неизмѣримое разстояніе, мы отъ неба низошли до ада, и въ адской тмѣ уже не различаемъ ни свѣта религіи, ни даже внутренняго свѣта нашей души; въ нашихъ умныхъ головахъ, мыслящихъ съ самою строго-логи-ческойю послѣдовательностію, извратились даже понятія о добрѣ и злѣ, и добродѣтель стала порокомъ, а порокъ добротелью. *Мнящіяся быти мудри обьюродьша!* Итакъ, вотъ

онъ пресловутый прогрессъ. Вотъ куда заводитъ эгоистическій разумъ, неуправляемый свѣтомъ вѣры и теплымъ сердцемъ. Не мѣшаетъ вѣдать это тѣмъ, которые поклоняются разуму, бредятъ прогрессомъ, западную Европу берутъ въ наставницы, а въ ея мыслителяхъ видятъ оракуловъ высочайшей мудрости ^(в).

Это ужасное ученіе не есть личное мнѣніе Милля, какъ случайное порожденіе ума, принявшаго превратное направленіе; нѣтъ, это выраженіе образа мыслей господствующаго класса англійскаго общества, котораго Милль служить только представителемъ; и съ жестокою смѣлостію и энергіей, свойственными англійской націи, это ученіе проводится въ жизни или, вѣрнѣе сказать, оно есть только формулированный Миллемъ выводъ изъ всего строя англійской жизни. Въ Англии смотреть на бѣднаго какъ на докучное и опасное животное,

(в) Замѣчательно, что Милль—горячій поборникъ ученія, поставляющаго началомъ дѣятельности пользу (*утилитаризма*). По его мнѣнію, нравственный законъ есть начало мечтательное, неизмѣющее существеннаго (реальнаго) содержанія, созданное воображеніемъ идеалистовъ, и потому безсильное, начало же пользы начало твердое, незыблемое, потому что польза, составляющая его содержаніе—есть предметъ существенный, понятный и привлекательный для всякаго. Давая намъ, вмѣсто призрачнаго, безсильнаго начала, начало существенное, могучее, утилитаризмъ ничего не отнимаетъ и у достоинства нашихъ дѣйствій, потому что имѣетъ въ виду общую пользу всего человѣчества, а не частную и не личную. Здѣсь громкимъ именемъ общей пользы всего человѣчества называется просто частный интересъ кружка, и даже личная выгода отдѣльнаго лица, потому что только личная выгода понятна и желательна для каждаго; къ общей же пользѣ цѣлаго человѣчества, и даже къ частному интересу отдѣльнаго кружка, можно стремиться только въ силу нравственнаго закона, во имя долга, котораго утилитаризмъ не признаетъ, такъ какъ общая польза всего человѣчества рѣдко совпадаетъ въ частную выгоду кружка и еще рѣже съ личнымъ интересомъ отдѣльнаго лица.

которое, къ несчастію, необходимо терпѣть. И потому тамъ, если и кормятъ его, то не ради Христа, не во имя братской любви, а только покоряясь горькой необходимости, — потому что вѣдь не ловко какъ-то, да и опасно допустить буквально умирать съ голода цѣлыя тысячи двуногихъ животныхъ, да притомъ еще бѣлокожихъ. Оттого и благотворительныя заведенія въ Англіи превратились въ бастиліи; оттого, среди множества этихъ заведеній, голодная смерть въ Англіи — такое обыкновенное явленіе, на которое рѣшительно никто не обращаетъ вниманія. Заплативъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, богачъ считаетъ уже себя исполнившимъ тяжелый долгъ благотворительности; бѣдные затѣмъ могутъ уже умирать съ голода, сколько имъ угодно: это до него не касается. Понятно, что въ такомъ обществѣ нѣтъ мѣста истинной христіанской благотворительности; да если бы она и была, что могла бы

Такимъ образомъ, утилитаризмъ есть ничто иное какъ тотъ же эгоизмъ, который напрасно выдаетъ себя за какой-то благородный, общечеловѣческій (общечеловѣческой эгоизмъ — логическое противорѣчіе), и имѣетъ притязаніе вполнѣ замѣнить любовь. *Сатана* значить *преобразуется во ангела свѣтла*. Но слава Богу, личина сорвана! и къмъ же? однимъ изъ первыхъ поборниковъ этого ученія. Въ приведенныхъ нами отрывкахъ безнравственность утилитаризма является въ настоящемъ видѣ. Общая польза всего человѣчества принимаетъ микроскопическіе размѣры интересовъ небольшого кружка хозяевъ-капиталистовъ, интересовъ, которые величаются громкимъ именемъ общественнаго блага, въ сущности же скрываютъ личные интересы каждаго изъ хозяевъ. Утилитаризмъ, значить, оказывается эгоизмомъ, и эгоизмомъ самаго низкаго сорта, неподдѣльнымъ, эгоизмомъ въ собственномъ смыслѣ. Требованія утилитаризма, выдававшего ихъ за совершенно тождественныя съ требованіями долга, закона нравственнаго, оказываются рѣшительно противоположными этимъ послѣднимъ: то, что по нравственному закону есть добродѣтель, называется преступленіемъ, а что по нравственному закону есть преступленіе, то называется добродѣтелію. *Се знаменіе!*

она сдѣлать, когда весь строй жизни враждебенъ ей и покровительствуемому ею бѣдняку?—Мы знаемъ, что нашъ отзывъ объ Англіи, этой классической странѣ нашего времени, многимъ покажется слишкомъ рѣзкимъ, а нашимъ англomanамъ просто смѣшнымъ; но признаемся, мы не можемъ иначе говорить о странѣ, въ которой возникаютъ и господствуютъ такія ужасныя ученія. Намъ кажется, что, подобно древнему Риму предъ Рождессвомъ Христовымъ, она, подъ блескомъ своей цивилизаціи носить смерть, какъ носить ее чахоточный подъ яркимъ румянцемъ.

Съ ужасомъ отвращаемъ мы взоръ отъ этой блестящей страны, которую ожидаетъ такое мрачное будущее. Благодареніе Богу! Мы еще варвары: мы еще не потеряли вѣры въ добродѣтель. Внутренній голосъ говоритъ намъ, что благотворительность—добродѣтель и добродѣтель прекраснѣйшая и привлекательнѣйшая. Ни одна добродѣтель не дѣйствуетъ такъ сильно на сердце человѣка, ни одна не возбуждаетъ въ душѣ такого умиленія, какъ благотворительность. Отчего такъ? Оттого, что ни въ какой другой добродѣтели не выражаются такъ ясно и полно свойства любви—этого существеннаго свойства Бога, Котораго Апостоль любви именуетъ *Любовію* (Іоан. 4, 8 и 16). Притомъ блатворительность принадлежитъ къ числу положительныхъ, дѣятельныхъ добродѣтелей и въ этомъ отношеніи превосходитъ нѣкоторыя добродѣтели отрицательныя, такъ сказать пассивныя, каковы: кротость, незлобіе, прощеніе враговъ. И какъ нужна эта добродѣтель человѣку въ настоящемъ его плачевномъ состояніи, какъ много на свѣтѣ людей безсильныхъ въ борьбѣ съ бѣдностію! Какъ много людей теряющихъ голову отъ тѣхъ безчисленныхъ утратъ и горестей, которыя исторгаютъ у нихъ однѣ слезы и стоны! Лютяся слезы людскія немощимыя, неисчислимыя, лютяся повсюду,—и въ двор-

цахъ, также какъ и въ хижинахъ, лютяся ранней и поздней порой; и какъ бы ни было благоустроено общество, все будутъ онѣ литься, хотя и рѣже: таковъ удѣлъ человѣка на землѣ. Что же лучше можетъ осушить всѣ эти слезы? Благотворительность; она осушаетъ не только тѣ, которыя исторгаетъ бѣдность, но и тѣ, которыя исторгаетъ людская неправда, мщеніе, правосудіе, клевета; осушаетъ даже тѣ, которыя исторгаютъ болѣзнь и смерть; осушаетъ наконецъ тѣ, которыя исторгаютъ у человѣка его собственныя заблужденія, пороки, и преступленія. Вотъ отчего она такъ дорога людямъ; вотъ отчего она такъ неотразимо дѣйствуетъ на душу и возбуждаетъ въ ней такое умиленіе. Вотъ отчего и Богъ любитъ въ насъ болѣе всего благотворительность—этотъ образъ своей благодати и милосердія. Въ тотъ страшный день, когда *сядетъ Сынъ человѣческій на престолъ славы своея*, и стануть предъ Нимъ и овцы и козлища, въ ожиданіи послѣдняго суда и приговора, чего Онъ будетъ искать въ насъ болѣе всего? Благотворительности. Благотворительность перевѣситъ всѣ наши грѣхи на вѣсахъ Его правосудія. *Онъ горящъ угаситъ вода, а милостыня очиститъ грѣхи. Но судъ безъ милости не сотворшему милости.*

Эта прекраснѣйшая изъ добродѣтелей есть преимущественно женская добродѣтель. Женщина создана для любви; она живетъ не столько головой какъ мужчина, сколько сердцемъ; самыя пороки женщины происходятъ большею частію отъ излишества или искаженія чувства. Она преимущественно способна благотворить въ настоящемъ смыслѣ. Не говоря уже о томъ, что большая доля человѣческихъ горестей состоитъ не въ бѣдности и не излечивается матеріальною помощію, — въ самой бѣдности дорога не столько милостыня, подаваніе, вообще матеріальная помощь, сколько любовь, движущая дающую руку, участіе, сопровождающее подаваніе. Это участіе то-

же въ благотворительности, что аромать въ цвѣткѣ. Подаяніе и помощь не сопровождаемая участіемъ, унижаютъ принимающаго въ собственныхъ его глазахъ, давая ему чувствовать его зависимость, униженіе, оскорбляютъ чувство его человѣческаго достоинства, которое у несчастныхъ бываетъ особенно щекотливо. Бѣднякъ, конечно, принимаетъ подаяніе отъ всякаго; но сердце его принадлежитъ только тому, кто умѣетъ смѣшать свои слезы съ его слезами, кто умѣетъ выразить ему свое участіе. Таково свойство души человѣческой, что она боится одиночества, и всего болѣе тогда, когда страдаетъ; страдающая душа ищетъ и принимаетъ участіе съ такою же жадностію, съ какою жаждущая земля поглощаетъ воду. Этимъ очарованіемъ, этимъ ароматомъ любви женщина обладаетъ въ высшей степени. Избытокъ чувства, нѣжность сердца, мягкость ея натуры даютъ ей тотъ тактъ, котораго не можетъ замѣнить никакой умъ. А взоръ, а выраженіе лица?.. Самый опытный лицемѣръ не поддѣляетъ ихъ такъ, какъ являются они въ глазахъ и въ лицѣ женщины, которой сердце полно любви. Эта таинственная сила любящаго сердца въ благотворительности тоже, что вдохновеніе въ словахъ поэта и одушевленіе въ музыкѣ: она не дается умомъ, знаніемъ, соображеніемъ, искусствомъ.

Благотворительность составляетъ прекраснѣйшую черту въ образѣ доблестной жены: *руцѣ свои отверзаетъ убогому, длань же простре нищу*. Отнимите у нея эту черту, и вы лишите ее вѣнца. *Руцѣ свои отверзаетъ убогому, длань же простре нищу*. Какую прелесть придаетъ ей эта черта! Отнимите у доблестной жены эту добродѣтель, она все еще будетъ прекрасна: всякій мужъ дорого будетъ цѣнить подобную жену, всякій сынъ и всякая дочь будутъ счастливы, имѣя подобную мать, но не будетъ она такъ любезна для всякаго сердца. *Руцѣ свои отверзаетъ убогому, длань же прос-*

тре нищу. Эта добродѣтель дѣлаетъ ее матерью всѣхъ несчастныхъ. Имѣете ли вы, читательница, эту прекраснѣйшую изъ добродѣтелей, которая составляетъ лучшее украшеніе женской натуры, которая должна покорить вамъ всѣ сердца? Дѣлаете ли вы для несчастныхъ все, что можете? Не подумайте, что мы хотимъ напугать васъ какими-нибудь непомѣрными требованіями, — нѣтъ: пользуйтесь вашимъ состояніемъ для благосостоянія своей семьи—это первая ваша обязанность; пользуйтесь имъ для поддержанія своего внѣшняго достоинства и положенія — это ваше право. Но, за всѣмъ тѣмъ, дѣлаете ли вы для несчастныхъ все, что можете?

«Но за всѣмъ тѣмъ я не могу,» скажете вы. Но точно ли не можете? Позвольте намъ вмѣстѣ съ вами осмотрѣть вашъ гардеробъ. Какая коллекція вещей, совершенно бесполезныхъ! Вотъ наприимѣръ нѣсколько дюжинъ платьевъ, шалей, шляпокъ, бурнусовъ. и проч. и проч.: къ чему такое множество! Подумайте и скажите по совѣсти, не было ли бы для васъ болѣе, чѣмъ достаточно, если бы всего этого у васъ было по одной дюжинѣ. Скажите, съ меньшимъ ли приличіемъ и достоинствомъ вы были бы тогда одѣты? Пострадало ли бы хотя на одну юту ваше доброе имя? Конечно, нѣтъ. Кто не знаетъ, что все это накуплено, нашито для того, чтобы, побывавъ разъ на вашей особѣ, гнить за тѣмъ въ забвеніи въ необъятныхъ шкапахъ, которые могли бы выполнять другое, болѣе полезное назначеніе, если только не удастся тайкомъ сбыть всѣ эти бесполезныя вещи въ одинъ изъ нарочно на то устроенныхъ магазиновъ? Не смѣшно ли, когда придется вамъ перемѣнять квартиру, давать публикѣ удовольствіе любоваться на цѣлый поѣздъ этихъ шкаповъ, напоминающій поѣздъ военныхъ снарядовъ поряточной арміи? Теперь мы видимъ, что вы точно ничего не можете сдѣлать для бѣдныхъ, потому что вы для своей собственной особы сдѣлали болѣе, чѣмъ сколь-

ко было нужно, болѣе, чѣмъ сколько позволялъ здравый смыслъ, болѣе, чѣмъ сколько позволяло состояніе ваше и вашего мужа, — чему очевиднымъ доказательствомъ служить множество неоплаченныхъ счетовъ. Но вы могли бы, если бы умѣли сдерживать свою страсть къ нарядамъ, вы могли бы исполнить священный долгъ благотворенія. За ничтожное пожертвованіе прихотью своей фантазіи и суетности, вы приобрѣли бы чувство сладостнаго душевнаго довольства и признательность и благословенія осчастливленныхъ вами бѣдняковъ, могущія украсить самую счастливую жизнь и усладить самую горькую долю; вы приобрѣли бы наконецъ благословеніе Божіе, которое упрочило бы даже матеріальное ваше благосостояніе, потому что Богъ внемлетъ мольбамъ бѣдныхъ за благодѣтелей и воздаетъ имъ сторицею даже здѣсь на землѣ.

«Но я, дѣйствительно, не могу ничего удѣлять бѣднымъ, скажете вы, — потому что сама имѣю только необходимое». Можетъ быть; мы готовы повѣрить этому. Но если ваше сердце будетъ согрѣто живымъ огнемъ состраданія къ нимъ, вы найдете возможнымъ и изъ малаго удѣлить что-нибудь, и многое, что теперь кажется вамъ необходимымъ, окажется излишнимъ. Но главное: вы имѣете сокровище, изъ котораго вы можете щедро расточать, не опасаясь, чтобъ оно когда-нибудь оскудѣло; напротивъ, это сокровище тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе изъ него черпаютъ: это—сокровище вашего сердца. Расточаете ли вы несчастнымъ изъ этого сокровища слова утѣшенія, ободренія, совѣта, улыбку состраданія, слезу участія? Это именно то, что составляетъ истинную прелесть, душу благотворительности. Это—то, что непременно должно сопутствовать всякой вещественной помощи; это очень часто составляетъ все, что нужно несчастному. Вы можете сдѣлать этимъ то, чего не сдѣлаютъ никакія сокровища: вы можете влить отраду въ сердце, отравленное

горестію; смягчить, примирить съ людьми сердце ожесточенное; влить бодрость и энергію въ сердце унывающее; удержать отъ отчаянія сердце, потерявшее надежду; извлечь изъ бездны порока и разврата и направить на путь добра сердце испорченное. О, какъ много вы имѣете и какъ много можете! Говоря о превосходствѣ благотворительности и называя ее по преимуществу женскою добродѣтелью, мы имѣли въ виду именно эту внутреннюю сторону, — душу благотворительности. Деньги можетъ раздавать и мужчина съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вы; но этихъ сокровищъ сердца у него не найдется ни въ такомъ обиліи, ни такой же доброты, какъ у васъ.

И только тогда, когда вы будете расточать бѣднымъ сокровища вашего сердца, вы въ точности будете подражать доблестной женѣ. *Руцъ свои отверзаетъ убогому, длань же простре нищу.* И было бы недостойно васъ, вашего женскаго сердца, если бы вы остановились на одной внѣшней сторонѣ благотворительности, а тѣмъ болѣе, если бы вы остановились на тѣхъ грубыхъ формахъ благотворительности, какія господствуютъ у насъ доселѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли безъ глубокаго чувства сожалѣнія смотрѣть, на примѣръ, хоть на слѣдующее зрѣлище, которое каждое утро повторяется съ небольшими разностями предъ палатами многихъ богачей? У воротъ толпятся десятки бѣдняковъ и поглядываютъ то на занавѣшенные окна, то на запертыя ворота, какъ грѣшники на двери рая. Но вотъ, наконецъ, ворота открываются и появляется спѣсивая фигура дворника. Бѣдняки отвѣшиваютъ ему смиренные поклоны, на которые онъ не обращаетъ никакого вниманія; они величаютъ его по имени и отчеству, обращаются къ нему съ почтительными любезностями, съ заискивающими улыбками, на которыя онъ отвѣчаетъ или грубостью или просто презрительнымъ молча-

ніемъ. Послѣ этого начинается главное дѣйствіе: является милостынераздаятель, пользующійся довѣренностію прикащикъ; толпа приходитъ въ сильное движеніе, всѣ съ бранью тѣсняются, опережая, отталкивая другъ друга. Для водворенія порядка, дворникъ прибѣгаетъ къ грубымъ ругательствамъ и собственноручной расправѣ. Но не обращая вниманія ни на что, толпа окружаетъ милостынераздаятеля, протягиваются десятки жадныхъ рукъ съ обыкновеннымъ припѣвомъ: «Христа ради!» И благостыня изливается въ видѣ копѣекъ и грошей, приправляемая плоскими и грубыми шутками или замѣчаніями на счетъ неблагообразія одной личности, или частаго появленія другой, — впрочемъ безъ всякой особенной цѣли, а только такъ, для собственнаго удовольствія. Милостынераздаваніе оканчивается бранью и дракой толпы, доставляющею большое удовольствіе публикѣ. Иногда высокій *благодѣтель* удостоиваетъ и самъ собственноручно раздавать милостыню. Приемы, впрочемъ, фразы, остроты и замѣчанія бывають тѣ же, то же и заключеніе. Не правда ли, въ высшей степени грустное зрѣлище! Намъ всегда бываетъ жаль этихъ бѣдняковъ, униженныхъ въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ этимъ грубымъ способомъ благотворенія и отъ долгой практики уже не чувствующихъ своего униженія. Мы увѣрены, что многіе изъ тѣхъ, которые не выросли въ средѣ порока, значительную долею своего нравственнаго паденія обязаны именно этой благотворительности, попирающей *Христа ради* человѣческое достоинство; что, презираемые, они и сами привыкли презирать себя и, попираемые, все глубже погружаются въ тину порока. Мы увѣрены, что даже многіе изъ тѣхъ, которые пришли въ первый разъ къ этимъ палатамъ уже падшіе, возстали бы, если бы ихъ подняли участіемъ, если бы отнесли къ нимъ съ уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству и этимъ уваженіемъ напомнили

имъ, что и они люди, что и они могутъ еще заслужить право на уваженіе. Между этими падшими трудно встрѣтить *свѣжаго* человѣка, еще не потерявшаго чувства человѣческаго достоинства, потому что такой придетъ къ этимъ палатамъ только развѣ въ послѣдней крайности, испытавши всѣ ужасы голода и нищеты. Вся эта сцена благотворительности всегда казалась намъ грубой насмѣшкою надъ благотворительностію и намъ всѣкій разъ хочется угадать въ этой толпѣ тѣхъ, которые сами имѣли когда-то такія же палаты, а теперь, иногда по милости этого благотворителя, принуждены протягивать къ нему руку, выпрашивая у него грошъ Христа ради.

Любовь къ благотвореніямъ проявляется у насъ и въ другихъ подобныхъ формахъ, какова, напримѣръ, раздача милостыни на церковныхъ папертяхъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Нельзя возставать безусловно противъ этого освященнаго временемъ и любимаго народнаго обычая. Въ основаніи его лежатъ добрыя побужденія, именно человѣколюбіе, любовь ко Христу Спасителю, ради Котораго испрашивается и подается милостыня, также желаніе подражать Тому, Кто солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя. Но можно руководствоваться этими же самыми побужденіями при болѣе правильномъ и разумномъ благотвореніи. Кто не знаетъ, что милостыню просятъ не одни истинно бѣдные и нуждающіеся, но вмѣстѣ люди мнимо бѣдные и злоупотребляющіе благотвореніемъ, люди сдѣлавшіе себѣ изъ милостыни *промыселъ*, которые по лѣности лучше хотятъ жить даровымъ подаеніемъ, нежели пріобрѣтать пропитаніе честнымъ трудомъ, люди очень часто не трезваго поведенія? Конечно, и таковымъ надобно благотворить въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не въ состояніи вѣрно опредѣлить, заслуживаетъ или не заслуживаетъ нашей помощи просящій

ея; мы не должны быть слишкомъ строгими судьями брата нашего, — не должны отказывать ему по одному подозрѣнію его въ обманѣ. Лучше по ошибкѣ оказать помощь и недостойному, нежели отказать въ ней, можетъ быть, достойному. Но если просящій милостыню намъ извѣстенъ, какъ чело-вѣкъ праздный и тунеядецъ, то, конечно, можно и даже необходимо подаяніе и ему, чтобы не заставить его прибѣгнуть къ болѣе безчестнымъ средствамъ пропитанія; но по христіанской любви недостаточно ограничиться одною вещественною помощью ему, нужно подать ему и духовную помощь, постараться исправить его и обратить къ честному труду. Ваша вещественная милостыня заставитъ его со вниманіемъ выслушать ваше нравоученіе. Съ такимъ нравоученіемъ и святой ап. Павелъ обращался къ тунеядцамъ. Онъ писалъ Солунянамъ: «Слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безчинно, ничего не дѣлаютъ, а суетятся. Таковыхъ увѣщаемъ и убѣждаемъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ». Это обращеніе апостола къ тунеядцамъ какъ нельзя ближе идетъ ко многимъ нашимъ приживалкамъ, странникамъ и нищимъ. «Если же кто, продолжаетъ апостоль, не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи и не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте какъ брата» (2 Сол. 3, 11—14).

Итакъ никто не мѣшаетъ вамъ благотворить всѣмъ, даже недостойнымъ, но можно ли спорить, что имъ должны быть предпочитаемы достойные, истинно нуждающіеся и честные. Но какъ отличить однихъ отъ другихъ? Какъ узнать — кому что нужно? Безъ сомнѣнія это не всегда легко. Но если вы хотите исполнить заповѣдь о благотворительности, и хотите, конечно, благотворить не для своего только удовольствія, то и не уклоняйтесь отъ нелегкаго труда. Не дожидайтесь,

когда протянуть къ вамъ руку, — многіе молча переносятъ свою нищету и удерживаются отъ исканія чужой помощи по робости, стыду, а иногда вслѣдствіе испытаннаго ими жестокосердія и невнимательности къ ихъ положенію со стороны ближнихъ. Таковыхъ вы сами старайтесь отыскать и найдите средства сдѣлать имъ добро такъ, чтобъ они не испытали непріятнаго для нихъ и тяжкаго чувства зависимости отъ посторонней помощи. Желаніе найдти истинно нуждающихся въ помощи потребуетъ отъ васъ немало самоотверженія, но въ немъ-то и состоитъ истинная христіанская любовь. Вамъ придется иногда искать бѣдность въ ея вертепахъ. Ваше платье можетъ замараться отъ грязныхъ стѣнъ этихъ вертеповъ, ваше обоняніе можетъ быть оскорблено ихъ смрадомъ, вашъ глазъ можетъ быть оскорбленъ и физическимъ и нравственнымъ безобразіемъ. Но вы не гнушайтесь всѣмъ этимъ, по крайней мѣрѣ не показывайте вида, что гнушаетесь. При всемъ томъ, вашъ слухъ будетъ оскорбленъ цинизмомъ, грубостію, дерзкими и обидными словами. Но вы вспомните, — что вынесли эти больныя души, — сколько нищета наложила на нихъ грязи, — сколько общество своимъ забвеніемъ и несправедливостію влило въ нихъ желчи и не оскорбляйтесь, а отвѣчайте словами мира, участія, утѣшенія, доброжелательства. Паче всего опасайтесь обнаружить щепетильность, барство; напротивъ ведите себя такъ, чтобы въ васъ видѣли сестру и нисколько не стѣснялись вами и были съ вами искренни и откровенны. Вотъ это будетъ истинная, достойная васъ благотворительность! И повѣрьте, вы будете награждены: подъ грубой корой вы откроете души признательныя, сердца деликатныя. Умѣйте только выбрать и тронуть струны сердца, и онѣ издадутъ такіе прекрасные звуки, какихъ вы не могли и ожидать; и первый звукъ, который пріятно коснется вашего слуха, — это голосъ признательности.

«Но помилуйте, гдѣ же взять времени для этихъ посѣщеній?»—А сколько времени у васъ уходитъ на праздныя развлеченія? Отнимите иногда часъ, другой у инаго развлечения и отдайте святому долгу любви. Часто вы проводите ночи въ удовольствіяхъ, изъ которыхъ выносите скуку, пустоту душевную и нерѣдко отвращеніе: проведите вечеръ въ соприкосновеніи съ человѣческими страданіями — и вы вынесете изъ этой атмосферы здоровую грусть, строгую мысль, которая сдѣлаетъ вашъ характеръ глубже, ваше сердце нравственно чище. Вы часто страдаете печальми воображенія, суетности, оскорбленнаго самолюбія: ступайте посмотрѣть на страданія дѣйствительныя, часто все ваше несчастіе состоитъ въ избыткѣ счастья: ступайте посмотрѣть на людей, которыхъ сдѣлала бы счастливыми сотая доля того, отъ чего вы страдаете. Вы малодушествуете отъ вашихъ мнимыхъ несчастій: посмотрите на людей, которые умѣютъ безропотно нести дѣйствительныя, и вы устыдитесь самихъ себя, и возвратитесь домой бодрѣ, готовые мужественно нести даже дѣйствительный крестъ. *Благо ходити въ домъ плача* (паче), *нежели въ домъ пира* (Еккл. 7, 3).

«Но все, что вы сказали доселѣ, только увеличиваетъ мои опасенія. Когда я представляю себѣ съ одной стороны великую важность дѣла благотворенія, а съ другой трудности этого дѣла; когда я представляю себѣ все разнообразіе вуждъ и недуговъ человѣческихъ, тѣ качества ума и сердца, какія долженъ имѣть благотворитель, чтобъ умѣть дѣйствовать на больныя сердца, и ту проникательность и осторожность, какую нужно имѣть, чтобы не сдѣлаться жертвою обмана; когда я соображаю все это, то трудности представляются мнѣ почти неодолимы, и я боюсь, что при всей моей доброй волѣ, у меня не достанетъ ни умѣнья, ни средствъ, ни времени исполнить какъ должно святой долгъ благотворительности».

Не отчаявайтесь; если точно имѣете добрую волю служить страждущему человѣчеству, жизнь ваша, повѣрьте, не будетъ бесполезна. Если вы принесете на алтарь любви одну лепту, то и это уже не мало: изъ такихъ лептъ какое можетъ составиться огромное сокровище! Такъ изъ микроскопическихъ коралловыхъ полиповъ составляются цѣлые материки. Такъ дѣлайте что можете, а Богъ сдѣлаетъ остальное. Впрочемъ, хотя мы вовсе не имѣли въ виду напугать васъ трудностями, тѣмъ не менѣе мы именно желали, чтобъ вы видѣли ихъ ясно. Прежде всего, дѣйствительно, при всей вашей доброй волѣ, вы почувствуете недостатокъ времени. Дѣла представится гораздо болѣе, чѣмъ сколько вы можете обнять своею дѣятельностью. Потомъ очень часто у васъ не достанетъ средствъ помочь: напримѣръ, иному бѣдняку нужно найти работу, у другаго взять на воспитаніе дѣтей, и т. п.; а вы не въ силахъ будете сдѣлать ни того, ни другаго. Наконецъ, при всей вашей внимательности и осторожности, вы все-таки не избѣжите ошибокъ и не рѣдко будете жертвою обмана. Все это будетъ глубоко огорчать васъ и, можетъ быть, доведетъ до совершеннаго унынія. Тогда случится чтонибудь одно изъ двухъ: или вы начнете подавать зажмуря глаза всѣмъ безъ разбора, или совсѣмъ бросите дѣло благотворенія. Всего вѣрнѣе послѣднее: это обыкновенный исходъ всѣхъ начинаній не по силамъ трудности, неудачи и недостатокъ возбужденія почти всегда убиваютъ энергію. Но предположимъ самое лучшее, чего нельзя и ожидать, особенно въ вашъ изнѣженный и самолюбивый вѣкъ, — что и вы, и другой, и третій, положимъ даже всѣ проникнуты духомъ истинной христіанской любви и энергически и разумно исполняютъ долгъ благотворительности: все-таки дѣло благотворенія не можетъ идти вполне удовлетворительно. Каждый изъ благотворителей будетъ испытывать тѣже самыя неудобства и пре-

пятствія, какія испытываете вы. Но чего не можете сдѣлать вы, не можете сдѣлать и другой, то могли бы сдѣлать вы оба вмѣстѣ; къ несчастію, вы не знаете другъ друга и нуждающійся остается безъ помощи. Или, чего не можете сдѣлать вы, не можете сдѣлать и другой, могъ бы сдѣлать третій; но этотъ третій не извѣстенъ ни вамъ, ни другому, ни самому нуждающемуся, и бѣднякъ опять остается безъ помощи. Притомъ, благотворенія, дѣлаемые каждымъ независимо, безъ единства и плана, не могутъ распредѣляться правильно, равномерно: всегда одни будутъ получать слишкомъ мало, а другіе слишкомъ много. Первые должны будутъ погибнуть отъ нищеты, хотя и медленно, среди общества самаго благотворительнаго, другіе будутъ получать слишкомъ много, болѣе чѣмъ нужно, и привыкнуть къ праздности, къ даровому хлѣбу и сдѣлаются тунеядцами. Наконецъ, при всей осмотрительности, благотворители все-таки нерѣдко будутъ подвергаться ошибкамъ и обманамъ, непременно явятся спекулянты на благотворительность общества, возникнетъ цѣлая наука, какъ лучше разыгрывать роль несчастныхъ и обманывать благотворителей, подобно тому какъ возникла наука воровства ^(г). Такимъ образомъ, святое дѣло благотворенія подвергнется поруганію, оскорблены будутъ чувства благотворителей и къ чашѣ добра, какое сдѣлаетъ благотворительность, прибавится не одна капля зла. И это, какъ мы сказали, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, т.-е. когда все общество будетъ одушевлено христіанской любовью и самыми лучшими намѣреніями. Такимъ образомъ частная благотворительность, при громаднхъ средствахъ, не имѣетъ и половины той силы, какую могли бы дать эти средства, и

(г) Въ Англіи, напримѣръ, есть школы воровъ. Одну изъ такихъ школъ намъ пришлось видѣть на выставкѣ картинъ.

это именно потому, что она только *частная*, т.-е. потому, что въ ней недостаетъ правильности и единства. Этихъ недостатковъ гораздо меньше можетъ быть въ благотворительности общественной, находящейся подъ контролемъ многихъ, добровольно соединившихся для сего лицъ. Посему частная благотворительность должна соединиться съ *общественною*.

Видовъ общественной благотворительности весьма много. Самымъ естественнымъ, ближайшимъ центромъ для дѣйствія общественной благотворительности служить приходъ: прихожане уже составляютъ общество лицъ, соединенныхъ отношеніемъ къ одному храму и его причту, составляютъ *братію св. храма*. Къ узамъ, соединяющимъ ихъ въ этомъ отношеніи, остается присоединить еще одну новую связь, общую заботу о бѣдныхъ своего прихода, которыхъ никто не можетъ знать лучше ихъ. При многихъ церквяхъ у насъ уже и открыты совѣты прихожанъ благотворителей. Бѣдные этихъ счастливыхъ приходоу уже возсылаютъ молитвы за своихъ благодѣтелей; на паперти и въ притворѣ храма правда доселѣ видны толпы нищихъ; но по крайней мѣрѣ многіе изъ этихъ несчастныхъ, подлинно нуждающіеся, призрѣны приходскою благотворительностію, нуждыхъ удовлетворены лучше, нежели прежде, и ихъ человѣческое достоинство не оскорбляется сообществомъ безнравственной толпы тунеядцевъ.

Въ приходской благотворительности воскресаетъ для насъ прекрасное время, время древней церкви, которой благотворительныя учрежденія и послужили для нея образцемъ. Дай Богъ, чтобъ она и всѣ подобныя ей благотворительныя общества умножались, мужали и достигали совершенства своего великаго образца. Участію въ нихъ женщины предстоить великое значеніе: она должна внести въ ихъ сокровищницу сокровища своего женскаго сердца, она должна быть въ нихъ тѣмъ, чѣмъ были діакониссы и вдовицы въ первенствующей

церкви. Если есть въ общественной жизни служеніе преимущественно приличное женщинѣ, такъ это именно служеніе Ангела утѣшителя. Она должна непременно занять свое мѣсто. Если нельзя будетъ ей примкнуть къ одному изъ такихъ благотворительныхъ обществъ, она можетъ искать средствъ составить новое, не оставляя впрочемъ, если угодно, и частной благотворительности.

Д. Д. Державинъ

ДОМОХОЗЯЕВА

БЕЗПЕЧНЫЕ, РАСТОЧИТЕЛЬНЫЕ И РАСПУТНЫЕ.

ДОМАШНЯЯ БЕСѢДА СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА СЪ ПРИХОЖА-
НАМИ ПРЕДЪ ЛИТУРГІЕЮ.

Одна изъ первыхъ и главныхъ обязанностей отца семейства и хозяина дома—доставлять своей семьѣ все нужное для ея безбѣднаго существованія, и для сего усердно трудиться. Трудъ—общая обязанность и всякаго человѣка, — трудиться долженъ всякій. *Въ потъ лица твоего съищи хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19), — вотъ Божіе опредѣленіе, данное въ лицѣ праотца нашего Адама всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ, на какомъ бы мѣстѣ общественнаго служенія онъ ни находился. Ап. Павелъ говоритъ: *сіе завѣщавомъ вамъ, яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже дасть* (2 Сол. 3, 10). И заповѣдь о трудѣ относится не только къ тѣмъ, которые могутъ жить только личнымъ трудомъ, но и къ тѣмъ, которые обезпечены въ средствахъ жизни, — и они должны трудиться для семейства и общества разными способами, а не сложа руки сидѣть, чтобъ не быть тунеядцами. Если же кто уклоняется отъ трудовъ по лѣности, а не по избытку въ средствахъ жизни, и самъ ничего не добывая, кормится плодами чужихъ трудовъ, ѣсть чужой хлѣбъ, такой человѣкъ еще больше виновенъ въ грѣхѣ тунеядства.

А кто не только не трудится, а еще расточаетъ на пьянство и распутство добро, нажитое другимъ, тотъ прямой воръ и хищникъ чужой собственности. На человѣкѣ же семейномъ, на отцѣ семейства обязанность труда лежитъ по преимуществу, гораздо больше чѣмъ на другихъ, потому что онъ долженъ содержать не только себя, но и свое семейство. Какъ скоро человѣкъ женился и обзавелся своимъ семействомъ, онъ этимъ самымъ уже возложилъ на себя естественную обязанность кормить, содержать свое семейство въ довольствѣ. *Аще кто о своихъ, паче же присныхъ* (домашнихъ) *не промышляетъ*, говоритъ слово Божіе, *въри отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тимое. 5, 8.). Св. Златоустъ сравниваетъ главу семейства съ главою тѣла человѣческаго: «хотя она и устроена для того, чтобъ управлять тѣломъ, но она болѣе всѣхъ другихъ членовъ и заботится о немъ, служить ему, и выходитъ поэтому, что она преимуществуетъ болѣе попеченіемъ, нежели честію. Такъ и мы должны управлять женами (и прочими членами семейства)», говоритъ св. отецъ (на 2-е посланіе. Солун. бес.). Значить, хозяинъ въ домѣ долженъ возвышаться надъ прочими членами семейства прежде всего усерднымъ попеченіемъ и заботливостью объ нихъ и ихъ благополучіи. Нашъ гражданскій законъ также обязываетъ къ труду отца семейства. «Мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности евоей. Родители обязаны давать несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное по своему состоянію», сказано въ законѣ (Св. Закон. т. х. ч. 1. §§ 106 и 172). Да наконецъ этому учитъ человѣка сама природа, его естественное чувство любви къ роднымъ и однокровнымъ. Вѣдь животныя неразумныя, — и тѣ — посмотрите — съ какою нѣжностію, съ какимъ вниманіемъ заботятся о своихъ дѣтяхъ: онѣ и кормъ

приносятъ имъ, и согрѣваютъ, и защищаютъ ихъ отъ всѣхъ враговъ и невзгодъ, не жалѣя при этомъ себя. А человѣкъ— разумное Божіе созданіе, конечно съ несравненно большимъ усердіемъ и любовью долженъ заботиться о доставленіи довольства семейству, употреблять для этого всѣ свои силы и способности, все время, весь свой трудъ и смыслъ. И какъ же иначе? Вѣдь довольство, какъ вы сами знаете, не сваливается съ неба готовымъ, не приходитъ само собою, а прямо зависитъ отъ собственнаго труда и старанія человѣка. Потрудишься усердно, поработаешь, и хлѣбъ и все въ домѣ будетъ; полѣнишься—нѣтъ ничего, *лѣнивая рука*, сказано, *сдѣлаетъ бѣднымъ* (Притч. 10, 4). Какъ скоро глава, хозяинъ дома залѣнился, пересталъ работать и слѣдить за всѣмъ, въ хозяйствѣ тотчасъ же начинается беспорядокъ и разстройство, все идетъ вкривъ и вкосъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, проживать—то вѣдь легче, чѣмъ наживать. Хозяйство все равно, что машина. Устроена машина хорошо, толково и въ порядкѣ содержится она, ну, и работаетъ исправно. А изломается въ ней какой нибудь незначительный винтикъ, да не догляди, да не исправь его вовремя, и пойдетъ ломка, то лопнетъ, другое сломается, третье разобьется, да, пожалуй хозяину достанется, коли подвернется тутъ; тогда ужъ поздно будетъ исправлять машину, придется заново передѣлывать. Тоже и въ хозяйствѣ: стоитъ только немного и не надолго запустить свое хозяйство, а тамъ и не поправишь. Глядишь, и полоса, плохо проработываемая, заросла, и дворъ развалился, и изба покосилась, и скота мало, и хлѣба нѣтъ, и въ долги влѣзъ человѣкъ. Нужно бы поправиться, подняться, да все вдругъ—то исправить силъ не хватить, только развѣ послѣ долгихъ и усиленныхъ трудовъ дѣло пойдетъ на ладъ. Но вѣдь послѣ долгой лѣни и праздности тяжело приниматься за трудъ, прилежать къ дѣлу усердно и настойчиво въ продолженіе мно-

гихъ годовъ, — съ привычкою къ лѣни трудно бороться. А какъ придавить человѣка нужда да бѣдность, такъ у него и совѣтъ пропадетъ и сила, и охота къ труду. — Но дѣло не въ одномъ трудолюбіи, а вмѣстѣ въ бережливости. Хозяинъ долженъ не только избѣгать лѣности, а еще распорядиться своимъ добромъ расчетливо и благоразумно, беречь всякую копѣйку и тратить ее только на дѣйствительныя нужды и надобности семейныя, а Боже сохрани! на свои прихоти и дурныя дѣла. Не красиво ваше крестьянское житье-бытье; и при усердномъ трудѣ, при страдной работѣ приходится терпѣть не мало нужды да горя, чуть-чуть концы съ концами сходятся, и слава Богу! — роскошествовать да кидать добро на вѣтеръ не изъ чего. Все богатство крестьянина въ трудѣ, да въ работѣ.

Къ сожалѣнію многіе изъ домохозяевъ поступаютъ какъ разъ наоборотъ, чѣмъ бы слѣдовало. Многіе думаютъ, что не они должны заботиться о семейныхъ, а семейные объ нихъ, представляютъ себя въ домѣ чѣмъ-то въ родѣ прежнихъ помѣщиковъ. Они могутъ работать и нѣтъ, — дѣло дѣлать, если имъ это захочется, а то сложа руки сидѣть, домашнія за нихъ все сдѣлаютъ, — на то мы и хозяйева въ домѣ, чтобы насъ всѣ слушали, да на насъ работали, — разсуждаютъ многіе *большаки* въ домахъ, и дѣйствительно работаютъ плохо и лѣнливо. Если и выходятъ они на работу, такъ только отъ скуки, или только для того, чтобы, какъ говорится, *помудрить* надъ другими, покричать да побраниться. А много есть и такихъ, которые не только сами ничего не дѣлаютъ, или работаютъ изрѣдка и лѣнливо, но считаютъ себя въ правѣ, по своему произволу, распорядиться семейнымъ добромъ, употребляютъ его часто на удовлетвореніе своихъ прихотей и дурныхъ привычекъ. Распорядителемъ въ домѣ, хозяиномъ семейнаго добра, бываетъ обыкновенно старшій въ домѣ — *большакъ*, у него на рукахъ все хозяйство, все имущество

семейное, деньги и проч. А какъ часто распоряжаются этимъ добромъ хозяева и не лѣвтятъ только?—Безъ толку, безобразно, имѣя въ виду однихъ себя, свое безпутство, и нисколько не заботясь о другихъ, или очень мало. Вотъ напримѣръ—у насъ близко городъ, часто ходите вы туда на торги и купить что нужно и продать работу какую, или что-нибудь изъ хозяйственной экономіи, напр. скоть, хлѣбъ, масло и мало ли тамъ еще что. Ъздить на торгъ по большей части самъ хозяинъ, особенно когда предстоитъ значительная покупка или продажа. Казалось бы, кому какъ не ему надобно соблюсти въ этомъ случаѣ полную экономію, соблюсти всякую копѣйку и употребить ее непременно на пользу и надобность семейную; а такъ ли на дѣлѣ-то это бываетъ, туда ли дѣйствительно уходятъ трудовыя деньги? Не туда! въ кабакъ—вотъ куда онъ уходятъ по большей части. Какъ же иначе-то? Послѣ продажи или покупки надо пріятелей угостить, а тамъ встрѣтятся еще знакомые, съ которыми давно не видался человѣкъ, и соберется такимъ образомъ цѣлая компанія, отправляется она въ трактиръ или кабакъ и пропиваются тамъ не только вырученныя денжонки, а и свои-то всѣ, что были. Вернется хозяинъ съ базара безъ денегъ, безъ вещей, которыя бы нужно было купить для хозяйства, а дома семейство часто сидитъ безъ соли, —вернется онъ пьяный, безобразный, —съ бранью и ругательствами. И вѣдь человѣкъ по большей части даже не сознаетъ, что онъ въ этомъ случаѣ дурно поступаетъ, —точно въ самомъ дѣлѣ онъ сдѣлалъ изъ своихъ денегъ самое настоящее употребленіе. Замѣтитъ ему кто-нибудь изъ домашнихъ, что онъ вотъ пропиваетъ деньги, а семейство крайне нуждается, даже въ самомъ необходимомъ, — «молчать, кричитъ онъ, кто смѣетъ меня учить? Я въ домѣ большой, —мое и добро; куда хочу, туда и дѣваю его!» И хорошо еще, если дѣло только крикомъ и кончится, а то легко

можетъ оно и до побоевъ дойти. Не мало денегъ и всякаго добра спускается и дома по кабакамъ, шинкамъ и трактирамъ. Не только по воскресеньямъ и праздникамъ, какъ это у васъ ужъ водится, но и въ простые дни всегда тамъ можно найти довольно посѣтителей, и это часто не бобыли какіе-нибудь, не бездомные люди, а отцы многочисленныхъ семействъ, домохозяева. Ну, мѣсто ли имъ быть тутъ? И добро бы еще они пропивали лишнее, добро бы ихъ семейства были достаточно обезпечены всѣмъ, тогда, по крайнѣй мѣрѣ другіе-то не терпѣли бы отъ ихъ пьянства, такъ нѣтъ!—тутъ пропивается послѣдняя копѣйка, спускается въ закладъ за какую-нибудь косушку послѣдняя одежда, послѣдній зипунъ съ плечъ. Домашнимъ конечно это крайне непріятно, и они употребляютъ всѣ усилія, чтобъ отвлечь отъ кабака своего хозяина; но такъ какъ слова и убѣжденія въ этомъ случаѣ рѣдко дѣйствуютъ, то обыкновенно стараются по-дальше поприпрятать отъ хозяина все въ домѣ. Поэтому ему приходится или воровать, или съ бою брать,—и все это бываетъ. Хозяинъ пьяница въ своемъ домѣ дѣлается настоящимъ воромъ: онъ ходитъ, высматриваетъ—не лежитъ ли что-нибудь плохо, нельзя ли чего-нибудь стащить въ кабакъ, и, разумѣется,—чуть мало домашніе сплосають—все, что ему попадется подъ руку, тащитъ и пропиваетъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ опытовъ домашніе конечно усиливаютъ свою бдительность,—обмануть ихъ становится не легко, тогда начинается вымаливанье, выпрашиванье у жены и семейныхъ пяточковъ и стаканчиковъ. Не дѣйствуетъ это, употребляется вымогательство; хозяинъ уже не проситъ, но съ бранью и ругательствами требуетъ, будто должнаго, денегъ на водку, побоями заставляетъ жену находить, гдѣ она знаетъ, или денегъ, или водки, тогда какъ семейство часто сидитъ безъ хлѣба. Та по необходимости должна бываетъ отдавать послѣднее, зани-

мать, закладывая послѣднія вещи, чтобы какъ нибудь избавиться отъ жестокихъ истязаній мужа. Все это къ несчастію бываетъ и очень часто, а въ послѣднее время гораздо чаще..

И это дѣлаютъ отцы семействъ, которые должны всецѣло принадлежать своему семейству, для него жить и трудиться, — по человѣчески ли это, не спрашиваю уже по христіански ли? Вѣдь они тяжело грѣшатъ, — вопреки Божескому и человѣческому закону, — противъ своего семейства. Они крадутъ добро у своего семейства, живутъ трудами тѣхъ, которые бы отъ нихъ должны получать все нужное для жизни — не безсовѣстно ли это? Они своею лѣностью и пьянствомъ доводятъ свое семейство до крайней нужды, заставляютъ его терпѣть и холодъ и голодъ и всевозможныя лишенія, — доводятъ его до крайняго униженія, — до того, что оно само принуждено бываетъ жить на чужой счетъ, питаться мірскимъ подаваніемъ, выпрашивать себѣ хлѣба подъ окнами ради Христа, и этимъ самымъ возлагаютъ и на общество лишнюю тяжесть, у котораго и безъ того не мало расходовъ и нуждъ. Мало того, хозяйка — пьяница, заставляя свою семью бѣдствовать и во всемъ нуждаться, нерѣдко развращаютъ ее. Горе и нужда портятъ человѣка, — онѣ очень часто бываютъ причиною многихъ дурныхъ и темныхъ дѣлъ, на которыя человѣкъ обеспеченный никогда бы нерѣшился. Особенно же нужда и бѣдность вредно дѣйствуютъ на человѣка, когда онѣ начинаютъ давить его, можно сказать, съ колыбели, съ пеленокъ; едва только дѣти въ состояніи бываютъ ходить на своихъ ногахъ, и вотъ ихъ, несмотря ни на холодъ, ни на дурную погоду уже посылаютъ подъ окнами выпрашивать милостыню, шататься по улицамъ; насматриваются они тамъ всякаго безобразія, набираются всего худого, и проку отъ нихъ послѣ этого конечно нечего ждать. А кто виноватъ въ томъ?

Въ близкой и тѣсной связи съ сейчасъ указанными безо-

рядками, находится еще одно чрезвычайно важное и ужасное и само по себѣ и по своимъ послѣдствіямъ зло семейное, именно распутство. Кромѣ многихъ другихъ причинъ, грѣхъ этотъ очень часто является именно отъ дурнаго домоправленія, отъ небрежности и нерадѣнія хозяина о своемъ домѣ и семействѣ. Относительно самаго нерадиваго и пьянствующаго хозяина это совершенно понятно. Вмѣстѣ съ нерадѣніемъ о домѣ естественно слабѣетъ и любовь его къ домашнимъ, ему тяжело становится дома, нужда, бѣдность и страданія домашнихъ служатъ для него живымъ укоромъ и обличеніемъ. Родной домъ для него уже не убѣжище, гдѣ онъ можетъ успокоиться отъ всѣхъ невзгодъ житейскихъ, — не источникъ самыхъ чистыхъ и высокихъ радостей и удовольствій, — онъ бѣжитъ изъ дома. Праздный, ничѣмъ не занятый, онъ пьянствуетъ, а Апостоль прямо говоритъ: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ* (Еф. 5, 18.). Онъ вступаетъ въ недоброе знакомство, въ компанію подобныхъ же людей, которые пьянствуютъ и вмѣстѣ развратничаютъ, для которыхъ ни почему ни своя, ни чужая честь. Такія компаніи всякій изъ васъ хорошо знаетъ, потому что онѣ есть почти во всякой деревнѣ. Но прискорбнѣе всего въ этомъ случаѣ то, что такіе хозяева очень часто бываютъ причиною паденія и своихъ женъ. Есть пословица, что «когда бѣдность входитъ въ дверь, такъ любовь бѣжитъ въ окно,» и это совершенно вѣрно, когда причиной-то бѣдности бываетъ нерадѣніе и безпутство одного изъ супруговъ. Возьмите вы дурнаго и нерадиваго мужа: жена отдала ему все свое сердце, ожидая, что онъ будетъ ей въ жизни защитникомъ, другомъ и кормителемъ, что онъ также, какъ и она его, будетъ любить ее, трудиться вмѣстѣ съ нею для блага и счастья семейства. И вдругъ она, часто на самыхъ же первыхъ порахъ своей замужней жизни, встрѣчаетъ со стороны мужа безсовѣстный обманъ. На самыхъ же первыхъ порахъ ее

встрѣчаетъ и гнететь. нужда и бѣдность, ее беспокоитъ и страшитъ и своя горькая участь и участь дѣтей, а тутъ на глазахъ мужъ, постоянно ничего недѣлающій, постоянно пьяный — причина всѣхъ бѣдствій и несчастій семейства. Да прибавьте ко всему этому тѣ ругательства, брани, побои, которыя часто приходится выносить женѣ отъ пьянаго мужа. Что мудренаго, если жена потеряетъ не только любовь, но и всякое уваженіе къ такому мужу, если онъ станетъ ей просто противенъ, ненавистенъ?—А вѣдь жить-то хочется (особенно, если жена еще молода), хочется, чтобы былъ на свѣтѣ человѣкъ, съ которымъ бы можно было дѣлить и радость и горе,— и такой человѣкъ почти всегда отыскивается, и вся привязанность жены, которая всецѣло должна принадлежать одному мужу, переносится на другаго. А кто больше всего тутъ виноватъ, спрошу я опять. Конечно и жену нельзя оправдывать. Она обязана хранить супружескую вѣрность, каковъ бы ни былъ мужъ. Но какъ трудно ея положеніе! И тутъ еще найдутся такіе люди, которые, какъ скоро замѣтятъ охлажденіе и несогласіе между мужемъ и женой, пользуются этимъ, стараются усилить раздоръ и вражду между ними, нарочно увлекаютъ мужа въ разныя дурныя дѣла, поятъ его, чтобы удобнѣе было соблазнить жену, и это имъ часто удается. Конечно, при этомъ кромѣ дурнаго ничего другаго въ виду не имѣется. Съ другой стороны и нужда горькая часто заставляетъ жену безпутнаго мужа поддаться на соблазнъ, склониться на обольстительныя слова дурнаго человѣка. Въ домѣ недостатокъ во всемъ, нужда,— а тамъ обѣщаютъ и помощь и пособіе, и эта помощь нерѣдко покупается страшною цѣною супружеской вѣрности и чести. Нужда вѣдь чего не дѣлаетъ, къ чему не приводитъ человѣка, нетвердаго въ добродѣтели? Наконецъ случается и такъ, что и жена, глядя на мужа, знакомится съ кабакомъ, начинаетъ запивать и пускаться во всѣ безобразія. А когда

жена, хозяйка отшатнулась отъ дома, тогда прощай и благоденствіе и счастье семейное. Не даромъ есть пословица, что «мужъ не выносить изъ дому того мѣшкомъ, что жена горшкомъ», и это сущая правда. Она постарается и сумѣетъ пустить въ дѣло и обратить въ свою пользу всякую мелочную хозяйственную вещь, она утянетъ и урветъ, если захочетъ, изъ самага насущнаго хлѣба и припаса семьи, — сдѣлаетъ то, что мужу и не въ домѣкъ, что ему и въ голову никогда не придетъ. Да, коли баба *забалуется*, какъ вы выражаетесь, — и потанцить все вонъ изъ дома, такъ гдѣ углядѣть за ней? Въ десять глазъ гляди — ничего не увидишь, только дивнисься, куда все дѣвается...

А какими ужасными послѣдствіями все это сопровождается для дѣтей, страшно и представить. Пьянствуетъ да безобразничаетъ отецъ, у дѣтей все есть еще мать, она позаботится о нихъ, сдѣлаетъ для нихъ все, что только въ ея силахъ. Будутъ дѣти нуждаться и голодать, но ихъ будетъ окружать материнская любовь и ласка, они будутъ знать и видѣть, что есть на свѣтѣ человѣкъ, который любитъ ихъ, заботится о нихъ, жертвуетъ для нихъ всеѣмъ. Но *забалуется* мать, хозяйка дома, будетъ она глядѣть вонъ изъ дома, бросить своего мужа для другаго, ей не милы уже будутъ и дѣти. И будутъ они расти совершенно заброшенныя, никому не нужны, никѣмъ не призираемыя; самый ранній возрастъ пройдетъ для нихъ безъ привѣта, безъ ласки, и ихъ сердца, въ дѣтствѣ довѣрчивыя и прямыя, ожесточатся. Да въ добавокъ ко всему этому насмотрятся они разныхъ безобразныхъ сценъ между дурными своими родителями, наслушаются ихъ взаимныхъ ссоръ и брани, въ которыхъ ссорящіеся попрекаютъ себя всеѣмъ, что только они знаютъ другъ за другомъ, колютъ другъ друга такими вещами, которыя стыдно и зазорно слушать и взрослому, не только дѣтямъ; на-

слушаются и сами дѣти отъ такихъ родителей разной брани въ родѣ того, что «вы виной всему дѣлу; не будь васъ, и нужды такой не было бы, вы связали насъ по рукамъ и ногамъ, хоть бы смерть-то васъ поскорѣе прибрала, окаянныхъ и т. д.», точно и въ самомъ дѣлѣ дѣти виноваты въ чемънибудь; не мало достанется на ихъ долю и побоевъ. Такимъ образомъ сами же родители подавляютъ въ дѣтяхъ все чистое и доброе,—дѣти ожесточаются, дѣлаются злыми, скрытными, мстительными, пріучаются къ обману и воровству, пьянству и разврату, благо дурной примѣръ у нихъ всегда предъ глазами. Когда выростутъ такія дѣти, то, конечно, не будутъ уже честными и добрыми людьми, достанется отъ нихъ и родителямъ и обществу. А кто тутъ виноватъ больше всѣхъ, кто развратилъ ихъ? Вотъ, друзья мои, до чего доводятъ и себя, и свое семейство дурные, нерадивые, ничего не дѣлающіе, а тѣмъ паче пьянствующіе и распутствующіе домохозяева. Все это вы видите и нерѣдко испытываете сами же въ своей собственной жизни. Вникните, подумайте объ этомъ хорошенько и всѣми силами воздержитесь отъ этихъ грѣховъ, а кто уже впалъ въ нихъ, постарайтесь исправиться. Займитесь честно и усердно своимъ дѣломъ, радѣйте всѣми силами на пользу и благо своей семьи,—занятому и трудолюбивому человѣку не полезеть дурное въ голову,—некогда ему этимъ заниматься. Помните, что благополучіе и добрая жизнь всей семьи болѣе всего зависитъ отъ главы семьи, что на отцахъ семействъ лежатъ великія обязанности, за неисполненіе которыхъ они отдадутъ строгій отчетъ и Богу. Богъ да поможетъ всѣмъ вамъ исполнить ихъ честно и разумно!

Л Е С Т Ъ .

Лестью называется лукавая угодливость на словахъ. Лстець, для угожденія кому-либо, старается говорить ему самому, или о немъ другимъ, но непремѣнно вслухъ его, — только то, что пріятно для его самолюбія, — и говорить не искренно, вопреки своему убѣжденію. Такъ, вопреки убѣженію, лстець расточаетъ предъ тѣмъ, кому льститъ, похвалы, которыхъ тотъ не заслуживаетъ, приписываетъ ему достоинства, которыхъ тотъ не имѣетъ, превозноситъ его поступки и предпріятія, сами по себѣ ни въ какомъ отношеніи незамѣчательные, недобрыя его дѣла называетъ добрыми или извиняетъ ихъ, безусловно соглашается съ его мнѣніями, часто ложными и вредными, и старается заискать его благосклонность униженіемъ и порицаніемъ людей, достойныхъ уваженія, но почему либо не угодныхъ тому, предъ кѣмъ расточается лесь (а).

(а) Древній писатель (Θеофрастъ, † 288 до Р. Хр.) вѣрными чертами изображаетъ лстеца: «Если вамъ случится идти куда нибудь въ сопровожденіи лстеца, онъ вамъ скажетъ на дорогѣ: замѣчаете ли вы, какъ пристально всѣ на васъ смотрятъ? Во всемъ городѣ вы одинъ пользуетесь такимъ вниманіемъ, — о васъ однихъ говорятъ, вашими только заслугами гордятся и т. д. Если вы рассказываете что-нибудь, лстець приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ къ молчанію, превозноситъ вашу особу и вашу рѣчь такъ, что вы это слышите. Кончите рѣчь, онъ первый будетъ вамъ рукоплескать, или другими льстивыми знаками заявлять вамъ свое одобреніе. Скажете вы какую-нибудь пустую, совсѣмъ неостро-

До каких чудовищныхъ размѣровъ можетъ простираться льстивая человѣкоугодность, видно изъ многихъ примѣровъ представляемыхъ исторіею. Жрецы Юпитера Аммонскаго въ угоду Александру Македонскому провозглашали его сыномъ этого лжебога. Римскій народъ развращеннымъ императорамъ воздавалъ божескія почести, приносилъ имъ жертвы, курилъ иміамъ. Придворные Дарія Мида испросили у него указъ, чтобы никто, подѣ страхомъ смертной казни, въ продолженіи тридцати дней не смѣлъ обращаться съ прошеніями ни къ богамъ, ни къ человѣкамъ, а только къ нему. Даже Іудеи, чтители истиннаго Бога, опозорили себя подобною лестію предѣ царемъ Иродомъ Агриппою. Однажды, когда онъ, прибывъ въ Кесарію, сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ въ царскомъ облаченіи, и сталъ говорить что-то народу, народъ воскликнулъ: это голосъ Бога, а не человѣка (Дѣян. 12, 2. 22).

Лесть обыкновенно свойственна низшимъ предѣ высшими, бѣднымъ предѣ богатыми, подчиненнымъ предѣ начальствующими, въ видахъ заисканія ихъ расположенія. Но нерѣдко умную шутку, онъ первый будетъ удивляться вашему мнимому остроумію; первый будетъ надрывать отъ смѣха, или будетъ давать видъ, будто дѣлаетъ необычайныя усилія, чтобы удержать въ себѣ взрывъ смѣха. Онъ принесетъ гостинецъ вашимъ дѣтямъ и постарается непременно въ вашемъ присутствіи раздѣлить его между ними и ласкаетъ ихъ самымъ нѣжнымъ образомъ. Если вы даете пирь, онъ первый изъ гостей будетъ хвалить ваше вино и ваше неподражаемое умѣнье устроить пирь на славу. Сидите вы подѣ открытымъ небомъ, онъ предупредительно спроситъ у васъ, не холодно ли вамъ, не хотите ли, чтобы принесли вамъ накрыться чѣмъ-нибудь,—и честь сдѣлать вамъ эту услугу никому не уступитъ,—онъ самъ одѣнетъ васъ. Не довольствуясь торжественнымъ, вслухъ всѣмъ, заявленіемъ уваженія къ вамъ и преданности, онъ будетъ шептать вамъ на ухо свои льстивыя рѣчи, и когда въ присутствіи вашемъ говорить съ другими, не спускаетъ глазъ съ вашей особы».

и высшіе, богатые и начальствующие, лестію стараются пріобрѣсть расположеніе къ себѣ низшихъ, бѣдныхъ и подчиненныхъ. Такъ Авессаломъ, задумавъ низложить съ престола отца своего Давида, и занять его мѣсто, старался привлечь народъ на свою сторону вкрадчивымъ обращеніемъ съ нимъ: по утрамъ онъ выходилъ за городъ и идущихъ въ городъ искать суда у царя, встрѣчалъ дружескими разспросами о ихъ дѣлѣ, попріятельски бралъ ихъ за руку, цѣловалъ ихъ и выражалъ сожалѣніе, что некому у царя вступиться за нихъ (2 Цар. 15). Недавно, года два-три предъ симъ начальники и преподаватели нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній у насъ прибѣгали къ подобному способу пріобрѣтенія расположенія у мальчиковъ,— обращались съ ними какъ равные съ равными и не только сквозь пальцы смотрѣли на ихъ шалости и проказы, но еще поощряли ихъ ⁽⁶⁾.

Какъ гнусенъ и пагубенъ грѣхъ лести, видно изъ словъ св. Писанія. «Мужа кровей и льстива гнушается Господь (Псал. 5, 7). Мужіе кровей и льсти не преполовятъ дней своихъ (Псал. 54, 24). Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое, и сладкое горькое» (Ис. 5, 20. 21). Ненавидимые Богомъ, льстецы нетерпимы у честныхъ и благочестивыхъ людей. «Не живетъ въ домѣ моемъ поступающій коварно, говорящій ложь не стоитъ предъ глазами моими» (Псал. 100, 7), говорилъ царь Давидъ, какъ видно, строго наблюдавшій, чтобы въ числѣ придворныхъ его не было льстецовъ

(6) Въ одномъ учебномъ заведеніи ученики издавали рукописный журналъ, который наполняли насмѣшками и карриатурами надъ наставниками и начальниками. Бюстители школьнаго порядка только радовались остроумію мальчиковъ, хотя послѣдніе надъ ними самими испытывали свое остроуміе.

Лесть есть тяжкій грѣхъ противъ Бога. Лстецъ страха Божія не имѣеть. Еслибъ онъ имѣлъ страхъ Божій, онъ не посмѣлъ бы предъ лицомъ Бога вездѣсущаго и всевѣдущаго увѣрять ближняго въ своей преданности, которой не имѣеть, расточать ему похвалы, которымъ въ сердцѣ гнушается, соглашаться съ его мнѣніемъ, которое въ душѣ презираеть, — онъ удержался бы отъ такой лести, ибо побоялся бы имѣть свидѣтелемъ ея Бога: людей легко въ глаза обмануть лицемѣрнымъ обращеніемъ съ ними, но Богъ видитъ сердце лицемѣра, очи Его проникаютъ въ сокровенные его помыслы. — Лесть несовмѣстна съ любовію къ Богу. Истинная любовь къ Богу соединяется съ ревностію о славѣ Его имени, съ готовностію всюду исповѣдать свою вѣру, и даже пострадать за нее. Нельзя ожидать сего отъ любящихъ лстить людямъ. Лесть нерѣдко доводитъ ихъ до измѣны вѣрѣ и благочестію. Не случается ли, что лстецы изъ угожденія человѣку, легкомысленно отзываются о вѣрѣ и церкви, сами готовы глумиться надъ вѣрою и церковію; что они раболѣпно соглашались съ безбожниками, богохульниками и кощунниками, хотя въ душѣ еще не утратили вѣры въ Бога; что они охотно присоединяютъ свой голосъ къ голосу дерзкихъ порицателей церковныхъ учрежденій, хотя у себя въ домѣ подчиняются имъ? Это двоедушіе, эта готовность лстецовъ жертвовать изъ низкой угодливости истиною, показываетъ, что въ нихъ нѣтъ любви къ Богу, что они хотя именуются христіанами, весьма далеки отъ того, чтобъ быть истинными христіанами. Служеніе Богу, послѣдованіе Христу, несовмѣстны съ чело-вѣкоугожденіемъ. *Аще бо быхъ еще челоукомъ угождалъ: Христовъ рабъ не быхъ убо быхъ* (Гал. 1, 10).

Лесть есть тяжкій грѣхъ въ отношеніи къ ближнему, слушающему ее. Вѣдь не всякій способенъ понять лстеца и стать выше его лести. Всѣ вопіютъ противъ лести, всѣ на-

зываютъ ее низкою; но не всё способны устоять противъ ней. Многіе порицаютъ льстецовъ и сами никому не льстятъ; но легко допускаютъ убавку себя лестію, къ нимъ самимъ обращенною. Успѣхъ лести происходитъ отъ самолюбія. Самолюбіе есть главный нашъ лстець. По самолюбію каждый изъ насъ склоненъ снисходительно смотрѣть на свои недостатки и преувеличивать свои достоинства. Слѣдствіемъ бываетъ косяніе въ недостаткахъ и грѣхахъ и отсутствіе стремленія къ исправленію и усовершенствованію себя. Лесть постороннихъ, дѣйствуя заодно съ нашимъ самолюбіемъ, еще больше ослѣпляетъ и развращаетъ насъ. Отуманенные лестію, глупый почитаетъ себя умнымъ, погрязшій въ глубинѣ пороковъ смотритъ на нихъ, какъ на невинныя шалости, хотя бы многіе нравственно и физически погибали отъ этихъ шалостей, безчестный торговецъ, нажившій миліоны обманомъ и притѣсненіемъ ближнихъ, воображаетъ себя героемъ чести, мало-мальски умный и добрый — геніальнымъ и чуть не святымъ, несправедливый судія и начальникъ — образцемъ спрадедливости и начальственной мудрости. Довѣріе судей и начальниковъ къ лстецамъ менѣе извѣнительно, чѣмъ довѣріе къ лжесвидѣтелямъ и наушникамъ. Лжесвидѣтели и наушники по крайней мѣрѣ не развращаютъ ихъ, а только вводятъ ихъ въ обманъ, тогда какъ лесть усыпляетъ въ нихъ чувство правды, очаровываетъ умъ и дѣлаетъ его недоступнымъ для истины. Въ этомъ отношеніи гораздо пагубнѣе лесть тонкая, чѣмъ грубая. Послѣдняя самую грубостію можетъ оттолкнуть васъ отъ лстеца, тогда какъ первая можетъ уловить въ свои сѣти даже очень умныхъ людей, незамѣтно для нихъ самихъ.

Тяжесть грѣха лести увеличивается тѣми побужденіями, изъ которыхъ онъ проистекаетъ. Льстятъ большею частію по своекорыстію, по желанію и надеждѣ получить какую-нибудь

выгоду отъ того, кому льстятъ. Лестъ служить легкимъ средствомъ пропитанія для тунеядцевъ, для людей, пренебрегающихъ честнымъ трудомъ. — Иногда лестъ проистекаетъ изъ злобы. О такихъ льстецахъ говоритъ псалмопѣвецъ: «уста ихъ мягки, какъ масло, а на сердцахъ ихъ брань. Слова ихъ нѣжнѣе елѣя, но онѣ суть обнаженнѣе меча» (Псал. 54, 22). Этихъ мечей не видитъ тотъ, противъ кого они направлены: бдительность его усыплена лестию ^(в). — Иногда льстятъ по злорадству, — для того, чтобы потѣшиться въ душѣ надъ глупостию ближняго, допустившаго себя обмануть словами лести, и потомъ это удовольствіе раздѣлить съ другими. — Иные льстятъ ближнему для того, чтобы самимъ выслушать отъ него лестъ и чрезъ то утвердиться въ высокомъ мнѣніи о своихъ достоинствахъ. Это то же, что самохвальство и тщеславіе. Разница только въ томъ, что самохваль и тщеславный самъ твердитъ о своихъ похвальныхъ качествахъ, а льстецъ превозноситъ себя устами другихъ, покупая это удовольствіе лестию имъ. Нужно ли говорить, какъ не чисты и гнусны эти побужденія, движущія языкомъ льстеца?

Итакъ льстецъ тяжко грѣшитъ передъ Богомъ и передъ ближними, и къ сему тяжкому грѣху увлекается нечистыми побужденіями: все это не должно ли сдѣлать для каждаго христіанина этотъ грѣхъ ненавистнымъ? Кромѣ того христіанинъ долженъ помнить, что первый лжецъ и льстецъ въ мірѣ есть діаволъ, польстившій самолюбію нашихъ прародителей обѣщаніемъ имъ равнобожія, что по этой причинѣ Господь Іисусъ назвалъ діавола отцемъ лжи, а тѣхъ, которые подражаютъ ему во лжи, чадами діавола (Іоан. 8, 43), какъ дѣйствующихъ заодно съ нимъ. Страхъ быть въ сродствѣ съ отцемъ лжи, не силенъ ли еще болѣе увеличить въ насъ не-

(в) Сюда относятся поговорка: «лестъ да мечь дружны».

ненависть къ грѣху, который свойственъ чадамъ діавола?—Но паче всего христіанинъ не долженъ забывать, что онъ есть ученикъ Того, *въ устахъ* Котораго никогда *не обрѣтется леть* (1 Петр. 2, 22), Который всѣмъ внушалъ правдолюбіе до готовности пострадать за правду (Мат. 5, 10) и сильными обличеніями поражалъ лицемѣровъ и льстецовъ (—22, 16—18). Какъ несогласна съ симъ примѣромъ и ученіемъ божественнаго Учителя, допускаемая нами въ сношеніяхъ съ ближними, леть, и какъ посему должна быть для насъ ненавистна!—Наконецъ христіанамъ извѣстно, что всѣ они суть братья во Христѣ Іисусѣ, — а братьямъ свойственна искренность въ обращеніи другъ съ другомъ, — что всѣ они суть члены одинаго тѣла Христова, которымъ свойственно согласное и единоедушное дѣйствованіе къ общему благу: можетъ ли посему терпима въ ихъ обществѣ леть, разрушающая братство, и служащая самолюбію и низкому своекорыстію? *Тѣмже отложше лжу, глаголите истину кійждо ко искреннему своему: зане есмы другъ другу удове* (Еф. 4, 25).

Свящ. В. Нечаевъ.

ДОБЛЕСТНАЯ ЖЕНА, КАКЪ МАТЬ.

Мы разсматривали обязанности доблестной жены какъ супруги и какъ хозяйки; коснулись также и вопроса объ общественной дѣятельности женщины и указали ей на благотворительность, какъ на дѣятельность наиболѣе соотвѣтствующую ея природѣ. Теперь намъ нужно говорить о самой важной изъ обязанностей женщины, объ обязанности ея, какъ *матери*. Но, приступая къ этому предмету, мы чувствуемъ крайнее смущеніе: предметъ превышаетъ и наши силы и предѣлы нашей статьи. Притомъ обращаясь къ идеалу доблестной жены, начертанному богодухновеннымъ царственнымъ писателемъ, мы видимъ, что онъ почти совсѣмъ оставляетъ насъ безъ руководства въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи доблестной жены къ дѣтямъ. Онъ почти совсѣмъ не касается этого предмета: одною только легкою, хотя въ высшей степени выразительною чертою онъ даетъ намъ понять, что доблестная жена столь же превосходная мать (Прит. 31, 29), какъ и жена — и только; о материнской же дѣятельности ея почти ни слова, какъ будто онъ боялся сказать слишкомъ мало о такомъ важномъ предметѣ въ краткомъ очеркѣ образцовой женщины, недопускающемъ подробностей; но о чемъ могъ умолчать онъ, дѣлая только краткій очеркъ образцовой женщины, о томъ не можемъ умолчать мы въ статьѣ, которой предметъ — обязанности женщины. Поэтому мы волей-нево-

лей, несмотря на трудность задачи, должны сказать что-нибудь о материнской дѣятельности доблестной жены.

Мать — какое многозначительное слово! Кто въ состояніи произнести его безъ сердечнаго умиленія? Съ именемъ матери сколько соединяется самаго драгоценнаго, самаго священнаго на землѣ! Если мы скажемъ, что съ этимъ именемъ соединяется воспоминаніе о той, которая дала намъ жизнь — это первое благо, заключающее въ себѣ все прочія, не исключая и надежды вѣчнаго блаженства, мы скажемъ слишкомъ мало: тоже значеніе имѣетъ и отецъ. Мать не только дала намъ жизнь, но и носила насъ подъ сердцемъ, жила одною, нераздѣльною съ нами жизнью, чутко прислушивалась къ первому пробужденію нашей жизни; мать была *обременена* нашей жизнью и, чтобы не дать погаснуть слабой искрѣ этой жизни, во многомъ себѣ отказывала; она не просто дала намъ жизнь, но съ мучительною болью, какъ бы сожалѣя о разлукѣ, отдѣлила нашу жизнь отъ своей, оторвала, такъ сказать, часть самой себя, такъ что съ каждою отдѣлившеюся отъ нея подобною жизнью, видимо скудѣла ея собственная; такимъ образомъ она, можно сказать, вся перешла въ дѣтей, такъ что все выдѣленные ею жизни — это вся ея жизнь, и дѣти — это она сама. Далѣе, если мы скажемъ, что слово *мать* напоминаетъ ту, которая сохранила и воспитала данную ею намъ жизнь, — мы скажемъ еще очень мало: это же значеніе имѣетъ и слово *отецъ*. Мать, и выдѣливъ изъ себя нашу жизнь, все еще жила съ нами одною жизнью. Она питала насъ своею лучшею плотію и кровію ^(а), она проводила надъ нашею колыбелью длинный рядъ бессонныхъ ночей, состарившихъ ее прежде времени; все ея ощущенія, всю ея жизнь, въ періодъ нашего младенчества, со-

(а) Молоко — это новая, свѣжая кровь, еще неокрашенная кислородомъ.

ставляли: то невыразимая радость, когда огонекъ нашей жизни, зажженный ею, свѣтился ярко, то замиранія сердца, когда этотъ огонекъ готовъ былъ угаснуть. Если мы, наконецъ, скажемъ, что матери свойственно полагать свое счастье въ счастіи дѣтей,— мы скажемъ все еще не все: мать возвышается до любви безграничной, неистощимой, любви неослабляемой, а только огорчаемой недостатками и неблагодарностію дѣтей, любви, которая тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ менѣе ея предметъ кажется привлекательнымъ для другихъ, любви вѣжной до болѣзненности, любви, забывающей себя, питающей самоотреченіемъ, ежеминутными лишеніями и страданіями за дѣтей. Если какая-нибудь человѣческая любовь приближается къ совершеннѣйшей божественной любви, такъ это любовь материнская. Самъ Господь любовь Свою къ избранному народу сравниваетъ съ любовью матери: «какъ утѣшаетъ человѣка мать его, такъ Я утѣшу васъ» (Исаи 63, 13). Для материнской любви мыслители и поэты придумали эмблемы болѣе или менѣе выразительныя. Такъ миѳъ пеликана, питающаго птенцовъ своимъ тѣломъ, отчасти выражаетъ силу материнской любви. Замѣчательна также въ этомъ отношеніи наша народная притча: убитаго воина оплакиваютъ сестра, жена и мать. Слезы сестры — что роса, высыхающая съ выходомъ солнца; слезы жены шумятъ, какъ дождь, который однако, какъ бы ни былъ силенъ и продолжителенъ, все же долженъ прекратиться; но слезы матери, какъ глобокая рѣка, никогда не высыхаютъ.

Такъ вотъ что такое мать; вотъ отчего это имя потрясаетъ все существо наше. Вліяніе любящей матери на дѣтей неотразимо, неизгладимо. Страсти и превратныя ученія заглушаютъ въ сердцѣ человѣка голосъ совѣсти и религіи, убиваютъ вѣру въ добродѣтель; сердце его можетъ перестать биться для отечества, для жены, даже для дѣтей, для всего,

что дорого человѣку на землѣ, но только не для любящей и заслужившей любовь и уваженіе дѣтей матери: ея голосъ всегда найдетъ къ нему дорогу и разбудить его, какъ бы ни казалась оно мертво; нерѣдко одно воспоминаніе о ласкахъ и слезахъ матери исторгаетъ слезу изъ давно сухихъ глазъ злодѣя, и его рука, занесенная надъ жертвой, дрожитъ и опускается въ безсиліи. Есть въ римской исторіи разсказъ, прекрасно выражающій силу матери надъ сердцемъ сына. Надмѣнный патрицій (дворянинъ), Коріоланъ, осужденный народомъ, принужденъ былъ бѣжать изъ роднаго города. Шлякая мщеніемъ, онъ удалился къ врагамъ своего отечества и повелъ ихъ противъ Римлянъ. Римскія войска бѣгутъ, города падаютъ одинъ за другимъ предъ отвагою и искусствомъ мстительнаго Коріолана; онъ приближается уже къ Риму. Римъ высылаетъ къ побѣдителю сенатъ молить о пощадѣ. Украшенные сѣдинами, знатнѣйшіе сановники Рима преклоняютъ колѣна предъ гордымъ побѣдителемъ, но онъ остается непреклоненъ, — единственное его желаніе видѣть развалины роднаго города, имѣвшаго несчастіе оскорбить его гордость. Но вотъ на встрѣчу ему выходитъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ римскихъ женщинъ (матронъ) мать; она подходитъ къ нему не съ видомъ покорности и мольбы, а съ гнѣвомъ въ глазахъ и съ грознымъ словомъ на устахъ, и гордый патрицій, непобѣдимый вождь, какъ ребенокъ падаетъ къ ногамъ слабой, безоружной женщины, самъ умоляя ее о прощеніи. Чего не могли сдѣлать мольбы всего сената, то сдѣлало одно появленіе матери. Коріоланъ даетъ своему войску приказъ отступить, который для него самого долженъ былъ сдѣлаться смертнымъ приговоромъ.

Доблестная жена вполне обладаетъ этою силой надъ сердцемъ своихъ дѣтей; она исторгаетъ изъ устъ ихъ выраженіе глубокаго уваженія: «дѣти ея возстали и ублажили ее» (Прит.

3, 29, съ евр.). Кромѣ этого тонкаго, но глубокознаменательнаго и изящнаго намека, Соломонъ въ изображеніи доблестной жены ни слова не говоритъ о материнскихъ добродѣтеляхъ ея; но и этого намека довольно.

Какъ, однако, ни естественно это уваженіе къ матери со стороны дѣтей, но имъ обладаетъ только хорошая мать, мать въ полномъ смыслѣ этого слова, и потерять его очень можно. Эту истину, къ сожалѣнію, очень убѣдительно доказываетъ опытъ: не всѣ матери могутъ представить за себя такое прекрасное свидѣтельство, какое представляетъ за себя доблестная жена; инныя изъ нихъ, напротивъ, теряютъ право на благодарность и уваженіе дѣтей еще до ихъ появленія на свѣтъ, — теряютъ ихъ любовь, когда они еще въ колыбели; остаются для нихъ чужды, почти незнакомы, или даже возбуждаютъ въ нихъ страхъ, когда въ нихъ пробуждается созваніе; теряютъ не только любовь, но и уваженіе ихъ, когда они начинаютъ сознательно смотрѣть на окружающее, и наконецъ подвергаются полному отъ нихъ презрѣнію, когда они достигаютъ полнаго развитія. Нужно ли говорить, какъ мало заслуживаютъ святое имя матери женщины, по своей винѣ теряющія то, что такъ легко сохранить, что составляетъ ихъ естественное право, т.-е. любовь и уваженіе дѣтей, умѣющія разорвать крѣпчайшія узы, связывающія дѣтей съ родителями, и добиться отъ дѣтей презрѣнія, которое такъ несвойственно дѣтямъ. Сколько нерѣдко нужно нарушеній священныхъ материнскихъ обязанностей, сколько насилій природѣ, чтобы дожить до такого несчастія!

Женщина потеряла привязанность къ семьѣ, для которой создана, потеряла любовь къ дѣтямъ, составляющимъ часть ея самой, значить почти къ самой себѣ: какъ понять это чудовищное противоестественное явленіе? По нашему мнѣнію, причина этого преимущественно заключается въ *суетности*. Суетность—

коренная болѣзнь нашей свѣтской женщины. Немногіе понимаютъ, что это за ужасная болѣзнь; объ ней вообще, даже разсудительные люди отзываются довольно легко, много если съ презрѣніемъ, между тѣмъ какъ объ ней надо говорить съ крайнимъ ужасомъ. Она убиваетъ въ женщинѣ всѣ добрыя начала, искажаетъ всю ея природу и дѣлаетъ изъ нея чудовище. Тщеславіе, желаніе блистать въ свѣтѣ дѣлаетъ ее рабой искусственныхъ нелѣпыхъ свѣтскихъ правилъ, такъ называемыхъ *приличій*. Имъ она приноситъ въ жертву всѣ естественныя, здоровыя чувства и стремленія; она съ дѣтства привыкла подавлять въ себѣ всѣ добрыя, благородныя порывы, которые не подходятъ подъ мѣрку этихъ правилъ. Такимъ образомъ свѣтская женщина доходитъ до того, что у ней не остается ни одного здороваго чувства, ни одной здоровой мысли—все фальшивое. Она, напримѣръ, только что вынесла муки рожденія, только что стала матерью. Другая женщина въ эту минуту полна невыразимой радости: *жена егда родитъ отроча, не помнитъ скорби, за радость яко чловѣкъ родися въ міръ*. Но что же свѣтская женщина? Чувствуетъ ли она свое счастье? Понимаетъ ли она, какимъ стала она великимъ существомъ, какое совершилось съ ней великое таинство? Ничего этого она не чувствуетъ, ничего не понимаетъ; вотъ къ ней подносятъ ея новорожденное дитя—этотъ великій подарокъ отъ Бога,—вы думаете, она обрадовалась этому подарку, вы думаете она прильнула къ новорожденному губами? о! нѣтъ! Она взглянула и отвернулась со стыдомъ. «Ахъ какой дурной, какой красный! унесите его скорѣе!» Вотъ вамъ и мать. Вы понимаете, что эти возмутительныя слова составляютъ неумолимый приговоръ для бѣднаго ребенка: онъ никогда не будетъ имѣть матери. Если въ ней въ величайшую минуту ея жизни не пробудились материнскія чувства, значитъ они никогда уже въ ней не пробудятся. Прав-

да, когда онъ подростетъ, и сдѣлается хорошенькимъ ребенкомъ, она постарается сдѣлать изъ него блестящую игрушку, будетъ любоваться имъ, будетъ ласкать его и тщеславиться имъ предъ свѣтомъ, но—любить его никогда не будетъ.

А только любовь даетъ силу матери для исполненія ея обязанностей, требующихъ величайшаго самоотверженія. Поэтому жизнь свѣтской женщины-матери, въ которой угасъ этотъ божественный огонь, есть цѣпь преступленій противъ материнскаго долга, цѣпь, которой первое звѣно лежитъ еще за предѣлами рожденія дѣтей. Укажемъ самыя крупныя звѣнья этой цѣпи.

Женщина становится матерью задолго прежде, чѣмъ родится у нея дитя,—именно съ той минуты, какъ она почувствовала у себя подъ сердцемъ сладкое для истинной матери бремя. Съ этой минуты жизнь ея должна совершенно измѣниться. Прежде она жила для мужа и для себя, теперь она должна жить еще и для будущаго ребенка; прежде она берегла себя для мужа, теперь она должна беречь себя не столько для мужа, сколько для ребенка, для жизни котораго она стала ковчегомъ. Она должна поэтому сдѣлаться вдвое внимательнѣе, осторожнѣе и строже къ самой себѣ. Отъ многоаго, что прежде она могла позволить себѣ безъ вреда, теперь она должна отказаться, чтобы не повредить ребенку. Она должна совершенно измѣнить свои вкусы и привычки, пользоваться удовольствіями съ крайней умѣренностію, отъ многихъ изъ нихъ совсѣмъ отказаться, наблюдать крайнюю воздержность даже въ пищѣ. Свѣтская женщина и не думаетъ измѣнить свой разсѣянный образъ жизни: отчаянно стягивается корсетомъ, съ ужасомъ видя увеличеніе своей талии, проклиная беременность и стараясь скрыть слѣды ея, точно слѣды преступленія; проводитъ ночи на балахъ и танцуетъ до упаду;—или, вынужденная физическою слабостію

отказаться от своего разсѣяннаго образа жизни и умирая отъ скуки, проводить время въ пресыщеніи и совершенной неподвижности. Обѣ эти крайности сопровождаются очень печальными послѣдствіями какъ для ребенка, такъ и для нея самой. Рѣдкіе роды обходятся безъ акушера, да и съ нимъ не всегда оканчиваются благополучно. Преждевременность рожденій, слабость рожденій, не рѣдко мертворожденія и смерть родильницъ—обычныя явленія между свѣтскими женщинами. Большое счастье, когда родится хотя и слабый и болѣзненный ребенокъ, да по крайней мѣрѣ въ свое время и не уродъ. Такимъ образомъ ребенокъ свѣтской женщины обязанъ своей матери недугами всей своей послѣдующей жизни. Печальная жалоба Давида, *се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя*—имѣетъ въ устахъ такого ребенка новый, еще болѣе печальный смыслъ.

Съ минуты рожденія обязанности матери измѣняются и усложняются. Во время беременности женщина должна была беречь себя ради будущаго своего ребенка; теперь же она должна забыть себя ради его; теперь она должна совершенно отречься отъ себя и вся отдаться ребенку. Она должна почти совсѣмъ отказаться отъ всякихъ развлеченій, нерѣдко отказывать себѣ даже во снѣ, чтобы сберечь, укрѣпить и возростить слабую жизнь ребенка. Это самый трудный періодъ въ жизни матери, но только не свѣтской женщины: для сей послѣдней самый *легкій* періодъ. Она освободилась отъ несноснаго бремени и чувствуетъ себя такъ легко, какъ давно уже не чувствовала; бремя, такъ ее тяготившее, сдано кормилицѣ, которой она безъ сожалѣнія уступила право кормить ея ребенка; мало того, она даже освободила себя отъ труда наблюдать надъ кормилицей; изрѣдка развѣ только, изъ приличія, она прикажетъ нарядить ребенка какъ куколку и представитъ къ себѣ, дастъ ему холодный поцѣлуй и опять отпра-

вить его въ дѣтскую или иногда, для разнообразія, разрядивши и ребенка и кормилицу, придется съ ними по улицѣ или по бульвару. Какъ видите, работы не много, даже вовсе никакой, прибавилось только новое развлеченіе къ прежнимъ, которыми она можетъ слѣдовательно предаться опять съ прежнимъ жаромъ. Жизнь ребенка отбана, значить, въ полное распоряженіе наемницы. Къ счастью для такихъ бѣдныхъ дѣтей,—сиротъ и при матери, уходъ за ними не рѣдко развивается въ наемницахъ тѣ чувства, которыхъ лишены матери.

Съ окончаніемъ періода кормленія, для матери наступаютъ другія не менѣ трудныя заботы: она должна слѣдить за духовнымъ развитіемъ ребенка, помогать этому развитію и давать ему направленіе. Она должна сторожить въ ребенкѣ пробужденіе сознанія и давать ему первые уроки. Наши женщины, говоря вообще, слишкомъ мало развиты, чтобъ исполнить съ успѣхомъ эту обязанность: многія изъ нихъ даже и не сознаютъ ея. Зато онѣ налегаютъ на выкармливаніе и кормятъ дѣтей съ такимъ усердіемъ, что не рѣдко закармливаютъ до смерти; иногда впрочемъ, если къ счастью, ребенокъ, при такомъ порядкѣ пользуется движеніемъ, удается имъ выкормить его на славу. Въ этомъ состоитъ конечная цѣль воспитанія, предметъ честолюбія, лучшая награда для подобныхъ матерей, далѣе этого онѣ не простираютъ своего честолюбія. Что же касается до свѣтской женщины, то она никогда не допуститъ въ своемъ ребенкѣ такого *мльщанскаго* здоровья, если онъ, имѣетъ предрасположеніе къ нему. Теперь начинаются заботы и для нея: она старается побѣдить это *несчастное* предрасположеніе и выдержать ребенка такъ, чтобы придать ему аристократическую тонкость талии и блѣдность лица. Но этимъ не ограничиваются ея материнскія заботы; она заботится и о духовномъ развитіи ребенка—по своему. Она старается воцарить въ немъ *манеры*, убить его дѣтскую

грацію и сдѣлать изъ него жалкое подобіе *кавалера*; вмѣстѣ съ тѣмъ она закладываетъ въ его душу первыя сѣмена той суетности, которою пропитана сама.

Послѣ первыхъ уроковъ, для образованія ума и сердца, которые составляютъ исключительную обязанность матери, заботу о дальнѣйшемъ умственномъ развитіи ребенка снимаютъ съ матери отецъ, учителя, школа; но забота о нравственномъ развитіи остается до тѣхъ поръ, пока дитя не оторвано отъ семейнаго круга, главнымъ образомъ на матери. Никто въ этомъ дѣлѣ не можетъ вполне замѣнить ея: ни учителя, ни школа, ни даже отецъ, развлекаемый большею частію вышшею и общественною дѣятельностію. Это самое важное время въ жизни матери, также какъ и ребенка: въ ребенкѣ начинается слагаться характеръ; теперь или никогда мать должна пріобрѣсти и упрочить тучуднуювласть надъ его сердцемъ, о которой мы говорили выше. Душа ребенка въ это время походитъ на самый чувствительный музыкальный инструментъ, который издаетъ звуки при самомъ легкомъ прикосновеніи и очень легко можетъ разстроиться отъ неискусной игры и даже отъ одного неблагопріятнаго вліянія атмосферы. Жадная пытливость, впечатлительность, живость воображенія и чувства даютъ молодой душѣ такую воспріимчивость, что ни одно явленіе не пропадаетъ для нея даромъ. По этому, малѣйшая невнимательность можетъ имѣть теперь очень гибельныя послѣдствія. *Сплющимъ челоуькомъ, приходитъ врагъ и вьсвааетъ плевелы*, которые вначалѣ бывають непримѣтны, а послѣ развиваются съ такою страшною силою, что нужны будутъ необычайныя усилія и искусство чтобы вырвать ихъ и спасти пшеницу. Теперь нужно вниманіе неусыпное, вліяніе постоянное, непрерывное, и никто не можетъ въ этомъ дѣлѣ замѣнить матери: вліяніе отца, учителей и школы не можетъ быть столь постоянно и потому столь плодотворно

какъ вліяніе матери, у которой дѣти постоянно на виду, которая постоянно ими окружена, такъ что и они вслѣдствіе этого больше къ ней привыкають, чѣмъ къ другому кому-либо. Мать въ истинномъ смыслѣ можетъ уволить себя отъ труда дѣйствовать на дѣтей сухими нравственными правилами; тѣмъ не менѣе вліяніе ея на нихъ можетъ быть весьма благотворно, — оно все равно, что вліяніе жизни и природы. Жизнь, такъ же какъ и природа, не высказываютъ никакихъ сентенцій, — онѣ безмолвны, но не нѣмы. Онѣ ничего не навязываютъ, онѣ даже не обращаютъ на насъ никакого вниманія; не знаютъ даже объ нашемъ существованіи, а между тѣмъ вліяніе ихъ на насъ неотразимо и неодолимо. Отчего это? именно отъ того, что онѣ не навязываются намъ, онѣ дѣйствуютъ на насъ незамѣтно, таинственно, но постоянно; онѣ окружаютъ насъ своею атмосферой, которую мы ежеминутно въ себя вдыхаемъ. Таково же и вліяніе истинной матери на дѣтей: она не навязываетъ дѣтямъ сентенцій, — она только постоянно съ ними, около нихъ, надъ ними; она окружаетъ ихъ собою; дѣти дышатъ ею: дышатъ ея любовью, ея взоромъ и голосомъ, то радостнымъ и ласкающимъ, то печальнымъ и полнымъ нѣжнаго укора; дышатъ ея словами и дѣйствіями, всею этою атмосферой благочестія, добродѣтели, чистоты, граціи. Она, какъ духъ животворящій, носится надъ ними и вливаетъ въ нихъ жизнь; она такъ сказать все еще продолжаетъ питать ихъ собою — своимъ нравственнымъ существомъ, какъ питала ихъ своимъ молокомъ. Не думайте, впрочемъ, чтобъ она пренебрегала другими средствами — совсѣмъ нѣтъ; явленія жизни, картина природы, цвѣтокъ, былинка, какое-нибудь мелкое насѣкомое, — все служитъ ей средствомъ выразить себя и вызвать изъ души дѣтей гармоническіе звуки. При этомъ, если она и употребляетъ нравственныя наставленія, то онѣ служатъ только внѣшнимъ выраженіемъ (формулами) тѣхъ на-

строеній, которыя уже вызваны въ душѣ дѣтей, онѣ только договариваютъ то, что смутно шевелится въ ихъ душѣ. Вообразите же теперь, какую нужно имѣть ей неусыпную бдительность для охраненія созданной ею нравственной атмосферы отъ примѣси тлетворныхъ вліяній, которыми такъ полна окружающая жизнь. Какъ птица заботливо осматриваетъ окрестность и, если замѣтитъ врага, спѣшитъ собрать птенцовъ въ родное гнѣздо и простираетъ надъ ними хранительныя крылья: такъ доблестная мать, по выраженію Соломона, *наблюдаетъ стези своего дома* (Притч. 31, 27), охраняя тѣхъ, кто для нея всего дороже. Она внимательно слѣдитъ за всѣмъ, начиная съ самой себя—съ своихъ поступковъ и словъ: она слѣдитъ за играми дѣтей, за ихъ отношеніями къ прислугѣ, за ихъ знакомствами, чтеніемъ, выходами изъ дома; она сама выбираетъ имъ друзей и товарищей, или, по крайней мѣрѣ, изучаетъ ихъ прежде, чѣмъ допустить своихъ дѣтей сблизиться съ ними, сама выбираетъ имъ книги, и въ библіотекѣ ея дѣтей вы не найдете не только дурныхъ книгъ, но и такихъ, которыя хороши только для взрослыхъ и вовсе негодятся для дѣтей, какъ негодятся для нихъ нѣкоторые спиртные напитки. Придетъ ли посѣтитель, котораго бесѣда можетъ повредить нравственной чистотѣ ея дѣтей, она спѣшитъ удалить ихъ. Во всемъ и всюду бдитъ надъ ними ея заботливое око. И однако, этотъ столь бдительный надзоръ, благодаря одушевляющей его любви и нѣжности его провикающей, никогда не переходитъ въ шпионство и никогда не дѣлается несноснымъ для дѣтей. Непреклонную твердость свою она растворяетъ нѣжностью, кротостью, терпѣніемъ и даже снисхожденіемъ; никогда она не забываетъ, что дѣти все же дѣти, что и сама она была когда-то ребенкомъ. Нерѣдко вслѣдствіе ли естественнаго поврежденія человѣческой природы, или какого-нибудь неизбежнаго недосмотра съ ея сто-

роны она встрѣчаетъ въ дѣтяхъ капризь, упрямство, хитрость, различныя уловки, чтобъ обмануть ея бдительность; но, безъ насилія, безъ гнѣва, единственно кроткою настойчивостью и силою своей любви, всеильной надъ сердцемъ дѣтей, она всегда достигаетъ цѣли: такъ рѣчная струя тихо, бережно, едва колыхая, несетъ впередъ заблудившуюся лодку. О вліяніи любящей матери на дѣтей можно сказать тоже, что сказалъ Господь о себѣ: *иго ея благо для дѣтей и бремя ея легко.*

Какъ же наши матери исполняютъ свою обязанность въ этомъ періодѣ? Приближаются ли онѣ сколько-нибудь къ начертанному нами идеалу? Увы! окружающая жизнь даетъ намъ грустный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же не знаетъ, что,—не говоря уже о свѣтскихъ женщинахъ, которыхъ суетность и не способна возвышаться до того самоотверженія, какого требуетъ долгъ матери, и которыя на то только и способны, чтобы продолжать начатое въ предшествующій періодъ, т. -е. переливать свою суетность въ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ предметъ своей гордости и орудіе своихъ эгоистическихъ видовъ,—даже большая часть тѣхъ матерей, которыя искренно любятъ своихъ дѣтей и въ ихъ счастіи ставятъ свое собственное, которыя не щадили себя въ періодъ ихъ младенчества и теперь готовы для нихъ на всѣ жертвы, даже и эти матери именно въ этотъ періодъ всего менѣе въ состояніи удовлетворительно исполнить свой долгъ. Способнѣйшія изъ нихъ, не говоримъ лучшія, потому что недостатокъ, на который мы сейчасъ укажемъ, есть вопіющее зло, а говоримъ—только способнѣйшія, т. -е. наиболѣе развитыя, заботятся обо всемъ кромѣ того, что должно бы быть первою заботою ихъ; онѣ очень заботятся о томъ, чтобъ ихъ дѣти опередили своихъ сверстниковъ въ наукахъ и это не изъ одного тщеславія,—мы не хотимъ описывать ихъ слишкомъ черными красками,—

а изъ искренней любви къ дѣтямъ, хотя къ этой любви и примѣшивается не малая доля тщеславія; очень заботятся только о томъ, чтобъ обезпечить ихъ состояніе и положеніе въ обществѣ, создать для нихъ такъ-называемую *карьеру*. Эта послѣдняя забота составляетъ золотую мечту этихъ сѣрдобольныхъ матерей, въ чемъ онѣ совершенно сходятся съ свѣтскими женщинами-матерями, только по различнымъ побужденіямъ; первыя преимущественно изъ любви къ дѣтямъ и отчасти изъ тщеславія, послѣднія единственно изъ тщеславія. Но между этими различными заботами нѣтъ важнѣйшей заботы о томъ, чтобы сдѣлать своихъ дѣтей добрыми христианами, добрыми гражданами, нѣтъ даже заботы о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ честныхъ людей въ строгомъ смыслѣ этого слова. Какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ и въ отношеніи къ дѣтямъ, онѣ дѣйствуютъ совершенно вопреки заповѣди Господней *искать прежде всего царствія Божія и правды Его* и ожидать, что, съ благословенія Божія, *все прочее приложится намъ*; т. - е. они прежде всего ищутъ для себя и для дѣтей *всего прочаго*, а что касается до царствія Божія и правды Его, то онѣ ожидаютъ, что это само собою приложится имъ. Да впрочемъ, что мы говоримъ—ожидаютъ? онѣ совѣмъ и не думаютъ объ этомъ, какъ будто это постороннее, лишнее, не болѣе какъ роскошь; богатство и видное положеніе въ обществѣ—вотъ все, что имъ нужно и чего желаютъ онѣ дѣтямъ. Онѣ вполне убѣждены, что если дѣти сумѣютъ добыть себѣ это—какими средствами, это вопросъ посторонній,—то будутъ пользоваться уваженіемъ общества. Да онѣ и не ошибаются: право на уваженіе у насъ даетъ большею частію положеніе; мѣроу достоинства считается у насъ успѣхъ въ жизни; кто добился виднаго положенія, того называютъ *хорошимъ* человѣкомъ. Можно ли послѣ этого ожидать, чтобы дѣти возрастали въ правилахъ истиннаго

благочестія и добродѣтели въ такомъ обществѣ, въ которомъ очень мало думаютъ объ этихъ правилахъ? Можно ли удивляться послѣ этого, что у насъ есть политики, дипломаты, чиновники, негоціанты, вообще люди болѣе или менѣе дѣловые, но мало *людей* въ истинномъ смыслѣ, людей прямо честныхъ, добросовѣстныхъ гражданъ, истинныхъ христіанъ.

Таковы у насъ способнѣйшія матери, которыя могли бы вести дѣло воспитанія съ нѣкоторымъ успѣхомъ и возрастить въ дѣтяхъ добрыя сѣмена, если бы только сами были проникнуты добрыми началами. А бывають и такія еще матери, которыя на каждомъ шагу дѣлають грубѣйшія ошибки противъ самыхъ первыхъ началъ разумнаго воспитанія. Онѣ дѣлають для себя изъ дѣтей идоловъ, предъ которыми раболѣпствуютъ до безобразія, и чрезъ это раболѣпство не только теряють нравственное вліяніе на дѣтей, но и создаютъ изъ нихъ себѣ тирановъ, а обществу людей несносныхъ, неспособныхъ ни къ исполненію долга и подчиненію власти и порядку, ни къ энергической борьбѣ съ трудностями жизни, ни даже къ ихъ перенесенію, однимъ словомъ, даютъ обществу людей ни на что не годныхъ.

Но обратимся къ доблестной женѣ. Пользуясь родительскою властію и требуя отъ дѣтей повиновенія, она въ тоже время, по мѣрѣ развитія въ нихъ разумности, мало-по-малу ослабляетъ узы своей власти и даетъ имъ все большую и большую долю свободы, чтобы такимъ образомъ образовать изъ нихъ людей, способныхъ свободно подчиняться долгу. Благодаря этой мудрой постепенности, переходъ къ полной свободѣ и самостоятельности сдѣлался для нихъ нечувствителенъ; съ наступленіемъ возмужалости, они стали вполне достойны свободы. Отнынѣ слѣдовательно мать можетъ безъ опасенія предоставить имъ полную свободу располагать собою.

И она охотно предоставляет имъ эту свободу: она не вмѣшивается въ ихъ занятія, не требуетъ у нихъ каждый разъ отчета въ ихъ времяпрепровожденіи, не мѣшаетъ имъ выбирать знакомства по своему вкусу. Даже въ важнѣйшихъ вопросахъ, въ выборѣ рода и жизни и въ выборѣ жены она предоставляетъ имъ полную свободу; все, что можетъ она въ этихъ случаяхъ позволить себѣ, это участіе любящей матери, предложеніе, совѣтъ и только. Но располагать судьбою дѣтей, по своимъ соблаженіямъ и расчетамъ, а тѣмъ болѣе для удовлетворенія своего тщеславія или изъ корыстныхъ видовъ, она не дозволитъ себѣ. Да и не въ ея это характеръ: она и прежде пользовалась родительскою властію не изъ властолюбія и не изъ личныхъ расчетовъ, но для блага дѣтей; для нея власть надъ дѣтьми была власть служить имъ, власть пещись объ нихъ, охранять ихъ, трудиться для нихъ, страдать за нихъ, жертвовать собою для нихъ. По этому она безъ сожалѣнія разстается съ прежнею властію надъ дѣтьми. Она какъ земледѣлецъ, трудилась, не зная покоя, и часто—о какъ часто, орошала слезами землю, которую воздѣлывала и засѣвала; теперь пришло время пожинать въ радости. *Съющій слезами радостію пожнутъ* (Псал. 125. 5). Она красуется теперь дѣтьми своими, какъ *новосаженіями масличными* (Псал. 127, 3.). Воспоминаніе о трудахъ и печаляхъ, которыя она перенесла для нихъ, еще удваиваетъ ея радость: она съ чувствомъ благодарности къ Богу сознаетъ, что ей обязаны они не только жизнію, но и своимъ прекраснымъ развитіемъ. *Съющій слезами радостію пожнутъ* И конецъ родительской власти надъ дѣтьми есть для нея только конецъ трудовъ, но не конецъ ея значенія въ семьѣ; напротивъ, оно никогда не было такъ велико какъ теперь. Чувствуя, что она сдѣлала и сколько перенесла для ихъ счастья, дѣти обнаруживаютъ ее нѣжнѣйшими попеченіями, горяческо лю-

бовью и глубокимъ почтеніемъ. И мужъ ея, какъ бы ни былъ онъ прежде несправедливъ къ ней, теперь, когда во всемъ блескѣ являются прекрасные плоды ея трудовъ, узнаетъ ея достоинства и съ благодарностію и почтеніемъ преклоняется предъ нею. *Дети возстали и ублажили ее; и мужъ ея похвали ю.* «Многія дщери (сказалъ онъ) хорошо поступаютъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ» (Прит. 31, 28. 29). Такова обильная жатва благодарности, любви и почтенія, собираемая доблестною женой; теперь-то она становится въ полномъ смыслѣ царицей семьи. «Идетъ и плачетъ несущій сѣмена свои для сѣянія, пойдетъ съ пѣніемъ несущій снопы свои». (Пс. 125, 6).

Этой нравственной власти надъ сердцемъ дѣтей она никогда не теряетъ. Соблазны свѣта, превратныя ученія иногда поднимаютъ и въ душѣ ея дѣтей опустошительныя бури; но эти бури никогда не вырвутъ съ корнемъ тѣхъ благихъ насажденій, которыя она посѣяла въ душѣ дѣтей, и то нравственное вліяніе, которое она имѣетъ надъ сердцемъ ихъ, еще разъ дастъ ей возможность спасти ихъ и загладить опустошенія, произведенныя страстями. Такъ нѣкогда воспоминаніе—только воспоминаніе! о матери, о ея любви, слезахъ и молитвахъ послужило могущественнѣйшимъ послѣ благодати Божіей средствомъ спасенія для блаженнаго Августина. Оно никогда не покидало его и среди всѣхъ волненій, страстей и колебаній заблуждающагося ума постоянно служило ему путеводнымъ свѣтомъ и голосомъ, призывавшимъ къ обращенію. Церковь, можетъ быть, не имѣла бы бл. Августина, если бы Августинъ не имѣлъ матерію Моника.

Матери! Приобрѣли ли вы эту нравственную власть надъ сердцемъ дѣтей? Если нѣтъ, то весьма жаль. Когда плевелы, посѣянные вами, или допущенные вашею небрежностію, вырастутъ въ вашихъ дѣтяхъ, то вы уже не въ силахъ будете спасти ихъ. Напрасны будутъ всѣ ваши упреки, мольбы, слезы:

дѣти будутъ глухи къ нимъ, —они васъ не любятъ. Напрасны будутъ ваши угрозы и проклятiя: дѣти будутъ глухи къ нимъ—они васъ не уважаютъ. Прибѣгнете развѣ къ насилiю — къ наказанiямъ, къ лишенiю свободы? Возмутительно взрослыхъ дѣтей наказывать. Да и къ чему послужить это? Наказанiя могутъ пожалуй еще больше испортить и ожесточить ихъ или могутъ научить ихъ искусству обманывать васъ; и придется такимъ образомъ вамъ пожать горькiе плоды вашей преступной безопасности. Вы сѣяли въ суетномъ, непростительномъ веселiи, пожинайте же теперь въ печали. Вы не исполнили материнскаго долга, не удивляйтесь же теперь, если дѣти нарушаютъ теперь свой долгъ къ вамъ. Вы пренебрегли дѣтьми ради вашихъ суетныхъ удовольствiй, переносите же теперь ихъ презрѣнiе. Вы испортили ихъ, —смотрите теперь на ихъ подвиги, покрывающiе васъ позоромъ. Сѣяли въ радости, пожните въ печали.

Не помню какой-то французскiй король спросилъ одну умную женщину: «Скажите, какая первѣйшая потребность моего народа?» — «Мать, государь» — отвѣчала та. — Первѣйшая наша потребность — мать: у насъ мало матерей, а намъ эманципаторы еще хотятъ вмѣсто матерей дать существо, похожее на птицу, которая не вьетъ себѣ гнѣзда, не высидиваетъ яицъ, а кладетъ ихъ въ чужiя гнѣзда (кукушка). И это эманципация!!!.

Д. Д. Державинъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЦЕРКОВНАГО СТИХА.

„Новое чудо и Боголѣпное: двѣчискую бо дверь затвореную явѣ проходитъ Господь, навѣ во входѣ, и плотоносець явился во исходѣ Богъ, и пребываетъ дверь затворена: сію неизреченно, яко Богоматерь, величаемъ. (Ирмолог. гл. 3, Пѣсн. 9).

По содержанію своему, сей священный стихъ (ирмосъ 9-й пѣсни конона) сходствуетъ съ пѣснопѣніями, носящими названіе догматиковъ или Богородичныхъ, ибо предметомъ его, также какъ и догматиковъ, служитъ догматъ воплощенія и рожденія Бога Слова отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи. Отъ догматиковъ онъ отличается только большею краткостію или сжатостію. Глубина богословія, въ немъ заключающагося, для многихъ, даже внимательныхъ, закрыта не только сжатостію стиха, но также иносказательными выраженіями. Посему весьма нелишнее дѣло, для споспѣшествованія разумѣнію читающихъ, поющихъ и слушающихъ этотъ стихъ, войти въ истинный разумъ его.

«Новое чудо и Боголѣпное». Такъ начинается Пѣснопѣвецъ, святой Іоаннъ Дамаскинъ, свою священную пѣснь ^(а). Пораженный величіемъ и важностію событія, которое намѣревается достойно воспѣть, онъ именуетъ его «чудомъ новымъ,» то-есть чудомъ, своею сверхъестественностію превосходящимъ всѣ прежде содѣянные рукою Божіею чудеса, чудомъ,

(а) Догматики или Богородичны, о которыхъ мы вначалѣ упомянули,—твореніе также св. Іоанна Дамаскина.

подобнаго которому отъ начала міра не было, предъ которымъ всё прежде бывшія чудеса Божія какъбы затемняются, и являются какъбы тѣнь предъ солнцемъ. Именуеть его далѣ чудомъ «боголѣпнымъ» (богоприличнымъ), то есть такимъ чудомъ, которое открываетъ славу безпредѣльнаго божескаго существа въ самомъ уничиженіи его, — въ принятіи чело-вѣческаго естества отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи

Дѣвическую бо дверь затвореную явлъ проходитъ Господь, нагъ во входъ, и плотоносецъ явися во исходъ Богъ.

Вотъ новое и боголѣпное чудо, передъ которымъ въ восторгъ стоитъ Пѣснопѣвецъ! Для спасенія падшаго грѣхомъ чело-вѣчества, для возвращенія ему утраченнаго вѣчнаго блаженства, Единородный Сынъ Божій, Господь Іисусъ Христосъ, во всемъ единосуцный своему небесному Отцу, въ определенное въ предвѣчномъ совѣтѣ Божиёмъ время *явлъ*, то-есть такъ, что для всѣхъ становится чувственно видимымъ, проходитъ видѣнную нѣкогда въ пророческомъ духѣ святымъ пророкомъ Іезекіилемъ (— 44, 1—2), затворенную дверь дѣвства Пресвятыя Дѣвы Маріи; то есть отъ дѣвической, —непознавшей мужа, утробы Ея, осянненной только благодатнымъ на-итіемъ Святаго Духа (Лук. 1, 34-35), воспринимаетъ плоть и кровь и раждается. «О чудесе поваго всѣхъ древнихъ чудесъ!» восклицаетъ тотъже священннй пѣснопѣвецъ въ другой пѣсни. «Кто бо позна мать безъ мужа рождшую и на руку носящую всю тварь содержащаго? Божіе есть изволеніе рождшееся» (на стиховнѣ Богородиченъ гл. 2). Дѣйствительно, скажемъ словами одной церковной пѣсни, «часто бывали чудеса, совершаемыя Божественною силою, знаменія и образы закона: но дѣва безъ мужа еще не раждала никогда» (Кан. на Благовѣщ. пѣс. 5, Троп. 1). «Чуждо матерямъ дѣвство, воспѣваетъ святая Церковь въ праздникъ Рождества Пре-

святыя Богородицы, и не свойственно дѣвамъ дѣтороженіе: на Тебѣ же, Богородица, совершилось то и другое» (2 Кан. Цѣс. 9, Ирмосъ).

Господь затворенную дѣвическую дверь проходить *нагъ во входъ*, яснѣе сказать, *нагъ* въ то время, какъ свисходилъ въ дѣвическую, не познавшюю мужа, утробу Пресвятыя Дѣвы, еще яснѣе: *нагъ* въ то время, какъ благоволилъ зачатъ въ безсѣменной ея утробѣ.

Нагимъ обыкновенно называется тотъ, кто не имѣетъ на себѣ никакой одежды: такъ точно и Единородный Сынъ Божій, Господь Иисусъ Христосъ въ то время, какъ зачишался въ безмужной утробѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи, — какъ истинный Богъ, какъ чистѣйшій Духъ, былъ безтѣлесенъ, не имѣлъ на Себѣ ни малѣйшей части изъ вещественной одежды плоти. Возблаговоливъ во времени, по совѣту предвѣчному, изъ любви къ падшему человѣчеству, воспринять на себя человѣческую плоть (Евр. 10, 5-7, 1 Петр. 1, 19-20. Апок. 13, 8) съ тѣмъ, чтобы понести въ ней всѣ слабости и немощи человѣчества, кромѣ грѣха, и принести удовлетворительную за грѣхъ жертву правосудію Божію (Рим. 8, 3), Единородный Сынъ Божій, Божіе Слово и Упостасная Премудрость Божія, не привнесъ съ Собой ничего плотскаго съ неба, не прошелъ чрезъ святую Дѣву, какъ чрезъ каналъ, — какъ ложно учили нѣкоторые еретики, но, сохраняя въ себѣ свойства Божественной природы во всей цѣлости и нерушимости, будучи нагимъ — безтѣлеснымъ, какъ Богъ, — заимствовалъ себѣ тѣло единственно и всецѣло отъ чистыхъ кровей Пресвятыя Дѣвы Маріи. Еслибы Богъ Слово явился на землѣ съ своею плотію, не заимствованною отъ человѣческаго существа, не облекся вполне нашимъ тѣломъ, а имѣлъ тѣло только принесенное будтобы съ неба, не единосущественное намъ, то Онъ не могъ бы быть, по ученію отцовъ, посредникомъ между Богомъ и

людьми и нашимъ Испытателемъ. «Посредникъ, говорить святой Іоаннъ Златоустъ, долженъ быть въ сродствѣ съ тѣмъ и другимъ, чтобъ быть ему посредникомъ». (Бес. на 1 посл. къ Тим.). «Какъ мы могли соединиться съ нетлѣннымъ и безсмертнымъ, еслибы Нетлѣнный и Безсмертный не содѣялся прежде тѣмъ, что и мы, дабы тлѣнное наше поглощено было нетлѣніемъ и смертное наше безсмертіемъ,»—говорить св. Кириллъ Іерус. (огласит. поучен. 12). Въ доказательство того, что Христосъ не позаимствовалъ плоти Своей отъ Пресв. Дѣвы, а только прошелъ сквозь Нее, какъ чрезъ каналъ, съ тѣломъ тончайшимъ, небеснымъ, еретики ссылались на слова Ап. Павла: *первый человекъ отъ земли перстень: второй человекъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковы и перстни: и яковъ небесный, тацы же и небесни* (1 Кор. 15, 47. 48). Но св. Кириллъ Александрійскій такъ отвѣчаетъ еретикамъ: «небеснымъ человекомъ называется Христосъ не потому, будто Онъ свыше и съ небесъ принесъ тѣло, а потому, что Слово, будучи Богомъ, низошло съ небесъ и сдѣлалось подобнымъ намъ, т. е. поплоти родилося отъ жены, не переставая и по воплощеніи быть тѣмъ, что было до рожденія по плоти, именно небеснымъ и съ небесъ, и сущимъ превыше всѣхъ Богомъ» (Діал. IX).

Одно ли только тѣло Богъ Слово принялъ во утробѣ Пресвятыя Дѣвы Маріи, или вмѣстѣ также и душу?⁽⁶⁾ Вмѣстѣ и человѣческую душу; ибо еслибы не полное человѣческое существо принялъ Господь отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, — только бы одно тѣло, души же непринялъ, то и спасеніе, доставленное имъ человѣчеству, было бы тогда неполное; тогда только бы тѣло наше одно и было уврачевано и спасено, ду-

(6 Въ IV вѣкѣ св. Церковь отвергла заблужденіе Аполлинарія, учившаго, что Господь Іисусъ Христосъ принялъ отъ святыя Дѣвы только тѣло одно, вмѣсто же души у него было Божество.

ша же оставалась бы попрежнему грѣшною и отверженною Богомъ, потому что, чего бы Небесный Врачъ на себя изъ нашего естества не принялъ, то, естественно, и осталось бы такимъ, какимъ было, — неисцѣленнымъ. «Богъ Слово, — учить св. Іоаннъ Дамаскинъ, создавшій насъ вначалѣ, не отвергъ ничего, дарованнаго имъ нашему естеству, но принялъ на Себя все: тѣло, разумную и словесную душу, и ихъ свойства, потому что живое существо, не имѣющее одной изъ сихъ частей, или одного изъ сихъ свойствъ, уже не человѣкъ. Такъ цѣлый цѣлаго меня воспринялъ, и цѣлый соединился съ цѣлымъ, чтобы цѣлому даровать спасеніе; ибо непринятое имъ на себя осталось бы неизцѣленнымъ» (Точн. Излож. Прав. вѣры, кн. III, гл. 6). Въ этомъ именно смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всецѣлаго человѣка, Богъ Слово именуется плотоносцемъ въ слѣдующихъ словахъ разсматриваемаго нами церковнаго стиха: *И плотоносецъ явися во исходѣ Богъ. И въ свящ. Писаніи слово плоть*, означая преимущественно видимую сторону человѣческой природы (1 Іоан. 4, 2), не исключаетъ невидимой, но употребляется и въ значеніи цѣлой немощной человѣческой природы, состоящей изъ души и тѣла (Іоан. 17, 2. Дѣя. 2, 17. Мат. 24, 22. Быт. 6, 12).

Въ полномъ составѣ слова церковнаго стиха: *И плотоносецъ явися во исходѣ Богъ*, могутъ быть изложены такъ: «Воспринявъ отъ чистыхъ кровей Пресвятыя Дѣвы Маріи человѣческое естество, Богъ Слово, нагій во входѣ въ дѣвическую затворенную дверь, — во исходѣ изъ сей двери, то-есть въ самомъ рожденіи отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, является плотоносцемъ, облеченнымъ во одежду человѣческой плоти». Ставши плотоносцемъ, Богъ Слово, по ученію святыя Церкви, «никакоже претерпѣ измѣненія, или смѣшенія, или раздѣленія (на два лица двухъ разнородныхъ естествъ), но обою существу свойства цѣла сохранилъ (Догматикъ гл. 3), не во

двою лицу явился раздѣляемымъ, но во двою естеству неслитно познаваемымъ (Догматикъ гл. 6), сугубымъ естествомъ, но не впостасію» (Догмат. гл. 8). «Неизъяснимое таинство соединенія Божества съ человѣчествомъ!» восклицаетъ Св. Прокль, архіепископъ Константинопольскій въ бесѣдѣ о воплощеніи Бога Слова. «Тотъ, который есть образъ Отчей впостаси (Евр. 1, 3), воспріялъ человѣческой образъ, и однакожь Троица не умножилась до четверицы. Двѣ соединились природы, и однакожь одинъ родился Сынъ. Слово и плоть соединились неслянно, и Тотъ, Который родился по плоти, поколику есть отъ Отца, — Богъ; поколику отъ меня, — человѣкъ» (см. Христ. Чт. час. LXVIII, 1832 г. 268 стр.). Соединеніе въ лицѣ Иисуса Христа двухъ естествъ, и божескаго и человѣческаго, ясно отражалось во всей земной Его жизни. Обстоятельства, сопровождавшія Его смиренное рожденіе и воспитаніе, чудесныя дѣйствія, совершенныя Имъ, по вступленіи на общественное служеніе человѣчеству, особенно же славное преображеніе тѣла Его, въ виду трехъ избранныхъ учениковъ, на горѣ Оаворѣ (Мѡ. 17, 1 и сл.), не показывали ли ясно для нежесточенныхъ только сердцемъ, что въ тѣлеси Его живетъ исполненіе Божества (Колос. 2, 9), что Онъ есть не простой, обыкновенный человѣкъ, а вмѣстѣ и Богъ? Крестныя страданія и смерть Иисуса Христа поколебали было предъ неозаренными еще благодатию Святаго Духа учениками Его вѣру въ славу Его, какъ Богочеловѣка (Мѡ. 26, 31. Лук. 24, 19—24): но за то живоносное воскресеніе Его изъ гроба навсегда утвердило и упрочило въ нихъ сію вѣру. Въ воскресшемъ тѣлѣ Господа Иисуса Христа обнаружались самыя очевидныя и неотразимыя признаки и доказательства двойственности Его естества. Такъ, по царскомъ, торжественномъ воскресеніи Его изъ гроба, какъ Бога, тѣло Его хотя содѣлалось духовнымъ, тонкимъ и свѣтовиднымъ (Іоан. 20,

17, 19—20, Лук. 24, 37, 51), было однако дѣйствительно тѣмъ самымъ, которое носилъ Онъ на землѣ и въ которомъ страдалъ, а не иное какое, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служили находившіяся на немъ отъ крестныхъ страданій язвы (Іоан. 20, 25, 27). «Осяжи, глаголетъ Өомѣ изъ мертвыхъ тридневенъ воскресый человекѣлюбецъ, и виждь руку Моею и ногу язвы и ребръ прободеніе, и познай Мя Бога непремѣнна, земнымъ смѣшеніемъ по существу воображенна и страсть въ немъ пріемша» (во втор. вечера 2 нед. по Пасхѣ на Госп. возвахъ стихира). Что же не вѣровавшей воскресенію Господа Өома? Къ какому Онъ пришелъ убѣжденію, послѣ того, какъ осязалъ Господа? Пришелъ къ твердому и несомнѣнному убѣжденію, что воскресшій Господь Іисусъ Христосъ есть «Богъ не нагій» (то есть во плоти) и «человѣкъ не простой» (по соединенію съ Божествомъ). «Онъ же (то есть Өома), осязавъ и видѣвъ, исповѣда Тебе быти Бога не нага и человекѣка не проста, и вошяше: Господь мой и Богъ мой, слава Тебѣ» (изъ 3 стихиръ на Госп. возв. въ недѣлю Антипасхи). «Богъ не нагій и человекѣкъ не простой!» вотъ самое знаменательное и вѣрное выраженіе догмата о богочеловѣчествѣ Господа Іисуса Христа.

И пребываетъ дверь затворена. Дѣвическая дверь затворенная—и послѣ того, какъ чудесно прошелъ ее Господь Іисусъ Христосъ, пребываетъ также затворенною. Это иносказательное выраженіе, взятое изъ вышеупомянутаго пророческаго видѣнія Іезекіиля (44, 2), указываетъ на приснодѣвство Пресвятая Дѣвы Маріи. Какъ до рожденія и во время рожденія Господа Она была дѣвою, такъ и послѣ сего рожденія, до конца жизни оставалась также дѣвою. «Се исполнися Ісаино прореченіе, Дѣва бо родила еси, и по рождествѣ, яко прежде рождества, пребыла еси, Богъ бо бѣ рождейся: тѣмъ же и естества новопресѣче» (Ирмолог. на стиховнѣ Богородич. 1 гл.).

Сію неизреченно, яко Богоматерь, величаемъ. Такъ какъ отъ таинственной двери, Пресвятія Дѣвы Маріи родился, для спасенія падшаго человѣчества, не простой человѣкъ, а вмѣстѣ и Богъ, то по достоинству Богоматери, она содѣлалась «Честнѣйшею Херувимъ и Славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ», и потому мы воздаемъ ей несказанныя почести, хотя не божескія, но превышія тѣхъ, какія оказываемъ святымъ ангеламъ и святымъ Божіимъ человѣкамъ, прославленнымъ на небесахъ.

Д. Николай Воиновъ.

О БЫТІИ БОЖІЕМЪ. (а).

.....Безчисленно много дѣлъ Божіихъ; посему можетъ быть весьма много тѣхъ точекъ, съ которыхъ духъ человѣческій можетъ доходить до увѣренности въ бытіи Божіемъ. Впрочемъ наука сокращаетъ многообразное чрезъ возведение частнаго къ болѣе общему. При обобщеніи частнаго, при указаніи наиболѣе общихъ дѣйствій или произведеній Высочайшаго Существа, въ бытіи коихъ всѣ были бы убѣждены, открываются намъ немногіе, но твердые пути къ подтвержденію истины бытія Божія. Первый главный путь, или доводъ наиболѣе общій, есть путь отъ идеи къ Виновнику ея. Доводы, заимствуемые изъ опыта, имѣютъ твердость и силу чрезъ свое прикрѣпленіе къ идеѣ; потому что ни одинъ изъ нихъ не доводитъ до полнаго понятія о Богѣ, изъ котораго раскрылись бы всѣ свойства и совершенства Его, а приводитъ къ частнымъ только представленіямъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Полное же (по крайней мѣрѣ для насъ), совокупное понятіе о свойствахъ и совершенствахъ Божіихъ, можно вывести только изъ идеи о Богѣ. Она заключаетъ въ себѣ это убѣжденіе, что все совершеннѣйшее, вѣдомое и недовѣдомое намъ, должно быть въ Существовѣ Высочайшемъ. Посему до-

(а) Изъ Чтеній по умозрительному Богословію покойнаго профессора М. Д. Академіи протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго, записанныхъ со словъ его слушателями. «Московское Общество любителей духовнаго просвѣщенія» приготовляетъ сіи превосходныя по глубокомыслию и одушевленію Чтенія къ выпуску въ свѣтъ отдѣльною книгою, за что заслуживаетъ великую благодарность отъ всѣхъ любителей духовнаго любомудрія, и особенно отъ многочисленныхъ почитателей покойнаго профессора. О выходѣ книги читатели Душев. Чтенія извѣщены будутъ въ свое время. Ред.

водъ бытія Божія, выводимый изъ нея, долженъ занимать первое мѣсто въ ряду другихъ. За нимъ должны слѣдовать частныя доводы; ихъ можно раздѣлить на два разряда: одни заимствуются изъ разсмотрѣнія внѣшняго міра, другіе изъ разсмотрѣнія прирожденныхъ намъ стремленій къ безконечному, законовъ высшихъ нашихъ силъ, которые побуждаютъ человѣка искать безконечнаго Существа. При разсмотрѣніи міра вообще, доводы истины бытія Божія заимствуются путемъ отрицательнымъ, изъ разсмотрѣнія случайнаго бытія конечныхъ существъ, и путемъ положительнымъ, изъ разсмотрѣнія порядка и цѣлесообразнаго устройства въ мірѣ. По первому пути доходимъ до убѣжденія въ бытіи Существа безусловно необходимаго, самобытнаго, безъ котораго ничто случайное не могло бы получить и продолжать бытія, по второму—до убѣренности въ бытіи Существа высочайше мудраго и благаго, безъ котораго нельзя объяснить повсемѣтнаго порядка въ мірѣ. Доводы другаго рода заимствуются изъ разсмотрѣнія врожденныхъ человѣку потребностей истины, блаженства и святости. Наиболѣе общій доводъ изъ разсмотрѣнія идеи Существа Высочайшаго называется въ наукѣ *онтологическимъ* (*argumentum ontologicum*). За нимъ слѣдуетъ поставить доводъ, заимствуемый изъ разсмотрѣнія случайности бытія конечныхъ существъ, называемый *argumentum cosmologicum*, иначе—*a contingentia mundi*, потомъ—изъ разсмотрѣнія порядка въ мірѣ, называемый *physico — theologicum*. Остальные можно было бы назвать антропотеологическими, въ числѣ которыхъ заключается и доводъ, раскрытый, хотя и не вновь открытый Кантомъ и названный *ethico — theologicum*, гдѣ разсматриваются въ нераздѣльности потребность нравственнаго совершенства и потребность полного, истиннаго счастья.

1. Онтологическій доводъ.

У мыслителей древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ находимъ различныя изложенія онтологическаго довода, выводимаго изъ идеи о Богѣ, какъ Существомъ Безконечномъ по бытію и совершенствамъ. Въ болѣе полномъ изложеніи нахо-

димъ его у Анзельма, архієпискона Кентерберійскаго. Этого достопочтенный искатель истины, XI столѣтія, особенно заботился о томъ, чтобы вывести истину бытія Божія не изъ священнаго только Писанія: «прежде должно вѣрить, говорилъ онъ, потомъ принимаемое вѣрою приводить въ яснѣйшее сознаніе; было бы признакомъ ума лѣниваго не желать знать то, чему вѣримъ». При такомъ направленіи, всего болѣе занимала его мысль—объяснить истину бытія Божія согласно съ разумомъ. Обозрѣвъ довольно доказательствъ сей истины, составленныхъ прежними мыслителями, и замѣтивъ недостатки у многихъ изъ нихъ, Анзельмъ предположилъ, что должно же быть сильнѣйшее и полное доказательство, которое служило бы основаніемъ и для прочихъ. По собственному признанію его, онъ такъ былъ озабоченъ этимъ, что не имѣлъ покоя, гдѣ бы ни находился, въ кельѣ ли, или въ церкви; эта забота прерывала сонъ его даже во время ночи. Однажды онъ почувствовалъ какъ будто внезапное внутреннее озареніе, которое и раскрыло для сознанія его рядъ мыслей, утверждающихъ вѣру въ бытіе Божіе. Этотъ рядъ мыслей сначала образовался въ умѣ его въ такой формѣ: «Всѣ вещи, у которыхъ есть общіе признаки, обладаютъ ими на основаніи самаго общаго; все доброе добро чрезъ самое добро, все прекрасное прекрасно чрезъ самое прекрасное, все великое велико чрезъ самое высочайшее, все существующее существуетъ чрезъ бытіе отрѣшенное, которое уже само чрезъ себя, и это отрѣшенное, Анзельмъ называлъ *maximum* — величайшимъ и высшимъ всего. Такимъ образомъ необходимо должно быть Высочайшее бытіе, и оно должно быть прекраснѣйшее (*maximum* — *optimum*)». Другое изложеніе сего довода, которое послѣ раскрыто и признано Анзельмомъ за самое твердое, состоитъ въ слѣдующемъ: «Существо всесовершенное потому есть всесовершенное, что оно не только въ мысляхъ представляется совершеннѣйшимъ, но и въ самомъ дѣлѣ таково. Изъ сего слѣдуетъ, что Существо совершеннѣйшее необходимо существуетъ. Всякій, даже и тотъ безумный, который сказалъ: «нѣтъ Бога», признаетъ, что въ умѣ нашемъ есть представленіе о такомъ благѣ, выше котораго нѣтъ и

представить нельзя. Но когда въ умѣ есть всеобщее представленіе о такомъ благѣ: то необходимо должно существовать и на самомъ дѣлѣ благо, выше котораго нѣтъ; потому что если бы оно заключалось въ одномъ умѣ только, оно не было бы высочайшимъ. Выше его было бы то благо, которое не только въ одномъ умѣ, но и на самомъ дѣлѣ существуетъ; и умъ устремился бы къ этому благу, сознавая, что благо, представляемое только въ умѣ, но не существующее реально, не есть высшее. До тѣхъ поръ умъ будетъ находить неудовлетворенную потребность — искать наилучшаго, совершеннѣйшаго, пока не остановится на такомъ всесовершенномъ, которому принадлежит и дѣйствительное бытіе». Въ другомъ мѣстѣ Ансельмъ выражаетъ эти мысли нѣсколько яснѣе: «Если можемъ представить въ мысляхъ такое существо, которое нельзя и мыслить несуществующимъ, то оно, безъ сомнѣнія, больше или выше того, которое можемъ представить еще несуществующимъ на самомъ дѣлѣ. Еслибы мы представили высшее, впрочемъ несуществующее реально: то это было бы не то, выше чего не могло бы быть другое. Въ такомъ представленіи заключалось бы противорѣчіе. Изъ сего слѣдуетъ, что Существо, выше котораго нельзя представить, необходимо должно быть представляемо существующимъ реально, и не можетъ быть мыслимо несуществующимъ. А такое существо есть Господь Богъ нашъ».

Дѣйствительно, скажемъ мы, еслибы умъ нашъ могъ представить что-либо выше Бога, въ такомъ случаѣ твореніе стало бы выше своего Творца. Потому что еслибы Высочайшее Существо заключалось только въ представленіи нашего ума, но не имѣло дѣйствительнаго бытія внѣ его: оно было бы порожденіемъ нашего ума, обнималось, вмѣщалось бы въ немъ. А это значить, что твореніе было бы выше Творца.

Онтологическій доводъ повторяли мыслители въ различныхъ выраженіяхъ. Александръ изъ Галеса (Alexander Halensis †1245) такъ выражалъ его: «Наилучшее есть наилучшее, слѣдовательно оно существуетъ; потому что въ понятіи наилучшаго содержится бытіе. Наилучшее есть то, вы-

ше и лучше котораго вѣтъ ничего. Но дѣйствительное, безъ сомнѣнія, выше и лучше, нежели только возможное».

Другой схоластическій мыслитель (?) такъ объяснялъ это: «Наилучшее (optimum), которое бы не существовало, посему самому не было бы наилучшимъ. Недостатокъ дѣйствительнаго бытія разрушаетъ понятіе наилучшаго, потому что это есть недостатокъ истиннаго совершенства; ибо таково дѣйствительное бытіе, оно есть благо, небытіе есть зло. Но понятіе наилучшаго существуетъ въ насъ необходимо. Слѣдовательно наилучшему, совершеннѣйшему Существу необходимо принадлежитъ бытіе дѣйствительное».

Въ послѣдующія времена этотъ доводъ и опровергали и подкрѣпляли. Еще въ концѣ XI столѣтія Гонило (Gaunilo), схоластическій мыслитель, возставалъ противъ него, поставляя силу возраженія въ томъ, что здѣсь выводится заключеніе отъ представленія мысленнаго къ бытію дѣйствительному, — а такое заключеніе не имѣетъ силы.

Другіе защищали этотъ доводъ, напр. Декартъ, Лейбницъ и его послѣдователь — Мендельсонъ. «Какъ необходимо, говорилъ Декартъ, при представленіи треугольника мыслить душа, что три угла, взятыя вмѣстѣ, равны двумъ прямымъ, или, какъ въ понятіи круга заключается представленіе о равномъ отстояніи всѣхъ точекъ окружности отъ центра: такъ душа необходимо ясно видитъ, что въ понятіи совершеннѣйшаго Существа необходимо заключается понятіе бытія». Въ другомъ мѣстѣ (de principiis Philos.) Декартъ выражается: «Когда душа моя размышляетъ, что въ числѣ различныхъ идей, содержащихся въ ней, есть идея о Существѣ могущественнѣйшемъ, совершеннѣйшемъ, высочайшемъ, и что она превосходитъ всѣхъ другихъ идей: то вмѣстѣ съ тѣмъ душа познаетъ, что въ семъ Существѣ необходимо и бытіе, не возможное, не случайное только, какое принадлежитъ другимъ предметамъ другихъ идей, являющихся въ нашемъ сознаніи, но бытіе необходимое и вѣчное». Обращая вниманіе на происхожденіе высшей предъ прочими идеи о Существѣ совершеннѣйшемъ, и разсматривая свою душу, Декартъ находилъ, что она сама не могла породить сію идею, потому

что она есть существо несовершенное, только стремящееся къ совершеннѣйшему, но имѣющее въ себѣ и недостатки. Слѣдовательно виновникомъ сей идеи должно быть такое Существо, въ которомъ не было бы несовершенствъ; отъ Него должна происходить идея. Такъ Декартъ считалъ необходимымъ дополнить Ансельмовъ доводъ бытія Божія разсужденіемъ о происхожденіи идеи въ душѣ нашей.

Лейбницъ поддерживалъ также онтологическій доводъ. «Ансельмовъ доводъ, говорилъ онъ, можно короче выразить такъ: то существо, изъ сущности котораго необходимо слѣдуетъ бытіе, непремѣнно должно существовать, если только оно возможно, если въ сущности его не заключается противорѣчія. Но всѣ совершенства (realitates) таковы, что не разрушаютъ другъ друга, совмѣстны одни съ другими (compossibiles sunt). Итакъ, вѣтъ никакого противорѣчія въ понятіи о Существовѣ совершеннѣйшемъ». Объяснивъ это, Лейбницъ находилъ твердымъ все прочее, что прежде доказалъ Ансельмъ.

Кантъ возсталъ противъ онтологическаго довода (онъ и вообще возсталъ противъ доводовъ бытія Божія, составленныхъ теоретическимъ разумомъ; находя всѣ ихъ недостаточными, замѣнилъ ихъ однимъ доводомъ, выведеннымъ изъ требованій практическаго разума). Кантъ указывалъ на два недостатка въ доводѣ изъ идеи ума о Безконечномъ: а) въ самомъ опредѣленіи призналъ неправильнымъ то, что къ совершенствамъ сего существа причисляется бытіе. Но бытіе никогда не надобно смѣшивать съ совершенствами. Онъ такъ излагалъ онтологическій доводъ: «Существо высочайшее, по самому понятію своему, обладаетъ всѣми совершенствами. Но бытіе есть совершенство ^(б). Слѣдовательно совершеннѣйшее Существо необходимо имѣетъ дѣйствительное бытіе. Первый недостатокъ въ этомъ доводѣ, по мнѣнію Канта, заключается въ меньшей посылкѣ, въ которой утверждается, что бытіе есть совершенство: бытіе не есть какое-

(б) Мы и видѣли, что одинъ схоластическій мыслитель называлъ бытіе совершенствомъ, когда говорилъ: бытіе есть благо, совершенство; небытіе есть зло.

нибудъ качество, оно не прибавляетъ ничего новаго къ совершенствамъ. Такъ, напримѣръ, въ понятіи монеты цѣною въ сто талеровъ не прибавляется ничего, если скажу, что я дѣйствительно владѣю ею; отъ того она не будетъ въ 101 талеръ; она одинаково будетъ монетою въ 100 талеровъ, стану ли я представлять оную только какъ возможную въ счисленіи мысленномъ, или на самомъ дѣлѣ буду владѣть ею. Этимъ примѣромъ Кантъ хотѣлъ пояснить ту мысль, что бытіе не должно включатьъ въ сумму качествъ. Это, по мнѣнію Канта, первая неправильность онтологическаго довода.

б) Вторая неправильность въ томъ, что дѣлается заключеніе отъ мысленнаго представленія къ бытію реальному. А такъ заключать нельзя, потому что есть и мечтательныя представленія, которымъ не соотвѣтствуетъ бытіе дѣйствительныхъ предметовъ; есть и такія мысли, гдѣ необходимо связывается субъектъ съ предикатомъ, такъ что, гдѣ субъектъ положенъ, тамъ необходимо положить и предикатъ. Такъ именно въ математическихъ опредѣленіяхъ, когда полагается треугольникъ, то необходимо, чтобы три угла его были равны двумъ прямымъ. Но можетъ быть, что и субъектъ не будетъ существовать: тогда не будетъ и предиката».

Опроверженіе довода, представленное Кантомъ, что отъ представленія мысленнаго заключается къ бытію реальному, довольно подробно разбиралъ еще Декартъ. Онъ различалъ истины разнаго рода. «Въ умѣ нашемъ, говорилъ онъ, точно есть такія представленія, которыя не заключаютъ въ себѣ никакой необходимости. Таковы представленія химерическія. Изъ нихъ не должно дѣлать заключенія къ бытію. Потомъ есть представленія, которымъ впрочемъ принадлежитъ необходимость условная (*necessitas hypothetica*). Выше всѣхъ ихъ въ умѣ нашель есть такое представленіе, которому принадлежитъ необходимость безусловная (*necessitas absoluta*). Такъ заключеніе необходимое, впрочемъ условное: когда есть субъектъ, необходимъ предикатъ, или, если выразить это предложеніе въ примѣрѣ: когда есть гора, то и долина есть; но можетъ быть, что нѣтъ горы, нѣтъ и долины. Съ этими понятіями, которымъ принадлежитъ условная необходимость, не

должно смѣшивать идеи о совершеннѣйшемъ, потому что въ ней есть необходимость безусловная. Здѣсь представляется невозможнымъ, чтобы субъектъ — Существо совершеннѣйшее — не существовалъ; иначе, вмѣстѣ съ симъ разрушилась бы сущность ума, и мы ни въ чемъ не нашли бы бытія, если бы не было высочайшаго, перваго бытія, служащаго основаніемъ для всякаго другаго. Тутъ идея о Существовѣ совершеннѣйшемъ принадлежитъ необходимости безусловная; а таково въ умѣ нашемъ представленіе о Существовѣ совершеннѣйшемъ».

Подобныя сужденія о семъ доводѣ находимъ у Гегеля, который говорилъ: «Упрекаютъ Анзельма въ томъ, что онъ изъ подлежательнаго мышленія выводилъ заключеніе о подлежательномъ бытіи; а такъ заключать нельзя; потому что въ подлежательномъ мышленіи встрѣчается и ложное. Но упрекавшіе Анзельма въ непослѣдовательномъ выводѣ заключенія совсѣмъ не поняли его. Онъ говоритъ не о подлежательномъ какомъ-либо предметѣ, а о вѣчномъ, непреходящемъ созерцаніи ума, которое по сему самому имѣетъ подлежательность».

Дѣйствительно, если не усвоить мышленію человѣческому понятія о Существовѣ необходимомъ, то не будетъ основанія для увѣренія въ какомъ бы ни было бытіи. Всякое бытіе, случайное или условно необходимое, не можетъ быть безъ основанія. А основаніе это можетъ быть только въ бытіи необходимомъ, какъ въ такомъ, котораго нельзя не мыслить. Идея о Существовѣ, въ которомъ все совершеннѣйшее соединено съ дѣйствительнымъ бытіемъ, въ духѣ нашемъ есть идея безусловно необходимая, которую не властенъ я изгладить: не я породилъ ея или составилъ изъ какихъ нибудь умозаключеній; потому что я не имѣлъ бы ни силы, ни права, ни основанія выводить понятіе о чемъ-то совершеннѣйшемъ, противоположномъ случайному, ограниченному. Если бы въ духѣ человѣческомъ, вмѣстѣ съ устройствомъ его не была насаждена идея о совершенно необходимомъ, безконечномъ: то невозможенъ былъ бы переходъ въ мысли отъ случайнаго къ необходимому, отъ конечнаго къ безконечному; потому

что это прямо противоположныя понятія. Такъ если идея о совершенно необходимомъ необходимо существуетъ въ нашемъ духѣ: то предметъ ея имѣеть реальное бытіе. Въ этомъ исключительно одномъ случаѣ заключеніе отъ мышленія къ бытію совершенно вѣрно.

Что касается до другаго Кантова опроверженія, то оно не крѣпко и не заслуживаетъ вниманія, какъ привязка только къ слово-выраженію. Анзельмъ не называлъ бытія качествомъ, онъ только выражалъ, что въ понятіи наилучшаго Существа неразрывно соединены—и полнота совершенствъ, и реальное бытіе. Если не приписать бытія Существу, совмѣщающему въ себѣ полноту совершенствъ, Оно не будетъ совершеннѣйшимъ; совершеннѣе, выше Его будетъ то существо, которое имѣеть дѣйствительное бытіе. Нѣтъ спора, что бытіе не есть качество; оно, какъ субстратъ, относится ко всѣмъ частнымъ качествамъ, или совершенствамъ Божіимъ, оно объемлетъ ихъ; такъ и возможное бытіе не будетъ особеннымъ качествомъ, а, такъ сказать, состояніемъ, относящимся къ каждому изъ качествъ. Хотя вѣрна эта мысль Канта, но въ силѣ довода, представленнаго Анзельмомъ, она и не заключается, а выражается только та мысль, что въ идеѣ о Существѣ совершеннѣйшемъ, высочайшемъ (*optimum, maximum*) содержатся два элемента—и полнота совершенствъ (*Ens realissimum, perfectissimum, optimum*) и бытіе дѣйствительное. По этому поясненію Анзельма нельзя не признать вѣрными. Онъ говоритъ, что еслибы мы довольствовались только идеаломъ совершенствъ, не имѣющимъ дѣйствительнаго бытія, умъ нашъ не удовлетворился бы этимъ. Имѣя представленіе о дѣйствительно сущемъ, совершеннѣйшемъ Существѣ, онъ призналъ бы соотвѣтствующимъ сему представленію только то существо, которое, при всѣхъ совершенствахъ, имѣеть реальное бытіе внѣ мысленныхъ представленій. Потому что какъ бы прекраснымъ ни представляли мы воображаемый идеалъ совершенствъ, но если онъ заключается только въ мысляхъ, онъ есть нѣчто конечное, произведеніе ограниченнаго нашего ума, и имъ волюнѣ обнимается (*fundamentum ejus et sedes est in intellectu entis finiti*). Итакъ, изъ того, что въ

духъ человѣческомъ необходимо существуетъ идея о Существовѣ, которое съ полнотою совершенствъ соединяетъ и реальное бытіе, — необходимо слѣдуетъ заключеніе, что сіе Существо должно существовать не въ умѣ только, но и на самомъ дѣлѣ.

Значеніе онтологическаго довода. Доводъ истины бытія Божія, выводимый изъ идеи о Существовѣ безконечно-совершенномъ, превосходнѣе, полнѣе другихъ. Онъ ведетъ къ раскрытію не частныхъ только представленій о тѣхъ или другихъ свойствахъ, но полнаго понятія о Богѣ, какъ Существовѣ безконечномъ по бытію и совершенствамъ. Впрочемъ нельзя назвать его въ строгомъ смыслѣ слова доказательствомъ (*demonstratio*); потому что въ немъ дѣлается заключеніе не отъ начала къ послѣдствію, но отъ дѣйствія къ причинѣ (*ab effectu ad causam*). Существующая въ духѣ человѣческомъ идея Божества есть произведеніе (*effectus*) Божества. Сила сего довода состоитъ въ томъ, что онъ съ твердостью доводитъ до сознанія въ себѣ представленія о Существовѣ безконечно-совершенномъ, и показываетъ, что если это сознаніе раскрылось въ комъ, тотъ не можетъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ бытіи предмета, соответствующаго идеѣ. Если же сія идея заглушена будетъ въ комъ нибудь превратными умствованіями или безнравственною жизнію, такъ что нельзя было бы внушить ему о томъ, что другіе сознаютъ въ глубинѣ своего духа: то и этотъ доводъ не будетъ убѣдителенъ для такого человѣка. Если же кто согласится, что есть во всѣхъ людяхъ необходимая, неизгладимая идея о Безконечномъ, какъ такомъ существовѣ, въ которомъ съ полнотою совершенствъ неразрывно соединено необходимое бытіе, тотъ не можетъ не признать твердости заключенія о самой истинѣ бытія Божія. Но можетъ найдтись много такихъ людей, которые, увлекаясь или превратными умствованіями, или безнравственною жизнію, не проникаютъ сознаніемъ въ глубочайшее основаніе своего духа: такіе люди не согласятся признавать въ насъ бытіе идеи о Существовѣ безконечномъ. Впрочемъ подобное несогласіе не есть еще опроверженіе того, безъ чего человѣкъ не былъ бы человѣкомъ. Если отвергать

въ себѣ эту идею, то надобно будетъ вмѣстѣ съ симъ отказаться отъ правильнаго объясненія происхожденія религіи въ родѣ человѣческомъ, то-есть, надобно будетъ съ матеріалистами производить ее изъ обмана жрецовъ и народоправителей; за симъ отвергнуть всѣ частныя, прирожденныя духу человѣческому, вытекающія изъ идеи о Безконечномъ, потребности, стремленія къ отрѣшенной истинѣ, высочайшему благу и полному блаженству. Но безъ этихъ высшихъ стремлений чѣмъ останется человѣкъ? Надобно будетъ признать его стоящимъ на одной съ животными степени бытія, какимъ признаютъ его матеріалисты. Но это значитъ прямо противорѣчить сознанію наибольшей, лучшей части человѣческаго рода, то есть, не только тѣхъ, которые съ яснымъ самосознаніемъ проникаютъ въ глубочайшее основаніе своей природы, но и тѣхъ, которые, руководясь чувствомъ, при здоровомъ смыслѣ, легко удостовѣряются въ необходимости всѣхъ прирожденныхъ стремленій духа человѣческаго къ превышечувственному, и наконецъ, въ потребности и необходимости религіи. Впрочемъ, въ самыхъ умствованіяхъ матеріалистовъ можно замѣчать, что они не останавливаются на одномъ представляющемся чувствамъ, но возвышаются разумомъ за предѣлы чувственнаго, конечнаго. Многіе изъ нихъ находили нужнымъ предполагать силу матеріальную, бессознательную, но всемогущую, могущество которой было бы достаточно для поддержанія всей вселенной. Это показываетъ, что и въ умствованіяхъ матеріалистовъ одною частію уже отражается дѣйствіе идеи Безконечнаго. Такимъ образомъ, какъ скоро, при правильномъ разсмотрѣніи онтологическаго довода, уяснено въ сознаніи что идея высочайшаго, совершеннѣйшаго Существа необходима, неизгладима и даетъ свидѣтельство о Существовѣ безконечномъ, не только по совершенствамъ, но и по бытію, и что она не можетъ быть произведена ничѣмъ конечнымъ, — ни природою внѣ насъ, ни нами самими, ни другими: то изъ сего съ твердостью слѣдуетъ заключеніе о бытіи Бога, какъ виновника и первообраза идеи.

Когда утверждёнъ доводъ истинны бытія Божія, выводимый изъ идеи о Безконечномъ: то и прочіе частныя доводы, при-

крѣпясь къ нему, имѣютъ свою силу. Частные сіи доводы, какъ мы прежде сказали, заимствуются изъ разсмотрѣнія міра и различныхъ потребностей и законовъ высшихъ силъ человѣческаго духа. Разсмотрѣніе міра представляетъ намъ два новые пути восхожденія къ истинѣ бытія Божія: а) чрезъ разсмотрѣніе бытія міра вообще, б) чрезъ разсмотрѣніе его устройства.

2. Космологическій доводъ.

По первому пути образуется доводъ, такъ называемый, космологическій, который прежде извѣстенъ былъ подъ именемъ довода отъ случайности міра (*argumentum a contingentia mundi*). Вотъ полное изложеніе его: Все, существующее въ мірѣ, должно имѣть достаточную причину, почему оно лучше существуетъ, нежели не существуетъ. Мы не найдемъ достаточной причины существованія міра, если, наконецъ, не остановимся на такомъ Существо, которое имѣетъ достаточную причину бытія своего не въ другомъ, но въ самомъ себѣ, въ своей сущности, и посему есть Существо независящее, необходимое. Но существуетъ міръ какъ видимый, такъ и невидимый. Существуетъ міръ невидимый, потому что существуютъ души, непосредственное сознаніе наше есть неопровержимое ручательство существованія душъ. Бытіе видимаго міра доказывается дѣйствованіемъ его на нашу душу. Не допуская дѣйствительнаго бытія ви́шняго міра, никакъ не можемъ объяснить, почему душа наша изъ пустаго, однообразнаго, не наполненнаго состоянія познавательной своей силы переходитъ въ инаковое состояніе, наполненное многообразными представленіями предметовъ чувственныхъ. Изъ свойствъ души нельзя вывести основанія, почему въ ней по времени начали раждаться и размножаться различныя чувственныя представленія, которыхъ прежде не было въ ней. Причина сего заключается въ дѣйствованіи на насъ предметовъ ви́шняго міра, бытія котораго поэтому нельзя оспаривать, какъ дѣлаютъ это идеалисты. Итакъ, если несомнѣнно бытіе міра, то должна быть достаточная причина сего бытія. Надобно искать сей причины или въ самомъ мірѣ, или ви́

его. Но въ мірѣ нельзя найти ея; потому что во всемъ мірѣ нѣтъ такого существа независящаго, отъ котораго происходило бы бытіе всѣхъ прочихъ существъ. Что само зависитъ, само опредѣляется, ограничивается дѣйствіемъ другихъ тѣлъ или силъ, то не можетъ быть достаточною причиною міра. Оно есть вмѣстѣ и причина, и зависитъ отъ другихъ причинъ, принимаетъ на себя дѣйствіе ихъ и чрезъ то ограничивается, посему не можетъ быть достаточною причиною всѣхъ прочихъ существъ. Такимъ образомъ ни предположеніе физиковъ іонійскихъ, ни предположеніе атомистовъ не могутъ удовлетворительно объяснять происхожденіе міра. Первые признавали одну какую нибудь стихію причиною бытія всѣхъ прочихъ вещей, а послѣдніе (атомисты), придумавъ безчисленное множество малѣйшихъ, неудободѣлимыхъ тѣлъ (атомовъ), объясняли изъ нихъ происхожденіе всѣхъ сложныхъ тѣлъ и всего міра. Предположить ли одну какую либо стихію или безчисленное множество атомовъ: всё они зависимы, ограничиваются прочими, и потому не могутъ быть полною, достаточною причиною существующаго. И въ мірѣ невидимомъ не можетъ быть необходимаго и независящаго существа. О неразумныхъ субстанціяхъ природы нечего и говорить: онѣ ниже нашихъ душъ, болѣе ихъ связываются окружающими субстанціями; душа наша, по крайней мѣрѣ, силою своей свободы возвышается надъ физическимъ сцѣпленіемъ вещей, а неразумныя субстанціи не могутъ стать выше сего сцѣпленія. Обратимся ли къ высшимъ существамъ міра, къ духамъ совершеннымъ, —но и между ними не найдется существа независящаго. Если это члены міра, положимъ, невидимаго, если это существа частныя, то, составляя часть цѣлаго, этимъ самымъ ограничиваются, потому невозможно представлять ихъ независящими. Предположимъ ли общую душу міра, изъ которой, по мнѣнію неоплатониковъ и новѣйшихъ мыслителей, рождаются всѣ субстанціи, и которая управляетъ всѣми движеніями міра? но и она, по предположенію этихъ же мыслителей, привязана къ бытію міра, дѣйствованіе ея ограничивается необходимыми законами механизма, которымъ подчинена

природа; потому душа міра не будетъ существомъ независящимъ. Такимъ образомъ, во всемъ мірѣ, какое бы ни предполагали частное существо, — матеріальное ли, духовное ли, положимъ, могущественнѣйшее существо, какимъ представляли душу міра, — все будетъ принадлежностію такихъ существъ ограниченность, зависимость отъ механизма природы, посему ни одно изъ нихъ не будетъ тѣмъ Существомъ, котораго необходимо ищеть умъ, какъ причины всего міра. Даже еслибы, на основаніи опытныхъ наблюденій, пельзя было утвердить свойства зависимости за всеми существами, находящимися въ мірѣ: то и тогда бытіе нѣкоторыхъ случайныхъ существъ представляло бы достаточное основаніе къ заключенію о бытіи Существа безусловно необходимаго. Противъ всеобщности этого положенія, — что всякое существо въ мірѣ имѣетъ бытіе зависящее, ограниченное, — могутъ еще спорить на томъ основаніи, что мы, по опытнымъ наблюденіямъ, не знаемъ всехъ существъ міра. Уступить ибѣтъ еще причины, хотя и справедливо, что опытъ нашъ не далеко простирается въ обзорнїи міра. По опытнымъ показаніямъ мы говоримъ о томъ, что познаемъ чувствами внѣшними и внутреннимъ, при пособіи умозаключенія, также объ ограниченности нашей души; а высшій духовный міръ въ своемъ объемѣ и обиліи силъ мало извѣстенъ намъ. Но пусть мы не знаемъ еще, какое бытіе имѣетъ существо, не подлежащее опытному нашему наблюденію; но если оно включается въ составъ міра, а не внѣ его, — этого одного предположенія (на что и противники соглашаются) достаточно, чтобы признать такое существо зависящимъ, ограниченнымъ. Ибо что включается въ составъ міра и составляетъ часть его, то посему самому есть существо зависящее; чтобы быть независящимъ, надобно быть превыше міра. Такъ довольно будетъ для насъ знать нѣсколько существъ, имѣющихъ случайное бытіе; такое ихъ бытіе необходимо предполагаетъ бытіе Существа отрѣшенно-необходимаго. Свойство случайнаго существа, даже одного, таково, что оно можетъ быть и не быть. Посмотримъ ли на начало, на будущее ли состояніе его бытія: случайное и по началу

своего бытія нѣкогда не было, и потомъ получило бытіе, какъ это мы знаемъ о самихъ себѣ; потомъ, по продолженію бытія, случайное находится въ зависимости отъ другихъ существъ и въ будущемъ можетъ быть и не быть. Такъ это одно, — чтобы быть приведеннымъ изъ небытія въ бытіе, — есть такое дѣйствіе, достаточная причина котораго можетъ заключаться только въ безусловно-необходимомъ Существовѣ, и никакое зависящее существо, бытіе котораго случайно какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, не можетъ быть такою причиною. Привести изъ небытія въ бытіе, превратить, такъ сказать, небытіе въ бытіе, можетъ только всемогущее, отрѣшенно независящее Существо, которое ни отъ кого въ мірѣ не зависитъ бытія своего. Въ самомъ дѣлѣ, если посмотримъ на ближайшія причины, производящія что либо, увидимъ, что все, что онѣ ни производятъ, производятъ уже изъ готоваго. Такъ родители раждаютъ дѣтей; но нельзя сказать, чтобы они изъ небытія въ бытіе приводили дѣтей: въ рожденіи они передаютъ только заимствованное самими; свободныя существа хотя и раждаютъ намѣренія и производятъ свободныя поступки: но и здѣсь не видимъ приведенія изъ небытія въ бытіе, не видимъ творенія въ точномъ значеніи слова, а производится все изъ данныхъ силъ — начинать рядъ дѣйствій и прерывать его по произволу, — изъ сообщенной нравственнымъ существамъ свободы. Приведеніе даже одного только существа изъ небытія въ бытіе есть дѣйствіе Безконечнаго, Всемогущаго. Такимъ образомъ, если изъ опытнаго наблюденія извѣстно намъ случайное, зависящее, ограниченное бытіе и немногихъ существъ, мы можемъ съ основательностію говорить о каждомъ существѣ въ мірѣ, что оно не неограниченное, не независящее, если только согласается, что оно включено въ составъ міра. Потому что принадлежа къ составу міра, какъ часть его, оно по сему самому зависитъ отъ общаго механизма его. Такъ изъ разсмотрѣнія случайности существъ міра слѣдуетъ, что достаточная причина бытія его — внѣ міра, въ Существовѣ премірномъ, отрѣшенно-независящемъ и необходимомъ, которое имѣетъ жизнь свою отъ себя, чрезъ себя и для себя, которое ни не быть, ни инымъ образомъ быть не

можетъ, и посему есть Существо вѣчное, неизмѣняемое, безъ начала, безъ конца. ^(в)

О силѣ космологическаго довода нужно, впрочемъ, замѣтить: 1) что изъ него еще нельзя выводить идеи о Богѣ, но онъ самъ основывается на сей идеѣ. Еслибы въ насъ не было идеи о Существовѣ безконечномъ, которое имѣетъ полноту бытія и не можетъ не быть: то не было бы основанія, почему бы намъ не успокоиться на бытіи случайномъ и неполномъ. Самое требованіе разума — искать достаточнаго основанія — имѣетъ для себя опору въ идеѣ Безконечнаго. Въ самомъ дѣлѣ, чувство неудовлетворенія бытіемъ начинающимся, измѣняющимся и прекращающимся зависитъ въ насъ отъ того, что присуща уму нашему идея Неизмѣняемаго. Въ неразумныхъ животныхъ нѣтъ сей идеи, потому они, видя произведенія, не ищутъ причинъ; въ нихъ нѣтъ чувства неудовлетворенія, для нихъ что есть, то и хорошо. А предполагать за явленіями невидимое, отличное отъ нихъ по своей самобытности и неизмѣняемости, свойственно только человѣку; потому что въ идеѣ ума его есть непосредственное свидѣтельство о Существовѣ безконечномъ, которое самобытно и неизмѣняемо. 2) Поелику космологическій доводъ основывается на идеѣ Безконечнаго и есть частное раскрытіе ея, а идея сія самимъ безконечнымъ Существомъ насаждена въ духѣ нашемъ: то въ этомъ состоитъ твердость довода и сила заключенія. Идея Безконечнаго побуждаетъ разумъ нашъ переходить отъ случайнаго бытія къ бытію отрѣшенно необходимому, самобытному, самостоятельному, вѣчному, неизмѣнному; ко всѣмъ этимъ понятіямъ ведетъ доводъ космологическій. Но 3), для представленія другихъ совершенствъ въ Существовѣ безконечномъ нужно болѣе, нежели только разсмотрѣніе бытія случайнаго. Бытіе случайное есть общая принадлежность какъ разумныхъ, такъ неразумныхъ и неодушевленныхъ существъ. Пока останавливаемся на случайности только бытія, то и заключеніе можемъ дѣлать только о свойствахъ относящихся къ бытію, а не о духовныхъ совершенствахъ.

(в) Дальнѣйшее раскрытіе космологическаго довода опускаемъ по недостатку мѣста. *Ред.*

Чтобы вывести заключеніе о сихъ совершенствахъ Бесконечнаго, для сего нужно разсмотрѣніе дѣлъ Божіихъ, проявляющихъ на своемъ устройствѣ совершенства своего Виновника; далѣе, нужно сознаніе въ себѣ тѣхъ способностей и потребностей, изъ которыхъ раждаются духовныя совершенства.

3. Физико-теологическій доводъ бытія Божія.

Доводъ бытія Божія физико-теологическій, выводимый изъ разсмотрѣнія устройства міра, состоитъ въ слѣдующемъ: гдѣ усматриваемъ порядокъ, цѣлесообразность, или направленіе средствъ къ благимъ цѣлямъ, красоту или гармоническое соединеніе многообразнаго въ единство: тамъ необходимо предположить Виновника такого устройства, премудраго, дѣйствующаго по разумному плану и поддерживающаго порядокъ. Если не предположить такого Виновника, то надобно будетъ допустить, что самый порядокъ произошелъ или отъ случая, или отъ какой-нибудь неразумной физической силы. Но тогда въ произведеніи будетъ болѣе, чѣмъ сколько заключается въ причинѣ. Нельзя признавать случай причиною устройства міра; потому что случай, понимаемый въ смыслѣ причины, есть пустое, безсодержательное слово, это только отрицаніе причины. Если признавать причиною устройства міра какую-нибудь физическую силу, очень могущественную, обладающую даже всемогуществомъ, но неразумную: тогда опять будетъ нарушеніе того кореннаго закона разума, по которому для всего должна быть *достаточная* причина, и въ произведеніи не должно быть болѣе, чѣмъ сколько заключается въ причинѣ, или, какъ древніе говорили, *nemo dat, quod non habet*. А при предположеніи слѣпой судьбы, или неразумной какой-то физической силы, породившей все по необходимости, допускается именно та несообразность, что въ произведеніи есть то, чего нѣтъ въ причинѣ. Въ произведеніи слѣды разума, проявляющіеся въ разумномъ расположеніи и соединеніи многообразнаго въ единство, въ цѣлесообразности, а въ причинѣ нѣтъ основанія для этихъ разумныхъ слѣдствій. Предполагать, что порядокъ міра могъ произойти отъ случая или неразумной какой-либо силы, все рав-

но было бы, говорить Цицеронъ, какъ предполагать, что изъ множества брошенныхъ на землю буквъ, золотыхъ ли, или какихъ нибудь другихъ, могла составиться лѣтопись Еннія; отъ слѣднаго случая едва ли и одинъ какой-нибудь стихъ могъ составиться. Сколько тысячелѣтій люди ни наблюдали теченіе міра, постоянно усматривали одинаковый составъ его. Съ улучшеніемъ пособій зрѣнія, правильность и постоянство сего состава обнаруживается для ума болѣе и болѣе; въ теченіи многихъ тысячелѣтій въ немъ ничто не разсыпается, все удерживаетъ свое мѣсто. Движенія многосложны и многочисленны, но въ нихъ нѣтъ запутанности, все также стройно связано, какъ и въ первыя времена міра. Главнѣйшія силы тяготѣнія и отталкиванія, дѣйствуя по своимъ законамъ, держатъ въ постоянной, вѣковой связи обширнѣйшее мірозданіе. Нельзя не видѣть многообъемлющей, продолжительной связи безмѣрно многихъ тѣлъ небесныхъ и земныхъ. Во всемъ видимъ величайшую правильность, нѣтъ прерыва (hiatus), нѣтъ ничего безъ закона; одинаковыя взаимныя смѣны временъ года происходятъ въ продолженіе столь многихъ вѣковъ. Сверхъ сего, въ природѣ очень достаточно средствъ для достиженія благодѣтельныхъ цѣлей. Мѣстопробываніе соотвѣтствуетъ нуждамъ жителей; свойство воздуха, свѣта, пищи, приспособлено къ устройству органическихъ тѣлъ животныхъ. Повсюду низшее служитъ высшему, существа неорганическія служатъ органическимъ; въ органическихъ каждый членъ поддерживается одинъ другимъ, а всѣ вмѣстѣ служатъ къ поддержанію органической жизни. Во всей природѣ, равно какъ въ каждомъ изъ ея существъ, открывается чудное зрѣлище: борьба жизни и смерти, разрушенія и восстановленія! Физическія существа, кажется, въ каждую минуту готовы уничтожиться, и недѣлимые исчезаютъ, но роды и виды существъ непрестанно сохраняютъ свое бытіе, такъ что и разрушеніе не уничтожаетъ и самая смерть есть прикрытая жизнь, или переходъ къ новымъ формамъ бытія. И вотъ великая цѣль стройнаго дѣйствованія существъ — сохраненіе жизни тварей, но крайней мѣрѣ, въ цѣломъ — постоянно въ продолженіе многихъ тысячелѣтій выполняется! Все въ при-

родѣ до самонаибольшей части устроено къ тому, чтобы цѣлое не пришло въ хаосъ, чтобы жизнь, прекращающаяся въ недѣлимыхъ, не была поглощена смертію въ цѣломъ, но все возрадовалось ко всеобщему радованію и наслажденію тварей жизнию. Разумъ необходимо побуждается искать причины такого устройства вселенной. Но въ самыхъ существахъ физическихъ, принадлежащихъ къ составу ея, не можетъ быть сей причины. Здѣсь необходимо предвѣдніе, предначертаніе, устройство по мыслямъ; но въ существахъ физическихъ нѣтъ сего. Причиною порядка и цѣлесообразнаго устройства міра можетъ быть не иная сила, какъ разумная. Но разсматривая разумныя силы, находящіяся въ мірѣ, хотя часто видимъ въ нихъ высокую степень проицанія и мудрости; впрочемъ никакое проицаніе ограниченнаго по бытію существа недостаточно для того, чтобы объять всю совокупность существъ міра. Разумная сила должна объять всѣ части міра, устроить между ними согласіе; но каждое изъ представляющихся намъ разумныхъ существъ обнимаетъ только нѣкоторую, большую или меньшую часть вселенной и не можетъ простирать своихъ дѣйствій на все. Итакъ, ни въ существахъ физическихъ, ни въ духовныхъ, наполняющихъ міръ, нѣтъ такой силы, которая могла бы установить и поддерживать порядокъ въ необъятно-обширномъ твореніи. Для сего нужны и существованіе прежде міра и всевѣдніе и благодѣтельность всеобъемлющая, открывающаяся въ предустроеніи благодѣтельныхъ цѣлей и средствъ, достаточныхъ для достиженія ихъ; сверхъ сего, пужно и всемогущество для сохраненія и поддержанія порядка во всемъ однажды установленнаго; всѣ эти свойства необходимо предположить въ Виновникѣ устройства міра. Такимъ образомъ разумъ, хотя не непосредственно, но уже на основаніи идеи ума о Безконечномъ, долженъ признать бытіе премудраго Художника міра, который устроилъ все числомъ, мѣрою и вѣсомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ есть Промыслитель, непрестанно бодрствующій надъ сохраненіемъ устроеннаго порядка.

Доводъ бытія Божія, заимствуемый изъ разсмотрѣнія устройства міра, былъ любимымъ у здравомыслящихъ фило-

софовъ. Изъ греческихъ философовъ особенно обращались къ разсмотрѣнiю порядка міра Сократъ и ученикъ его Платонъ. Въ разговорахъ Сократа находимъ, что онъ, убѣждая Аристодема въ бытіи Божіемъ, указывалъ на мудрое устройство тѣла человѣческаго, по которому въ органахъ его все соотвѣтствуетъ цѣлямъ каждаго. Платонъ, обращая вниманіе на порядокъ и мудрое устройство міра, на небесныя свѣтила — солнце, луну и звѣзды, на постоянно-правильное обращеніе этой громады, доказывалъ, что все сіе держитъ умъ. Въ 10-й книгѣ о законахъ Платонъ раскрываетъ ту мысль, что самое правильное кругообращеніе свѣтилъ небесныхъ есть символъ дѣятельности ума. «Кругообращающіяся тѣла небесныя, говоритъ онъ здѣсь, не отбѣгаютъ отъ своего центра, но постоянно возвращаются вокругъ его на свои мѣста, которыя они занимали въ первый періодъ своего обращенія, и такимъ образомъ сохраняютъ единообразность, постоянство и правильность въ своемъ движеніи. Дѣйствовать такъ — сродно уму; прихоть измѣнчива, разсѣянна; уму свойственно имѣть всегда постоянную цѣль и дѣйствовать однообразно, правильно, что самое и замѣчается во вселенной. Посему она необходимо предполагаетъ для себя причиною великій Умъ».

Подобныя размышленія встрѣчаются у Аристотеля, стоиковъ, какъ-то: Хризиппа, Антонина, Цицерона, у средне-вѣковыхъ мыслителей и особенно въ половинѣ прошедшаго столѣтія.....

Англичанинъ Палей, † 1805 г., въ своей натуральной теологіи собралъ почти все, открытое естественными науками въ прежнія времена, и заимствовалъ многое изъ новыхъ результатовъ этихъ наукъ. Онъ разсматриваетъ сначала органы тѣла человѣческаго, потомъ—цѣлесообразное устройство организма животныхъ по отношенію къ ихъ мѣстопребыванію и роду жизни, далѣе—инстинкты животныхъ, за тѣмъ—мудрое устройство организма растеній и наконецъ—цѣлесообразность стихій. Изъ всего этого составлено болѣе 80-ти частныхъ наблюденій, направленныхъ къ объясненію того, какъ мудро измыслены въ разныхъ организмахъ средства для сохраненія рода животныхъ и растеній и для размноженія ихъ.

Для примѣра возьмемъ немногое изъ его наблюденій надъ инстинктомъ. Въ царствѣ животномъ, замѣчаетъ Палей, а) новорожденныя по инстинкту ищутъ сосцовъ матери и въ нихъ находятъ приготовленную къ сему времени пищу, которой нѣтъ въ другое время. б) Птицы, соотвѣтственно своему роду жизни, строятъ себѣ гнѣзда. в) Насѣкомыя кладутъ свои яйца въ такихъ мѣстахъ, гдѣ червячокъ находитъ себѣ пищу, нуждаю для него. г) Многія изъ птицъ и рыбъ имѣютъ опредѣленныя, постоянныя странствованія отъ сѣвера къ югу и отъ юга къ сѣверу. Частныя подтвержденія этихъ наблюденій Палей заимствуетъ изъ разсмотрѣнія животныхъ различнаго рода и вида. До наступленія морозовъ, птицы, которыя не могутъ зимовать въ сѣверныхъ странахъ, перелетаютъ къ югу; кто сказалъ имъ объ этомъ? ни одна не научается отъ другой, общій всѣмъ имъ инстинктъ въ опредѣленное время гонитъ ихъ. Такимъ образомъ онѣ перелетаютъ тысячеверстныя пространства и, при наступленіи весны, возвращаются къ тому именно мѣсту, съ котораго отлетѣли прежде, не ошибаясь въ пути, пристають къ тѣмъ-же гнѣздамъ, которыя прежде устроены были ими, и здѣсь живутъ и размножаются. Но извѣстно, что средства по бытію своему предшествуютъ цѣлямъ, которыя достигаются уже въ послѣдствіи времени. Такъ это бываетъ въ хорошемъ, благоустроенномъ домохозяйствѣ. И въ мірѣ эти нужныя для сохраненія жизни средства — благоразтвореніе воздуха, температура его, въ которой бы организмы животныхъ и птицъ не разрушались, да и пища, — все это заблаговременно предусмотрено, чтобы жизнь не разрушалась, а сохранялась. Итакъ, если и въ небольшомъ домохозяйствѣ приготовленіе цѣлей и средствъ есть дѣло предусматривающаго и распоряжающагося разума, то какъ въ великомъ этомъ домѣ — въ цѣломъ мірѣ — могло бы быть все предусмотрѣно и приготовлено для безчисленнаго множества существъ, если-бы не предусмотрѣно и не приготовлено было высочайшимъ Разумомъ?

На выше приведенное нами замѣчаніе Цицерона о происхожденіи Еннiевой лѣтописи даетъ подробное объясненіе Реймаръ. «Извѣстно, говоритъ онъ, что въ животномъ тѣлѣ

сотни тысячъ разнородныхъ частицъ приведены въ одинъ стройный составъ, безмѣрно превышающій всякую человѣческую смысленность, остроуміе и мудрость. Что крайне нелѣпо было бы стройное сочетаніе безчисленнаго множества частицъ въ организмахъ животныхъ производить отъ случая, это можемъ мы объяснить себѣ, взявъ для примѣра Энеиду. Число стиховъ и буквъ въ *Виргиліевой Энеидѣ* очень незначительно въ сравненіи съ многочисленностію частичекъ какаго нибудь животнаго организма. Не смотря на то не было ли бы въ высшей степени странно, если бы кто нибудь на вопросъ: какъ произошли стихи *Виргилія*?—отвѣчалъ: невзначай, наудачу брошены буквы и изъ нихъ составилаь *Энеида*. Исчислено, что 24 буквы (въ лат. языкѣ) могутъ имѣть чрезвычайное множество переложеній, именно болѣе 628 триллионовъ; а въ *Энеидѣ* содержится около 363 тысячъ буквъ. Если всѣ возможныя переложенія 24 буквъ простираются до 628 триллионовъ: то что же будетъ изъ 363 тысячъ буквъ? Теперь, по нелѣпому предположенію слѣпаго случая, оставалось бы, для повѣрки дѣла, положить все эти буквы въ ящикъ или мѣшокъ, перетрясти, потомъ высыпать, и вотъ вошла бы изъ этого *Энеида*; это одинъ вѣроятный случай изъ множества децеммилліонныхъ случаевъ. Что же значать 363 тысячи буквъ въ сравненіи съ неисчислимымъ множествомъ частицъ тѣлъ въ цѣломъ мірѣ? Здѣсь сколько можетъ быть переложеній? и однако изъ всего этого, необъятно великаго множества переложеній случай дастъ одинъ только порядокъ такой стройный, какой видимъ на самомъ дѣлѣ». Въ сравненіи, приведенномъ *Реймаромъ*, дѣлается еще много уступки, когда говорится о готовыхъ буквахъ; но и приготовить буквы—дѣло разума. Первоначальныя частицы тѣлъ весьма просты, не имѣютъ еще такого устройства, какое имѣютъ металлическія или деревянные какія нибудь частички. Какъ же изъ нихъ могли бы составиться буквы въ такомъ большомъ количествѣ, и потомъ изъ этихъ буквъ цѣлая *Энеида*? Совершенно нелѣпо предполагать это.

Послѣдователи *Канта* говорятъ, что мы знаемъ очень малую часть міра и притомъ одну только поверхность ея: слѣдо-

вательно заключеніе о высочайшей мудрости художника міра не сильно. Надобно уступить, что заключеніе о безконечно—премудромъ Художникѣ міра не могло бы образоваться безъ пособія идеи ума о безконечномъ Существѣ. Но можно вывести многое и изъ опыта. Если при посредствѣ опыта осмотрѣны уже сотни тысячъ органическихъ существъ какъ въ царствѣ животныхъ, такъ и растеній; если въ нихъ открывається правильное устройство средствъ, нужныхъ для поддержанія жизни: то и этихъ данныхъ чрезвычайно много для составленія основательныхъ выводовъ, хотя и вѣрно, что наблюденія наши ограничиваются одною землею и находящимся на ея поверхности. Требовать же, съ послѣдователями Канта, чтобы весь міръ былъ осмотрѣнъ во всѣхъ частяхъ и, потомъ, чтобы сдѣлано было заключеніе о безконечно-премудромъ Устроителѣ его, значило бы требовать невозможнаго. Если гдѣ, то особенно здѣсь, имѣютъ силу правдоподобныя заключенія по наведенію (*per inductionem*) отъ множества частей, отъ сотенъ тысячъ ихъ къ цѣлому. Такія заключенія оправдываются тѣмъ, что расширяющійся кругъ наблюденій подтверждаетъ вѣрность ихъ. Чѣмъ болѣе усовершенствуются орудія наблюденій (микроскопы и телескопы), тѣмъ въ чрезвычайно обширнѣйшихъ сферахъ міра открывається мудрое устройство и стройное теченіе отдаленнѣйшихъ частей міра. Съ открытіемъ новыхъ тѣлъ небесныхъ, съ измѣреніемъ ихъ разстоянія и путей, замѣчаютъ ту же правильность и точность возвращенія, взаимостоянія, какую замѣчали во вселенной прежде, когда для невооруженнаго глаза извѣстно было менѣе тѣлъ небесныхъ. Конечно, и при позднѣйшемъ лучшемъ устройствѣ орудій, все доступное для наблюденій составляетъ только малѣйшую часть міроздавнія; но когда уже постоянно оправдывается одна истина при тѣхъ наблюденіяхъ, кои во сто разъ расширились, то имѣемъ основаніе заключить, что и при дальнѣйшемъ усовершенствованіи орудій міронаблюденія, она будетъ подтверждаться. Много данныхъ для заключеній доставляютъ намъ наблюденія въ настоящемъ ихъ объемѣ. Правильное теченіе тѣлъ

небесныхъ не разстроивается и цѣлое зданіе ввеленной не разрушается даже при неправильныхъ, повидимому, движеніяхъ нѣкоторыхъ частей ея, каковы напр. движенія кометъ. Опытъ еще не псказаль, чтобы какая нибудь комета сбила съ пути какое нибудь небесное тѣло, имѣющее постоянное теченіе; напротивъ дознано, что и теченія кометъ правильны, что и для этихъ теченій есть свои періоды; мнимыя пертурбации, или движенія кометъ, могущія, по видимому, произвести возмущенія въ нашей солнечной системѣ, не разстроиваютъ порядка природы. На какомъ же основаніи предполагать, будто за предѣлами частей міра, подлежащихъ нашимъ наблюденіямъ, въ тѣхъ необъятно-многихъ свѣтилахъ, которыя еще не доступны нашему усмотрѣнію, нѣтъ никакого порядка? Еслибы въ обширѣйшей части мірозданія былъ безпорядокъ, то онъ не могъ бы не отразиться разрушительно на части мірозданія, которую мы можемъ видѣть. Итакъ возраженіе, что мы знаемъ только часть міра, не можетъ подрывать увѣренность въ бытіи высочайше премудраго Строителя міра, потому особенно, что вѣра въ безконечную Его премудрость основывается не на одномъ наблюденіи, какъ бы обширно оно ни было, но на прирожденной намъ идеѣ. Частей міра много; неужели же намъ принять то предположеніе древнихъ, по которому одинъ устроилъ ту часть міра, другой — другую? По ученію древняго греческаго политеизма одинъ изъ подчиненныхъ боговъ устроилъ землю, другіе — небо, одинъ — тотъ родъ существъ, другой — другой. Такое предположеніе не согласно съ идеею о единомъ безконечномъ по совершенствамъ Существомъ, слѣдовательно совершенномъ и по премудрости. Оно не будетъ безконечно-премудрымъ Виновникомъ міра, если части міра образованы не Имъ, а подчиненными существами. Такимъ образомъ основанное на весьма обширномъ опытѣ умозаключеніе о премудромъ Строителѣ міра (сколько міръ намъ извѣстенъ) сливается съ прежде-опытною идеею о Существомъ безконечномъ по бытію и совершенствамъ.

4. Доводъ бытія Божія отъ согласія всѣхъ народовъ въ признаніи сей истины.

Къ доводамъ истины бытія Божія относятъ наблюденіе всеобщаго согласія всѣхъ народовъ въ признаніи сей истины. Вотъ изложеніе этого довода: въ весьма многихъ странахъ найдемъ законы торжественнаго отпраздненія празднествъ въ честь Божества и храмы, или, по крайней мѣрѣ, капища, найдемъ людей, посвященныхъ въ таинства, жрецовъ. Въ другихъ же странахъ хотя нѣтъ никакихъ храмовъ, но народъ безъ всякихъ изображеній чтитъ Божество. Еще Плутархъ замѣчалъ, что путешественникамъ приходилось встрѣчать много народовъ, у которыхъ не было ни укрѣпленій, ни наукъ, ни законодательства, но нигдѣ нѣтъ города, у котораго не было бы никакого Божества. Согласіе народовъ, весьма часто расходящееся съ человѣческими страстями, выражающееся въ безчисленныхъ символахъ, аллегоріяхъ, эмблемахъ, частію хорошо, частію худо объясняющихъ предметъ религіознаго понятія, доселѣ остается непровергнутымъ. Здравый разумъ, не увлекающійся предрасудками, можетъ открыть часть истины и подъ оболочкою религіозныхъ языческихъ мифовъ. Кто же не убѣдится въ бытіи Божіемъ чрезъ это всеобщее свидѣтельство, которое даетъ сама природа человѣческая?

Конечно, противъ этого довода, взятаго отдѣльно въ собственной его силѣ, есть возраженія, стоящія разсмотрѣнія. Возраженіе, представленное Локкомъ и послѣ не разъ повторенное другими, состоитъ въ томъ, что подлежитъ сомнѣнію всеобщность религіи, изъ чего составлена первая посылка довода. Указываютъ на нѣкоторые слишкомъ дикія племена въ сѣверной Америкѣ, у которыхъ будто не видно никакихъ слѣдовъ религіи; такъ говорятъ объ Эскимосахъ, жителей Гренландіи, о первыхъ жителяхъ Бразиліи и Канады. Но сомнѣнія въ существованіи религіи у нѣкоторыхъ племенъ происходили иногда отъ предубѣжденія путешественниковъ, у которыхъ самихъ было черство религіозное чувство, почему

отправляясь къ отдаленнымъ народамъ, они сами не были религіозны; не примѣтивъ же видимыхъ знаковъ богопочтенія у дикихъ народовъ, заключали изъ того, что у нихъ со всѣмъ нѣтъ чувства Божества; такое заключеніе зависѣло и отъ незнанія языка тѣхъ племенъ, а болѣе отъ поспѣшности въ сужденіи. Случалось, что показанія такихъ наблюдателей-путешественниковъ въ послѣдствіи опровергались другими. Такъ напр. о жителяхъ сѣверо-западной Америки писали, что у нихъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ богопочтенія. Но мы имѣемъ свидѣтельство очевидца архипастыря и наставника этихъ дикихъ племенъ, обращенныхъ частію въ христіанство, епископа алеутскаго Иннокентія. Онъ говорилъ о язычникахъ, сосѣднихъ съ обширною его епархіею, что нѣтъ у нихъ храмовъ, нѣтъ никакихъ изваяній (по крайней мѣрѣ у большей части изъ нихъ): однако вѣрованіе въ невидимаго Духа было у обращенныхъ имъ въ христіанство. У сосѣднихъ же народовъ есть даже вѣрованіе въ единаго верховнаго Правителя — Бога; признаютъ они много духовъ, впрочемъ не называютъ ихъ богами, но высшимъ надъ всѣми признаютъ одного Правителя, Высочайшаго Бога. Религія ихъ весьма скудна обрядами; посредниками между ними и богами служатъ шаманы, которые возносятъ молитвы къ Высочайшему Богу, а чаще къ подчиненнымъ духамъ. Хотя нѣтъ у нихъ ни храмовъ, ни изваяній, впрочемъ въ извѣстныя времена, въ болѣзняхъ напр., они приносятъ въ жертву домашнихъ животныхъ, поручая это шаманамъ. По словамъ этого владыки, есть у тамошнихъ язычниковъ и чаяніе безсмертія, которое они выражаютъ по своему; они полагаютъ, что добрые люди будутъ собраны у большаго огня, гдѣ будетъ имъ покойно и тепло, такъ какъ самое чувствительное для нихъ зло состоитъ въ стужѣ, а злые люди будутъ удалены отъ огня и будутъ сидѣть въ холодѣ и мракѣ. Такъ и о грубыхъ язычникахъ, о которыхъ прежде писали, что у нихъ нѣтъ религіи, самовидцы говорятъ другое.

Какъ бы то ни было, этотъ доводъ всегда будетъ указывать только на самую наибольшую часть людей, а исключенія будутъ всегда. Какъ въ новорожденномъ младенцѣ, не

пришедшемъ еще въ самосознаніе, въ первые годы его жизни, нѣтъ признаковъ богопочтенія: такъ можетъ быть и во взрослыхъ этихъ дѣтяхъ — дикихъ огрубѣлость можетъ простираться до того, что вся жизнь ихъ будетъ проходить въ удовлетвореніи чувственныхъ нуждъ, или въ жестокостяхъ войны, мести. Но изъ этого нельзя выводить заключенія, что въ ихъ сердцахъ не насаждено сѣмя религіи, также какъ и вообще нельзя заключать, чтобы законы разумности не были насаждены въ ихъ душѣ, по тому, что они еще не успѣли раскрыться. А вотъ что важно: если самые одичалые люди могутъ быть доведены до сознанія потребности чтить Божество, это доказываетъ, что внутри ихъ есть сѣмя религіи. Потому что еслибы не было сего сѣмени, то нельзя было бы приучить ихъ къ богопочтенію. Какое ни возьмемъ животное, даже болѣе другихъ смышленное въ различеніи чувственныхъ впечатлѣній полезнаго и вреднаго, пріятнаго и непріятнаго, его никакъ ни научишь ни чему, похожему на религію. Между тѣмъ были примѣры, не надъ цѣлыми впрочемъ племенами, обратившимися въ христіанство, но надъ частными людьми одичавшими и дошедшими до звѣрскаго состоянія, что мало-по-малу успѣвали приучить ихъ сперва къ жизни домашней, потомъ и къ познанію Бога ^(г). Это одно служить

(г) Такъ въ началѣ прошедшаго столѣтія былъ примѣръ, о которомъ рассказываетъ Расинъ. Въ Польшѣ, говоритъ онъ, въ дикомъ лѣсу охотники увидѣли двухъ какъ бы людей, только съ навыками совершенно звѣрскими; прыгали они по деревьямъ быстрѣе векшей, терзали понавшуюся птицу или зайца, пили кровь, питались сырымъ растерзаннымъ мясомъ, въ движеніяхъ ихъ была быстрота необычайная, какое-то особенное бѣганье, мало похожее на человѣческое. Охотники, окруживъ лѣсъ, рѣшились поймать ихъ; пригнавъ къ рѣкѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ утонулъ, привели другаго въ замокъ польскаго магната, стали приучать его къ людскому быту. Одѣваться, ѣсть вареное что-нибудь было мукою для пойманнаго, онъ все хотѣлъ вырваться и убѣжать въ лѣсъ; по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, принужденіе, употребленное надъ нимъ для приученія его къ людской жизни, имѣло слѣдствіемъ болѣзнь дикаря, послѣ чего онъ сталъ менѣе дикъ и суровъ. Въ продолженіи слишкомъ года приучили его жить по-человѣчески, выучили говорить, такъ что онъ началъ выражать словами свои понятія и ощущенія; черезъ два года внушили ему понятія о Богѣ, объ обязанностяхъ къ Нему и кре-

сильнымъ доказательствомъ, что, при крайней степени дикости, въ духѣ человѣческомъ есть сѣмя религіи, которое хотя съ трудомъ въ продолженіе времени можетъ дать ростокъ, развиться. Такъ еслибы нашли какое-либо дикое племя, у котораго не было бы ни шамановъ, ни обрядовъ (хотя это еще не доказано), изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы не было у него и сѣмени религіи. Такое заключеніе слѣдовало бы сдѣлать въ томъ случаѣ, еслибы, при всѣхъ усиліяхъ привести къ сознанію себя и развить сѣмя религіи, не успѣли въ томъ. Но опытъ показываетъ множество примѣровъ противнаго, а именно—примѣровъ обращенія въ христіанство самыхъ дикихъ племенъ.

Другое возраженіе направлено противъ вывода заключенія. Говорятъ, что, если и замѣчаютъ во многихъ дикихъ народахъ нѣкоторые признаки религіи—храмы, жертвы, изображенія боговъ, шамановъ, проявляющееся въ чемъ-либо во внѣ чувство зависимости отъ высочайшаго Существа, то изъ сего нельзя выводить заключеніе о томъ, чтобы у нихъ сѣмя религіи было истинное. Если у нихъ религія извращенная, ложная, то на какомъ основаніи утверждать, что въ нихъ есть истинное расположеніе къ богопочтенію? Въ человѣчествѣ можно замѣчать всеобщія недобрыя черты, напр. склонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, стремленіе присвоивать себѣ все пріятное и полезное, съ нарушеніемъ правъ другаго; всеобщность поврежденія усматривается не только въ дикихъ, но и въ образованныхъ людяхъ. Кантъ въ своей религіи подтвердивъ, что весь міръ во злѣ лежитъ, что зло прирождено всѣмъ, продолжаетъ: что изъ сего заключить? Развѣ необузданныя склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ признать насажденными Богомъ? Это было бы недостойно понятія о Немъ. Такъ и другія всеобщія склонности, напр., расположеніе къ религіи, говорятъ, еще не даютъ права за-

стили. Какъ бы успѣли въ этомъ дѣлѣ, еслибы въ сердцахъ одичавшаго не хранилось сѣмя религіи? Никакое животное, хотя бы оно было кроткое, болѣе другихъ имѣло смысленности, не можетъ быть выучено ни говорить, ни понимать что-нибудь духовное, ни принимать религію.

ключать, что онѣ насаждены Богомъ, точно также, какъ расположение къ злу не даетъ права утверждать, чтобы оно было отъ Бога. Но двухъ этихъ видовъ всеобщности нельзя ставить наряду, смѣшивать одинъ съ другимъ, потому именно, какъ замѣчалъ Цицеронъ, что хотя и всѣ, какъ грубые, такъ и образованные люди, расположены къ злу, къ излишествамъ самости и беспорядочному самоугожденію: но, по мѣрѣ раскрытія самосознанія, скоро доходятъ до того, что не могутъ оправдывать сихъ расположений, сознавая въ себѣ противорѣчащей имъ голосъ совѣсти, котораго не могутъ отвергать. Хотя люди иногда превратно толкуютъ внушенія совѣсти, впрочемъ признаютъ нѣкоторыя истинныя начала, противоположныя этому безмѣрному, беспорядочному самолюбію, и не смѣютъ ихъ отвергнуть. Если сами не живутъ добродѣтельно, по крайней мѣрѣ, невольно уважаютъ другихъ, живущихъ такъ. стараются скрыть свою порочность подъ личиною добродѣтели, потому что чувствуютъ достоинство ея: такимъ образомъ невольно даютъ свидѣтельство истинѣ. Пусть найдутся и такіе изъ философовъ, которые поставляютъ главнымъ началомъ жизни чувственность, но и къ нимъ доходятъ нѣкоторыя изъ внушеній совѣсти, и они предписываютъ ограниченія чувственности, требуя наслажденія умѣреннаго, соединеннаго съ благоразуміемъ, безъ обиды другихъ. Такъ всеобщее предрасположеніе къ злу не имѣетъ той силы, чтобы оно могло имѣть защитниковъ въ людяхъ, приходящихъ въ самосознаніе; между тѣмъ противоположныя требованія: стремленія ума, велѣнія совѣсти, по мѣрѣ раскрытія самосознанія, по мѣрѣ истиннаго образованія, болѣе и болѣе уясняются для нихъ, представляются во всей силѣ, такъ что порочные не смѣютъ ихъ отвергнуть. Итакъ существенная разность между предрасположеніями къ злу и стремленіями къ добру открывается и въ опытѣ изъ того, что первыя признаются недостойными челоѣка, а послѣднія — достойными его природы. А сіе ведетъ къ тому заключенію, что хотя и всеобщія, но оказывающіяся ложными, недостойными челоѣка, направленія не могутъ имѣть Виновникомъ своимъ Существо высочайшее по своимъ совершенствамъ, а надобно

искать другой причины всеобщаго поврежденія въ людяхъ, и влеченія къ злу нельзя смѣшивать съ тѣми всеобщими побужденіями и законами, которые съ теченіемъ времени не сокрушаются, а еще болѣе отъ всѣхъ сознаются твердыми. Но во множествѣ религій языческихъ, гдѣ къ немногимъ истинамъ примѣшивается безчисленное множество заблужденій и извращеній, здравый разумъ всегда отличитъ чистое отъ нечистаго, прирожденное отъ наноснаго примѣшавшагося, можетъ видѣть источники, откуда происходятъ эти примѣси; источники сіи не такъ глубоки, какъ глубоко чувство божественнаго или умъ. Во множествѣ этихъ ложныхъ религій иное остается общимъ для всѣхъ; таково сознаніе зависимости отъ высочайшаго Существа, потребность умиловлять Его, благоговѣть предъ Нимъ, — это одна тема для всѣхъ варіацій, и это чистое насаждено Богомъ. А миѳы о множествѣ боговъ, теогоніи и представленія о разныхъ сраженіяхъ, областяхъ, поклоненіе, выражающееся въ суевѣрныхъ и жестокихъ обрядахъ, не имѣютъ характера всеобщности; у одного народа свои басни, у другаго иныя. Такъ не надобно смѣшивать всеобщее, всѣмъ прирожденное, съ нарѣслымъ, которое является такимъ по своей разновидности и по своимъ нелѣпостямъ опровергается разумомъ. Притомъ же и въ самомъ политеизмѣ, если не во всѣхъ, то во многихъ его видахъ, хранится чувство почитанія Высочайшаго Бога, къ которому прочіе измышленные боги относятся, какъ порожденія, или какъ сотворенныя существа, какъ слуги. Такимъ образомъ истина единства Божія удерживается у многихъ философовъ, она есть и у дикихъ языческихъ народовъ.

Впрочемъ доводъ изъ всеобщаго согласія народовъ въ признаніи и почитаніи Божества имѣетъ силу относительную; имъ подкрѣпляется увѣренность во всеобщности идеи о Богѣ.

5. Доводъ бытія Божія изъ разсмотрѣнія высшихъ потребностей души человѣческой.

Ближе ведетъ насъ къ увѣренности въ бытіи Божіемъ разсмотрѣніе высшихъ потребностей духа нашего, которыя основываются на идеѣ о Безкопечномъ Существовѣ, то-есть, потреб-

ностей познанія совершенной истины, стяжанія святости и достиженія истиннаго счастья.

Высочайшее, что может видѣть око ума въ идеѣ Бога; есть а) самостоятельная истина, открывающая только истину, б) самостоятельная святость, требующая чистѣйшей святости и в) самостоятельное блаженство, которое, сообщая себя, одно только может облаженствовать человѣка. Для чистаго ока умъ Богъ есть первоначальная истина безъ всякой примѣси лжи, первоначальная святость безъ всякой нечистоты, существо безъ всякаго недостатка и потому первоначально прекрасное, первоначальное блаженство; ибо тамъ и блаженство, гдѣ наслажденіе истинною и красотою. Какимъ же находить себя человѣкъ по отношенію къ этимъ тремъ благамъ, или высочайшимъ идеаламъ, къ которымъ онъ необходимо стремится по устройству своихъ способностей? Онъ сознаетъ себя нуждающимся въ истинѣ, святости и блаженствѣ. Но самъ человѣкъ не можетъ удовлетворить всѣмъ симъ потребностямъ. Откуда онъ можетъ получить вѣрное и полное знаніе? Отъ внѣшней природы не можетъ собрать его, потому что она раскрываетъ предъ нимъ только внѣшнія явленія, но не внутреннюю сущность; не можетъ приобрѣсть его и упражненіемъ оставленнаго самому себѣ разума, ни чрезъ взаимный обмѣнъ понятій, ибо всѣ, какъ люди, впадаютъ въ заблужденія, — это ясно доказываетъ всегдашнее несогласіе и борьба мнѣній и системъ. Итакъ полное откровеніе истины можно получить только отъ того Существа, которое всевѣдуше, и которое слѣд. созерцаетъ всѣ вещи, какъ онѣ сами въ себѣ суть, которое есть Высочайше благое и могущественное, желающее и могущее доставить полное удовлетвореніе нашей потребности истины. А такое Существо есть Богъ.

Сознавая въ себѣ необходимый и всеобщій законъ, обязующій насъ путемъ добродѣтели достигать святости, откуда мы можемъ получить полную силу, освящающую нашу волю и укрѣпляющую ее въ святости? Нельзя получить ее ни отъ чувственной природы, потому что она ниже меня, не можетъ сообщить не только силу къ приобрѣтенію святости, но и сама не имѣетъ силы свободы; ни отъ самихъ себя, по

нашей слабости и безсилію въ нравственности; потому что хотя искренно мы сознаемъ въ себѣ потребность святости, но воля наша не можетъ достигнуть ея, ослабляясь и увлекаясь сторонними примѣрами своеволія, обольщеніями чувственности и особенно преобладаніемъ самолюбія; ни отъ другихъ людей, которые, послѣ усилій,—вести постоянно добродѣтельную жизнь, — если только откровенны, должны признаться, что они не обладаютъ полнотою нравственного совершенства, но только ищутъ его, стремятся къ нему. Итакъ, побуждаясь самою нравственною природою искать святости и не получая освященія отъ тварей, мы должны обратиться къ премірному Существу, которое, какъ само святое и благое Существо, можетъ возстановить въ насъ образъ совершенной святости, и вмѣстѣ, какъ высочайше могущественное, сильно возстановить его въ насъ. А такое существо есть Богъ.

Далѣе потребность истиннаго счастья, или блаженства не можетъ быть удовлетворена ничѣмъ конечнымъ. Потому что истинное счастье не состоитъ въ низшихъ, такъ называемыхъ, благахъ, къ которымъ влечетъ чувственность; они не только скоропреходящи, но даже весьма часто подавляютъ истинныя, чистыя удовольствія души. Нельзя найти счастья въ обширномъ приобрѣтеніи познаній, потому что всякое человеческое познаніе слишкомъ бѣдно; нельзя достигнуть счастья въ нравственной жизни чрезъ упражненіе въ добродѣтели, потому что добродѣтель человѣческая слишкомъ слаба и несовершена; она не сильна утвердить въ насъ гармонію силъ, привести въ полное согласіе наши дѣйствія съ намѣреніями, физическое теченіе природы съ нашими желаніями. Нельзя, наконецъ, ожидать полнаго счастья отъ благорасположенія, дружества и вспомошествованія другихъ людей. Кто не въ состояніи устроить собственное счастье тотъ не можетъ доставить его и другимъ. Изъ сего очевидно, что для насъ или нигдѣ нѣтъ истиннаго и совершеннаго счастья, или надобно ожидать его отъ такого Существа, которое само не только свято въ высочайшей степени, но и совершенно блаженно, которое по благодати своей хочетъ и по могуществу сво-

ему можетъ облаженствовать людей истиннымъ и полнымъ счастьемъ. А такое Существо, источникъ всякаго блага, есть Богъ.

Разсматривая потребность освященія, человѣкъ находитъ въ себѣ законъ, требующій отъ него нравственнаго совершенства, — это голосъ совѣсти. Совѣсть до конца жизни проповѣдуетъ человѣку божественное правило добродѣтели и святости, повелѣваетъ и запрещаетъ, одобряетъ и осуждаетъ, награждаетъ и наказываетъ за дѣянія. Такой силы и дѣйствій совѣсти нельзя объяснить, если производить начало ея или отъ самаго человѣка, или отъ наставленія другихъ. Мы безошибочно можемъ признать совѣсть за голосъ Божій внутри насъ и посему за несомнѣнное свидѣтельство бытія того Высочайшаго Существа, которое есть законодатель, судія и издвоздатель нравственныхъ существъ.

Итакъ изъ потребности познанія истины должна раскрыться въ человѣкѣ вѣра въ Бога, какъ существо, знающее вполнѣ истину и открывающее истину чистую безъ всякой примѣси, вѣра въ первоначальную самостоятельную (*absoluta*) истину; изъ потребности освященія должна раскрыться въ человѣкѣ любовь къ Богу, какъ самостоятельной святости, какъ къ существу, которое само есть свято и предписываетъ нравственнымъ существамъ чистѣйшую святость; изъ потребности блаженства, согласнаго съ разумомъ и стремленіемъ къ добру, должна раскрыться надежда на Бога, какъ существо, въ которомъ есть безграничная полнота блаженства, которое само есть любовь и желаетъ облаженствовать всѣ существа, способныя къ тому. Итакъ только соединеніе человѣка съ Богомъ можетъ удовлетворить кореннымъ и существеннымъ потребностямъ человѣка.

6. Этико-теологическій доводъ бытія Божія, по изложенію Канта.

Кантъ, критически разсматривая доводы бытія Божія: онтологическій, космологическій и физико-теологическій, находилъ всѣ ихъ недостаточными и думалъ замѣнить всѣ оныя однимъ — этико-теологическимъ. Это согласно было съ глав-

нымъ направлениемъ всей его системы, по которому разумъ теоретическій можетъ знать вещи только въ явленіи, сообразно съ данными ему формами пространства и времени, а сущности вещей не можемъ знать. Но чего Кантъ не приписываетъ разуму теоретическому, то усвояетъ разуму практическому, выводя изъ него чувство нравственной увѣренности (*fiducia moralis*) въ бытіи Божіемъ.

Мы сознаемъ въ себѣ, говорить онъ, нравственный законъ, требующій отъ насъ исполненія долга безъ всякаго исканія корысти, пользы или удовольствія, вмѣстѣ съ тѣмъ сознаемъ въ себѣ потребность — достигать высочайшаго блага. По силѣ сего закона, хотя въ своихъ нравственныхъ поступкахъ мы не должны руководиться своекорыстными представленіями награды; но это уже существенное требованіе духа нашего, чтобы добродѣтели принадлежала достойная награда, пороку — достойное наказаніе, въ этомъ выражается законъ правды. Есть въ насъ эта существенная потребность, чтобы добродѣтель награждена была соотвѣтственно ей мѣрою счастья. Соединеніе чистѣйшей нравственности съ совершеннымъ счастьемъ или блаженствомъ и составляетъ высочайшее благо, къ которому духъ человѣческой стремится по своей природѣ. Но соединеніе счастья съ добродѣтелію въ достойной, равной мѣрѣ не зависитъ отъ насъ. Отъ нашей свободы зависитъ устроеніе нашей нравственности, а счастье условливается теченіемъ вещей физическихъ, которое не зависитъ отъ нашей власти. Посему и опытъ показываетъ, что во временной жизни добродѣтель большею частію не вознаграждается заслуженнымъ счастьемъ. Между тѣмъ практической разумъ требуетъ, чтобы добродѣтель, какъ достойная счастья, не разлучна была съ нимъ и изъ этого союза добродѣтели съ счастьемъ происходило бы верховное благо. Когда не во власти человѣка установить союзъ между добродѣтелію и счастьемъ: то должно быть другое существо которое и *хочетъ* и *можетъ* сдѣлать это — наградить добродѣтель достойнымъ ея счастьемъ. Такое существо и есть только Богъ. Далѣе, Кантъ выводитъ совершенства Божіи изъ двухъ этихъ понятій: *хочетъ* и *можетъ* — то-есть,

Богъ, какъ *хотящій* блага высочайшаго, долженъ быть самъ благомъ высочайшимъ, исполненнымъ святости; какъ *могущій* установить теченіе вещей физическихъ такъ, чтобы добродѣтель получила награду, долженъ быть всемогущимъ, всевѣдущимъ, премудрымъ и т. д. Вотъ содержаніе этико-теологическаго довода, изложеннаго Кантомъ!

Значеніе этико-теологическаго довода. Конечно, этико-теологическій доводъ бытія Божія, какъ частный, имѣетъ свою важность и силу, также какъ и всякій другой частный доводъ сей истины; но единственнымъ и полнымъ, какимъ признавалъ его Кантъ, нельзя назвать его. Несправедливо было бы обвинять Канта въ томъ, что онъ; при раскрытіи этико-теологическаго довода, учитъ своекорыстію, внушаетъ людямъ искать награды. Онъ самъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій ясно учитъ, что надобно исполнять долгъ для долга, имѣть уваженіе къ закону для самого закона; самое общее, главное начало нравственности онъ выражаетъ такъ: «поступай такъ, чтобы въ то же время ты могъ желать, дабы правило поступковъ твоихъ было закономъ для всѣхъ нравственныхъ существъ»; главное вниманіе здѣсь обращено на идею закона и долга. Такъ, Кантъ не внушалъ, чтобы человѣкъ при своихъ нравственныхъ поступкахъ всегда имѣлъ въ виду воздаяніе награды, руководился тою мыслию, что нѣкогда Богъ съ добродѣтелию соединитъ счастье, заслуженное человѣкомъ, но раскрывалъ ту всеобщую истину, что въ царствѣ нравственномъ необходимо должно быть мздовоздаяніе, благо высочайшее должно быть достигнуто нравственными существами въ будущей жизни, которая выше земной; благо это состоитъ въ соединеніи съ нравственнымъ достоинствомъ соразмѣрнаго ему счастья, или полнаго блаженства. Такимъ образомъ, по ученію Канта, потребность высочайшаго блага не унижается своекорыстіемъ; онъ беретъ въ расчетъ не мздовоздаяніе лично мнѣ, но общее всѣмъ, достойное всѣхъ вообще истинно-добродѣтельныхъ людей. Несмотря на то, доводъ сей 1) не перестаетъ быть частнымъ; онъ имѣетъ въ виду человѣка, а не общее бытіе всѣхъ существъ и въ человѣкѣ касается двухъ только,

хотя и существенныхъ, потребностей чистѣйшей нравственности и соразмѣрнаго съ нею счастья. Но опредѣленіе высочайшаго блага въ этомъ видѣ не полно. Высочайшее благо должно удовлетворять всѣмъ, а не двумъ только главнымъ потребностямъ духа нашего. А Кантъ опускаетъ изъ вниманія одну, весьма важную, потребность истиннаго просвѣщенія, умудренія ума. Богоподобіе, соединеніе съ Богомъ, въ которомъ состоитъ истинное блаженство, удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ нравственныхъ существъ, т.-е., вмѣстѣ съ другими и потребности познанія истины. Но объ этой потребности Кантъ здѣсь умалчиваетъ. Далѣе 2) при оцѣнкѣ силы этого довода, нужно сдѣлать вопросъ: въ чемъ должна состоять сила его? въ разсмотрѣніи ли всеобщей, прирожденной потребности верховнаго блага, или вмѣстѣ съ тѣмъ и въ опытѣ. Если подкрѣплять опытомъ силу прирожденной потребности блага, или счастья высочайшаго, которымъ должна быть награждена добродѣтель, то опытъ окажетъ слабую услугу. Будемъ ли мы смотрѣть на сторону нравственнаго совершенства, которому должно принадлежать, какъ достойная награда, совершенное счастье: мы не найдемъ сего совершенства въ дѣйствіяхъ человѣческихъ. Потому что опытъ не представляетъ ни одного человѣка, который непрерывно велъ бы вполне совершенную нравственную жизнь; и въ исторіи человечества мы не найдемъ опытовъ совершенной нравственной жизни. Слѣдовательно опытъ не представляетъ основаній требованія полной награды для добродѣтели, или, что то же, соединенія полного счастья съ совершенною добродѣтелію. Укажутъ ли на жизнь мужей, освященныхъ силою Божіею: но и изъ нихъ никто не хвалился и не похвалится совершенною чистотою жизни; величайшіе изъ нихъ сами сознаются въ своей грѣховности. Если же они предъ концемъ настоящей жизни достигаютъ такой чистоты, что всѣ нравственныя пятна вполне изглаждаются въ душѣ ихъ силою Божіею: то и такое нравственное ихъ состояніе не уничтожаетъ виновности прежней жизни. Какъ бы чиста ни была нравственная жизнь въ какомъ-либо періодѣ жизни, напримѣръ, передъ самымъ переходомъ въ

жизнь загробную, она отвѣчаетъ сама за себя; потому что она есть должная дань Творцу и не покрываетъ собою прежнихъ невѣрностей нравственному закону; покрыть ихъ можетъ одно только прощеніе, зависящее отъ милосердія Божія. Вотъ почему мужи чистѣйшей нравственности, укрѣпившіеся въ ней Божественною силою, никогда не рѣшались говорить: «я чистъ и совершенъ, я достоинъ награды». Посмотримъ ли на другую сторону высочайшаго блага, изображеннаго Кантомъ, — на сторону счастья: и съ сей стороны опытъ мало дастъ подкрѣпленія прирожденному стремленію къ счастью. Опытъ свидѣтельствуеть только о томъ, что въ настоящей жизни добродѣтель не получаетъ награды, что добродѣтельные чаще, нежели порочные, бываютъ окружены бѣдствіями, терпятъ гоненія. Но сами же добродѣтельные мужи сознаютъ свое недостоинство и съ радостію принимаютъ скорби и гоненія, какъ заслуженныя, сознаются, что достойны большаго наказанія, нежели какое терпятъ въ настоящей жизни. Сверхъ того, бѣдствія, переносимыя ими, только внѣшнія. Но чѣмъ выше человекъ въ нравственности, тѣмъ болѣе они теряютъ надъ нимъ силу свою; тяжелы они для чувственнаго человека, но для возвышающагося надъ чувственнымъ награжденія совѣсти, состоящія въ ощущеніи внутренняго мира, много перевѣшиваютъ внѣшнія бѣдствія, такъ что истинные герои добродѣтели радуются среди страданій. Они не скажутъ: «мнѣ мало въ награду внутреннихъ утѣшеній; такъ какъ страдаетъ мое тѣло, то нужно, чтобы въ другой жизни уплачено было мнѣ за эти страданія», нѣтъ! они не позволяютъ себѣ говорить такъ. А что счастье, какъ говоритъ Кантъ на основаніи опытныхъ наблюдений, не зависитъ отъ свободы человека, такъ какъ оно обуславливается теченіемъ вещей природы, надъ которою человекъ не имѣетъ власти, — съ одной стороны имѣетъ свою справедливость. Дѣйствительно, счастье не зависитъ отъ человека; но что касается до другой внутренней стороны счастья, именно утѣшеній совѣсти, они уже сами собою возбуждаются въ сердцѣ добродѣтельнаго, что ни происходило бы въ природѣ вокругъ его. Конечно, правда и благодать Божія къ тварямъ не

допускать, чтобы и внѣшняя сторона счастья была оставлена и отвергнута. Богъ, по благодати и правосудію своему, устроить, чтобъ и орудіе духа — тѣло и влияніе на него окружающихъ предметовъ гармонировали съ счастіемъ добродѣтельнаго человѣка. Изъ этого нашего разсужденія видно, что главная сила этико-теологическаго довода заключается не въ опытѣ, а въ разсмотрѣніи прирожденныхъ человѣку стремленийъ къ высочайшему благу, т.-е., къ совершенному освященію, къ чистому, непрерывному блаженству, и, надобно присокупить, къ просвѣщенію и умудренію ума, возможному для человѣка. Изъ этого можно и должно уже заключать о бытіи Существа высочайшаго, какъ Виновника, Начальника и Совершителя этихъ стремленийъ, такъ какъ и во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами стремленіяхъ духа нашего, идущихъ въ безконечность, заключается къ бытію высочайшаго Существа съ этихъ двухъ сторонъ: а) кто вложилъ эти стремленія? кто, какъ не само безконечное существо — Богъ? потомъ б) кто можетъ совершенно осуществить идеалы, къ которымъ стремится духъ нашъ? никто другой, какъ тотъ, кто Самъ есть высочайшее благо, Кто—и свѣтъ для ума, и святость для воли, и блаженство для сердца.

7. Доводъ бытія Божія, заимствуемый изъ сознанія въ себѣ дѣйствія Божія.

Изъ опытныхъ доказательствъ бытія Божія самое сильное есть сознаніе въ себѣ дѣйствія Божія, когда человѣкъ ведетъ богоподобную жизнь. Это доказательство по дѣйствительности своей не есть всеобщее, но по тому предназначенію, чтобы всѣ люди вели богоподобную жизнь, оно есть всеобщее. Назначеніе всѣхъ—выражать въ себѣ совершенства высочайшаго Существа, одушевляться силою Его, непрестанно съ полною свободою готовностію исполнять Его волю,—такое предназначеніе всеобщее. Но въ дѣйствительности этотъ доводъ можно заимствовать отъ примѣра только немногихъ избранныхъ. А онъ-то сильнѣе другихъ увѣряетъ въ бытіи Божіемъ. Кто не сознаетъ въ себѣ дѣйствія Божія, въ томъ никакія сомнѣнія не поколеблютъ увѣренности, что

Богъ есть. Когда человѣкъ, по влеченію духа, стремящагося къ истинному, доброму и прекрасному, обрѣлъ своего Бога: то онъ посредствомъ божественной жизни получаетъ высшую увѣренность въ бытіи Бога, иначе сказать, пріобрѣтаетъ потребность вѣры въ такое Существо, которое есть высочайшая истина, святость и красота, или блаженство. Такая жизнь для духа человѣческаго есть *optima demonstratio Dei* (наилучшее доказательство бытія Божія). Потому, кто такъ живетъ, тотъ чрезъ общеніе своего ума, сердца и воли съ высочайшею истинною, святостію и высочайшимъ благомъ духа своего непрестанно становится ближе, знакомѣе, такъ сказать, съ Нимъ. А это сближеніе, это опытное взаимодѣйствіе, съ одной стороны привлеченіе силы Божіей, съ другой—подаваніе ея, съ одной стороны вопросъ, съ другой—отвѣтъ, съ одной—исканіе, съ другой—удовлетвореніе, это, сближеніе съ Богомъ сдѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ всякое сомнѣніе въ бытіи Его. Какъ чувственный человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи воздуха, который онъ безпрестанно вдыхаетъ и выдыхаетъ: такъ и духовный человѣкъ не можетъ усумниться въ бытіи Бога, когда изъ него почерпаетъ высшую жизнь свою. Чрезъ непрестанное возвышеніе къ Богу и оживленіе Имъ, человѣкъ получаетъ столько свѣта, жизни, твердости во всѣхъ своихъ поступкахъ, столько господства надъ собою, что онъ осознательно чувствуетъ бытіе Подателя сихъ благъ. Мое собственное бытіе уничтожится, если отнять у меня вѣру въ Бога. Далѣе, кто непрестанно съ возрастающею ясностію и вѣрнѣе слѣдуетъ святому закону, тотъ часть отъ часу становится въ духѣ своемъ прямѣе, чистосердечнѣе, сильнѣе въ противодѣйствіи: всѣмъ обольщеніямъ зла, и такимъ образомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе преобразуется въ живой, говорящій образъ Божества; и такой образъ, по указанію самосознанія, часть отъ часу яснѣе, удобнѣе и вѣрнѣе будетъ представлять Первообразъ, которому онъ подобенъ. Когда въ человѣкѣ, руководящемся въ жизни этимъ высочайшимъ началомъ, со дня на день прекраснѣе отражается Божественное: какъ онъ усумнится въ томъ, что выше его существуетъ то, что отражается въ немъ,

что онъ созерцаетъ въ себѣ? Непрестанно вознося духъ свой выше всего тлѣннаго къ непреходящему, онъ со дня на день болѣе и болѣе пріучается ощущать покой и миръ въ непреходящемъ—Богѣ, то-есть, часъ отъ часу не только дѣлается лучше въ нравственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, но и открытѣе блаженству, онъ еще на землѣ предвкушаетъ вѣчную жизнь. Какъ же усумниться ему, что есть вѣчная жизнь, и Владыка сей жизни? Вѣчная жизнь имѣетъ свое основаніе только въ Богѣ. Итакъ кто во временной жизни раскрываетъ въ себѣ начатки жизни вѣчной, тотъ имѣетъ въ нихъ залогъ внутренняго увѣренія въ бытіи Совершителя вѣчной жизни. Кто такъ живетъ, тотъ получаетъ со дня на день новыя сообщенія съ силами Божиими, и, укрѣпляясь ими въ вѣрномъ употребленіи принятыхъ даровъ, становясь болѣе и болѣе богоподобнымъ, видитъ, отъ кого приходятъ къ нему эти сообщенія. Не относить ихъ ни къ самому себѣ, ни къ другимъ какимъ нибудь условнымъ и конечнымъ причинамъ, а удостоверяется, что Богъ есть *summum bonum sui ipsius communicativum*—благо, любящее сообщать себя. Для него открывается Богъ необходимо, несомнѣнно существующимъ благомъ, какъ виновникъ истины и податель истиннаго познанія, какъ высочайшая святость и правда, податель святости и правды и мздовоздаятель святости, и наконецъ какъ высочайшее блаженство и въ себѣ самомъ, и для всѣхъ сотворенныхъ существъ. Итакъ, наилучшій путь къ увѣренности въ бытіи божіемъ можетъ заключаться въ этихъ немногихъ словахъ: живи такъ, какъ бы ты жилъ предъ очами Божиими, и ты не усумнишься, что есть Богъ; содѣлай себя образомъ Божества,—и ты будешь видѣть въ образѣ Первообразъ.

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГІЯ.

Божественною литургіею называется та церковная служба, въ которой священнодѣйствуется таинство тѣла и крови Христовой ^(а). Въ просторѣчій служба сія называется обѣднею. Это потому, что священнодѣйствуемая въ ней тѣло и кровь Христовы предлагаются для вкушенія вѣрующимъ, почему и Апостоль называетъ ихъ трапезою Господнею, вечерею Господнею (1 Кор. 10, 21; 11, 20).

Литургія имѣетъ преимущество предъ всѣми церковными службами. Ко всѣмъ церковнымъ службамъ относится обѣтованіе Христово: «гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посередъ ихъ» (Мѡ. 18, 26); потому что каждой церковной службѣ свойственно привлекать собраніе молящихся. Христосъ невидимо присутствуетъ въ каждомъ молитвенномъ собраніи вѣрующихъ, и не въ церковномъ только, а и въ до-

(а) Греческое слово *литургія* значитъ общественное служеніе. Въ священномъ писаніи литургіею называется иногда служеніе ближнимъ, благотворительность (Рим. 15, 26. 27; 2 Кор. 9, 12. Филип. 2, 30), иногда служеніе при алтарѣ (Лук. 1, 23 и 9), при жертвахъ (Евр. 10, 11), какъ это было въ ветхозавѣтной церкви. Въ богослужебномъ смыслѣ слово *литургія* издревле извѣстно по церковнымъ памятникамъ. Такъ въ дѣяніяхъ Ефесскаго вселенскаго собора литургіями называются вечернія и утреннія службы, т. е. весь кругъ суточного богослуженія (Посланіе къ императору о Кириллѣ и Мемнонѣ). Но въ особенности это названіе прилагается къ тому богослуженію, въ которомъ совершается таинство Евхаристіи, и съ теченіемъ времени исключительно ему одному усвоено, подобно тому какъ названіе Библии (*книги*) сдѣлалось исключительнымъ названіемъ книгъ св. писанія, по преимуществу ихъ предъ всѣми другими книгами.

машнемъ, внимая ихъ молитвамъ, во имя Его возносимымъ, и просвѣщая ихъ святымъ своимъ словомъ. Но если близокъ Онъ къ вѣрующимъ во всѣхъ церковныхъ службахъ и молитвенныхъ собраніяхъ, то еще ближе къ нимъ Онъ въ божественной литургіи. Тамъ Онъ присутствуетъ одною Своею благодатію, а здѣсь пречистымъ тѣломъ и кровію Своею, и не только присутствуетъ тѣломъ и кровію Своею, но и питаетъ ими вѣрующихъ, какъ мать питаетъ младенца млекою своимъ. Можно ли вообразить большую близость къ намъ Спасителя нашего? Столь высокой близости, являемой намъ, не сподоблялись во время земной жизни Спасителя самовидцы и непосредственные слушатели Его (если не имѣть въ виду однократно совершенной для 11 Апостоловъ Тайной вечери). Они имѣли счастье зрѣть Его лице, слышать изъ устъ Его слова жизни и спасенія, но Его пречистая кровь не текла въ ихъ жилахъ, Его пречистое тѣло не входило въ ихъ плоть, не оживотворяло и не освящало ихъ душъ. Сіе преимущество принадлежитъ только намъ, пріемлющимъ Христа въ Его тѣлѣ и крови, священно-дѣйствуемыхъ въ литургіи. Тѣ, которые своими ушами внимали Христу, слышали и ученіе Его о таинствѣ тѣла и крови Его,—Христось говорилъ имъ: «ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ» (Іоан. 6, 56). Но иное дѣло слышать обѣтованіе Христово и иное видѣть исполненіе его въ себѣ. Какъ блаженны тѣ, къ которымъ столь близокъ Господь Іисусъ въ Своихъ тайнахъ, совершаемыхъ за литургіею!

Но тѣло и кровь Христовы, священнодѣйствуемая въ литургіи, составляютъ не только таинственную пищу и питіе, а вмѣстѣ жертву за насъ. Христось принесъ за насъ жертву на крестѣ, и сія жертва, однократно принесенная, простираетъ свою спасительную силу на всѣ времена. Христось «однимъ приношеніемъ навсегда сдѣлалъ совершенными освящаемыхъ»

(Евр. 10, 14). Но для того, чтобы каждый изъ насъ могъ усвоить плоды искупительной крестной жертвы, Божественный Искупитель благоволилъ ежедневно являться среди насъ, въ священныхъ храмахъ, въ качествѣ безкровной жертвы, которая имѣетъ такую же силу предъ Богомъ Отцемъ, какъ и жертва крестная. Какъ на крестѣ Онъ исходатайствовалъ намъ прощеніе грѣховъ, помилованіе и освященіе; такъ и теперь, возлежа на святыхъ престолахъ въ Своемъ пречистомъ тѣлѣ и крови, Онъ въ силу Своей крестной смерти продолжаетъ ходатайствовать за насъ предъ Богомъ Отцемъ. Что тѣло и кровь Христовы, священнодѣйствуемая въ литургіи, дѣйствительно имѣютъ значеніе ходатайственной жертвы, это ясно видно изъ словъ самого Іисуса Христа. При установленіи Евхаристіи, сказавъ ученикамъ Своимъ: *примите ядите: сіе есть тѣло Мое*, Онъ присовокупилъ: *еже за вы ломимое* (а не вамъ ломимое); и, сказавъ, когда предлагалъ благословенную чашу: *пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь Моя новаго завета*, присовокупилъ: *яже за вы и за мноія изливаемая во оставленіе грѣховъ*. Тоже видно изъ словъ Апостола: «мы имѣемъ жертвенникъ, отъ котораго не имѣютъ права питаться служащіе скинии» (Евр. 13, 10). Здѣсь слово *жертвенникъ* неизбѣжно предполагаетъ существованіе жертвы, а слово *питаться* ясно даетъ разумѣть, о какого рода жертвѣ говоритъ Апостоль. Посему во всѣхъ литургіяхъ, начиная съ самыхъ древнихъ, Церковь исповѣдуетъ предъ Богомъ, что приноситъ Ему безкровную жертву *о всѣхъ и за вся*. И эта жертва есть не только умиловительная, но вмѣстѣ благодарственная и хвалебная, потому что преподаніе ученикамъ таинственнаго хлѣба и вина Установитель таинства предварилъ благословеніемъ и благодареніемъ Богу Отцу (Матѣ. 26, 26. 27), отчего и самое тайнодѣйствіе называется Евхаристіею (благодареніемъ).—На томъ основаніи, что Евхаристія

есть жертва, а не брашно только и питіе спасительное, литургія совершается не только тогда, когда есть причастники въ храмѣ, но и тогда, когда совсѣмъ ихъ нѣтъ, кромѣ одного священника. Ты не причащаешься, находясь за литургіею, за то присутствуешь при совершеніи спасительной для тебя жертвы, за то тебя и всѣхъ близкихъ къ тебѣ, живыхъ и умершихъ, поминаютъ при сей жертвѣ, и самъ ты съ большимъ дерзновеніемъ приступаешь къ престолу благодати, зная, что за тебя ходатайствуетъ кровь Божественнаго Агнца, священно-дѣйствующая въ altarѣ.

Великая важность тайнодѣйствія литургіи была причиною, что Іисусъ Христосъ, еще задолго до установленія сего тайнодѣйствія, далъ обѣтованіе объ установленіи его, подобно тому, какъ задолго до установленія таинства крещенія (Мате. 28, 19), Онъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ указалъ на таинство возрожденія. Случай къ произнесенію обѣтованія былъ слѣдующій. Однажды у моря Тиверіадскаго Онъ совершилъ великое чудо: пятью хлѣбами и двумя рыбами напиталъ пять тысячъ мужей, не считая женъ и дѣтей. Это чудо служило знаменіемъ того, что Христосъ пришелъ напитать алчущихъ и жаждущихъ правды, т. -е. оправданія предъ Богомъ, — даровать имъ сіе оправданіе. Народъ, бывший свидѣтелемъ сего чуда и чудесно насыщенный, не понялъ сего знаменія и неотступно слѣдовалъ за Іисусомъ Христомъ не по чувству нужды въ духовномъ насыщеніи, а желая видѣть только повтореніе чуда и получить тѣлесное насыщеніе. Тогда-то Господь изрекъ обѣтованіе о таинственной пищѣ тѣла и крови Своей. Онъ сказалъ своимъ слушателямъ: «старайтесь не о пищѣ тѣлесной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческій» (Іоан. 6, 27), и присовокупилъ: «хлѣбъ, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за животь міра» (— 51). Іудеи стали спорить между собою и

говорить: «какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть Свою (— 52)? Иисусъ, не обинуясь, сказалъ въ отвѣтъ на сіе: «истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго, и пить крови Его; то не будете имѣть въ себѣ жизнь. Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питіе.» (— 53. 55). Услышавъ сіе, многіе даже изъ учениковъ, постоянно слѣдовавшихъ за Иисусомъ, сказали: «какія странныя слова! Кто можетъ это слушать» (— 60)? и многіе тогда же, не вмѣстивъ ученія Христова о вкушеніи плоти и крови Его, оставили Его. Но постоянные Его спутники, двѣнадцать Апостоловъ, приняли съ вѣрою слова Его и устами Петра исповѣдали: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (— 68).—И каждый изъ насъ, слыша ученіе Спасителя о таинствѣ тѣла и крови Его, вслѣдъ за Апостолами долженъ покорить свой разумъ въ послушаніе вѣры. Пусть намъ непонятно, какимъ образомъ хлѣбъ и вино въ таинствѣ Евхаристіи становятся тѣломъ и кровію Христовою, по чудо любви Божіей, являемой въ семь таинствѣ, не перестаетъ быть чудомъ отъ того, что непонятно. Самое чудо насыщенія пятью хлѣбами множества народа тоже непонятно, какъ и всѣ чудеса, и не для того ли сотворено, чтобъ увѣровавшихъ въ сіе чудо предрасположить къ вѣрѣ въ чудесное, вышеестественное присутствіе Иисуса Христа тѣломъ и кровію подъ видами хлѣба и вина въ таинствѣ Евхаристіи? «Онъ нѣкогда, скажемъ словами св. Кирилла Іерусалимскаго (поуч. Тайновод. 4.), въ Канѣ Галилейской воду претворилъ въ вино, сходное съ кровію, и не достойно ли вѣры, когда вино прелагаетъ въ кровь?»—Мы не видимъ чувственными очами плоти и крови въ семь таинствѣ, зрѣніе наше не удостовѣряетъ насъ въ этомъ. Но подивимся не только всевластной силѣ нашего Спасителя и Господа, являемой въ преложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Его, но и

въ безпредѣльномъ снисхожденіи Его къ намъ. «Богъ, скажемъ словами св. Іоанна Дамаскина, знаетъ человѣческую немощь, которая многого съ неудовольствіемъ отвращается, когда оно не утверждено обыкновеннымъ употребленіемъ. Итакъ Богъ, по обычному Своему снисхожденію, чрезъ обыкновенное по естеству совершаетъ вышеестественное... Поелику люди обыкновенно въ пищу употребляютъ хлѣбъ, въ питіе воду и вино, Богъ съ сими веществами соединилъ свое Божество, сдѣлалъ ихъ Своимъ тѣломъ и кровію, чтобы черезъ обыкновенное и естественное мы участвовали въ сверхъестественномъ» (Точн. Изл. вѣры кн. 4. гл. 13).

Обѣтованіе объ установленіи таинства тѣла и крови Своей Іисусъ Христосъ исполнилъ въ навечеріе крестной смерти Своей, за день до праздника Іудейской Пасхи. Праздникъ сей, величайшій изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ праздниковъ, установленъ былъ въ память избавленія Евреевъ изъ египетскаго рабства. Онъ состоялъ въ заколеніи и яденіи однолѣтняго непорочнаго агнца съ горькими травами и прѣсными хлѣбами. Кровь закланнаго агнца должна была напоминать Евреямъ ту ночь, послѣднюю предъ исходомъ изъ Египта, когда по повелѣнію Божію двери ихъ жилищъ снаружи помазаны были кровію агнца, и ангелъ губитель проходилъ мимо жилищъ еврейскихъ, отмѣченныхъ симъ знакомъ, и поражалъ первенцевъ только въ сосѣднихъ египетскихъ домахъ. А опрѣсноки и горькія травы должны были напоминать Евреямъ посѣшное бѣгство ихъ изъ Египта и горькую судьбу ихъ во время долговременнаго пребыванія ихъ въ Египтѣ. Іисусу Христу, въ послѣдніе дни Его земной жизни, нельзя было праздновать пасху въ одинъ день съ іудеями. Онъ зналъ, что не доживетъ до этого дня, который приходился тогда въ субботу. Но Онъ пламенно желалъ въ послѣдній разъ съ Своими учениками, какъ отецъ съ дѣтьми, совершить это празднованіе, и пото-

му совершилъ его за день до Іудейской Пасхи, въ великій четвертокъ. Это было не только послѣднимъ Его празднованіемъ, но вмѣстѣ это полагало конецъ вообще ветхозавѣтной Пасхѣ. Агнецъ пасхальный прообразовалъ собою Іисуса Христа, Агнца Божія закланнаго отъ сложенія міра. Наступило время закланія сего Божественнаго Агнца на крестномъ жертвенникѣ и слѣдственно время упраздненія обрядовъ ветхозавѣтной пасхи. Они упразднялись впрочемъ не только въ день крестной смерти Его, но и вмѣстѣ въ предшествовавшей ему день установленія Евхаристіи, въ которой Онъ Самъ *Себе предпожре*, т. е. предварительно представилъ образъ крестныхъ своихъ страданій, и которую Онъ совершилъ вслѣдъ за совершеніемъ ветхозавѣтной пасхальной вечери. И не одна ветхозавѣтная пасха тогда упразднялась, но вообще упразднялся весь ветхій завѣтъ и вступалъ въ силу новый завѣтъ, новый порядокъ отношеній Бога къ человѣку во Христѣ. По-сему какъ ветхій завѣтъ, по обнародованіи условій его на Синаѣ, утвержденъ былъ кровію тельчею, о которой сказано: *сія есть кровь завѣта, егоже завѣща Господь къ вамъ* (Исх. 24, 8.), такъ и кровь Евхаристіи Спаситель назвалъ кровью Новаго Завѣта.

Евангелистъ Матвѣй такъ повѣствуетъ объ установленіи Евхаристіи: *ядущимъ же имъ (апостоламъ), приѣмъ Іисусъ хлѣбъ, благословивъ преломи и дающе ученикомъ и рече: примите ядите: сіе есть тѣло Мое. И приѣмъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси: сія бо есть кровь Моя новаго завѣта, яже за мноія изливаема во оставленіе грѣховъ* (26, 26 — 28. сл. Марк. 14, 22 — 24). О томъ же пишетъ св. апостоль Павелъ къ Коринѣянамъ: *азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше, приѣмъ хлѣбъ и благодаривъ, преломи, и рече:*

примите, ядите: сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сіа чаша, новѣй завѣтъ есть въ Моей крови: сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе (1 Кор. 11, 23—25. Слич. Лук. 22, 19. 20). Такимъ образомъ въ составъ тайнодѣйствія, установленнаго Спасителемъ, вошли: а) отдѣленіе хлѣба и вина для таинства; б) благодареніе Богу Отцу за всѣ благодѣянія Его къ роду человѣческому, особенно за благодѣянія искупленія, отъ чего и самое тайнодѣйствіе названо Евхаристією, благодареніемъ; в) благословеніе надъ хлѣбомъ и виномъ (1 Кор. 10, 16). Сіе благословеніе хотя заключаетъ въ себѣ мысль о хвалѣ Богу, но преимущественно выражаетъ желаніе, да дѣйствуетъ сила Божія надъ предложенными хлѣбомъ и виномъ; такое значеніе соединяется съ этимъ словомъ и дѣйствіемъ въ Писаніи (Евр. 11, 20. Гал. 3, 9. Мат. 14, 19); г) произнесеніе тайнодѣйственныхъ словъ: *сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, сіа есть кровь Моя, яже за мноія изливаемая*; д) преломленіе таинственнаго хлѣба и преподаніе его ученикамъ, какъ истиннаго тѣла Его; е) преподаніе имъ чаши съ кровію отдѣльно отъ таинственнаго хлѣба. Кромѣ того тайнодѣйствіе Спасителя заключено заповѣдію Его творить сіе въ Его воспоминаніе, также трогательною бесѣдою къ ученикамъ (Іоан. 14) и пѣніемъ, по всей вѣроятности, пасхальныхъ псалмовъ (113—118).

Заповѣдь Спасителя о совершеніи Евхаристіи въ Его воспоминаніе свято исполняема была во времена Апостольскія и будетъ исполняема, по слову св. ап. Павла, до втораго пришествія Христова (1 Кор. 11, 26). Евхаристія совершаема была при Апостолахъ ежедневно (Дѣя. 2, 42—46). Въ составъ тайнодѣйствія ея, сколько извѣстно изъ свидѣтельствъ повозавѣтнаго писанія, сличенныхъ съ свидѣтель-

ствами ближайшихъ къ апостольскому вѣку церковныхъ писателей ^(а), — по примѣру Спасителя входили благодареніе Богу Отцу, великому въ совершенствахъ и дарахъ благодати (1 Кор. 11, 26), и благословеніе хлѣба и вина (—10, 16). За симъ слѣдовало раздробленіе освященныхъ Даровъ и преподаваніе ихъ (1 Кор. 10, 16). Это главное. Къ сему присоединяемы были: 1) чтеніе священныхъ книгъ: Евангелія (2 Кор 8, 18) и апостольскихъ посланій (Кол. 4, 16); 2) духовное пѣніе. Кромѣ пѣснопѣній, взятыхъ изъ свящ. писанія, собраніе вѣрующихъ оглашаемо было пѣснопѣніями по непосредственному вдохновенію отъ святаго Духа, столь обыкновенному во времена апостольскія, обильныя духовными дарованіями (1 Кор. 14, 26); 3) поученія, которыя могли предлагать не одинъ предстоятель, но и другіе, чувствовавшіе въ себѣ способность къ тому и воззваніе Божіе (Дѣя 2, 42. 1 Кор. 14, 26—29); 4) молитвы вѣрныхъ, подъ руководствомъ предстоятеля, о себѣ и о всемъ мірѣ (Дѣя. 2, 42. 1 Тим. 2, 1. 2). Съ литургіею соединяема была трапеза братолюбія (αγάπη) (Дѣя. 4, 32. 34. 35. Іуд. 12. 1 Кор. 11, 20. 21). Она устроена была изъ остатковъ отъ хлѣбовъ, принесенныхъ для таинства Евхаристіи, и изъ другихъ приношеній богатыхъ людей, и соединяла богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ.

Составъ литургіи, бывшій при апостолахъ, послужилъ образцемъ и руководствомъ для литургіи во времена ближайшія къ апостольскимъ и послѣдующія, судя по свидѣтельствамъ о совершеніи литургіи въ сіи времена, сохранившимся въ писаніяхъ св. Іустина мученика, Тертуліана, Кипріана ^(б), также по древнимъ литургіямъ, извѣстнымъ съ

(а. б) См. это сличеніе въ книгѣ преосв. Филарета, а. Черниговскаго: Историч. обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греч. церкви. Стр. 4—6. 46.

именами апостола Іакова, евангелиста Марка, по литургіи помѣщенной въ Постановленіяхъ апостольскихъ, по литургіямъ Василія великаго и св. Іоанна Златоустаго и другимъ. Сходство этихъ литургій, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ, между собою и съ краткими свидѣтельствами о совершеніи литургіи въ писаніяхъ апостольскихъ и у церковныхъ писателей 2-го и 3-го вѣка, легко объясняется тѣмъ, что въ основаніи ихъ положенъ чинъ, преданный отъ апостоловъ. Правда, чинъ сей во времена апостольскія и въ ближайшія къ нимъ, во многихъ частностяхъ зависѣлъ отъ воли предстоятелей церкви, отъ ихъ усмотрѣнія и нерѣдко вдохновенія, столь свойственнаго симъ временамъ, но въ общемъ составѣ онъ сохранился неизмѣннымъ вслѣдствіе благоговѣнія къ авторитету апостоловъ, чрезъ постоянное употребленіе и устное преданіе. О семъ способѣ сохраненія апостольскаго чина литургіи прямо свидѣтельствуешь св. Василій великій: «Кто изъ святыхъ оставилъ на письмѣ слова призванія, коими освящается хлѣбъ въ Евхаристіи, и чаша благословенія? Мы недовольствуемся тѣмъ, что воспоминаеть апостоль и Евангеліе; но и прежде и послѣ говоримъ слова другія, которыя приняли изъ преданія неписаннаго, какъ имѣющія важность для самаго таинства» (О св. Дух. гл. 27).

Письменное изложеніе преданной отъ апостоловъ литургіи началось не раньше 3-го вѣка. Къ сему времени изыскатели христіанскихъ древностей относятъ вышеупомянутыя: литургію съ именемъ апостола Іакова, которая постоянно отправляема была въ Іерусалимской церкви, и до сихъ поръ совершается въ Палестинѣ, въ день памяти сего апостола; литургію съ именемъ евангелиста Марка, которая отправляема была въ Александрійской церкви; сходную съ ними литургію въ 8-й книгѣ Постановленій апостольскихъ. Съ 4 вѣка началъ входить въ употребленіе на всемъ православномъ востокѣ чинъ ли-

тургіи по изложенію св. Василія великаго и Іоанна Златоустаго. Литургія Василія великаго, по свидѣтельству патріарха цареградскаго Прокла, есть сокращеніе Іерусалимской апостола Іакова, которую въ свою очередь, по свидѣтельству того же писателя, еще болѣе сократилъ св. Іоаннъ Златоустый, по снисхожденію къ немощи современниковъ, тяготившихся продолжительностію литургіи древней и оттого иногда не посѣщавшихъ ея, или безъ усердія слушавшихъ ее. Впрочемъ обѣ литургіи въ послѣдствіи дополнены были нѣсколькими пѣснопѣніями и молитвами, которыя указаны будутъ въ своемъ мѣстѣ.

Чиноположенія литургіи Василія великаго и Іоанна Златоустаго, извѣстныя въ настоящемъ видѣ, состоятъ изъ трехъ частей: 1) изъ проскомидіи, 2) литургіи оглашенныхъ и 3) литургіи вѣрныхъ. Разсмотримъ каждую часть.

Свящ. В. Нечаевъ.

Р Ъ Ч Ъ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЪЙШАГО ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО, ВЪ ДЕНЬ (5 августа) СОВЕРШИВШАГОСЯ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО СВЯЩЕННО-НАЧАЛЬСТВЕННОГО СЛУЖЕНІЯ, ПРОЧТЕННАЯ ПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ ЛЕОНИДОМЪ ПРЕДЪ СОБРАНИЕМЪ ПРИВѢТСТВОВАВШИХЪ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО.

Досточтимые отцы и братія!

Достопочтенные господа и братія!

Нынѣшній день представляетъ для меня такія неожиданности, что мнѣ трудно опредѣлить и изъяснить мои мысли и чувствованія, и я пребылъ бы въ безмолвіи недоумѣнія, еслибы уваженіе и благодарность къ вниманію, съ такъ многихъ сторонъ теперь мнѣ оказываемому, не обязывали меня къ слову.

Но и слово мое, всегда немощное, ослаблено временемъ до того, что не можетъ достигнуть слуха сего собранія. Да будетъ позволено употребить для моего слова посредствующія уста.

Прежде всего удивляюсь тому, что вижу нынѣшній день. Скудная и въ равныхъ лѣтахъ силы, при немалыхъ трудностяхъ служебной дѣятельности, не общали мнѣ позднихъ лѣтъ. Непосвѣдимою волею Божіею ниспосланъ мнѣ даръ пятидѣсятилѣтняго служенія высшему строенію таинъ Божіихъ. Знаю только, что это даръ не воздаянія, а неизреченнаго милосердія и долготерпѣнія. Видно, хотя и *много пришельствова душа моя* (Пс. 119, 7), но еще не уготовала

себя, и еще требуетъ уготовленія, чтобы изъ пришельствія перейти въ отечество, въ которое всѣхъ насъ призываетъ Отецъ Небесный. Долготерпѣливе! Слава Тебѣ. Всемилосерде! Не отыми Твоя милости.

Къ неисповѣдимой волѣ Божіей отношу и то, что на нынѣшній предѣлъ совершившагося пятидесятилѣтія моего священно-начальственнаго служенія обращены благовольтельные взоры, даже отъ Высочайшаго Престола, даже отъ верховнаго священноначалія Россійской Церкви, еще же и отъ преосвященныхъ сопастырей, и отъ начальствъ и сословіи дѣятелей челоуѣколюбія и наукъ, и отъ общественныхъ учрежденій, и, что менѣе неожиданно, отъ духовенства и вообще братіи Церкви Московскія. Можетъ быть, угодно Провидѣнію Божію, чрезъ сіе частное явленіе въ церковной жизни, *сотворить знаменіе во благо* (Пс. 85, 17) вообще для поощренія подвижниковъ вѣры и Церкви, особенно благопотребнаго во дни, въ которые болѣе и болѣе омрачающій себя западный духъ непрестанно усиливается простираетъ мракъ и поднимать бури и на свѣтлый, святой Востокъ.

Я сказалъ, что менѣе неожиданно для меня сочувствіе духовенства и братіи церкви Московской. Это потому, что во все продолженіе моего здѣсь служенія видѣлъ и привыкъ видѣть сіе сочувствіе. Духъ любви къ святому служенію, мира и согласія, свободнаго послушанія всякому долгу и законному призванію въ сослужителяхъ моихъ, и въ православномъ народѣ послушаніе вѣры, усердіе къ богослуженію, щедрая готовность къ благоустроенію и украшенію храмовъ, къ попеченію о нуждахъ служителей Церкви, къ дѣламъ челоуѣколюбія и благотворенія, — постоянно облегчали и облегчаютъ мое служеніе, приносили и приносятъ мнѣ подкрѣпляющее утѣшеніе.

Но чѣмъ же на все сіе могу нынѣ съ моей стороны от-

вѣтствовать?—Господи, сотворившій для меня день сей! Твое да придетъ слово, благое и дѣйственное!

Благослови и благословляй святую ко святой Церкви любовь Благочестивейшаго Самодержца нашего; и да будетъ она всегда охранительною силой для благоденствія Царства Его и народа.

Осѣняй благодатію Твоею Святѣйшій Всероссійскій Синодъ; и посредѣ собирающихся въ немъ во имя Твое присутственъ буди, по Твоему вѣрному обѣщанію (Мат. 18, 20); да и въ семь соборѣ Твоемъ совершается, еже *изволяется Духу Твоему Святому* (Дѣян. 15, 28.), ради Церкви Твоя святыя.

Великій Архіерее, прошедый небеса, Единый Глава истинныя Церкви! Продолжи въ ней святое епископство, единомысленное въ истинѣ вѣры, единоедушное въ духовныхъ совѣтахъ, твердое въ храненіи догматовъ, правилъ и уставовъ церковныхъ, вѣрно руководительное въ путяхъ жизни.

Благословляй, Господи, православную Московскую Церковь, ея священноначаліе, священство, монашество и весь православный народъ, да не оскудѣваетъ *пастырь полагающій душу свою за овцы* (Іоан. 10, 11.), *іерей, котораго устниъ сохраняютъ разумъ* (Малах. 2, 7.) спасенія, мужъ знанія и наставникъ юношества, держащій и преподающій здравое ученіе вышесмысленныхъ началъ науки, поставляющей жизненное *начало премудрости страхъ Господень* (Прит. 1, 7.); подвижникъ, ходящій узкимъ и вмѣстѣ возвышеннымъ путемъ духа, сынъ вѣры, живущій по вѣрѣ, творящій дѣла вѣры, свободный отъ обаяній міра, отъ порабощенія духу времени.

Да будетъ, Господи, въ Россійской Церкви Тебѣ слава во вѣки.

ПРИВѢТСТВІЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ ФИЛАРЕТУ.

Привѣтствія, отвѣтомъ на которыя служила приведенная рѣчь Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, принесены въ Троице-Сергіевской лаврѣ. Прежде всего принесено было привѣтствіе отъ лица Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Царственнаго Дома оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, графъ Д. А. Толстымъ, который вслѣдъ за тѣмъ прочелъ высочайшій рескриптъ. Вотъ слова рескрипта:

«Преосвященный митрополитъ Московскій, Филаретъ!

«Нынѣ исполнилось пятидесятилѣтіе доблестнаго служенія вашего въ архіерейскомъ санѣ. Высокія дарованія, замѣчательные ученые труды, неустанная дѣятельность на благо духовнаго просвѣщенія и строгое христіанское благочестіе открыли вамъ путь къ высшему іерархическому поприщу, на которомъ, въ теченіе истекшихъ 50-ти лѣтъ, вы стяжали имя архіепастыря мудраго, ревностно и твердо правящаго слово истины, и неутомимо попечительнаго о пользахъ и нуждахъ Православной церкви. Вся жизнь ваша преисполнена неисчислимыхъ заслугъ не только каедрамъ, преемственно вамъ вѣреннымъ, но и для всего православія. Епархіальное служеніе ваше ознаменовано непрерывнымъ рядомъ заботъ о духовномъ преуспѣяніи паствъ, о развитіи и преумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвржденіи единовѣрія, о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, не перестающихъ получать отъ вашей щедрости обильныя средства къ возвышенію своего быта, и воспитавшихъ, подъ вашимъ бдительнымъ руководствомъ, многихъ достойныхъ пастырей и іерарховъ святой нашей церкви. Многочисленныя пастырскія писанія ваши, заключаая въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній русскаго православнаго юношества; въ то же время они перелагаются на чужеземные языки для научнаго и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ, и въ нихъ пріемиются съ уваженіемъ. Глубокая опытность ваша въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія содѣлала необходимымъ и драгоценнымъ ваше слово, совѣтъ и постоянное, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, участіе ваше въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству. Ваша пастырская попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра простираются далеко за предѣлы отечества и въ особенности на Востокъ, приобрѣтая вашему имени почетную извѣстность.

«Въ искреннемъ, душевномъ уваженіи къ вашимъ великимъ пастырскимъ заслугамъ, признавая справедливымъ почтить въ васъ, преосвященный владыко, старѣйшаго, заслуженнѣйшаго и именитѣйшаго святителя православной церкви, Всемиловѣйше предоставляю вамъ право, по кievскому обычаю, предношенія креста въ священнослуженіи, ношенія креста на митрѣ и двухъ анагій на персяхъ; одну изъ нихъ, особо изготовленную для васъ и украшенную драгоценными камнями, на брилліантовой цѣпочкѣ, Всемиловѣйше жалуя вамъ для ношенія по установленію. вмѣстѣ съ симъ, въ память незабвеннаго служенія вашего при императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и въ Мое Царствованіе, и въ вознагражденіе вашихъ заслугъ государственныхъ, препровождаю къ вамъ настоящія изображенія сихъ государей и Мое, соединенныя вмѣстѣ и осыпанныя брилліантами.

«Молю Бога, да сохранитъ Онъ святые дни вашей плодотворной жизни еще надолго, на пользу и славу отечественной церкви. Я увѣренъ, что объ этомъ же будутъ вознесены теплыя молитвы и по всей Россіи, благодарно чушей вашу святую жизнь и великія дѣянія.

«Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

-АЛЕКСАНДРЪ..

5-го августа 1867 г.

Въ Ливадіи.

За тѣмъ слѣдовало привѣтствіе Святѣйшаго Синода. Присутствующій въ Синодѣ, протоіерей I. В. Рождественскій, прочелъ слѣдующую грамоту Святѣйшаго Синода:

«Святѣйшій правительствующій синодъ синодальному члену преосвященному Филарету, митрополиту Московскому и Коломенскому и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры священно-архимандриту.

«Святѣйшій синодъ, братолюбно привѣтствуя старѣйшаго члена своего съ окончаніемъ пятидесятилѣтія архипастырскаго служенія, возноситъ усердное благодареніе верховному Пастыре-начальнику, явившему великое знаменіе благопромысленія о Святой Церкви въ долготѣ дней служенія вашего, въ широтѣ поприща многоплодной дѣятельности, въ высотѣ подвиговъ вѣры и любви христіанской и въ глубинѣ мудрости Богопросвѣщенной; вмѣстѣ съ тѣмъ молить Подателя жизни и сѣбла, да приложитъ вамъ дни на дни, чтобы на свѣтничѣ церкви и отечества нашего долго еще пребывалъ *свѣтильникъ горяй и свѣтлѣй*.

На подлинномъ подписали: *Исидоръ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. Филоевъ архіепископъ Тверскій и Кашинскій. Василій архіепископъ, членъ св. синода. Протопресвитеръ Василій Бажановъ. Протоіерей Іоаннъ Рождественскій.*

С.-Петербургъ, 30-го іюля 1867 г.

Потомъ принесли поздравленіе преосвященные, изъ которыхъ одни прибыли на торжество по приглашенію Святѣйшаго Синода: Владимірскій, Нижегородскій, Рязанскій, Тульскій, Калужскій и Тверскій, другіе съ разрѣшенія Синода: Ярославскій, Полоцкій и съ разрѣшенія Херсонскаго Архіепис-

копа Димитрія викарій его, епископъ Новоміргородскій. Велѣдъ за симъ, преосвященный Леонидъ, епископъ Дмитровскій, викарій Московскій, отъ лица Московской паствы привѣтствовалъ Митрополита слѣдующимъ словомъ:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

«Въ этомъ благоизбранномъ сонмѣ много сыновъ церкви Московской, готовыхъ лично Тебя привѣтствовать, но съ ними здѣсь, не лицомъ, а мыслію и сердцемъ, и вся Твоя Богоспасаемая паства.

«Твоему отеческому сердцу вѣдомо, что паства Твоя всегда съ Тобою духомъ.

«Она съ Тобою связана умиленнымъ воспоминаніемъ, что и рожденіемъ, и воспитаніемъ, и началомъ Твоего церковнаго служенія, Ты ей принадлежишь.

«Она съ Тобою, она Твоя — по живому чувству духовнаго единства съ Тобою, Пастыремъ ея — се, уже сорокъ шесть лѣтъ.

«Она съ Тобою, когда очами любви почитательной и преданности искренней слѣдуетъ она за Тобою по столь достойно-проходимому Тобою поприщу: молишься ли Ты и приносишь безкровную жертву о ней въ нашихъ древнихъ храмахъ, поучаешь ли ее Твоимъ глубокимъ словомъ, трудишься ли для ея внѣшняго и внутренняго благоустроенія; священное ли помазаніе Великаго Царя на царство совершаешь въ златоблещущемъ соборѣ Успенія, или среди дремучаго лѣса водворяешь пустынножителей; бесѣдуешь ли о истинѣ вселенской церкви съ пришедшими изъ-за дальнихъ морей искателями истины, или вразумляешь и въ лоно церкви возвращаешь отступившихъ отъ православія братьевъ; принимаешь ли высокія почести или проходишь подвигъ терпѣнія, скорбей и озлобленій; удивляешь ли мягкимъ и мудрымъ благоснисхожденіемъ къ уклоняющимся отъ стези правды, или являешь непреклонность въ охраненіи истины Христовой, спокойную готовность пострадать за нее до конца!

«Для внимательнаго взора очевидно общее въ паствѣ Твоей сочувствіе къ Твоимъ заботамъ и скорбямъ, къ твоимъ успѣхамъ и радостямъ.

«Нынѣ въ сей день торжества, въ Церкви столь необычайнаго, Твоя преданная паства всецѣло съ тобою въ духѣ молитвы.

«И въ градѣ Твоего святительскаго пребыванія, и въ градѣ Твоего рожденія, во всѣхъ святыхъ обителяхъ, городахъ и всѣхъ Твоей епархіи принесено торжественное благодареніе Богу за все, что Церкви Московской Всероссійской, Вселенской, Богомъ даровано въ Тебѣ въ прошедшемъ, и моленіе, да продолжится надолго, возможно долго, Твое земное жителство, въ возможно-лучшемъ здравіи, въ настоящей свѣжести душевныхъ силъ Твоихъ, въ крѣпости Твоего духа, въ мирѣ, благоденствіи и въ утѣшеніи плодами многообразныхъ трудовъ Твоихъ, особенно плодами являемыми въ житіи Твоихъ пасомыхъ, которые, говоря словами Твоего великаго предшественника святителя Филиппа, суть для Пастыря и отвѣтъ предъ Богомъ и вѣнецъ отъ Господа.»

За симъ привѣтствовали митрополита старшіе члены духовенства столицы и депутаты отъ духовенства прочихъ городовъ епархіи, и вообще отъ епархіальнаго духовенства представлено привѣтственное письмо съ 937 подписями, въ заключеніе котораго сказано слѣдующее:

«Въ чувствѣхъ благодаренія Господу, признательности къ Тебѣ, — достойному преемнику великихъ Московскихъ святителей, — въ память настоящаго дня мы просимъ Тебя, милостивѣйшій архипастырь, благо-

словить наше желаніе—поставить въ Московскомъ кафедральномъ соборѣ и соборахъ другихъ городовъ Твоей паствы иконы Св. Филарета Милостиваго и въ устроенномъ Тобою училищѣ для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, на все время его существованія обезпечить содержаніе семи воспитанницъ.»

Не исчисляя привѣтствій отъ множества другихъ лицъ и учрежденій духовныхъ и свѣтскихъ, приведемъ поздравительные адреса:

Отъ московской синодальной типографіи.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивѣйшій Отецъ и Архипастыр!

«Въ сомнѣ благодарно-вспоминающихъ пятидѣсятилѣтіе Твоего Архипастырства предстаетъ Тебѣ Московская Святѣйшаго Синода типографія. Она воспоминаетъ о Твоихъ твореніяхъ, высшимъ священноначаліемъ въ разныя времена ей преданныхъ, и исчисляетъ, что отъ нея одной и однихъ сихъ твореній востребовано было православною русскою паствой болѣе трехъ сотъ шестидесяти изданій и чрезъ сіи изданія болѣе двухъ милліоновъ двухъ сотъ тысячъ книгъ.

Бываютъ числа краснорѣчивѣе словъ.

«Въ день знаменательный счисленіемъ лѣтъ Твоего Святительства прими и сіе счисленіе въ удостовѣрительное знаменіе, что не вотще даровано было Тебѣ пройти толико долгое поприще служенія. Намъ, всему собору православныхъ, воспоминаніе о толикратно и толикочисленно засвидѣтельствованной потребности въ Твоемъ ученіи послужитъ новымъ побужденіемъ молиться о Тебѣ, право-правищемъ слово истины, да даруетъ Тебя Господь святымъ Божіимъ церквамъ еще и еще цѣла, честна, здрава, долгоденствующа.»

Отъ церковныхъ старостъ города Москвы.

«Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

«Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ Ты, уже знаменитый заслугами Церкви Архимандритъ, воспріялъ свитительскій санъ и эти полвѣка наполнилъ Ты новыми великими и многочисленными заслугами Церкви, Престолу и отечественному просвѣщенію.

«Твои великія заслуги пріобрѣли Тебѣ уваженіе Царей и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества.

«Мы съ благоговѣннѣмъ удивленіемъ и признательностью къ Тебѣ вспоминаемъ пройденное Тобою великое поприще и усердно благодаримъ Бога, даровавшаго Тебѣ силы совершить столь много для Церкви и Отечества и укрѣпляющаго Тебя Своєю благодатію. Со всѣхъ концовъ Россіи нынѣ стекаются къ Тебѣ изъявленія этихъ чувствованій и отголоски усердныхъ молитвъ, возбужденныхъ ими. Особенно же преисполнена ими Твоя Московская паства, на которую почти все полустолѣтіе ближайшимъ образомъ обращена Твоя свитительская дѣятельность, и которая по силѣ духовнаго союза съ Тобою по преимуществу именуетъ и чтитъ Тебя Отцомъ своимъ.

«Великій Святитель и Отецъ нашъ! Между разнообразными подвигами Твоего Святительскаго служенія, Ты преимущественное попеченіе всег-

да имѣлъ о нуждахъ вѣреннаго Тебѣ многочисленнаго духовенства. Ты положишь начало и особымъ благотворительнымъ учрежденіямъ для сей цѣли, которыя постоянно направляютъ своимъ непосредственнымъ участіемъ. Въ послѣднее время нужды духовенства возрастаютъ въ такомъ числѣ, что обнять ихъ средствами сихъ учрежденій едва ли представляется возможность, и мы осмѣливаемся думать, что будущность его возбуждаетъ въ душѣ Твоей тѣмъ большую заботу, чѣмъ ясне Ты видишь далеко несоотвѣтствіе между количествомъ средствъ и нуждъ.

«Нѣсколько гражданъ изъ Твоей паствы, призванные служить церквамъ Божиимъ, и потому ближе знакомые съ положеніемъ духовенства, возымѣли мысль ознаменовать настоящій благословенный для православной церкви день такимъ дѣйствіемъ, которое бы свидѣтельствовало предъ Тобою, сколь близко Твоя паства принимаетъ къ сердцу Твои святительскія заботы. Наилучшимъ для сей цѣли дѣйствіемъ признано было составленіе посредствомъ добровольной подписки капитала, который бы послужилъ основаніемъ эмеритальной кассы для пенсій духовенству Московской епархіи, на условіяхъ, которыя мы почтительнѣе просимъ дозволить намъ представить на Твое Архипастырское благоусмотрѣніе. Приступая къ исполненію сей мысли, мы не сомнѣвались, что доброе начинаніе будетъ встрѣчено съ сочувствіемъ, и теперь имѣемъ утѣшеніе засвидѣтельствовать, что увѣренность наша оправдалась: въ настоящее время добровольныя приношенія достигли количества двадцати пяти тысячъ пятисотъ рублей—суммы, которая представляетъ благонадежное основаніе для предполагаемаго дѣла.

«Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь нашъ!

«Среди безчисленныхъ изъявленій искреннѣйшей признательности къ Твоимъ заслугамъ, дозволь и намъ отъ лица Твоей паствы приблизиться къ Тебѣ съ сею жертвою.

«Для участниковъ сего приношенія нѣтъ бѣльшаго утѣшенія, какъ если Ты возвѣстиши имъ, что съ благоволеніемъ принимаешь начинаніе, принятое во славу Божию, на пользу Церкви. Благослови его Твоимъ святымъ благословеніемъ, въ силу котораго вѣруетъ Твоя паства: пусть оно, переходя изъ рода въ родъ и непрерывно возрастая въ силѣ, въ сопровожденіи Твоего имени и Твоего благословенія, поконитъ служителей церкви подъ сѣнью своею, и да хранится въ немъ на вѣки память Твоего Святительства.

Рѣшеніе ознаменовать благотвореніями сіе торжество выражено и въ нѣкоторыхъ другихъ адресахъ. Такъ Московское купеческое сословіе положило ежегодно препроводять на распоряженіе Его Высочайшаго Преосвященства по пяти сотъ рублей для раздачи пяти бѣднѣйшимъ студентамъ Моск. Д. Академіи. Моск. мѣщанское общество положило отпускать изъ общественныхъ суммъ на вѣчное время ежегодно по сту рублей сер на содержаніе въ богадѣльнѣ бѣднѣйшихъ лицъ дух. званія. Прихожане Моск. единовѣрческой Троицкой церкви положили на проценты съ 5000 р., заимствованныхъ изъ суммъ отъ состоящей при сей церкви типографіи, содержать трехъ

бѣдныхъ, но достойныхъ воспитанниковъ Московской семинаріи, съ наименованіемъ ихъ: «стипендіаты Филаретовы», и представили также Его Высокопреосвященству 3000 р., взятые также изъ типографскихъ суммъ, на содержаніе процентами двухъ сиротъ дѣвицъ дух. званія въ «Домѣ воспитанія дѣвицъ сиротъ духовнаго званія»,—съ наименованіемъ воспитанницъ «Филаретовыми».

Ожидаются привѣтствія отъ восточныхъ патріарховъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

МАЙ.

1867.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВѢЙШИХЪ СОБЫТІЯХЪ ВЪ РА- СКОЛѢ.

Недавно сообщили мы читателямъ довольно точныя свѣдѣнія о томъ, какъ старообрядческія духовныя власти, вмѣстѣ съ почетными лицами заграничныхъ старообрядческихъ обществъ, въ концѣ минувшаго года, производили судъ надъ своимъ митрополитомъ, сначала въ Бѣлой Криницѣ, потомъ въ Баташанахъ и наконецъ въ городѣ Яссахъ (а). Теперь намъ доставлено нѣсколько новыхъ, очень важныхъ документовъ, относящихся къ тому же дѣлу, которые, подтверждая справедливость прежде изложенныхъ нами свѣдѣній, съ тѣмъ вмѣстѣ пополняютъ ихъ многими, весьма любопытными подробностями (б). Здѣсь мы намѣрены познакомить читателей имен-

(а) См. февральскую книгу Душеп. Чт.

(б) Вотъ наиболѣе важныя изъ этихъ документовъ: 1.) Запретительная грамота Кириллу, подписанная въ Яссахъ 7 дек. 1866 г. 2.) Записка о первосвященникѣ, составленная Аркадіемъ Славскимъ и кромѣ его подписанная Аркадіемъ Васлуйскимъ и Іустиномъ Тульчинскимъ, 14 дек. 1866 г. 3.) Къ народу воззваніе о митрополитѣ, составленное, какъ по всему видно, также Аркадіемъ Славскимъ и подписанное всѣми находившимися въ Яссахъ, старообрядческими епископами, тогоже 14 дек. 1866 г. 4.) Письмо съ Дунаю, отъ 1 янв. 1867 г. 5.) Вопросительное посланіе московскихъ старообрядцевъ къ Кириллу, отъ 1 ноября 1866 г. 6.) Письмо О. С. Гончарова къ Антонію московскому изъ Яссъ, отъ 17 дек. 1866 г. Первые пять изъ этихъ документовъ, для вѣщаго удостовѣренія старообрядцевъ въ правдивости сообщаемыхъ нами свѣдѣній, печатаемъ вполнѣ, въ приложеніяхъ; а содержаніе Гончароваго письма все изложено будетъ въ самомъ текстѣ, и притомъ болшею частію подлинными его словами.

но съ этими подробностями, дополняющими нашъ прежній рассказъ.

Обиліемъ интересныхъ извѣстій отличаются особенно два документа, исключительно посвященные описанію бѣлокриницкихъ, баташанскихъ и яскихъ событій, именно: *Записка о первосвященникѣ* и *Письмо* извѣстнаго Осипа Семенова *Гончарова* къ Антонію московскому (Шутову), составляющее какъбы дополненіе записки, которая неоднократно отсылаетъ къ нему читателей (в). Записка составлена отъ имени заграничныхъ старообрядческихъ епископовъ и, какъ по всему видно, есть произведеніе Аркадія славскаго: она изобилуетъ находчивыми мыслями и замысловатыми выраженіями, вообще качествами, составляющими отличительную принадлежность сочиненій Аркадія. Гончаровъ же, какъ повѣствователь, извѣстенъ необыкновенной плодovitостью, передаетъ событія со всѣми мельчайшими подробностями и любитъ свой рассказъ прикрасить иногда острословіемъ (г); письмо его къ Антонію, отличается именно этими качествами и кромѣ того своими ядовитыми отзывами о Кириллѣ, какъ нельзя лучше показываетъ все презрѣніе, какое питаютъ къ нему сами старообрядцы.

«Мы, смиренные епископы, живущіе внѣ предѣловъ россійскихъ, сострадающіе братіи нашей россійскимъ епископамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, паче же церкви Христовой, которая погружается волнами чрезъ неискуснаго кормчаго и его соучастниковъ, мы предприняли путь въ Бѣлокриницкую митрополію съ упованіемъ склонить митрополита къ миру церковному, но миръ глубоко нарушенъ.» Такъ начинается Аркадій славскій, отъ имени всѣхъ заграничныхъ епископовъ, свою повѣсть о *первосвященникѣ*. «Еслибы у дерева повредились вѣтви, удобно бы изрѣзать таковыя; но дерево церковное увядаетъ отъ самаго корня. Еслибы корень не имѣлъ червія, и листвіе

(в) Поэтому надобно полагать, что записка о *первосвященникѣ* писана также для Антонія съ московскими старообрядцами, какъ и письмо Гончарова.

(г) Таковъ онъ наприм. въ своемъ сочиненіи: «первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла о устроеніи епископа.» Это сочиненіе есть не что иное, какъ рассказъ о первомъ появленіи австрійскаго священства у добруджійскихъ раскольниковъ.

его было бы зелено и плодъ красенъ. И російскіе іерархи поручили намъ узнать причину церковнаго плача» (д). Извѣстно уже, что съ этимъ порученіемъ отъ «россійскихъ іерарховъ» прибыли къ заграничнымъ Пафнутій казанскій и Ипполитъ, іеродиаконъ Варлаама балтовскаго. Когда они пріѣхали въ Славскій скитъ къ Аркадію, то немедленно, не смотря на позднее время, послали въ Журиловку за Гончаровымъ: этотъ досужій и опытный человекъ былъ нуженъ имъ для того, чтобъ устроить дѣло о паспортахъ для проѣзда за австрійскую границу. Старикъ не полѣнился пріѣхать въ ту же ночь и все устроилъ, какъ было нужно; онъ согласился также вмѣстѣ съ епископами совершить поѣздку въ Бѣлую-Креницу. «Прибыли ваши посланники въ Турцію въ Славскій скитъ къ епископу Аркадію, рассказываетъ самъ Гончаровъ въ письмѣ къ Антонію, и прислали поздно вечеромъ за мною въ скитъ; но я въ тую же ночь прибылъ къ нимъ, и тогда узналъ причину, что пріѣхали казанскій епископъ Пафнутій и диаконъ Ипполитъ, а причина ихъ проѣзда мнѣ была не извѣстна. Паспорты оне (они) не явили въ Тульчѣ; но я тую ночь съ нимъ (и) перночевалъ, и рано уѣхалъ въ Тульчу, и явилъ ихъ паспорты, а имъ у(в)зялъ турецкіе для проѣзда въ Нѣмечину. Всѣхъ паспортовъ было семь. И отправились парохомъ въ Галацы, а изъ Галаць сухопутомъ, подлежащій путь намъ до Бѣлой-Креницы».

Изъ Галаць, чрезъ Васлуй и Яссы, гдѣ присоединились къ нимъ и яскскіе депутаты, въ числѣ которыхъ находились яскскій протопопъ Георгій и извѣстный Василій Өоинъ (е), они доѣхали благополучно до австрійской границы, чрезъ которую были пропущены безпрепятственно. «И прибыли мы, рассказываетъ дальше Гончаровъ, близъ Бѣлой-креницы въ селеніе Климоуцы, и тутъ встрѣтился съ нами митрополитовъ совѣтникъ Іакинфъ; спросилъ у насъ: зачѣмъ вы ѣдете? А наши святители сказали ему: мы ѣдемъ за миромъ. А онъ на отвѣтъ имъ сказалъ: что же, вы и впредь (прежде) пріѣзжали и миръ дѣлали, и онъ вамъ подѣйствовалъ ли, или

(д) См. прилож. № II.

(е) Аркадій Васлуйскій съ Ипполитомъ отправились вмѣстѣ отдѣльно отъ другихъ.

нѣтъ?» Это была не добрая встрѣча: извѣстно уже читателямъ, какъ по милости этаго самаго Акинфа старообрядческіе архіереи, пріѣхавшіе судить своего митрополита, подверглись въ Бѣлой-криницѣ разнымъ оскорбленіямъ и выпровожены вовсе не съ честію. Аркадіева записка о *первосвященникѣ* и письмо Гончарова совершенно подтверждаютъ нашъ прежній рассказъ. Аркадій такъ описываетъ пріемъ сдѣланный ему и спутникамъ его въ Бѣлой-криницѣ: «Мы достигли до лживо смиренной особы (т. е. Кирилла)... Святитель окруженъ богочорчемниками, упоенными виномъ безумія, которые встрѣли насъ, не имѣя намордниковъ (sic), громко лаяли и пожирали недарованная имъ, объявили намъ цѣну цѣннаго, егоже оцѣниша сынове Израилевы. Общимъ гласомъ восклицали: что намъ хотите дати и мы вамъ продадимъ Христа? Степанъ (ж) попь назначаетъ цѣну 600 руб. сер., и все будетъ свято, т. е. святитель въ нашихъ рукахъ. Акинѣъ другимъ напѣвомъ отвѣчаетъ: мнѣ обѣщали со стороны Ефима Крючкова (з) 1000 р. сер., а вы должны дать болѣе. Новая Сусанна, т. е. соборъ епископовъ, не обратилъ вниманія на беззаконниковъ. Старецъ Кириль, продавая Христа, продавая и Духа Св., продалъ и себя, и онъ яко рабъ неключимъ на все согласился». Не такимъ высокимъ слогомъ, но за то подробнѣе передаетъ событія Гончаровъ. Онъ разказываетъ между прочимъ, какъ хлопоталъ у австрійскаго правительства о дозволеніи составить соборъ въ Бѣлой-криницѣ. «Мы прибыли въ Бѣлую-Креницу къ своебезобразному (sic) митрополиту и начали ему говорить, что надобно здѣлать соборъ. Митрополитъ сказалъ: у насъ нельзя быть собору, говорить: мнѣ у (въ) Черновцахъ губернаторъ лично сказалъ, что у насъ нельзя быть собору. Я послѣ этого отправился у (въ) Сереть къ фоштору, и фошторъ такжій сказалъ, что нельзя собору быть. А другъ вражій, а нашъ супостатъ Акинѣъ, разказалъ фоштору, что эти люди изъ Россіи, а пачпорты у нихъ взяты изъ Турціи; но я на это *милостію Божію* (!) далъ отвѣтъ.

(ж) Климоуцкій. См. о немъ въ предыдущей статьѣ стр. 78.

(з) Извѣстный агентъ *раздорнической* партіи, о которомъ нѣрѣдко упоминалось въ статьяхъ: «Соврем. движ. въ расколѣ.»

Послѣ этого мы посовѣтывали, чтобъ мнѣ отправиться въ губернію (sic), въ Черновцы, къ губернатору, и я по совѣту всѣхъ отправился къ губернатору, и губернаторъ-то сказалъ, что въ нашей державѣ не можно быть собору (и); и потомъ я прибылъ въ Бѣлую-Криницу, разказалъ, что губернаторъ не приказалъ быть собору.»

Однакоже, не смотря на запрещеніе губернатора, въ Бѣлой-криницѣ было сдѣлано одно соборное засѣданіе. Въ предыдущей статьѣ мы передали вѣрно главныя обстоятельства происходившаго на этомъ засѣданіи (i), но Аркадій и Гончаровъ описали его въ чертахъ болѣе яркихъ, не жалѣя красокъ на изображеніе безчинія и безобразія своихъ противниковъ. Приводимъ разказъ того и другаго. «Итакъ, пишетъ Аркадій, соборъ нашъ въ митрополии, т. е. пять епископовъ: 1) Васлуйскій, 2) Казанскій, 3) Славскій, 4) Балтовскій, 5) Тульчинскій, — предстали предъ лице первоверховника, и по его повелѣнію сѣдоша отъ иконъ по правую сторону; митрополитъ сѣдѣ отъ иконъ по лѣвую, и сѣдоша при немъ 1) дворникъ членъ полицейскій, 2) Акинфъ, 3) Дей Парамоновъ, 4) Перепелка и прочіе сѣдоша (к)... Епископы начали вести разговоры духовныя. Акинфъ пьяный на противъ каждое предложеніе начиналъ опровергать. Епископъ Аркадій до трехъ разъ обращался къ митрополиту, чтобы запретить пьянымъ вмѣшиваться въ дѣла архіерейскія. Новый Илій не обращалъ вниманія. Офній и Финіесь, умножая беззаконіе, оскверняли святилище, не пеклись о душѣ Іліевой, но бдѣли о печестіи. Дей Парамо-

(и) Объясненіе этого отказа Аркадій Славскій находитъ въ современныхъ обстоятельствахъ Австріи; «такъ какъ Австрійское правительство по случаю прошедшей войны запретило всякія собранія, боясь равныхъ заговоровъ, то не позволено и намъ имѣть соборъ въ Буковинѣ. (Записка о первосвященникѣ.)

(i) См. стр. 76, 77.

(к) Еще точнѣе обозначаетъ мѣста Гончаровъ: «Первое засѣданіе. Митрополитъ сѣлъ на первомъ мѣстѣ, а съ правой стороны сѣлъ архіепископъ Васлуйскій Аркадій, возлѣ его сѣлъ Казанскій епископъ Пафнутій, возлѣ его сѣлъ Славскій епископъ Аркадій, возлѣ его сѣлъ Тульчинскій епископъ Іустинъ, Тиссаго монастыря архимандритъ Евфросинъ, за нимъ возлѣ его яскій протоіерей и все духовенство; съ стороны сѣлъ Бѣлокрынской староста, возлѣ его Акинфъ, возлѣ его Дей Парамоновъ, возлѣ его Перепелка и прочіи, и всѣ «піяніи».

новъ вскочилъ отъ пѣдръ отеческихъ, аки вепрь; словами первосвященника и духомъ устъ его началъ ругать епископовъ, называя ихъ солдатами, и что ружья поломали, и прочими безумными глаголы навлекъ на себя и на первосвятителя 121 правило, иже въ Номоканонѣ: ибо верховный можаше воспретить, и не воспрещаше. Епископы и паки предлагали: изжени изъ собора пьяныхъ; но все было безъ успѣха. Келія претворилась въ толкучій рынокъ, или польскую корчму; уже не возможно было понять, человекъ ли неистовствуютъ, или морскія волны сражаются и истребляютъ корабли и погубляютъ души человѣческія. Первосвященникъ веселыми взорами всѣхъ осматривалъ; но епископы, видя себя въ опасности, встали съ мѣстовъ, сотворили три поклона ко св. иконамъ и четвертый предсѣдателю, и ушли въ келіи, щадя безчинствующихъ, да не прилагаютъ беззаконіе къ беззаконію. Нѣціи въ дверехъ начали удерживать; но святители отвѣчали, что не можемъ вмѣстить безчиннаго кричанія». Это витіеватое описаніе Гончаровъ въ своемъ простомъ и грубоватомъ разсказѣ дополняетъ новыми подробностями. «И начался, повѣствуетъ сей правдивый лѣтописецъ, разговоръ не духовный, а злобной, и начался шумъ и крикъ. Славскій епископъ Аркадій у(в)ставалъ до трехъ разовъ къ митрополиту, говорить къ нему: владыко, запрети пьянымъ кричать! Митрополитъ на это никакого вниманія не вмѣстилъ къ запрещенію имъ. А Пафнутій Казанскій епископъ началъ о дѣлахъ говорить митрополиту; а митрополитъ на Пафнутія закричалъ: ты печатку мою вырѣзалъ (л). А Пафнутій началъ оправдываться: вы это напрасно на меня говорите, — говорить, — я вашу печатку никогда не вырѣзалъ и не думалъ о томъ. А Дей Парамоновъ, какъ скаженной (бѣшенный) песь, закричалъ на епископовъ: солдаты! гдѣ ваши ружья? вѣрно поломали! Акинфъ и прочіи также вышли изъ благопристойности и злились на епископовъ. А митрополитъ молчить и слова имъ не говорить, но и самъ вмѣстѣ съ ними кричить на епископовъ. А епископы, видя митро-

(л) См. объ этомъ въ Кирилловой грамотѣ къ Антонію Московскому (Шутову), отъ 11 Окт. 1866, напечатанной въ предыдущей статьѣ (стр. 85—86)

полита обезобразившася и изумлена, начали выходить. И я послѣ всѣхъ пошолъ, и одинъ закричалъ: у(в)зять дубины и прогнать ихъ отсюда! И я ему на отвѣтъ сказалъ: *не достанетъ васъ, вашего и корня не останется, и званіе ваше ब्लюкрыницкое истребитя!* Послѣ этого взошелъ я одинъ къ митрополиту. Онъ началъ мнѣ говорить: зачѣмъ епископы ушли? А я митрополиту сказалъ: еслибы они не вышли, то бороды имъ подрали бы! А митрополитъ на это сказалъ: *мнѣ не первый разъ на соборахъ драться!* «Вотъ, смотрите, замѣчаетъ по этому случаю Гончаровъ, смотрите митрополитово разсужденіе и разумъ!» «Послѣ этого, продолжаетъ онъ, Степанъ Климоуцкій попъ началъ мнѣ лично говорить: дайте Акинфу шестьсотъ карбованцевъ (рублей), а митрополиту тысячу карбованцевъ, и тогда дѣло свято будетъ. А я только смотрѣлъ и удивлялся такому безумному ихъ выраженію. *Увы, горе съ такими непонятными и грубыми учителями и сребролюбцами!*»

Какъ ни храбрился могучій атаманъ некрасовцевъ, хоть и грозился съ корнемъ вырвать Бѣлую-Криницу, но все-таки понималъ онъ хорошо, что оставаться въ митрополіи не годилось, особенно послѣ того, что ему сказали и серетскій форштеръ и самъ черновицкій губернаторъ. Понимали это и пріѣхавшіе съ нимъ старообрядческіе епископы. Они упросили Кирилла пріѣхать на соборъ въ Молдавію, въ городъ Баташаны. Въ прежней статьѣ нашей было сказано, что ѣхать въ Баташаны Кириллу посовѣтовали Акинфъ и формосскій раскольникъ Прокопъ Лаврентьевъ, отселъ пріобрѣтающій не мало важное значеніе въ исторіи современныхъ старообрядческихъ раздоровъ за *Окружное посланіе* (м). На дѣлѣ было нѣсколько иначе, — по крайней мѣрѣ Акинфъ вовсе не сочувствовалъ Кирилловой поѣздкѣ въ Молдавію и употреблялъ разныя мѣры, чтобъ ей воспрепятствовать. Кириллъ уступилъ собственно настойчивымъ приглашеніямъ своихъ судей, которые изъ Баташанъ нарочно присылали за нимъ особую депутацію подъ предводительствомъ Гончарова, показавшаго въ этомъ случаѣ свою обычную порядигельность и энергію. «Мы жили въ Баташанахъ безъ

пользы, — пишетъ Аркадій; дни текутъ; первосвященникъ не является. Гончаровъ и съ прочими отправленъ просить верховнаго, чтобы пожаловать въ Баташаны. Сколько было труда Гончарову, онъ самъ не обѣдился описать». Онъ дѣйствительно не полѣнился со всѣми мельчайшими подробностями передать, какъ удалось ему разстроить козни Акинфа и добиться, чтобы Кирилль поѣхалъ въ Баташаны. Въ его безыскусственномъ разсказѣ какъ нельзя лучше обрисовались всѣ эти темныя личности, которыми окруженъ Кирилль, — эти Акинфы, Степаны и Никиты, даже нѣмецъ-форштеръ, состоящій въ стачкѣ съ ними, чтобы виѣстѣ обирать бѣлокриницкаго владыку, а чрезъ него и карманы московскихъ раскольниковъ (п). Читатели не поскучаютъ, если мы передадимъ вполнѣ длинный разсказъ Гончарова. «Мы всѣ переехали въ Баташаны и дожидались митрополита цѣлую недѣлю. Митрополитъ пишетъ къ намъ, что пасъ не даютъ мнѣ. Мы посовѣтовали всѣмъ соборомъ послать къ нему: и отправились мы — я, и дякъ ясской Агаѳонъ Ивановъ, и съ прокоповой стороны два человѣка (о), одинъ ху(фо)рмосскій Григорій Симоновъ, а второй баташанской Андрей Прокоповъ. И мы вторительно въ митрополию прибыли и явились митрополиту, и онъ намъ при первой встрѣчѣ объявилъ: пасъ не даютъ, а просятъ двѣсти австрицкихъ чирвонцовъ, — Акинфъ сказалъ, пасъ дадутъ, только нужно деньги». Гончаровъ и товарищи его сейчасъ же сообразили, что тутъ дѣло не чисто, что Акинфу представился случай нажитья при выправкѣ паспорта Кириллу, и этимъ случаемъ онъ хочетъ воспользоваться. Одинъ изъ товарищей Гончарова, яскскій Агафонъ Ивановъ, поѣхалъ нарочно въ Серегъ разузнать дѣло: оказалось, что Акинфъ дѣйствительно «не старает-

(п) Хорошо также описалъ общество, окружающее Кирилла, Аркадій Славскій въ *письмѣ съ Дуная*: «представьте себѣ не искуснаго невѣжду, не имѣющаго добрыхъ совѣтниковъ. Онъ окруженъ халдеями, которые его одураютъ, не кровь изъ него пускаютъ, но силу и злато изъ рукъ его похищаютъ и тѣмъ приобретаютъ себѣ имѣніе. Онъ несчастный старецъ, имъ во всемъ повинуются» (см. прилож. № IV.).

(о) Прокопъ Лаврентьевъ и самъ находился въ Баташанахъ (см. въ предыдущей ст. стр. 78.).

ся за пасы, а старается, чтобы деньги взять». Возвратившись изъ Серета, Агаѳонъ старался разъяснить все это Кириллу: Кириллъ ничему не хотѣлъ вѣрить. «И разсказаль онъ митрополиту, что это все Акинфъ дѣлаеть, хотить онъ деньги взять,— Агаѳонъ всталъ и началъ креститься предъ иконами: ей,—говорить митрополиту,— ежели я неправду говорю, чтобы духъ мой не возвратился ко мнѣ. А митрополить и самъ крестится и говоритъ: неправду ты говоришь, Акинфъ человѣкъ честный и хорошъ! Смотрите,— опять замѣчаетъ Гончаровъ,— смотрите митрополитовъ разумъ! своихъ собратіевъ и сослужбниковъ оставилъ, а съ мошенникомъ содружился!» «Потомъ, продолжаетъ нашъ повѣствователь, я началъ митрополиту говорить: вы со Акинѳою разоряете монастырь; а митрополить на это и вниманія никакого не имѣеть и отвѣта не далъ мнѣ». Что оставалось дѣлать Гончарову съ товарищами? Они взяли съ Кирилла обѣщаніе явиться въ Баташаны, какъ только получить паспортъ, а сами поѣхали ни съ чѣмъ изъ Бѣлой-Криницы. Но въ Серетѣ, когда Гончаровъ на возвратномъ пути явился получить паспорта, форштеръ сказалъ ему, что для Кирилла также полученъ паспортъ изъ Черновицъ. Это весьма обрадовало Гончарова; онъ придумалъ, двухъ товарищей оставить въ Серетѣ, а съ третьимъ ѣхать опять въ Бѣлую-Криницу, лично передать Кириллу пріятное извѣстіе и просить его безотлагательно ѣхать въ Баташаны. «Мы такъ и сдѣлали, разсказываетъ Гончаровъ, Агаѳонъ и Андрей остались у(въ) Серетѣ, а мы съ Григорьемъ поѣхали къ митрополиту И пріѣхали мы къ нему ночью и доложили митрополиту, что пасъ пришло. Онъ сказалъ: хорошо. Поутру рано призываетъ онъ Акинѳа и говоритъ ему: поѣзжай въ Серетъ, возми пасъ, а въ понедѣльникъ пораньше поѣдимъ въ Баташаны. И онъ послушался,— поѣхалъ у Серетъ, и съ фохторомъ переговорилъ, что можно въ этомъ дѣлѣ поантересоваться» (sic). Назадъ изъ Серета Акинфъ поѣхалъ въ Бѣлую-Криницу вмѣстѣ съ товарищами Гончарова, Агаѳономъ и Андреемъ, которымъ онъ сказалъ, что паспортъ Кириллу присланъ; но климоуцкому попу Степану, къ которому заѣхали на перепутье, онъ гово-

рилъ уже, что паспорта нѣтъ. По прїѣздѣ въ Бѣлую-Криницу онъ зашелъ сначала въ женскій монастырь, «старлицъ бунтовать, чтобы митрополита не пускали въ Баташани ѣхать», и потомъ уже явился къ Кириллу. «Митрополитъ спрашиваетъ у него: что, есть пасъ, или нѣтъ? А онъ ему сказалъ: нѣту». Это вывело Гончарова изъ терпѣнія, «я началъ ругать Акинфа; а онъ сказалъ: только тилиграфъ пришолъ, чтобы дать пасъ митрополиту, и еще нада посовѣтовать. Но даже и невмѣстимо описать всего», сознался наконецъ и самъ словоохотливый старообрядческій повѣствователь. Рѣшено было однакоже, что слѣдующимъ утромъ Кириллъ отправится въ путь со всей своей компаніей — съ сыномъ Никитой, съ Алимпіемъ, съ Степаномъ климоуцкимъ, чтецомъ Ѳеодоромъ и Акинфомъ. А Гончаровъ предположилъ выѣхать пораньше, чтобы въ Серетѣ разузнать, какъ онъ выражается, «акинфину кутерьму пашотъ паса». Но Акинфа провести было нелегко, онъ зорко слѣдилъ за противниками, и только что Гончаровъ отправился въ путь, какъ вслѣдъ за нимъ пустился и Акинфъ на своей бойкой лошади, которая далеко обогнала тройку Гончарова. Впрочемъ нашлись кони получше Акинфовыхъ. «Агафонъ и Григорій замѣтили его (Акинфа) лукавство и сѣли съ Степаномъ попомъ, — у него лошади настояще звѣри, — и догнали его въ Серетѣ. Акинфъ соскочилъ съ повозки и прямо къ шоштору: а Агафонъ и Григорій за нимъ. Онъ вскочилъ къ шоштору и моргнулъ (sic) ему: а они за нимъ. Онъ говоритъ: *нема паса*; и шошторъ говоритъ: *нема*. Мошенникъ мошенника по глазамъ узнаеть». Такимъ образомъ Гончарову не удалось предупредить козни Акинфа. Дѣло кончилось тѣмъ, что Кириллъ по векселю занялъ у жида пятьдесятъ червонцевъ и вручилъ своему «честному и доброму» Акинфу для доставленія шоштору. «Не могу сказать, прибавляетъ Гончаровъ, далъ ли ихъ Акинфъ шоштору, или нѣтъ, только, когда пришолъ отъ шоштора, сказалъ, что надо еще два ковра купить шоштору, червонцевъ по сорокъ, или по пятьдесятъ, со львами». За то паспортъ былъ полученъ и можно было ѣхать за молдавскую границу. Переѣздъ черезъ границу былъ тоже не безъ приключеній. Старо-

обрядческій лѣтописецъ передаетъ ихъ довольно забавно. «Послѣ этаго, пишетъ онъ, отправились у(в)Мигилень (пограничное мѣстечко). Уже ночь была; но пропустили насъ чрезъ рогатки, хотя и трудно было, но черезъ деньги пропустили; а лошадей назадъ у(въ)нѣметчину воротили, а митрополитъ въ коляскѣ сидитъ! Вотъ чудо было! Еслибы днемъ это случилось, то бы все мѣстечко сошло на видѣніе! Запряглись въ коляску попы и мужики, и давай возить по мѣстечку митрополита, по обычаю малыхъ дѣтей, какъ они другъ друга забавляютъ, до тѣхъ поръ возили, пока нашли квартиру, часа два или три на себѣ возили коляску съ митрополитомъ». Этимъ дорожныя приключенія не кончились. «Вотъ нашли квартиру, проджаетъ Гончаровъ, заѣхали, стали ночевать. Степанъ попъ Климоуцкій и Никита попъ Бѣлокриницкой, митрополитовъ сынъ, всю ночь прокутили (sic) отъ радости, что коляску возили. По утру рано отправились и остановились въ мѣстечкѣ Бычачемъ, стали обѣдать. Попы Степанъ и Никита между собою чуть не подрались, едва упросилъ я ихъ, а митрополита, чтобы кончалъ обѣдъ. Но, слава Богу, окончилъ! и выѣхали въ Баташаны. Народъ встрѣтилъ митрополита съ подобающею честію, какъ должно быть. Митрополиту квартиру отвели у Сидора Прокопьева, а епископамъ у брата его Ѳомы.»

Вотъ въ какомъ видѣ самъ историкъ старообрядецъ изобразилъ людей, которые должны были участвовать въ разсуженіяхъ о умиреніи старообрядчества, о догматахъ вѣры и церковныхъ канонахъ... Понятно, чего слѣдовало ожидать отъ такихъ миротворцевъ и судей. Пребываніе въ чужихъ владѣніяхъ, за предѣлами нѣмечины, нисколько не стѣсняло ихъ; и здѣсь они чувствовали себя, какъ дома; Бѣлокриницкія сцены не затруднились повториться и въ молдавскихъ Баташанахъ. «Въ здѣшнемъ городѣ, пишетъ Аркадій, было тоже, что и въ митрополіи, всего писать за излишне считаемъ, предоставлена подробность трудолюбивому Осипу Семеновичу Гончарову.» Трудолюбивый Осипъ Семеновичъ въ своемъ письмѣ къ Антонію дѣйствительно сообщаетъ нѣкоторыя подробности о происходившемъ въ Баташанахъ. «Вечеромъ, пи-

шетъ онъ, епископы послали меня къ митрополиту спросить у него, не можно ли имъ видѣться съ нимъ тотъ часъ. Митрополитъ сказалъ: пушай придуть, И такъ епископы всѣ пошли къ митрополиту. Пришедши подобающую честь ему отдали и съ прїѣздомъ поздравили, и спросили: когда будетъ соборъ дѣлать? митрополитъ сказалъ: завтра поутру.» Слѣдующій день прошелъ дѣйствительно въ горячихъ спорахъ съ Кирилломъ и его клеветами, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занялъ теперь Прокопъ Лаврентьевъ. «Утромъ собрались всѣ общества, — рассказываетъ Гончаровъ; а Прокопъ Лаврентьевъ, настояще какъ Арій, противъ всѣхъ упорствуетъ. И митрополитъ съ нимъ весь тотъ день говорили не соборно, но спорно и упорно. Только они щитомъ *Окружнымъ посланіемъ* защищаются: а епископы отвѣчаютъ: *мы окружное посланіе давно уничтожили, и истребили и подписали, чтобъ объ немъ и не говорить* (п). А Прокопъ говоритъ: у Россіи инъ Богъ, т.-е. у насъ одинъ Богъ, а у Россіи другой Богъ. И показываетъ книгу, а тамъ написано, совсѣмъ не о Богѣ рѣчь лежитъ, перваго чина по кормчей принимать, а онъ на Россію показываетъ (р); говорить, и самъ не знаетъ что. Ему показали отъ писанія, и онъ замолчалъ. А при томъ въ Москвѣ получили его руки письмо, что онъ писалъ въ Москву: антихристова

(п) Если Гончаровъ правильно передаетъ здѣсь рѣчи своихъ епископовъ (а судя потому, что письмо его было до отсылки въ Москву прочитано Аркадіемъ, надобно полагать, что онъ передалъ ихъ правильно), то рѣчи эти не дѣлаютъ чести епископамъ, особенно Аркадію Славскому и Пафнутію Казанскому, такъ горячо ратовавшимъ всегда за *Окружное посланіе*. И какъ они могли (вмѣстѣ) говорить, что *Окружное посланіе уничтожили и истребили* и въ то же время, вопреки ученію Прокопа, *доказывать*, что руссійская церковь подъ именемъ Иисуса чтитъ истиннаго Христа Спасителя? Не явное ли здѣсь противорѣчіе? Уничтожить *Окружное посланіе*, развѣ не значитъ *отказаться* именно отъ выраженаго въ немъ ученія, что подъ именемъ Иисуса «невозможно подразумѣвать иного Бога», что «руссійская купно и греческая церковь исповѣдуетъ подъ симъ именемъ того же Христа Спасителя?» Такъ пугаются въ противорѣчіяхъ даже разсудительнѣйшіе изъ старообрядцевъ, вращаясь въ средѣ старообрядчества.

(р) См. объ этомъ въ московскомъ *вопросительномъ посланіи*. (Прилож. № V).

мать чрезъ Гавріила освящена, и подписанъ на немъ митрополитъ Кирилль; а Москва за это дала имъ десять вопросовъ. Сперва митрополитъ и Прокопъ не признавались; а когда показали имъ подлинникъ, руки ихъ написанную бумагу, тогда они сознались и замолчали и такъ тотъ день кончили въ сопреніи. А митрополитъ съ епископами ни малѣйшаго совѣта не дѣлаетъ; а съ мужиками совѣтъ и утвержденіе! мужики кричатъ: и онъ съ ними; они замолчатъ: и онъ безгласенъ, какъ сумазбродный неукъ. Боженовъ (Прокопъ Лаврентьевъ) самъ кричитъ, и на прочихъ кричитъ: что вы не кричите! А митрополитъ хотя одному бы человѣку сказалъ: что вы кричите! И такъ той день окончили. Оставили собраться на другой день.»

Эти безобразныя пренія, какъ видно и изъ разсказа Гончарова, имѣли главнымъ своимъ предметомъ какое-то лжеученіе Прокопа, сего новаго Арія. Гончаровъ, искусный въ описаніи всякихъ событій, но, какъ видно, не слишкомъ сильный въ догматикѣ, изложилъ это ученіе, а равно и возбужденныя имъ пренія очень неполно и не совсемъ ясно. А дѣло между тѣмъ было не маловажное и заслуживаетъ вниманія. Читателямъ извѣстно уже, что Прокопъ Лаврентьевъ, живущій теперь въ молдавскомъ городѣ Формосѣ, русскій выходецъ, родомъ изъ посада Лужковъ (с). Другъ и собесѣдникъ извѣстнаго Конона, бывшаго епископомъ Новозыбковскимъ, Прокопъ еще въ Лужкахъ извѣстенъ былъ, какъ великій ревнитель раскола, которому преданъ былъ до фанатизма (т). Переселившись около 1856 г. къ заграничнымъ раскольникамъ, онъ и здѣсь явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ раскола, проповѣдникомъ ученій, проникнутыхъ крайнимъ раскольничьимъ фанатизмомъ. Нѣкоторые изъ его подвиговъ въ этомъ родѣ описаны въ письмѣ яскихъ старообрядцевъ къ московскому старообрядческому духовенству. Здѣсь говорится между прочимъ: «Сей Прокопъ, повидимому, издавна зараженъ духомъ гор-

(с) См. предыдуш. ст. стр. 73.

(т) Объ отношеніяхъ Прокопа къ Конону и вліяніи, какое имѣлъ на него этотъ послѣдній см. въ статьѣ: новый расколъ въ расколѣ (Соврем. Лѣтопись 1867 г. № 16).

дости и напоенъ ядомъ непокориваго дракона. По первоначальномъ прибытіи его къ намъ въ Молдавію мудрованіе его было противное здравому разуму за новопечатныя (о новопечатныхъ) въ единовѣрческой типографіи книги (книгахъ), пользоваться которыми онъ возбранялъ православнымъ христіанамъ, порицая еретическими, купно и иконы въ молитвенныхъ храмѣхъ заиралъ... Какъ у насъ правительство вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность вести при церквахъ запись родословія, то-есть метрику, то это онъ признавалъ за страшную ересь, чѣмъ и дѣлалъ въ народѣ велие возмущеніе и сомнѣніе... Мудруя тако, онъ именовалъ себя древлеправославнымъ христіаниномъ и причищался святыхъ таинъ Христовыхъ. Послѣ того спустя нѣкоторое время онъ безстрашно сталъ называть тѣ самыя тайны, коимъ пріобщался, мертвечиною зато, что священникъ въ началѣ проскомидіи творить соединеніе вина съ холодною водою, а по его мудрованію подобало быть теплою водѣ, и укорялъ несогласующихъ къ его богопротивному мудрованію... (у) и многихъ священниковъ завлекъ въ свое мудрованіе, за что нѣкоторые и пострадали наказаніемъ запрещенія отъ священнодѣйствія. Сей Прокопъ, нѣсколько лѣтъ, во святой постъ наравнѣ со всѣми христіанами у священника Саввы исповѣдывался и литургію стоитъ до времени причащенія, и когда начнутъ христіане причащаться, онъ отходитъ въ свой домъ и причащается своими тайнами, запасными изъ Лужковъ. какъ онъ говоритъ» (ф)

Изданіе окружнаго посланія дало новую пищу для его фанатизма. Прокопъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ рьяныхъ противуокружниковъ; онъ былъ участникомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ «раздорнической партіи, оставшихся наиболѣе памятными въ исторіи раздоровъ за *Окружное посланіе*. «Въ Прокопѣ духъ раздора не спитъ, пишутъ тѣже ясскіе старообрядцы. Кто ходатайствовалъ на испроверженіе мирнаго акта отъ 24 февр. 1864 года?» (х) — Про-

(у) Препускаемъ укоризны Прокоповы слишкомъ оскорбительныя для религіознаго чувства, хотя и относятся онѣ къ таинствамъ старообрядцевъ.

(ф) Яское письмо отъ 17 дек. 1866 г.

(х) Здѣсь разумѣются извѣстные акты: *мирная грамота и архипастырское посланіе*, изданныя 24 февр. 1864 г. Объ уничто-

копѣ. Кто просилъ убѣдительно митрополита Кирилла на прелюбодѣйственное поставленіе Киника, тьмою суевѣрія омраченнаго Антонія? (ц) Тотъ же Прокопъ». Свои подвиги противъ *Окружнаго посланія* Прокопъ Лаврентьевъ заключилъ вполнѣ достойнымъ его дѣломъ, составилъ сочиненіе, въ которомъ съ неслыханною доселѣ дерзостью изложилъ ученіе о Иисусѣ Христѣ въ смыслѣ совершенно противоположномъ изложенному въ *Окружномъ посланіи*. Происхожденіе этого сочиненія было слѣдующее. Нѣкоторые изъ московскихъ старообрядцевъ прислали Кириллу на разрѣшеніе вопросы, и между прочимъ слѣдующій: какъ намъ должно понимать о тѣхъ церквахъ, отъ которыхъ мы принимали крещеніе и хиротонію въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ? Вопросъ весьма искусительный для раздорниковъ, не желающихъ принять изложеннаго въ *Окружномъ посланіи* ученія, что великороссійская церковь, отъ которой старообрядцы въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ принимали крещеніе (т. е. не перекрещивали приходящихъ отъ нея) и хиротонію, вѣруетъ въ истиннаго Сына Божія *Исуса* Христа. Отвѣчать на этотъ вопросъ вмѣсто безграмотнаго Кирилла взялся Прокопъ. И здѣсь-то, въ своемъ отвѣтѣ, онъ изложилъ, вопреки ненавистному для него *Окружному посланію*, нечестивое ученіе, якобы церковь великороссійская вѣруетъ въ инаго *Исуса*, въ инаго Бога, въ антихриста (ч)... Содержаніе его отвѣта съ обстоятельностью изложено авторомъ московскаго *вопросительнаго посланія* и точно выражено имъ въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: *Исусъ* есть иное лице, именно то, о которомъ сказано въ евангелии: инъ придетъ во имя мое, т. е. антихристъ, мать его освящена (къ его зачатію) Духомъ Святымъ чрезъ архангела Гавріила; онъ распятъ на четвероконечномъ крестѣ;

женіи ихъ новою грамотой Кирилла, отъ 8 мая тогоже года см. «Современн. движ. въ расколѣ», изд. 1865 стр. 32: тамъ напечатана и самая грамота въ прилож. подъ № 1.

(ц) Разумѣется Гуслицкаго. О его поставленіи см. тамъ же стр. 43, 45.

(ч) Отношеніе Прокопова ученія къ ученію *Окружнаго посланія* и вообще значеніе его въ борьбѣ между «окружниками и раздорниками» мы изложили въ помянутой выше статьѣ: «новый расколъ въ расколѣ».

служители его приносятъ просфиру съ тисненіемъ двучастнаго креста (ш). Свое сочиненіе Прокопъ представилъ Кириллу, а Кириллъ утвердилъ какъ вполнѣ правильное и препроводилъ въ Москву, къ вопрошавшимъ его, съ собственноручно подписаннымъ посланіемъ, въ которомъ писалъ, что сочиненіе сіе, «отъ божественнаго писанія и святыхъ правилъ сочиненное» препровождается къ нимъ именно «во утвержденіе, чтобы не колебаться въ церковныхъ догматѣхъ (щ).» Получивъ посланіе Кирила и препровожденное при немъ Прокопово сочиненіе, московскіе старообрядцы, окружники, нашли это послѣднее «весьма страннымъ и недоумѣннымъ, такъ что «ужасно восколебались и смутились душами». Немедленно приступлено было къ составленію возраженій противъ изложеннаго въ сочиненіи Прокопа лжеученія о антихристѣ, дабы снова предложить ихъ на рѣшеніе Кирила. Эти возраженія, очень искусно составленныя въ формѣ вопросовъ, заключаются слѣдующими словами: «Сія десятирочныя вопрошенія наша посылаемъ вашему преосвященству мы смиреннии, во умѣ пріемше реченное: *вопроси отца твоего, и возвьститъ ти: и старцы твоя, и рекуть ти* (Второз. гл. 32); и просимъ васъ, именемъ Господнимъ, благоволите на вся оныя прислать намъ рѣшительныя отвѣты отъ священныхъ писаній, съ подробнымъ объясненіемъ и со указаніемъ на книгу и главу, дабы было намъ немощнымъ вразумительно и предъ Богомъ не погрѣшительно: понеже слышимъ писаніе, глаголющее: *не отъ писанія глаголяйтъ естъ и разбойникъ*». Ев. поучит. въ нед. 50 (ъ)». Все сіе происходило въ концѣ октября 1866 года, т. е. въ то самое время, когда Пафнутій Казанскій, послан-

(ш) См. прилож. № V. Надобно полагать, что въ Баташанахъ, во время преній съ епископами окружниками, Прокопъ еще полнѣе раскрылъ свое нечестивое ученіе, такъ какъ въ донесеніяхъ епископовъ мы находимъ новые пункты его ученія, о которыхъ не говорится въ *вопросительномъ посланіи* и которыхъ въ *отвѣтъ* Прокопа дѣйствительно нѣтъ, именно, что Иисусъ, или по его нечестивому ученію антихристъ, родился спустя 8 лѣтъ по Рождествѣ Христовѣ и что мать его была также Марія. См. *Воззваніе къ народу о митроп. и письмо съ Дуниа* (Прилож. № III и IV.)

(щ) Письмо Кирила отъ 15 сент. 1866 г.

(ъ) См. вопросит. посл. въ прилож. № V.

ный отъ московскаго «духовнаго совѣта» и заграничныя старообрядческія власти хлопотали о составленіи собора для суда надъ Кирилломъ. Въ Москвѣ справедливо разсудили, что посланіе Кирилла, вмѣстѣ съ сочиненіемъ Прокопа, а равно и составленныя противъ него возраженія, слѣдуетъ препроводить къ собравшимся на соборъ епископамъ, дабы они при судѣ надъ Кирилломъ приняли во вниманіе и новое, утвержденное имъ странное лжеученіе. Такъ и было поступлено. Надобно полагать, что всѣ эти посланные изъ Москвы документы получены были въ то время, когда злополучные судьи Кирилла около двухъ недѣль дожидались въ Баташанахъ своего подсудимаго (ы). Они имѣли достаточно свободнаго времени, чтобы оцѣнить всю дерзость и все печестіе принятаго Кирилломъ Прокопова лжеученія: объ немъ-то, какъ о предметѣ наиболѣе важномъ, и происходили, описанныя Гончаровымъ, бурныя пренія, въ которыхъ прошелъ весь первый день по пріѣздѣ Кирилла въ Баташаны.

Опровергнуть Прокопово ученіе было не трудно, особенно имѣя подъ руками составленныя въ Москвѣ возраженія. Но что говорилось противъ него во время преній, этаго Гончаровъ, какъ мы сказали, не передаетъ въ подробности; изъ его описанія видно только, что Кириллъ и Прокопъ остались при своемъ еретическомъ мнѣніи и что отвѣтомъ съ ихъ стороны на всѣ возраженія служили только ругательства и безобразныя крики. То же подтверждаютъ и другія извѣстія. Такъ въ *письмѣ съ Дуная* сказано: «пять нашихъ епископовъ, прибывшихъ къ митрополиту, разсматривая всѣ его заблужденія, наконецъ послѣднее зло, богоненавидимую ересь, отъ вѣка не слыханную (даже съ содроганіемъ пишу, бояся наказанія Божія, съ другой стороны страшусь молчать, дабы не отвѣчать въ день суда Божія), допросили его митрополита о означенныхъ пунктахъ (ь): посылалъ ли онъ ихъ

(ы) Эти-то документы и разумѣются въ вышенприведенныхъ словахъ Гончарова: «съ Москвы получили его (Прокопа) руки письмо, что онъ писалъ въ Москву: антихристова мать чрезъ Гавріила освящена,—и подписанъ на немъ митрополитъ Кириллъ; а Москва за это дала имъ десять вопросовъ».

(ь) Разумѣются шесть пунктовъ, въ которыхъ передъ этимъ изложено ученіе Прокопа: см. приложен. № IV.

въ Москву? равно спросили и Боженова: опъ ли ихъ сочинялъ? Тотъ и другой сознались, но покаянія не принесли».

Итакъ, первая баташанскія пренія, касавшіяся предмета весьма важнаго, ознаменовались только буйствомъ «Кирилловой дружины» (ѳ). На засѣданіе слѣдующаго дня, въ предотвращеніе подобныхъ безпорядковъ, предположено было не допускать уже этой буйной «дружины» и вообще никого изъ мірянъ; но эта предосторожность не спасла отъ повторенія прежнихъ безпорядковъ, даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ, о чемъ говорили мы и въ предыдущей статьѣ (э). «Было предложено, пишетъ Аркадій Славскій въ запискѣ о первосвященникѣ, чтобы одни епископы и священники съ митрополитомъ побесѣдовали о дѣлахъ церковныхъ. Епископъ Пафнутій началъ читать предложеніе митрополиту (ю), и только едва дошелъ до первой вины первосвященника, Стефанъ попъ вышелъ вонъ и объявилъ мірянамъ, что *рѣшаютъ* митрополита. Народъ въ азартѣ взомель въ соборъ епископовъ. Кириллъ, вставши со стула, сѣмо и овамо хождаетъ въ неистовствѣ, укорялъ соборъ, что осмѣлились обличить его, руками махалъ, показуя обиженнымъ себе отъ собора. Народъ, до крайности ожесточенный, вопилъ безчинные гласы. Читайте въ описаніи Гончарова» (я). Въ описаніи Гончарова читаемъ: «И паки собрались всѣ и предложили, чтобъ только одни епископы, и митропо-

(ѳ) Тогда же прочитано было составленное въ Москвѣ «достоверное свидѣтельство о различныхъ беззаконныхъ дѣйствіяхъ бывшаго епископа, нынѣ же изверженнаго и обиженнаго священнаго сана и званія, Софронія, о душевредномъ и богопротивномъ ученіи его и о возрастающихъ плодахъ его, исполненныхъ лицемерія, лукавства, злобы же и предательства». По одному этому заглавію можно судить и о самомъ содержаніи довольно объемистой рукописи, которую Кириллъ принужденъ былъ выслушать не безъ огорченія, ибо излагались дѣянія одного изъ ближайшихъ его сообщниковъ.

(э) См. стр. 78—79.

(ю) Т. е. обвинительный актъ противъ Кирилла, составленный въ Москвѣ и изложенный на сорока листахъ. См. о немъ въ предыдущей ст. стр. 70—71.

(я) Эта фраза именно показываетъ, что содержаніе сего «описанія», какъ мы выше замѣтили, было извѣстно Аркадію и прочимъ епископамъ.

лить и священники были. Вотъ они и вышли въ особую комнату; а мы остались въ другой. Епископы начали предложеніе митрополиту читать, гдѣ его всѣ недостатки прописаны. И дочитались до первой вины, — Степанъ и Еремей выскочили и отворили двери, гдѣ мы сидѣли (а уже были въ веселомъ духѣ), закричали какъ совершенно пѣяніи на мужиковъ: что вы смотрите? вѣдь митрополита хотятъ разстрѣчь! Тутъ мужики вскочили, отворили двери, закричали на митрополита: выходи вонъ владыко! что съ ними сидѣть? — Они хотѣли евангеліе поставить, чтобъ совсѣмъ растрѣчь. А дьякъ баташанскій Леонтій Ермолаевъ племянникъ Кирилла поблѣднѣлъ и кричить изступивши ума, — закричалъ на епископовъ: вы пришли не званые, а поѣдете драные! И потомъ сдѣлался шумъ, и кличь, и голда (голка) велика сотворися. А епископы, видя такое безобразное смятеніе и крамолу, разошлись всѣ по мѣстамъ.»

Описавши эту возмутительную сцену, журиловскій историкъ предается слѣдующимъ грустнымъ размышленіямъ: «этой порядокъ зависѣлъ отъ митрополита за неусмотренство и бесполезное снисхожденіе. Гдѣ подобало бы ему обещись во вся оружія и во броня правды, и стати храбрски противу лжи, а онъ упился невѣдѣніемъ и задремалъ и, которое въ рукахъ держалъ оружіе, испустилъ; а лжа подскочила и тѣмъ мечемъ ему голову отрубила. Что за митрополить, когда со своими посредственниками (?) и епископы ни малѣйшаго совѣта не дѣлаеть, но съ мужиками, да еще и пѣяными! По правилу святыхъ отецъ (?) крамольникъ, а не митрополить. Горе! горе! и, увы, бѣда! Первый столпъ церковный, и много уже затлѣлся. Что сотворимъ, да спасемъ, егда падеть? Аще со единовѣрными не могъ оказать подобающей благопристойности: если же припадутъ быстрины водъ еретическихъ теченій, како устоить? Не мню; обаче на первое да возвратимся».

Вотъ какія думы посѣтили главу старообрядческаго историка по описаніи событій, которыхъ былъ онъ непосредственнымъ свидѣтелемъ. Мы нарочно приводили вездѣ подлинныя его слова, чтобъ не дать нашимъ читателямъ изъ старообрядцевъ ни малѣйшаго повода запо-

дозрѣть насъ въ невѣрной передачѣ того, что происходило въ Бѣлой-Криницѣ и Баташанахъ: пусть они, по описаніямъ своего же собрата, судятъ теперь, до чего дошло ихъ возлюбленное старообрядчество въ лицѣ «перваго столпа» своего, и да поникнуть главами, повторяя вслѣдъ за своимъ историкомъ: горе, горе, и, увы, бѣда! А мы, говоря словами того же историка, «на первое возвратимся», то есть станемъ продолжать нашъ разсказъ.

Вечеромъ того самаго дня, когда «крамольники», окружавшіе Кирилла, такъ жестоко оскорбили прочихъ старообрядческихъ епископовъ, эти послѣдніе уѣхали изъ Баташанъ въ Яссы. Ихъ дѣйствія и распоряженія въ Яссахъ мы уже описали въ предыдущей статьѣ (ѳ). Аркадій, въ своей запискѣ *о первосвященникѣ*, передаетъ ихъ согласно съ нашимъ разсказомъ. «Мы прекратили съ митрополитомъ, пишетъ онъ, и духовныя и простыя сношенія. Того дня къ вечеру мы выѣхали въ Яссы. Ясскіе Василій Васильевичъ (Фоминъ) и прочіи, бывши съ нами въ митрополіи и Баташанѣ, приглашали митрополита къ освященію церкви. Но когда митрополитъ обличенъ въ ереси вышеозначенной, и притомъ видя и прочіе его безпорядки, ясскіе не зашли къ нему и проститься. Митрополитъ узналъ, что 8 декабря будетъ въ Яссахъ освященіе зимней церкви, написалъ 9 бумагъ, начиная отъ архіепископа и до іеродіакона Ипполита, овымъ выговоръ, а другимъ запрещеніе, и церковь бы не святили. Но соборъ не принялъ его одноличнаго запрещенія. Церковь освящена въ означенное число въ епархіи архіепископовой. Мы, получа оныя бумаги, рассмотрѣли ихъ и не нашли ни одного написаннаго правила; и мы отъ собора написали отвѣтъ, выставили вины его и что одинъ митрополитъ не можетъ налагать запрещеніе собору, а напротивъ соборъ вправѣ наложить ему запрещеніе отъ всякаго священнодѣйствія и дабы ожидалъ конечно объ немъ распоряженія.» Такого содержанія запретительная грамота Кириллу, дѣйствительно, была составлена и подписана въ Яссахъ 7 декабря 1866 года (v). Въ ней, на основаніи не только церковныхъ правилъ, но и грамоты

(ѳ) См. стр. 79—80.

(v) См. эту грамоту въ приложеніи № I.

Амвросія отъ 28 окт. 1863 г. (а), а также извѣстнаго Бѣлокриницкаго устава (б), Кирилль подвергнуть запрещенію и за прежнія свои вины, главнымъ же образомъ за свою новую «богоненавидимую ересь»: «блаженство ваше замѣчены были во многихъ, несоумѣстныхъ вашему званію и противныхъ священнымъ канонамъ (поступкахъ) и судились за то... не исправившеся учинили горшія, противныя божественнымъ правиламъ и вредныя св. церкви дѣйствія, кои будутъ объяслены въ конечномъ надъ вами рѣшеніи суда. Но нынѣ, увы, послѣдняя ваша вина оказалась горше первыхъ. Вы откровенною главою проповѣдуете богомерзкую ересь,—послали въ Москву листъ еретическій, который возмутить все православіе, и онъ присланъ къ намъ подлинникомъ допросить васъ, вами ли онъ посланъ. Вы же при всемъ соборѣ признались, но прощенія въ томъ не приносите... Соборъ нашъ, равно и всѣ россійскіе епископы, запрещаемъ васъ отъ всякаго священнодѣйствія, *впредь до большаго собора, который уже готовитъ вамъ рѣшительное и послѣднее опредѣленіе*». Кромѣ этой запретительной грамоты Кириллу, старообрядческіе епископы въ Яссахъ же составили и подписали, 14 декабря, двѣ слѣдующія бумаги: 1) Записку о митрополитѣ, для московскихъ старообрядцевъ, въ которой описаны бѣлокриницкія, баташанскія и яскія событія (в); 2) *Воззваніе къ народу о митрополитѣ*, извѣщавшее о наложенномъ на Кирилла запрещеніи и за что именно это запрещеніе наложено (г). И здѣсь главной причиной запрещенія поставляется ересь, въ которую вовлекъ Кирилла Прокопъ Лаврентьевъ. «И за такую ужасную ересь и за прочія дѣла соборѣ пять епископовъ запретили мы митрополиту отъ всякаго священнодѣйствія *впредь до большаго собора*, и посылаемъ россійскому собору на разсмотрѣніе и утвержденіе». Кромѣ того на Дунаѣ составлено было, 1-го января настояща-

(а) См. объ ней *Соврем. движ. въ расколѣ*, ст. V. (Русск Вѣст. 1864 г. № 2, стр. 769—772).

(б) «Въ уставѣ, *уже суть въ митрополіи*, написано... Правда ли, однако, что уставъ находится въ митрополіи?»

(в) См. прилож. № II.

(г) См. прилож. № III.

го 1867 года, однимъ изъ участниковъ послѣднихъ событій обширное письмо, имѣвшее цѣлю также извѣстить старообрядцевъ о сихъ печальныхъ событiяхъ и предупредить ихъ, чтобъ не слишкомъ ими смущались (д). «Епископы, сказано въ заключенiи этого письма, принимали разныя мѣры вразумить обезумѣвшаго старца; но все было тщетно, ибо онъ окруженъ янычарами. Наконецъ приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ, наложили на него соборное запрещенiе, запретили его отъ всякаго священнодѣйствiя *впредь до совершеннаго суда объ немъ, который изнесетъ на него конечно изверженiе изъ священнаго сана.* Прошу всѣхъ, кто будетъ читать сiю грамоту, или съ нея списанную копiю, не подуматъ того, чтобы старообрядцы были согласны слѣдовать неискусному кормчию и въ томъ не затрудняться, что такой человекъ правиль церковiю... Кириллъ паде со всѣми послѣдующими за нимъ; а здравомыслящiи пребываютъ во вѣки».

Нельзя оставить безъ вниманiя, что во всѣхъ этихъ бумагахъ, изданныхъ старообрядческими епископами въ предотвращенiе дальнѣйшихъ золъ, могущихъ послѣдовать отъ «неискуснаго кормчiя», говорится объ ожидаемомъ «большомъ соборѣ», на которомъ послѣдуетъ «рѣшительное и послѣднее опредѣленiе» о Кириллѣ, произнесется на него «конечное изверженiе изъ священнаго сана». Много видѣли мы у старообрядцевъ и большихъ и малыхъ, такъ-называемыхъ, соборовъ, и достаточно могли убѣдиться, что каждый изъ этихъ соборовъ вносилъ въ старообрядчество не миръ, а новое раздѣленiе. Смѣло можно предсказывать, что и будущему «великому собору» предстоитъ такая же участь. Миръ и союзъ между «окружниками» и «раздорниками» не можетъ состояться, особенно теперь, когда послѣднiе такъ рѣшительно высказались чрезъ своего Прокопа Лаврентьева. Конечнымъ изверженiемъ Кирилла будетъ положена только новая, еще болѣе рѣзкая черта между обѣими партiями, ибо «раздорники» со своимъ Антономъ, точно также и даже крѣпче будутъ держаться изверженнаго Кирилла, какъ теперь держатся запрещеннаго. Или на этомъ соборѣ «окружники» сдѣлаютъ, въ видахъ прими-

(д) См. прилож. № IV.

ренія, новую уступку раздорникамъ въ родѣ «истребленія» и «уничтоженія» *Окружнаго посланія*? Но это была бы мѣра, которая, не сблизивъ ихъ съ раздорниками, внесла бы новое смятеніе въ среду самыхъ окружниковъ. Остается одно—предоставить дѣламъ слѣдовать ихъ неизбѣжнымъ порядкомъ: раздорники пусть идутъ своимъ путемъ до послѣднихъ предѣловъ заблужденія, если только можно идти дальше того, къ чему пришли они, провозгласивъ устами Прокопа, или лучше, своего митрополита, якобы Іисусъ есть антихристъ, родившійся осмью годами позже Христа Спасителя, и прочія и прочія безумныя глаголы! Какъ знать? не устрашить ли ихъ и не заставитъ ли опомниться самая глубина ихъ паденія? Съ своей стороны «окружники», проникаясь болѣе и болѣе духомъ «*посланія*», да подходятъ ближе и ближе къ полному уразумѣнію истины. Соборы же, большіе и малые, не принесутъ ничего старообрядчеству, кромѣ новыхъ клятвъ, въ которыя, по псаломному изреченію, оно и теперь облеклося, яко въ ризу.

А между тѣмъ пока «окружники» готовятся къ *большому собору*, московскіе раздорники уже успѣли составить свой, конечно, малый соборъ. Онъ происходилъ въ Гуслицахъ, 25 января сего 1867 года, подъ предсѣдательствомъ Антонія, именуемаго Киникомъ, въ соприсутствіи десяти поповъ раздорнической партіи (е). Нужно ли говорить, что на немъ подвергнуто новымъ и новымъ проклятіямъ *Окружное посланіе* со всѣми приѣмлющими оное? Предъ нами актъ этого глаголемаго собора, и читая его, не знаешь, чему больше удивляться, ослѣпленію ли тѣхъ, которые произвели его на свѣтъ, или ихъ недобросовѣстности. Послѣдняя особенно ясно обнаружилась въ томъ, что *Окружному посланію* въ виду поставлены изреченія, которыхъ въ *истинномъ*, не искаженномъ *посланіи* совсѣмъ не находится. Такъ наприм. оно сильно обличается за то, что будто бы неправильно истолковало слова св. Германа патріарха, приведенныя въ сборникѣ на л. 315, примѣнивъ ихъ къ четырехъ-конечному

(е) Именно присутствовали слѣдующіе поны: Максимъ, Петръ Родіоновъ, Василій, Козма, Діомидъ, Никонъ, Ѳома, Агаѳоникъ, Ѳома, Павелъ.

архієпископа Антонія *раздорника* (и) да проклинають свой *раздоръ*, сиречь *Окружное посланіе*... и аще кто отъ православныхъ христіанъ сію ложную книжку (*Окружное посланіе*) будетъ за православную почитать по вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, *таковыя да будутъ прокляты*.

Какое изобиліе проклятій! и это еще только въ ожиданіи уготовляемаго окружниками «большаго собора!» А когда соборъ сей состоится и произнесетъ свой послѣдній и рѣшительный судъ надъ Кирилломъ и прочими раздорниками, ужели думаютъ епископы-окружники, что Кирилль не отвѣтитъ на ихъ клятву цѣлымъ потокомъ новыхъ проклятій? Еслибъ между старообрядцами нашелся человѣкъ, который принялъ бы на себя нелегкій трудъ подробно исчислить, сколько въ теченіе пятилѣтнихъ раздоровъ между защитниками и противниками *Окружнаго посланія* изречено было съ той и другой стороны всякаго рода проклятій, изверженій и запрещеній, онъ совершилъ бы дѣло весьма поучительное для старообрядцевъ. Отсюда увидѣли бы они, какимъ погибельнымъ богатствомъ надѣлили ихъ въ такое непродолжительное время ихъ клятволюбивые пастыри, и могли бы также съ достаточной ясностью усмотрѣть, чего и въ будущемъ надлежитъ ожидать имъ отъ этихъ пастырей и отъ окормляемаго ими старообрядчества.

И. Субботинъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

1.

Соборъ епископовъ въ Яссахъ митрополиту Кирилѣ.

Преосвященный митрополитъ Кирилъ! Мы, бывши во градѣ Яссахъ, получили пакетъ вашъ съ разными бумагами, которыя подписаны вашимъ именемъ отъ 4-го и 6-го декабря, мы полу-

(и) Т. о. это, по праву имъ принадлежащее, названіе *раздорниковъ* противуюжники хотятъ перенести на *окружниковъ*.

чили 6-го декабря вечеромъ, и разсматривали оныя, не находя въ нихъ ни единоваго правила св. Отець, но только одно ваше одиоличное любоначаліе, еже състь мати ересемъ. Того ради, мы ихъ не пріемлемъ и не признаемъ, яко съуть неправильныя. Мы вамъ отвѣчаемъ краткими глаголы, но ясными правилами апостольскими и отеческими, просимъ безъ презрѣнія вычитать и со вниманіемъ выслушать: прав. св. Апостоль 34 и собора Антіох. прав. 9, Карфаг. прав. 39. «Митрополитъ безъ воли и согласія всѣхъ епископовъ не можетъ творити общихъ дѣлъ церковныхъ ничтоже, ни епископа поставити, ни паки судити; ни крайній святитель, но епископъ перваго сѣдалища наречется». Толкованіе: «Святительскій убо санъ единъ есть и тойже на всѣхъ и не наречется: сой убо совершенъ святитель, инъ же не совершенъ святитель, но вси равны святители, вси епископы, якоже и благодать Св. Духа равно пріемше. Епископъ же иже въ митрополіи, яко первое имѣя сѣдалище, того ради и съ приложіемъ наречется: епископъ митропольскій, рекше, митрополитъ. Митрополія же мати градовомъ сказуется; митрополитъ же матери градомъ епископъ, рекше старѣйшаго града въ той области». Твое же блаженство не имѣеть града ни велика ни мала, обаче власть его, т.-е. ваша не простирается дальше предѣловъ своея епархіи. Аще бо приключится митрополиту священнодѣйствовать въ предѣлахъ сущаго подъ нимъ епископа, по повелѣнію онаго (епископа) сему быти подобаеть. Кормчія лис. 595; Іоанна Китр. отв. глава 3; Потребникъ большой лис. 743. «Къ сему подлежитъ, яко чловѣкъ, закономъ церковнымъ и вопреки священныхъ канонъ не можетъ творити ничтоже, и впадшій въ преступленіе подлежитъ суду собора епископовъ; не обличеннаго о грѣсѣ общенія лишилъ епископъ, лишенъ и самъ также общенія къ другимъ». Толкованіе: «Аще который епископъ причетника своего отлучитъ не обличенна бывша о грѣсѣ, но токмо отъ своея совѣсти осудитъ, и отлученъ будетъ, и самъ инехъ епископъ иже къ нему общенія лишится; яко да сохранится, еже вскорѣ ни когоже не оглагодати, егоже обличити не можетъ.» Сие за причетника. Что же будетъ, твоему преосвященству, осмѣлившемуся всѣхъ епископовъ безсловесно запрещати, самъ будучи ужасному запрещенію и низверженію подлежимъ, аще не покаяніемъ ускоришь примиритися съ епископы? Г-на нашего Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, умершаго во изгнаніи, мы хиротонію на васъ возложенную почитаемъ, аки ниспосланную свыше. Равно и его запрещеніе и проклятіе, также признаемъ за правильное. Онъ блаженнѣйшій отецъ писалъ тебѣ сие: «если ты, т.-е. митроп. Кирилъ, не примириться со всѣми боголюбивыми епископы и не принесешъ освященному собору прощеніе и раскаяніе о своемъ беззаконномъ дѣйствии, то я тебѣ правильно гласомъ церкви запрещаю отъ всякаго священнодѣйствія; если не послушаешь моего смиренія, то да будешь проклятъ отъ вышнѣ и до вѣка и послѣдующіе съ тобою». Но ты, владыко (свя-

тый), сіе запрещеніе и клятву ни вочто же вмѣнитъ; съ поправною совѣстью твориши всякое дѣло священнодѣйствія. Очисти свою душу и исправь первое свое запрещеніе, и тогда налагай законно и на прочихъ. Во уставѣ, иже суть въ митрополіи, написано въ ст. 4, сице: «егда же паче чаянія за нашимъ дѣйствительнымъ святителемъ послѣдуетъ какой-либо нетерпимый соблазнъ, чего Боже храни, тогда намѣстникъ его и прочіе духовные члены должны будутъ вступиться и отнюдь не допускать распространиться церковному раздору. Собравшись же въ совѣтъ да разсмотримъ дѣло какъ предъ престоломъ Божіа правосудія безпристрастно; и ежели свидѣтельствованное на святителя истиною окажется, тогда должно будетъ прежде келейно ему доложить. Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ совѣта вторично послать къ нему нарочныхъ двухъ или трехъ членовъ съ писаніемъ. Аще ли то безуспѣшно явится, да будетъ общій соборъ, который бы ему въ томъ рѣшительное предложеніе учинилъ, буде же и собору противнымъ отзовется, тогда да учинится соборный приговоръ съ достовѣрнымъ доказательствомъ. Тогда должны они будутъ таковаго святителя, по силѣ учиненнаго приговора, полнымъ соборомъ отъ всего завѣдыванія навсегда устранить». Въ примѣчаніи сказано: «аще ли же собравшись будетъ отвсюду духовенство, хотя бы и поставленія всѣ были вашего, убо могутъ по винѣ изъ сана твое просвѣщенство извергнуть на покой». Сей судъ вы сами подписали и утвердили и мы утверждаемъ; сія главизна даетъ полное право собору нашему произвести надъ вами полный судъ и учинить по дѣламъ воздаяніе безпрекословно. Понеже блаженство ваше замѣчены были во многихъ несовмѣстныхъ вашему званію и противныхъ священнымъ канонамъ (посгупкахъ?) и судились за то священнымъ всероссійскимъ соборомъ 1863 года и по снисхожденію помилованы въ надеждѣ вашего исправленія на лучшее; но вы не исправившися учинили послѣ того горшія противныя божественнымъ правиламъ и вредныя св. Церкви дѣйствія, кои будутъ объяснены въ конечномъ рѣшеніи надъ вами суда. Но нынѣ, увы, послѣдняя ваша вина оказалась горше первыхъ. Вы откровенною главою проповѣдуете богомерзскую ересь; послали въ Москву листъ еретическій, который возмутилъ все православіе, и оны присланъ къ намъ подлинникомъ допросить васъ, вами ли оны посланъ. Вы же при всемъ соборѣ сознались, равно и сочинитель Прокопъ Лаврентьевъ также сознался; но прощенія въ томъ не приносите, но и паки властительски налагаете на весь освященный соборъ запрещеніе и всеу труждаетесь разсылать свои бумаги. Вы сами уже писали въ Россію, что вы не будете намъ писать никакихъ бумагъ, а потомъ пишете и симъ подпали подъ правило 13 Карф. соб. глаголющаго: «А ежели своему исповѣданію или писанію противится, таковый своя чести да будетъ лишень, рекше извержень». Сей краткій отвѣтъ посылаемъ нашему блаженству и вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ нашъ, равно и всероссійскіе епископы

запрещаемъ васъ отъ всякаго священнодѣйствія впредь до большаго собора, который уже готовить вамъ рѣшительное и послѣднее опредѣленіе.

Къ сему вышеписанному засвидѣтельствуемъ:

Смиренный Аркадій архіепископъ васлуйскій. Въ лицъ всѣхъ россійскихъ епископовъ уполномоченный духовнаго совѣта членъ, смиренный епископъ Пафнуцій казанскій. Епископъ Аркадій славскій. Въ лицъ епископа Варлаама, іеродіаконъ Инполитъ. Смиренный епископъ Іустинъ тульчинскій.

Декабря 7 дня 1866 года.

II.

О Первосвященникѣ.

Мы, смиренные епископы, живущіе въ предѣловъ Россійскихъ, сострадающіе братіи нашей Россійскимъ Епископамъ, и всѣмъ православнымъ христіанамъ, паче же церкви Христовой, которая погружается волнами чрезъ неискренняго кормчаго и его соучастниковъ, мы предприняли путь въ Бѣлокриницкую митрополию съ упованіемъ склонить митрополита къ миру церковному, но миръ глубоко нарушенъ. Митрополитъ уже разослалъ письма мятежникамъ, а они въ коніяхъ, размножая, увѣряютъ; что будто всѣ православные епископы отступили отъ православія, и митрополитъ пишетъ, чтобы изъ тѣхъ, живо оклеветанныхъ отступленіемъ, обращающихся къ нимъ, принимать третьимъ чиномъ. Митрополитъ признавая себя, Софронія и Антонія Гуслицкаго, соблювшими православіе, торжественно изъявилъ свое заблужденіе, которое они едини называютъ православіемъ: 1-е, яко Іисусъ есть инъ Богъ, но безпоповскому понятію есть антихристъ. 2-е, родился онъ по Христовѣ Рождествѣ чрезъ 8 лѣтъ. 3-е, и что будто мать его, т. е. антихристова, освящена къ зачатію нашествіемъ Святаго Духа словомъ Архангела Гавріила. 4-е, и будто сей противникъ распятъ на крестѣ, и прочія безчисленныя заблужденія. Сицевыми догматами митрополитъ себя оградилъ и есть неприступенъ; церковь же Христова поношеніе претерпѣваетъ отъ всѣхъ сосѣдей своихъ, раздробляется на части, чада церковныя между собою не согласуютъ и другъ друга не познавають и одинъ другаго укоряютъ, смущается море христіанское. Еслибы у древа повредились вѣтви, удобно бы изрѣзать таковыя, но древо церковное увядаетъ отъ самаго корня. Еслибы корень не имѣлъ червія, и листвіе его было бы зелено и плодъ красенъ. И россійскіе Іерархи со всѣмъ христіанствомъ поручили намъ узнать причину церковнаго плача. Мы достигли до живо-смиренной особы; онъ въ грамотахъ именуется себя верховнымъ святителемъ; сіе титуло его еже именовати себя верховнымъ есть крайнее безуміе. Въ царскихъ грамотахъ мы видимъ, что Цари не именуютъ себя Высочайшими, но тако: мы Александръ,

или мы, Николай, и прочіе министры, губернаторы и прочіе подобныя ищуть: по Высочайшему повелѣнію или по указу Его Величества. Митрополитъ Кирилъ, когда имѣлъ близъ себя Павла и прочихъ подобныхъ, тогда наименовалъ самъ себя верховнымъ, но смиреннымъ. Когда же новое поколеніе, т. е. Іоасафъ, Филаретъ, Сергій, Іоакимъ, Стефанъ и прочіе подобные назвали его неограниченнымъ; они и начали писать титулъ его сиче: отъ Верховныхъ святителя; должны бы и подписывать грамоту сами Іоасафъ, или Филаретъ или Акинфъ, вовлекли старика въ паутину, а сами разошлись со смѣхомъ (а). Святитель видитъ себя окруженнаго «богочорчемниками, упоенными виномъ безумія, которые встрѣли насъ, не имѣя намордниковъ, громко даяли и пожирали не дарованная имъ, объявляли намъ цѣну цѣннаго, Егоже оцѣниша сынове израилевы: общимъ гласомъ восклицали: что намъ хотите дати и мы вамъ продадимъ Христа? Степанъ попъ назначаетъ цѣну 600 руб. сер. и все будетъ свято, т. е. святитель въ нашихъ рукахъ. Акинфъ другимъ напѣвомъ отвѣчаетъ: мнѣ обѣщала со стороны Ефима Крючкова 1000 рубл. сер. а вы должны дать болѣе. Новая Сусанна, т. е. соборъ епископовъ не обратилъ вниманія на незаконниковъ. Старецъ Кирилъ, продавая Христа, продавая и Духа святаго, продалъ и себя: и онъ, яко рабъ неключимъ на все согласился, вопрошаетъ владѣльцевъ своихъ: что я буду отвѣчать вопрошающимъ мя. Его научили: ты держись за окружное посланіе, имѣй его своимъ щитомъ и цѣль будешь; еще тебѣ дадимъ, чѣмъ побѣждать враговъ: 1-е слово, тверди, яко Иисусъ есть ины Богъ, 2-е родился онъ по Х. Рождествѣ спустя 8 лѣтъ, 3-е что мать его освящена Архангеломъ Гавріиломъ, 4-е, помни, что сей противникъ распятъ на двучастномъ крестѣ. И такъ соборъ нашъ въ митрополіи т. е. 5 епископовъ: 1-й Васлуйскій, 2-й Казанскій, 3-й Славскій 4-й Балтовскій, 5-й Тульчинскій предстали предъ лице верховника, и по его повелѣнію сѣдоша отъ иконъ по правую сторону, митрополитъ сѣдъ отъ иконъ по лѣвую и сѣдоша при немъ 1-й дворникъ, членъ полицейскій, 2-й Іоакимъ, 3-й Дей Парамоновъ, 4-й Пирипелка, и прочіе сѣдоша; но Евангелію первосвященникъ не позволилъ предложено быти ни на единомъ за сѣданіи двоихъ ради винъ, и какъ въ послѣдствіи открылось: первое дабы не объявили митрополиту изверженіе, 2-е приготавлиаясь къ бунтамъ одержать побѣду. Епископы начали вести

(а) Будто Акинфъ также оставилъ Кирилла, какъ Іоасафъ и Филаретъ? А кто же, какъ не Акинфъ, доселѣ управляетъ и митрополитомъ и митрополіей раскольниковъ? Такимъ образомъ велемудрый Аркадій, желая унижить Филарета и Іасафа, какъ мнимыхъ сообщниковъ Акинфа, самъ выдаетъ въ явную несообразность. Притомъ же Аркадій недобросовѣстно сказалъ здѣсь совершенную ложь. *Верховнымъ святителемъ* назвали бѣлокриницкаго митрополита не Іоасафъ и Филаретъ, а сами основатели бѣлокриницкой іерархіи, Павелъ и Алимпій, о чемъ Аркадій, цитующій *бѣлокриницкій уставъ*, можетъ видѣть во всѣхъ современныхъ Павлу и послѣдующихъ актахъ.

разговоры духовные, Акинфъ пьяный, напротивъ каждое предложеніе начиналъ опровергать. Епископъ Аркадій до трехъ разъ обращался къ митрополиту, чтобы запретить пьянымъ вмѣшиваться въ дѣла архіерейскія.

Новый Ілій не обращалъ вниманія; Офній и Финіесь, умножая беззаконіе, оскверняли святилище, не пеклись о душѣ Іліевой, но бдѣли о нечестіи. Дѣй Парамоновъ вскопичъ отъ нѣдръ отеческихъ аки вепрь, словами первосвященника и духомъ усть его началъ ругать епископовъ, называя ихъ солдатами и что ружья поломали и прочими безумными глаголы, навлекъ на себя и на первосвятителя 121 прав., иже въ номоканонѣ; ибо верховный можетъ воспретить, и не воспрещаетъ. Епископы и паки предлагали: изжени изъ собора пьяныхъ; но все было безъ успѣха. Келія претворилась въ толкучій рынокъ или польскую корчму; уже не возможно было понять, человѣцы-ли неистовствуютъ или морскіе волны сражаются и истребляютъ корабли и погубляютъ души человѣческія. Первосвященникъ веселыми взорами всѣхъ осматривалъ, но епископы, вида себя въ опасности, встали съ мѣстовъ, сотворили 3 поклона ко св. иконамъ и 4-й предѣдателю и ушли въ келіи, щадя безчинствующихъ, да не прилагаютъ беззаконію къ беззаконію. Ілій въ дверехъ началъ удерживать и упрасивать, но святители отвѣчали, что не можемъ вмѣстить безчиннаго кричанія. Такъ какъ австрійское правительство по случаю прошедшей войны запретило всякія собранія, боясь разныхъ заговоровъ, то не позволено и намъ имѣть соборъ въ Буковинѣ; а посему мы по общему съ митрополитомъ согласію и переѣхали въ Молдовалахійское Княжество, въ городъ Ботушаны. Мы жили тамъ безъ пользы; дни текутъ; Первосвятитель не является. Гончаровъ и съ прочими отправленъ просить верховнаго, чтобы пожаловалъ въ Ботушаны. Сколько было труда Гончарову, онъ самъ не обѣдился описать. Черезъ 13 дней прибылъ митрополитъ къ намъ и въ здѣшнемъ городѣ было тоже, что и въ митрополіи; всего писать за излишне считаемъ, предоставлена подробность трудолюбивому Осипу Семеновичу Гончарову. По окончаніи такоаго шума было предложено митрополиту, чтобы одни епископы и священники съ митрополитомъ побесѣдовали о дѣлахъ церковныхъ. Епископъ Пафнугій началъ читать предложеніе митрополиту и только едва дошелъ до первой вины первосвященнива, Стефанъ попъ вышелъ вонъ и объявилъ мирянамъ, что рѣшаютъ митрополита. Народъ въ азартѣ взошелъ въ соборъ епископовъ. Кирилъ вставши со студа сямю и овамо хоуждаше въ неистовствѣ, укорялъ соборъ, что осмѣлился обличить его; руками махалъ, показуя обиженнымъ себя отъ собора Народъ до крайности ожесточенный вопилъ безчинные гласы, читайте въ описаніи Гончарова: мы прекратили съ митрополитомъ и духовныя и простыя сношенія. Того дня къ вечеру мы выѣхали въ Яссы. Ясскіе Василій Васильевичъ и прочіе, бывши съ нами въ митрополіи и въ Боташанѣ, приглашали митрополита къ освященію церкви; но когда митрополитъ обли-

чень въ ереси вышеозначенной, а притомъ видя и прочіе его безпорядки, Ясскіе не зашли къ нему и проститься. Митрополитъ узналъ, что 8 декабря будетъ въ Яссахъ освященіе зимней церкви, написалъ 9 бумагъ, начиная отъ архіепископа и до іеродіакова Ипполита, овѣымъ выговоръ, а другимъ запрещеніе, и церковь бы не святити: но соборъ не принялъ его одноличнаго запрещенія, Церковь осрачена въ означенное число въ епархіи архіепископовой. Мы, подуча всѣ оныя бумаги, разсмотрѣли ихъ и не нашли ни одного написаннаго правила, и мы отъ собора написали отвѣтъ, и выставили вкратцѣ вины его, и что одинъ митрополитъ не можетъ налагать запрещеніе собору, а напротивъ соборъ въ правѣ ему наложить запрещеніе отъ всякаго священнодѣйствія, что и исполнено 7 декабря сего года, и дабы ожидалъ конечнаго объ немъ распоряженія. При семь и копіи вамъ посылаются. (б)

Смиранный Аркадій архіепископъ васлуйскій. Смиранный епископъ Аркадій Славскій. Смиранный епископъ Іустинъ г. Тульчи.

14 декабря 1866 года.

III.

Къ народу. Воззваніе о митрополитѣ. Соборъ въ Яссахъ.

Мы, смиренные епископы, живущіе въ Молдавіи и Турціи, объявляемъ всенародно, что прибыли къ намъ отъ всероссійскаго освященнаго собора епископъ Пафнутій Казанскій и іеродіаконъ Ипполитъ съ довѣріемъ отъ освященнаго собора и съ подробнымъ описаніемъ о церковномъ возмущеніи, а къ намъ съ просьбою, чтобы съѣздить къ митрополиту и внушить ему, что церкви Россійскія и народъ возмущены до крайности по случаю бумагъ митрополитовыхъ одна противу другой ратующія. Антоній архіепископъ поставленъ и утвержденъ соборомъ Россійскимъ и нашимъ заграничнымъ; но митрополитъ безъ согласія епископовъ поставилъ на той же престолъ другаго епископа, сказать мірскимъ примѣромъ: съ одной невѣстой повѣнчалъ двухъ жениховъ. Въ христіанской церкви сіе есть беззаконіе; но митрополитъ нарушилъ правила Св. Отецъ, за что подлежить сужденію церковному; поставилъ и Сергія тоже безъ соборнаго обсужденія. Не дозволяютъ правила Св. Отецъ митрополиту безъ собора епископовъ поставять кого въ епископы, ни даже запрещать епископамъ низвергать; даже митрополитъ не можетъ служить въ предѣлахъ своего епископа, точію по повелѣнію онаго епископа. Пишетъ бумаги не приводя ни едиаго правила, точію утверждаетъ своею властію въ противность церковнымъ постановленіямъ; не имѣетъ при себѣ благоразумныхъ совѣтниковъ,

(б) Разумѣется грамота, напечатанная подъ № 1.

ни писемководителей; писать ему бумаги инокиня Назарета или пьяный Арсеній. По такимъ обстоятельствамъ и возникли безпорядки по всей Россіи, поступаютъ такковыя бумаги и въ министерство и даже въ руки Русскаго Государя; и какъ митрополитъ подданный Австрійскій, то они пересылаютъ въ Австрію русскому посланнику, а онъ сообщаетъ ихъ Австрійскому министерству; но такимъ обстоятельствамъ можемъ потерять милость царей и князей.

Поручено намъ отъ Россійскаго освященнаго собора представить лично митрополиту всѣ такковыя опасности и внушать ему, что законъ церковный не позволяетъ митрополиту въ другія государства и въ другія епархіи простираетъ власть свою, ибо Россія имѣетъ своего архіепископа и епископовъ. Народъ Буковинскій не допустилъ намъ переговорить съ митрополитомъ духовныя дѣла. Мы переѣхали въ Ботышане; но и здѣсь тоже самое случилось и открылось зло горше первыхъ. Прокопъ Лаврентьевъ съ давнихъ лѣтъ искусенъ творить раздоры. Едва только прекратились переносы и споры о теплой водѣ, дерзаетъ Прокопъ Св. Тайны именовать *мертвечиною*. Мертвечина есть трупъ скотскій, который валяется внѣ града на распутьяхъ. Прокопъ прировнялъ Св. Тайны къ оной мертвечинѣ! и прочія его дѣла даже преданы описанію въ тетрадахъ. Сей-то раздорникъ вовлекъ митрополита въ глубокой ровъ.

1) Увѣрилъ митрополита, что будто въ великороссійской церкви антихристъ царствуетъ, а мы, по его мнѣнію, отъ антихриста принимали священниковъ, которые насъ крестили, и отцевъ нашихъ, и препроводили ихъ въ будущую жизнь. 2) Таковый антихристъ уже родился по Р. Х. спустя 8 лѣтъ и царствуетъ. 3) Что будто мать его, т.-е. антихристова, освящена къ зачатію нашествіемъ Св. Духа словомъ Арханг. Гавріила. А имени ея не описалъ, а по Никоновскому евангелію видно, что имя ея Марія родила сына также въ Вифлеемѣ, и 4) будто антихристъ распятъ на крестѣ.

Это ученіе Прокопово и ученіе нашего митрополита! Если по ихъ ученію такое мнѣніе о антихристѣ; то должны они доказать о воскресеніи, о взнесеніи и т. д. и даже, страшно вопрошать, но страшнѣе молчать! Скажи владыко, и ты, Прокопъ, не придетъ ли онъ по вашему во второе пришествіе, не будетъ ли онъ судить живымъ и мертвымъ, ибо Никоновское евангеліе и прочія ихъ книги пишутъ, что онъ, по вашему антихристу, придетъ на страшный судъ, и вы, г. митрополитъ, и ты, Прокопъ, сію тайну открыли; просимъ васъ разъяснить ее подробнѣе. Ты, владыко, послалъ такую грамоту въ Москву, устрасилъ всѣхъ христіанъ новымъ своимъ ученіемъ, и оная ваша бумага прислана къ намъ, чтобы спросить г. митрополита, посылалъ ли онъ ее. Митрополитъ при соборѣ сознался, равно и Прокопъ сознался, но покаини собору не приносятъ. И за такую ужасную ересь и за прочія дѣла соборнѣ пять епископовъ запретили мы митрополиту отъ всякаго священнодѣйствія впредь до большаго собора и посылаемъ Россійскому собору на разсмотрѣніе и у-

верженіе. Съ Прокопомъ же Лавреньтьевымъ заповѣдуемъ всемъ православнымъ христіанамъ не имѣть сообщенія ни въ ястіи, ни въ питіи, ни вкупу́ Богу молиться до рѣшенія соборнаго. По объявленіи сей нашей соборной грамоты, если вамъ митрополитъ какія бумаги присылать будетъ, таковыя не принимать, но отсылать обратно къ нему, дондѣже не примирится со всеми епископами заграничными и россійскими.

Смиренный Аркадій архіепископъ Васлуйскій. Смиренный епископъ Аркадій Славскій. Смиренный епископъ Густинъ и Тульчи. Въ лицѣ всѣхъ россійскихъ епископовъ уполномоченный духовнаго совѣта членъ смиренный епископъ Пафнуцій Казанскій. Въ лицѣ епископа Варлаама уполномоченный іеродіаконъ Ипполитъ.

14-го декабря 1866 года.

IV.

1-го Января 1867 года. Дунай.

Возвращаясь я изъ Буковины, въ половинѣ декабря мѣсяца 1866 г., старый мой другъ, по моему замѣчанію, съ нетерпѣніемъ ожидалъ меня, изъ одного любопытства, желалъ знать чѣмъ кончилось предпріятіе нашей поѣздки.

Я рассказалъ въ короткихъ словахъ; но желалъ таковое свѣдѣніе имѣть на бумагѣ; говоритъ онъ, что дѣло ваше не утаится, рано или поздно будетъ распубликовано. Я согласился только съ тѣмъ, что ежели напишу на квартирѣ, то какія-нибудь интересныя слова могутъ быть пропущены. Я обѣщался исполнить не болѣе въ теченіи двухъ недѣль съ постоянного жительства, и какъ только успокоился отъ путнаго труда, взялся за перо и пишу слѣдующее.

Понудили насъ въ такое непостоянное время (ибо зима есть россійская осень) безпорядки Блокриницкаго нашего митрополита Кирилла сообщенныя намъ отъ россійскихъ епископовъ, равно и старообрядцевъ. Таковыя его безпорядки волнуютъ міръ старообрядческой, но даже затрудняютъ и высшее правительство. какъ будетъ ниже сего объяснено.

Извѣстные всему свѣту въ настоящее время Пафнуцій, Ануфрій и Сергій съ прочими, видя его (Кирилла) превратныя обращенія какъ съ ними, равно и съ прочими, и какъ будучи лишившись они своихъ кафедръ и престоловъ, оставили и его, т. е. митрополита Кирилла, и съ нимъ вмѣстѣ и старообрядчество (в).

(в) Правда, безобразные поступки Кирилла помогли имъ лучше рассмотреть безобразіе и раскола вообще, почему и въ этомъ только смыслѣ, пожалуй могутъ быть названы причиной ихъ удаленія изъ раскола. Замѣчаніе же относительно *лишенія кафедръ и престоловъ* здѣсь не имѣетъ никакого рѣшительно смысла. Пафнуцій добровольно оставилъ

Старообрядцы раздираются и раздробляются чрезъ его же Кирилла. Представьте себѣ неискуснаго невѣжу, неимѣющаго добрыхъ совѣтниковъ; онъ окруженъ Халдеями, которые его одуряютъ: не кровь изъ него цущаютъ, но силу и злато изъ рукъ его похищаютъ и тѣмъ приобрѣтаютъ себѣ имѣніе. Онъ, несчастный старецъ, имъ совсѣмъ повинуется.

Златолюбіемъ побуждающаго до безконечности; онъ колеблется всякимъ вѣтромъ; душевная его храмина основана на пескѣ. Онъ собираетъ злато, а монастырь разваливается; братія голодуютъ, раздѣтыя и разутыя, дѣти Иліевы, т. е. митрополитовы, церковное достояніе или бѣдныхъ иноковъ проматываютъ. Окружающіе его на первой встрѣчи требовали отъ насъ тысячу шесть сотъ рублей (1600 р.) серебра; но мы не согласились на такую контрбукцію; митрополитъ не любитъ тѣхъ, кто его не даритъ золотомъ. .

Вышеписанный Сергій нынѣ содержится въ Черновѣцкомъ замкѣ за собственные свои долги (г), онъ, Сергій, въ предшедшее время принесъ митрополиту злато. Заманулъ его въ Москву подъ чужимъ именемъ: и онъ митрополитъ не щадя ни старости, ни своего сана, прибылъ въ Москву, поставилъ Сергія въ епископа.

Гуслики употребили Ефима Крючкова, вручили ему купленнаго раба, какаго-то невѣжу, потеряннаго человѣческихъ понатій, привезли въ Буковину. Кирилль, взявши деньги, рѣшился продать не продаемаго Духа святаго, готовится хиротонисать на сребрѣ, думая съ обезьяны претворить въ человѣка, и дать Гусликамъ безсловеснаго настуха; буковинскія старообрядцы не допустили совершиться симоніи.

Митрополитъ уѣхавши въ Саколинцы, и съ однимъ попомъ Сисоємъ и съ чтецомъ Иваномъ, хиротонисалъ Симона вопреки апостольскимъ постановленіямъ, не сказалъ ему: сребро твое да будетъ съ тобою въ погибель, но напротивъ возглашалъ: аксіось, аксіось, аксіось.

Второй Кирилль воронковскій, распонъ Галацкихъ старообрядцевъ, митрополитомъ поставленный на соблазнъ міру, уже нѣсколько разъ соборнѣ запрещенный, низверженный, зная цѣну за сколько можно купить старика, одарилъ сребролюбца, получилъ громкое разрѣшеніе на всю Россію священствовать. Кирилль Кирилу даровалъ высокую грамоту, прикрѣпилъ своею печатью, и второй Кирилль отправился въ Россію; но Богъ свыше зря и

каедру еще до изданія «Окружнаго посланія», т. е. раньше того времени, когда начались Кирилловы превратные обращенія; а Онуфрій имѣлъ столько же права считать себя не лишеннымъ каедрой, какъ и Аркадій Васлуйскій, Аркадій Славскій, Пафнутій Казанскій и проч. и проч., наравнѣ съ Онуфріемъ (и даже не сравненно больше его) подвергшіеся карамъ и анаемамъ Кирилла. Оставайся Онуфрій въ расколѣ, онъ, какъ намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополи, вѣроятно былъ бы теперь, по избранію самихъ Аркадіевъ съ братіей, и въ силу Бѣлокриницкаго устава, даже на мѣстѣ Кирилла, дѣйствительнымъ Бѣлокриницкимъ митрополитомъ.

(г) Сергій въ настоящее время находится въ Москвѣ.

вниманію стenanію старообрядцевъ, повелѣ начальству строго блюсти за беззаконникомъ; и какъ только означенный распопъ вступилъ въ Россійскую землю, по распоряженію начальства взять виновникъ и со многими бумагами, и осужденъ, и сосланъ въ Аренбургскую губернію. Сіе видно изъ записки распоповой, присланной въ Галацъ къ женѣ его, писанной въ пути слѣдованія его.

За таковой поступокъ всѣ благомыслящіе старообрядцы благодарны правительству, что симъ прекращено такое корчемство!

Я сіе пишу потому, зная, что всѣ таковыя дѣла извѣстны русскому министерству и даже заграничнымъ посланникамъ.

Предъ цѣлымъ свѣтомъ митрополитъ чернить невинныхъ старообрядцевъ. Старообрядцы російскіе съ своимъ духовенствомъ глубоко тронуты.

Убѣдили заграничныхъ епископовъ, чтобы отправились въ Буковину и убѣдили митрополита Кириллу, чтобы сложилъ съ себя санъ митрополитскій, жилъ бы на покой; но митрополитъ принялъ такое посольство, какъ навѣтниковъ его благоденствія, какъ похитителей его собственности и разорителей его властолюбія.

По его сигналу окружающая его дружина, составленная изъ потомства московскихъ стрѣльцовъ, едва не растерзала пословъ, осыпали ругательствами, угрожали разными бѣдствіями, даже въ порывахъ напоминали о кольяхъ.

Но ослѣпленный Ілій, обзирая свою защиту, веселился духомъ и внутренно благодарилъ своихъ сподвижниковъ.

Вслѣдъ за означенными безпорядками слѣдуетъ и религіозная неурядица. Въ городѣ Фурмосѣ въ Молдовлахіи, близъ Австрійской границы, явился нѣкто тайный ересіархъ Прокопъ Лавреньевъ Боженовъ: увѣрилъ митрополита, что Греція и Россія вѣруеть не въ единого съ нами Бога, но во иного (забылъ Кириллъ митрополитъ, отъ кого получилъ хиротонію). Сей митрополитъ согласился съ Боженовымъ на таковыхъ пунктахъ: 1) что Россійская равно и Греческая церковь вѣруеть въ антихриста; 2) Мать антихристова именуется также Марія; 3) будто Дух святой очистилъ ю словомъ Архангела Гаврііла, 4) будто антихристъ родился по Христовѣ Рождествѣ спустя восемь лѣтъ; 5) будто антихристъ распятъ на крестѣ, за кого, еще неизвѣстно; 6) у антихриста имѣется и хиротонія, и просвира приносится о спасеніи сего міра, и крещеніе во имя св. Троицы.

Пять нашихъ старообрядческихъ епископовъ, прибывшихъ къ митрополиту, разсматривая всѣ его заблужденія, наконецъ послѣднее злобоненавидимую ересь, отъ вѣка неслыханную (даже съ содраганіемъ пишу, бояся наказанія Божія, съ другой стороны страшусь молчать, дабы не отвѣчать въ день суда Божія) допросили его митрополита о означенныхъ пунктахъ: посылалъ ли онъ ихъ въ Москву? равно спросили и Боженова: онъ ли ихъ сочинялъ? тотъ и другой сознались; но покаянія не принесли.

Означенные епископы принимали равныя мѣры вразумить обезумѣвшаго старца, но все было тщетно, ибо онъ окруженъ «Янычарами». Наконецъ приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ, наложили на него соборное запрещеніе, запретили его отъ всякаго священнодѣйствія, впредь до совершеннаго суда объ немъ, который изнесетъ на него конечное изверженіе изъ священнаго сана.

Прошу всѣхъ, кто будетъ читать сію грамоту, или съ нея списанную копию, не подуматъ того, чтобы старообрядцы были согласны слѣдовать не искусному кормчію, и въ томъ не затрудняться, что таковой человекъ правилъ церковію.

Богъ премудрымъ своимъ промысломъ сотворивый видимая вся и невидимая, Онъ сотворилъ и ангельскія силы, чисты, святы и непорочны; но денница пожелала независимости и за то пала и претворилась во тьму и спаде въ бездну. Адамъ подобно преступи заповѣдь и изгнанъ изъ рая. Богъ дарова Давыду пророческій даръ; но Давыдъ яко человекъ паде, но покаянiемъ воста!

Верховный Петръ отвержея Христа и о томъ плакася горько, прощеніе получи; Иуда Христомъ пр. званъ и учиненъ въ число верховныхъ, и по предательствѣ Христовѣ удавился; иныя отъ семидесяти, возвратились ко идоламъ.

На востокъ и западъ, многіе іерархи пали арианствомъ, иконоборствомъ и прочими ересьюми, падали какъ звѣзды въ 1832 году. 1-го ноября, и въ прошедшемъ 1866 г. 2-го ноября. Они осыпались, но небо сіяетъ, якоже и изъ начала. Равно и Кирилль паде со всѣми послѣдующими за нимъ, а здравомыслищiи пребываютъ во вѣки.

V.

Преосвященному Кириллу, митрополиту бѣлокриницкому, отъ послушныхъ сыновъ святая Церкве: **Вопросительное посланіе.**

Ваше Высокопреосвященство!

Господинъ Кирилль митрополитъ Бѣлокриницкій!

Касааясь праха земнаго, свидѣтельствуемъ вамъ нижайшее наше почтеніе, и требуемъ заочно вашего архипастырскаго прощенія, мира и благословенія, и святыхъ молитвъ, и извѣщаемъ боголюбіе ваше: отъ 15 сентября, текущаго года, посланные отъ васъ отвѣты на вопросы наши, и пріюныхъ краткое начертаніе за подписомъ вашего преосвященства, мы получили во свое время, въ коемъ изволите писать тако: «Посылаю вамъ навашы присланныя вопросы отвѣты, извольте почитать и внять опасно, ибо отъ божественнаго писанія, и отъ святыхъ правилъ сочиненное сіи отвѣты вамъ во утверженіе, чтобы неколебаться въ церковныхъ догматѣхъ.»

За таковое о насъ попеченіе ваше, приносимъ вамъ нашу нижайшую благодарность. Но разсматривая отвѣты ваши, мы приходили въ недоумѣніе, почему паки осмѣливаемся утруждать высокую особу вашу.

Поелику вы изволили привести священные каноны, свѣд. мѣс. 46, 47 и 50, и 1-го всел. соб. 19. Мы ихъ разсматривали, они гласятъ о еретикахъ перваго чина, и совершенно отмѣщаютъ крещеніе отъ онѣхъ еретихъ дѣемое. Почему намъ мнится, правила сіи приведены не умѣста: и не служатъ доказательствомъ на вопрошеніе наше. Вопросъ же нашъ, въ кого вѣруеть российская и греческая церковь, почитаете требующимъ обширнаго доказательства: и аки бы сіе въ божественномъ писаніи почитается тайною! Потомъ начинаете открывать тайну ону, и ссылаетесь о томъ на 13-ю главу апокалепсиса, и на 271-й мѣс. кнѣ. о вѣрѣ, въ коихъ мѣстѣхъ лежитъ сказаніе о послѣднемъ антихристѣ сынѣ погибели.

По сихъ вводите двѣ матери: едину мать Ісѣа Христа, прежде зачатія освятившуюся богови, вторую же, мать Іисусову, на которую (пишите) пришелъ Духъ Святой, и очистилъ ю словомъ архангела Гавріила.

Потомъ вводите еще два лица, ниша о зачатіи Ісѣа, и Іисуса и восклицаете: «Кто нынѣ смѣетъ рещи: яко единъ и тойже богъ?» и утверждаете: «Что новая церковь исповѣдуетъ своего Іисуса распята на двучастномъ крестѣ: святыи же пророцы, и церковь истинная исповѣдуетъ Господа нашего Ісуса Христа распеньшагося на трисоставнѣмъ крестѣ. И посему нѣсть едино лице, но два». Заключаете же словесы реченными во евангеліи (отъ Іоанна въ зач. 17): «Аще инъ придетъ во имя свое, того приимете». И ксимъ указываете на апокалепсисъ, въ концѣ 13 главы. Изъ всего же содержанія начертанія вашего объясняется слѣдующее: что Іисусъ есть иное лице, именно то, о которомъ сказано во евангеліи: *аще инъ придетъ*, т.-е. антихристъ! Что мать его освящена Духомъ Святымъ чрезъ архангела Гавріила! Что онъ распятъ на четвероконечномъ крестѣ! и что служители его приносятъ просфиру съ тисненіемъ двучастнаго креста!

Таковое ученіе ваше, о которомъ вы засвидѣтельствовали: «что оно отъ божественнаго писанія и отъ святыхъ правилъ, намъ присланное во утверженіе, чтобы поколебаться», показуется намъ весьма странно и недоумѣнно, которое ужасно колеблетъ и смущаетъ души наши. Почему мы и просимъ ваше преосвященство, разрѣшити ниже слѣдующія вопрошенія наша во усюкосіе совѣсти нашей, въ пользу же всего православнаго христіанскаго исполненія:

Вопросъ 1-й. Понеже изволите научати, и писменно утверждати: что мать Іисусова освящена Духомъ Святымъ, чрезъ архангела Гавріила, просимъ васъ, благоволите вразумить насъ: кто именно мать сія? Отъ коего колѣна? Отъ коихъ родителей родися? Како ея имя? И когда Духъ Святой прииде на ню сло-

вомъ архангела Гавріила? Въ кое лѣто? въ кѣи мѣсѣцъ и день? и въ коемъ градѣ, и странѣ?

Вопросъ 2-й. Исусъ, признаваемый вами за инаго, т.-е. за антихриста, когда родися? Въ коемъ градѣ и странѣ? Отъ коего племени? Отъ коея матере? Въ кое лѣто? Въ кѣи мѣсѣцъ и день? Како возрастъ? Явно или потаенно? Что содѣя въ жизни своей? Что бѣ ученіе его? И колико лѣтъ поживѣ?

Вопросъ 3-й. За что онъ распятъ на четвероконечномъ крестѣ? за грѣхи ли людскіе, или за собственные свои? Отъ кого именно? отъ Еврей, или отъ язычниковъ? чѣмъ повелѣніемъ? когда? на коемъ мѣстѣ и въ коемъ градѣ и странѣ?

Вопросъ 4-й. Кто отъ святыхъ отецъ и учителей церковныхъ научаетъ: во себѣ антихристу распяту быти, и пострадати на крестѣ? и матери его освященію быти Духомъ Святымъ, служеніемъ архангела Гавріила? Гдѣ о семъ написано, въ коей книгѣ и главѣ?

Вопросъ 5-й. По распятіи его, гдѣ его тѣло остася? На крестѣ ли истлѣло, или во гробъ положено? Также гдѣ оный крестъ его обретается? Гдѣ же и гвоздія, пригвоздившія тѣло его? и одежды его гдѣ нынѣ суть? Поелику во Іерусалимѣ поклоняемо есть древо креста Господня, и у насъ, въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, честный гвоздь и хитонъ Христовы и доннынѣ хранимы и почитаемы суть: антихристовы же гдѣ суть?

Вопросъ 6-й. Понесе обычно есть распинаемымъ умирати; то благоводите извѣстити: гдѣ душа его опредѣлена? во адѣ ли затворена, или воскресе съ тѣломъ? аще во адѣ, то како вѣрують ему и поклоняются? аще воскресе; то кто его воскреси? и что онъ по воскресеніи содѣя и гдѣ нынѣ лично обретается?

Вопросъ 7-й. Кто отсвятыхъ учителей научаетъ, яко поклонницы антихристовы во своихъ церквахъ будутъ имѣти просфиру, съ тиснѣніемъ двучастнаго креста? и въ знакъ чего оная просфира будетъ приноситься: въ воспомнаніе ли смерти его, или инаго нѣкоего знамѣнованія?

Вопросъ 8-й. Въ коемъ писаніи обрѣтается: чтобы вѣрующіи и поклоняющіися антихристу, сыну погибели, совершали крещеніе съ призываніемъ святыхъ Троицы и чтобы оное принималось во святую церковь безъ повторенія? На основаніи 8-го правила, перваго вселенскаго собора?

Вопросъ 9-й. Также гдѣ написано: чтобы у служителей сына погибельнаго, была совершаема хиротонія въ различныя степеніи церковнаго служенія, и чтобы хиротонія она отъ поклонниковъ антихристовыхъ производима, могла быть принимаема святою православною церковію безъ повторенія?

Вопросъ 10-й. Колико время вы исповѣдуете царствованія антихристова: опредѣленное ли кое число лѣтъ, или весьма неопредѣленное? и что онъ почтетъ и признаетъ кого выше себе бога, или самъ себе единаго точію вѣмѣнить быти бога? Также и служители его, единому ли точію оному антихристу должны суть поклоняться, или съ нимъ купно и святѣй животворящей Троицѣ: Отцу и Сыну и Святому Духу?

Сія убо десятирочная вопрошенія наша, посылаемъ вашему преосвященству мы смиреннии, во умѣ примше реченное: «вопроси отца твоего, и возвѣстити ти: и старцы твоя, и рекуть ти (Второзаконія глава 32). И просимъ васъ именемъ Господнимъ, благоволите на вся оныя прислати намъ рѣшительныя отвѣты отъ священныхъ писаній, съ подробнымъ объясненіемъ и со указаніемъ на книгу и главу: дабы было намъ немощнымъ вразумительно и предъ Богомъ неогрѣшительно. Понеже слышимъ писаніе глаголющее: «Не отъписанія глаголюй тать есть и разбойникъ». И паки: «Мнози убо мняху вѣровати, но неправо, ни якоже рече писаніе, и понеже убо они своимъ ересемъ послѣдоваша, того ради и погибоша (Еванг. поучит. въ недѣлю 50). Посему убо и мы нижайшии боимся и трепещемъ кромѣ писанія мудрствовати и послѣдовати; желаемъ же слышати отъ васъ ученіе, согласное священному писанію, и во ожиданіи оногo съ нетерпѣніемъ остаемъ вашего преосвященства всенижайшии слуги.

Слѣдуютъ подписы.

Москва, ноября 1-го 1866 года.

НЕОБЫЧАЙНОЕ ВРАЗУМЛЕНІЕ О ВАЖНОСТИ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Въ божественной литургіи, на св. престолѣ приносить Себя въ жертву Богу Отцу за грѣхи всего міра Самъ Единородный Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ. А гдѣ Царь славы Христосъ, тамъ могутъ ли не быть и слуги Его—святые Ангелы? Святые подвижники, достойные небесныхъ откровеній, во время совершенія на престолѣ безкровной Жертвы, нерѣдко видѣли Агнца Божія, окруженнаго св. Ангелами! «Такъ и должно быть», скажемъ словами Св. Златоустаго (Сл. 3. о Священствѣ), «ибо не человекъ, не Ангель, не Архангель, и не другой кто либо изъ сотворенныхъ, но Самъ Утѣшитель учредилъ сіе служеніе, и людей, еще облеченныхъ плотию, содѣлалъ представителями служенія Ангеловъ. Когда видишь Господа, закланнаго и предложеннаго въ жертву, священника, предстоящаго сей жертвѣ, и возносящаго молитвы; народъ же весь окропляемый драгоценною ея кровію: еще ли думаешь, что ты находишься сре-

ди людей и стоишь на землѣ? Предстоитъ священникъ, низводя не огонь, но святаго Духа; возноситъ усердную молитву не о томъ, чтобы огонь ниспалъ съ неба и попалилъ предложенную ему снѣдь, но дабы благодать нисшедши на жертву, возжгла души людей и сдѣлала свѣтлѣйшими чистаго серебра. Такое страшное таинство можетъ ли кто презирать, кромѣ человѣка вовсе лишеннаго ума и чувства?» Такъ рассуждаетъ Св. Златоустъ о важности божественной литургіи! Такъ бы долженъ рассуждать о семъ и каждый изъ христіанъ. Къ прискорбію, не только люди не грамотные, необразованные, живущіе во тьмѣ духовнаго невѣдѣнія, но многіе изъ ученыхъ, образованныхъ, не понимаютъ, или не признаютъ высокой важности божественной Литургіи, а потому или совсѣмъ не почитаютъ для себя необходимымъ присутствовать при совершеніи божественной литургіи, или, если и являются иногда въ храмъ Божій для слушанія оной, то развѣ въ такой, въ которомъ поетъ хоръ пѣвчихъ. Если же гдѣ встрѣчаютъ пѣніе одного церковнослужителя, то или совсѣмъ уходятъ изъ такого храма, или стоятъ съ холодностію, даже съ ропотомъ, а того и не понимаютъ, что здѣсь воспѣваютъ славу Богу и прославляютъ неизреченное снисхожденіе на землю Сына Божія самыя Силы небесныя. Но милосердый Господь часто вразумляетъ невѣрующихъ и даетъ имъ понять важность божественной литургіи. Я укажу на одинъ примѣръ такого Божія вразумленія, слышанный мною отъ устъ одной богобоязненной христіанки.

Лѣтъ двадцать тому назадъ отецъ ея, помѣщикъ въ Псковской губерніи, въ одинъ лѣтній воскресный день, съ двумя другими сосѣдними помѣщиками, отправился на охоту. Это было утромъ, когда въ приходской ихъ церкви благовѣстили къ обѣднѣ. Проѣзжая мимо церкви, помѣщикъ возмущенъ духомъ и сталъ уговаривать своихъ товарищей остановиться и взойдти въ храмъ помолиться, и, если можно, отстоять и всю службу. Одинъ изъ его товарищей охотно согласился на его предложеніе, но другой никакъ не хотѣлъ останавливаться, и войдти въ церковь. «Что тамъ слушать? Развѣ вы не слыхивали отвратительное пѣніе одного дьячка?» говорилъ онъ съ до-

садою своимъ товарищамъ. Но они его не послушали. Привязавши своихъ коней къ церковной оградѣ, они пошли въ церковь, чтобъ отслушать литургію, безъ чего имъ грѣхомъ казалось идти на охоту въ день праздничный; съ великимъ неудовольствіемъ остановился у церкви и третій ихъ товарищъ, но не хотѣлъ войти въ церковь, а, привязавши своего коня, легъ на травѣ въ оградѣ церковной. Что же слышитъ онъ? Онъ слышитъ необыкновенно стройное пѣніе, исходящее изъ храма, которое продолжалось во все время совершенія божественной литургіи. Удивленный столь необыкновеннымъ пѣніемъ, онъ подумалъ, что въ храмѣ совершается какое нибудь необыкновенное торжество. Когда товарищи его, вышедши изъ храма по окончаніи божественной литургіи, сѣли на коней своихъ, то онъ спросилъ ихъ: «Что такое было въ церкви, что тамъ пѣли такъ хорошо пѣвчіе? Торжество что ли какое особенно нынѣ совершалось?» «Какое особенное торжество? Кромѣ Воскресенія Христова другаго праздника нынѣ нѣтъ! И какіе пѣвчіе? Нѣтъ одинъ причетникъ» — отвѣчаютъ ему. «Вы удивляете меня! возразилъ онъ, откуда же я слышалъ такое прекрасное пѣніе, какого давно не слыхалъ?» И это пѣніе продолжалось во все время совершенія службы! «Если такъ, отвѣтилъ ему одинъ изъ товарищей, то это пѣніе должно быть Ангельское! Видно Богъ хотѣлъ увѣрить тебя въ томъ, что божественная литургія имѣетъ величайшую важность, когда самые Ангелы вмѣстѣ съ людьми прославляютъ Иисуса Христа, приносящаго Себя въ жертву Богу Отцу за грѣхи наши на святомъ престолѣ.» «Да! я доселѣ не понималъ всей важности божественной литургіи», отвѣчалъ ему смущенный товарищъ. Съ того времени онъ съ большимъ усердіемъ сталъ посѣщать храмы Божіи и съ особеннымъ благоговѣніемъ стоялъ во время совершенія божественной литургіи.

Священникъ Александръ Романовскій

ПАМЯТНЫЙ НОЧЛЕГЪ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пришлось мнѣ попуте шествовать довольно долго по одной изъ нашихъ южныхъ губерній. Путь степной, непривѣтливый, съ своимъ неизмѣннымъ однообразнымъ колоритомъ: высокій ковыль въ степи, да бѣлые тучки на гладкой синевѣ неба, и кое-гдѣ мелькающіе пустынные одинокія могилы, слѣды времени давно минувшихъ, невольно нагоняютъ скуку на путника. и желаніе, поскорѣе увидѣть хоть какое нибудь жилище человѣческое. И какъ пріятно бываетъ тогда вступить въ чистенькую избу малоросса, съ неизмѣнными душистыми травами и узорными полотенцами у св. иконъ, чистымъ столомъ и узкими лавками подъ стѣной, составляющими все удобство этаго незатѣливаго жилища! Но не часто случается по дорогѣ встрѣчаться, въ необъятной степи, съ этими одинокими пріютами человѣческаго обитанія. Впрочемъ, при рѣчкахъ, или озерахъ, нерѣдко можно увидѣть и цѣлыя обширныя села, раскинувшіяся на берегахъ, исполненныхъ живительной влаги; при чемъ, неизмѣнная у жителей этаго края верба, своею бѣлою зеленою, невольно привлекаетъ взоръ, отвыкшій въ степи отъ всякой древесной растительности. Вотъ въ такое-то село пришлось заѣхать и мнѣ передъ вечеромъ: все обнадеживало хотя сколько-нибудь сноснымъ ночлегомъ. Каменная благолѣпная церковь среди села, и длинный господскій домъ, обличали, что это село владѣльческое; чистенькія новыя избы, и пепустыя гумна доказывали довольство и порядокъ. Видно было по всему, что владѣльцы, при богатствѣ своемъ, не забывали Бога, не забывали и своихъ ближнихъ, хотя и не видѣлись тутъ хвастливые вывѣски, съ надписями: больницъ, богадѣльня и проч. Въѣхавъ въ средину села, спросилъ я прохожаго: гдѣ мнѣ отыскать тутъ ночлегъ? «А вотъ, пане, напайте къ диду Захару», отвѣтилъ мнѣ красивый смуглый лицомъ малороссъ, и указалъ на довольно опрятный домикъ, съ крытыми воротами и колодцемъ на дворѣ. На завалинѣ дома сидѣлъ довольно еще бодрый старикъ, съ умнымъ выразительнымъ лицомъ: это былъ самъ хозяинъ,

дидъ Захаръ. Радушно принялъ онъ гостя, и ввелъ меня въ просторную свѣтлицу двойной своей избы. Мощеный полъ и изразцовая печь, а равно довольно приличная мебель, множество картинъ на стѣнахъ и блиставшій на лежанкѣ самоваръ, доказывали довольство и даже роскошь въ сравненіи съ обычнымъ бытомъ поселянъ. Самъ хозяинъ смахивалъ болѣе на торговца, или барышника, и лишь малороссійскій выговоръ напоминалъ о его происхожденіи. Обрадовавшись смышленому человѣку, усадилъ я его съ собою за чай, и началъ спрашивать о житьѣ-бытьѣ его, о селѣ и его владѣльцахъ, при чемъ замѣтилъ въ немъ доскъ и находчивость бывалаго человѣка. Рѣчь коснулась столицы; оказалось, что бывалъ онъ и тамъ: и я догадался, что вижу предъ собою двороваго человѣка, бывшаго на вѣку своемъ съ господами кое-гдѣ. Предположеніе мое оказалось вполне справедливымъ: это былъ бывший слуга, а потомъ управитель прежнихъ владѣльцевъ села отпущенный за услуги на волю, и содержащій теперь постоянный дворъ и лавку въ селѣ. Старуха-жена, сынъ-молодецъ, да невѣстка съ дѣтьми, составляли его семью; во всѣхъ видно было неподдѣльное уваженіе къ старику, а кое-какія церковныя книги у св. угла доказывали присутствіе въ семьѣ и грамотѣвъ, что рѣдко можно было встрѣтить тогда въ малороссійскомъ селѣ. Многочисленныя иконы съ теплющеюся предъ ними лампадой говорили о благочестіи домохозяевъ; да и старикъ, часто прерывалъ свою рѣчь молитвенными возваніями, и глубокими вздохами: видно было, что все это не есть одна лишь привычка, но дѣйствительно отголосокъ благочестивой души. Разсматривая святыню, замѣтилъ я въ срединѣ между иконъ, противъ лампы, украшенное ризою изображеніе какого-то преподобнаго, съ сложенными на крестъ руками. Я обратился къ хозяину съ вопросомъ: скажи пожалуста, старина, что это у тебя за изображеніе: что-то надписи не разберу? «Изволь, баринъ хорошій: для другихъ это просто картина, или портретъ, а для меня это святой ликъ, главная моя святыня. Это преподобный отецъ Серафимъ Саровскій, чай про него слыхалъ»? Какъ не слышать? Старецъ былъ святой жизни и прозорливецъ, скончался стоя на Божьей

молитвѣ; да только, другъ, хорошо-ли ты дѣлаешь, помѣстивъ его изображеніе между св. иконами? Вѣдь онъ еще не причисленъ церковью къ лику святыхъ. «Такъ видно Богу угодно, чтобъ я его чтить какъ святаго и чудотворца. Тоже, что вы, говоритъ мнѣ часто и нашъ батюшка священникъ. Вѣдь меня спасъ угодникъ отъ большаго горя. Да какъ еще спасъ! дивно даже и вспомнить. Коли желаешь, то я тебѣ расскажу все подробно». Съ удовольствіемъ согласившись на это предложеніе словоохотливаго старика, сѣлъ я въ ожиданіи занимательнаго разказа, а мой собесѣдникъ, вздохнувъ глубоко, началъ свою повѣсть.

«Остался я послѣ матери круглымъ сиротой, ибо отецъ, женившись на другой, рѣдко обо мнѣ вспоминалъ. Старая барыня, бабушка нынѣшняго нашего помѣщика, упокой ее Господи, сжалилась надо мной и призрѣла меня сироту: взяла къ себѣ во дворъ, а потомъ и въ комнаты, къ паничу своему сыну. Были у матери деньги, отецъ хотѣлъ затаить, но барыня взяла ихъ къ себѣ; положила на мое имя въ приказъ; а меня межъ тѣмъ обучила грамотѣ, потомъ отправили съ паничемъ въ полкъ. Служилъ я своему барину вѣрно, и жили мы съ нимъ душа въ душу: дурнаго слова отъ него не слыхалъ; но Богъ скоро его прибралъ, и воротился я съ горестной вѣстью къ своей благодѣтельница. Осталась у ней одна дочь: приняла къ себѣ хозяина—зятя; а я, какъ грамотный и вѣрный слуга, сдѣланъ былъ прикащикомъ въ другомъ ихъ имѣніи. Баринъ нашъ новый былъ и хорошъ, да только вспылчивъ чрезъ мѣру: какъ бывало вспылить, то идти готовъ на ножи, страшно было смотрѣть, а потомъ отойдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, еще смотри потомъ и милость какую нибудь положить. Мною былъ онъ доволенъ: за услугу дочь выдалъ за вольнаго; да потомъ, по наговорамъ главнаго управителя, сталъ и баринъ на меня нерѣдко сердиться. Старая барыня — умерла, молодая — боялась мужу перечить: некому было за меня заступиться. Вижу, что плохо: сталъ я у барина проситься на выкупъ. «А денегъ, гдѣ ты досталъ, вѣрно у меня же наворовалъ», крикнулъ онъ на меня сгоряча. Говорю, что деньги у меня материнскія: старая барыня

въ приказъ положила и мнѣ потомъ билетъ отдала. Успокоился баринъ, но отпустить меня отказалъ: и сталъ я опять по прежнему жить, управитель же еще пуще сталъ на меня злиться. Мѣшалъ я ему по своему управлять, да барина грабить. Разъ вызываетъ меня баринъ къ себѣ: грозный такой, все только твердить, что я у него не прикащикъ, а воръ; и не выслушавъ меня ни въ одномъ словѣ, приказалъ распорядиться, чтобы наказать меня всенародно. Приѣхали гости, и наказаніе мое велѣно отложить до утра; я же межъ тѣмъ, чувствуя свою невинность, поплелся съ горя къ священнику. Человѣкъ былъ онъ у насъ добрый, ко всѣмъ ласковый, и меня очень любилъ: думаю, не заступится ли хоть онъ за меня предъ бариномъ. Разказалъ ему свое горе, что отъ роду не былъ наказанъ, теперь на старости лѣтъ совершенно невинно, приходится испытывать стыдъ да позоръ. Погоревалъ онъ со мной, но просить за меня отказался; да и самъ я хорошо зналъ, что не любилъ баринъ нашъ, когда кто его просить о подобныхъ вещахъ. Желая меня чѣмъ нибудь успокоить, добрый священникъ началъ мнѣ громко читать книжку: жизнеописаніе о Серафима Прочитавъ немного, и говоритъ: «слушай, Захарушка, что я тебѣ посовѣтую; Господь за молитвы этого старца не поможетъ ли и твоей бѣдѣ: обѣщай ты ежегодно въ день кончины о Серафима 2-го января, служить по немъ заупокойную обѣдню и панихиду». Я съ радостью тогда жь согласился, и далъ обѣтъ, если только спасетъ меня Господь отъ незаслуженнаго позора, по гробъ исполнять это: и какъ-то свѣтло и радостно стало у меня послѣ того на душѣ.

Утромъ зовутъ меня къ барину. Вышелъ ко мнѣ такой ласковый; думаю: слава Богу. Даетъ онъ мнѣ какую-то бумагу и говоритъ: прости ты меня, что повѣрилъ клеветѣ; вотъ тебѣ и семейству твоему отпускная; нашелъ я ее въ бумагахъ покойной матушки, и не хочу вопреки ея воли поступить. Сунулъ мнѣ въ руки отпускную, а самъ поспѣшно отъ меня скрылся, не давъ даже и поблагодарить. Опамятовался я, потомъ бросился за нимъ съ благодарностью; но меня къ нему не пустили, лишь барыня вышла одна и говоритъ, что тяжело ему меня видѣть. Побѣжалъ я оттуда прямо къ священнику, расска-

заль ему свою радость; порадовался онъ вмѣстѣ со мной, и повелъ меня въ церковь. Отслужилъ онъ мнѣ сперва благодарный молебенъ, а потомъ паннихиду по о. Серафимѣ, и велѣлъ крѣпко помнить данный мною обѣтъ. И слава Богу, ни разу его еще не нарушилъ: 2-е января ежегодно вспоминаю я благодѣяніе, полученное мною отъ Бога за молитвы блаженнаго старца. Господь помогъ мнѣ: вотъ теперь живу я въ достаткѣ; дѣтки почтительны, трудолюбивы, покоятъ меня старика; да и у добрыхъ людей не на послѣднемъ счету. Слава Богу!» и старикъ набожно перекрестился.

— Ну, почтенный, все это хорошо: да только все же ты по моему не правъ, помѣстивъ портретъ этотъ межъ иконъ. Вѣдь иконы освящаются Церковью; а это изображеніе врядъ ли какой священникъ рѣшится тебѣ освятить.

— Извини меня неразумнаго за мою рѣчь: досталъ я себѣ это изображеніе изъ Саровской пустыни, куда нарочно ходилъ поклониться могилѣ о. Серафима; да съ радости, что Господь удостоилъ меня совершить это, тогда жь общалъ изъ трудовыхъ денегъ украсить это изображеніе, и теплить предъ нимъ лампадку неугасимую. Глупъ можетъ былъ, что не по разуму тогда общалъ, теперь же страшусь нарушить свое слово: если не я старикъ, то сынъ или внуки быть можетъ дождутъ ся, что можно будетъ и въ церкви освятить это изображеніе, и молиться предъ нимъ безъ грѣха. А теперь: Господь милостивъ, за молитвы блаженнаго старца, не вмѣнитъ мнѣ въ вину это мое усердіе.

— Спорить съ тобой не стану; по крайней мѣрѣ хорошо дѣлаешь, что не забываешь испытаннаго тобою благодѣянія Божія: за это Господь, по молитвамъ святопочившаго старца, и напередъ не оставитъ тебя своею милостію.

На утро, распростившись съ почтеннымъ своимъ хозяиномъ, поѣхалъ дальше. Съ удовольствіемъ и нерѣдко вспоминалъ я памятный для меня этотъ ночлегъ, и фигуру словоохотливаго диды Захара, а еще болѣе, простосердечный его рассказъ. Подлинно: «близъ Господь призывающимъ Его», и не напрасно зываетъ Онъ къ намъ

черезъ псалмопѣвца: «призови мя въ день скорби твоя, и изму тя, и прославиши мя.» Жаль только, что не всѣ, въ скорбяхъ и бѣдѣ, слѣдуютъ этому увѣщанію, а большею частию надѣются болѣе на человѣка и на помощь человѣческую, нежели на Господа и Его всеильную и всесовершающую помощь. Господь, если не Самъ, то чрезъ избранниковъ Своихъ, помогаетъ намъ незримо въ нуждахъ нашихъ; мы же не рѣдко забываемъ даже благодарить Его за великое къ намъ милосердіе, приписывая случившееся или своему благоразумію, или стеченію благоприятныхъ для насъ обстоятельствъ. Научимся благодарить Господа у этого немудраго поселянина: онъ отложилъ пытливое изслѣдованіе, какъ и отъ чего произошла счастливая для него переменѣна, и приписалъ ее единственно Богу за молитвы почившаго праведника. И вотъ отъ глубины вѣрующаго сердца благодаритъ онъ Господа, и не только самъ крѣпко содержитъ въ себѣ память явленнаго ему милосердія Божія, но и завѣщаетъ ее своимъ потомкамъ. Одинъ изъ данныхъ имъ обѣтовъ данъ неправильно, — но не осудимъ старца, зная его чистыя побужденія къ обѣту и простоту.

А. Ковалевскій.

ВСПОДАДАННѢЙШЕЕ ПИСЬМО.

22 апрѣля въ день торжественнаго вшествія Государя Императора съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государыней Цесаревной и съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ Москву, Митрополитъ Московскій, по своей болѣзни, не имѣя возможности привѣтствовать Его Величество предъ вступленіемъ въ Успенскій соборъ, имѣлъ счастье въ то же утро привѣтствовать Его Императорское Величество всеподданнѣйшимъ письмомъ. 24-го дня Государь Императоръ съ Ихъ Императорскими Высочествами, удостоивъ посѣщенія Митрополита, изъявилъ соизволеніе, чтобъ означенное письмо приведено было въ извѣстность.

Благочестивѣйшій Государь!

Пророкъ, изобразивъ счастье отца семейства свѣтлою чертою: *сынове твои, яко новосажденія масличная*, — вслѣдъ за тѣмъ произнесъ законъ, по которому сіе счастье даруется Провидѣніемъ Божиимъ. *Се тако благословится человекъ, бояйся Господа.*

Видимо сіе благословіе надъ Тобою, Благочестивѣйшій Государь! Се, близъ Тебя, Твой Благовѣрный Сынъ и Наслѣдникъ, уже не только цвѣтушій, *яко новосажденіе*, но и готовый приносить плоды высокаго служенія Тебѣ и твоему Царству, и съ Нимъ цвѣтущая отрасль другой Царской Семьи, соединенная съ Нимъ священнымъ союзомъ, въ надеждѣ продолженія дарованнаго Тебѣ благословія. Съ Тобою и еще Твой Благовѣрный Сынъ (предваряющій другихъ), уже достигшій въ возрастъ мужа и недавно давшій обѣтъ свойственнаго Ему служенія Тебѣ и Твоей Державѣ.

Свѣтло видитъ сіе срѣтающая Тебя столица; и гласъ пророка отражается торжественно въ ея сердцѣ: *се тако благословляется Царь, бояйся Господа!*

Введи новую, возлюбленную Тебѣ и Россіи, Благовѣрную Четву во храмъ Твоего Царскаго освященія: и отъ вѣковъ въ немъ призываемая и обитающая благодать да осѣнитъ оную, вмѣстѣ съ Тобою, новымъ благословіемъ жизни и благоденствія, да продолжитъ благословенный Садъ Твоего Царскаго Дома и во грядущія времена приносить вождельные плоды благочестія, добродѣтели, царственной мудрости, правды, милости, и, наконецъ, счастья семейственнаго и всенароднаго.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій, всемирный

Филаретъ Митрополитъ Московскій.

„АЛТАЙСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ МИССІЯ“. С.-ПЕТЕРБУРГЪ 1865 Г.

Книга эта, пролежавши годъ подъ спудомъ, явилась, наконецъ, въ продажѣ. Авторъ ея, какъ видно, незнакомый ни съ мѣстностью Алтая, ни съ тамошнею миссіею, дѣлаеть большіе промахи въ первомъ отдѣлѣ своего сочиненія въ географическомъ отношеніи, а во второмъ, вмѣсто правдиваго слова о миссіи, представилъ наглядное доказательство того, что предзанятая идеи всегда препятствуютъ правильному сужденію о предметѣ. Разсмотримъ:

Стран. 9: «Край Алтайскій, внизъ отъ Кузнецка, раздвинувшійся вправо и влѣво огромнымъ полукругомъ, между границъ владѣній Китайскихъ, Семипалатинской области и Сибирскихъ Киргизовъ, перерѣзанъ вдоль величественнымъ хребтомъ Абаканскимъ, подъ южною оконечностію котораго покоится Телецкое озеро». Весь этотъ огромный полукругъ отъ границъ Китайскихъ до величественнаго хребта Абаканскаго съ прекраснымъ, хотя и не всегда спокойнымъ Телецкимъ озеромъ, лежитъ не *внизъ*, а *вверхъ* отъ г. Кузнецка, стоящаго на правомъ берегу р. Томи. Ниже г. Кузнецка находятся уже мѣста ровныя, а не гористыя, что и сказано въ выноскѣ на той же страницѣ.

«Ниже его (Телецкаго озера) край изчерченъ поперегъ отрогами горъ Телецкихъ, Ануйскихъ, Тегерскихъ (бѣлковъ), Агулакскихъ, Чуйскихъ (бѣлковъ), Нурайскихъ (т. е. Курайскихъ) и Катунскихъ съ множествомъ ихъ отроговъ, грядами тянущихя до Китайской границы». Всѣ поименованныя здѣсь горы не ниже, а *выше* Телецкаго озера, такъ какъ оно имѣетъ теченіе, принимая въ себя съ южной оконечности р. Чалушманъ и выпуская съ сѣверной р. Бію. Исчисленныя же горы съ бѣлками и отрогами находятся отъ Телецкаго озера къ югу.

«Лѣвѣе отъ Катуні выше Тегерскихъ горъ разлеглись горы Ануйскія, Чарышскія, Коксинскія, а ниже Катунскія, подъ которыми, въ связи съ ними, хребетъ Холсунъ». Такъ горы разлеглись въ воображеніи у автора,

а въ дѣйствительности въ обратномъ отношеніи, и именно горы Ануискія, Чарышскія, Коксинскія не выше, а ниже Тегерскихъ горъ, Катунскія напротивъ не ниже, а *выше*. Хребетъ Холсуиъ не подъ горами Катунскими, а *выше* ихъ.

«Эта сплошная, все болѣе тѣсная къ низу сѣть...» Сказанное къ низу надобно разумѣть къ *верху*.

Стран. 11: «рѣку Чую, текущую отъ Катуня». Рѣка Чуя не течетъ отъ Катуня, а впадаетъ въ нее.

«Мыота окружена горами; строевой лѣсъ, лиственничный, чрезвычайно труденъ для рубки, по твердости; морозы жестоки, не рѣдко доходятъ до 40°, снѣгу мало, и тотъ исчезаетъ съ первымъ бураномъ». Это описаніе, относительно лиственницы и малоснѣжія, пригодно не одной Мыотѣ, но всей южной половинѣ Алтая, относительно же морозовъ и всему Алтаю.

«Жители кругомъ (Мыоты), большею частью Алтайскіе кочевые калмыки, отличаются отъ всѣхъ другихъ племенъ особенною дикостію, а вблизи много одноплеменныхъ Мыютинцамъ язычниковъ». Во первыхъ Алтайскіе кочевые калмыки отличаются дикостію, но не *особенною*, а обыкновенною, свойственною всѣмъ Алтайскимъ инородцамъ. Во-вторыхъ Мыютинцы большею частью *Телюты*, слѣдовательно не *одноплеменны* съ калмыками.

Стран. 15. «Выше озера Телецкаго по всему краю расположились Черневые татары; а ниже его тотчасъ при совпадающихъ тутъ рѣкахъ Чулышману и Башкоусу... все сплошь совершенно засѣяно одними язычниками». Частицы *выше* и *ниже* стоятъ не на своихъ мѣстахъ. Имъ слѣдуетъ перемѣниться. Черневыхъ татаръ язычниковъ нельзя противопоставлять язычникамъ же.

Стран. 46. «Не приличной нашей народной брани (инородцы) не имѣютъ.» Хорошо было бы, если бы не имѣли, но къ несчастію и не знающія по-русски ругаютъ коней всегда не хорошими словами.

«Пословиць и пѣсеней нѣтъ.» Есть и пословицы, и много народныхъ пѣсенъ: историческихъ, печальныхъ, веселыхъ и проч.

Стран. 47. «Зайсанъ—наслѣдственный старшина; въ другихъ племенахъ его зовутъ Башт(л)ыкъ. Демича—старшина». Башлыкомъ называется старшина не наслѣд-

ственный, а избранный обществомъ на одно трехлѣтіе. Демича не старшина, а помощникъ его.

«Крещенные занимаются и пчеловодствомъ». Пчеловодствомъ занимаются весьма многіе въ сѣверной половинѣ Алтая и некрещенные; напр по р. Антропу, у некрещенныхъ инородцевъ количество ульевъ доходить иногда до 1,000.

«Абысзъ» вездѣ переводится священникъ, миссіонеръ (см. стр. 73). Но такъ зовутъ не одного священника, а и кама или шамана, особенно въ сѣверномъ Алтаѣ.

Стран. 104. «Не было еще примѣра, чтобы крестившійся, какого бы онъ ни былъ возраста, не сдѣлался лучшимъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, не переродился совершенно; не было ни одного примѣра, чтобъ крестившійся не остался до самой смерти своей христіаниномъ, истиннымъ, теплымъ, вѣрнымъ.» Конечно, все это желательно, но только не правда. Нѣтъ правила безъ исключенія.

Стран. 111. «О. арх. Макарій род. 1801 г.» Нѣтъ, онъ родился въ 1792 г., а въ 1801 г. онъ поступилъ уже въ Смоленское духовное училище.

Стран. 112. «Начальнику миссіи (о. арх. Макарію) было тогда (при назначеніи въ миссію) только 29 лѣтъ.» Нѣтъ, ему было тогда 37. л.

Стран. 123. «Онъ (о. арх. Макарій) скончался пятидесяти двухъ лѣтъ» О. арх. Макарій умеръ въ 1847 г., а родился въ 1792 г., слѣдов. скончался не 52 лѣтъ.

Стран. 126. «Саудыпскій форпостъ въ самой верхней точкѣ крутаго заворота выходящей изъ Оби рѣки Бія». Были и прежде топографическіе курьезы, будутъ еще и послѣ, но этотъ всѣхъ ихъ позамѣчательнѣе: кажется во всѣхъ географіяхъ—древнихъ и новѣйшихъ—сказано, что р. Бія, слившись съ Катунью, составила Обь (обѣ). Какъ же р. Бія выйдетъ изъ Оби назадъ? Вѣдь она все дѣло испортитъ; безъ нея и Обь не будетъ Обью, а Катунью.

«Улала близъ р. Катуня нѣсколько пониже селенія Майминскаго» (см. еще стран. 127). Слѣдовало сказать *выше*.

«Съ того времени (съ 1857 г.) понынѣ (1865 г.) общее число становъ (миссіи) доведено до осьми, основаніемъ

6) Кебезенскаго, 7) Ильинскаго и 8) Урскульскаго.» Здѣсь Ильинское заведеніе миссіи названо *станомъ*, хотя въ немъ миссіонера и нѣтъ, а о *Кузнецкомъ* отдѣленіи миссіи ни слова. Это уже не потому ли, что Кузнецкое отдѣленіе открыто не монахомъ и въ немъ дѣйствуетъ одинъ на всю Кузнецкую Чернь (23 волости кочев. инор. 10.708 душъ), ежегодно обтекая ее верхомъ, пѣшкомъ и въ лодкѣ, миссіонеръ-священникъ. Не знать же этого авторъ не могъ, потому что онъ упоминаетъ о станахъ Кебезенскомъ и Урскульскомъ, открытыхъ въ 1861 г., а Кузнецкое отдѣленіе миссіи открыто въ 1857 г. Притомъ же записки миссіонера Кузнецкаго отдѣленія, съ самаго открытія его, печатались съ 1858—61 г. въ Душеполезномъ Читеніи и съ 1862—66 г. въ Православномъ Обзорѣніи. Изъ этихъ записокъ есть у автора и выдержки (см. стр. 88). Изъ нихъ же г. авторъ могъ бы узнать, что давно ощущалась потребность постоянныхъ дѣйствій миссіи въ Кузнецкомъ округѣ, такъ какъ, кромѣ множества инородцевъ, не просвѣщенныхъ евангельскою вѣрою, и крещенные здѣсь инородцы требовали духовнаго надзора, руководства и обученія. Они, будучи удалены отъ своихъ духовныхъ пастырей, жили полу-язычески и отличались отъ некрещенныхъ инородцевъ только христіанскими именами: супружества свои не освящали церковнымъ вѣнчаніемъ, дѣтей не крестили, въ болѣзняхъ обращались безъ всякаго зазрѣнія совѣсти къ публичному шаманству. Съ самаго основанія миссіи миссіонеры Улалинскаго, Мыютинскаго, Чемальскаго и Макарьевскаго отдѣленій посѣщали инородцевъ Кузнецкаго округа и пріобрѣтали здѣсь чадъ церкви Христовой. Но еще о. архимандритъ Макарій не довольствовался одними этими проѣздами и сожалѣя о томъ, что миссія не имѣла своего пріюта въ Кузнецкомъ округѣ, говорилъ: «Рыбы, которыя были бы наши, не попадаютъ въ неводъ, потому что онъ малъ, и мы не можемъ вдругъ обхватить имъ столько пространства, сколько потребно.» Но вотъ, благодареніе Господу, неводъ миссіи расширяется: миссіонеръ съ походною церковію во имя св. Іоанна Крестителя, прибылъ въ концѣ 1857 г. въ Кузнецкій округъ и на первый разъ остановился въ деревнѣ Калтанской въ 40 верст. отъ г. Ку-

знецка къ югу, такъ какъ здѣсь нашлось удобное помѣщеніе для церкви и служащихъ въ домѣ кузнецкаго купца М. С. Ерооеева. Познакомившись съ мѣстностію и расположеніемъ осѣдлыхъ жилищъ и кочевьевъ инородческихъ, миссіонеръ нашелъ полезнымъ для службы скочевать (хотя онъ и не монахъ) изъ деревни Калтанской на 20 верстъ вверхъ по р. Кондомѣ, въ улусъ *Кузедьевскій* на лѣвомъ берегу р. Кондомы, противъ впаденія съ обѣихъ сторонъ большаго и малаго Теша, отъ г. Кузнецка въ 60 верст., отъ г. Бійска 180, и главнаго станна миссіи Улалы 240, гдѣ и утвердился въ концѣ 1858 года, занявъ инородческую избу для своего помѣщенія и сѣни къ ней—для амбара. Лѣтомъ подобныя жилища еще сносны, и не препятствуютъ съ о. арх. Макаріемъ наслаждаться Божественною природою Алтайскихъ горъ. «Какая тишина царствуетъ въ этихъ величественныхъ и прекрасныхъ пустыняхъ! Источники чистыхъ всегда прохладныхъ водъ своимъ журчаніемъ не нарушаютъ возлюбленной тишины ихъ, а украшаютъ. Не нарушаетъ сего глубокаго уединенія, а украшаетъ его кроткая серна, гуляющая по скаламъ съ дѣтьми своими. Украсить безмолвіе твое и ласточка, которая, съ позволенія твоего, совьетъ гнѣздо въ юртѣ твоей, будетъ съ утра до вечера многократно влетать къ тебѣ и сидя на верху жилища твоего, увеселять тебя своимъ щебетаніемъ, а съ вечера до утра соловей въ лѣсу будетъ соединять свой голосъ удивительный съ псалмопѣніемъ твоимъ въ славу Создателя. Но паче всего украсятъ твое безмолвіе посѣщеніемъ своимъ природные жители этихъ лѣсовъ и горъ, звѣроловы, твои знакомцы, твои сосѣди, между которыми ты будешь искать дѣтей Иисусу Христу, а себѣ братьевъ по вѣрѣ во имя Его.» Все это хорошо, и даже поэтично. Но зимніе бураны, проникающіе сквозь щели избы, составлявшей роскошь хозяина—звѣролова, охлаждають фантазію миссіонера, которому и слѣдующую зиму предстоитъ жить въ этой же избѣ. Поэтому онъ всѣми силами старается объ устроеніи жилища для себя и сослужащихъ, церкви, училища и проч., безъ ассигнованія средствъ на этотъ предметъ, а только въ надеждѣ на милость Божію. И какъ эта надежда еще никого не

посрамляла, то посылаются и средства отъ многопечительнаго сотрудника миссіи о. Николая Лаврова, милости-вѣйшей графини Маріи Адлербергъ и преосвященнаго Томскаго Паренія, — и миссіонерскій *станъ* готовъ. Съ большими трудами и заботами достаются намъ эти станы. По этому пропускать ихъ пишущему обзоръ миссіи не слѣдуетъ.

Стран. 128. «Миссіонеры—авангардъ истиннаго просвѣщенія свѣтомъ Божиимъ; они потомъ, трудомъ, терпѣніемъ, опасностями, лишеніями, нищетой, дѣломъ тяжкимъ, нерѣдко кровію, побѣждаютъ и идутъ далѣе опять побѣждать, бороться! Бѣлое духовенство, приходитъ какъ окупационный корпусъ; охраняетъ, созидаетъ, утверждаетъ, трудомъ осѣдлымъ, въ довольствѣ и спокойствіи, большею или меньшею, но уже среди своихъ приходоу и семействъ.» Г. автору извѣстно, что миссіа Алтайская состояла въ то время, когда онъ писалъ, изъ одного протоіерея, четырехъ священниковъ, четырехъ іеромонаховъ и проч. (см. стр. 133). И зная это, онъ противопоставляетъ миссіонеровъ бѣлому духовенству, какъ бы вытѣсняя послѣднее изъ *авангарда* въ окупационный корпусъ. Манера ли у него такая противопоставлять одинъ предметъ другому однозначашему же, наприм. язычниковъ—язычникамъ (см. стр. 15), или другое что на умѣ. Но ужь коль скоро такъ сложилось, что бѣлые священники допущены въ авангардъ и шагу не отстаютъ отъ монаховъ, то ихъ толкать оттуда также не благоразумно, какъ заставлятъ р. Бію течь изъ Оби, когда Господь положилъ ей изливаться изъ Телецкаго озера!

Стран. 130. «Чемальское отдѣленіе дѣйствуетъ на Черневыхъ Татаръ и Калмыковъ по обѣимъ сторонамъ Катунн вверху верстъ на 80, и внизъ верстъ за 55, и далѣе до Телецкаго озера; изъ него посѣщаютъ и Кузнецкихъ инородцевъ.» Чемальское отдѣленіе до Телецкаго озера, находящагося *вверху* отъ него, съ открытіемъ Кебезенскаго отдѣленія въ 1861 г. не дѣйствуетъ; равно Кузнецкихъ инородцевъ изъ него съ 1858 года не посѣщаютъ.

Стран. 131. «Катунскіе бѣлкиниже Тегерскихъ.» *Стран.* 127. «Станъ Урсульскій болѣе 300 верстъ ниже Удалы.» Вообще авторъ не дѣлаетъ никакого различія между сло-

вами ниже и выше, и ставить ихъ на угадъ, а оттого и выходить все превратно.

«Какъ уединенный стражъ на восточной сторонѣ, на р. Біѣ, предъ самымъ впаденіемъ ея въ вершину Телецкаго озера Кебезенскій станъ.» Сколько ни посылайте р. Бію въ Телецкое озеро, она туда не пойдетъ. Посылать же притомъ еще ее въ вершину Телецкаго озера просто придирка.

«Кебезенскій станъ надзираетъ юрты Черневыхъ Калмыковъ по берегамъ Біи; а въ самой верхней извилинѣ ея, отдѣленіе Макарьевское возглавляетъ всю эту сѣть миссіонерскихъ центровъ.» По берегамъ р. Біи живутъ не Калмыки, а Черневые Татары, большею частію Кумандинскаго племени. Макарьевское отдѣленіе, стоя ниже Кебезенскаго, возглавлять не можетъ.

Стран. 133. «Соображая скудность средствъ, трудность дѣла, природу мѣстъ и сильныя препятствія и задержки, нѣтъ возможности не признать очевидной помощи Божіей, восполняющей всѣ недостатки, и не воздать великой, душевной благодарности и трудившимся бодро.» Бодро же трудились не одни монахи. Зачѣмъ же вы, г. авторъ, воздвигаете гоненіе на бѣлыхъ священниковъ, и безцеремонно вышибаете ихъ изъ авангарда?

Стран. 146. «Не можемъ не замѣтить и здѣсь (въ выносѣ), по отношенію преимущественной пользы для миссіи бѣльцевъ или монаховъ, что наибольшая часть этихъ весьма важныхъ трудовъ (переводовъ и сочиненій на мѣстномъ нарѣчій), существенно для миссіи необходимыхъ, совершена скромно тѣми же монахами, которые подвергаются лишеніямъ и опасностямъ, и не будутъ,— какъ слѣдуетъ монаху, тщеславно утѣшаться тѣмъ, что имена трудившихся извѣстны свѣту». Дѣйствительно, по лингвистикѣ Алтайцевъ очень многое сдѣлано о. арх. Макаріемъ. Но, вѣдь, о. арх. Макарій человекъ во всемъ гениальный, и его личностію покрывать другія, хотя бы и монашескія, не слѣдуетъ. За исключеніемъ же его, какъ человека необыкновеннаго, миссіонерами монашествующими, съ 1830—1865 г. переведены: 1) чинъ литургіи св. Іоанна Златоустаго, 2) книга св. Геннадія о вѣрѣ и жизни христіанской, 3) простые рассказы о земной жиз-

ни Господа нашего Иисуса Христа и проч., 4) послѣдованіе Часовъ, 5) сборникъ Евангелій воскресныхъ и праздничныхъ. Все это переведено на *южное* нарѣчіе Алтайцевъ. Въ этотъ же періодъ времени переведены миссіонерами—священниками на *сѣверное* нарѣчіе: 1) всѣ необходимыя молитвы, 2) десять заповѣдей Господнихъ 3) символъ вѣры, 4) огласительное ученіе, 5) вопросы при крещеніи и исповѣди, 6) составлены сравнительный лексиконъ обоихъ нарѣчій и 7) грамматика обоихъ же нарѣчій. Изъ этого видно, что бѣльцы не отставали отъ монаховъ. Но если мы припомнимъ, что съ 1830—1865 г. монаховъ было *восемь* человекъ: оо. Анастасій, Пареевій, Акакій, Іоаннъ, Макарій 2-й, Смарагдъ, Дометіанъ и Нифонтъ, а бѣльцевъ только *шесть*: отцы прот. Ландышевъ, В. Весскій, А. Гусевъ. В. Вербицкій, А. Ивановскій и І. Смольяниковъ, то приписывать *наибольшую* часть лингвистическихъ трудовъ, какъ и всяческихъ лишеній и опасностей, на долю монашества, значить оказывать Крыловскую *услугу пустынникамъ*.

Стран. 148. «Нельзя не выразить глубокой благодарности постоянному и чуть ли не единственному попечителю о внѣшнихъ нуждахъ миссіи, въ Москвѣ, ревностному сотруднику и корреспонденту, Спиридоньевской церкви священнику о. Николаю *Лаврову*. Онъ хоть нѣсколько знакомилъ съ миссіею, печатавъ изрѣдка выписки изъ извѣстій получаемыхъ отъ ея начальника и миссіонеровъ; онъ ходатайствовалъ о ихъ нуждахъ, призывалъ благочестивыхъ дателей къ пособіямъ и сообщалъ миссіи сборы эти, совершая все, какъ подобаетъ дѣлу святому, спокойно, скромно, безъ шума. Приношенія эти доходили иногда отъ 400 и до свыше 3.000 р. въ годъ, наибольшую частью едвали не чрезъ руки одного о. Николая *Лаврова*.» Отраднo читать подобныя строки, и нельзя не замѣтить, что о. Николай Лавровъ, въ тяжелые годы Алтайской миссіи, можно сказать, одинъ выносилъ ее на своихъ раменахъ и не смотря на это никогда не вмѣшивался во внутреннее управленіе миссіи; на свой счетъ доставлялъ для нея и бѣльцевъ и монаховъ безъ различія, лишь бы трудились для единого Господа Бога. Вотъ это истинный образецъ для филантроповъ.

Стран. 149. «Кто же изъ истинно православныхъ не воздасть въ сердцѣ своемъ искренняго и радостнаго благодаренія труженикамъ миссіонерамъ Алтайскимъ, терпѣливо, безвѣстно совершающимъ въ горахъ, среди дикой природы и такихъ же людей, великое дѣло самаго благороднаго и высокаго призванія? Господь Богъ награждаетъ ихъ Самъ за истинное посвященіе всей жизни, за истинное, полное пожертвованіе собою дѣлу, на которое мы не обращаемъ даже и вниманія.» Чувствованія автора хороши, но не искренни. Ибо онъ, хотъ благодарить тружениковъ миссіонеровъ Алтайскихъ, но въ тоже время вселяетъ въ это дружественное общество рознь, дѣлитъ его на партіи, одну половину принижаетъ, а другую возвышаетъ. Но совершенно раздѣлить Алтайскую миссіонерскую дружину, имѣющую одинъ интересъ, испытывающую общія и радости и горе, успѣхи и неудачи, ему не удастся.

Стран. 158 «Дознано повсемѣстно, съ древнѣйшихъ временъ и понышѣ, что состояніе, обѣты, жизнь монаха несравненно приличнѣе и способнѣе блага духовенства къ трудамъ Евангельской проповѣди». А еще повсемѣстнѣе дознано, что *огуюомъ* ни хвалить, ни порицать никакую корпорацію нельзя. Гуртовая оцѣнка только скоту прилична; каждая же человѣческая особь имѣетъ свои свойства и способности, независимо ни отъ званія, ни отъ сана.

Стран. 159. «Весь скарбъ и имущество (монаха) помѣщаются въ перекидную суму». Положимъ, монахъ ангелъ, но ангелъ земной, а не небесный. Поэтому его скарбъ съ годовымъ запасомъ пищи и необходимымъ хозяйствомъ въ перекидную суму помѣститься никакъ не можетъ. Явно, что перекидная сума здѣсь поддержана для красоты слога.

«Въ свое время, т. е. между людьми уже обращенными, сгруппировавшимися въ поселки и селенія, бѣлое духовенство съ семействами своими дѣлается необходимѣе монаховъ.» Всѣ станы миссіи суть селенія повокрещенныхъ инородцевъ и ими завѣдываютъ, большею частью, монахи. Не зная мѣстныхъ условій, авторъ бродитъ какъ въ лабиринтѣ. Прежде онъ тянулъ на руку монаховъ, а

теперь гонить ихъ изъ становъ на неприютное кочеванье.

Стран. 161. «О. Арх. Макарій назначилъ мѣсто обители на Телецкомъ озерѣ.» Вовсе не назначалъ, хотя и говорилъ, что обращать при Телецкомъ озерѣ идолопоклонниковъ приличнѣе пустыннолюбцамъ, которые «нигдѣ не найдутъ такого покоя добраго, такого убѣжища отъ молвы, какъ на Телецкомъ озерѣ». Напротивъ того онъ желалъ основать мужской монастырь въ г. Бійскѣ, о чемъ и сносился письменно съ начальствомъ и гражданами этого города. Но, не смотря на согласіе ихъ и отводъ земли, дѣло почему-то не состоялось.

Стран. 163. «Начальникъ (миссіи) и Мальковъ, по желанію послѣдняго, слѣдуя обычаю, между благочестивыми людьми изстари существующему, при затрудненіяхъ не разрѣшаемыхъ собственными соображеніями, съ полною вѣрою слушаться указанія свыше, прибѣгли къ усердному молитвенному правилу съ положеніемъ жеребьевъ съ именами Улалы, Чамала и Телецкаго озера, чтобъ узнать, сперва какое изъ этихъ мѣстъ предпочесть для основанія общины (женской). Два раза сряду жребій указывалъ Улалу.» И не смотря на усердное молитвенное правило и жребіи, все-таки женская община не въ Улалѣ, а на Уахтѣ.

Стран. 164. «Извѣстная въ Томскѣ юродивая Домна Карповна поговаривала ему (г. Малькову) что-то прикровенно, будто падеть на него какое-то дѣло, отъ котораго онъ не долженъ смѣть отказываться; дала ему свитокъ бумагъ и записку, говоря объ о. Іоаннѣ; а когда онъ ѣхалъ изъ Барнаула, то повторяла: смотри, знай, Бій, Бія!.. Будешь съ хозяйками богатыми... билетъ на три года!.. Записку не теряй». Здѣсь не всѣ слова Домны Карповны приведены. Какъ въ первый разъ, такъ и въ другой, послѣ прикровенныхъ словъ, она произносила ясныя, очень не лестныя для Малькова выраженія, и грозныя предсказанія ему, которыя не совѣмъ удобно оглашать.

Стран. 167. «Опытная въ духовной жизни старица, А. С. монахиня Ардатовскаго Покровскаго монастыря, рѣшилась ѣхать въ отдаленный Томскій край. Она была

отвезена туда Мальковымъ, вступила въ начальство своей паствы, для которой все необходимое помаленьку изготовлялось, и теперь, подъ правильнымъ уже руководствомъ, община дѣйствуетъ ревностно въ пособіе и довершеніе трудовъ миссіи». Старица эта, хотя и вывезена Мальковымъ издалека, но къ управленію общиною, по преклонности лѣтъ и смиренію, оказалась неспособною. Община не только не дѣйствуетъ ревностно въ пособіе и довершеніе трудовъ миссіи, но, вмѣстѣ съ своимъ попечителемъ, служитъ камнемъ преткновенія для миссіи.

Стран. 169. «Начальникъ миссіи не могъ ограничиться только однимъ этимъ (хадатайствомъ о жалованьѣ), хотя и жизненно важнымъ для него предметомъ». Этотъ предметъ не только для него *одного* жизненно важенъ, но и для всей миссіи, не исключая и монаховъ; такъ какъ и они, не смотря на обѣты нестяжанія, отъ жалованья не отказываются же.

Стран. 170 «Кто же лишалъ и лишаетъ семейныхъ священниковъ права и возможности быть миссіонерами? Объ этомъ, какъ извѣстно, никогда не было ни мысли, ни рѣчи». Вы, г. авторъ, лишаете этого права бѣлыхъ священниковъ на страницахъ 128, 158, 170, 171, 173, 175, и проч. вашего сочиненія.

«Доказано въ той же Алтайской миссіи и въ Архангельской губерніи, что какъ тутъ множество людей, такъ и тамъ Самоѣды, которые по оффиціальному убѣжденію даже уже были обращены въ Христіанство *всѣ*, — оказались большею частью, съ семействами своими, не только утратившими всякое уваженіе къ истинной вѣрѣ, но преспокойно воспитывающими новыя поколѣнія въ старомъ язычествѣ. А они и крещены, и по крещеніи были поручены водительству священниковъ. Что же мѣшало имъ и семействамъ ихъ въ непрерывныхъ и тѣсныхъ соотношеніяхъ и связяхъ съ семействами окрещенныхъ, не только заводить больницы, школы, пріюты, обучать, доставлять ближайшія, всегдашнія пособія, но хотя бы только поддерживать искру вѣры, чтобъ она не угасла такъ безслѣдно, какъ то оказалось»? Здѣсь священники приходскіе, имѣющіе въ своихъ приходсахъ большую

часть русскихъ людей, доставляющихъ имъ содержаніе, смѣшаны съ священниками миссіонерами, которые, не имѣя приходоѡ, исполняютъ пастырскія обязанности *исключительно* только у инородцевъ, и притомъ безвозмездно со стороны послѣднихъ. У однихъ инородцы лишнее бремя, а у другихъ только и обязанность въ томъ, чтобы водиться съ инородцами. Но если водительство священниковъ не удалось, то зачѣмъ же авторъ въ противорѣчіе себѣ (см. стран. 171), крещенныхъ вновь монахами, опять таки поручаетъ водительству тѣхъ же бѣлыхъ священниковъ? Надобно бы попробовать уже монаховъ на этомъ водительствѣ. Можетъ быть они и въ самомъ дѣлѣ лучше? Но опытъ доказалъ въ той же Алтайской миссіи, и именно въ кузнецкомъ округѣ, что крещенные о. арх. Макаріемъ и другими миссіонерами монахами (въ томъ числѣ и такую почтенную личность, которая описана на стран. 151,) инородцы—Бачатскіе Телеуты нисколько не лучше крещенныхъ приходскими священниками. Слѣдоват. преобразование язычника въ истиннаго христіанина не отъ того зависитъ, кѣмъ этотъ язычникъ крещень, *піонеромъ Евангельской проповѣди*, или просто священникомъ, а совершенно отъ другихъ условій.

Стран 171. «Гдѣ учредится поселокъ, селеніе новокрещенныхъ, весьма желательно, чтобъ тамъ былъ тотчасъ *приходъ*, бѣлый священникъ, желательно, чтобъ онъ еще и согласился на приходъ самый не богатый, напр. отъ 8—10—15 семей, что для семейнаго есть уже *самопожертвованіе* и *стѣсненіе* свободы всѣхъ членовъ его семьи, желательно, чтобы семейство его ревностно занималось, во всѣхъ упомянутыхъ отношеніяхъ, семействами новокрещенныхъ, а онъ ревностно поддерживалъ бы и развивалъ въ нихъ Вѣру». Желанія хорошія, жаль только, что они не выполнимы и не современны, когда вездѣ говорятъ и пишутъ объ улучшеніи быта бѣлаго духовенства. Алтайскихъ кочевыхъ инородцевъ живущихъ разбросанно, аилами отъ 1—5 юртъ, считается по крайней мѣрѣ 7.000 семей. Если эти идолопоклонническія семьи примутъ христіанство, тогда составляетъ изъ нихъ, по распредѣленію автора, 466 приходоѡ.

требующихъ *четырехъ сотъ шестидесяти шести* бѣлыхъ священниковъ, которые трудами рукъ своихъ должны снискивать себѣ пропитаніе (такъ какъ отъ 15 новокрещенныхъ семей имъ ожидать нечего); и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ они сами, такъ и семейства ихъ ревностно должны поддерживать и развивать въ новопросвѣщенныхъ вѣру. Очень практично!

«Дѣло миссіонерства есть дѣло, *по превосходству*, монаховъ». На той же страницѣ выше: «Дѣло не въ предсѣданіяхъ и разбирательствѣ, кто лучше, кто способнѣе; *дѣло въ дѣль*». Стран. 173. «Кто же лишалъ или говорилъ когда, что (бѣлые священники) должны быть лишаемы чести (миссіонерскаго служенія)?» На этой же страницѣ: «Бѣлому священнику, не касаясь его достоинствъ и таланта, *не нормально* быть миссіонеромъ».

«Стран. 174. Слова о. протоіерея Лапдышева: удѣлъ миссіонеровъ священниковъ въ мѣстахъ населенныхъ новообращенными и болѣе доступныхъ къ проѣзду; а доля приличная монахамъ, преимущественно тѣ мѣста, гдѣ еще нѣтъ христіанства и удобныхъ путей сообщенія. «Стало быть (замѣчаетъ авторъ) то, что мы говорили и эти собственныя слова опытнаго (*sic!*) начальника миссіи—одно и тоже; т.-е удѣлъ священника приходъ обращенныхъ, съ его службами, требами и пастырскимъ попеченіемъ о прихожанахъ, удѣлъ монаха обращеніе т.-е. то, что называется именно *миссіонерствомъ*». Вы, г. авторъ, не поняли словъ уважаемаго вами о. протоіерея. Онъ говоритъ о томъ, въ какихъ станахъ приличнѣе жить монахамъ и въ какихъ бѣльцамъ, но служеніе на приходское и миссіонерское не раздѣляетъ; мысль объ этомъ раздѣлѣ принадлежитъ вполнѣ вамъ, г. авторъ.

Стран. 175. «Честь и слава миссіонерамъ священникамъ и несомнѣнная награда имъ отъ Господа.» Чѣмъ обѣщать награду отъ Господа, лучше не бросать въ нихъ камень.

«Бѣлое духовенство точно было посылаемо на проповѣдь, а потому оно и обратило въ христіанство и крестило значительное число людей, иногда цѣлыми мѣстностями; крещенные поручались послѣ его же попеченію, но чрезъ нѣсколько лѣтъ въ однихъ мѣстахъ находили

сильное приращеніе не крещенныхъ между крещеными, въ другихъ ослабленіе вѣры и понятія о ней, т. е. уже полуязычество въ крещенныхъ; въ другихъ наконецъ совершенную утрату всякаго начала христіанства.» Этотъ фактъ у автора приведенъ трижды, но и отъ этого не приобрѣлъ ни большей силы, ни значенія, такъ какъ все тоже самое случалось и съ миссіонерами монахами.

Стран. 177. «Ясно, что первыми помощницами самимъ женамъ и семействамъ бѣлыхъ священниковъ миссіонеровъ будутъ всегда сестры общины.» Не давно (см. стр. 175.) г. авторъ говорилъ, что миссіонерами должны быть монахи, а теперь опять говорить о миссіонерахъ священникахъ, да еще съ благоволеніемъ.

Стран. 178. «Благодать Господа можетъ восполнить и недостатокъ семейства, какъ безъ благословенія Его и семейство можетъ не принести никакой пользы.» Монаху благодать, а семейному—неблагословеніе. Зачѣмъ же такое неравенство? У Господа Бога достанетъ благодати и благословенія и тѣмъ и другимъ.

Стран. 179. «Арх. Макарій предрекшій бытъ монастырю на Телецкомъ озерѣ.» Нигдѣ и никогда это не предрекшій.

Стран. 180. По одному тому, что есть полоска земли какъ лента, за Телецкимъ озеромъ, на которой можно жить кочевому калмыку, нельзя еще опровергать, что это же самое мѣсто не можетъ быть «отдаленное, недоступное и ущельное, непроходимое, не населенное, вовсе не соотвѣтствующее святой цѣли.» Мѣсто для миссіонерскаго монастыря дѣйствительно выбрано очень неудачно. Съ этимъ всякій согласится, кто на столько знаетъ край Алтайскій, что можетъ отличить сѣверъ отъ юга, верховье рѣки отъ устья.

«При избраніи сѣбѣ преемника (Ландышева) о. арх. Макарій, прежде всего *предложилъ* ему принять монашество, какъ званіе и состояніе преимущественно предпочтительнѣйшее для миссіонера.» О. протоіерей говорить, что такого предложенія вовсе не было. Можетъ быть автору объ этомъ болѣе извѣстно. Не оспариваемъ.

Стран. 181—183. Выписка изъ мыслей о. арх. Макарія, конечно, приведена для подтвержденія мыслей г. автора, а между тѣмъ эта же выписка служитъ подтвер-

жденіемъ и нашихъ словъ, потому что въ составъ миссіонеровъ входятъ здѣсь и «миссіонеры избравшіе для себя путь супружескаго состоянія.» Глубоко опытный миссіонеръ не опредѣлилъ этому разряду миссіонеровъ *въ приходѣ* отъ 8—15 повокрещенныхъ семей.

Стран. 184. «Благорасположенные къ дѣлу, готовые на пожертвованія, весьма естественно ждали, для совершенія приношеній, пріѣзда избираемаго начальника для обители, главнаго распорядителя и его дѣйствій; а начальникъ, имѣвшійся въ виду, съ своей стороны можетъ ждалъ для отъѣзда ихъ пожертвованіи, распоряженій и дѣйствій, и отъѣздъ не состоялся.» А если избираемый начальникъ не ждалъ ни отъ кого пожертвованій и не пуждался въ нихъ, то явно, что здѣсь клевета.

Стран. 193. «Въ деревнѣ Калтанской, гдѣ миссіонера нѣтъ постояннаго, нуженъ на первое время хотя учитель, необходимы домъ для помѣщенія училища, средства на его содержаніе и на пособія и обзаведеніе повоображающихся.» Село (а не деревня) Калтанское состоитъ изъ русскихъ крестьянъ, съ приходскимъ причтомъ; въ немъ нѣтъ ни одного инородца. Къ чему же такая забота г. автора о заведеніи здѣсь миссіонерскаго училища? Если жители захотятъ, то и сами заведутъ училище, а учителя — священникъ и два причетника — у нихъ готовы. Заботу автора о крестьянскомъ селѣ Калтанскомъ развѣ объяснять благодарностію за то, что миссіонеръ кузнецкаго отдѣленія, за неотстройкою стана въ улусѣ Кузедѣвскомъ, прожилъ здѣсь годъ съ своею походною церковію?

Стран. 194. «Мы предоставляемъ себѣ въ послѣдствіи изложить такія же свѣдѣнія о другихъ нашихъ миссіяхъ.» Если *такія же*, то благоразумнѣе бы сдѣлалъ авторъ, еслибы пріостановился.

Въ заключеніе замѣчу, что сказанное на стр. 187—191 о г. Мальковѣ должно почитать опечаткой

Миссіонеръ свящ. В. Вербицкій.

27 марта 1867 года.

Ул. Кузедѣвскій.

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ ИЗЪ БЕЗПОПОВЩИНСКАГО РАСКОЛА.

Въ одномъ небольшомъ городкѣ обширной Россіи, въ православной церкви только что кончилась св. Литургія; народъ, бывшій въ церкви, уже разошелся; иные, пріѣхавшіе изъ деревень, справляли своихъ лошадей. чтобы тоже отправиться домой. Священникъ, кончивъ свое дѣло въ церкви, шелъ уже домой; но на дорогѣ ждалъ его мущина среднихъ лѣтъ съ большой бородой и не остриженными усами. Когда священникъ поровнялся съ нимъ, онъ съ низкимъ поклономъ обратился къ нему.

— Я къ твоей милости, у меня есть просьба до тебя, отецъ.

— Если есть просьба, такъ пойдемъ ко мнѣ на домъ; тамъ и поговоримъ о дѣлѣ. Здѣсь на улицѣ толковать не совсѣмъ удобно: и намъ помѣшаютъ, и мы пожалуй помѣшаемъ другимъ.

Въ домѣ священника незнакомецъ объявилъ ему свое желаніе жениться.

— Хорошо, это дѣло доброе и законное. Кто же ты? Я тебя что-то не знаю.

— Да не мудрено, отецъ, что ты меня не знаешь: я по старой вѣрѣ.

— Ну, вотъ это уже совсѣмъ дѣло недоброе, что ты не принадлежишь Св. Церкви православной. Какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ.

— А по отцѣ?

— Да такъ меня все зовутъ: Иванъ, да Иванъ.

Подумавъ, что онъ или не помнитъ своего отца, или онъ сынъ незаконорожденный, что обыкновенно бываетъ съ старообрядцами безпоповщинскаго толка, каковы старовѣры здѣшняго края,—священникъ не сталъ допытываться имени отца его, и узнавъ, что прозвище ему: Парфеновъ, сталъ называть его Иваномъ Парфенычемъ, и спросилъ: А кто твоя невѣста?

— Да невѣста-то церковная.

— Такъ какъ-же мнѣ повѣнчать тебя на церковной?

Вѣдь чрезъ бракъ двое соединяются благодатию Божіею въ одно; а вотъ у васъ розъ: ты старообрядецъ, а невѣста церковная. Она напр. пойдетъ въ храмъ Божій, а ты пойдешь въ какую-либо моленью, да будешь слушать своихъ наставниковъ, которые и вѣсть-то не велятъ вамъ вмѣстѣ съ церковными. Что же у васъ будетъ за единство? Что будетъ за согласіе и любовь, какихъ самъ Богъ требуетъ отъ мужа и жены и безъ коихъ невозможно супруж. счастье? По тѣлу вы будете одно, а по душѣ далеки другъ отъ друга. Нѣтъ, Иванъ Пароеньчъ, такой бракъ дѣло не совсѣмъ доброе. Да еще, пожалуй, будетъ раздоръ и изъ-за дѣтей. Вотъ, Богъ дастъ вамъ дитя; пожалуй, ты потащишь его къ своимъ наставникамъ, а жена твоя церковная этого не захочетъ, и выйдетъ дѣло совсѣмъ не хорошее; можетъ еще и хуже того случиться; можетъ-быть дитя по упорному несогласію твоему крестить его въ св. православной Церкви, умереть не крещеннымъ, слѣдственно не очистившимся чрезъ св. крещеніе отъ прародительскаго грѣха; но, по слову Христа Спасителя, *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе* (Іоан. 3, 5). И большой грѣхъ падетъ на ваши души за это; да и я не буду совсѣмъ правъ предъ Богомъ, если, предвидя это, не постараюсь о томъ, чтобъ этого грѣха не случилось. Надобно тебѣ сказать еще и то, что я не могу повѣнчать тебя на церковной; Благочестивѣйшій Государь, предвидя, что добраго не бываетъ отъ браковъ старообрядцевъ съ церковными, закономъ вовсе запретилъ такіе браки (Т. X. ч. 1. стр. 33); поэтому, хотьбы и хотѣлъ я, такъ не могу повѣнчать тебя съ церковной, если ты останешься въ расколѣ и не примешь православія.

— Да я и самъ думаю, отецъ, что мнѣ ужъ не придется оставаться старообрядцемъ.

— Да благословитъ Господь твое святое намѣреніе оставить заблужденіе и присоединиться къ Церкви Христовой. Это мысль добрая, это самъ Царь небесный внушаетъ тебѣ обратиться на путь истины. Самъ ясно увидишь, что ты станешь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, когда станешь сыномъ святой Церкви Христовой, полной любви и благодати Божіей; не будетъ она въ твою душу

поселять ненависти противъ ближнихъ, или учить, чтобы ты не молился, или не бѣлъ съ твоимиже братьями Русскими, а будетъ учить по закону Божію всему доброму и благочестивому. Ты можешь быть и самъ бывалъ въ православныхъ храмахъ и самъ слышалъ и святѣя пѣсни, и молитвы?

— Бывалъ, какъ не бывать? Вотъ и сегодня былъ въ твоей церкви, слышалъ, отецъ, какъ ты читалъ наставленіе; мнѣ оно правилось; даже слезы навернулись у меня. Какъ я жилъ прежде въ Курляндіи, гдѣ нѣтъ церквей, такъ ходилъ тамъ въ наши моленни; но тамъ наставленій я не слышалъ, а молитвы читаютъ не всегда съ толкомъ. Какъ попадетъ хорошій грамотѣй, такъ еще прочитаетъ молитву ладно; а другой и читать-то не умѣетъ, то и дѣло запинается. Господь знаетъ, что онъ тамъ читаетъ. А иной бойко читаетъ, да въ толкъ мало что возмешь. Что-жъ тамъ за молитва? Отбивай, знай, поклоны; а за что, и не знаешь самъ. Отъ того, какъ я зашелъ въ здѣшнюю сторону, такъ по праздникамъ и по воскресеньямъ ужъ сталъ ходить въ православныя церкви.

— Видишь, ты самъ уже на дѣлѣ испыталъ, что въ православныхъ-то церквахъ несравненно лучше чѣмъ въ моленняхъ старовѣровъ. Кромѣ того въ нашей Церкви, какъ Церкви истинной, всегда совершается святѣйшее таинство причащенія, которое установилъ самъ Христосъ. А у васъ не только этого нѣтъ, но и таинство муропомазанія ваши наставники тоже не только отвергають, но считаютъ нечистымъ.

— Да, отецъ, я самъ это слышалъ отъ нашихъ, они нехорошо говорятъ о мазаніи муромъ.

— Чтоже они говорятъ?

— Да если-де кто помажется муромъ, того нужно выжигать огнемъ.

— Какъ же это можно сдѣлать? Вѣдь св. Церковь велитъ намъ помазывать св. муромъ чело, глаза, ноздри, уста, уши, грудь, руки и ноги! Какъ же можно огнемъ выжигать принявшаго св. муропомазаніе?

— Да Богъ ихъ знаетъ, накаленнымъ желѣзомъ что-ли.

— Ну посуди ты самъ, — какъ можно накаленное желѣзо накладывать на глаза?

— Вѣстимо, лопнуть.

— Видишь, какіе у васъ руководители: хотять уродовать людей; а не разумѣють эти слѣпцы, что чрезъ св. муропомазаніе даруется человѣку благодать Божія, которая не остается на частяхъ муропомазанныхъ, а проходитъ въ самую душу человѣка. Такъ напримѣръ, когда помазывается чело, то чрезъ это освящается самый умъ человѣка; когда помазывается грудь, тогда освящается сердце человѣческое. Какъ же можно думать, что можно выжечь съ человѣка благодать Божию? Забываютъ еще неразумные наставники ваши, что вѣдь не мы сами выдумали св. муропомазаніе, а его предали намъ св. апостолы и ихъ преемники. Пусть они прочитають, что говорятъ св. Апостолы: *вы помазаніе имате отъ Святаго и вѣсте вся* (1 Иоан. 2, 20). *Извѣствуяй насъ съ вами во Христвъ и помазавый насъ Богъ, Иже и запечатль насъ и даде обрученіе духа въ сердца наша* (2 Кор. 1, 21—22). Пусть ваши грамотѣи сами почитають и Слово Божіе и писанія св. Отецъ: въ нихъ они найдуть ясное ученіе о св. муропомазаніи. Было это таинство въ Церкви православной — Русской съ самаго начала ея, со временъ св. Владимира, который принялъ св. вѣру отъ Грековъ, было оно и до патріарха Никона, и въ самыхъ старыхъ потребникахъ, или чиновникахъ напечатанъ чинъ св. муропомазанія. Какъ же можно отвергать это св. таинство? Какъ можно не вѣрить ни слову Божію, ни освященнымъ Церковію книгамъ? Выходить, что ваши наставники выдумываютъ сами свое ученіе, а не слушають ученія св. апостоловъ и не слѣдуютъ ему. Жаль ихъ; но нельзя скрыть грознаго слова апостольскаго противъ ложныхъ учителей: *Аще мы, или ангель съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анижема да будетъ* (Гал. 1, 8).

— Да какъ же, батюшка? Вѣдь наши грамотѣи читають же то, что вотъ ты мнѣ привелъ изъ Писанія. Какъ же они Бога не боятся, не дѣлають такъ?

— Отъ того-то, Иванъ Парѣенычъ, они самые жалкіе люди, что они все это могутъ читать въ старопечатныхъ книгахъ, — иные и читають, — по увы, не хотять слушать своего ученія и учать самовольно другому. Сердце болитъ у насъ по такихъ учителяхъ; Господь строго взы-

щеть съ нихъ, что они не только сами остаются въ заблужденіи, не только сами не слушаютъ и не исполняютъ что заповѣдали намъ св. Апостолы и св. отцы, а вотъ и васъ простыхъ и неграмотныхъ людей учать не доброму и святому, а неправдѣ и богопротивному. А вы ихъ слушаете; но и вы не будете правы.

— Да какъ же мы будемъ виноваты, что изши наставники учать насъ неправому?

— А правъ ли бы ты былъ, если бы кто сталъ учить тебя не молиться и не поститься?

— Какъ же можно, отецъ, не молиться и не поститься? Вѣдь Господь велѣлъ это дѣлать.

— Господь же велѣлъ всѣмъ и приобщаться св. таинъ. Онъ въ св. Евангеліи сказалъ: *примите, ядите, сіе есть тѣло мое; пейте отъ нея вси, сія бо есть кровь моя новаго завета* (Мат. 26, 26—27); сказалъ еще Спаситель: *аще не съесте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). Святой Духъ, просвѣтившій св. Апостоловъ, повелѣлъ имъ вѣровавшихъ и крестившихся помазывать св. муромъ. Какъ же можно слушать такихъ учителей, которые учать богопротивному? Какъ же не будетъ виноватъ тотъ, кто слушаетъ людей, а не слушаетъ Бога?

— Да вѣдь мы люди темные, — сами читать святое ученіе не можемъ; такъ съ насъ не взыщетъ Господь, что мы, не зная Его ученія, слушали нашихъ наставниковъ.

— Не всѣ же старообрядцы люди темные и не грамотные, какъ ты; есть у васъ и люди умѣющіе читать слово Божіе; какъ же они не дадутъ отвѣта Богу въ томъ, что не слушаютъ Слова Божія? Но и темные люди не лишены разсужденія. Посему не дашь ли ты отвѣтъ Богу, если останешься въ расколѣ, когда ты уже хорошо узналъ, что въ нашихъ церквахъ лучше, чѣмъ въ старовѣрскихъ молебныхъ, въ которыхъ нѣтъ ни священниковъ, ни святѣйшаго таинства причащенія, ни другихъ таинствъ?

— Да, у нихъ этого нѣтъ; и старовѣрскіе наставники строго запрещаютъ своимъ приобщаться; говорятъ, что кто пойдетъ на причащеніе, тотъ семь разъ будетъ проклятъ. И если кто, приобщившись въ православной церкви, опять

захотѣлъ бы перейти въ старую вѣру, такъ тотъ долженъ семь лѣтъ отмаливаться за это.

— Не вѣдять, что творять, не вѣдять, чему учать, ваши неразумные и не боящіеся Бога наставники. Какъ можетъ не только семь разъ, но и одинъ разъ быть проклятъ тотъ, кто, слушая самаго Христа, будетъ вкушать въ святомъ причастіи тѣло и кровь Христову? Какъ можетъ быть проклятъ тотъ, кто чрезъ принятіе тѣла и крови Христовой соединится съ самимъ Христомъ? Послушай, что сказалъ самъ Господь въ Евангеліи: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Нѣтъ, другъ мой, повѣрь не мнѣ, а самому Христу, не проклятіе получаетъ приобщающійся тѣла и крови Христовой, а великій даръ Божій: очищеніе отъ грѣховъ и освященіе.

— Но если нѣтъ причастія у старовѣровъ, за то у нихъ есть исповѣдь.

— Исповѣдь у нихъ есть; но она не законна: кто далъ имъ право вязать и рѣшать? Да и едва ли доброе наставленіе могутъ дать на исповѣди темные люди, ничего сами изъ слова Божія не понимающіе; но ты самъ бывалъ на исповѣди и уже знаешь это хорошо.

— Да больше всего крѣпко наказываютъ не ходить въ православныя церкви, не велятъ міршиться, — значить, ѣсть изъ одной посуды съ церковнымъ. Ну, а какъ не обміршиться, живя въ мірѣ вмѣстѣ съ разновѣрцами? А какъ проклинають тѣхъ, которые стали церковными!

— Увѣренъ я, что ты, Иванъ Пароенычъ, не захочешь остаться въ слѣпомъ послушаніи такимъ любителямъ проклятій, такимъ слѣпымъ вождямъ, губящимъ и себя и другихъ, а захочешь очистить свою душу святыми таинствами, захочешь переродиться, принявъ святую православную вѣру.

— Да, я желаю, отецъ, принять православную вѣру.

— Такъ теперъ ты приходи въ церковь каждое воскресенье и каждый праздникъ, а изъ церкви заходи ко мнѣ, я тебя буду еще учить св. вѣрѣ, а тамъ я тебя присоединю къ св. Церкви и повѣщаю.

Такъ и было; присоединеніе не было замедлено; но бракъ, къ сожалѣнію, очень замедлился. Невѣста имѣла

билетъ солдатской жены; мнимый мужъ ея, около 20 лѣтъ назадъ тому отданный въ рекруты, былъ раскольникъ и никакой вѣсти о себѣ никому не давалъ. По изслѣдываніи дѣла оказалось, что невѣста прежде и не была вѣнчана. Послѣ долгаго ожиданія наконецъ получено разрѣшеніе вступить ей въ бракъ.

Предъ самымъ бракомъ обратившійся къ православію, придя къ священнику съ своею невѣстою, обратился къ нему съ такими словами: «ты, кормилецъ, присоединилъ меня къ Христовой Церкви и я увидѣлъ въ ней свѣтъ; вотъ ты же теперь хочешь и повѣнчать меня, — сдѣлай ужъ милость, будь моимъ посаженнымъ отцемъ и благослови меня предъ бракомъ». Говоря это сквозь слезы, онъ, какъ ребенокъ, гладилъ бороду священника. Разумѣется, священникъ охотно согласился на его просьбу и благословилъ его иконою.

Б. II. I. II.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ НА ПОСТРОЙКУ ПРАВОСЛАВНАГО ХРАМА ВЪ НЬЮ-ЙОРКЪ.

Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора и по благословенію Святейшаго Правительствующаго Синода предпринимается построеніе православной церкви въ Нью-Йоркѣ.

Это будетъ первый русскій храмъ въ Америкѣ, необходимый по многимъ причинамъ. Тамъ проживаютъ наши соотечественники и единовѣрные намъ Славяне и Греки, при неимѣннн православнаго храма, лишенные возможности почерпать благодатное освященіе и духовное утѣшеніе въ священнодѣйствіяхъ и молитвахъ святой нашей Церкви. Тамъ и мѣстное населеніе, съ нѣкоторыхъ поръ, явно обнаруживать сильное желаніе ближе узнать святое православіе, въ видахъ духовнаго единенія. Предполагаемому къ учрежденію въ Нью-Йоркѣ православному храму предстоить, такимъ образомъ, послужить къ духовной пользѣ какъ нашихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, такъ и той націи, среди которой привелось имъ проводить свои дни.

Потребность сія ясно выразилась уже въ иновѣрной Америкѣ; признана она и въ православной Россіи. При первой вѣсти о предположеніи устроить православный храмъ въ Нью-Йоркѣ, нѣкоторые Американцы, не принадлежа къ исповѣдуемой нами вѣрѣ, пожелали принять непосредственное участіе въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ и пожертвовали на этотъ предметъ до 5, 500 долларовъ. Въ предѣлахъ Россіи многіе изъ нашихъ соотечественниковъ также успѣли принести свои посильныя лепты на Нью-Йорскую церковь.

Но собранной, такимъ образомъ, суммы еще далеко недостаточно на довершеніе предпріятого. Посему, съ благословенія Святѣйшаго Синода, приглашаются христоролюбивыя чада святой нашей Церкви споспѣшествовать своими посильными приношеніями осуществленію св. дѣла.

Православный народъ Русскій искони славится своею пламенною ревностію о благолѣпії и благоустроеніи св. церквей; его благочестивымъ усердіемъ воздвигнуты, поддерживаются и благоукрашаются, къ славѣ и торжеству Православія, многочисленныя храмы не въ одной только Св. Руси, но и во многихъ единовѣрныхъ и иновѣрныхъ странахъ; на его жертвы въ недавнее время сооружены православныя церкви въ Парижѣ и въ Женевѣ. Безъ сомнѣнія не откажется православный Русскій народъ и нынѣ, съ сердечною готовностію, раздѣлить великую и святую заботу объ устроеніи православнаго въ Нью-Йоркѣ храма, изъ коего впервые возсіяетъ на американской землѣ благодатный свѣтъ православно-вселенскаго Христова ученія, и который будетъ новымъ достославнымъ памятникомъ живой и плодоносной вѣры и неизсякаемой щедродательности благочестивыхъ сыновъ Россіи.

Желающіе могутъ присылать свои пожертвованія по почтѣ или въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ, или, для доставленія въ оное, къ мѣстнымъ въ каждой губерніи, преосвященнымъ.

О П Е Ч А Т К А .

Въ апрѣльской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* во II отдѣлѣ, въ статьѣ: «Акты XVII вѣка о чудесномъ исцѣленіи отъ иконы свят. Николая и о св. мурѣ», на стр. 162, въ строкѣ 4 сверху напечатано: подтверждають, слѣдуетъ читать: подтверждаетъ.

Воззвание настоятеля Троицко-Стефановскаго Уль-яновскаго монастыря, Устьсысольскаго уѣзда, Вологодской епархіи, строителя іеромонаха Матѣя, бывшаго, инока и намѣстника Соловецкой оби-тели.

Блаженіи милостивіи, яко ти помиловани будуть. (Матѣ. Глав. 5. ст. 7).

Христілюбивые благотворители и любители благолѣпія Домѣ Божіи!

Смирная и бѣдная, вѣтренная управленію моего недостойнаго, обитель взываетъ къ Вашему милосердію о христіанскомъ вспоможеніи въ ея крайнихъ и неотложныхъ нуждахъ.

Изъ напечатанной въ № 41 «Духовной Бесѣды» 1866 года статья подъ заглавіемъ: «Изъ Соловецкаго монастыря: новый монастырь у Зырянъ», Вашею благодіею извѣстно, когда и кѣмъ основана наша обитель, когда упразднена, какъ и по какимъ причинамъ она въ 1860 году, со благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъ безприходной церкви снова обращена въ прежнее свое монастырское состояніе съ нынѣшнимъ наименованіемъ, и наконецъ, по какому случаю недавно состоялось новое распоряженіе Св. Синода о назначеніи для управленія и устройства ея иноковъ монастыря Соловецкаго.

Эти иноки, числомъ пять, между ними и я грѣшный, прибыли въ обитель и вступили въ свои должности 2-го августа сего года. Не безъ скорби и туги сердечной увидѣли мы новое Промысловѣ Божіимъ указанное намъ мѣсто жительства, И нельзя было не воскорбѣть при видѣ поразительной бѣдности обители: малая деревянная церковь и близъ нея три небольшихъ, ветхихъ деревянныхъ дома, точнѣе сказать—три сельскихъ избы, служащихъ келліями для монашествующихъ, съ нѣсколькими хозяйственными при нихъ постройками; церковь вмѣсто ограды, обнесена частоколомъ; келліи не имѣютъ никакой ограды,—таковъ внѣшній видъ обители, которому соответствуетъ и внутренняя бѣдность: церковь до нищеты скудна всякими утварями и казною (а); помѣщенія для монашествующихъ тѣсны и неудобны; братія нуждаются въ одеждѣ, въ обуви, даже иногда въ пищѣ; во время прибытія нашего въ обитель, не было въ ней ни одного фунта ржаной муки, которую замѣняла ячменная, крупнаго размола и не совсѣмъ хорошаго качества...

Призвавъ на помощь Господа, Его Пречистую Матерь и святыхъ угодниковъ вологодскихъ и соловецкихъ, приступили мы къ благоустроенію обители, начавъ это дѣло съ важнѣйшаго и необходимѣйшаго. Прежде всего мы ввели въ ней порядокъ церковнаго Богослуженія и монастырскаго общежитія по чину и уставу Соловецкой обители. И благодареніе Богу! За добрымъ началомъ не замедлили явиться и благи послѣдствія. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ обитель, когда распространился въ окрестностяхъ слухъ о вводимыхъ нами въ ней новыхъ порядкахъ, начали умножаться у насъ и богомольцы и братія: число послѣднихъ те-

(а) Такъ наприм. въ церкви одна только мѣстная средней вилочки свѣча предъ иконою Нерукотвор. Образа и та отъ давности весьма обезображена пылью, копотью и напыловомъ воска съ ставимыхъ на нее налѣтчиковъ; одно мѣдное ветхое кадило съ порванными цѣпочками, связанными, за немнѣнимъ проводки, веревочкой; на горнѣмъ мѣстѣ, вмѣсто приличнаго табурета самой грубой работы стулъ, книгъ церковнослужебныхъ мало и тѣ весьма ветхи; изъ ризничныхъ облачений, весьма не многочисленныхъ, нѣкоторыя, наприм. стихари, больш. частью ситцовые и крашенныя; все прочее отличается такой же бѣдностью. Сказываютъ, что до прибытія нашего однажды не было въ монастырѣ цѣлый годъ ладану, и потому въ церкви производился только видъ кажденія—одними горячими угольями. Въ казнѣ монастырской при нашемъ прибытіи оказалось менѣе десяти рублей..

перь простирается до 25 человекъ; ихъ было бы и болѣе, еслибы средства обители и удобство помѣщенія позволили принимать всѣхъ, желающихъ поступить въ монастырь.

Съ умноженіемъ братіи умножились и нужды монастырскія: въ особенности ошутительною оказывается теперь надобность въ болѣе удобномъ помѣщеніи для живущихъ и въ болѣе просторной церкви (б). По этому нынѣшней же осенью (сентября 27 числа, въ день памяти Преп. Савватія Соловецкаго) начать, при помощи добрыхъ людей, постройкою новой деревянной двухэтажной братскій корпусъ, длиною на 15, ширины на 7 саженьхъ. А съ слѣдующаго лѣта предположено, если Господь благоизволитъ, начать заготовленіе матеріаловъ для каменной двухэтажной церкви, въ которой желательно устроить шесть престоловъ: 1) Живоначальная Троицы; 2) Нерукотворнаго Образа Господня (въ честь древней находящейся въ обители иконы сего Образа, почитаемой чудотворною); 3) Похвалы Пресвятыя Богородицы (также въ честь древней почитаемой чудотворною иконы обители); 4) Св. Стефана, Епископа пермскаго, основателя обители; 5) Препод. Зосимы и Савватія Соловецкихъ и 6) Св. мученицы Юліаніи (въ память одной благочестивой дѣвицы Уліаніи, по преданію, утонувшей въ р. Вытегѣ и выброшенной волнами на берегъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нана обитель, отчего будто бы и самая мѣстность получила названіе Уляновки).

Постройка братскаго корпуса, сооруженіе каменной церкви, приобрѣтеніе необходимыхъ и благолѣпнѣе Богослуженія болѣе приличныхъ утварей церковныхъ, — все это нужды настоятельныя, неотложныя и все это требуетъ значительныхъ суммъ денежныхъ.

И такъ, истинная, крайняя необходимость заставляетъ прибѣгнуть къ Вамъ, милостивые благотворители и благотворительницы, именемъ Божіимъ и Угодника Его Св. Стефана Епископа пермскаго, усердѣннѣе просить Васъ оказать нашей обители посильное содѣйствіе и вспоможеніе. Всякая лепта Вашей благотворительности будетъ принята съ истинною, глубочайшею благодарностію и молитвы въ обители о Вашемъ спасеніи пребудутъ неоскудны предъ престоломъ Небеснаго Мздовоздавателя.

Пожертванія могутъ быть адресуемы: въ *г. Усть-Сольскѣ Вологодской губ.* для передачи въ *Троицко-Стефановскій Уляновскій монастырь* и въ *Вологодокѣ: Духовную Консисторію*, для доставленія по принадлежности.

Настоятель Троицко-Стефановскаго Уляновскаго монастыря строитель іеромонахъ Матой.

Декабря 3 дня, 1866 года

(б) Нынѣшняя деревянная церковь имѣетъ длины 7, ширины 4 сажень.

ОТЪ ЗОЛОТОШВЕЙНАГО ДЕНЮ.

Въ Москвѣ, въ С.-Петербургскомъ золотопшвейномъ депо церковныхъ и офицерскихъ вещей Шадрина, большою выборъ плащаницъ отъ 15 до 4,000 р., хоругвей — отъ 20 до 3,000 р., воздуховъ — отъ 8 до 500 руб., шарчи и проч., воротниковъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ, и принимаются заказы, на Тверской, въ д. Шаблыкина; въ празничные дни занятія не бываетъ.

Знаменитую плащаницу, бывшую на Всероссийской выставкѣ, желающіе могутъ получить за 4.000 р., также имѣются хоругви отъ 2,000 р. до 3,000 р.

Подробные прейсъ-куранты высылаются для желающихъ.

Всѣ означенныя вещи можно получить лучшаго достоинства по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ при немедленномъ исполненіи всѣхъ порученій гг. покупателей.

Въ случаѣ недоумѣнія вещи принимаются обратно.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ІЮНЬ.

1867.

ПОѢЗДКА ВЪ СВЯТОГОРСКУЮ ПУСТЫНЬ (ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ).

Посвящается Преосвященному Теофану, Епископу бывшему Владимірскому и Суздальскому.

Послѣ прекраснаго историческаго труда Преосв. Филарета Черниговскаго (а), и краснорѣчивыхъ повѣствованій А. Н. Муравьева (б), Успенская Святогорская пустынь должна быть хорошо извѣстна любителямъ нашихъ пустынныхъ иноческихъ обителей. Посему-то, принимая въ свою очередь изложить впечатлѣнія и чувства, произведенныя во мнѣ посѣщеніемъ этой пустыни, не буду входить въ строго послѣдовательное описаніе ея основанія и возобновленія, ограничиваясь лишь тѣмъ, что видѣлъ и испыталъ въ продолженіе двухдневнаго въ ней пребыванія. Прошу благосклоннаго читателя смотрѣть на эти воспоминанія не болѣе какъ на путевыя замѣтки о пріятно и назидательно проведенныхъ дняхъ.

Краса Малороссіи и завѣтная святыня прежнихъ слободъ украинскихъ, Святогорская пустынь уединенно пріютилась въ лѣсной гористой дебри на берегахъ быстраго Донца, въ 30-ти верстахъ отъ уѣзднаго города Изюма и въ 18-ти отъ извѣстнаго своими минеральными водами Славянска. Роскошная природа благословенной Украйны сказалась вполнѣ на этомъ небольшомъ уголкѣ, предназначенномъ для тихаго селенія ищущихъ

(а) Смот. Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи Преосв. Филарета, отдѣленіе 1.

(б) Смот. Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ А. Н. Муравьева, часть 4.

единого на потребу, спасенія души. Лѣсной гребень горъ, увѣчаннй острыми вершинами столѣтнихъ сосенъ, своею темной стѣной составляетъ какъбы предѣлъ путямъ человѣческимъ; извивающійся же у подошвы Донецъ составляетъ и съ другой стороны грань иноческаго селенія, противоположнымъ лѣснымъ берегомъ скрывающая отъ взоровъ суету міра. Тутъ, среди тѣсной площадки, уступленной природой, а частью и трудами рукъ человѣка, тянутся вдоль берега бѣлыя зданія и ограда недавно лишь возникшаго изъ развалинъ монастыря; остроконечныя куполы храмовъ его отражаются въ зеркальной поверхности водъ. Но вотъ, среди этой мирной картины, взоръ невольно поражается необычнымъ зрѣлищемъ бѣлаго исполина, увѣчаннаго золотымъ вѣнцемъ, ярко сіяющимъ на темени горъ. Это, дивное созданіе дивнаго Создателя вселенной, донецкая мѣловая скала; конусообразная форма этаго природнаго зданія, выростающаго изъ земли совершенно отдѣльно отъ окрестныхъ горъ, изрытаго многочисленными пещерными ходами, съ лѣпящейся на вершинѣ воздушною церковью, и многочисленными висящими надъ пропастью переходами и балконами, невольно заставляетъ подумать, чѣмъ держится вся эта масса? Но вся премудростію сотворившій Господь, воздвигнувъ изъ земли этаго исполина, прочно сплотилъ его мѣловой грунтъ многочисленными поясами кремней, и окованный ими, точно желѣзными латами, стоитъ онъ неподвижно во славу имени Его святаго и на украшеніе осѣняемой имъ обители.

Во времена давно миловшія, когда Украина вполнѣ соотвѣтствовала носимому ею имени, составляя грань Московскаго государства съ владѣніемъ крымскихъ Татаръ, Святыя горы, находясь на крымскомъ берегу сѣвернаго Донца, составляли чрезъ-чуръ опасное и ненадежное пристанище для безпомощныхъ отшельниковъ. Но плѣненные красотой лѣсной дебри и сладостнымъ уединеніемъ пустыни, безвѣстные основатели пустынножительства въ этомъ мѣстѣ, быть можетъ послѣдователи кievскихъ пещерныхъ первоначальниковъ, пренебрегая опасностью, обратили и донецкую скалу во храмъ Божій, въ селеніе Вышняго. Незримо очамъ человѣческимъ, изры-

ли они въ мѣловомъ ея грунтѣ узкіе пещерные переходы, съ тѣсными келліями по сторонамъ, храмомъ Божиимъ и трапезою въ самой серединѣ скалы; такимъ образомъ пустынная поросшая мхомъ мѣловая глыба скрывала въ себѣ полное иноческое общежитіе, и имя Божіе славилось внутри камня. Къ самому Донцу была проведена подземная стезя, ибо небезопасно было являться тогда на свѣтъ Божій, въ виду смертоносныхъ набѣговъ татарскихъ; и лишь изрѣдка легкій дымокъ обличалъ въ дикой пустынѣ жильє человѣка. Но благоуханіе святости жившихъ тутъ, и святыни пещернаго ихъ храма, чудотворная икона Святителя Николая, обрѣтенная отшельниками въ сердцѣ скалы, начали привлекать сюда благочестіе окрестныхъ жителей, огласившихъ вскорѣ Святою горой мѣловую скалу. Со временемъ, когда окрестности стали безопаснѣе, и рать Московская начала оберегать разширившіяся границы Украйны, отшельники Святыхъ горъ, прокопавъ пещерные ходы до самой вершины скалы, на тѣсной площадкѣ ея, окруженной мѣловыми отрогами, устроили наружную церковь Святителя Николая. А потомъ, когда братія начала увеличиваться, принуждены были спуститься къ самой подошвѣ, гдѣ, въ глубокомъ междугорьи, основали нынѣшнюю обитель. Кромѣ пещернаго храма въ скалѣ и храма Чудотворца на ея вершинѣ, существовали еще внизу два: Успенскій и Первоверховныхъ Апостоловъ. Любители пещерныхъ подвиговъ, ископали въ 200-хъ саженьяхъ отъ скалы на востокъ, въ лѣсномъ полугорьи, и другой подземный храмъ преподобныхъ Печерскихъ, запустѣвшій впрочемъ еще при старомъ монастырѣ, и возобновленный повымъ. Для жившихъ по лѣсамъ отшельниковъ, устроился въ глубокой лѣсной котловинѣ, въ верстѣ отъ монастыря, пустынный скитъ съ деревянною церковью, отчего и самое мѣсто это прозвано святымъ. Въ 1698 году видимъ уже въ обители каменный соборный храмъ Успенья, отчего она начала называться Успенской. Все это свидѣтельствуєтъ о внутреннемъ и виѣшнемъ ея благосостояніи. Надѣленная многочисленными лѣсными угодыми, при 2000-хъ своихъ крестьянъ, не нуждалась она въ средствахъ къ своему существованію; древность же и народ-

ное уваженіе къ ея Святынь, еще болѣе упрочивали ея благосостояніе. Но судьбы Вышняго неисповѣдимы, суждено было и ей перенести долгое запустѣніе: свѣтлѣйшій князь Таврической, упраздняя многія обители этаго края, не пощадилъ и Святыхъ горъ. Въ 1787 году обитель эта упразднена. Соборная церковь и Николаевская обращены въ приходскія ближайшихъ селеній; Петропавловская и скитская церкви разобраны и проданы, а равно и прочія монастырскія зданія. Все попросило лѣсомъ, и приняло видъ глубокаго запустѣнія; лишь нѣсколько священнослужительскихъ домиковъ при уединенныхъ храмахъ означали прежнес мѣсто знаменитаго по древности своей монастыря. Но и въ эти дни всеобщаго запустенія, святыня Святыхъ горъ непереставала привлекать къ себѣ благочестивыхъ поклонниковъ. Съ опасностью жизни, взбирались они на пустынную скалу, чтобы помолиться Святителю Николаю въ высреннемъ его храмѣ. Вотчины святогорскія, послѣ князя Таврическаго, перешли къ его потомкамъ, и до 1842 года, тутъ царствовало еще полное запустѣніе. Въ этомъ году, боголюбивые владѣльцы Святыхъ горъ, А. М. и Т. Б. Потемкины, плѣнившись красотою мѣстности и историческимъ значеніемъ упраздненной обители, возмимѣли благую мысль возстановить ее вновь, на строгихъ началахъ пустыннаго общежитія. Святое дѣло обрадовало собою весь край, давно съ нетерпѣніемъ ожидавшій обновленья запустѣвшаго св. мѣста. Кромѣ 170 десятинъ земли и процентовъ съ 10,000 р. с., жертвуемыхъ гг. Потемкинскими, возрождающаяся обитель приобрѣла и другихъ благотворителей, и вскорѣ юный старецъ всталъ въ полной обновленной красѣ. Возобновленная подъ наименованіемъ Святогорской Успенской общежительной пустыни, обитель эта, вмѣстѣ съ первоначальнымъ братствомъ, переняла изъ Глииской пустыни и строгій ея уставъ, напоминающій уставы Аѳонскіе, войдя чрезъ то какъ-бы въ духовное родство съ знаменитыми нашими пустынями, процвѣтшими подъ настоятельствомъ выходцевъ молдавскихъ, сотрудниковъ и учениковъ знаменитаго молдовлахійскаго старца Паисія Величковскаго. Спостникъ Паисія, старецъ Θεодосій, переселившись въ

концѣ прошлаго столѣтія изъ молдавскаго Тисманскаго монастыря въ Молченскую Софроніеву пустынь, ввелъ тамъ строгій уставъ Тисманскій; ученикъ его Филаретъ, утвердилъ его въ пустынь Глинской; а оттуда, позаимствовали его и обновленныя Святыя горы.

Возобновленному монастырю послалъ Богъ достойнаго настоятеля, неутомимаго труженика, архимандрита Арсенія. При его неусыпномъ стараніи и щедродательной помощи гг. Потемкиныхъ, слѣды долгаго запустѣнія вскорѣ совершенно изгладились. Древній соборный храмъ Успенія возобновленъ и украшенъ. Устроена надъ св. вратами обширная теплая церковь Покрова Богоматери съ колокольной. Воздвигнуты игуменскій и братскіе корпуса, трапеза и ограда вокругъ всей обители, съ гостиннымъ дворомъ на концѣ, весьма пріятнымъ для богомольцевъ. На скалу проведена удобная крытая лѣстница, съ красивыми по мѣстамъ часовнями для отдыха восходящимъ. Самая церковь Святителя обновлена. Куполы ея вызолочены, что усугубляетъ красу и безъ того очаровательнаго вида на скалу изъ-за Донца. Обветшавшіе переходы вокругъ этого храма замѣнены новыми, болѣе безопасными. Очищены и пещерныя ходы, съ устроеніемъ въ нихъ на древнемъ мѣстѣ меньшаго храма Предтечи. Наконецъ, по словамъ одного столѣтняго старца, помниваго еще прежній монастырь, открыта и возобновлена за монастыремъ другая подземная церковь,—преподобныхъ Печерскихъ. И все это въ самое короткое время. Ревностный настоятель предпринялъ еще построеніе новаго болѣе обширнаго соборнаго храма, а также скита, на древнемъ его мѣстѣ, съ церковью во имя великаго пустынножителя Арсенія; но смерть прекратила его благотворную дѣятельность, и начатое имъ приводитъ въ исполненіе не менѣе попечительный его преемникъ. Скитъ уже отдѣланъ вполне, съ помѣщеніемъ для меньшаго общества отшельниковъ, и составляетъ самый отрадный безмолвный пріютъ пустыннолюбивымъ душамъ; соборъ же, по своей колоссальной постройкѣ, производится не спѣша, со всевозможною прочностью. Кромѣ того, въ пещерныхъ ходахъ скалы, устроенъ трудами благодарной братіи еще небольшою храмомъ, надъ гробомъ

незабвеннаго для нихъ о. Арсенія; а на возвышающейся надъ скалою сосѣдной горѣ, носящей умиленное названіе святогорскаго Фавора, сооруженъ иждивеніемъ Потемкиныхъ каменный благолѣпный храмъ Преображенья. Приобрѣтены необходимыя хозяйственныя заведенія. Расширены гостинныя корпуса. На монастырскомъ хуторѣ, въ полуверстѣ отъ обители, воздвигнуть помѣстительный корпусъ больничный, съ церковью и помѣщеніемъ для престарѣлыхъ. Вообще на всемъ разлитъ видъ достатка, довольства, такъ что прежніе посѣтители Святыхъ горъ не узнаютъ ихъ теперъ. И все это въ какія нибудь 25-ть лѣтъ. Такъ чудно и неожиданно привелъ Господь скромное начало возобновленія къ столь блистательному концу; и обитель эта, стоящая среди украинскаго степнаго пространства, видимо имѣетъ благотворное вліяніе на всю эту необъятную полосу. Къ утѣшенію благочестивыхъ душъ, виѣшнее ея благоустройство соединилось съ внутреннимъ благодатнымъ преуспѣяніемъ живущихъ въ ней. Около 15-ти лѣтъ уже подвизается въ одной изъ пещерныхъ келлій донецкой скалы затворникъ, іеросхимонахъ Іоаннъ. Перейдя съ прочими изъ Глинской пустыни, онъ несъ сперва послушаніе гостинника, и потомъ началъ просить настоятеля позволить ему затвориться въ одной изъ пещерныхъ келлій скалы. Послѣ долгаго испытанія дано было ему на это благословеніе, хотя прочая братія громко говорила, что не долго выдержитъ онъ подвигъ затворника. Оказалось, что преждевременны были такія сужденія, и общее уваженіе смѣнило тогда прежнее недоувѣріе. Келлія его примыкаетъ къ олтарю пещернаго храма Предтечи, гдѣ по вторникамъ отправляются для него раннія литургіи; и по причащеніи св. Таинъ, изрѣдка появляется онъ на прагѣ олтарномъ, чтобы благословить усердствующихъ. Прочіе же дни подвизается въ строгомъ затворѣ, въ сердцѣ земли: ибо самый дневный свѣтъ мало проникаетъ въ его помѣщеніе. Кромѣ затворника, есть въ числѣ святогорскаго братства одинъ избравшій не легкій подвигъ буйихъ міра сего, премудрыхъ же о Христѣ; онъ отличается особеннымъ послушаніемъ своему старцу. Тутъ же есть слѣпецъ умудряемый Господомъ: онъ лучше зрячаго читаетъ Псалтырь, и по нео-

быкновенной своей памяти бываетъ нерѣдко полезень другимъ при отправленіи богослуженій. Вообще, благочестивое настроеніе иноковъ, строгое исполненіе всѣхъ уставовъ, при длинномъ пустынноическомъ служеніи и умиленномъ пѣніи, привлекаютъ въ эту обитель многочисленныхъ посѣтителей и богомольцевъ. Близость Славянска и кавказскаго почтоваго тракта заносятъ сюда разнородныхъ обитателей обширной Россіи И простой пѣшеходъ, на пути изъ Кіева въ Воронежъ, или наоборотъ, не преминетъ зайдти помолиться святителю Николаю въ его изъ земли вышедшемъ храмѣ, какъ простодушно толкуетъ народъ о мѣловой святогорской скалѣ. Окрестные жители, въ посты, собираются сюда во множествѣ, чтобы поговѣть; впрочемъ, лѣтомъ и въ простые дни, постоянно бывають здѣсь многочисленные причастники, такъ что съ возобновленіемъ пустыни, можно сказать, оказано духовное назиданіе и утѣшеніе всему краю.

Въ 1861 году осчастливили Святыя горы своимъ посѣщеніемъ Августѣйшіе богомольцы. Ихъ Императорскія Величества, Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Августѣйшими своими чадами, проѣздомъ въ Крымъ, пробыли 2 дня въ Святогорскомъ монастырѣ, въ красивомъ дворцѣ гг. Потемкиныхъ. Молились во всѣхъ храмахъ обители и тѣмъ оставили незабвенное сладостное воспоминаніе смиреннымъ инокамъ. Такъ возвеличилъ Господь забытое дотолѣ и заглохшее святое мѣсто подвиговъ безвѣстныхъ міру отшельниковъ!

Пользуясь благораствореннымъ воздухомъ первыхъ майскихъ дней, двинулся я въ пріятный, давно знакомый мнѣ путь. Свѣжесть весенняго утра, яркая зелень орошенныхъ роскою полей, при неумолкаемомъ щебетѣ пернатыхъ, возсылавшихъ разнообразными звуками какъ-бы утреннее славословіе Творцу всяческихъ, дѣлали картину природы, озаренную лучами восходящаго солнца, вполне привлекательною, и возводили думы въ тотъ невѣдомый міръ, прообразомъ коего служить весна. Возрожденная природа чудно учитъ насъ познавать отъ созданій Создателя и удивляться премудро Создавшему и Содержащему все. Съ уваженіемъ глядѣлъ я на этихъ трудолюбивыхъ пахарей, неутомимо бороздившихъ тучную паш-

ню и обливавшихъ ее своимъ потомъ. Круторогіе украинскіе волы выступали медленнымъ шагомъ, почтенной осанкой своей какъ-бы напоминая понукавшему ихъ мальчугану, что напрасенъ въ этомъ его трудъ. Все дышало мирной сельскою картиной, и миръ этотъ, какъ-бы невольно вливался въ душу, замѣняя собой тревоги житейскихъ заботъ. Изрѣдка кое-гдѣ мелькалъ по пустынной дорогѣ обозъ, или убогая одиночка поселянина, и потомъ, опять все стихало, тишиной навѣвая сладкую утреннюю дремоту. Къ вечеру, добрался я до изюмскаго подгороднаго селенія Песокъ, располагая тутъ ночевать, а вмѣстѣ поклониться и прославленному чудесами образу Божіей Матери въ песковскомъ храмѣ. Слобода эта довольно обширная, пострадавъ отъ недавняго пожара, представляла теперь невеселый видъ заустѣнныя. Самый храмъ былъ въ опасности, и сохраненъ, по словамъ моего хозяина, единственно заступленіемъ Царицы небесной. Время прославленія образа забыто отъ давности лѣтъ, по устнымъ же преданіямъ старожиловъ, совершилось оно такъ: извѣстный святостью жизни и нетлѣніемъ, архипастырь Бѣлгорода и слободъ украинскихъ, епископъ Іоасафъ Горленко, при обзорѣннн своей паствы, посѣтилъ песковскій храмъ и увидавъ въ его паперти образъ пресв Богородицы, благоговѣнно началъ предъ нимъ поклоняться, потомъ приказалъ немедленно перенести его въ самую церковь на болѣе почетное мѣсто, пророчески присовокупляя, что это образъ благодатный. Многочисленныя чудотворенія отъ него въ послѣдствіи оправдали прозорливость приснопамятнаго святителя и сдѣлали икону сію предметомъ благоговѣнія для всего окрестнаго края. Молясь предъ прославленнымъ ликомъ престятой Дѣвы въ благолѣпномъ Ея храмѣ, замѣтилъ я надъ царскими вратами позлащенный кіотъ, съ украшеннымъ перламутромъ крестомъ. Послѣ молебна, спросилъ я о причинѣ необычнаго помѣщенія этой святыни, и услышалъ слѣдующій умильный рассказъ. Одинъ старикъ, песковскій поселанинъ, имѣлъ непреодолимое желаніе посѣтить св. градъ Іерусалимъ, и поклониться живопріемному гробу Спасителя нашего. Но, не находя вещественныхъ къ тому средствъ, часто со слезами мо-

лился объ этомъ Матери Божіей предъ святою Ея иконою. Однажды, когда старикъ молился такимъ образомъ у чудотворной иконы, пріѣхала сюда на поклоненіе одна богатая госпожа. Забѣтивъ усерднаго молитвенника, подошла она къ нему и стала спрашивать о причинѣ его слезъ. Простодушно отвѣтилъ онъ ей, что просить у пресв. Матери Божіей, даровать ему средства побывать въ св. градѣ Іерусалимѣ, куда давно стремится его душа. Выслушавъ его рѣчь, госпожа вручила ему тутъ же довольно крупную сумму денегъ для исполненія благочестиваго его желанія, примолвивъ, что не она даетъ ему это, но усердная молитва его къ пресвятой Богородицѣ. Исполнивъ вскорѣ задушевное свое желаніе, старецъ, въ благодарность Пречистой, принесъ въ даръ Ея храму Іерусалимскую святыню,—этотъ перламутровый крестъ. По общему совѣту прихожанъ, въ ознаменованіе такъ скоро и необычайно исполненной молитвы благочестиваго старика, даръ его помѣщенъ надъ царскими вратами, въ виду всѣхъ, и въ общее назиданіе.

Переночевавъ кое-какъ на беспокойномъ ночлегѣ, утромъ двинулся я опять въ путь, располагая къ обѣду быть въ Святыхъ горахъ. Промѣнявъ столбовую Славянскую дорогу на болѣе близкій, хотя и песчаный проселочный путь, оставилъ я Изюмъ въ сторонѣ и повернулъ на село Царьборисовъ, напоминающее названіемъ своимъ властолюбца Годунова, ибо основано въ его государственіе; здѣсь я переправился чрезъ быстрый Осколь, и путь мой пошелъ по песчаной дорогѣ довольно обширнаго сосноваго бора. Затѣмъ ужъ начинаются Святогорскія вотчины гг. Потемкиныхъ, и довольно обширная слобода Студенокъ веселитъ взоръ благолѣпнымъ каменнымъ храмомъ. Вотъ опять пошли сосны, но грунтъ сталъ тверже; вскорѣ, вдали лѣсной просѣки, мелькнула бѣлая тѣнь святогорской скалы. Еще немного пути, и обитель въ полной своей пустынной красѣ представилась моимъ взорамъ. Переѣхавъ по широкому мосту Донецъ, вступилъ я въ гостепріимныя ворота монастырской гостиницы. Слава Богу, путь мой оконченъ, теперь можно немного и отдохнуть, чтобы собраться съ свѣжими силами,

для предстоянія при продолжительномъ монастырскомъ богослуженіи.

Былъ канунъ Вознесенія; обитатели Святыхъ горъ, а равно и многочисленныя богомольцы, наполнившіе обширное помѣщеніе и самый дворъ монастырской гостиницы, покоились послѣобѣденнымъ отдыхомъ, готовясь къ продолжительной праздничной всенощной. Вскорѣ заблаговѣстили къ малой вечернѣ, и дѣятельность возобновилась на гостиномъ дворѣ. Новыя партіи простолюдиновъ, нѣсколько вновь прибывшихъ господъ—все это требовало пріюта и ласки гостепріимныхъ монаховъ. Обязанность гостиницы вообще непокойная, въ большіе же праздники нужно лишь удивляться, какъ успѣваютъ они удовлетворять вдругъ столько разнообразныхъ потребностей. И для всѣхъ одинаковъ пріемъ, равная всѣмъ ласка: и богачъ и бѣднякъ пользуется одинаковымъ попеченіемъ. Убогаго, коли обносился, одѣнуть вновь съ головы до ногъ; заболѣть, тутъ же небольшая больница, полечать, а умереть, похоронять съ христіанскимъ попеченіемъ о душѣ. И нерѣдко достается добрымъ инокамъ хоронить бездомныхъ странниковъ въ челоуѣколюбивомъ своемъ пріютѣ. Вотъ и теперь, послѣ вечерни, былъ я зрителемъ печальной процессіи. Хоронили молодую странницу, еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ сложившую тутъ свою земную пошу и окончившую житейскій свой путь. Тихое погребальное пѣніе при уныломъ звонѣ колоколовъ навѣвало на душу грустныя мысли. Человѣцы, что всеу мятемся? неволью повторялось при этомъ съ божественнымъ Дамаскинымъ. Что всеу мятемся, въ суетѣ забывая, что можетъ быть вскорѣ и насъ позоветъ къ себѣ праведный Судія!

Проводивъ гробъ за ворота, побрелъ я къ крыльцу монастырской гостиницы, гдѣ довольно многолюдное общество посѣтителей вело оживленный разговоръ. Контрастъ жизни и смерти ярко бросился мнѣ при этомъ въ глаза. Тутъ все живетъ, движется, каждый занятъ своею заботой; а тамъ все ужъ окончено: и брѣнная оболочка души скоро обратится въ прахъ. Присоединившись къ прочимъ, сталъ я вслушиваться въ бесѣды. Толковали о политическихъ новостяхъ, о красѣ Святыхъ горъ и значеніи ихъ

для всего края; о томъ, что продолжительное будетъ нынче бдѣніе, и выдержимъ ли мы, непривычные міряне, это долгое ночное стояніе. Тутъ же одинъ, нестарый еще господинъ и, какъ видно, изъ такъ называемыхъ прогрессистовъ, горячо разсуждалъ о бесполезности и даже вредѣ всѣхъ этихъ иноческихъ обитателей. Неприятно поразила мой слухъ эта свободная, несдержанная никакимъ приличіемъ рѣчь. Пользуясь гостепріимствомъ добрыхъ монаховъ, за хлѣбъ-соль ихъ же и порицають. «Согласитесь со мной, что монашество, это покровъ суевѣрія и самаго грубаго невѣжества, восклицалъ онъ въ азартѣ. Покажите мнѣ хоть одинъ примѣръ такъ называемаго подвижничества въ истинно образованномъ человѣкѣ.» «Извольте, отозвался я на его самоувѣренный возгласъ: изъ древнихъ могу вамъ указать на преподобныхъ Арсенія великаго и Іоанна Дамаскина, которые, кромѣ высокаго подвижничества, были вмѣстѣ ученѣйшіе люди своего вѣка. Первый, былъ избранъ по своимъ знаніямъ въ наставники царскимъ дѣтямъ; второй украсилъ своими писаніями всю Церковь, философскимъ же его сочиненіямъ удивляются даже донинѣ мыслители. А три вселенскіе наши Святители и весь сонмъ древнихъ и новѣйшихъ іерарховъ, не соединяють ли съ подвижническою жизнью высокаго просвѣщенія? Да и вообще, не говоря о лѣтописцахъ, по большей части все инокахъ, самые зародыши нынѣшнихъ наукъ несохранены-ли въ монашескихъ общинахъ среднихъ вѣковъ? Поэтому думаю, что мнѣнію ваше о мнимомъ *невѣжествѣ* всѣхъ вообще иноковъ весьма неосновательно». Прерванный мною на срединѣ бурной своей выходки, этотъ господинъ съ неудовольствіемъ повернулся ко мнѣ спиной, ворча про себя о неприличіи вмѣшиваться въ чужіе разговоры. Пусть будетъ и такъ, но при этомъ скажу и въ свою очередь: свойственно-ли также приличію оуждать и злословить въ глаза безотвѣтныхъ людей, пользуясь притомъ ихъ гостепріимствомъ? Хотя и благодушно принимаютъ они всѣ эти рѣчи, помня Господень глаголь, общавающій блаженство поносимымъ и злословимымъ имени Его ради, но все-же прискорбно, что такъ часто случается выслушивать подобныя сужденія. И отъ кого же? Большою

частью отъ такъ называемыхъ многоумныхъ людей; причемъ невольно приходитъ на мысль, что мнящіеся быти премудри, объюродѣша. Впрочемъ довольно. Обратимся опять къ мирному и всеумиряющему воспоминанію о болѣе достойныхъ вещахъ.

Желая избѣжать многолюдства, поспѣшилъ я заранѣе, еще до звону ко всенощной, добыть себѣ въ церкви покойное мѣсто. Обширный надворотный храмъ Покрова Богоматери, за тѣсною старога собора Успенскаго, служить теперь соборнымъ при многолюдныхъ богослуженіяхъ. Съ массивными арками и хорами, даетъ онъ возможность помѣщаться многочисленнымъ богомольцамъ; рѣшетка же предъ амвономъ, удерживая напоръ толпы, даетъ безъ стѣсненія, свободно сходитьсѣ клиросамъ на середину. Близъ послѣдней арки налѣво, вниманіе мое привлекъ необычайнымъ своимъ видомъ позлащенный кіотъ, съ развѣсистымъ рѣзнымъ деревомъ по серединѣ, въ вѣтвяхъ коего помѣщался небольшой образъ, съ теплою лампадой. По надписи узналъ я, что это снимокъ съ пустынноглинской чудотворной иконы Рождества Богородицы, благословеніе игумена Глинскаго вновь избранному игумену и братіи святогорской, приотбытіи изъ родной ихъ обители. Тутъ понятенъ сталъ для меня видъ позлащеннаго дерева: въ вѣтвяхъ дерева по преданію обрѣтена святыня Глинская. Образъ окружають лики Святыхъ, соименныхъ достопамятнымъ старцамъ Глинской и Святыхъ горъ. Далѣе, у самаго иконостаса, привлекаетъ благоговѣйные взоры святая икона Успенія, даръ возобновленной обители отъ кievскаго митрополита Филарета; и на аналогіи, обширный ковчегъ съ частями мощей многихъ Святыхъ. Чудотворная икона Святителя Николая тоже постоянно обрѣтается въ этомъ храмѣ въ благолѣпномъ кіотѣ у праваго клироса. Молясь Чудотворцу предъ прославленнымъ Его ликомъ, замѣтилъ я близъ мѣстной иконы Спасителя установленный небольшой образъ. На вопросъ мой мнѣ сообщили, что это безцѣнный даръ Святогорской обители Государыни Императрицы. Въ воспоминаніе своего посѣщенія, прислала Она сюда образъ своего Ангела, св. равноапостольной Маріи Магдалины. Снимокъ съ этой иконы поставленъ и

въ скитской церкви, для всегдашняго памятованія сей милости.

Праздничная всенощная со всѣмъ церковнымъ благолѣпіемъ, съ продолжительнымъ пустыннымъ пѣніемъ и кажденіемъ діаконовъ съ ковчегами на плечѣ, по древнему обычаю нѣкоторыхъ лишь обителей,—дѣлали для меня незамѣтную самую усталость дороги. Тихій полу-свѣтъ при шестопсалміи, и потомъ яркое освѣщеніе всей церкви во время величанія, поющая братія съ свѣчами въ рукахъ, и благолѣпные выходы настоятеля съ соборомъ сослужащихъ іеромонаховъ, воспѣвавшихъ вознесшагося на небо Господа славы, дѣлали торжество еще болѣе ощутительнымъ. Поздней порой окончилось богослуженіе. Пресыщенный чувствами душевнаго умиленія, хотя и усталый тѣлесно, возвратился я на ночлегъ. Люблю я эти монастырскія ночныя служенія, эти глубоко трогательные обряды, полные высокаго значенія для вѣрующихъ душъ: какъ-то отрадно и мирно дѣлается тогда на душѣ. Все земное исчезаетъ изъ глазъ, и умъ невольно стремится въ усердной молитвѣ къ невидимому славимому нами Творцу.

На утро раннія литургіи для многочисленныхъ причастниковъ отправлялись по разнымъ мѣстамъ. Я избралъ пещерный храмъ Предтечи въ скалѣ; ибо туда же, по желанію нѣкоторыхъ посѣтителей, былъ принесенъ для молебствія на самомъ мѣстѣ своего явленія и чудотворный ликъ святителя Николая. Имѣлось притомъ смутное чаяніе увидѣть затворника, который иногда появляется въ олтарныхъ дверяхъ, чтобы благословить молитвенниковъ подземнаго своего храма. Храмъ этотъ, избѣченный въ мѣловомъ грунтѣ скалы, упирается сводами своими на одинокій мѣловой столбъ, на коемъ по преданіямъ явилась икона Чудотворца, очень невеликъ; онъ сулъ и свѣтелъ. Ибо имѣетъ окна внаружу; зимой же замѣчтеленъ по своей теплотѣ. За то лѣтомъ чувствителенъ въ немъ холодъ; близъ лежащую же келлію затворника топятъ почти постоянно. Когда я пришелъ, малый храмъ былъ уже полонъ, и вскорѣ началась и литургія. Мстительный старецъ іеромонахъ, насилу двигая ноги, бодро предстоялъ у престола, и трогателенъ былъ этотъ видъ подземнаго богослуженія. Послѣ литургіи, малая олтарная дверь от-

ворилась, и на порогъ ея появился затворникъ, благословляя благоговѣнно подходившихъ къ нему богомольцевъ. Низенькій ростомъ и сгорбленный, съ кроткимъ старческимъ заживо изсохшимъ лицомъ и тусклыми отъ постоянного мрака глазами, въ схимническомъ своемъ одѣяніи, представлялся онъ какъ-бы жителемъ неземнымъ. Кротко выслушивая разнообразныя вопрошенія, оствѣнялъ онъ каждого крестнымъ знаменіемъ, присовокупляя слово на пользу души. Благословивъ всѣхъ, исчезъ онъ изъ нашихъ очей какъ небесное видѣніе; осталась лишь тихая неземная радость на душѣ, съ сознаниемъ, что видѣлъ что-то выходящее изъ круга обычныхъ вещей. Пусть мудрецы міра сего толкуютъ о силѣ человѣческой воли, но мы, смиренно сознавая лишь человѣческую немощь, въ свою очередь скажемъ, что сила Божія совершается въ немощи нашей. Господь своею помощію укрѣпляетъ избранниковъ на подвиги, превышающіе обыкновенныя силы людей, давая тѣмъ ясно чувствовать живущую въ св. нашей Церкви свою благодать. И утѣшительно такое явленіе въ нашъ богатый невѣріемъ вѣкъ. Молитвами тайныхъ рабовъ своихъ да сохранить въ насъ Господь навсегда то благое стремленіе, которое оживляетъ предъ нами свѣтлый образъ древнихъ подвижниковъ въ лицѣ затворника святыхъ горъ. Торжественная поздняя литургія въ Покровскомъ храмѣ, съ назидательнымъ поученіемъ настоятеля, достойно завершила собою богослуженія дня. Потомъ слѣдовала трапеза, съ возношеніемъ Богородичной просфоры и чтеніемъ затрапезнаго поученія среди непрерываемой ничѣмъ тишины. Оставалось наконецъ отдохнуть, чтобъ освѣжить утомленныя силы для дальнѣйшихъ подвиговъ дня.

Отдыхъ кончился, монастырь заперстрѣлъ разнообразными группами богомольцевъ. У лавокъ съ иконками и разною мелочью тѣснилась толпа; тутъ-же и нищіе съ своею заунывною пѣснью, привлекали взоры и помощь сострадательныхъ душъ. За мостомъ, по ту сторону берега, тоже видѣлся народъ, разсыпавшійся по опушкѣ сосѣдняго бора. Кто шелъ поглядѣть на красивыя палаты Потемкиныхъ; другой взбирался по крытой лѣстницѣ скалу; а я посвятилъ свой послѣ обѣда досугъ ос-

мотру подземнаго храма преподобныхъ Печерскихъ. Взо-
бравшись за гостиннымъ дворомъ на довольно крутой
пригорокъ, обращенный въ монастырскій садъ, вскорѣ
достигъ я площадки, куда выходитъ изъ полугорья устье
пещернаго храма. Съ благоговѣніемъ спустился я въ
это узкое подземелье, гдѣ послѣ нѣсколькихъ крутыхъ
оборотовъ представился мнѣ небольшой храмъ, съ лика-
ми преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, имени коихъ
онъ посвященъ. Сильная сырость и удушливый воздухъ,
препятствуютъ тутъ часто служить, и даже вообще не
безопасно бываетъ его посѣщеніе. Помолившись угод-
никамъ, поспѣшилъ я на чистый воздухъ и подъ при-
вѣтливо грѣющее весеннее солнце, постигнувъ вполне
высокую степень самоотверженія заживо погребшихъ
себя въ пещерахъ подвижниковъ. Взоръ мой остано-
вился на памятникахъ, украшающихъ могилы почюющихъ
тутъ нѣкоторыхъ знатныхъ особъ. Ярко сіяя мраморной
своей бѣлизной, они привлекали вниманіе изящной отдѣл-
кой и красотой своихъ формъ. Тутъ же почіетъ Маѳусаилъ
столѣтній старецъ вблизи открытаго имъ храма и первый
духовникъ святогорскаго братства іеромонахъ Θεодосій,
одинъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ архимандрита
Арсенія по возобновенію обители. Посидѣвъ на открытой
площадкѣ у вратъ этаго небольшого кладбища, побрелъ я
обратно, думая до вечерни еще походить кое-гдѣ. Повстрѣ-
чалъ я другихъ посѣтителей, и съ ними пошелъ на противо-
положный конецъ монастыря къ западу, чтобъ осмотрѣть и
другое древнѣйшее мѣсто покоя усопшихъ, и равно и быв-
шаго Петропавловскаго храма. Въ глуши деревъ, у самой
подошвы скалы пріютилось это небольшое кладбище съ мо-
гильными насыпями, осѣненными крестами. Случившіеся
тутъ иноки указали намъ престольное мѣсто бывшего
храма, а также могилу бывшего настоятеля древней оби-
тели, извѣстнаго добродѣтельною жизнью архимандрита
Рафаила Мокренскаго (сконч. 10 Февраля 1765 года). Съ
сожалѣніемъ увидѣлъ я, что даже нѣтъ и креста подъ
мѣстомъ покоя блаженнаго труженика. На вопросъ мой,
иноки уклончиво отвѣчали, что такъ видно угодно
Богу; и что впрочемъ они, зная добродѣтель почившаго,
всегда стараются обходить мѣсто его могилы, чтобы не

покрыть ее стопами. Но что мѣшало бы тутъ поставить крестъ, или хотя-бы надгробный съ надписью камень? Впрочемъ, по словамъ братіи, со временемъ устроится тутъ опять небольшой храмъ первоверховныхъ Апостоловъ, и тогда, вѣрно, и эта могила приметъ болѣе почетный видъ. Прельстившись прохладною тѣнью деревъ, усѣлись мы тутъ на травѣ, толкуя о прежней обители и о томъ, въ силу какихъ побужденій рѣшился блистательный временщикъ упразднить столь знаменитое древностью мѣсто. Межъ тѣмъ добрые иноки, совершенно неожиданно усладили нашъ слухъ тихимъ умиленнымъ пѣніемъ надгробныхъ стиховъ: «Житейское море» и «Со святыми упокой». И какъ приличенъ казался миѣ тутъ молитвенный возгласъ: «къ тихому пристанищу твоему притекъ вопію ти: возведи отъ тли животь мой, Многомилостиве», — ободряющій душу сладостнымъ упованіемъ нашего безсмертія. Ибо, подобно симъ умершимъ, и мы пѣкогда услышимъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживемъ.

Такъ какъ до вечерни оставалось недолго ужъ ждать, то, распрощавшись съ монахами, вошли мы въ св. врата, чтобы тѣмъ временемъ осмотрѣть старый и вновь строящійся соборъ. Старый соборный храмъ Успенія сооруженъ въ 1698 году, усердіемъ изюмскаго полковника Шидловскаго. Онъ очень не великъ и по архитектурѣ своей не представляетъ ничего особеннаго. Онъ простоялъ во все долгое время здѣшняго запустѣнія, охраняя святыней своей мѣсто это отъ конечнаго разрушенія. Здѣсь поклонились мы богато украшенному образу Пресв. Богородицы, именуемой Святогорскою, изображеніемъ своимъ напоминающему икону Одигитріи. За старымъ соборомъ съ южной стороны возвышается правильнымъ четвероугольникомъ новое зданіе обширнаго трехъ-престольнаго храма. Массивный цоколь изъ дикаго камня, колонны и стрѣльчатая окна въ пяти остроконечныхъ его куполахъ, даютъ его византійскому стилю особую прелесть. Жаль только, что тѣсна площадка вокругъ, хотя принуждены были много отрѣзать горы, чтобъ очистить и это пространство. Оконченный совершенно вчернѣ, онъ выстаивается, ибо, желая соблюсти въ немъ всевозможную прочность, не спѣшатъ съ окончательною

его отдѣлкой. Особенно красива его наружная сѣверная галлерей, выходящая къ святымъ вратамъ, а также входъ крытой лѣстницы на скалу, протиположный его западнымъ дверямъ: все это сдѣлано изъ святогорскаго дикаго камня.

Вечерней, а потомъ повечеріемъ съ обычнымъ правиломъ монастырскимъ, молитвенно закончился день. Открывъ окно своей келліи, выходящей фасадомъ своимъ на Донецъ, долго любовался я красой благоуханной украинской ночи, внимая тихимъ раскатамъ майскаго соловья. Разсыпаясь мелкою дробью, выдѣлывалъ онъ чудныя трели, которымъ вторило эхо сосѣднихъ лѣсовъ. Вотъ показались на рѣкѣ малые огоньки: это рыбаки съ огнемъ ловятъ рыбу. И очаровательна была эта сельская картина при кроткомъ сіяньи луны. Въ полночь пришлось вставать къ утрени, совершаемой благоговѣнно среди тиши ночи. Тихое пѣніе ликовъ, полумракъ церкви, черныя мантии иноковъ, ничѣмъ ненарушаемая молитвенная тишина, все это располагало душу къ благочестивому настроенію, хотя и сладокъ казался утренній сонъ.

Послѣ утрени, окончившейся при солнечномъ восходѣ, поспѣшилъ я по крытой удобной лѣстницѣ на скалу къ ранней обѣдѣ въ храмъ Чудотворца. Свѣжесть весенняго утра, и густой паръ отъ рѣки представляли восходъ этотъ въ самомъ привлекательномъ видѣ. Зданія обители, утопая въ бѣломъ туманѣ, являлись какъ бы среди ошміама кадыльнаго: казалось, что и наша утренняя молитва вмѣстѣ съ нимъ воспаряла ко Творцу. Капли росы на близъ растущихъ деревьяхъ, отражая въ себѣ лучи восходящаго солнца, представляли собой соединеніе всевозможныхъ цвѣтовъ; а посящіяся ниже сосѣднихъ горъ облака, казалось, соединяли небо съ землей. Утружденный долгимъ восходомъ по лѣстницѣ почти въ 500 ступеней, присѣлъ я въ одной изъ часовень. Лики св. пустынножителей благоговѣнно поражали тутъ взоръ, и отдыхъ тѣлесный мудро соединялся съ назиданіемъ души Великіе Пахомій, Арсеній, и оба Сирина Исаакъ и Ефремъ и Лѣствичникъ съ своею божественною лѣствицію духовнаго восхожденія, встрѣчали усталаго пут-

ника въ сей малой храмнѣ, какъ-бы напоминая собой, что хотя труденъ восходъ сей, но восходъ въ небесное царствіе несравненно труднѣе, и что они по опыту испытали всю трудность этой небесной стези. Странникъ земной, бери и ты съ нихъ примѣръ, послѣдуй ихъ самоотверженію; и будешь спасенъ!—Отдохнувъ, помолившись предъ священными сими ликами, поплелся я опять въ гору. Тутъ небольшой перекинутый чрезъ пропасть мостикъ вель къ наружному входу двухъ пещерныхъ церквей: Предтечи и Алексія Божія челоуѣка Бывъ уже въ первомъ вчера, пожелалъ я посѣтить и другой. Углубившись въ темное устье узкаго пещернаго хода, достигъ я погребальнаго этаго храма, гдѣ покоится послѣ трудовъ архимандритъ Арсеній, первый настоятель и возобновитель святыхъ горъ. Ископанный руками святогорской братіи въ благодарную память первому своему настоятелю, съ посвященіемъ его Ангелу отъ св. крещенія, храмъ этотъ темень и сыръ, и напоминаетъ собой атмосферу храма преподобныхъ Печерскихъ. Помолившись надъ гробомъ усопшаго, не рѣшилъ я слѣдовать пещерной стезей до вершины скалы, побоявшись рѣзкаго холода, извилистыхъ крутыхъ переходовъ. Воротившись назадъ, повстрѣчалъ я толпу богомольцевъ, усердно несшихъ икону Святителя на скалу для молебствія, ибо таковъ обычай Святыхъ горъ. Я поспѣшилъ присоединиться къ молитвенному ихъ шествію, и вскорѣ достигли мы крытой висящей надъ пропастью галереи, а за тѣмъ и самаго храма, лѣпящагося на тѣсной площадкѣ скалы. Полуизсѣченный изъ мѣлу и достроенный кирпичемъ, онъ очень малъ и тѣсенъ внутри; но открытыя паперти снаружи даютъ возможность помѣщаться здѣсь многочисленнымъ богомольцамъ. Тутъ же на сосѣднемъ отрогѣ скалы устроена небольшая колокольня, а далѣе, на выдающемся уступѣ возвышается каменная пирамида, въ воспоминаніе совершеннаго тутъ молебствія при обновленіи Святыхъ горъ. Очаровательный видъ открывается съ этаго устроенаго самой природой балкона, но невольно кружится голова, при взглядѣ на зіяющую внизу бездну. Избравъ вмѣсто тѣснаго храма помѣщеніе на паперти у одного изъ его оконъ, съ удовольствіемъ выслу-

шалъ я подъ открытымъ небомъ божественную службу, созерцая съ благоговѣніемъ совершеніе чудной тайны св. евхаристіи. Въ ней и нынѣ соединяется съ нами сокрытый этими небесами на Елеонѣ Господь, благодатно взывая любящимъ Его: «Азъ есмь съ вами, и пиктоже навѣ!»

Располагая позднюю литургію отслушать въ больницѣ, поднялся я съ скалы еще выше, на такъ называемый святогорскій Өаворъ, чтобъ осмотрѣть тамъ храмъ Преображенія Крутыми уступами ведетъ лѣсная тропа въ гору, гдѣ на самой вершинѣ, во всей своей пустынной красѣ возвышается двухъ-этажный каменный храмъ Господня Преображенія, осыпая съ горней своей высоты всю обитель. Недавно оконченный попеченіемъ гг. Потемкиныхъ, сіяетъ онъ изящной византійской красой съ прекрасною живописью и рѣзнымъ дубовымъ иконостасомъ внутри. Два боковые восхода ведутъ къ верхнему его входу; внизу же подъ аркой скрывается входъ въ нижній храмъ, посвященный иконѣ Казанской. Изящная простота царствуетъ тутъ вездѣ: и отраднo бываетъ молиться здѣсь, и даже видѣть этотъ выпренный благоукрашенный храмъ. Но изъ всего особенно поразила меня запрестольная икона нижняго олтаря. Распятый Господь, изображенный въ ростъ человѣка, какъ-бы живой распростираетъ свои пречистыя длани для пріятія всѣхъ. Тихій отблескъ неугасаемой лампы еще болѣе усугублялъ живость художественнаго произведенія; казалось, будто распятый за насъ Искупитель, отдѣляясь отъ полотна, идетъ на встрѣчу искупленному Имъ человѣку.

Поспѣшая въ больницу, не долго могъ я любоваться здѣсь красивыми видами далекой окрестности, ибо это мѣсто считается самымъ возвышеннымъ пунктомъ святыхъ горъ. По слухамъ и на противоположной Өавору горѣ, надъ дачей гг. Потемкиныхъ, имѣется въ виду устроить подобный же нагорный храмъ Вознесенія, съ названіемъ горы Елеонъ. И сладостно будутъ звучать христіанскому слуху эти палестинскія наименованія, сообщенныя вершинамъ святыхъ горъ.

Спустившись съ горы, лѣсною тропой достигли мы вскорѣ монастырскаго хутора, расположеннаго у южнаго ската святогорской возвышенности. Среди скром-

ныхъ хуторскихъ зданій, красиво возвышался въ срединѣ корпусъ больницы. Литургія уже началась, когда взошелъ я въ небольшой домовый храмъ, посвященный Богоматери Ахтырской, и стройное пѣніе больничнаго клира пріятно поразило мой слухъ. Тутъ же вниманіе мое обратилъ на себя почитаемый чудотворнымъ храмовой образъ пресвятой Дѣвы, о которомъ слышалъ я довольно замѣчательный разсказъ. Одинъ инокъ, носившій послушаніе продавать богомольцамъ просфоры, страдалъ продолжительною лихорадкой. Не смотря на всѣ средства, болѣзнь не уступала, и довела инока до сильнаго изнеможения. Однажды, когда, исполняя свое послушаніе, отъ слабости принужденъ онъ былъ часто отдыхать, — подходитъ къ нему богомолка и видя его болѣзненное состояніе, начитетъ спрашивать о причинѣ. Инокъ отвѣтилъ, что лихорадка такъ истощила его. Богомолка начала совѣтовать ему, отыскать въ церкви, въ такомъ-то углу, икону Ахтырской Божіей Матери, взять ее въ свою келлію, и помолившись усердно, омыть ликъ св. водою, и потомъ выпить эту воду, — увѣряя, что болѣзнь его непременно пройдетъ. Въ благодарность за благочестивый совѣтъ, инокъ хотѣлъ ей вручить отъ себя просфору, но оглянувшись увидалъ, что ея ужъ нѣтъ. Онъ началъ ее разыскивать, но все было напрасно: богомолка исчезла, и удивленный инокъ поспѣшилъ съ благоговѣніемъ исполнить ея совѣтъ. И чтоже? болѣзнь уступила силѣ молитвы и вѣры въ цѣлебность чуднаго врачевства. Съ тѣхъ поръ и другіе начали испытывать въ болѣзняхъ своихъ облегченіе отъ святаго этого образа, и вѣра въ благодатную его силу еще болѣе укрѣпилась въ благочестивыхъ душахъ. Посему-то, устраивая пріютъ болящимъ и престарѣлымъ, благочестивые строители вручили его покрову дивной цѣлительницы нашихъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ, пресв. Матери Божіей.

Теперь, по осмотрѣ почти всего въ самой обители, вниманіе мое привлекъ пустынный скитъ на святомъ мѣстѣ, въ одной верстѣ отъ монастыря. Къ сожалѣнію, строгій здѣшній уставъ въ немногіе лишь дни года дѣлаетъ туда доступнымъ входъ мірянину. Въ навечеріе престольнаго праздника обители Успенія, 8 мая въ хра-

мовой день скитской церкви, да еще въ пятницу свѣтлой седмицы, врата скита отверзаются для богомольцевъ. Въ эти дни бывають туда крестные ходы изъ обители на лодкахъ по Донцу, что составляетъ, говорятъ, очаровательную картину; и тогда никому не возбраняется осматривать эту сокровенную святыню святыхъ горъ. Въ прочіе же дни можно видѣть только благолѣпную часовню у заключенныхъ вратъ. Въ рѣдкихъ лишь случаяхъ дѣлается исключеніе изъ общаго сего правила.

Не смотря на все это хотѣлось мнѣ хоть издали посмотрѣть на святое мѣсто подвиговъ древнихъ и новыхъ святогорскихъ пустынножителей. Не желая терять времени и опытнаго путеводителя, отправился я съ другими по торной дорогѣ, ведущей изъ хутора въ скить. Вскорѣ дорога пошла лѣсомъ, лѣлаясь все круче и неудобнѣе: сосновыя иглы дѣлали скользкимъ и безъ того затруднительный путь. Но вотъ среди лѣсной чащи, въ глубокой мѣловой котловинѣ, окаймленной обрывами, показались скромные одноэтажные домики скита. Впереди стояла небольшая каменная одноглавая церковь, съ чистенькими дорожками вкругъ; широкая аллея шла отъ ней къ заключеннымъ вратамъ. Сзади ея пять небольшихъ домиковъ составляли помѣщеніе скитниковъ, окруженное скромнымъ деревяннымъ заборомъ, за которымъ видѣлись чистота и яркая зелень. Безмолвна была и окрестная пустыня, хотя бы много могла передать о подвигахъ населявшихъ ее древнихъ и новыхъ пустытниковъ. Скитская церковь, говорятъ, очень невелика, и убрана просто, поскитски; въ ней читается неусыпно Псалтирь. Литургіи совершаются тутъ лишь въ субботы и воскресенья, да по праздничнымъ днямъ, въ прочіе же дни отправляются только часы. Изъ праздниковъ особенно чествуются тутъ дни Преподобныхъ, коимъ совершаются продолжительныя бдѣнія.

Помолившись въ часовнѣ великому пустынножителю и угоднику Божію Арсенію, и взглянувъ еще разъ на скить, пошли мы обратно пустынной стезей; и вскорѣ вся эта мирная картина, какъ свѣтлое видѣнье, скрылась за соснами изъ нашихъ очей.

Прости, тихое селеніе пустыннолюбивыхъ душъ! Прос-

ти и ты, святая обитель! Съ тихую грустью оставляю я твой гостепріимный кровъ, унося самое теплое задушевное воспоминаніе о проведенныхъ въ тебѣ дняхъ. Долго будетъ жить во мнѣ это глубокое впечатлѣніе, и то отрадное чувство, которое внушаютъ твои благоговѣйныя службы и чинный порядокъ твой и гостепріимная ласка, а главное, то благое, истинноподвижническое настроеніе, которое господствуетъ нынѣ въ тебѣ.

Разсказъ мой оконченъ. Быть можетъ недостаетъ въ немъ той полноты, которую вправѣ требовать отъ меня мой читатель. Но что же дѣлать? Чтобы подробно все описать, нужно подольше пожить; а въ два дня трудно все осмотрѣть и примѣтить. Что видѣлъ, что сдѣлало на меня впечатлѣніе, то и передаю; въ прочемъ же прошу извиненія.

Андрей Ковалевскій.

ТОРЖЕСТВО БОЖЕСКАГО ПРАВОСУДІЯ.

Предлагаю вниманію читателя описаніе весьма для меня памятной и поучительной встрѣчи, во время одного изъ моихъ путешествій ко святымъ мѣстамъ. Путь мой къ не близкой святой обители лежалъ чрезъ малороссійскія степи. Былъ жаркій лѣтній день, солнце пекло нестерпимо, и лошадки начали чувствовать утомленіе. Небольшой перелѣсокъ, съ колодеземъ у опушки, манилъ усталаго путника прохладною тѣнью вѣтвистыхъ деревъ; комуужь и желудокъ давалъ знать обычную пору обѣда. Остановившись подъ гостепріимною сѣнью развѣсистой липы, расположился я на мягкой травѣ, углубясь взоромъ въ далекую даль пустынныхъ полей; а прислужникъ мой началъ хлопотать о трапезѣ и чаѣ, столь привлекательномъ при такой обстановкѣ. Вотъ послышался намъ легкій топотъ и говоръ людей, и вскорѣ изъ-за сосѣдняго пригорка показалась густая тѣлапа богомольцевъ, тянувшихся дружной гурьбой къ роднику утолить свою

жажду. Вскорѣ отдѣльными группами запестрѣлъ весь лужокъ, и разнообразныя облики давали видѣть здѣсь пришельцевъ съ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ нашей обширной матушки Руси; старушки богомолки, сложивъ свои тяжелыя ноши, съ наслажденіемъ расправляли усталыя члены. Кто пободрѣй, принялись разводить огонекъ; одна лишь высокая фигура сѣдобородаго старца выдѣлялась изъ пестрой толпы. Высокій и сгорбленный, съ открытой сѣдой головой, опершись на суковатую палку, сидѣлъ онъ угрюмо вдали; старый подрясникъ и четки за поясомъ обличали въ немъ послушника какого-нибудь монастыря. Обрадовавшись случаю покоротать съ кѣмъ-нибудь время, пошелъ я его пригласить на свою хлѣбъ-соль. Но тутъ поразила меня одна въ немъ особенность: на загорѣломъ старческомъ лбу замѣтилъ я у него роковой слѣдъ клейма. Смутившись немного, не оставилъ я впрочемъ своего намѣренія и подошелъ, прервалъ его думу, громко сказавъ:

— Спасайся старикъ! Богъ въ помощь на доброе дѣло, постранствовать Господа ради.

Окинувъ меня пытливымъ недоувѣрчивымъ взглядомъ, онъ угрюмо отвѣтилъ: Спасайся и ты, господинъ.

— Вотъ, дѣдушка, что: какъ вижу, ты изъ дальнихъ и кажется монастырскій, а такъ какъ кусокъ въ одиночку мнѣ несовсѣмъ хорошо ѣтся, то не хочешь ли по дорожному раздѣлить мою трапезу, промочить засохшее горло чайкомъ. А тѣмъ временемъ, побесѣдуемъ съ тобой.

Старикъ нерѣшительно оглянулся на сидѣвшихъ вблизи богомольцевъ и потомъ, приподнявшись, медленно побрелъ за мной, глухо промолвивъ: видно, баринъ ты добрый, что и клейма мои тебя не пугаютъ. Пусть будетъ по твоему, хотя и не стою я твоей ласки по своему оказанству.

Заинтересованный личностью старца, усадилъ я его близъ себя и началъ исподволь спрашивать о причинахъ его несчастія.

Глубоко вздохнувъ, посмотрѣлъ онъ на меня полнымъ страданія взглядомъ, и сказалъ: Ты видишь на мнѣ, господинъ, кару Божию, и судъ Его праведный. Великій я грѣшникъ предъ нимъ, хотя печати эти получилъ совершенно безвинно. Вотъ тебѣ мой паспортъ, посмотри

его, увидишь все тамъ. Вѣдь нашего брата бѣглыхъ бродить не мало, все будетъ тебѣ повѣршѣй.

Въ паспортѣ значилось, что предъявитель его, бывшій рядовой, не упомяну какого полка, но подозрѣнію въ убійствѣ невинно наказанный и сосланный, по открытіи настоящихъ виновниковъ преступленія, отпущенъ изъ службы, съ правомъ проживать гдѣ захочетъ, а равно, коли пожелаетъ, вступить и въ монашеское званіе.

— Теперь ты баринъ, узналъ мое горе; да только оно тамъ не полно: вотъ гдѣ полное горе (и онъ рукой указалъ на свою вналую грудь). Хотя и пострадалъ я невинно, по мнѣнію людей, но по Божьему суду вполне достоинъ всего, — и каторги и этихъ клеймъ.

— Коли можно тебѣ, подѣлись и со мной своимъ горемъ; расскажи невеселую твою жизнь.

— Если не скучаешь со мной, то изволь; расскажу я тебѣ все подробно: не таю я себя теперь ни передъ кѣмъ. Рассказъ мой не длиненъ, длинны лишь пагубные слѣды моей вины. «Уроженецъ я курскій, родился давно, теперь шестой десятокъ идетъ; лѣтъ 15 ужъ странствую съ этой клюкой. Отца своего я не помню, матушку похоронилъ на 10-мъ году; взялъ меня къ себѣ дядя ящикъ, материнъ братъ Человѣкъ былъ съ достаткомъ, и добрый, — жалѣлъ онъ меня сироту Имѣлъ всего двухъ дочекъ, сверстницъ мнѣ; а потому все меня прочилъ себѣ въ наслѣдники, говоря: дочкамъ достанутся деньги да хуторъ, а постоянный съ лошадами пусть будетъ Тимошѣ. Да не сбылись его слова Росъ я съ сестрами вмѣстѣ, вмѣстѣ въ лѣсъ по ягоды бѣгали, грибы собирали. Тетка ничѣмъ меня отъ родныхъ дѣтей не отличала; да я, не знаю съ чего, смотрѣлъ на нихъ какъ на чужихъ, хотя и старался не показать въ томъ и виду. Начали мы подростать: ужъ и тройкой лихо я правилъ, получалъ не разъ отъ сѣдочковъ подачки на водку, за пѣсни свои да удалство. Дядя одѣлъ меня вполне ящикомъ, и выглядывалъ я, говорю не хвалясь, парнемъ на диво. Ростомъ высокій, румяный лицомъ, съ черными какъ смоль волосами, былъ я не изъ послѣднихъ въ селѣ. Да и голосомъ бралъ, бывало никто лучше меня пѣсню не сладить; въ хороводахъ да играхъ былъ первый. Но изъ

всѣхъ деревенскихъ, лучше всѣхъ казалась мнѣ Татьяна, моя старшая двоюродная сестра. Добрая, кроткая, съ красивымъ смуглымъ лицомъ, и черными большими глазами, вскорѣ она совсѣмъ меня къ себѣ приковала. Только я никогда не открывался ей, боялся все дяди, чтобы меня не согналъ. Терпѣлъ все, да украдкой за нею слѣдилъ: межъ тѣмъ понравился Татьянѣ сосѣдній по двору паренекъ. Смирный такой былъ, молчаливый: вмѣстѣ съ нимъ я и взросъ, и звались мы братьями. Жили до толъ душа въ душу, думы всѣ свои другъ другу передавали, да только о своемъ расположеніи къ Татьянѣ я смолчалъ: пусть, думаю, въ гробъ ляжотъ со мной моя тайна. Что же случилось? Татьяну просватали за моего друга, и начали готовиться къ свадьбѣ. Стали всѣ веселы, одинъ я тосковалъ и не разъ собирался покончить съ жизнью. Господь, по милости своей, сохранилъ; но врагъ не дремалъ: устроилъ мнѣ невидимо сѣть, и я слѣлся душегубцемъ, преступникомъ, за что вотъ и плачусь всю жизнь. Пошли мы разъ вечеромъ вмѣстѣ съ Васильемъ, — такъ звали жениха Татьяны — ночевать съ лошадьми на лугу. Онъ все мнѣ про свое счастье толкуетъ: какъ вмѣстѣ будемъ мы по прежнему жить. Я все молчу, изрѣдка лишь ему для приличья подкакиваю; а межъ тѣмъ въ головѣ у меня черныя мысли все бродятъ. Всю эту ночь напролетъ не смыкалъ я очей. Утромъ пошли мы обратно. Путь шелъ по рѣчному обрывистому берегу: рѣка была быстрая и глубокая, мѣсто пустынное. Остановился Василій надъ кручею и говорить: посмотри, Тимоѣй, какъ рыба на солнцѣ играетъ. Тутъ, не помню ужъ, что было со мной: только толкнулъ я его со всей силой съ кручи въ рѣку. Богъ судья тебѣ, братъ, воскликнулъ несчастный, и въ быстромъ водоворотѣ канулъ ко дну. Какъ полоумный стоялъ я надъ бездной, думая и самъ послѣдовать тудажъ. Но потомъ жаль стало жизни своей молодой. Побѣжалъ я въ село, началъ кричать: «Василій тонетъ, помогите!» Сбѣжался народъ. Смѣльчаки бросились въ воду, я съ отчаянья ломалъ себѣ руки, плача какъ малый ребенокъ. Разказалъ, будто несчастный самъ оступился съ крутаго оврага въ рѣку. Долго искали, все было напрасно;

зацѣпился вѣрно на дни. Только дня три спустя, выплыло тѣло. Поплакали родные Василья, но болѣе всѣхъ убивилася Татьяна; я же, не выдержалъ пытки, сильно занемогъ: не видѣлъ и покойника. Приѣхалъ исправникъ, собрали народъ, привели и меня кое-какъ. Разказалъ начальству тоже что и прочимъ: оступился, говорю, съ оврага, а я не умѣя плавать, побоялся броситься вслѣдъ: побѣждалъ звать людей. Понятые за меня показали, что поведенія трезваго, и ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ, съ покойникомъ жилъ душа въ душу, да и теперь съ горя по немъ заболѣлъ. Меня оставили въ подозрѣнни, а покойника велѣли похоронить. Тѣмъ дѣло и кончилось; и судъ человѣческой уступилъ меня суду и карѣ Божьей. Съ тѣхъ поръ, днемъ и ночью, не имѣлъ я покою. Все грезился мнѣ голосъ Василья, и его, страшное для меня, послѣднее слово. Сталъ съ горя я пить, думая въ винѣ потопить ужасное воспоминанье. Но и это мало мнѣ помогло. Бросилъ вино. Пошелъ съ теткою въ Кіевъ; думаю: авось хоть тамъ полегчаетъ на душѣ. Но и въ святомъ мѣстѣ мало нашелъ я отрады. И молиться не могъ: ходилъ словно безъ памяти за другими по пещерамъ, да Божіимъ храмамъ. За то тетка усердно молилась, чтобы прошла моя порча, какъ общей молвой называли они мое ужасное положенье. Вернулись домой. Тѣмъ временемъ Татьяна все чахла, все тосковала, а къ концу года и сама пошла за Васильемъ: похоронили ее рядомъ съ нимъ. И плакалъ я по ней какъ безумный, вполне сознавая, что сгубилъ разомъ двѣ жизни; и опротивѣла мнѣ самому преступная жизнь. Хотѣлъ порѣшить съ собой, но побоялся грѣха; думаю: лучше лечь на войнѣ, и пошелъ охотой въ солдаты. Дядя и тетка всячески меня уговаривали, плакали, но я стоялъ на своемъ: душно мнѣ было въ ихъ семьѣ. Все напоминало мнѣ страшный поступокъ; хотѣлъ не разъ сознаться во всемъ, да все жаль было еще больше горя старикамъ подбавить. Поплакали, погоревали, дядя снарядилъ меня въ службу, и пошелъ я изъ роднаго села. Съ тѣхъ поръ не видалъ я своихъ благодѣтелей. Прослужа 10-ть лѣтъ, бывалъ я не разъ въ сраженіяхъ, и выходилъ цѣлъ и невредимъ, хотя и лѣзъ нарочно въ самый огонь. Межъ

тѣмъ терзанія совѣсти сдѣлали меня молчаливымъ, угрюмымъ; вино я оставилъ совѣмъ, лишь въ церковь часто ходилъ. Немного легче становилось на душѣ, какъ бывало помолишься Богу, хоть, правду сказать, и молиться едва могъ: какъ каменное было тогда мое сердце. Начальство любило меня за тихій нравъ и исправность по службѣ; но товарищи, не имѣя во мнѣ собрата въ попойкахъ, часто поднимали меня на смѣхъ. Чрезъ это сталъ я еще болѣе дичать, сосредоточиваясь лишь въ себѣ самомъ; тѣмъ временемъ научился я грамотѣ, сталъ божественныя книги читать, и это послужило мнѣ большимъ утѣшенемъ. Но вотъ пора приходитъ тебѣ рассказать, какъ получилъ я эти печати. Стоялъ нашъ полкъ на квартирахъ въ западномъ краѣ, а эскадронъ, гдѣ былъ я, въ одномъ жидовскомъ мѣстечкѣ. Жиды, какъ извѣстно, почти всѣ народъ денежный, но скупой. А потому нашимъ солдатикамъ пожива была тутъ мала, и стоянка эта вскорѣ всѣмъ опротивѣла. Вотъ тутъ-то и настигло меня давно заслуженное наказанье. Двое изъ товарищей съ очень дурнымъ нравомъ, примѣтивъ одного скрягу жиды, задумали не доброе дѣло, пожитьяся его деньгами. Темной порой, постучавшись, обманомъ вошли они къ нему въ домъ, думая кончить однимъ грабежомъ. Но вышло иначе: хозяинъ сталъ защищаться, и одинъ изъ солдатъ раскроилъ ему голову егожь топоромъ. Такъ какъ убитый жилъ одиноко, то молодцы, забравъ деньги, скрылись ночью порой, незамѣтно оставивъ лишь по неосторожности солдатскій погонъ, сорванный боровшимся жидомъ. Пошло слѣдствіе, начали допрашивать весь эскадронъ. Оказалось, что у всѣхъ цѣлы погоны, исключая меня; мой же, не знаю куда, пропалъ. Сдѣлали у меня обыскъ, и нашли подъ моей койкой окровавленное бѣлье; видно товарищи, для собственнаго спасенія, не пощадили нелюбимаго ими собрата, подсунувъ ловко всѣ доказательства. Такъ какъ улики были на лицо, то несмотря на мои оправданія, меня судили, наказали и сослали въ Сибирь. Впрочемъ, видя во всемъ этомъ карающую меня десницу Всевышняго, я и не пытался себя оправдать, безропотно снесъ давно заслуженное наказаніе, и только на душѣ у меня сдѣлалось какъ-то свѣт-

лѣй. Въ Сибири пробыль я долгія пять лѣтъ, и что испыталь, о томъ лучше молчать: не даромъ же тамошняя жизнь слыветъ каторгой. Толковаль себѣ только одно, что по дѣламъ своимъ и не такой еще муки я стою. Черезъ пять лѣтъ удалые молодцы, подведшіе меня подъ кару, попались опять; и видя уже бѣду неминучую, сознались и въ первомъ своемъ преступленіи, вполнѣ меня оправдавъ. Воротили меня изъ Сибири; но какъ клейменный, не могъ я находиться въ полку, то и выдали мнѣ этотъ видъ. И пошелъ я бродить по бѣлому свѣту. Дядя и тетка уже тогда померли, сестра съ мужемъ держала хозяйство. Приняли они меня, спасибо имъ, ласково; но все какъ-то боялись моихъ клеймъ: слово *каторжникъ* для всѣхъ страшно звучить. Пожилъ я у нихъ нѣскольکو времени; потомъ распрощался и пошелъ въ Кіевъ: хотѣлось все какому-нибудь старцу подвижнику рассказать на духу свою жизнь; потому что хотя и выстрадалъ я свою вину, но еще ни разу ее не исповѣдалъ, не получилъ отъ ней разрѣшенья, и страшился умереть съ этой тяжестью на душѣ. Приплелся я въ Божій градъ, знакомый уже мнѣ по первому посѣщенію, поговѣлъ въ Лаврѣ, исповѣдался отъ души во всемъ одному старику іеромонаху. Выслушавъ мой рассказъ, грустно покачалъ онъ сѣдой головой, тихо промолвивъ: Судъ Божій на тебѣ ужь оконченъ, выстрадалъ ты свой грѣхъ вполнѣ. Теперь, сынъ мой, совѣтъ мой тебѣ—остальную жизнь посвятить Богу. Потрудись Ему въ благочестивомъ странствіи, пока служить силы, а потомъ, пріютись гдѣ-либо подъ кровомъ пустынной обители, гдѣ можешь тихо окончить свой вѣкъ. Съ тѣхъ поръ вотъ ужь пятнадцатый годъ странствую я неутомимо по св. мѣстамъ нашимъ русскимъ; хотѣлось бы и на Аѳонъ и св. градъ Іерусалимъ, да говорятъ: съ моими печатями не пустятъ меня за границу. Да и старь уже сталъ: скоро прійдется перебираться и въ вѣчность. Когдабъ поскорѣй, давно ужь старыя кости просятъ покоя. «Потрудитесь еще, а потомъ ужь отдохнете въ могилѣ», самъ себѣ примолвилъ старикъ, и вздохнувъ глубоко, замолчалъ, поникнувъ на землю лицомъ.

Признаться, рассказъ старика навелъ и на меня не-

веселыя думы: печальная повѣсть его неудавшейся жизни глубоко запечатлѣлась въ моемъ воображеніи. Желая распросить его еще кой о чемъ, прервалъ я его молчанье, сказавъ:

— Гдѣ же ты, дѣдушка, думаешь основаться? Не вѣкъ же бродить будешь съ клюкой.

— Буду ходить, пока ноги мнѣ служить, а потомъ что Богъ пошлетъ, то и будетъ со мной. А можетъ и на дорогѣ гдѣ-либо сложу свои старыя кости. Даль бы Господь, хотъ тамъ, въ вѣчности, получить мнѣ покой. Впрочемъ пора и въ дорогу. Прости Господа ради: спаси тебя Богъ за ласку, за доброе слово, и что накормилъ ты меня старика.

И взявъ свою палку, побрелъ онъ медленнымъ шагомъ по пыльной дорогѣ, и вскорѣ исчезъ изъ моихъ глазъ, но не исчезло воспоминаніе слышаннаго отъ него поучительнаго разсказа.

Андрей Ковалевскій.

ИСЦѢЛЕНІЕ ИНОВѢРНАГО МЛАДЕНЦА ОСВЯЩЕННОЮ БОГО- ЯВЛЕНСКОЮ ВОДОЮ.

Праздникъ Богоявленія Господня обыкновенно отправляется въ православной Церкви особеннымъ торжественнымъ образомъ; кромѣ службы въ церкви, въ этотъ день во многихъ мѣстахъ бываетъ крестный ходъ на іорданъ для освященія воды, въ воспоминаніе крещенія Спасителя въ рѣкѣ Іорданѣ. Святое православіе, явясь во многихъ мѣстахъ Лифляндіи, принесло съ собою и этотъ обрядъ, на который во множествѣ собираются не только православные, но и иновѣрцы; никогда не бываетъ въ православныхъ церквахъ такъ много народу, особенно иновѣрцевъ, какъ въ праздники св. Пасхи и Богоявленія Господня.

Въ городѣ Венденѣ совершается освященіе воды въ колодезѣ на торговой площади; это родъ резервуара, въ который вода втекаетъ и изъ котораго вытекаетъ под-

земною трубой. Говорятъ, что крестьяне, прѣзжая въ Венденъ въ праздникъ Богоявленія Господня, обыкновенно считаютъ непремѣннымъ долгомъ напоить лошадей освященною водою и вѣрятъ, что ихъ лошади будутъ здоровы отъ того.

Но несомнѣнно, что и люди получаютъ видимую помощь небесную отъ освященной воды. Несмотря на глушленія мудрыхъ вѣка сего надъ вѣрою православныхъ и простыхъ людей иновѣрцевъ въ необыкновенную силу богоявленской воды, иные и изъ иновѣрцевъ по своей вѣрѣ получаютъ явную милость Божію отъ сей воды. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, о которомъ мнѣ самому довелось слышать отъ иновѣрной старушки-латышки. Но она, рассказавъ мнѣ, сама испугалась этого, думая, что вотъ ее потащатъ въ судъ по этому случаю; моя прислуга, сколько могла, обпадеживала ее, что ей никакихъ обидъ не будетъ за это. Такъ здѣсь народъ боится даже рассказывать о получаемыхъ отъ святой православной Церкви благодѣяніяхъ. Но Господь, оказывая свою милость и иновѣрцамъ по вѣрѣ ихъ, безъ сомнѣнія располагаетъ ихъ въ пользу истинной Христовой Церкви и въ свое время избранные, конечно, обратятся на путь истины.

Одинъ крестьянинъ-Латышъ и жена его, оба лютеране, имѣли самое слабое дитя; это былъ, по рассказу бабушки его по матери, словно завянувшій листокъ. Къ 1866 году уже второй годъ былъ ребенку, но онъ такъ былъ ослабленъ, что не могъ не только ходить, но и стоять на ногахъ. Когда въ праздникъ Богоявленія Господня означеннаго года освящена была вода православнымъ священникомъ, мать ослабленнаго малютки, вѣря въ необыкновенную силу этой воды, захотѣла доставить облегченіе сыну отъ этой воды. «Матушка», говорила она старушкѣ, своей матери, «выкупаемъ больнаго ребенка въ освященной водѣ; водѣ эта вода освящена словомъ Божиимъ; Господь милосердъ, Онъ окажетъ Свою милость и намъ». Старушка-мать охотно согласилась съ дочерью: она сама вѣрила и вѣрить въ святость этой воды. Потому ли, что отца больной малютки не было дома, или онъ не раздѣлялъ вѣры женщинъ въ силу освященной

воды, — вѣрующія женщины попросили принести имъ освященной воды какого-то работника, и тотъ имъ принесъ. Немедленно приготовлена была изъ этой воды ванна для разслабленнаго малютки и женщины съ вѣрою выкупали его въ ней. Вѣра въ милосердіе Божіе и освященную воду не посрамила мать и бабушку малютки, — съ того же самаго времени, какъ ребенокъ былъ выкупанъ въ освященной водѣ, онъ началъ видимо поправляться, крѣпнуть въ силѣ, очень скоро всталъ на ноги, пошелъ и, благодареніе Господу, теперь сталъ совсѣмъ здоровымъ и крѣпкимъ (а).

Святая, православная Церковь, какъ истинная Христова Церковь, есть богатый источникъ благодати Божіей; этою благодатию могутъ пользоваться не только родныя дѣти св. Церкви, но и чужія, какъ показываютъ опыты многихъ благодѣяній Божіихъ, являемыхъ иновѣрцамъ по молитвамъ св. Церкви. Какъ было во времена земной жизни Спасителя, такъ и теперь; какъ тогда не вѣрили чудесамъ Христовымъ книжники и фарисеи (Мат. 9, 34; Марк. 3, 22), такъ и теперь отвергаютъ явныя знаменія благодати Божіей мудрецы вѣка сего; но какъ тогда, такъ и теперь Господь оказываетъ свою милость и помощь не только принадлежащимъ къ Ею св. Церкви, но и чужимъ, вѣрующимъ въ Ею силу. Какъ Господь оказалъ чудесную помощь, исцѣливъ дочь жены, хананейской язычницы, по вѣрѣ послѣдней (Мат. 15, 22—28), такъ Онъ же исцѣлилъ и дочь латышки-лютеранки по вѣрѣ ея въ благодать Божію, обитающую въ православной Церкви.

Христіанинъ, православный ли ты, или иновѣрецъ, не будь подобенъ тѣмъ книжникамъ и фарисеямъ, которые отвергали чудеса Христовы; тѣ не вѣровали во Христа, а ты вѣдь знаешь, что Христось есть Сынъ Бога живаго, что Онъ есть всесильный Богъ и съ нами пребудетъ во вся дни до скончанія вѣка (Матѣ. 18, 20). Какъ же ты можешь отвергать чудодѣйственную силу Ею въ святой Церкви православной? Но если ты явно видишь милость Божію въ этой Церкви; не очевидно ли что эта-то Церковь и есть истинная Церковь Христова? Люби же ее, пра-

(а) *Примѣчаніе.* Подобное случилось еще съ другимъ дитятею иновѣрныхъ родителей, какъ мнѣ сказывалъ мой причетникъ.

вославный, отъ всего сердца, радуйся, что ты дитя Христовой Церкви, повинуйся ей, свято исполняй ея спасительныя установленія. Но кто не принадлежитъ къ этой Церкви, тотъ пусть знаетъ, что онъ не во дворѣ Христовомъ, что онъ изъ овецъ другаго стада, которымъ нужно взойти во дворъ Христовъ — въ св. Церковь православную, чтобы всѣ стали одно стадо одного Пастыря Христа (Іоан. 10, 16).

Б. П. I. П.

ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ ВЪ МОСКВѢ.

16 мая прибыла въ Москву многочисленная депутація отъ западныхъ и южныхъ Славянъ для обозрѣнія этнографической выставки, устроенной Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія. На другой день по прибытіи славянскіе гости утромъ осматривали кремлевскіе соборы, а пополудни нѣкоторые изъ нихъ, въ числѣ 18 человекъ, большею частію духовныя лица православнаго, уніятскаго и римскаго исповѣданія, явились къ Высокопреосвященнѣйшему Филарету, митрополиту московскому. Архипастырь встрѣтилъ ихъ въ залѣ, провелъ въ гостиную, усадилъ всѣхъ и сказалъ имъ общее привѣтственное слово. Вотъ въ точности записанный текстъ его рѣчи, которая произвела глубокое впечатлѣніе:

«Имѣю неожиданное утѣшеніе привѣтствовать вождельныхъ гостей и братій, которыхъ здѣсь вижу, и которыхъ также сверхъ ожиданія видитъ нынѣ Москва.

«Благословенъ Богъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ, посѣтившій и посѣщающій бѣдственно-раздѣленное челоувѣчество, и направляющій оное къ единому спасенію и спасительному единству.

«Славяне и Славяно-Россы — родъ единъ. Но его начало затемнено временемъ. Движеніемъ дѣлъ челоувѣческихъ раздѣлены отрасли его. Это раздѣленіе неблагопріятно было единству языка его.

«Богъ воздвигъ двухъ святыхъ братій по плоти и по духу, которые сдѣлались нашими отцами по духу, родивъ насъ благовѣствованіемъ Христовымъ, и наше естественное братство обновилъ и возвысилъ братствомъ духовнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что любовь родственная усовершенствована и укрѣплена любовію христіанскою. Единство духа и языка охранено тѣмъ, что языкъ славянскій сдѣлался языкомъ вѣры и церкви. Мы, Россіяне, наслѣдовали сей даръ Божій отъ старѣйшихъ въ христіанствѣ братій нашихъ, и не престаемъ быть благодарными. Состраждемъ скорбямъ, сорадуемся надеждамъ братій, и сквозь раздѣленія зримъ къ единству. И вотъ печальный случай изъ различныхъ, изъ отдаленныхъ странъ подъямлетъ ревнителей славянскаго братства, и соединяетъ ихъ въ средоточіи русскаго единства, чтобы непосредственно изъ сердца въ сердце излить братское чувство и, вопреки внѣшнимъ раздѣленіямъ, найдтись въ живомъ внутреннемъ единеніи.

«Видѣвъ знаменія Провидѣнія въ нашемъ прошедшемъ, осмѣлимся и въ настоящемъ видѣть знаменіе во благо.

«Въ духѣ христіанства да растетъ общее наше единеніе, и въ такомъ единеніи — сила, способная побѣдоносно созидать и распространять общее и частное благо.

«Привѣтствуемъ васъ искреннею любовію и благою надеждою, по вѣрѣ во всеблагое Провидѣніе Божіе.»

Въ послѣдовавшей за тѣмъ бесѣдѣ, г. Палацкій, чешскій депутатъ, сказалъ между прочимъ, что церковная рознь была роковымъ событіемъ для многихъ отраслей славянскаго племени. Его Высокопреосвященство обращался съ вопросами о состояніи духовныхъ дѣлъ въ Сербіи къ членамъ сербскаго духовенства, съ словами утѣшенія къ угнетеннымъ собратьямъ въ Галиціи, представленнымъ въ депутаціи каноникомъ Головацкимъ. Мистическій архипастырь проводилъ гостей до дверей и напутствовалъ ихъ благословеніемъ. Отъ митрополита тѣ же лица направились къ часовнѣ Иверской Богоматери, гдѣ, по желанію православныхъ, было отслужено молебствіе.

На другой день 18 мая въ честь славянскихъ гостей происходило торжественное собраніе Московскаго университета и представителей отъ всѣхъ московскихъ ученыхъ

и художественныхъ обществъ и въ числѣ ихъ отъ общества любителей духовнаго просвѣщенія. Отъ лица университета и всѣхъ этихъ обществъ сказано было слишкомъ двадцать врывѣтственныхъ рѣчей Славянамъ. Депутатъ отъ Общества Любителей духовнаго просвѣщенія священникъ А. М. Иванцовъ-Платоновъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Отъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, открывшагося въ Москвѣ въ годъ тысячелѣтняго празднованія памяти св. словенскихъ просвѣтителей Кирилла и Меодія, соплеменникамъ-Славянамъ братскій христіанскій привѣтъ: *Христось воскрес!* (Многіе изъ славянскихъ гостей отвѣчаютъ: *Воистину воскрес!*)

«Св. Кириллъ, общій первоучитель нашъ, умирая, молился, чтобъ утвердилъ Господь въ единомысліи и правой вѣрѣ, просвѣщенные имъ и святымъ братомъ его, славянскія племена.

«Но много лѣтъ и вѣковъ нужно было прожить славянскимъ племенамъ прежде нежели они, испытанныя и очищенные, придуть къ братскому единомыслію...

«И сколько превратностей исторической судьбы, сколько горя и страданій пришлось имъ пережить за это время! Испытанія были такъ велики, пути которыми мы шли подъ смотрѣніемъ вразумляющаго, но не оставляющаго насъ Промысла Божія, такъ различны, что теперь, встрѣчаясь другъ съ другомъ, какъ послѣ долгой разлуки, мы не легко узнаемъ и понимаемъ другъ друга, мало знаемъ другъ объ другѣ, какъ каждому въ разобщеніи отъ другихъ жилось въ это долгое время и теперь живетъ, и не мало между нами остается большихъ слѣдовъ нашего вѣковаго разобщенія, нашихъ историческихъ превратностей и недоразумѣній... Да не послужатъ эти печальные слѣды прежняго разобщенія препятствіемъ къ нашему будущему сближенію и преуспѣянію!

«Около тысячи лѣтъ прошло съ того времени, какъ единствомъ духовнаго просвѣщенія, завѣщаннаго намъ отъ нашихъ святыхъ первоучителей, положено было начало сближенію дотолѣ раздробленныхъ и разобщенныхъ славянскихъ племенъ, — и вотъ въ наши времена начинаютъ показываться сознательныя проявленія нашей

взаимной близости, не по единству только крови и языка, но и по единству историческихъ преданій, сочувствій и духовныхъ стремленій. Настоящее собраніе разноплеменныхъ славянскихъ братьевъ есть знаменательнѣйшее проявленіе такого сознательнаго сближенія.... О, какъ рады были бы многіе изъ благороднѣйшихъ сыновъ славянства и поборниковъ славянской взаимности прежняго времени, сходявшихъ въ могилу въ скорбной думѣ о судьбахъ славянства, какъ рады были бы они видѣть тотъ день, который намъ пришлось видѣть!.. Привѣтъ и благодарность вамъ, наши старѣйшіе по своимъ историческимъ преданіямъ братья, за то что вы такъ радушно откликнулись и приплы на призывъ братьевъ младшихъ по исторической памяти, но болѣе счастливыхъ и благословенныхъ Богомъ! Говоримъ это не въ чувствѣ превозношенія, а въ чувствѣ глубокаго смиренія предъ высокими обязанностями нашего братства по отношенію къ вамъ....

«Но, братья соплеменники, мы не можемъ опять не вспомнить того, что какъ тысячу лѣтъ назадъ начало нравственному сближенію славянскихъ племенъ положено было въ единствѣ духовнаго просвѣщенія, преданнаго намъ нашими святыми первоучителями, такъ и на будущее время обновленіе и укрѣпленіе этого сближенія могутъ совершаться не иначе какъ во имя того же великаго начала духовнаго просвѣщенія. Итакъ, братья соплеменники, мы слабѣйшіе и юнѣйшіе дѣлатели на нивѣ Божіей, надъ которою нѣкогда трудились наши великіе первоучители, посильно трудящіеся, въ память ихъ и подѣ благословеніемъ ихъ (а), привѣтствуемъ васъ и

(а) Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія и московская епархіальная бібліотека, при которой Общество учреждено, открыты въ годъ тысящелѣтняго празднованія памяти Свв. Кирилла и Меодія (1863 г.), бібліотека освящена и открыта для посѣтителей въ самый день празднованія (11-го мая), и тогда же духовенству, собравшемуся въ бібліотекѣ, предложенъ на обсужденіе проектъ объ учрежденіи *Общества*. Въ епархіальной бібліотекѣ, гдѣ Общество имѣетъ свои собранія, и московское духовенство ведетъ воскресныя бесѣды съ народомъ, находится образъ Свв. Кирилла и Меодія, и ежегодно совершается молебствіе въ память ихъ (11-го мая).

призываемъ къ братскому общенію во имя того просвѣтительнаго начала, которое съ грамотой, словомъ Божіимъ и богослуженіемъ на родномъ языкѣ, предано равноапостольными братьями всему славявскому миру,— во имя единой истинной и святой вѣры христіанской!..

«Ежегодно празднуя память Свв. Кирилла и Меѳодія въ собраніи Общества нашего, передъ образомъ равноапостольныхъ славянскихъ просвѣтителей, мы искренно молимся, чтобъ утвердилъ Господь въ единомыслии и правой вѣрѣ всѣ языки словенскіе.

«Да даруетъ намъ Господь по искреннему желанію сердца нашего — молитвами св. равноапостольныхъ первоучителей словенскихъ Кирилла и Меѳодія и ихъ свв. учениковъ, — молитвами Свв. Владиміра и Ольги, просвѣтителей россійскихъ, Михаила-Бориса Болгарскаго, Сумеона Муроточца и Саввы Сербскихъ, Вячеслава и Людмилы Чешскихъ и иныхъ многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ словенскихъ».

Нельзя не поблагодарить учредителей этого праздника, что они позаботились придать ему духовный, христіанскій характеръ. Въ промежуткахъ между рѣчами хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ пѣлъ священныя пѣсни: *Воскресеніе день и просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обнимемъ... Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ; Тебѣ Бога хвалимъ.* Кромѣ того тѣмъ же хоромъ, по требованію публики, возглашено былъ неоднократно: *многая лѣта*, пѣ- которыми особенно знаменитымъ изъ славянскихъ гостей.

Не считаемъ нужнымъ входить въ прочія подробности пребыванія славянскихъ гостей въ Москвѣ, продолжавшагося до 27 мая, — изчислять разныя празднества, устроенныя въ честь ихъ, приводить рѣчи, въ которыхъ задушевно и трогательно высказывались со стороны гостей и Москвичей братское сочувствіе и желаніе тѣснѣйшаго духовнаго единенія между славянскими племенами, — все это извѣстно изъ свѣтскихъ газетъ, особенно изъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Но не можемъ не обратить вниманія на особенную честь, какая воздана Москвѣ посѣтившими ее, многочисленными представителями славянства. Случай, собравшій ихъ въ Москву, далъ имъ возможность высказать, какъ высоко цѣнятся во всемъ славян-

скомъ мірѣ значеніе ея. Въ своихъ привѣтствіяхъ и рѣчахъ, славянскіе гости обыкновенно прилагали къ Москвѣ трогательное наименованіе матери (*матушка-Москва*), и притомъ святой матери, называли ее всеславянскою матерью; радость увидѣть ее, они сравнивали съ радостію паломниковъ, давно стремившихся душою и сердцемъ къ Іерусалиму, наконецъ узрѣвшихъ его и отъ радости лобызających самый прахъ святой земли. Почему же они столь благоговѣютъ предъ Москвою, столько любятъ ее? Потому что они знаютъ великое значеніе ея въ народной, церковной и государственной нашей жизни, а главное — знаютъ, какое горячее участіе принимаетъ Москва въ дѣлахъ славянскихъ. Дай Богъ, чтобы сама Москва всегда помнила это великое значеніе свое въ русской землѣ и во всемъ славянскомъ мірѣ и старалась поддержать оное. Ее называютъ сердцемъ Россіи: такъ пусть же это сердце всегда бьется любовію къ родной странѣ, горячимъ сочувствіемъ къ ея радостямъ и скорбямъ, готовностію на дѣла благотворенія всѣмъ нуждающимся, и да не очерствѣетъ оно отъ самолюбиваго пристрастія къ земнымъ благамъ, какими столь обильно, преимущественно предъ прочими городами русскими, благословилъ Москву Господь. На Москву взираютъ какъ на столицу православія: да хранить же она свято наслѣдіе православія, завѣщанное ей вѣками, и подъ знаменемъ его да отрѣываетъ отъ себя всѣ лжеученія и противные духу церкви мірскіе обычаи, да благоговѣетъ къ памяти великихъ святителей нетлѣнно въ ней почивающихъ, бодро стоявшихъ на стражѣ православія, да не оскудѣваетъ въ ней ревность къ благолѣпію храмовъ Божіихъ. Москва—первопрестольный городъ, въ ней колыбель единодержавія возвеличившаго Россію, въ ней оно возросло и укрѣпилось, въ ней доселѣ сообщается царямъ церковное освященіе ихъ власти: да служитъ же она своимъ царямъ съ неизмѣнною вѣрностію стараго слуги, и да является примѣромъ любви и преданности къ нимъ: любовь и преданность подданныхъ царю—врагамъ страшнѣе милліоннаго воинства. Москва не разъ была спасительницею Россіи въ горькія години нашествія Татарь, Ляховъ и Галловъ, и приносила самыя тяжкія жертвы для

спасенія отечества: сей духъ самоотверженія для общаго блага да не оскудѣваетъ въ ней никогда. Въ Москвѣ средоточіе русской торговли и промышленности: да разливается же изъ этого средоточія неизсякаемый источникъ благосостоянія на всю Русскую землю, граждане Москвы да заботятся не о своемъ только обогащеніи и довольствѣ, но и о распространеніи довольства и богатства повсюду. Въ Москвѣ живѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, воспринята и созрѣла мысль о Славянскомъ братствѣ, — по этому на нее обращены сочувственные взоры всего славянскаго міра: да будетъ же она всегда достойна этого сочувствія. Дай Богъ, чтобы выраженія братской пріязни къ западнымъ и южнымъ Славянамъ, обнаружившіяся въ ней съ такою силою, были не временною вспышкою, а залогомъ крѣпкаго, никакими препятствіями нерасторжимаго духовнаго единенія съ ними, и чтобы во всемъ славянскомъ мірѣ водворилось православіе, какъ прочное основаніе этого единенія.

Въ Москвѣ часто воздвигаются новые храмы, или пристраиваются новые придѣлы къ старымъ храмамъ. Весьма было бы прилично наречь на одномъ изъ этихъ храмовъ или придѣловъ дорогія для всего славянскаго міра имена первоучителей славянскихъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. Это служило бы свидѣтельствомъ о нашей благодарности къ нимъ за ихъ великіе труды для просвѣщенія Славянъ свѣтомъ вѣры, а вмѣстѣ напоминало бы Москвичамъ о потребности духовнаго единенія между славянскими илеменами.

СОБЫТІЕ 25-ГО МАЯ.

По совершеніи 27-го дня сего мая, въ Успенскомъ соборѣ и во всѣхъ церквахъ столицы благодарственнаго молебствія о сохраненіи жизни Государя Императора, къ Его Императорскому Величеству отъ Митрополита московскаго была отправлена въ Парижъ слѣдующая телеграмма: «Его

Императорскому Величеству Государю Императору Всероссийскому. Благословенъ Богъ, явившій Вашему Императорскому Величеству новое знаменіе Своего дивнаго храненія. Московское духовенство и Москва принесли нынѣ всецерковное благодареніе Богу; и еще зываютъ и будутъ зывать со слезами: Господи спаси Царя.» На сіе, 29-го дня, отъ Его Императорскаго Величества послѣдовалъ Всемиловѣйшій отвѣтъ въ слѣдующей телеграммѣ: «Москва, Его преосвященству митрополиту Филарету. Благодарю васъ изъ глубины сердца за вашу телеграмму и поручаю Себя вашимъ молитвамъ.» «Александръ.»

Того же дня къ Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ, отъ Митрополита московскаго послана была слѣдующая телеграмма: «Ея Императорскому Величеству. Благословенъ Богъ, явившій Благочестивѣйшему Государю нашему новое знаменіе Своего дивнаго храненія. Принеся всецерковное благодареніе Богу, со вѣрнымъ мнѣ духовенствомъ, приношу Вашему Величеству гласъ сорадованія. Озабочивающую мысль Ваша вѣра и упованіе да покроютъ миромъ.» На сіе 28-го дня послѣдовалъ отъ Ея Императорскаго Величества изъ Царскаго Села всемиловѣйшій отвѣтъ въ слѣдующей телеграммѣ: «Преосвященному Филарету митрополиту московскому. Душевно благодарю васъ за выраженные вами чувства сорадованія по случаю чудеснаго спасенія Государя Императора. Это новое знаменіе благодати Всевышняго являетъ намъ сугубое доказательство, сколь милосердно Провидѣніе охраняетъ нашу дорогую Россію въ лицѣ Помазанника Своего и сколь доступны до Господа Бога молитвы Ваши, нашего православнаго духовенства и народа.»

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЮ.

Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, въ селѣ Соголевѣ, сооруженіе каменнаго храма началось съ 1815 года, но до сего времени въ теченіе 52 лѣтъ, по недостаточности средствъ еще не кончилось, а именно: не устроены придѣлы во имя Святаго Николая Чудотворца. Притомъ съ теченіемъ времени при церкви оказались слѣдующія нужды: въ трапезной церкви крашеный иконостасъ въ придѣлѣ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи отъ времени и сырости измѣнился и оказался не благолѣпнымъ, крыша и деревянный потолокъ много повреждены бурей 5 мая 1866 года, а полъ изъ кирпича искрошился, такъ что образовались впадины, представляющія достойный сожалѣнія видъ.—Высокопреосвященный Владыка, митрополитъ московскій, обратилъ вниманіе на прошеніе причта и прихожанъ и въ февралѣ сего 1867 г. благословилъ выдать книгу для сбора подаяній. Посему просимъ благотворителей св. храмовъ оказать посильную помощь въ устроеніи Церкви своими добровольными пожертвованіями. Съ нашей стороны усердная молитва къ Богу будетъ возмездіемъ за усердіе. Приношенія могутъ быть доставляемы и присылаемы священнику Московской Илии Обыденской, на Пречистенкѣ, Церкви, Іоанну Матвѣевичу Лебедеву, отъ котораго жертвователи могутъ получать въ даръ и благословеніе истинное изображеніе съ чудотворнаго образа Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, находящагося въ храмѣ означеннаго села.

*Крестовоздвиженской, въ селѣ Соголевѣ церкви,
и, Священникъ Свѣтоиъ Соловьевъ.*

О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ НА СООРУЖЕНІЕ ХРАМА СВ. БЛАГОВѢРНАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Комитетъ, по Высочайшему повелѣнію учрежденный для принятія и храненія приношеній на сооруженіе въ Москвѣ храма во имя св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, объявляетъ, что съ 1 августа 1866 года по 30 марта 1867 года въ оный поступилъ слѣдующія пожертвованія: а) чрезъ преосвященнаго Евсевія, архіепископа Могилевскаго отъ духовенства Могилевской Епархіи 1 рубль 84 коп., б) изъ Хозяинскаго при Святѣйшемъ Синодѣ Управленія отъ неизвѣстнаго за упокой Ольги и Николая 2 руб. 97 коп., в) чрезъ Мироваго Судью г. Москвы Серпуховскаго участка отъ Московскаго мѣщанина Михаила Иванова 4 руб., г) чрезъ Новоселко-Пеньковское волостное правленіе, Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи, отъ крестьянъ той волости 82 руб., д) чрезъ волостнаго старшину Пужбольской волости Ростовскаго уѣзда Ярославской губерніи, отъ крестьянъ той волости 55 руб., е) отъ Священника села Купли Гороховецкаго уѣзда Владимирской губерніи Іоанна Бѣлина 1 руб., ж) отъ домашняго учителя Ивана Рыгина 2 руб., з) отъ купца Доримедонта Вокова 10 руб., и) отъ Матвѣя Зарубина 1 руб., і) изъ Уфы отъ Сергія и Софіи 3 руб., к) изъ Можайска отъ крестьянина Баркина о здравіи Сергія съ чадами 3 руб., л) отъ Евтхія Сергѣева 5 руб., м) отъ крестьянина Мышкинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Семена Ступина 9 руб., н) отъ Іоанна Гаврилова 3 руб., о) отъ Федора Обухова 1 руб., п) отъ крестьянина Салтыкова 18 р., р) отъ Петра 3 р., с) отъ Михаила и Анастасіи 1 р., т) отъ неизвѣстнаго 3 р., и у) получено процентовъ, на собранный прежде и внесенный въ Московскую Государственнаго Банка Контору капиталъ, 1728 руб. 75 коп., итого 1937 руб. 56 коп. сереб. Всей же принятой съ учрежденія Комитета суммы состоитъ 13329 р. 29¼ к. сер.

Комитетъ состоитъ при Московскомъ Чудовѣ монастырѣ и продолжаетъ принимать приношенія.

ченіе извѣщаетъ при самомъ порученіи. Ссуда подъ залогъ выдается Банкомъ въ тотъ же день. При выкупѣ залога прежде срока Банкъ возвращаетъ проценты только за полные мѣсяцы въ размѣрѣ однимъ процентомъ ниже противу взятаго при ссудѣ. Капиталы для обращенія изъ процентовъ вкладываются въ Банкъ— или на безсрочное время (до востребованія), или на опредѣленный срокъ, или на особыхъ условіяхъ по соглашенію съ Правленіемъ Банка. Возвратъ капиталовъ, вложенныхъ для обращенія изъ процентовъ на безсрочное время (до востребованія), дѣлается въ слѣдующіе сроки отъ предъявленія билета :

Капиталы до 1.000 рублей	черезъ 3 дня
” отъ 1.001 до 10.000 руб.	черезъ 7 дней.
” ” 10.001 ” 50.000 ”	” ” 15 дней.
” ” 50.001 ” 100.000 ”	” ” мѣсяць.

Капиталы же болѣе 100.000 рублей, по предварительному соглашенію вкладчика съ Правленіемъ Банка.

Учетъ векселей совершается ежедневно.

Банкъ открытъ съ 10 часовъ утра до 4 часовъ по полудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Капиталы для обращенія изъ процентовъ или представляются лично, или присылаются черезъ почту по адресу: Въ Московскій Кулеческій Банкъ на Софійской набережной, въ домѣ г. Кокорева.

ОТЪ ЗОЛОТОШВЕЙНАГО ДЕПО.

Въ Москвѣ, въ С.-Петербургскомъ золотошвейномъ депо церковныхъ и офицерскихъ вещей Шадряна, большой выборъ плащаницъ отъ 13 до 4,000 р., хоругвей — отъ 20 до 3,000 р., воздуховъ — отъ 8 до 500 руб., парчи и проч.; воротниковъ всѣхъ министерствъ и вѣдомствъ, и принимаются заказы, на Тверской, въ д. Шаблыкина; въ праздничные дни званія не бываетъ.

Знаменитую плащаницу, бывшую на Всероссийской выставкѣ, желающіе могутъ получить за 4.000 р., также вѣдутся хоругви отъ 2,000 р. до 3,000 р.

Подробныя прейсъ-куранты высылаются для желающихъ.

Всѣ означенныя вещи можно получить лучшаго достоинства по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ при немедленномъ исполненіи всѣхъ порученій гг. покупателей.

Въ случаѣ излоумныя вещи принимаются обратно.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ІЮЛЬ.

1867.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОТЦѢ ФЕОФАНѢ (АВСЕНЕВѢ).

Поминайте наставники ваши, иже глаголиша вамъ слово Божіе
(Евр. 13, 7).

Въ 40-хъ годахъ замѣчательнымъ профессоромъ философіи въ Кіевѣ былъ Петръ Семеновичъ Авсенева, изъ воспитанниковъ семинаріи Воронежской поступившій въ Кіевскую Академію и по окончаніи курса въ оной послѣ каѳедры нѣмецкаго языка скоро занявшій въ ней каѳедру философіи, и совмѣстно преподававшій тотъ же предметъ въ Университетѣ св. Владиміра. Въ Академіи онъ преподавалъ психологію, нравственную философію, философію исторіи и исторію новѣйшей философіи. Едва ли найдется изъ слушателей Петра Семеновича, кто бы не вспомнулъ его съ особеннымъ удовольствіемъ, почтеніемъ и любовію. Избранный въ наставники Академіи преосв. Иннокентіемъ, онъ до того усердно занимался наукою съ самыхъ первыхъ годовъ и до послѣднихъ своего незабвеннаго профессорства, что много утратилъ зрѣнія и здоровья. Это былъ, какъ говаривалъ Платонъ объ Аристотелѣ, *великій чтецъ*. Въ особенности читалъ онъ нѣмецкую философскую литературу, и въ ней любимѣйшими наставниками своими имѣлъ знаменитыхъ Якоби, Гердера и Шуберта. Но какъ мужъ православнѣйшій, Петръ Семеновичъ не подчинялъ своей мысли свободнымъ воззрѣніямъ нѣмецкихъ философовъ, а направлялъ ея полетъ къ созерцанію бытія сверхчувственнаго по руководству божественнаго откровенія. Онъ съ грустію отзывался о тѣхъ мыслителяхъ,

которые, стараясь уяснить по своимъ началамъ истины духовныя, впадаютъ въ уклоненія отъ возрѣвнѣй озаряемой Откровеніемъ церкви, или въ ересь,—и самъ старался быть вполне вѣрнымъ ученію церковному. Потому и источниками для своихъ предметовъ имѣлъ, при иностранныхъ пособіяхъ, св. Библію, Четы-Минеи и писанія Отцевъ-подвижниковъ (Макарія В., Исаака, Сирина, Іоанна Лѣствичника и др.) для психологіи, книгу блаж. Августина: *о градѣ Божіемъ* для философіи исторіи; для этого же предмета онъ указывалъ намъ въ пособіе исторію Боссюэта (а), этаго мудраго и благочестиваго епископа Франціи, которому церковь галликанская одолжена своимъ начальнымъ освобожденіемъ отъ римскаго деспотизма, и мысли котораго доселѣ живутъ въ лучшихъ членахъ этой церкви (*цизмонтанахъ*), и могутъ приготовить ее къ желаемому соединенію съ вѣрнымъ Христу и Апостоламъ Востокомъ. Нравственную философію свою Петръ Семеновичъ построилъ рѣшительно на началахъ христіанскихъ. Будучи самъ высокой нравственности, ее онъ возвышалъ надъ всѣмъ, ставилъ выше науки и искусства, и въ философіи исторіи старался открыть слѣды божественныхъ началъ нравственныхъ. Такъ, рассуждая однажды, почему и какимъ образомъ Китай, при устарѣлости формъ государственной жизни своей, могъ просуществовать самостоятельнымъ государствомъ отъ глубокой древности и до нашихъ дней, профессоръ указывалъ явное исполненіе обѣтованія Божія надъ послушною пятой заповѣди націею китайской. Извѣстна глубокая почтительность Китайцевъ не только къ родителямъ, но и къ старшимъ. За эту-то почтительность Господь, говорилъ профессоръ, наградила цѣлый народъ тѣмъ благословеніемъ, какимъ Онъ обѣщалъ наградить cadaго послушнаго сына, послушную дочь, почтительныхъ брать-

(а) *Исторія Боссюэта*, или читанные имъ наслѣдному принцу французскому уроки по всемірной исторіи переведены въ концѣ прошедшаго столѣтія на русскій языкъ. Онъ разсматриваетъ всю жизнь народовъ въ тѣсной связи съ христіанствомъ, и судьбы древняго міра созерцаетъ, какъ приготовленіе чело-вѣчества къ принятію Спасителя, а судьбы новаго, какъ усвоеніе народами въ свою историческую жизнь великихъ началъ Христіанства.

евъ и сестеръ, говоря: *домолтъень будеши на земли.* Глубокія идеи Гердера, касающіяся исторіи человѣчества, въ нашемъ профессорѣ возбуждали великое сочувствіе къ себѣ. Но особенно сочувствовалъ онъ Шуберту. По словамъ профессора нашего, это былъ мужъ по учености равносильный Гумбольту, но превзошедшій послѣдняго высотой созерцаній природы и человѣка. Шубертъ религіозенъ, и религіозностію своею привлекалъ къ себѣ глубоко религіознаго Петра Семеновича. Впрочемъ этотъ не подчинялся рабски мыслямъ нѣмецкаго философа, но его германскія воззрѣнія старался замѣнить воззрѣніями истинно-христіанской философіи. Такъ вмѣсто Шубертовой *души міра* или *лона всеобщій жизни* профессоръ нашъ указывалъ на творческую мысль о мірѣ всемогущаго Творца вселенной, служащую сущностію и первоосновою явленій жизни, и имманентнымъ закономъ вещей. Образчикокъ христіанскихъ воззрѣній на міръ профессора Авсенева сохранилась отпечатанная въ *Москвитяини* статья его *о симпатіи въ природѣ*, исполненная учености, ума, и одушевленная глубокимъ чувствомъ автора. Неотпечатанными сохранились въ рукописяхъ учениковъ его многія статьи, по разнымъ отраслямъ наукъ философскихъ, какъ-то: психологія, исторія души, или ученіе о замѣчательныхъ состояніяхъ во снѣ, въ лунатизмѣ, въ помѣшательствѣ ума и т. д., и многія другія статьи. Благоговѣнно созерцавшій въ жизни человѣка участіе десницы Вышняго, психологъ нашъ умѣлъ примирить своими объясненіями, основанными на множествѣ опытовъ, мысль своихъ слушателей и съ такими печальными состояніями, каково на примѣръ сумасшествіе. По его понятіямъ, эта жестокая болѣзнь человѣка есть въ рѣкахъ промысла Божія страшная, но спасительная мѣра къ уврачеванію души отъ язвы грѣха. Большею частію, сильныя страсти, въ особенности страсть гордости, повергаютъ человѣка въ сумасшествіе. Но случалось отъ сумасшествія многимъ выздоравливать. И что замѣчали въ нихъ? Замѣчали людей совершенно измѣнившихся къ лучшему въ духовномъ отношеніи, людей сдѣлавшихся глубоко благочестивыми и нравственными. Не согласно ли подобное объясненіе съ св. Писа-

ніемъ? Припомните исторію Навоуходносора. Но нѣкоторые умирають въ сумашествіи, скажетъ читатель! Очень рѣдко, свидѣтельствовавъ профессоръ, и мы повѣряли его свидѣтельства показаніями многихъ духовниковъ (б) при умиравшихъ послѣ упомишательства. И они свидѣтельствовали тоже. При отходѣ души отъ сей жизни у помѣшанныхъ возвращается ясное теоретическое и практическое сознаніе, и тогда они такъ хорошо припоминають всю свою жизнь, такъ глубоко сознають свои ошибки и прегрѣшенія, такъ искренно въ нихъ каются, что подлинно надобно удивляться, какъ изъ видимаго, страшнаго для человѣка, несчастія происходитъ высочайшее его благо, — вѣчное спасеніе души. Нѣкоторыми фактами изъ наблюденій надъ людьми нашъ профессоръ возбуждалъ въ самихъ насъ мысль къ объясненію великихъ истинъ вѣры. Такъ однажды передалъ онъ намъ рассказъ Шуберта о дѣвушкѣ, впавшей въ эпилепсію (падучую болѣзнь) отъ упрямаго желанія своего открытыми глазами смотрѣть на полуденное солнце. Не подобнымъ ли образомъ, думали тогда нѣкоторые изъ насъ, страдаютъ тѣ дерзкіе умы, которые усиливаются постигнуть Непостижимаго (в). Профессоръ Авсеневъ относился съ глубокимъ уваженіемъ ко всѣмъ видамъ необыкновеннаго подвижничества ради спасенія души древнихъ анахоретовъ, на подвиги коихъ приходится иногда слышать отъ многихъ нападки. Затворничество, молчаливость, столпничество и др. подвиги въ объясненіяхъ профессора находили себѣ полнѣешее оправданіе предъ судомъ близорукихъ судей христіанскаго подвижничества. Вообще говоря, его лекціи были столь интересны, что студенты академіи боялись проронить изъ нихъ хоть одно слово. И какъ профессоръ нашъ говорилъ очень пріятно, но довольно тихо, то слушатели постепенно приподымались съ своихъ мѣстъ, наклоняли къ нему головы

(б) Между ними укажу на досточтимѣйшаго отца протоіерея Стефана Никифоровича Кашменскаго въ Вяткѣ и на достопочтеннаго отца Іоанна Аввакумовича Павлушкова во Владимирѣ.

(в) Какъ впадающій въ эпилепсію не сознаетъ окружающихъ предметовъ, такъ слишкомъ пытливые изслѣдователи Божества не видятъ ясныхъ слѣдовъ Его въ природѣ и человѣкѣ.

чрезъ парты и почасту до того одушевлялись его бесѣдами, что по самому тѣлу пробѣгалъ какъбы электрической огонь. Въ глубокомъ раздумьи и молчаніи расходились мы отъ лекцій психолога и философа нашего, и уже чрезъ много часовъ передавали свои впечатлѣнія одинъ другому, или сносились въ повтореніи выслушаннаго. У студентовъ же Университета одушевленіе къ лекціямъ Авсенева простиралось, рассказывали, до того, что не рѣдко, въ знакъ особеннаго почета любимому наставнику, выносили его изъ аудиторіи на рукахъ, на его профессорскомъ креслѣ.

Развлеченія незабвеннаго профессора нашего состояли въ игрѣ на гусяхъ, соединенной съ пѣніемъ его и друзей его какихъ-либо духовныхъ пѣснопѣній, въ дружеской бесѣдѣ съ сослуживцами и въ рѣдкихъ выходахъ въ свѣтское общество Кіева. Жившіе въ верхнемъ этажѣ надъ его комнатами студенты почасту наслаждались, послѣ вечернихъ молитвъ, слушаніемъ мелодической игры Петра Семеновича, сопровождаемой пѣніемъ. Иногда собирались къ нему молодые бакалавры Академіи, засиживались далеко за полночь: но хозяинъ, радушно принимавшій гостей и предлагавшій имъ различное угощеніе, за зеленый столъ не садился; онъ бралъ въ руки книгу, садился подъ окно, и если была весенняя, либо лѣтняя пора, отворивъ его, смотрѣлъ на небо, или слушалъ пѣніе соловьевъ въ садахъ, либо торжественный гулъ лаврскаго колокола, въ 12 часовъ ночи приглашавшаго иноковъ къ молитвѣ. Рассказывали, что Петръ Семеновичъ имѣлъ намѣреніе вступить въ жизнь семейную, и думалъ было имѣть подругою жизни дочь одного изъ купцовъ кіевскихъ. Но это намѣреніе профессора почему-то не состоялось. Вѣроятно же всего потому, что не купцамъ было предпочесть ученость капиталамъ; такъ какъ ту особу, которую думалъ Петръ Семеновичъ взять за себя, скоро выдали за богатаго купца. Чтобъ не остаться на всегда въ скучномъ и неопредѣленномъ положеніи стараго холостяка, а болѣе по религіозному настроенію своей нѣжной души, профессоръ Авсеньевъ, будучи уже въ чинѣ статскаго совѣтника, вступилъ въ монашество, постригшись въ Кіе-

во-печерской Лаврѣ. Тогда, взявъ на себя должность безмезднаго преподавателя свящ. Писанія въ Академіи, съ оставленіемъ за собою и философской кафедрѣ, отецъ Теофанъ (имя принятое Петромъ Семеновичемъ въ монашествѣ), сколько до монашества усердно читалъ философовъ, столько же, если не болѣе, усердно занялся чтеніемъ святой Библии, которая и его философскимъ лекціямъ сообщила болѣе свѣта и теплоты. Разъ говорилъ онъ студентамъ: «друзья мои! пятнадцать лѣтъ посвятилъ я на чтеніе произведеній лучшихъ мыслителей человѣчества, но какъ сожалѣю теперь, что св. біблію читалъ доселѣ весьма рѣдко! Повѣрьте мнѣ, все лучшее, всѣ цвѣты, вся роскошь, какіе обрѣталъ я въ твореніяхъ философскихъ, почерпнуты изъ этого богатаго родника—св. Библии». При такомъ сознаніи любимаго профессора, живо припомнились намъ всѣ похвалы и наставленія великихъ учителей христіанства относительно книгъ священнаго Писанія, на примѣръ слова блаженнаго Иеронима: «пусть и сонъ застаеъ въ рукахъ у тебя священныя книги божественнаго Писанія, такъ чтобы твое падающее въ изнеможеніи лицо восприняла на себя священная страница!» Въ самомъ дѣлѣ, если царь-полководецъ древняго міра среди побѣдъ своихъ не забывалъ читать священныя для язычниковъ Грековъ книги (г): почему христіанину не имѣть настольною книгою Евангеліе своего Господа и писанія Его пророковъ и апостоловъ? Разсказываютъ и о нашемъ родномъ героѣ-царѣ, что съ нимъ въ его походахъ всегда былъ Новый завѣтъ, изъ котораго, послѣ молитвъ утреннихъ, всегда читывалъ онъ опредѣленное чтеніе (д). Но возвратимся къ отцу Теофану. Наши Четы-минеи онъ весьма любилъ и называлъ ихъ богатыми источниками душевѣдѣнія. А о писаніяхъ подвижническихъ отзывался, что все лучшее въ нѣмецкихъ психологіяхъ почерпнуто изъ бесѣдъ преп. Макарія В., изъ лѣствицы преп. Іоанна и другихъ. Къ церковнымъ пѣснопѣніямъ нашимъ имѣлъ онъ также полное сочувствіе и вниманіе. Сдѣлавшись инспекторомъ

(г) Александръ Македонскій—творенія Гомера. *Онъ всюду носилъ съ собою Гомера (Эллада. Венера. СПб. 1862 г. стран: 109).*

(д) Блаженной памяти Императоръ Александръ Благословенный.

Академіи, отецъ Теофанъ, во время праздничныхъ вседощныхъ, иногда становился въ храмѣ вмѣстѣ съ студентами. Тогда предъ нимъ ставили обыкновенно аналогій, на которомъ лежали книги богослужебныя (мишея, или октоихъ, или тріодь, смотря по времени). Инспекторъ углублялся въ чтеніе канонѡвъ, слѣдилъ за пѣніемъ ирмосѡвъ и, когда какое-либо мѣсто обращало на себя его особенное вниманіе, подзывалъ къ себѣ кого-либо изъ студентовъ и, предлагая прочесть замѣчательную пѣснь, присоединялъ при этомъ: «Здѣсь-то заключаются сокровища богословскихъ созерцаній и св. чувствъ религіозныхъ.» По замѣчанію отца Теофана, особенно стройно составлены пѣснопѣнія Церкви на великіе праздники. Начиная славить священное событіе въ своихъ предпразднествахъ, Церковь постепенно раскрываетъ черты его, торжественно изображаетъ славу въ немъ Божію въ самый праздникъ, и затѣмъ постепенно сокращаетъ тоны своего о Богѣ восторга въ пѣсняхъ попредздравственныхъ: здѣсь гимнъ ея слышится, какъ бы пѣснь возлетающихъ отъ земли ангелѡвъ, удаляющихся отъ насъ, но своими славословіями зовущихъ къ своему неумолчному, небесному пѣснословію. Если припомнимъ, съ какимъ восхищеніемъ почтенный *Рамбахъ* въ своей *антологіи пѣснопѣній церковныхъ* отзывается о погребальныхъ гимнахъ св. Іоанна Дамаскина, если даже погруженный въ ученость холодный нѣмецкій умъ такъ сочувствуетъ пѣснопѣніямъ нашей церкви: можно ли удивляться, что нашъ профессоръ, не забывавшій, при образованіи ума, и своего сердца, глубоко сочувствовалъ этимъ высокимъ изліяніямъ сердечной жизни, какія представляютъ въ себѣ многія изъ пѣсней Церкви? И какъ не пожалѣть при этомъ, что многіе изъ насъ священниковъ и прочаго причта Церкви, близъ этаго живаго родника религіозныхъ чувствъ и созерцаній находящихся, весьма холодно относятся къ богослужебнымъ книгамъ!

Давно уже предсталъ нашъ безцѣнный отецъ инспекторъ предъ судъ Божій, и не знаемъ, чтò сказано его душѣ на семъ нелицепріятномъ судѣ. Но мы знаемъ, что жизнь сего досточтимѣйшаго отца, протекавшая въ глазахъ нашихъ, шла безукоризненно для суда человѣчес-

каго. Вступивъ въ монашество, отецъ Теофанъ неопустительно ходилъ и въ будни въ храмъ Божій, подобно главному тогдашнему незабвенному начальнику нашему (да хранить Господь дни его на свѣщникѣ высшаго свѣтѣнія!), и подобно же ему далекъ былъ отъ шума молвы житейской. Нарекши *премудрость себѣ сестрою и невѣстою*, отецъ Теофанъ, безпрепятственно отъ молвы житейской, внималъ ей въ ея истинныхъ источникахъ, мудро отстраняя и отъ своихъ учениковъ мутные потоки лжемудрованія человѣческаго. Когда въ *Современникъ* за 1847 годъ появилась злая статья *Литтрэ*: объ успѣхахъ новѣйшей физиологіи, гдѣ сочинитель разсуждалъ, что будто бы разумныхъ цѣлей въ мірѣ нѣтъ и ученіе о цѣляхъ ума божественнаго, или о конечныхъ причинахъ, будто-бы окончательно пало, и такимъ образомъ отвергалъ самое бытіе вседержавнаго предвѣчнаго Духа, все создавашаго Своею дивною премудростію, Бога: отецъ инспекторъ, знавшій, что студенты выписываютъ «Современникъ», призвалъ къ себѣ ихъ и вотъ что имъ сказалъ: «Молоко кормилицы безсознательно для младенца, входя въ плоть и кровь его, отражаетъ въ немъ и душевныя ея свойства. Такъ, друзья мои, и мысли, нами слышимыя въ юности, незамѣтно для насъ самихъ входятъ въ духовный организмъ нашъ. Послѣ и рады бы мы были отъ иныхъ отказаться, но бываемъ не въ силахъ. «Современникъ» проповѣдуетъ матеріализмъ и безбожіе. Совѣтую же вамъ его не читать. Хотя бы мысли его кому и не нравились теперь, но впоследствии иные изъ васъ могутъ увлечься ими». Выслушавъ мудрое наставленіе уважаемаго профессора, мы перестали выписывать «Современникъ». Интересныя по философіи и по свящ. Писанію книги выписывалъ нашъ отецъ инспекторъ на собственныя деньги и чтеніемъ ихъ охотно дѣлился съ студентами (е). При большемъ въ монашествѣ своемъ вниманіи къ св.

(е) Здѣсь не могу не припомнить одного замѣчанія отца Теофана: «Я перечиталъ—говорилъ отецъ Теофанъ, много введетъ въ свящ. Писаніе въ иностранныхъ литературахъ, но наше руководство къ чтенію свящ. Писанія, составленное преосвящ. Амвросіемъ, всѣмъ читаннымъ мною предпочитаю, какъ большими достоинствами обладающее».

Библіи, онъ не оставлялъ и прежде любимыхъ книгъ своихъ философскихъ, и иногда и въ дружескіе кружки являлся съ какой либо новой, интересной книгою, и, улучивъ себѣ уютное отъ прочихъ гостей мѣсто и благопріятный часъ, погружался въ чтеніе, забывая, что онъ въ гостяхъ. Разъ, пріѣхаль онъ къ дружественному съ нимъ отцу намѣстнику Лавры, и по прибытіи туда же нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ иноковъ академическихъ и семинарскихъ, получилъ отъ хозяина дружеское порученіе разлить гостямъ чай. Но сѣвши за чайный столъ, прежде чѣмъ былъ поданъ самоваръ, онъ вынулъ изъ своего кармана привезенное новое нѣмецкое сочиненіе и до того погрузился въ чтеніе, что не замѣтилъ ни поданнаго самовара, ни окружавшихъ посѣтителей, которымъ пришлось бы на сей разъ обойтись безъ чаю, еслибъ хозяинъ не снялъ порученія съ своего друга, принявшись самъ за чайникъ. Въ Кіево-печерскую Лавру отецъ Теофанъ любилъ удаляться для молитвы нерѣдко, особенно на великіе праздники, и, предъ началомъ богослуженій, бесѣдовалъ въ храмѣ съ извѣстными ему благочестивыми старцами о вѣчномъ спасеніи души. Наставленіями ихъ, по пріѣздѣ въ Академію, дѣлился онъ съ нами. «Чай, говорилъ однажды намъ профессоръ, относится къ роскоши; онъ данъ Китайцамъ для поправленія тамошней непріятной для вкуса и не очень полезной здоровью воды; но у насъ вошло употребленіе его въ привычку. Можно однакожь и эту прихоть обратить къ славі Божіей. Вотъ лаврскіе старцы наприм., напившись вечеромъ, послѣ вечерни, чаю, тотчасъ становятся на продолжительную келейную молитву. Когда чаемъ, говорятъ они, освѣжимъ свои старыя кости, тѣлу становится легче, и, доколѣ легко намъ чувствуется, мы спѣшимъ воспользоваться своею бодростію, чтобъ принести Владыкѣ всяческихъ и Подателю всѣхъ благъ и духовное, и тѣлесное поклоненіе и благодареніе». Хорошо, друзья мои, — говорилъ намъ въ другой разъ профессоръ, не употреблять не только водки, оглушающей сознаніе, но и винограднаго вина, о которомъ единственно (а не о нашей русской водкѣ) сказано, что вино веселитъ сердце. Знаю одного 80-ти-лѣт-

няго старца въ Лаврѣ, который не вкушаетъ ни вина, ни даже чаю, иначе, какъ развѣ только въ качествѣ лѣкарства въ своихъ рѣдкихъ весьма болѣзняхъ. За то этотъ старецъ и прожилъ такъ долго, и не испытывалъ множества тѣхъ болѣзней, какимъ подвергаются люди, привыкшіе къ употребленію винъ». Въ Лаврѣ имѣлъ себѣ отецъ Теофанъ и духовника, одного изъ тамошнихъ схимонаховъ. Заботясь о благоустроеніи нравственности студентовъ, онъ и для исповѣди нашей приглашалъ кого либо изъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ. Въ одинъ годъ пригласилъ онъ къ намъ подвижника св. горы Аѳонской, перемѣстившагося съ Аѳона въ Кіевскую Лавру по болѣзни въ ногахъ. Этотъ присиопамятный духовникъ преподавалъ каждому изъ студентовъ при исповѣди множество драгоценныхъ наставленій о духовной жизни, особенно необходимыхъ для священниковъ.

Учившись у подвижниковъ и будучи самъ глубокимъ подвижникомъ, отецъ Теофанъ внушалъ и намъ, что безъ подвижничества, безъ отказа себѣ въ различныхъ прихотяхъ, безъ борьбы съ самимъ собою, невозможно приобрести истинно-христіанскую нравственность. Указуя на Церковь, какъ на руководительницу къ подвигамъ, онъ училъ насъ, когда вступимъ въ жизнь, слѣдовать строго уставамъ церковнымъ. Когда церковь, напримѣръ, благословляетъ разрѣшеніе на вино, тогда можно употребить его съ умѣренностію, ею же внушаемою; но когда не значится въ святцахъ подобнаго благословія, тогда употребленіе укрѣпляющаго силы напитка будетъ не въ подкрѣпленіе силъ, ибо не послѣдуетъ благословія Церкви: а гдѣ нѣтъ благословія ея, тамъ не почиваетъ и Божіе благословіе. Но студентамъ отецъ инспекторъ, согласно наставленію блаж. Іеронима клирикама, не благословлялъ разрѣшать на вино и во дни благословляемые для сего Церковію. Въ одинъ день, по приобщеніи нашемъ св. таинъ, онъ замѣтилъ въ одномъ номерѣ бутылку винограднаго вина и сказалъ при семъ случаѣ такое наставленіе: «вы нынѣ приступали къ чашѣ Завѣта Божественнаго; зачѣмъ же такъ скоро хотите обратиться къ чашѣ веселія земнаго»? Поставляя, какъ и всѣ учителя христіанскаго подвижничества, послушаніе первымъ

его правиломъ, отецъ Теофанъ строго взыскивалъ съ ослушныхъ порядку академической жизни и приказаніямъ начальства. На общія вечернія и утреннія студенческія молитвы нерѣдко прихаживалъ самъ и также строго штрафовалъ не находимыхъ имъ на молитвенномъ правилѣ студентовъ. Этимъ конечно возбуждалъ онъ противъ себя ропотъ нѣкоторыхъ, но только нѣкоторыхъ..... Съ грустію взиралъ онъ на легкомысленно смотрѣвшихъ на жизнь и думавшихъ видѣть въ ней одни наслажденія. Даже высшія наслажденія духа наукою и искусствомъ — по словамъ его — не могутъ довѣсть для человѣка. Ему потребно для достиженія блаженства общеніе съ Богомъ. Въ объясненіе, какимъ образомъ наука и искусство, уклоняясь отъ служенія религіи, дѣлаются мучительны, а не успокоительны для человѣка, отецъ Теофанъ указывалъ намъ на превосходныя статьи г. Одоевскаго: *Импровизаторъ и Себастьянъ Бахъ*, помѣщенные въ *Русскихъ ночахъ* сего почтеннаго писателя, и вообще рекомендовалъ намъ прочесть всю его книгу, особенно 1-ю часть, гдѣ авторъ раскрываетъ, что упадокъ въ западной Европѣ науки, искусства и политики, начался съ тѣхъ поръ, какъ высокія идеи религіи перестали освѣжать и воскрелять собою ученыхъ, художниковъ и политиковъ. Отечественія наставленія инспектора въ соединеніи съ его превосходными лекціями дѣлали если не всѣхъ насъ философами, по крайней мѣрѣ всякаго располагали съ философскою строгостію смотрѣть на жизнь. Особенно благотворное дѣйствіе оказали на молодые умы наши лекціи почтеннаго нашего инспектора - профессора по нравственной философіи, гдѣ онъ глубоко и впечатлительно раскрывалъ высокія понятія о назначеніи человѣка, какъ существа духовно-чувственнаго, о второстепенномъ значеніи тѣла, о причинахъ перевѣса чувственности надъ духовными стремленіями, о законѣ нравственной жизни и его приложеніи къ частнымъ отношеніямъ человѣка. Обогащенный многосторонними свѣдѣніями, вдохновенный высокими идеями, онъ преподавалъ философію жизни со всею увлекательностію, подтверждая правила ея примѣрами исторіи и свѣдѣніями о жизни истинно-нравственныхъ личностей — святыхъ угодниковъ. Безмолвно вни-

мали мы профессору, и слагая въ душахъ своихъ выслушанное сокровище истинъ, незамѣтно для самихъ себя изъ разсѣянныхъ и легкомысленныхъ дѣтей, какими поступала большая часть изъ насъ въ Академію, становились если не всѣ, то многіе солидными юношами. Въ дружескихъ своихъ бесѣдахъ студенты любили собирать преданія, шедшія изъ курса въ курсъ, о жизни любимаго профессора, и къ своему утѣшенію и виѣстѣ наставленію видѣли, что подлинно эта полезнѣйшая жизнь его протекла безупречно. Свѣтлымъ остался въ душахъ нашихъ образъ отца Теофана Авсенева. Не напрасно избралъ его въ наставники высшаго училища проникательный преосвященный Иннокентій. Отецъ Теофанъ великолѣпно выполнилъ задачу свою, свершилъ свое призваніе. И на этомъ святомъ поприщѣ наставника, онъ, можно сказать, истощилъ всего себя съ полнымъ самоотверженіемъ; утратилъ силу зрѣнія, прежде времени сдѣлался согбеннымъ, истощеннымъ старцемъ. Когда, по представленію св. Синода, благоволительно воззрѣвшій на заслуги ученаго архимандрита Теофана, блаженной памяти императоръ Николай I-й, назначилъ его настоятелемъ русской посольской Церкви въ Римѣ, нашъ профессоръ-инспекторъ едва могъ рѣшиться на далекое путешествіе при своей многоболѣзненности, и единственно изъ благоговѣйнаго послушанія Царю и Синоду не отказался отъ новой должности, съ которой скоро сошелъ онъ въ могилу. Но прежде чѣмъ скажу о его кончинѣ, упомяну объ одномъ событіи изъ жизни профессора, довольно обнаруживающемъ отеческую его благорасположенность къ студентамъ.

Въ 1847 году одинъ изъ студентовъ Академіи, пришедши въ Лавру къ утрени Свѣтлаго Христова Воскресенія, вошелъ въ соборный храмъ лаврскій за полчаса до службы. По множеству собравшихся богомольцевъ, нашъ юноша былъ затѣсненъ у раки первосвятителя, св. Михаила, и, опасаясь еще большаго стѣсненія, съ трудомъ выбрался изъ церкви, чтобъ освѣжиться воздухомъ, и уйти въ Академію. Но, замѣтивъ, что въ тѣснотѣ онъ обронилъ фуражку, вошелъ въ кельи отца памѣстника, чтобъ у кого-либо изъ келейныхъ взять для себя кар-

тузь. Въ передней комнатѣ келлій сидѣли и бесѣдовали, готовые идти въ церковь, отецъ Теофанъ и отецъ Парѣеній, архимандритъ Выдубицкаго монастыря въ Кіевѣ. «Что это съ вами?» заботливо спросилъ отецъ Академіи инспекторъ вошедшаго студента, на лицѣ котораго замѣтна была смертная блѣдность. Когда этотъ объяснилъ происшедшее съ нимъ, отецъ Теофанъ продолжалъ: «а теперь желаете ли помолиться съ нами, или пойдете домой?» «Очень бы хотѣлъ, отецъ инспекторъ, помолиться здѣсь, отвѣчалъ юноша, — но не знаю, какъ пробраться уже въ церковь.» Пойдите же съ нами сказалъ инспекторъ и, обратясь къ отцу Парѣенію, примолвилъ: проведемте, отецъ архимандритъ, въ храмъ студента.» Два старца въ сопровожденіи молодаго человѣка пошли въ церковь; подошедши къ храму, они стали одинъ за другимъ, помѣстивъ юношу между собою. Такимъ образомъ пошли они въ церковь и привели студента въ олтарь придѣла святыхъ Архангеловъ, гдѣ въ совершенномъ уединеніи наслаждался онъ слышаніемъ величественной лаврской пасхальной утрени. «О, еслибъ такъ — думалъ онъ восхищенный — кто либо изъ святыхъ Божіихъ привелъ меня недостойнаго и въ храмъ вѣчной славы Воскресшаго, гдѣ воскресеніе Его Ангелы поютъ,» и на всю жизнь сохранилъ самое благодарное воспоминаніе къ отцамъ, доставившимъ ему утѣшеніе молиться въ свѣтлое утро Воскресенія Жизнодавца въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ.

Достигнувъ Петербурга, нашъ больной профессоръ ожилъ здѣсь не только отъ духовной утомленности многолѣтними занятіями, но и отъ физическихъ недуговъ. Благосклонное вниманіе Августѣйшаго Монарха уже и само по себѣ сообщило отцу Теофану какъ бы новыя силы. Но кромѣ этого незабвенный императоръ поручилъ одному изъ собственныхъ Его Величества лейб-медиковъ внимательно заняться состояніемъ здоровья настоятеля русской посольской церкви въ Римѣ. Въ непродолжительномъ времени, бывший отецъ инспекторъ академіи писалъ изъ Петербурга къ своимъ друзьямъ кіевскимъ между прочимъ слѣдующее о себѣ, утѣшительное для нихъ и для студентовъ, извѣстіе: «посмотрѣть на меня теперь, вы меня не узнали бы: я выпрямился, пополнилъ и хожу

бодро и весело.» Счастливый климатъ Италіи внушалъ намъ большія надежды на дальнѣйшее возстановленіе силъ нашего драгоценнаго отца Теофана. Но Господь судилъ иначе. Поправленіе здоровья профессора въ Петербургѣ было подобно послѣднимъ проблескамъ догорающаго свѣтильника. По прїѣздѣ въ Римъ отца Теофана, въ непродолжительномъ времени прочли мы съ глубочайшею грустію некрологъ о немъ, написанный рукою его ученика, воспріимнаго по монашеству сына и вмѣстѣ друга, досточтимѣйшаго отца архимандрита А.....а: по описанію некролога (ж), о. Теофанъ скончался сидя въ креслѣ за книгою, столь тихо, какъ бы уснулъ. Да покоится въ радости душа его въ нѣдрахъ Авраама, во свѣтѣ лица Божія, которое и на землѣ созерцать, хотя *яко зеркаломъ въ гаданіи*, было для него высшимъ наслажденіемъ жизни. Да отдыхаетъ мирно тѣло труженика православной христіанской науки въ землѣ, освященной кровію апостоловъ первоверховныхъ и безчисленныхъ исповѣдниковъ и мучениковъ христіанства, до радостнаго утра воскресенія человѣковъ. А въ сіе вождельное утро да сподобится и писавшій строки сіи о тебѣ, наставникъ незабвенный, по твоимъ молитвамъ, узрѣть тебя и насладиться славою, какою, уповаю, прославить и возвеселить тебя Царь славы Христось!

Священникъ Николай Флоринскій.

ЖИВОТНЫЯ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.

Въ первоначальномъ періодѣ искусствъ все вниманіе художниковъ поглощалось фигурою человѣка; все остальное изображалось какъ-нибудь, намѣками. Потомъ съ постепеннымъ совершенствованіемъ технической стороны искусства разширилась его область, распространялся гори-

(ж) Некрологъ этотъ, написанный прекрасно, какъ и все выходящее изъ подъ пера о. архим. А.....а, помѣщенъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія за 1852 годъ. Къ сожалѣнію не успѣлъ я отыскать книжки, гдѣ онъ напечатанъ, чтобъ особенно замѣчательное сообщить изъ некролога читателю.

зонть. Какъ въ наукахъ разныя части вѣдѣнія, дробясь и отдѣляясь, становились отдѣльными, самостоятельными науками; такъ и въ искусствахъ вещи, составлявшія только второстепенныя принадлежности въ картинахъ и статуяхъ, стали предметами отдѣльныхъ отраслей искусства. Горы, зданія, деревья, составлявшія у древнихъ только фонъ картины, въ новѣйшія времена составили отдѣльные роды живописи: ландшафтъ, перспективу. Многіе художники исключительно занялись изученіемъ и изображеніемъ животныхъ и образовали особую отрасль искусства. Поль Поттеръ удивительно писалъ рогатый скотъ, Вуверманъ нарисовалъ тысячи лошадей, Орасъ Вернэ неподобно писалъ боеваго коня, Снейдерсъ неподражаемо воспроизводилъ нравы и событія звѣринаго міра: травли, охоты и т. п. (а).

Въ церковной живописи иногда имѣютъ мѣсто и животныя. Но восточная церк. живопись въ изображеніи ихъ значительно уклонилась отъ природы (б). Въ миниатюрахъ старин-

(а) Москвитянинъ 1852 №-3 февраль. Кн. 1-я.—Картинныя Галереи Европы Андреева 1864 №-5 и №-11.

(б) Кстати замѣтимъ что восточная церковь допускала скульптурныя и мозаическія изображенія животныхъ, но только для украшенія храмовъ снаружи. Такъ надъ входомъ въ атриумъ Софійскаго Юстиніанова храма стояли четыре знаменитые бронзовые коня, которые, бывши увезены Венеціанцами, украшаютъ теперь порталъ церкви Св. Марка въ Венеціи; а въ самыхъ вратахъ возвышалась конная статуя храмоздателя. На фасадѣ сдѣланы были символическія изображенія Евангелистовъ въ видѣ крылатыхъ животныхъ. Вообще первоначально византийское церковное искусство не такъ чуждалось употребленія статуй, какъ въ послѣдствіи; да и нынѣ, избѣгая круглыхъ статуй, охотно допускаетъ барельефъ; даже раскольники не гнушаются мѣдными Распятіями, складнями и образками. Не мѣшало бы обратить вниманіе на эту отрасль искусства. Благочестивый обычай требуетъ, чтобы и снаружи храма, хоть надъ дверьми, были иконы для поклоненія входящихъ и мимоидущихъ. Но 1) иконы, писанныя на маслѣ или на клею, по дереву или по штукатуркѣ, жести и пр. очень скоротрескаются отъ перемѣнъ атмосферы, выгораютъ, линяютъ и, вмѣсто украшенія, становятся безобразіемъ; 2) мозаика вѣчна, противостоитъ стихійнымъ вліяніямъ, но дорога безконечно и мастеровъ нѣтъ; 3) можно бы писать на плитахъ фарфора и покрывать глазурю,—но этотъ превосходный и прочный образъ живописи составляетъ роскошь, доступную только богачамъ, и художниковъ знающихъ этотъ способъ живописи очень мало.

ныхъ рукописей еще видны попытки схватить натуру. Для обрачника укажемъ въ Сборникѣ М. общества древнерусскаго искусства за 1866 г. собаку, которая, нападавая на льва, помогаетъ Давиду отбить овцу; и козу, которая безпечно объѣдаетъ листья съ дерева, вставши на дыбки, между тѣмъ какъ Каинъ убиваетъ ея кроткаго пастыря.... Но подобныхъ опытовъ очень немного.

Одна мать однажды очень удивилась, узнавши, что ея сынъ оказался не знавшимъ урока въ школѣ. О чемъ былъ урокъ? спросила она.—О сотвореніи міра.—Да вѣдь ты дома еще это зналъ?—Да дома-то, со слезами отаѣчалъ мальчикъ, Господь Богъ творилъ міръ гораздо проще, чѣмъ въ школѣ (в). — Тоже самое можно сказать, видя какъ иконописцы изображаютъ міръ Божій на иконахъ. Посмотрите со вниманіемъ на изображенія животныхъ. Какихъ чудесъ вы тамъ не увидите! Среди фантастическихъ горъ и скаль, похожихъ на полярные льды, между деревьевъ столькоже похожихъ на ветлу, сколько и на метлу, гуляютъ кони, напоминающіе мастью Хемницерова зеленаго осла, а складомъ—базарныхъ деревянныхъ и пряничныхъ коньковъ съ коровьею головою (истинные буцефалы!), и коровы съ лошадиной шеей. Подъ иконописными львами ненужно даже извѣстной подписи: *се левъ, а не собака*, потому что они и на собаку не похожи. Какъ они напоминаютъ топорные барельефы, которыми

Для наружныхъ стѣнъ храма очень хорошо бы употреблять барельефы, какъ напр. это сдѣлано на церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы въ С.-Петербургѣ (См. Литерат. газета 1844 г. №-1). Выгоды ихъ: 1) они не лияютъ, не трескаются; 2) могутъ быть изготовляемы изъ матеріаловъ столько же прочныхъ, сколько и дешевыхъ: изъ алебаstra, чугуна, изъ глины, изъ мѣди гальванопластикой. Густой и сильной позолотой можно придать имъ великую красоту и прочность противъ окисляющей силы воздуха; да и одноцвѣтные, темные, бѣлые, бронзовые, они все не то, что облетающая живопись, порыжѣлая картина. Обычай ставить ихъ на фронтонахъ произвелъ бы запросъ, а запросъ породилъ бы и усилилъ производство. Чугунные заводы, алебастрщики, съ хорошихъ оригиналовъ стали бы изготовлять много хорошо и дешево; деревенскіе мастера, выбивающіе изъ листовой мѣди ризы на иконы, занялись бы этой частью, и тогда можно бы изготовлять барельефы на цѣлый фронтонъ, какъ на Исакиевскомъ соборѣ.

(в) Педагогическія письма Мос. Вѣд. 1859. № не помню.

украшаютъ наши доморощенные Торвальдсены и Кановы, кормы волжскихъ судовъ! Говорятъ, что древніе скульпторы дурно ваяли львовъ. Въ этомъ отношеніи иконописцы превзошли древнихъ. Можно ли такихъ уродливо-смѣшныхъ чудовищъ рисовать подлѣ св. евангелиста Марка? Левъ св. Марка долженъ выражать царственное спокойствіе, величавое сознаніе своей силы, напоминать отчасти о грозномъ львѣ отъ Іуды; чѣмъ общаго у льва съ этимъ дикобразомъ, котораго рисуютъ иконописцы? Положимъ, что львовъ иконописцамъ приходится писать очень рѣдко (на иконахъ: Сотворенія міра, еванг. Марка, пр. Герасима, иже на Іорданѣ), но ужъ лучше вовсе не рисовать, чѣмъ рисовать такъ безобразно.

Тельцы (у св. Евангелиста Луки, на иконахъ Рождества Христова, Неопалимой Купины и др.) тоже на себя не похожи, такъ что народъ, столь хорошо знакомый съ оригиналами, не можетъ узнать ихъ на образахъ. Случается видѣть на иконѣ св. Троицы въ видѣ странниковъ, угощаемыхъ Авраамомъ, что рабъ закаляетъ тельца у самаго стола и сидя верхомъ на животномъ. Размѣры тельца и раба при этомъ такъ уменьшены, что голова раба не достигаетъ верхняго края стола, не смотря на то, что дѣйствіе происходитъ подлѣ самаго стола. Гдѣ тутъ правдоподобіе? Да и къ чему прежде всего бросать въ глаза зрителю эту рѣзню, тѣмъ болѣе, что уже поздно колотъ тельца на жаркое, когда столъ накрытъ, кушанье подано и гости сѣли за трапезу (г)?

Вообще писать атрибуты евангелистовъ у насъ существуетъ три способа: 1) уродовать ихъ такъ, чтобы левъ походилъ на корову, а телець на льва, — это способъ самый общепринятый и общеизвѣстный; 2) писать какъ слѣдуетъ живыхъ животныхъ, — этотъ способъ принадлежитъ большинству порядочныхъ живописцевъ; 3) способъ такъ сказать символическій, когда при изображеніи ихъ имѣется въ виду не столько характеръ того или другаго животнаго, сколько аллегорическое значеніе. Таковъ венеціанскій крылатый левъ св. Марка (д). Въ Нижего-

(г) Рисунокъ фарнезскаго быка, какъ образецъ натуральности, см. въ Живопис. Энциклопедіи 1847. Т. 1. Выпускъ 1.

(д) Крылатые львы и тельцы — символъ очень древній. Камен-

родскомъ ярморочномъ сборѣ, на царскихъ вратахъ, левъ кисти художника Скотти носить этотъ характеръ. За евангелистомъ видѣется голова, созданная скорѣе изъ тумана, чѣмъ изъ костей и мускуловъ, и если бы не грозное сіяніе огненнаго взгляда, то можно бы эту туманную фигуру почесть за видѣніе..

Враны на иконѣ св. пророка Іліи не удивляютъ насъ только потому, что мы къ нимъ привыкли. Они несутъ такой величины короваи въ клювѣ, что сами кажутся меньше своей ноши. Надобно имѣть необычайной силы мускулы, чтобы воронъ даже въ когтяхъ могъ приподнять такой коровай. Вороны вѣроятно приносили пророку небольшія лепешки изъ прѣснаго тѣста, испеченныя въ золѣ или на раскаленномъ камнѣ, какія доселѣ въ употребленіи въ Аравіи и у насъ на Кавказѣ (чурекъ). Это подъ силу ворону. Другія птицы на иконѣ Страшнаго Суда, несущія кости съѣденныхъ ими мертвецовъ, и алекторъ св. Петра, пишутся также не натурально. Голубь всегда почему-то непремѣнно бѣлый на иконахъ Крещенія Господня или Срѣтенія. Избѣгаютъ писать голубя летящаго внизъ головой, это согласно съ евангельскимъ свидѣтельствомъ о *схожденіи* голубя (Мат. 3, 16), хотя одна изъ древнѣйшихъ иконъ Крещенія представляетъ его внизъ головой, — стремительно спускающимся на Іисуса (см. Сборникъ М. Общ. древнерус. искусства 1866 стр. 52).

Осла наши деревенскіе иконописцы (Входъ въ Іерусалимъ, Рождество Христово, Бѣгство во Египетъ) тоже не умѣютъ писать. Обыкновенно у нихъ это животное больше походитъ всѣмъ складомъ на старую водовозную лошадь. Не слѣдуетъ осла писать вѣчно бѣлаго или сиваго, — онъ носить больше шерсть темныхъ цвѣтовъ. Въ триумфальной пѣсни пророчицы Девворы (Суд. 5, 10) упоминаются *бѣлые ослаы*, но этотъ же стихъ показываетъ, что на такихъ ослахъ ѣздили люди богатые

ныя изображенія ихъ стояли на крыльцахъ Ниневійскихъ дворцовъ и храмовъ. Въ христіанскомъ искусствѣ появились они въ V вѣкѣ. Въ церкви Галлы Плакидіи въ Равеннѣ (половины V в.) сохранилось одно изъ древнѣйшихъ изображеній евангелистовъ въ видѣ крылатыхъ животныхъ. См. Сборникъ М. Общества древнерус. искусства 1866 стр. 52.

и знатные, т.-е. что это была своего рода рѣдкость, дорогая игрушка, роскошь и щегольство богачей. По этому едва ли умѣстенъ бѣлый осель на иконахъ Рождества, Бѣгства во Египетъ (е).

Верблюды у живописцевъ встрѣчаются рѣдко, у иконописцевъ никогда. Первые не жалуютъ ихъ вѣроятно за неказистую наружность, вторые вовсе не умѣютъ рисовать ихъ. Между тѣмъ въ картинахъ изъ восточной жизни вообще и изъ библейской въ частности ослы и верблюды необходимы. Верблюдъ необходимый спутникъ горцевъ, какими были Евреи. Они занимали возвышенную страну, полную скаль, пещеръ, крутизнъ и ущелій, по которымъ не возможно свободное движеніе экипажей, и возможна только верховая ѣзда и переправа тяжестей на вьючныхъ животныхъ, мулахъ и верблюдахъ (ж). И

(е) Иногда иконописцы пишутъ осла съ лошадинымъ хвостомъ; его хвостъ больше похожъ на коровій.

(ж) Соломонъ завелъ конницу и военные колесницы (3 Царств. 10, 26), но Евреи были искусны и счастливы преимущественно въ партизанской горной войнѣ, и сохраняли независимость отчизны, какъ Аравитяне, больше неприступностью мѣстоположенія, чѣмъ силою, мужествомъ или искусствомъ (Суд. 6, 2.). Это знали и сосѣди ихъ, когда говорили, что *Богъ Израиля Богъ горъ, а не равнинъ* (3 Цар. 20, 23). Вѣроятно это имѣлъ въ виду пророкъ и мужъ браней Давидъ, говоря: *возведохъ очи мои въ горы, отнюдуже придетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю.* (Пс. 120, 1, 2.). *Богъ препоясуи мя силою и положивый непороченъ путь мой: совершай нозѣ мои яко елени и на высокихъ поставляй мя.* (Пс. 17, 33, 34.). «Горы, горы, мои твердыни! Мои крѣпости данныя Богомъ! Вѣрными тропами, какъ серна, унесусь я на эти высоты! пусть говорятъ: *превитай по горамъ яко птица!* (Пс. 10, 1.). Горы помощь моя». Такъ знаменитый Феодоръ Кошкоктрони, въ войну за греческую независимость, говорилъ Гамльтону. Горы, и особенно вершины ихъ, самыя лучшія укрѣпленія свободныхъ людей! Укрѣпившіеся въ дефилеяхъ, Евреи смѣло выжидали своихъ могучихъ враговъ. (Мф. 24, 16.). Великолѣнная конница Ассиріянъ, жителей равнинъ, не годилась на пересѣченной мѣстности и крутизнахъ; непобѣдимыя военные колесницы, главная сила фараонова, не могли взбираться по этимъ тропинкамъ, по которымъ ходили только козы да мулы... (2 Парал. 14, 9, 10.) *Сіи на колесницахъ, сіи на конехъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ.* (Пс. 19, 8.). Вотъ что совѣтовали Олоферну сосѣди Евреевъ, знавшіе ихъ тактику: *народъ сей сыновъ Израилевыхъ не уповаютъ на копя своя, но на высоты горъ своихъ, въ нихъже они живутъ: не бо есть*

нынѣ страна осталась такою же: экипажи также рѣдки, тѣже ущелія и крутизны, по которымъ взбираются навьюченные верблюды, да въ одиночку гуськомъ пробираются пѣшіе богомольцы. ...

Коней (на иконахъ св. муч. Флора и Лавра, Георгія, пр. Иліи и др.) иконописцы рисуютъ сравнительно лучше, чѣмъ другихъ животныхъ, но все же очень неудовлетворительно. Случается видѣть св. мученика Христофора изображеннаго съ лошадиной головой на плечахъ. Что это? Какъ можно изображать такія вещи? Это оскорбленіе святыни, оскорбленіе эстетическаго и религіознаго чувства. Такая фигура, сильно напоминающая египетскаго Анубиса, котораго изображали съ собачьей головой, наводитъ своею необычайностью и чудовищностію ужасъ. Конечно не слѣдуетъ, безъ крайней нужды, уничтожать старыя иконы, но не годится также и писать новыя по такимъ образцамъ (з)!

На картинахъ западныхъ художниковъ (напр. извѣстная Корреджіева *Ночь*, т. е. Рождество Христово) не рѣдко можно видѣть собакъ. Это очень вѣрно съ дѣй-

удобно пріити верхами горъ ихъ. И нынѣ, Владыко, не ратуй на нихъ, якоже бываетъ рать ополченія,—строимъ, колоннами (Лудивъ 7, 10. 11.). Но когда Господь отступился отъ народа своего, не спасли ихъ ни горы, ни крѣпкія стѣны городов!

(з) На западѣ изображали Христофора въ видѣ исполина, держащаго на плечахъ Христа младенца (Buttler vie des peres. 2^e juillet). Такое изображеніе объясняется именемъ мученика: *Христофоръ* значитъ Христоносецъ. Чтоже касается до страннаго обычая писать его на иконахъ съ конскою головою, это могло произойти отъ неискусства иконописцевъ. Въ Прологѣ подъ 9 мая приводится преданіе, будто Христофоръ имѣлъ песью главу. Никодимъ сѣногорецъ въ своемъ греческомъ Синаксарникѣ справедливо называетъ сіе преданіе страннымъ и невѣроятнымъ. Иконописцы однако приняли оное на вѣру и стали изображать Христофора съ песьею главою, но нѣкоторые стали дѣлать это такъ неискусно, что песья голова походила больше на конскую. Въ журналѣ *Духъ христіанина* 1865 г. Августъ въ статьѣ: «Народное почитаніе м. Христофора», представлено ни начемъ неоснованное объясненіе безобразія мученика. Тамъ сказано, будто самъ Христофоръ, имѣя красивое лице, просилъ у Бога наружнаго себѣ безобразія, чтобы не прельщались его красотою любопытныя язычницы. Молитва была услышана, и язычницамъ сталъ онъ казаться съ лошадиною головою, хотя на самомъ дѣлѣ по прежнему оставался красавцемъ. *Ред.*

ствительностію, потому что въ восточныхъ городахъ всегда очень много собакъ. Цѣлыя стаи ихъ ходятъ по улицамъ даже въ Константинополь. Въ древности было тоже самое (Ис 21, 17; 58, 15. Мѡ. 15, 27 Лук. 16, 21.) Но преданія Восточной церкви заставляютъ иконописца избѣгать изображенія этого животнаго на иконахъ. Песъ— животное нечистое, собакъ не пускаютъ въ церковь: по этому и на образахъ онѣ могутъ появляться только въ случаѣ крайней необходимости, напр. въ изображеніи притчи о Лазарѣ.

Но исключая этотъ случай напрасно иконописцы сурово ограничиваются изображеніемъ только того, что неизбѣжно необходимо. Отчего не писать иногда животныхъ и тамъ, гдѣ они не указаны прямо текстомъ? Это оживляетъ картину. Отчего не украшать икону или картину изображеніями птицъ и звѣрей, когда самъ Господь любилъ украшать высокія рѣчи Свои живописными сравненіями, взятыми изъ этого міра? «Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ» (Мат. 6, 26). «Есть ли между вами такой человѣкъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, подалъ бы ему камень? и, когда попроситъ рыбы, подалъ бы ему змѣю»? (—7, 9. 10.) «Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда; а Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову» (—8, 20). «Вотъ Я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: и такъ будьте мудры, какъ змѣи, и просты какъ голуби» (—10, 16). «Іерусалимъ, Іерусалимъ!... сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли» (—23, 37). Памятники древней Церкви щедро украшены символическими изображеніями голубей, павлиновъ, агнецовъ и олсней. При изображеніи наприм. обрѣтенія Моисея, отчего не написать ибиса, крокодила? Рисуя какое либо евангельское событіе, происходившее на берегахъ Іордана или Тиверіадскаго озера, почему не написать утокъ, какъ сдѣлалъ Шноррь, изображая ангела благовѣствующаго пастырямъ? (и)

(и) Только есть ли, спрашивается, около Виенсема рѣчка, прудъ,

Змія (Искушеніе прародителей, Георгій побѣдоносець, Страшный Судъ) пишутъ какъ вздувается: по большей части съ красной головой, съ четырьмя лапами или безъ нихъ, съ крыльями или безъ нихъ. Трудно рѣшить, въ какомъ видѣ должно изображать змія искушителя; говорятъ, что онъ долженъ быть красивый, съ блестящей чешуей, отливающей разноцвѣтными узорами, какъ нѣкоторыя породы тропическихъ змѣй: анаконда, удавъ и т. п., и что великолѣпное убранство этого животнаго привлекло на него вниманіе праматери челоувѣковъ. Едва ли это справедливо, — вниманіе Еввы привлечено не внѣшнимъ видомъ змія, а его словами. Зміи Георгія побѣдоносца не долженъ, кажется, имѣть крыльевъ, потому что онъ животное водяное, а въ водѣ крылья не нужны. Если всѣ преданія и рассказы и газетныя вѣсти о гигантскихъ змѣяхъ, видѣнныхъ въ морѣ, — мнѣ, то всего лучше змію Георгія давать видъ и формы огромнаго крокодила. Сухопутныхъ змѣевъ крылатыхъ и съ ногами, кромѣ небольшой ящерицы, которая за свои крылья, носитъ страшное имя *дракона*, не водится нигдѣ кромѣ гербовъ Казани и Китая (i).

Китъ пророка Іоны изображается какъ кому вздумается. По большей части пишется огромная страшная голова съ раскрытою пастью и неизбѣжными двумя фонтанами надъ глазами. На фрескахъ катакомбъ онъ писанъ въ видѣ морскаго коня (животное фантастическое, занятое у античнаго искусства). Не лучше ли писать его уходящимъ въ глубину, такъ чтобы видѣнъ былъ только одинъ хвостъ, какъ это сдѣлано въ книгѣ Золотова: «54 карти-

что-нибудь кромѣ колодцевъ? (1 Парал. 11, 17.). Пишущему удалось видѣть картину замѣчательной работы: призваніе Апп. Андрея и Петра. При незамѣчательныхъ фигурахъ великолѣпный ландшафтъ: широкое займище воды, окаймленное тростникомъ, развѣсистыя ветлы, опрокинутыя лодки по берегу, стаи утокъ, вдали плотина... на Галилейскомъ озерѣ! Зачѣмъ? Водяныя мельницы изобрѣтены въ Римѣ уже по Рождествѣ Христовѣ, шлювы употребляли Египтяне, а въ Галилеѣ едва ли ихъ знали, да на озерѣ не зачѣмъ быть плотинѣ.

(i) Рисунокъ этой летучей ящерицы, а также превосходно иллюминированное изображеніе индѣйскаго крокодила (змѣи Георгія) можно видѣть въ Жур. Вокругъ Свѣта за 1861 г.

ны изъ св. исторіи Ветхаго Заѣта? Вѣдь еще неизвѣстно хорошенько, точно ли китъ было это животное, не акула ли скорѣе, какъ думаютъ нѣкоторые, или какое-нибудь еще неизвѣстное намъ морское животное? Кто знаетъ, какія животныя таятся въ тѣхъ невѣдомыхъ глубинахъ, куда ослѣпительное сіяніе солнца доходитъ въ видѣ едва ошутительнаго мерцанія, а жесточайшій ураганъ какъ легкая едва замѣтная зыбь? Если бы когда нибудь буря всколыхала воды океана до сокровеннѣйшей глубины, кто знаетъ, какія невиданныя чудовища всплыли бы тогда на поверхность бушующей стихіи, встревоженные необычнымъ для нихъ шумомъ и движеніемъ изъ своихъ вѣчно тихихъ убѣжищъ? Никто не доказалъ существованіе этого морскаго змія, о которомъ говорится у Іова и Давида, но никто и не отвергнулъ (к).

Итакъ вообще говоря, животныхъ иконописцы рисуютъ дурно. Это тѣмъ страннѣе, что тѣже иконописцы, къ чести своей, отдѣлываютъ очень тщательно мельчайшія подробности: барельефы по колоннамъ своихъ зданій, узоры и цвѣты на одеждахъ и т. п. Нельзя же сказать, что животныя, какъ второстепенный предметъ въ церков-

(к) Въ № 2 «Сынъ Отеч.» за 1862 годъ съ оффиціального донесенія корабля l'Alecton морскому министру разсказывается, что около о. Тенерифа съ этого корабля видѣли и нѣсколько времени преслѣдовали особенное доселѣ невиданное морское чудовище со множествомъ длинныхъ лапъ, которое не осмѣлились преслѣдовать въ шлюпкѣ, боясь, что оно въ состояніи потопить лодку. Іона могъ быть проглоченъ животнымъ въ родѣ вышеописаннаго, а не китомъ, который, какъ извѣстно, большихъ предметовъ не глотаетъ. Появленіе этого животнаго фактъ, имѣющій всѣ признаки достовѣрности. О немъ свидѣтельствуетъ экипажъ цѣлаго корабля; маршалъ Вальянъ, академія, профессоръ Флурансъ—принимаютъ его за истину. Значитъ это не просто журнальная утка въ родѣ тѣхъ морскихъ змѣй, коихъ видятъ въ океанѣ только корреспонденты американскихъ газетъ. Даже эти журнальныя змѣи—фактъ знаменательный. Жители морскихъ прибрежій, рыбаки, китоловы вѣрятъ ихъ въ существованіе; объ нихъ у приморскихъ жителей много анекдотовъ и легендъ. Публика поддается на удочку газетъ, значитъ почитаетъ фактъ возможнымъ. Близъ Александретты на берегу Средиземнаго моря стоятъ два бѣлые каменные столба на томъ яко бы мѣстѣ, гдѣ Іона выброшенъ китомъ. Любопытно, что море въ этомъ мѣстѣ изобильно населено акулами. См. Сынъ От. 1862 № IX *воскресный*.

ной живописи, не стоятъ хорошей отдѣлки; надобно помнить, что самый незначительный предметъ, отлично нарисованный, составляетъ славу художника. Иные художники нажили славу и состояніе, рисуя ярко вычищенные кострюли, ветчину, недопитый стакапъ вина, битую дичь.. Великіе художники не пренебрегали и мелочами, оправдывая тѣмъ остроумное изреченіе: ничто не мало для великаго человѣка. Цапля на картонѣ (л) Рафаэля: «Чудесная ловля рыбы», поражаетъ своею натуральностію самыхъ записныхъ знатоковъ живописи и отъявленныхъ охотниковъ за болотною дичью. Путь къ такому совершенству одинъ: какъ можно больше рисовать—что есть подъ рукой—съ натуры, чего нѣтъ въ нашихъ краяхъ съ гравюръ и эстамповъ. Чтобы достойно послужить перомъ или кистью Богу, надобно напередъ тщательно изучать Его созданіе.

Свящ. В. Владимірскій.

(л) Папа Левъ 10-й пожелалъ изготавить для своей капеллы великолѣпныя ковры, чтобы ими драшировать стѣны для парадныхъ богослуженій. Рафаэль, по его приказанію долженъ былъ изготавить въ надлежащую величину оригинальные рисунки, съ коихъ, какъ съ канвоваго узора, имѣли быть изготавлены эти ковры. Эти-то оригинальные рисунки, изготавленные по негрунтованному полотну рукою царя живописцевъ, и составляютъ знаменитые *Рафаэлевскіе картоны*. Они для удобства ткачей были разрѣзаны на продольныя полосы и въ этомъ видѣ дошли до насъ; не смотря на 300 лѣтъ они теперь поражаютъ живостію выраженій и красотою рисунка. Въ Москвѣ было 7 картоновъ (Духмановскіе) слѣдующаго содержанія: 1.) Чудесная ловля рыбы на озерѣ Генисаретскомъ (Іоан. 22), гдѣ Спаситель изображенъ въ звѣздной одеждѣ, помогающимъ апостолу Петру вытаскивать полную сѣть. 2.) *Паси овцы мол*; въ глубинѣ картины безподобно нарисовано стадо овецъ. 3.) Исцѣленіе хромаго ап. Петромъ и Іоанномъ (Дѣя. 3). 4.) Смерть Ананій (есть въ Жив. Обзор.); 5.) Ослѣпленіе вохва Элимы (Дѣя. 13). 6.) Апостолы Павелъ и Варнава въ Листрѣ (Дѣя. 14) 7.) Проповѣдь Ап. Павла въ Аѳинахъ (Дѣя. 17.); (есть въ Живоп. Обзорѣніи).

ПОХОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ, СОСТАВЛЕННЫЙ ЧУКОТСКИМЪ МИССИОНЕРОМЪ СВЯЩЕННИКОМЪ ПЕТРОМЪ СУВОРОВЫМЪ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ЕГО ВЪ АНЮЙСКУЮ КРѢПОСТЬ ВЪ 1860 ГОДУ.

Когда пришло время ѣхать въ Анюйскую крѣпость для просвѣщенія кочующихъ язычниковъ—Чукчей (а), то для исполненія этого предпріятія оказались важныя затрудненія. Нашу мѣстность постигъ Господь голодомъ. Люди, сохраняя жизнь свою, отказываютъ въ пищѣ собакамъ; собаки умираютъ или съ голода, или насильственно—отъ руки самихъ хозяевъ,—они, скрѣпя сердце, приступаютъ къ лишенію жизни животнаго, которое для нихъ служитъ единственною подпорою въ переѣздѣ съ одного мѣста на другое. Теперь вопросъ: гдѣ я возьму нарты (повозки, похожія на сани)? Между тѣмъ мнѣ нужно ихъ нѣсколько: для себя, причетника, переводчика и для клади. Я рѣшился вытребовать нарты чрезъ мѣстное начальство. Распоряженіе начальства весьма встревожило жителей,—они приходятъ ко мнѣ, и говорятъ: «Батюшка, отецъ нашъ родной! помоги намъ; начальство заставляетъ насъ везти васъ въ Анюйскую крѣпость, что намъ дѣлать? Мы должны везти васъ, но мы не имѣемъ пищи не только для собакъ, но и для себя. Не только тощія собаки, да и мы, пожалуй, погибнемъ на дорогѣ отъ голода и отъ холода.» При видѣ ихъ едва не кровавыхъ слезъ, какое сердце могло быть равнодушнымъ! Я рѣшился искать другія средства, чтобы помочь горю. По совѣту мѣщанскаго старосты, для прокормленія собакъ на одну нарту я далъ отъ себя столько корму, сколько могло достать на всю дорогу, забывши свои недостаточныя средства. Оставалось придумать средства для прочихъ нартъ. Но премудрый Творецъ всесиленъ. Только что я началъ разсуждать объ этомъ предметѣ съ Колымскими старичками, является ко

(а) Чукчи — обитатели Чукотскаго полуострова, находящагося въ Сибири между Ледовитымъ моремъ, Беринговымъ проливомъ и Камчатскимъ моремъ. Чукотскій миссіонеръ принадлежитъ къ вѣдомству камчатской духовной миссіи. Свѣдѣнія о дѣйствіяхъ его давно не сообщаемы были публикѣ.

миѣ отъ Нижне-колымскаго частнаго командира казакъ; на вопросъ: что ты, братецъ, скажешь хорошенькаго? казакъ отвѣчалъ: «Алексѣй Михайловичъ вамъ кланяется и проситъ принять его нарту въ ваше распоряженіе до Анюйской крѣпости и обратно.» Вотъ и милость Божія, подумалъ я въ себѣ и сказалъ казаку: «благодари отъ меня своего начальника и скажи ему, что я съ большою радостію принимаю его нарту, и кромѣ моей особенной благодарности, Богъ самъ воздастъ за его святое дѣло». Третья нарта найдена стараніями того же частнаго командира, а четвертую найти не было никакой возможности; но, несмотря на это, я рѣшился отправиться въ путь. Въ эти три нарты должна была помѣститься вся провизія и запасы не только для людей, но и для собакъ на цѣлый мѣсяць; кромѣ того на каждой изъ нартъ должны были помѣститься по два человѣка. Къ тому же по этой пустынѣ прокладывать дорогу мы отправлялись первые и снѣгъ былъ отъ 4 до 6 четвертей безъ напоса. Всѣ говорили миѣ о необыкновенной трудности предстоящаго пути, но миѣ было не до словъ, когда дѣло шло о проповѣди евангельской, и я, едва взобравшись на нарту, съ благословенія Божія, пустился въ путь 25 февраля. Въ этотъ день мы думали проѣхать 50 верстъ до Поварни—перваго убѣжища на этомъ разстояніи. Но такъ не случилось; видя, что намъ, по трудности пути, не доѣхать до Поварни, я всѣмъ назначилъ ночлегъ подъ открытымъ небомъ—отъ Нижне-колымска въ 30 верстахъ: но и это разстояніе могъ переѣхать только я одинъ, и въ ожиданіи своихъ сотрудниковъ, ночевалъ самъ-другъ, на голыѣ, какъ говорится, снѣгу, а они бѣдные едва-едва проѣхали половину сего пути. На другой день къ полдню я дождался ихъ и тутъ въ общемъ совѣтѣ рѣшили не оставать и не оставлять другъ друга. Потомъ, помолясь Господу, двинулись далѣе, и къ полночи кое-какъ добрались до упомянутой выше Поварни. Здѣсь развели для насъ огонь, всѣ мы напились чаю и подкрѣпили себя сномъ для предстоящихъ трудовъ.

На другой день мы пробирались уже по рѣкѣ Анюю, обнадеживая себя проѣхать, какъ можно, подалѣе. Но не успѣли пробрести и 12 верстъ, какъ увидѣли, что

вся широта рѣки отъ теплыхъ ключей покрылась водою. Остановились, посудили, порядили и рѣшили пройти это, хотя небольшое пространство, бродомъ. При этомъ переходѣ обледенѣли и нарты и мы, такъ что не могли уже пройти далѣе болѣе 2-хъ верстъ и должны были остановиться подъ открытымъ небомъ, чтобы страсти съ себя и съ нартъ ледовую кору и отогрѣться. Къ счастью тутъ много было плавеника и мы развели большой огонь; сначала всѣ были угрюмы и унылы, а когда обогрѣлись, повеселѣли, даже стали подшучивать другъ надъ другомъ, кто лучше другаго купался въ водѣ. Не одни эти три дня были трудны и мучительны въ нашемъ путешествіи, но и остальные шесть, въ которые мы прошли 185 верстъ, были для насъ если не тяжелѣе, то и не легче. Путь свой покончили 4-го числа поздно вечеромъ, проведши въ пути 9 дней, тогда какъ въ прежнее время достаточно было для сего 4-хъ дней. Когда вѣхали въ крѣпость, мученія наши еще болѣе увеличились и сердце сдавилось тоскою, когда узнали, что здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, и всѣ отъ постигнаго страну голода: многіе не рѣшались подняться въ путь, боясь погибнуть отъ голода въ пустынѣ, тогда какъ здѣшнее мѣсто есть большая подпора для края. Окрестные жители находятъ здѣсь для себя одежду и средства къ уплатѣ нерѣдко неоплатныхъ долговъ купцамъ.

Впрочемъ мы не теряли надежды дожидаться Чукчей; прождали день, прождали два, наконецъ 7-го числа въ 11-ть часовъ утра бѣжить ко мнѣ въ неизяснимой радости одинъ изъ моихъ спутниковъ и кричить: Чукчи пріѣхали, Чукчи пріѣхали! Это всѣхъ обрадовало. Какъ было и не радоваться, когда 5 человѣкъ, при мнѣ бывшихъ, въ этотъ день готовились раздѣлить послѣднюю общую трапезу. Чукчи, когда верстъ за 15 или за 20 прикочуютъ къ крѣпости, тогда оставляя свой лагерь на этомъ мѣстѣ, налегкѣ ѣдутъ отыскивать для оленей моховища, и ни въ какомъ случаѣ не проѣзжаютъ мимо крѣпости. Итакъ, чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ ко мнѣ Тоёнъ съ десятью приближенными своими родовичами и замѣтно очень обрадовался встрѣчѣ своей съ Русскими, подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе и привѣтствовалъ

словомъ: здравствуйте. Я попросилъ его сѣсть и онъ началъ меня спрашивать обо всѣхъ знакомыхъ ему Русскихъ. Удовлетворивши его любопытству, и я сталъ спрашивать его, доволенъ ли онъ поѣздкою въ Якутскъ. При вопросѣ моемъ, на лицѣ его выразилась какое-то особенное удовольствіе, и онъ сказалъ: хорошо. Къ этому еще прибавилъ: «мнѣ нужно поговорить съ тобою о новой церкви на Чаунѣ, ты пріѣзжай ко мнѣ завтра въ гости,» и напившись чаю распростился. На другой день я отправился къ нему. Когда подъѣхалъ къ юртѣ, самъ Тоёнъ съ сыномъ и съ прочими своими родственниками, вышелъ изъ нея навстрѣчу мнѣ и послѣ обоюдныхъ привѣтствій пригласилъ меня къ себѣ въ полагъ, сказавши по русски: «броходи». Въ полагѣ, въ русское платье одѣтыя встрѣтили меня жена Тоёна съ дочерью. Когда всѣ усѣлись, Тоёнъ опять сказалъ по русски: «будемъ чай пить»: а я въ отвѣтъ ему сказалъ на чукотскомъ языкѣ: «хорошо»; и это самое слово возбудило въ нихъ радостный смѣхъ; одинъ старичекъ, сидѣвшій рядомъ съ Тоёномъ, сказалъ чрезъ переводчика: «мы очень радуемся, что нашъ священникъ начинаетъ говорить съ нами нашимъ языкомъ». Послѣ всего этого за чаемъ Тоёнъ совѣтовался со мною о церкви и наконецъ сказалъ: «объ этомъ дѣлѣ мы еще поговоримъ съ тобою, когда соберутся мои люди», и къ этому прибавилъ: «ты теперь гости у моихъ людей, они тебя рады будутъ видѣть въ своемъ полагѣ; а какъ только воѣ соберутся, я приведу къ тебѣ не крещеныхъ». Я просилъ его позаботиться объ этомъ дѣлѣ и отсюда отправился къ первому чаунскому старѣйшинѣ Иркинео, который угощалъ меня кореньями. Отъ Иркинео поѣхалъ домой. На слѣдующій день явился ко мнѣ Иркинео и первый изъ Чукчей христіанинъ, Андрей Ятыргинъ. Входя въ двери, онъ закричалъ: «батюшка, я пришелъ». Я необыкновенно обрадовался приходу любимца моего, и онъ тутъ же сказалъ: «дай чай». Чай былъ уже готовъ и Ятыргинъ сейчасъ удовлетворилъ своей прихоти. Послѣ чая спросилъ меня чрезъ переводчицу (б):» не поѣдешь ли ко мнѣ въ гости, я привелъ для тебя нароч-

(б) Богатые всегда имѣютъ своихъ переводчиковъ.

но лишнихъ оленей». Отказать этому человѣку, столь предупредительному, значило бы обидѣть его, и я отправился къ нему. Когда пріѣхалъ, почтенный старецъ, немедленно собралъ къ себѣ бывшихъ въ лагерѣ и сказалъ: «вотъ нашъ священникъ пріѣхалъ ко мнѣ, посидите здѣсь, онъ поучитъ меня и васъ». Я сейчасъ же заговорилъ о семейномъ бытѣ ихъ, потомъ коснулся общественнаго; разяснялъ имъ обязанности къ старшимъ, начальникамъ и Царю. Просилъ ихъ бросить обычай приносить жертвы духамъ, который Чукчи до сихъ поръ продолжаютъ сохранять. Всеусильно также убѣждалъ ихъ, чтобъ оставили обычай умерщвлять больныхъ своихъ родственниковъ. Это у нихъ бываетъ такъ: когда ктонибудь изъ Чукчей почувствуетъ въ себѣ сильную болѣзнь, то начинаетъ уговаривать кого-нибудь изъ своихъ заколотъ его; когда убѣжденія его остаются тщетными, то больной начинаетъ стыдить и даже проклинать уговариваемаго, и этотъ, кажется, совершенно противъ желанія, сознавая особенно въ настоящее время, хотя темно, всю гнусность обычая, наконецъ соглашается на совершеніе злодѣйскаго поступка. И тогда въ юртѣ больного начинаютъ готовить ему рѣшительно все новое: санки, одежду, обувь, копьё; въ кишечные маленькіе мѣшечки зашиваютъ жиръ и табакъ и прицѣпляютъ къ санкамъ, также привязываютъ корольки и все это въ гостинецъ для ихъ родственниковъ, ранѣе въ вѣчность отшедшихъ. Во время этихъ хлопотъ согласившійся на убійство, когда приготовится къ своему дѣлу, говоритъ объ томъ больному, и съ отточеннымъ заранѣе убійственнымъ копьёмъ уходитъ за полагъ, въ которомъ лежитъ больной, потомъ даетъ ему знать о своемъ присутствіи въ этомъ мѣстѣ, прокалываетъ копьёмъ полагъ (иногда и юрту) и стоитъ въ трепетномъ ожиданіи приказаній отъ больного; наступаетъ страшное безмолвіе; больной беретъ просунутое къ нему копьё, наставляетъ на сердце и даетъ знать объ этомъ своему убійцѣ. Тогда тотъ вонзаетъ копьё въ сердце больного и прекращаетъ его жизнь. Мертвеца облачаютъ въ новую одежду, кладутъ на санки и привязываютъ его къ нимъ. При этомъ одинъ изъ родственниковъ, взявшись за санки, спрашиваетъ духа, на какомъ мѣстѣ по-

ложить мертвеца, — имѣя въ виду извѣстное, заранее назначенное, мѣсто. Если санки пошевелятся, это значить, что духъ желаетъ, чтобъ убитый положенъ былъ на задуманномъ мѣстѣ; если же нѣтъ, то шаманствующій опять принимается за свои наговоры, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока санки будто бы пошевелятся. Тогда берутъ пару оленей, на которыхъ ѣздилъ покойный и впрягаютъ въ санки, на которыя онъ положенъ; тутъ же кладутъ по одной вещи изъ всего что онъ имѣлъ, какъ то: чайникъ, чашку, вилку, ножъ, котелъ и проч., и все это для того, будто бы покойнику нужно чай пить, пищу варить и ѣсть. Послѣ этого, везутъ его на назначенное мѣсто, на которомъ или закидываютъ его камнями, или такъ бросаютъ, или наконецъ, сожигаютъ; оленей закалываютъ и тутъ же оставляютъ со всѣми вещами, которыя были взяты. Впрочемъ нужно замѣтить, что весьма многіе изъ Чукчей, особенно хрістіане, не слѣдуютъ этому гнусному обычаю. Я радъ былъ, что могъ возстать противъ сего обычая въ присутствіи лучшаго изъ хрістіанъ Ятыргина, потому во первыхъ, что онъ имѣетъ вліяніе на окружающихъ его Чукчей, а вторыхъ потому, что онъ любитъ учить ихъ тому, что слышалъ отъ священника. Пробывши у Ятыргина по крайней мѣрѣ 4 или 5 часовъ, я отправился домой въ надеждѣ видѣть у себя на слѣдующій день собраніе Чукчей. Къ сожалѣнію моя надежда не сбылась. Чукчи, по остановкѣ на своихъ мѣстахъ, ѣздятъ другъ къ другу въ гости, условливаются въ это время между собою касательно оленей, которыхъ Носовые (т.-е. живущіе на Чукотскомъ Носу) закупаютъ у оленныхъ на возвратный путь въ Чукотской Носъ. Къ тому же, собранію ихъ у священника препятствуютъ бѣги, которые они дѣлаютъ предъ начатіемъ торговли, также по окончаніи путешествія и по исцѣленіи отъ болѣзни. Это у нихъ почти тоже самое, что у насъ при подобныхъ случаяхъ Богомолествія; только у нихъ духъ, а у насъ Богъ. Сколько я ни убѣждалъ ихъ оставить такіе бѣги, убѣжденія мои остались тщетны.

Не дождавшись въ продолженіе двухъ дней собранія Чукчей оленныхъ, 12-го числа я позвалъ къ себѣ начальника Чукчей Носовыхъ Хотто. Онъ пришелъ и я

просиль его, чтобъ онъ постарался собрать тѣхъ изъ своихъ родовичей, кототорые пришли на мѣсто; потому что большая часть изъ нихъ еще не прикочевали. Убѣждалъ его тѣмъ, что если купцы прїѣдутъ, то мы не въ состояніи будемъ ничего сдѣлать съ Чукчами для призванія ихъ къ просвѣщенію святою вѣрою. Хотто мнѣ отвѣтилъ: «ты говоришь правду, я знаю и жалѣю, что мои не всѣ еще собрались; но для Бога и Царя буду стараться дѣлать все то, чтò только ты мнѣ скажешь». Я похвалилъ его ревность и при этомъ же спросилъ его: почему онъ сего дня въ форменномъ сюртукѣ. Онъ сказалъ: «сегодня праздникъ». Когда Тоёнъ услышалъ о моихъ совѣщаніяхъ съ Хоттою, то какъ бы пристыженный своею медлительностію, сейчасъ же поспѣшилъ собрать народъ, и привелъ его ко мнѣ самъ часа въ 3 по полудни, извиняясь, что замедлилъ. Пришедшимъ я предложилъ ученіе о бытіи единаго Бога, о сотвореніи Имъ невидимаго и видимаго міра, сотвореніи человѣка и его паденіи, объ обѣтованіи Искупителя, о патріархахъ до потопа и послѣ онаго, о всемірномъ потопѣ, о новомъ размноженіи рода человѣческаго и судьбахъ его, о законѣ Моисеевомъ, о пришествіи въ міръ Искупителя, о Его крещеніи, избраніи учениковъ, объ ученіи, о страданіи, смерти и воскресеніи Его изъ мертвыхъ, о посланіи учениковъ въ міръ проповѣдывать Евангеліе всѣмъ языкамъ, о всѣхъ чудесахъ до воскресенія, и по воскресеніи Спасителя и наконецъ о вознесеніи Его на небо. Язычники, не слышавшіе ничего такого до сего времени, удивлялись всему и въ особенности чудесамъ Іисуса Христа, и уразумѣвъ величіе Богочеловѣка, увѣровали въ Него, и дали мнѣ слово на другой день окреститься. При этомъ одинъ изъ слушателей сказалъ мнѣ: «еслибъ мы раньше слышали о томъ, что ты говорилъ намъ теперь, то ужъ давно бы окрестились». Я отпустилъ своихъ учениковъ, прося ихъ придти на слѣдующій день. И они исполнили свое слово, пришли ко мнѣ на другой день рано, и я, для большаго ихъ утвержденія въ вѣрѣ, повторилъ имъ свое ученіе и, убѣдясь въ томъ, что они достаточно поняли предложенное имъ ученіе и искренно желаютъ принять святою вѣру, въ этотъ же день 10

человѣкъ окрестилъ и два брака обвѣнчалъ, объяснивъ силу и условія сего таинства. Новопросвѣщенныхъ я пригласилъ къ себѣ, угостилъ ихъ чаемъ, къ которому весьма многіе изъ Чукчей пристрастились; послѣ чая отпустилъ ихъ и просилъ приходить ко мнѣ каждодневно для слушанія слова Божія.

Хотто, озабоченный моею просьбою, пришелъ ко мнѣ рано и обѣщалъ дня чрезъ три или четыре подчиненныхъ ему Носовыхъ Чукчей, какъ только всѣ прикочуютъ, поскорѣе привести ко мнѣ. По уходѣ его пришли ко мнѣ одинъ язычникъ и двое не вѣнчаныхъ Чукчей, христіанъ Язычникъ, по входѣ въ домъ, трижды перекрестился и подошелъ подъ благословіе. Я похвалилъ его за усердіе въ православной вѣрѣ, но онъ сказалъ мнѣ: «я не крещенный и пришелъ къ тебѣ окреститься.» Я еще болѣе обрадовался, что язычникъ самъ созналъ свое заблужденіе и самъ протягиваетъ руку, дабы чрезъ порогъ святаго крещенія изъ вѣчной тьмы ввели его въ чертоги вѣчнаго свѣта: но при этомъ замѣтилъ ему, что крестить его такъ скоро нельзя, безъ наученія его истинамъ Евангелія. На это Чукча сказалъ: «креститься я умѣю, меня научили товарищи, а вѣрѣ, я надѣюсь, ты научишь меня; я слышалъ, что ты учишь и крестишь всѣхъ моихъ товарищей.» И этой разумной рѣчи его я не менѣе былъ радъ, но по не раннему времени просилъ его придти завтра. Онъ опять сказалъ: «со мною есть еще трое некрещенныхъ, завтра имъ не будетъ времени придти, а чрезъ день, или чрезъ два я самъ приду и ихъ приведу.» Я сказалъ ему: «ты добрый и хорошій человѣкъ, хвалю тебя и благодарю за твое усердіе.» Этихъ словъ для дикаря достаточно, чтобъ утвердить въ немъ доброе и возбудить къ лучшему. Послѣ моей хвалы и благодарности язычнику, онъ ушелъ, а двое вышеупомянутыхъ невѣнчаныхъ Чукчей еще остались у меня. Я спросилъ ихъ: вѣнчаны ли они? Они отвѣчали, что не вѣнчаны, и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «если это нужно, то вѣнчай; я принялъ вашу вѣру и теперь долженъ исполнять все, что только ты скажешь мнѣ». Другой же напротивъ сказалъ: «я вѣнчаться не буду, потому что вѣру вашу худо знаю и чай пить не умѣю; крестъ

надѣли на меня (крестили) давно уже, и онъ у меня потерянь». Я отвѣчалъ ему: «молиться Богу я тебя выучу, вѣровать въ Него также, а приучаться пить чай и не совѣтую тебѣ, потому что, если ты пристрастишься къ нему, то долженъ будешь покупать у купцовъ; между тѣмъ, чай здѣсь очень дорогъ и ты поневолѣ долженъ будешь бѣднѣть; крестовъ же у меня много, я сей часъ тебѣ дамъ одинъ.» Во время моего разговора, потупя голову, онъ задумчиво сидѣлъ и, какъ было замѣтно, внимательно слушалъ; когда же я рѣчь свою кончилъ и спросилъ его: что ты, другъ, скажешь на мои слова? онъ отвѣчалъ уже весело: «завтра я приду къ тебѣ съ своей старухой; ты общался учить товарища моего, и я вмѣстѣ съ нимъ буду слушать тебя, а потомъ, можетъ быть, и обвѣнчаюсь», и вставши сказалъ «прощай». Я усомнился въ искренности его словъ, но напрасно. Часовъ въ 10 утра онъ уже явился ко мнѣ съ женою и со вчерашнимъ своимъ товарищемъ, который также привелъ и свою подругу. Когда они усѣлись, я началъ учить, и прямо согласившійся вчера вѣнчаться сказалъ мнѣ: «ты все хорошо говоришь, обвѣнчай насъ поскорѣе, намъ нужно ѣхать на бѣгъ.» Мнѣ смѣшно и вмѣстѣ жалко было его; я сказалъ ему: ты хвалишь меня, что я хорошо говорю; такъ слушай же: отъ моего хорошаго ученія, если только будешь исполнять его, будетъ для тебя хорошо и въ здѣшней жизни и болѣе всего въ будущей; оно доставитъ тебѣ вѣчныя радости, и отъ него ты не будешь стыдиться ни предъ людьми, ни предъ Богомъ; а бѣгъ доставитъ тебѣ удовольствіе только на часъ, а пожалуй и со всѣмъ не доставитъ; если твои олени отстанутъ отъ оленей твоихъ товарищей, товарищи будутъ смѣяться надъ тобою и тогда стыдно тебѣ будетъ. Притомъ же, ты мнѣ вчера говорилъ: «я принялъ вашу вѣру и теперь долженъ исполнять все то, что только ты скажешь мнѣ.» Помни свои слова и дослушай же то, чему я тебя учу». Слушатель мой засмѣялся и сказалъ: «ты говоришь правду.» Послѣ этого я докончилъ свое ученіе. И какъ скоро кончилъ, спорившій вчера со мною сказалъ мнѣ: «теперь я хорошо узналъ вашу вѣру; впередъ брани насъ, если мы не бу-

демъ слушаться тебя; ты самъ видишь, что мы ничего не знаемъ, а какъ узнаемъ, тогда и слушаемся; обвѣчай же насъ». И я сейчасъ обвѣчалъ обоихъ, предварительно объяснивши таинство брака. Послѣ объясненія они дали слово не имѣть другихъ женъ; только не знаю, исполнится ли это.

16-го и 17-го числа я оставался почти въ бездѣйствіи, потому что Чукчи были въ отсутствіи на бѣгу у Носовыхъ. Каждый изъ богатыхъ Чукчей, Носовой ли онъ или олений, когда прикочуетъ къ крѣпости и остановится на мѣстѣ, непременно дѣлаетъ бѣгъ, на который собираются почти всѣ—и оленные и Носовые Чукчи. По окончаніи бѣга всѣ приходятъ къ учредителю праздника, обѣдаютъ у него и послѣ обѣда веселятся, пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ. Эти два дня я необыкновенно скорбѣлъ душою и только утро 18 числа обрадовало меня. Только что я напился чаю, пришелъ ко мнѣ тотъ разумный Чукча, который бесѣдовалъ со мною 14-го числа, и привелъ трехъ своихъ товарищей, о которыхъ онъ говорилъ мнѣ. Я разсадилъ ихъ по мѣстамъ и началъ учить; училъ долго, не отступая отъ руководства, даннаго мнѣ моимъ архипастыремъ. По окончаніи ученія спросилъ своихъ слушателей: «поняли ли вы все то, что я говорилъ вамъ теперь и оставляете ли свою вѣру?» Знакомый мнѣ раньше на мой вопросъ такъ сказалъ: «то, что ты говорилъ, я все понялъ, потому что все это я слышалъ отъ своихъ товарищей въ прошедшій годъ; они рассказывали мнѣ, когда шли отъ тебя по тундрѣ мимо моего лагеря и заходили ко мнѣ. Вѣра наша не хороша и я оставляю ее; не знаю, оставятъ ли ее вотъ эти мои товарищи»; они сейчасъ отвѣтили на его слова: «оставляемъ и будемъ вѣровать Богу, о Которомъ ты говорилъ намъ теперь». Послѣ этого разговора всѣ потребовали отъ меня, чтобъ я крестилъ ихъ: но я кое-какъ упротсилъ ихъ отложить крещеніе до утра слѣдующаго дня, и они, напившись у меня чаю, отправились по своимъ мѣстамъ, увѣряя, что придутъ ко мнѣ на другой день.

День 19-го марта былъ днемъ великаго для меня утѣшенія. Пришли ко мнѣ не только вчерашніе четыре слушателя, но и Хотто съ своими людьми. Вошедши сказалъ:

«вотъ и я пришелъ съ своимъ народомъ». «Спасибо за твое усердіе», сказалъ я ему; за то благословить тебя Богъ благополучнымъ путешествіемъ въ Носъ и хорошею торговлею». «Я теперь обязанъ служить, отвѣчалъ онъ, тому Богу, въ Котораго я вѣрую, и русскому Царю.» Потомъ я началъ учить ихъ всему, что обязанъ знать и исполнять истинный христіанинъ. По окончаніи ученія, 4-хъ Чукчей окрестилъ, а Чукчей изъ лагерей Хотто просилъ придти на другой день для слушанія ученія о Спасителѣ. Хотто обѣщался прислать ихъ и между тѣмъ сказалъ: «это мои люди, а есть еще много некрещенныхъ, только у тѣхъ другой начальникъ; онъ не пришелъ сюда изъ Носу, безъ него они не крестятся и я распорядиться ими не могу.» При встрѣчѣ съ послѣдними и по прибытіи ихъ ко мнѣ, мои убѣжденія дѣйствительно оставались тщетны. Но я очень доволенъ былъ и тѣмъ, что Богъ послалъ мнѣ.

Слушавшіе вчерашній день слово Божіе пришли опять ко мнѣ и опять слушали ученіе о Спасителѣ. Послѣ ученія, зная, что Носовые Чукчи болѣе дики, чѣмъ оленные, и больше привержены къ своей вѣрѣ, я сталъ просить своихъ слушателей, чтобы они, для большаго утвержденія въ принимаемой ими православной вѣрѣ, еще пришли поучиться истинамъ Евангелія. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: «ты ладно говоришь намъ; мы хотимъ принять вашу вѣру, должны же и помнить ее и исполнять все, что ты говоришь намъ; а чтобы лучше помнить, должны еще послушать; мы придемъ завтра». Я обрадовался вѣрному разсужденію Чукчи, и, поблагодаривши его за его умную рѣчь, послѣ чая отпустилъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ.

Утромъ всѣ они пришли ко мнѣ; я долго бесѣдовалъ съ ними о спасительномъ Промыслѣ Божіемъ, разъяснилъ Символь вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей, и послѣ этого окрестилъ всѣхъ въ числѣ 15-ти человекъ. Нужно замѣтить впрочемъ и то: когда я привелъ ихъ для крещенія въ храмъ Божій и началъ объяснять имъ объ иконопочитаніи, тогда Хотто, должно-быть соскучившійся во время продолжительнаго моего ученія въ домѣ и во храмѣ, сказалъ мнѣ: «окрести ихъ поскорѣе, мнѣ за-

хотѣлось спать, я самъ поучу ихъ дома». Миѣ горько было слушать эти слова и я хотѣлъ было сдѣлать ему вразумленіе, но онъ предупредилъ меня слѣдующими словами: «я не ладно сказалъ; я еще самъ того не знаю, что ты имъ говоришь и что миѣ самому болѣе ихъ нужно знать; говори, говори». Тогда я приступилъ опять къ ученію, по окончаніи котораго началъ совершать святое крещеніе. Во время совершенія таинства Хотто и старшій братъ его Аперъ пѣли порусски съ дьячкомъ: Господи помилуй. На другой день пріѣхали исправникъ и купцы, странствующие и претерпѣвающіе различныя мученія въ продолженіи почти цѣлаго года изъ-за торговли въ здѣшнемъ мѣстѣ, которая продолжается не болѣе 3-хъ или 4-хъ часовъ. Во время пріѣзда исправника сидѣлъ у меня Тоёнъ съ своимъ сыномъ, которыхъ я просилъ и молилъ помочь въ Анюйской крѣпости голодующимъ Русскимъ. Тоёнъ внялъ моему голосу и въ тотъ же день вечеромъ позаботился склонить къ тому же нѣкоторыхъ изъ своихъ богатыхъ Чукчей. Вслѣдствіе этого на другой и на третій день привезли ко миѣ 7 заколотыхъ оленей, которыхъ я и передалъ г. исправнику. Вечеромъ 24-го числа, готовившійся къ исповѣди и принятію св. таинъ Чукчамъ, вмѣсто чтенія приличныхъ этому времени правилъ, предложилъ поученіе о сихъ таинствахъ, и разъяснялъ, съ какими чувствами они должны приступать къ нимъ. Въ день Благовѣщенія послѣ исповѣди, за литургією Тоёнъ и прочіе съ нимъ готовившіеся удостоились принятія св. Таинъ. Только Андрей Ятыргинъ съ женою, по дальнему разстоянію мѣста ихъ стоянки отъ крѣпости, не успѣлъ пріѣхать къ литургіи: Это самое заставило меня прибѣгнуть съ двукратною просьбой къ г. исправнику, чтобы онъ позволилъ Ятыргину почевать съ 26-го на 27-е число у меня; по мои просьбы были тщетны. Исправникъ отвѣчалъ одно: «законъ не позволяетъ». Поэтому самому Ятыргинъ 27 числа сподобился причаститься изъ запасныхъ Даровъ. 28-го числа я приготовился къ отъѣзду, а 29-го вечеромъ съ Колымскимъ благочиннымъ, протоіереемъ Випокуровымъ отправился въ путь. Не успѣли проѣхать и трехъ верстъ, какъ остановлены были разливомъ воды по всей рѣкѣ отъ од-

ного берега до другаго. Впрочемъ на лѣвый берегъ кое-какъ переправили нарты и сами перешли. Наконецъ послѣ неимоверныхъ трудностей добрались до Нижнеколымска. Здѣсь на каждомъ шагу поражало насъ зрѣлище бѣдствій отъ голода. У всѣхъ лица выражали одну томительную скорбь, даже отѣнокъ улыбки сглаженъ былъ съ нихъ голодомъ. Наступилъ день великаго торжества— Воскресенія Христова, при встрѣчѣ котораго радость была только у немногихъ довольныхъ; прочіе заливались слезами удушающей сердце печали, и счастливъ тотъ, кто отираетъ такія слезы, счастливъ благодѣтель Колымы—колымскій купецъ Михаилъ Барамыгинъ; онъ много осушилъ этихъ слезъ и многихъ спасъ отъ гибели. 5-го апрѣля, во время собранія духовенства и купечества у Колымскаго исправника, г. Барамыгинъ сказалъ: «Господа! чѣмъ мы выразимъ свою радость столь великаго праздника?» и, не дожидаясь ни отъ кого отвѣта, первый сказалъ: «на голодующихъ я жертвую 100 пудовъ муки и 100 пудовъ разной провизіи; пусть и эти несчастные порадуются съ нами, и вамъ, господа, неужодно ли будетъ помочь имъ». Г-мъ исправникомъ сейчасъ же предложенъ былъ листъ, въ которомъ сумма частныхъ пожертвованій оказалась наличными деньгами за 100 р. с.; они, какъ слышно, употреблены будутъ на покупку копскаго волоса и конопли для бѣдныхъ. Спустя немного времени г. Барамыгинъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «отецъ Петръ, еслибы раньше предупредили меня, то я совершенно, можетъ-быть, отстранилъ бы это несчастіе, но теперь вы сами видите, что нельзя уже найти тѣхъ средствъ съ которыми бы можно было достигнуть этой цѣли». Г. Барамыгинъ понестилъ достоинъ назваться благодѣтелемъ Колымы и еслибы заблаговременно былъ предупрежденъ о несчастіи, то мы не видѣли бы тѣхъ бѣдствій, которыя въ настоящее время поражаютъ насъ. Одна изъ бѣдныхъ женщинъ едва не умерла съ голода; была уже исповѣдана, но кое-какъ общими силами спасена. Теперь наши слезы безсильнаго участія ежеминутно сливаются съ слезами несчастныхъ, а что будетъ дальше, не знаемъ.

СЛУЧАИ, ПОКАЗЫВАЮЩЕ СИЛУ ВѢРЫ И МОЛИТВЪ ЦЕРКОВНЫХЪ.

Аще воспросите въ молитвъ вѣрующе, приимете (Матѣ. 21, 22), сказалъ Христось Спаситель во св. Евангелии. И слова Его несомнѣнны. Живая и твердая вѣра въ Бога, соединенная съ молитвами св. Церкви, не только въ древнія времена творила чудеса, но и въ настоящее время всѣ прибѣгающіе ко Господу Богу съ вѣрою, по молитвамъ св. Церкви, получаютъ отъ Него все просимое.

1. Года съ два тому назадъ я позванъ былъ напутствовать св. таинствами больную женщину, которая вскорѣ послѣ родовъ простудилась и сильно занемогла. По мнѣнію лечившаго ее врача, она была въ отчаянномъ положеніи, и потому поспѣшила послать за мною. Когда я подошелъ къ больной, она умоляла меня поспѣшить исповѣдію и приобщеніемъ ея св. Христовыхъ таинъ. «Я чувствую, говорила она, что конецъ моей жизни близокъ!» И подлинно, въ ней было сильнѣйшее воспаленіе. Съ твердою вѣрою въ Бога и глубокимъ сокрушеніемъ сердца она исповѣдывалась и потомъ приобщилась св. Христовыхъ таинъ. Сколько могъ, я старался пробудить въ душѣ ея надежду на милосердіе нашего Спасителя, и тѣмъ кончилось мое съ нею свиданіе. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего къ мнѣ является мать ея, вдова, старушка, и съ горькими слезами говоритъ мнѣ: «Батюшка! Научите, что мнѣ дѣлать; я дошла до отчаянія! Единственная дочь моя, которую вы приобщали св. таинъ, на другой день послѣ сего впала въ сильное сумасшествіе. Врачъ объявилъ намъ, что нѣтъ никакой надежды возвратить ей разсудокъ. Ее положили въ больницу. Она у меня одна, въ ней только я находила себѣ отраду! Притомъ молодой мужъ и двое малолѣтнихъ дѣтей должны пить горькую чашу. Научите, что мнѣ дѣлать!»—До глубины души тронутый ея горькими слезами, я старался успокоить ее надеждою на Божіе милосердіе и искать себѣ утѣшенія въ молитвѣ къ Богу. Потомъ, будто по вдохнове-

пію, я посовѣтоваль ей прибѣгнуть съ усердною молитвою къ святителю Христову Николаю, сему великому ходатаю и молитвеннику нашему предъ Богомъ, — въ продолженіи сорока дней ставить свѣчу предъ мѣстною иконою Его въ нашемъ храмѣ, и накопецъ отслужить Ему молебень съ акаѣнстомъ и водоосвященіемъ за здравіе болящей. Совѣтъ мой былъ исполненъ въ точности. Послѣ усердной молитвы во время служенія молебна, скорбная мать, по совѣту моему, отнесла къ больной освященную воду и напоила ее. Что же случилось? Вскорѣ послѣ сего я узналъ, что больная, бывшая въ сильномъ сумасшествіи, нѣсколько разъ напившись св. воды, пришла въ себя и чрезъ нѣсколько дней послѣ сего возвратилась въ домъ свой совершенно здоровою. Что это, какъ не чудесная помощь святителя Христова Николая, явленая больной по вѣрѣ скорбной матери ея и молитвамъ св. Церкви?

2. Укажу на другой примѣръ, подобный первому. Съ годъ назадъ тому я также былъ приглашенъ напутствовать св. таинствами больную женщину. Я нашель ее также въ отчаянномъ положеніи. Отъ продолжительной болѣзни она была въ крайнемъ изнеможеніи. Уже нѣсколько недѣль она не могла принимать никакой пищи. Постоянная рвота совсѣмъ изнурила ее. По мнѣнію навѣщавшаго ее врача, въ желудкѣ ея образовался ракъ, который излѣчить не было возможности. Зная всегдашнее благочестіе больной, я послѣ исповѣди и причащенія св. Христовыхъ таинъ, посовѣтываль ей освятить себя таинствомъ Елеосвященія, съ твердою вѣрою въ Бога и съ полною надеждою на милосердіе Спасителя. Больная съ удовольствіемъ приняла мое предложеніе, и, во время совершенія надъ нею таинства Елеосвященія, съ особеннымъ чувствомъ умиленія слушала молитвы, пламенно молилась. И молитва вѣры спасла болящую! Господь Исусъ Христосъ не презрѣль ея моленія! Вскорѣ послѣ совершенія сего таинства она почувствовала себя лучше и, къ удивленію всѣхъ знавшихъ ея болѣзнь, она выздоровѣла! Не чудо ли это опять Божія милосердія? Не ясно ли надъ нею исполнились слова Апостола: *болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да мо-*

литву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь: и аще грѣхи сотворишь есть, отпустятся ему. (Іак. 5, 14. 15).

3. Не могу не разсказать еще объ одномъ случаѣ, въ которомъ также поразительнымъ образомъ открылась чудодѣйственная сила вѣры и молитвъ церковныхъ. Десять лѣтъ назадъ тому я ходилъ въ домъ одного господина для преподаванія уроковъ изъ закона Божія его дѣтямъ. Одинъ изъ сыновей его, имѣвшій отъ роду семь лѣтъ, отъ простуды сильно занемогъ. У него въ горлѣ образовался крупъ, болѣзнь самая опасная и губительная для дѣтей. Врачъ, сколько ни усиливался противодѣйствовать болѣзни, всѣ усилія его оставались напрасными. Болѣзнь, увеличиваясь съ часу на часъ, сдѣлалась наконецъ неизлѣчимою. Врачъ объявилъ, наконецъ, матери больнаго, что нѣтъ возможности помочь ему: дитяти остается жить только нѣсколько часовъ. Испуганная мать, всегда отличавшаяся благочестіемъ, тотчасъ оставляетъ больнаго, отправляется въ часовню, гдѣ стоитъ чудотворная икона Богоматери, именуемая Иверскою, проситъ іеромонаха отслужить молебенъ Богородицѣ о здравіи болящаго сына, обращается къ Заступницѣ рода христіанскаго съ усердною и пламенною молитвою объ исцѣленіи сына, и, возвратившись домой, вытираетъ больнаго масломъ, взятымъ изъ лампы предъ чудотворною иконою, въ душѣ своей возсылая молитвы къ Богоматери. И что же? Врачъ, незная чѣмъ пособить больному, вздумалъ дать ему въ послѣдній разъ рвотнаго! «Все равно, говорилъ, онъ долженъ умереть!» Скорбная мать съ усердною молитвою къ Богоматери, вливаетъ въ ротъ умирающаго сына врачество въ послѣдній разъ! Съ великимъ трудомъ принятое лекарство производитъ въ больномъ тошноту. Испуганная мать подставляетъ ко рту больнаго обѣ руки свои. И что же видитъ? Наростъ, образовавшійся въ горлѣ мальчика, почти прекратившій его дыханіе, извергается въ руки ея—и ребенокъ спасенъ! Самъ врачъ призналъ это чудомъ Божія милосердія, совершившимся надъ больнымъ, по молитвѣ его благочестивой матери. Я былъ очевидцемъ сего исцѣленія! Какъ не при-

знать здѣсь вседѣйствующей силы вѣры и молитвъ св. Церкви? Не ясно ли исполнились здѣсь слова Спасителя, сказанныя во св. Евангеліи: *всл, елика аще воспросите во молитвъ, впрующе, пріимете* (Мат. 21, 22)?

Священникъ Александръ Романовскій.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ.

День 26 марта былъ праздникомъ, свѣтлымъ днемъ, благовѣщеніемъ для Алтайской миссіи и для всѣхъ, кому дорого утвержденіе христіанства на Алтаѣ. Въ этотъ день «молебномъ предъ ученіемъ» открыго въ Улалѣ давно желанное «миссіонерское училище.» Всякій, кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ миссіи, не можетъ искренно не радоваться этому событію.

На пространствѣ примѣрно 1000 верстъ въ длину и 150—700 въ ширину трудятся 9 миссіонеровъ. Разумѣется, прямая и главнѣйшая обязанность ихъ: проповѣдь слова Божія и духовно-нравственное и обрядовое христіанское обученіе новокрещенныхъ; но многообразные труды, хлопоты и попеченіе миссіонеровъ относительно благоустроенія домашняго и общественнаго быта новокрещенныхъ, изъ коихъ большая часть только со времени крещенія начинаетъ жизнь осѣдлую, лѣченіе больныхъ, миротвореніе, попеченіе о бѣдныхъ, престарѣлыхъ, безпріютныхъ дѣтяхъ, согласится всякій, требуютъ не мало времени и не мало препятствуютъ миссіонерамъ исполнять свою главную и первую обязанность, —распространеніе и утвержденіе христіанства. И если къ этому еще прибавить отдаленность жилищъ новокрещенныхъ отъ стана миссіонера, часто верстъ на 100 и болѣе, не малое число этихъ селеній, а въ мѣстахъ осѣдлой жизни разбросанность ихъ по многимъ, отдаленнымъ одинъ отъ другаго, коснѣющимъ въ язычествѣ, ауламъ, отсутствіе во многихъ мѣстахъ путей сообщенія весною и осенью; тогда вполнѣ будетъ видна невозможность для миссіо-

пера всѣхъ новокрещенныхъ, крещенныхъ почти только вчера, сдѣлать настолько свѣдущими въ вѣрѣ, чтобъ они могли дать отвѣтъ о своемъ упованіи всякому вопрошающему, настолько твердыми въ вѣрѣ, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ въ трудныя минуты жизни, напр. во время болѣзни, не увлекались иногда искушеніемъ обращаться къ прежнему заблужденію, къ камланью, къ ворожбѣ и т. п., черезъ своихъ бывшихъ жрецовъ камовъ. Поэтому нѣтъ ничего и обиднаго для миссіонера въ томъ, что, говоря откровенно, нравственно-религіозное состояніе новокрещенныхъ порождаетъ желаніе улучшенія онаго.

А Церковь Алтайская, по милости и благодати Божіей, съ году на годъ множится и растетъ. Въ прошломъ году Господу угодно было чрезъ здѣшнихъ миссіонеровъ призвать къ покаянію и крещенію 556 душъ. И опять нуженъ материнскій уходъ и попеченіе объ этихъ новорожденныхъ въ Христѣ, если не хотимъ, чтобъ обращеніе ихъ души къ Создателю постигла участь сѣмени, павшаго на камени. (Мар. 4, 5.)

Невольно къ радости объ умноженіи вѣрующихъ при-мѣшивается опасеніе за цѣлость и ростъ ихъ нравственно-религіозной жизни. Жатва многа, а дѣлателей мало.

Самыми главными средствами къ утвержденію христіанства на Алтаѣ конечно должны быть умноженіе церквей и училищъ, миссіонеровъ и учителей, и всего лучше миссіонеровъ и учителей изъ среды туземцевъ. Приведу объ этомъ предметѣ слова многоуважаемаго Н. И. Ильминскаго. «Успѣхъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ вполне будетъ обезпеченъ только тогда, когда сами они будутъ не пассивными только воспріятелями наставленій, но передовые и болѣе одаренные люди изъ среды ихъ будутъ дѣятелями въ распространеніи сего просвѣщенія въ цѣломъ племени. Предпочтительность туземныхъ учителей и проповѣдниковъ основывается: 1) на силѣ единоплеменности, которая привлекаетъ большее довѣріе и сочувствіе народа; 2) на примѣнительности: учитель, вышедшій изъ среды инородцевъ, по себѣ знаетъ мѣру и образъ пониманія своего племени; 3) туземецъ въ самой дикой родной дебри, въ самомъ не обезпеченномъ и скудномъ быту, будетъ чувствовать себя уютно, тогда

какъ для иного человѣка будетъ ощутительно и тяжело отсутствіе цивилизованной жизни; по этому даже въ экономическомъ отношеніи полезно воспитывать туземцевъ до степени миссіонерскаго служенія». (Прав Обозр. 1865 года сент).

Училища, въ видѣ школъ грамотности, существуютъ при станахъ миссіи Алтайской; но справедливость требуетъ сознаться, что положеніе этихъ училищъ не въ желанномъ состояніи. Есть станы, гдѣ изъ новокрещенныхъ нѣтъ даже и одного грамотнаго, а въ другихъ только по два и по три человѣка. Было бы несправедливо, еслибъ вся вина въ этомъ пала на учителей этихъ школъ (а); главная причина — въ равнодушіи инородцевъ къ образованію своихъ дѣтей. Нѣкоторые изъ нихъ даже требуютъ отъ миссіи денежнаго вознагражденія за то, что ихъ дѣти будутъ учиться въ школѣ; другіе, позволяя мальчику ходить иногда годъ и болѣе, берутъ его коль скоро тотъ будетъ разбирать кое-какъ книгу и писать свое имя. Черезъ полгода забывается и то и другое. Недавно пріѣзжали въ Улалу отцы двухъ мальчиковъ, поступившихъ въ наше училище. Видя, что миссія одѣваетъ дѣтей ихъ, забрали съ собой все, что было годно къ употребленію, изъ той одежды, въ которой мальчики явились въ училище. На возраженія мои противъ такого поступка они спокойно отвѣчали: «у насъ еще дома есть кому носить-то, а эти здѣсь учатся; пусть миссія и одѣваетъ ихъ». Въ училищахъ этихъ мальчики учатся и могутъ научиться только чтенію и письму. Для достойнаго же прохожденія миссіонерскаго служенія необходима гораздо большая подготовка. Изъ сознанія нужды и пользы для миссіи отъ миссіонеровъ изъ среды самихъ новокрещенныхъ, назадъ тому годовъ восемь были отправлены два новокрещенные мальчика въ Томское духовное училище; но 4-хъ лѣтнее пребываніе ихъ въ училищѣ не оправдало надеждъ миссіи. Растеніе, отор-

(а) Въ Макарьевскомъ и Кузедѣевскомъ станахъ занимаются училищемъ церковно-служители и получаютъ вознагражденіе 30 р. въ годъ, въ Ануйскомъ и Урсульскомъ отставные унтеръ-офицеры, въ Маютѣ безмездно жена миссіонера, въ Чемалѣ сестра милосердія, въ Улагѣ рясофорная монахиня.

ванное отъ родной почвы, не принесло желаннаго плода. Стало ясно, что для надлежащаго успѣха дѣла и для полнаго осуществленія желаній миссіи гораздо полезнѣе было бы, еслибъ это дѣло принялось и развивалось на родной почвѣ подъ указаніями самой жизни и практики.

Этому желанію суждено было исполниться только нынѣ 26 марта было положено начало многообѣщающаго, при Божіемъ благословеніи, и давно желаннаго дѣла: болѣе способныхъ изъ среды новокрещенныхъ воспитывать ко степени миссіонерскаго служенія. «Молебствіе предъ ученіемъ» совершенно было начальникомъ миссіи тотчасъ по окончаніи литургіи, при полномъ собраніи улалинской паствы. Передъ молебствіемъ о. архимандритомъ было сказано нѣсколько глубоко прочувствованныхъ словъ о счастливой будущности болѣе способныхъ и благонравныхъ новокрещенныхъ мальчиковъ, поступившихъ и имѣющихъ поступить во вновь открытое училище. «Отцы нѣкоторыхъ изъ нихъ учили ихъ кланяться и жертвовать идоламъ, а они—малыя дѣти будутъ проповѣдывать Единаго Истиннаго Бога... Отцы ихъ осквернились идоложертвеннымъ мясомъ и глубоко унижали себя черезъ поганяя жертвоприношенія, а ихъ, теперь еще малыя, дѣти, быть можетъ, будутъ удостоены Господомъ предстоять предъ Его престоломъ и приносить Ему великую безкровную жертву»....

Программа «миссіонерскаго училища» опредѣляется его назначеніемъ: готовить для миссіи толмачей, катихизаторовъ, учителей грамотности и церковно-служителей настолько, чтобъ болѣе даровитые изъ нихъ и преданные евоему дѣлу могли со временемъ быть и миссіонерами—священниками. Такимъ образомъ программа нашихъ духовныхъ училищъ, за нѣкоторыми исключеніями, должна быть дополнена нѣкоторыми изъ предметовъ, преподающихся въ семинаріяхъ. Стремиться впрочемъ напередъ къ очень широкимъ цѣлямъ не будемъ, да и составлять заранѣе, не выдавши дѣла, точно опредѣленную программу не совсѣмъ удобно. Способности, воспримчивость учащихся и время лучше покажутъ, насколько можно расширить программу нашего училища, имѣя, разумеется, въ виду главнымъ образомъ его назначеніе.

Въ настоящее время, на первый разъ, преподается мальчикамъ Свящ. Исторія н. З., катихизисъ, ариѣтика, чистописаніе, толковое чтеніе церковныхъ книгъ и простое пѣніе церковныхъ пѣсней.

Во вновь открытое училище явилось изъ разныхъ становъ 10 мальчиковъ.—Всѣ они поступили на полное содержаніе миссіи (б) (безъ этаго тяжелаго для миссіи условія отцы не согласились бы отпустить дѣтей своихъ). Годовое содержаніе мальчика стоитъ здѣсь 45 руб. сер. Нужды миссіи необходимо требуютъ увеличенія числа учащихся, а миссія, никогда не располагавшая достаточными средствами и бѣдная особенно теперь, затрудняется содержать даже и этихъ мальчиковъ. А кромѣ содержанія новое училище нуждается въ ученическихъ принадлежностяхъ, инструментахъ, станкахъ, земледѣльческихъ орудіяхъ и прочемъ, что необходимо въ благоустроенномъ хозяйствѣ. Хотѣлось бы, чтобъ ученики миссіонерскаго училища въ послѣдствіи времени могли доставать себѣ пропитаніе, дѣлая своими руками, быть руководителями другихъ въ трудолюбіи и хозяйствѣ.

Безъ содѣйствія и сочувствія нашему дѣлу со стороны старшихъ братьевъ по вѣрѣ, оно не разрастется и не получитъ желаннаго развитія.

Сознается нужнымъ и полезнымъ, не говоримъ уже при всѣхъ станахъ, по крайней мѣрѣ въ Уралѣ при новомъ училищѣ, завести школу грамотности для сиротъ. На служеніе такихъ собственно дѣлу миссіонерскому всегда можно вѣрнѣе разчитывать, чѣмъ на дѣтей отцовскихъ. Эта школа вмѣстѣ служила бы мѣстомъ практики учениковъ миссіонерскаго училища; болѣе способные изъ этой школы поступали бы въ училище для высшаго образованія. Такимъ образомъ оно застраховало бы себя отъ опасности, не чуждой ему теперь, при настоящемъ состояніи школъ грамотности на Алтаѣ, остаться когда нибудь безъ учениковъ. Но на содержаніе школы и учащихся въ ней опять нужны средства...

Кому дорого утвержденіе христіанства въ краѣ, сдѣ-

(б) То есть предполагалось такъ, въ надеждѣ на пособіе благотворителей. Но пока за неимѣніемъ таковаго, дѣти проживаютъ насчетъ начальника миссіи, о. а. Владиміра.

лавшемся христіанскимъ почти только вчера, въ краѣ, гдѣ многія тысячи еще коснѣютъ въ грубомъ шаманствѣ, гдѣ жатвы такъ много, а дѣлателей ничтожное число, въ краѣ пограничномъ, далекомъ отъ центра Россіи, тотъ можетъ удовлѣтворить святую ревность о славѣ имени Христова, содѣйствуя упроченію и развитію вообще христіанскаго образованія на Алтаѣ и въ частности «Миссіонерскаго училища.»

Благочестивыя пожертвованія можно посылать на имя начальника Алтайской миссіи, о. архимандрита Владиміра, въ г. Бійскъ, Томской губерніи.

Учитель «Миссіонерскаго училища» *П. Макушинъ.*

5 мая 1867 г. Улага.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

АВГУСТЪ.

1867.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА СВЯЩЕННИКА ПЕТРА СУВОРОВА О ПО- ѢЗДКѢ НА ТУНДРУ ВЪ ЧУКОТСКІЯ ЖИЛИЩА, ДЛЯ ПРОПОВѢДИ СЛОВА БОЖІЯ ВЪ 1860 ГОДУ ЧУКЧАМЪ.

Юль. Ъзда на тундру — главное кочевье Чукчей, въ лѣтнее время, бываетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, верхомъ на лошадахъ. Это мѣсто лежитъ между рѣками Большою и Колымою. По совершеи путешестввеннаго молебствія, я спустился внизъ на лодкѣ по р. Колымѣ на 40 вер. до рѣки Пантелеихи, впадающей въ Колыму съ правой стороны. По рѣкѣ Пантелеихѣ вверхъ проплылъ 30 вер. и остановился въ урочищи Пантелеихѣ. Урочище стоитъ при самой подошвѣ оконечностей отроговъ Яблоннаго хребта. — Такъ какъ здѣсь самыя лучшія и обильныя пастбища для коней и рогатаго скота, и лошади, поэтому, въ продолженіе почти цѣлаго года остаются въ сихъ мѣстахъ, то я и долженъ былъ пробыть въ урочищѣ нѣсколько дней для поимки лошадей, за которыми, чтобы скорѣе поймать ихъ, и самому довелось очень не мало побѣгать. И тѣмъ болѣе тягостенъ этотъ трудъ, что хватать лошадей пришлось въ самое жаркое время, при безчисленныхъ мириадахъ комаровъ, которые превращаютъ очень короткое лѣто въ самое непріятное для здѣшнихъ жителей время. Но при неусыпныхъ трудахъ, мы достигли своей цѣли, и, приготовившись къ отъѣзду, пустились въ путь 15-го числа вечеромъ. Со мною выѣхали дьячекъ, казакъ и провожатый; были и спутники изъ русскихъ промышленниковъ, которые отправляются къ

Чукчамъ для пріобрѣтенія оленьихъ шкуръ, главной одежды колымскихъ жителей. Мы проѣхали 20 верстъ и достигли до рѣчки Монжадинки. Здѣсь не какъ въ богатныхъ странахъ: въ тундренныхъ мѣстахъ пристанище—земляподъ кровомъ неба, пища—та, которую запасешь съ собою и въ достаточномъ количествѣ. При маломъ запасѣ счастливы могутъ быть только тѣ спутники, коимъ Богъ благословить промыслить лянальныхъ гусей. Въ противномъ случаѣ очень легко можно потерпѣть голодъ, въ особенности же, когда вожатый собьется съ пути. Въ послѣднемъ случаѣ и жизнь можетъ быть въ опасности. И такъ мы, какъ только пріѣхали, по неимѣнію пристанища, сей часъ разставили особенно на этотъ случай въ здѣшнихъ мѣстахъ заготавливаемые походныя палатки и полога, закусили и напившись чаю, предались ночному покою. На другой день рано утромъ отправились въ дальнѣйшій путь по отгоріямъ Манжадинскаго хребта и дошли до каменной рѣчки Филипповой. На пути застигъ насъ сильный дождь съ ужасными раскатами грома, отъ котораго даже лошади необыкновенно содрагались; воздухъ начиналъ болѣе и болѣе свѣжѣть, такъ что на почлегѣ мы вынуждены были смѣнить лѣтнюю одежду на зимнюю. 17-го числа холодъ усилился, дождь продолжался, а чрезъ нѣсколько времени пошелъ густой снѣгъ и покрылъ собою всѣ вершины горъ. Мы по необходимости должны были пробыть этотъ день на мѣстѣ, въ ожиданіи благопріятнаго времени. Наступило 18-е число; но холодъ и снѣгъ продолжались, только къ полудню нѣсколько просвѣтлѣло. Одѣвшись въ зимнія одежды, мы отправились въ путь по снѣжнымъ хребтамъ, по которымъ пройдя около 30 вер., остановились ночевать. Перемежающійся дождь со снѣгомъ не переставалъ тревожить насъ на пути. Хотя и говорятъ, что лѣтомъ стыдно забнуть, но нужно сознаться, не боясь стыда, что мы со спутниками до того прозябли отъ пронзительнаго вѣтра, дождя и снѣга, что на почлегѣ едва едва согрѣлись чаемъ.

На слѣдующій день (19 іюля) дождь и снѣгъ не переставали. Не смотря на это, видя, что скудные наши съѣстные припасы истощаются, мы, по необходимости,

продолжали путь свой, и къ вечеру достигли Сухаго или иначе Гусинаго озера. Это провалъ земли не очень отдаленныхъ временъ. Такъ какъ на Сухомъ озерѣ ежегодно линяють гуси, то спутники мои рѣшились промыслять ихъ, въ замѣнъ убылой пищи. Тихо подѣхавъ къ озеру, они промыслили 8 гусей. Это весьма обрадовало всѣхъ насъ.

Утромъ 20 іюля отправились далѣе по верховьямъ р. Погиндена. Это мѣсто окружають величественныя каменные хребты, образовавшіе въ низменности родъ котловины. Черезъ 10 верстъ, по причинѣ окончанія лѣсовъ, мы остановились для запаса дровъ на 4 дня. Хотя тяжесть эта очень обременительна для лошадей, но нельзя же идти и безъ дровъ: иначе, въ такое холодное время, безъ нихъ нечѣмъ будетъ и согрѣться. Когда навьючили дрова, пошли около той же рѣки. На пути прошли ущелье и остановились на ночлегъ у самаго Барановскаго хребта, составившаго въ этомъ мѣстѣ изъ гольцовъ (а) своихъ прекрасный лабиринтъ. Здѣсь мы нашли въ большомъ количествѣ не растаявшій зимній снѣгъ. Это произвело на насъ очень непріятное впечатлѣніе. Холодъ отъ присутствія снѣговъ почти нисколько не далъ подняться травамъ, и лошади, измучившіяся отъ хода по каменнымъ горахъ, болотамъ и грязямъ, должны были сверхъ того терпѣть и голодъ. Но дѣлать было нечего, не воротиться же назадъ, и мы, предавшись волѣ Божіей, на другой день 21 іюля на тощихъ лошадяхъ стали подниматься на хребетъ, раздѣляющій бассейны водъ, впадающихъ съ одной стороны въ море, съ другой въ главныя рѣки. Какъ ни труденъ былъ переходъ этотъ по длинѣ и крутизнѣ хребта; но, при помощи Божіей, мы достигли самой вершины его и, давши отдыхъ лошадямъ, перешли на сѣверную или, такъ здѣсь называемую, морскую сторону. Чтобъ не пришлось голодать, мы не смотря на усталость лошадей, старались пройти побольше разстоянія, желая скорѣе увидѣть Чукчей, что удалось намъ только на другой день 22-го іюля. Утромъ сего дня мы начали осматривать тундру

(а) Гольцемъ въ Сибири называется каменная сопка; вершина каменной горы; горный ледникъ.

и вдругъ увидѣли въ отдаленности бѣлыя пятна. Мы узнали, что эти пятна—лагерь Чукчей.

При подъѣздѣ нашемъ къ лагерю, Чукчи привѣтствовали насъ выстрѣломъ изъ ружья. Это означало ихъ радость и уваженіе къ русскимъ. Хозяинъ лагеря Акако, окруженный мужчинами, женщинами и дѣтьми, вышелъ къ намъ на встрѣчу и, когда я спустился съ лошади, подошелъ ко мнѣ подь благословеніе, поднося сперва, въ знакъ послушанія и большаго уваженія, руку священника къ своему лбу.

До разстановки палатокъ, мы усѣлись въ кружокъ на землѣ, вмѣстѣ съ Чукчами. Начались разспросы: Чукчи спрашивали о своихъ русскихъ знакомыхъ, русскіе объ нихъ и о состояніи ихъ оленьихъ табуновъ. Но любопытство первыхъ всегда и болѣе всего касается водки. Ничто такъ не интересуетъ ихъ, какъ она. Чѣмъ бы ни были надѣляемы отъ купцовъ, они ничѣмъ не останутся такъ довольны, какъ угощеніемъ водкою, и Русскій ни за какую вещь ни найдетъ себѣ оленьихъ шкуръ, если не угоститъ ею. Я однако не предлагалъ имъ водки, ссылаясь на запрещеніе начальства.

По окончаніи разговоровъ, я обратился къ чукотскому старѣйшинѣ Акако съ вопросомъ: нѣтъ ли у него въ лагерѣ язычниковъ; онъ отвѣтилъ, что сейчасъ пошлетъ узнать о нихъ. Посланный привелъ изъ юртъ женщину и мальчика. Я, посадивши пришедшихъ, началъ проповѣдывать имъ о бытіи единаго истиннаго Бога, говорилъ о сотвореніи вселенной, Ангеловъ и человѣка и разсказалъ ветхозавѣтную и новозавѣтную исторіи. Вмѣстѣ съ язычниками и всѣ, присутствовавшіе тутъ, Чукчи христіане и Ламуты слушали слово Божіе внимательно. Когда же я кончилъ ученіе и спросилъ язычниковъ: желаютъ ли они принять христіанскую вѣру? женщина отвѣчала: «то, что ты говорилъ теперь, я нѣсколько знала и раньше, и давно желала креститься; только отъ этого отговаривали меня мои родные; а теперь, когда здѣсь всѣ почти стали принимать вашу вѣру, я не хочу слушаться родныхъ, но желаю креститься; къ тому же и мужъ мой вашей же вѣры.» Сынъ ея послѣдовалъ ея примѣру. Увѣренный въ ихъ рѣшимости оставить свои вѣрованія, я окрестилъ

ихъ вмѣстѣ съ ламутскими дѣтьми, которыхъ родители, по бѣдности своей, поселились у Чукчей и весьма рѣдко, а нѣкоторые почти и никогда не видятся съ своимъ священникомъ. Послѣ крещенія обвѣнчалъ три четы Чукчей, обвѣнчалъ также Ламута и Чуванца. Все это совершено было мною въ одни сутки; но лѣтомъ на тундрѣ нельзя терять времени, если желательно объѣхать побольше чукотскихъ лагерей, потому что въ началѣ августа мѣсяца выпадаютъ уже снѣга и наступаютъ такіе холода, что обратный путь бываетъ весьма затруднителенъ. Къ случаю позволяю себѣ замѣтить одно обстоятельство, повстрѣчавшееся со мною въ 1859 году, въ бытность мою на Большой рѣкѣ: съ вечера на 1-е ч. августа, я приказалъ бывшимъ при мнѣ людямъ приготовить на морѣ мѣсто для освященія воды; приказаніе было исполнено, но только съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «батюшка, мы приготовили мѣсто, какъ-то вы будете служить, воздухъ сильно засвѣжѣлъ.» Я сказалъ имъ: Богъ милостивъ. Утромъ, когда я вышелъ на служеніе, свѣжесть воздуха до того сдѣлалась ощутительна, что во время самага освященія едва—едва не отморозилъ я пальцы на рукахъ, и боль долго была чувствительна. Очевидцы не дивились этому. Подобная температура въ лѣтнее время по неволѣ заставитъ поторопиться. Впрочемъ, 23 числа іюля, я не выѣзжалъ почти до самага вечера, но занялся съ самага утра съ новопросвѣщенными Чукчами и Чукчами христіанами повтореніемъ поученій о христіанской вѣрѣ. По окончаніи уже своей обязанности отправился въ дальнѣйшій путь чрезъ горы. Не дойдя, по незнанію, верстъ пяти до чукотскихъ лагерей, остановился ночевать на самомъ берегу моря. Утромъ 24 іюля рано прибылъ къ Чукчамъ. Узнавши, что тутъ есть некрещенные, желающіе принять православную вѣру, я приготовилъ ихъ обычнымъ образомъ къ просвѣщенію; но поелику въ нихъ, хотя и изъявили желаніе окреститься, замѣтна была нѣкоторая нерѣшимость, что произошло, какъ казалось мнѣ, отъ непріемлющихъ Св. вѣру, то я и отложилъ крестить ихъ до своего возвращенія къ нимъ съ Большой рѣки, и затѣмъ отправился дальше по направленію къ церкви.

25-го іюля предъ богослуженіемъ и послѣ онаго осмотрѣлъ церковь и дома, и 26-го числа возвратился къ тѣмъ же Чукчамъ. Послѣ угощенія ихъ чаемъ, опять проповѣдывалъ вѣру во Христа, и, принявшихъ оную крестиль; на другихъ же никакія убѣжденія мои, къ сожалѣнію, не подѣйствовали.

Послѣ предложенныхъ въ слѣдъ за крещеніемъ поученій новопросвѣщеннымъ, четыре четы обвѣнчалъ и хотѣлъ было отправиться далѣе; но старѣйшина лагеря заставилъ меня остановиться у нихъ и почевать. Причина тому была слѣдующая: когда я началъ собираться въ путь, онъ, сидя въ моей палаткѣ, обратился ко мнѣ, какъ бы оскорбленный, съ такими словами: «если бы я услышалъ, что ты проѣхалъ мимо меня, мнѣ не было бы ни стыдно, ни обидно, а теперь, когда ты пріѣхалъ ко мнѣ и уѣдешь отъ меня ни съ чѣмъ, мнѣ будетъ стыдно,—я послалъ уже людей пригнать табунъ.» Замѣтивши, что отвѣтъ мой, выразившій мою благодарность ему за его ко мнѣ радушіе, для него не былъ удовлетворителенъ, я, чтобы не оскорбить еще болѣе дикаря, почелъ за лучшее переночевать у нихъ. Конечно, обычай гостепріимства одобрителенъ, но только подарки Чукчей обходятся слишкомъ дорого. Не принять отъ нихъ подарка, значитъ сильно оскорбить дикаря, а и примешь не порадуешься. Тутъ-то и начнутся у нихъ просьбы, которымъ пожалуй, не будетъ и конца, пока не уѣдешь. Такъ и случилось. Только что успѣлъ я изъяснить согласіе на остановку, радушный Чукча, не смотря на полученные имъ раньше подарки, началъ просить и табакъ, и сахаръ леденецъ, и желѣзные издѣлія и проч. и проч. По неволѣ отдашь имъ все просимое за жертву ихъ добродушія, для того лишь, чтобъ не оскорбить ихъ и не заслужить ихъ нерасположенія. Послѣднее очень легко можетъ случиться, потому что всѣмъ просьбамъ ихъ нельзя вполнѣ удовлетворить.

Въ полночь табунъ былъ пригнанъ, и какъ только я всталъ, старѣйшина вошелъ въ мою палатку и поднесъ мнѣ двѣ оленьихъ шкуры. Мнѣ сейчасъ пришло на мысль, что я очень хорошо съ нимъ расплатился. Поблагодаривши за подарокъ, я вышелъ изъ палатки и у-

дивился странному зрѣлищу собравшихся вокругъ меня Чукчей. Всѣ лица, грудь, руки, ноги, въ особенности у женщинъ и дѣтей, при закланіи оленей, были вымазаны кровью. Люди въ такомъ видѣ, при особенномъ своемъ нарядѣ, показались мнѣ чудовищами. Я спросилъ чрезъ переводчика одного изъ Чукчей, что значить у нихъ этотъ обычай. Мнѣ отвѣтили, что это дѣлается въ предостереженіе отъ болѣзней самихъ себя и оленей.

Остановка моя не была, впрочемъ, напрасна. По распросамъ оказалось четверо Чукчей невѣнчанныхъ. Такъ какъ они еще мало понимаютъ это таинство, то я разъяснилъ имъ оное и обвѣнчалъ. Послѣ брака убѣждалъ оставить многоженство. Впрочемъ такія убѣжденія остаются почти недѣйствительны. Одни изъ Чукчей отзываются тѣмъ, что женщины необходимы имъ для шитья одежды, другіе, желая скрыть свои грѣхи, называютъ младшихъ женъ своими стряпками. Собравшись совсѣмъ въ путь, я сдѣлалъ новообращеннымъ и прежде крестившимся христіанамъ краткія необходимыя наставленія въ правилахъ вѣры и отправился по побережью морскому. Къ вечеру прибылъ на устье рѣки Баранихи. Здѣсь стояли двѣ юрты чукотскія и одна тунгусская. Чукча *Ааегуринъ* — хозяинъ лагеря встрѣтилъ меня съ радостію. Какъ только я спустился съ коня, первыя слова его ко мнѣ были: «я радуюсь, что ты пріѣхалъ ко мнѣ; давно уже я окрестился и молюсь Богу, но въ прошедшій разъ слышалъ отъ тебя, что не вѣнчаннымъ жить грѣшно, и не сказалъ тебѣ, что меня надо обвѣнчать: теперь обвѣнчай меня». Я похвалилъ его намѣреніе и откровенность и обѣщавшись исполнить его желаніе поутру. Чрезъ нѣсколько времени стали пить чай, за которымъ тотъ же Чукча спросилъ меня: «нѣтъ ли у тебя образа? если есть, то дай мнѣ его, мнѣ веселѣе будетъ въ праздники молиться Богу». Иконъ, которыя дѣйствительно нѣкоторые Чукчи очень желаютъ имѣть у себя, у меня не было, и я только могъ обѣщать выслать иконы, и тутъ же началъ учить ихъ правиламъ христіанской вѣры, рассуждалъ также о шаманствѣ и идолопоклонствѣ; всѣми мѣрами отклонялъ отъ челоуѣкоубійства, допускаемаго у нихъ въ случаѣ болѣзни ихъ родственниковъ. Конечно, случаи челоуѣкоубійства у Чукчей, живущихъ между рѣками Большою и Колымою,

весьма рѣдки; но чѣмъ дальше къ Носу, тѣмъ они чаще повторяются, хотя уже далеко не въ той мѣрѣ, въ какой повторялись до знакомства съ Русскими и просвѣщенія ихъ православною вѣрою.

Послѣ разговоровъ съ Чукчами я отпустилъ ихъ въ юрты. Впрочемъ сонъ не надолгое время прекратилъ мой дѣйствія. 28 іюля очень рано утромъ я всталъ, окрестилъ двоихъ дѣтей и, обвѣнчавши *Ааегургина*, поѣхалъ въ слѣдующій лагерь. Путь лежалъ опять по морскому берегу. Пройдя верстъ 40, мы достигли 3-хъ лагерей въ самомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго; я остановился во второмъ и велѣлъ собраться въ немъ всѣмъ Чукчамъ прочихъ лагерей. Когда всѣ собрались, некрещеныхъ оказалось 8 человекъ. Послѣ угощенія ихъ чаемъ и подарковъ крещенымъ, я сказалъ послѣднимъ, чтобъ они, хотя я хочу говорить язычникамъ о Богѣ, посидѣли вмѣстѣ и послушали слово Божіе. Чукчи согласились и мною рассказана была вся исторія В. и Н. завѣта отъ начала сотворенія міра. Всѣ какъ христіане, такъ и язычники дивились чудесамъ Иисуса Христа, и послѣдніе увѣровали въ Него, какъ въ Спасителя. Язычниковъ огласилъ, а крестить обѣщался на слѣдующій день. Послѣдніе часы вечера провелъ въ разговорахъ съ Чукчами о законахъ нравственныхъ и знакомилъ ихъ съ гражданскими. Отходя ко сну, просилъ своихъ гостей собраться утромъ пораньше. Они исполнили мое желаніе, и я не успѣлъ еще выпить чаю, какъ они уже явились. Чай былъ поданъ имъ; въ противномъ случаѣ они оскорбились бы. Послѣ угощенія, вторично преподалъ оглашеннымъ ученіе о Богѣ. Будучи убѣжденъ, что желаніе ихъ принять христіанскую вѣру и отречься отъ шаманской непоколебимо, я окрестилъ ихъ, а жившихъ безбрачно троихъ обвѣнчалъ. По окончаніи своего дѣла и пастырскихъ наставленій новопросвѣщеннымъ и новобрачнымъ сбрался въ путь. Не болѣе какъ верстахъ въ 15 разстоянія отъ мѣста моего выѣзда, я дошелъ до лагеря; но, къ удивленію моему, узналъ, что въ немъ нѣтъ почти никого, всѣ ушли къ главному на этой тундрѣ старѣйшинѣ Андрею Ятыргину, у котораго собрались Русскіе для отхода въ Нижнеколымскъ. Съ

пустымъ лагеремъ мнѣ дѣлать было нечего и я поѣхалъ къ Ятырину, до котораго отъ этого мѣста было не болѣе 5-ти верстѣ. Когда подѣхалъ къ юртѣ его, меня встрѣтилъ самъ онъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ русскомъ нарядѣ. Прочіе Чукчи окружали Ятырина, какъ начальника своего, заступающаго мѣсто Эрема, по отдаленности послѣдняго.

Здѣсь я рѣшился пробыть нѣсколько дней и дать отдыхъ лошадямъ, совершенно утомившимся отъ долговременнаго путешествія. Язычниковъ въ лагерѣ оказалось только четверо, и тѣ довольно приготовленные къ православной вѣрѣ, потому что Ятыринъ, какъ самый лучший изъ всѣхъ Чукчей христіанинъ, учитъ очень многихъ православной вѣрѣ. Изъ числа этихъ язычниковъ такой даже нашелся, который при входѣ въ юрту или полагъ, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, говорилъ порусски: «Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.»

Несмотря на это, поелику и времени на ученіе было довольно и Ятыринъ во всякій пріѣздъ мой любитъ слушать слово Божіе, я училъ ихъ въ продолженіе 30 и 31 чиселъ іюля.

Августъ. Въ предъидущіе дни каждое утро я приходилъ къ Ятырину и заставлялъ его на молитвѣ, но утро 1-го августа особенно порадовало меня. Онъ зналъ, что день этотъ праздничный; когда я вошелъ къ нему въ юрту, старецъ со всѣмъ своимъ семействомъ молился предъ иконою Спасителя, предъ которой зажжены были свѣчи. И я справедливо радовался, потому что не каждый и изъ давно просвѣщенныхъ, будучи въ отдаленіи отъ церкви, такъ дѣлаетъ какъ онъ. По окончаніи молитвы подошелъ ко мнѣ подъ благословеніе. Между тѣмъ въ это время, по моему распоряженію, все было приготовлено къ водоосвященію на р. Крестовой. На водоосвященіе собрались вмѣстѣ съ Русскими Чукчи со всего лагеря въ рускомъ нарядѣ. Во время освященія недавно просвѣщенные въ усердной молитвѣ, кажется, не уступали Русскимъ.

Послѣ обѣда я занимался разговоромъ съ однимъ Ятыринимъ; просилъ его не забыть ученіемъ и табунныхъ пас-

туховъ. Поводъ къ этому былъ слѣдующій: Чуванецъ, съ малолѣтства стерегущій оленье стадо Ятыргина, человѣкъ лѣтъ тридцати, давно уже незаконно жилъ съ одною Чукчанкою, отчасти его родственницею. Этотъ же Чуванецъ съ самаго младенчества до послѣдняго моего пріѣзда не былъ на исповѣди и въ знаніи вѣры оказался довольно слабымъ. Конечно подобныхъ инородцевъ, поселившихся въ чукотскихъ жилищахъ, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, включить въ число прихожанъ Чаунской церкви для болѣе вѣрнаго и удобнаго наблюденія за ихъ нравственнымъ состояніемъ.

2-го августа приготовленныхъ къ принятію православной вѣры окрестилъ и двоихъ обвѣнчалъ. Наконецъ хотя желаніе мое было посѣтить съ проповѣдію слова Божія дальнѣйшія чукотскія становища, но такъ какъ вожатый мой былъ человѣкъ неопытный, между тѣмъ холодъ наступалъ и Русскіе отправлялись въ обратный путь, то и я вмѣстѣ съ ними 3-го числа отправился въ Нижнеколымскъ, на пути къ которому того же 3-го числа подъ вечеръ выпалъ снѣгъ на $\frac{1}{4}$ аршина.

ОТЧЕТЪ ТОГОЖЕ МИССІОНЕРА О ПОѢЗДКѢ КЪ АНЮЙСКОЙ КРѢПОСТИ ВЪ 1861 ГОДУ.

Мартъ. По обязанности своего служенія въ Анюйскую крѣпость я отправился 1-го марта, для призванія Чукчей язычниковъ изъ мрака невѣдѣнія истиннаго Бога къ познанію Его и принятію православной вѣры.

Путь былъ трудный. Воды, выступавшія поверхъ льда во многихъ мѣстахъ, останавливали насъ не рѣдко на нѣсколько часовъ; и ночлегъ нашъ бывалъ на открытомъ воздухѣ. Кромѣ того намъ нужно было ѣхать по узкой полозницѣ юкагирскихъ нартъ, въ которую колымская нарта никакъ не помѣщалась и постоянно падала. Но всѣ эти трудности, какъ ни были тяжелы, мы, при помощи Божіей, превозмогли и вечеромъ 5-го числа достигли Анюйской крѣпости.

Въ крѣпости было уже не малое число Якутовъ, Юка-

гировъ и Русскихъ, по случаю голода въ Нижнеколымскѣ, пріѣхавшихъ сюда, для снисканія себѣ пищи, а вмѣстѣ и одежды у Чукчей. Но Чукчи еще не прибыли. Наконецъ 14-го числа въ полдень казакъ мой извѣстилъ меня, что какіе-то Чукчи подѣхали къ крѣпости налегкѣ. Спустя нѣсколько минутъ, дѣйствительно, вошелъ ко мнѣ помощникъ Эрема *Хотто* съ нѣкоторыми изъ своихъ сопутниковъ въ очень веселомъ расположеніи духа. Причина этому, конечно, та, что, онъ по окончаніи долговременнаго и многотруднаго своего странствованія, достигнулъ мѣста отдыха и увидѣлся съ Русскими

Пословица есть: «у кого сердце чѣмъ болитъ, тотъ о томъ и говорить». Такъ точно и у нихъ. Кочуя цѣлый годъ съ небольшими остановками отъ Берингова пролива до Анойской крѣпости и отсюда до Берингова пролива, для мѣны пушныхъ продуктовъ, они ни о чемъ такъ не заботятся, какъ о своей мѣнѣ. И потому самые первые ко мнѣ вопросы *Хотто* были: гдѣ русскіе купцы, есть ли у нихъ табакъ? и, въ добавленіе къ этому, нѣтъ ли повѣтрія? Послѣдній вопросъ для нихъ не маловажнѣе первыхъ. Стоитъ только сказать кому-нибудь изъ нихъ, въ особенности, болѣе дикому, что повѣтріе есть, то, пожалуй, многіе изъ такихъ, отъ страха и обратно уйдутъ. Любопытство ихъ было удовлетворено.

Во время разговора, всѣхъ гостей своихъ угощаль чаемъ, а послѣ чая одарилъ ихъ табакомъ, при чемъ просилъ *Хотто*, чтобъ онъ, какъ только прикочуютъ всѣ Чукчи, привелъ ко мнѣ язычниковъ для убѣжденія ихъ къ принятію православной вѣры. Онъ обѣщался непременно исполнить мое желаніе, только съ тою оговоркою, что сдѣлать это онъ можетъ лишь въ своемъ лагерѣ, а на дикарей въ прочихъ лагеряхъ не имѣетъ никакого вліянія. Тамъ, сказалъ онъ, есть свои старѣйшины, которые меня не послушаются,—и вслѣдъ за этимъ отправился отъ меня отыскивать мѣсто для своего стойбища.

Послѣ *Хотто* прикочевалъ къ крѣпости и посѣтилъ меня также помощникъ Эрема, почтенный Чукча Андрей Ятыргинъ. Онъ привелъ ко мнѣ съ собою одного язычника и просилъ меня окрестить его. Я благодарилъ Ятыргина за его усердіе къ вѣрѣ и, вслѣдъ за угощеніемъ всѣхъ

ихъ чаемъ, преподавъ не крещенному ученіе о Богѣ, понятіе о христіанской вѣрѣ, и для большаго утвержденія его въ ней, велѣлъ придти ко мнѣ на другой день. Онъ исполнилъ мое желаніе, и какъ только явился, я опять занялся оглашеніемъ его, и убѣдившись въ сердечномъ его желаніи принять православіе, окрестилъ и за крещеніемъ другаго Чукчу обвѣнчалъ, разъяснивъ послѣднему правила христіанскаго супружества.

Такъ какъ Чукчи собирались весьма медленно и, кромѣ упомянутыхъ никого еще не было, то я 17-го числа и отправился къ звавшимъ меня къ себѣ въ гости *Хотто* и *Ятырину*. Тотъ и другой приняли меня весьма ласково и радушно. У Ятырина я ночевалъ и тѣмъ самымъ доставилъ ему удовольствіе не малое. Тотъ и другой угощали меня всегда сладкими кореньями и сырою мерзлою рыбою, называемою во всей, кажется, Якутской области строгониною. Въ первый годъ моего пріѣзда къ нимъ, они, бывало, угощали меня оленьимъ мясомъ и оленьими языками, и это было въ Великій постъ. Я, конечно, отказывался и этимъ самымъ доставлялъ имъ нѣкоторое неудовольствіе. Но когда узнали отъ меня церковныя правила о постѣ, то перестали предлагать мнѣ мясо, а стали угощать меня, какъ я выше уже и сказалъ, кореньями и рыбою.

Утромъ 18-го марта отъ Ятырина я отправился въ крѣпость, гдѣ узналъ, что чукотскій Тоёнъ Амравгуринъ и многіе изъ оленныхъ Чукчей прикочевали. Я весьма обрадовался этому, въ надеждѣ, что свою обязанность могу исполнить безъ препятствій до пріѣзда купцовъ.

Тоёнъ по пути заѣхалъ ко мнѣ и напился чаю. При отъѣздѣ на свое стойбище, онъ просилъ меня къ себѣ и сказалъ при этомъ, что онъ, какъ только поставитъ свои юрты, обвѣдетъ всѣхъ Чукчей и велитъ имъ собраться ко мнѣ. Онъ сдержалъ свое слово. 19-го числа въ полдень я увидѣлъ, что Тоёнъ пришелъ въ крѣпость, окруженный многочисленною толпой народа. Тутъ были и мужчины и женщины всякаго возраста и дѣти. Мужчины всѣ вошли ко мнѣ, а женщины съ дѣтьми остались внѣ дома, усѣвшись на своихъ санкахъ. Тоёнъ, войдя ко мнѣ, сказалъ: «я привелъ къ тебѣ крещенныхъ и не

крещенныхъ, учи ихъ и дѣлай, что знаешь». Я изъявилъ ему благодарность за его стараніе, велѣлъ имъ всѣмъ, гдѣ и какъ могутъ, садиться, внѣ дома оставшимся некрещенымъ женщинамъ войти и началъ учить ихъ. Ученіе мое продолжалось, по крайней мѣрѣ, часа три или четыре, и когда кончилось, я спросилъ утомленныхъ своихъ слушателей: всѣ ли некрещенные желаютъ принять православную вѣру? Они отвѣтили мнѣ: «всѣ». Одна старуха по имени Чейгуга сказала при этомъ: «мы рѣдко сюда ходимъ и не знали прежде того, о чемъ ты теперь говорилъ намъ; а еслибы знали, то, можетъ-быть, и раньше бы окрестились». При послѣднихъ словахъ вошелъ ко мнѣ Хотто и, послѣ привѣтствія: здравствуй, спросилъ меня: «будешь ли ты сего дня крестить моихъ? я собралъ ихъ». Такъ какъ время клонилось уже къ вечеру, то я и просилъ его привести этихъ язычниковъ поутру. Хотто согласился и завелъ разговоръ съ тоёномъ. Поговоривши нѣсколько минутъ между собой, они оба обратились ко мнѣ какъ бы съ жалобой на Американцевъ. Тотъ и другой рассказывали, будто бы Американцы до того препятствуютъ Носовымъ Чукчамъ въ промыслѣ тюленей, что лишаютъ ихъ пищи, одежды и обуви, сильно останавливаютъ мѣну ихъ табака на пушные продукты съ Каргаулями, наконецъ, выходятъ на берегъ къ Чукчамъ, выставляютъ имъ вино бочками, и послѣдніе до того напиваются, что въ пьяномъ азартѣ рѣжутъ другъ друга до смерти, или просто умираютъ отъ чрезмѣрнаго употребленія вина. Послѣ чая Чукчи разошлись. Между тѣмъ, при отходѣ ихъ отъ меня, я просилъ оглашенныхъ придти ко мнѣ поутру. Они пришли на другой день 20 марта вмѣстѣ съ язычниками изъ лагеря *Хотто*.

Вчерашнее ученіе мною было повторено имъ. Наканунѣ слушавшіе оное, будучи убѣждены въ истинѣ пропо-вѣдуемаго, изъявили желаніе креститься. Желаніе ихъ я съ радостію исполнилъ, будучи и самъ убѣжденъ въ искреннемъ ихъ сознаніи своего заблужденія. Послѣ крещенія, двоихъ Чукчей обвѣнчалъ. Носовыхъ же просилъ еще послушать слово Божіе на слѣдующій день. Они не противились моему желанію, пришли и, по выслушаніи необходимаго къ просвѣщенію ученія, были крещены. Въ

числѣ ихъ былъ 15-ти-лѣтній сынъ Каргаульки — Іаковъ *Капэ*.

Въ тотъ же день было у меня собраніе раньше про-свѣщенныхъ Чукчей. Изъ нихъ человекъ около 25-ти, вслѣдствіе моихъ убѣжденій, рѣшились говѣть; но, къ прискорбію моему, пріѣхали купцы и большая часть принявшихъ благое намѣреніе оставили оное, бывъ увлечены заботами житейскими. 24 марта къ вечеру пришли на исповѣдь только 8 человекъ. Съ ними я занялся бесѣдою о благочестіи христіанскомъ и таинствѣ Покаянія, а послѣ того исповѣдалъ всѣхъ. 25 числа въ день Благо-вѣщенія, предъ литургією исповѣдавшимся разъяснилъ великое таинство Евхаристіи, котораго и сподоблены были они.

Въ этотъ же день, во время посѣщенія мною г. колымскаго исправника Анатовскаго, я узналъ отъ него, что мнѣ нужно будетъ приводить къ присягѣ Чукчей на подданство ихъ Россіи, и тутъ же я имѣлъ удовольствіе прочитать означенную присягу въ переводѣ ея на чукотскій языкъ. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ оказался неудовлетворительнымъ. Исправивъ его, по указанію нѣкоторыхъ почтенныхъ Чукчей, я 29 и 30 числа привелъ къ присягѣ 5 человекъ, изъ которыхъ двое согласились на это по сильному убѣжденію моему.

Апрѣль и май. Въ Нижнеколымскѣ, по пріѣздѣ 2 апрѣля изъ Анюйской крѣпости, я пробылъ только 13-ть дней, и, не успѣвши, какъ слѣдуетъ, устроить свои домашнія дѣла, рѣшился отправиться на двухъ нартахъ на Шелагскій мысъ съ сильнымъ желаніемъ простираться и далѣе онаго. Послѣ необыкновенныхъ трудностей, на Шелагскій мысъ мы прибыли 1-го мая. Остановившись на мѣстѣ чукотскаго стойбища, я удивился малому количеству чукотскихъ юртъ; ихъ было только три, — въ 5, 6 и 7 разъ менѣе противъ прежнихъ годовъ. Мнѣ захотѣлось узнать о причинѣ такой перемѣны и мой проводникъ Ѳедоръ Лыкчинъ, который переговорилъ уже объ этомъ съ Чукчами, сказалъ мнѣ, что Чукчей здѣсь было много, но они всѣ почти укочевали вдаль къ Чукотскому Носу и къ табуннымъ Чукчамъ, по причинѣ существующаго и въ настоящее время голода. Я при этомъ воз-

благодарилъ Господа, внушившаго мнѣ на пути заѣхать на Чаунъ и запастись тамъ хотя скуднымъ насущнымъ пропитаніемъ. Велѣлъ проводнику моему убрать нарту въ юрту, зная привычку здѣшнихъ Чукчей къ воровству, и пошелъ къ почтенному Чукчѣ *Нанелю*. Самъ онъ былъ въ отлучкѣ, дома была одна жена его; она приняла меня очень ласково. Усѣвшись въ полагѣ, я спросилъ хозяйку о положеніи Чукчей за Шелагскимъ мысомъ. Она сказала мнѣ, что положеніе ихъ такое же, какъ и здѣсь. Послѣ словъ ея, мнѣ нельзя уже было думать о дальнѣйшемъ путешествіи какъ по этому самому, такъ и по позднему времени. При мысли объ опасности, которая, при подобномъ положеніи Чукчей, можетъ встрѣтиться и съ нами, я началъ думать о томъ, какъ бы скорѣе исполнить свою обязанность только на Шелагскомъ мысѣ и благополучно совершить обратный путь. Два обстоятельства еще болѣе укрѣпили меня въ послѣдней моей мысли. Когда я пилъ чай, ко мнѣ мой вожатый вошелъ съ вѣстью, что Чукчи украли изъ моей нарты половину изъ всего оставшагося для меня запаса. Они сдѣлали это, отчасти по привычкѣ, а болѣе, кажется мнѣ, по крайности. Я, вмѣсто досады, только засмѣялся при вѣсти о кражѣ. Но изъ другой юрты Чукча, пившій со мною чай, тотъ самый Чукча, который, въ первый годъ моего посѣщенія Шелагскаго мыса, спрашивалъ меня объ русскомъ Царѣ, до того устыдился дерзкаго поступка своихъ сосѣдей, что пришелъ въ какой-то дикій, показавшійся мнѣ страшнымъ, азартъ и, несмотря на свою престарѣлость, съ сильнымъ крикомъ выскочилъ изъ полага съ приказаніемъ обыскивать всѣхъ. Его дѣйствіе увѣнилось успѣхомъ; большая часть украденнаго была мнѣ возвращена, а остальное вѣроятно, по крайности, давно уже съѣдено. У меня сидѣлъ Чукча, пріѣхавшій съ женою на Шелагскій мысъ въ гости къ своимъ родственникамъ изъ-за острова. Я спросилъ его: дѣлаютъ ли у васъ такъ, какъ сейчасъ со мною сдѣлали эти Чукчи? Онъ сказалъ, что прежде и у насъ такіе люди бывали, только весьма рѣдко, а нынѣ почти вовсе ихъ нѣтъ; потому что мы худыхъ людей проучиваемъ.

Не менѣе обезпokoило меня другое обстоятельство:

когда русскіе обѣдали и обѣдки отъ пищи бросали собакамъ, то голодные Чукчи, отгоняя собакъ, эти обѣдки подбирали сами и ѣли ихъ.

Послѣ чая и закуски я приступилъ къ своему дѣлу, — началъ спрашивать Чукчей о ихъ жертвоприношеніи и шаманствѣ, и услышалъ, что они приносятъ жертвы и солнцу, и землѣ, и морю, шаманятъ для того, чтобъ узнать отъ духа, благополученъ ли, напримѣръ, будетъ предпринимаемый ими какой-нибудь путь, въ которую сторону они должны идти, гдѣ остановиться лагеремъ, гдѣ положить или сожечь умершаго и т. п. Послѣ этого я спросилъ (какъ и всегда дѣлаю это, замѣтивши, что подобные вопросы сильно дѣйствуютъ на Чукчей) того Чукчу, который сообщилъ мнѣ эти свѣдѣнія: кто же сотворилъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, въ пустотѣ нами видимые и ничѣмъ не поддерживаемые? Кто сотворилъ землю, море, звѣрей, рыбъ и проч.? Разъяснивши ходъ размноженія рода человѣческаго отъ одной четы и этимъ самымъ доведя его до перваго человѣка, опять спросилъ: кто сотворилъ и послѣдняго? Вѣдь все это само собою произойти не могло! На эти вопросы онъ отвѣтилъ (какъ всѣ и всегда отвѣчаютъ): не знаю. Тутъ я и началъ уже доказывать имъ бытіе Божіе, говорилъ о сотвореніи Ангеловъ, міра и человѣка, о паденіи послѣдняго и промыслѣ Божіемъ о немъ, объ обѣтованіи Искупителя и проч., однимъ словомъ — рассказалъ исторію В. и Н. Завѣта.

При рассказѣ моемъ вниманіе Чукчей было напряженное. Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ окончанія своей проповѣди, я спросилъ ихъ: не желаютъ ли они принять русскую вѣру? Чукчи съ радостію и преданностію изъявили на это свое согласіе. Не малое желаніе креститься изъявилъ и пріѣхавшій изъ-за острова Калючи. Но Чукча, вступившійся за воровство моей провизіи, сказалъ мнѣ: «ты крести только нашихъ, а его не крести; хотя онъ и сильно желаетъ теперь креститься, но уѣхавши отсюда, между своими русскую вѣру онъ забудетъ». Умную рѣчь хорошо и слушать. Я согласенъ былъ съ нимъ.

Утромъ 2-го мая я опять долго занимался оглашені-

емъ язычниковъ, и когда убѣдился въ ихъ нелицемѣрномъ желаніи воспріять православную вѣру, окрестилъ ихъ, числомъ 7 человекъ; а Чукчѣ, пріѣхавшему изъ-за острова Калючи, сказалъ, что я окрещу его виѣстѣ съ женою тогда, когда пріѣду къ нимъ. При этомъ онъ просилъ меня, чтобъ я не ѣздилъ туда только осенью, потому, сказалъ онъ, что ему къ тому времени не дойти до своего мѣста. Я сказалъ ему на это, что для такого путешествія осеннее время и мнѣ совершенно неудобно.

3-го числа я отправился въ обратный путь и въ Нижнеколымскъ пріѣхалъ 12-го числа.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ПРИ МОСКОВСКОЙ ВАСИЛЕКЕСАРІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

Годъ исполнился тому, какъ при нашей Василіекесарійской церкви открыто попечительство. Въ 1864-мъ году обнародованъ былъ Высочайшій Указъ, которымъ было дозволено открывать при православныхъ церквахъ братства или попечительства. Желаніе уничтожить безпорядки, усилившіяся и въ церкви нашей, и въ училищѣ, и въ богадельнѣ, находящейся при церкви, побудило меня поспѣшить открытіемъ при церкви попечительства. Мое намѣреніе въ началѣ принято было прихожанами нашей церкви съ сочувствіемъ, вслѣдствіе котораго всѣ почти лучшіе прихожане подписали прошеніе къ Его Высокопреосвященству о дозволеніи открыть при церкви попечительство. Въ слѣдующемъ 1865-мъ году въ іюлѣ мѣсяцѣ послѣдовало разрѣшеніе на открытіе онаго; но по встрѣтившимся препятствіямъ я исполнить сего не могъ до іюня мѣсяца 1866 года. Такъ какъ ни одно доброе дѣло большею частію не совершается безъ препятствій, то и открытіе попечительства при церкви нашей совершилось послѣ одолѣнія многихъ препятствій. Нашлись люди, которые благой цѣли учрежденія попечительства дали превратный смыслъ, что имѣло сильное вліяніе на большин-

ство нашихъ прихожанъ. Трижды были созываемы мною прихожане для совѣщанія о времени открытія попечительства, и трижды въ большинствѣ ихъ видѣлъ я нежеланіе и боязнь приступить къ открытію онаго. Изъ множества прихожанъ при нашей церкви только шесть человекъ вполне поняли мое благое намѣреніе и изъявили готовность послужить Церкви и обществу своимъ трудомъ и участіемъ въ дѣлахъ ихъ. Несмотря на то, Высокопреосвященнѣйшій Владыка благословилъ меня и съ симъ малымъ числомъ прихожанъ открытъ при церкви попечительство въ надеждѣ, что со временемъ къ нимъ присоединятся и другіе прихожане. Днемъ открытія былъ избранъ день воскресный, 12-е число іюня 1866 года. Послѣ поздней литургіи, за которою сказано было мною поученіе о вождельныхъ плодахъ, могущихъ произрасти для Церкви и общества отъ попечительства, и послѣ совершенія молебствія ко Господу Богу о ниспосланіи Своего благословенія на это малое общество, въ зданіи училищномъ было открыто попечительство написаніемъ и подписаніемъ протокола о намѣреніяхъ членовъ онаго начать свои дѣйствія въ непродолжительномъ времени. Въ первое время собранія попечительства были дважды въ мѣсяцъ—въ началѣ и половинѣ мѣсяца. Всѣхъ собраній въ продолженіе года было девятнадцать. Собранія бывали обыкновенно вечеромъ отъ 6 часовъ, въ дни свободные отъ торговыхъ занятій. Обязательствъ къ пожертвованіямъ для членовъ никакихъ не было положено.

Въ скоромъ времени послѣ открытія попечительства къ числу членовъ присоединились еще три прихожанина. Такимъ образомъ всѣхъ членовъ въ попечительствѣ, включивъ въ то число священнослужителей и церковнаго старосту, было 12. Руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ Высочайше утвержденнымъ «Положеніемъ о попечительствахъ при православныхъ церквахъ», попечительство большинствомъ голосовъ избрало изъ среды себя предсѣдателя, коллежскаго асс. Вен. Всеволодовича Кашкадамова (Честь сію, вначалѣ предложенную попечительствомъ мнѣ, я отклонилъ отъ себя). Потомъ озаботилось составленіемъ списка прихожанъ имѣющихъ право голоса въ общихъ собраніяхъ; вносить въ сей списокъ попечитель-

ствомъ положено было только православныхъ домовладѣльцевъ, каковыхъ по исповѣднымъ записямъ въ приходѣ нашемъ оказалось 78. Списокъ сей, по разсмотрѣніи попечительствомъ, утвержденъ подписью десяти лучшихъ прихожанъ и прочитанъ въ церкви въ день воскресный послѣ ранней литургіи. Такимъ образомъ общія собранія прихожанъ на будущее время будутъ изъяты отъ присутствія въ нихъ людей, которые, временно проживая въ нашемъ приходѣ, доселѣ свое участіе въ разсужденіи о дѣлахъ, касающихся прихода, заявляли большею частію только крикомъ. Послѣ сего попечительство приступило къ занятіямъ предметами, касающимися церкви, богадѣльни, училища, бѣдныхъ прихожанъ и причта. Насколько для нихъ были благотворны дѣйствія попечительства въ первый годъ его существованія, это можно видѣть изъ прилагаемаго при семъ отчета.

1. Дѣйствія попечительства на пользу церкви.

Попечительство первымъ предметомъ своихъ занятій поставило храмъ Божій. Чтобъ имѣть надлежащія свѣдѣнія касательно построенія храма и имѣющихся въ немъ вещей, разобраны находившіеся въ ризницѣ документы, которымъ составлена краткая опись въ особой шнуровой гнигѣ. Послѣ приведенія въ порядокъ бумагъ, касающихся церкви и принадлежащихъ ей зданій, каковы лавки, попечительствомъ пересмотрѣна была церковная ризница: облаченія священнослужителей, напрестольная одежды, воздухи, пелены. Вещи, довольно ветхія, отобраны и назначены къ пожертвованію въ бѣдныя сельскія церкви. На кружкахъ, стоявшихъ у образовъ, сдѣланы надписи, показывающія цѣль учрежденія оныхъ. Къ имѣющимся въ церкви кружкамъ прибавлена еще кружка съ надписью: «въ пользу бѣдныхъ прихожанъ». Всѣ сіи кружки поставлены въ одномъ видномъ мѣстѣ; пересмотрѣны всѣ богослужебныя книги, изъ коихъ очень ветхія замѣнены новыми, а годныя къ употребленію исправлены починкою и приведены въ благолѣпное состояніе. Ветхія сѣдалища священническія въ олтаряхъ замѣнены новыми благообразными; каменные неудобныя мѣста въ храмѣ для женскаго пола, замѣнены обширными деревянными, ограж-

денными рѣшетками; во всей церкви устроены новыя дубовыя рамы; узкія лѣстницы, ведущія на колокольню, замѣнены новыми, очень удобными; при входѣ въ храмъ съ лѣвой стороны крыльца устроены очень красивый каменный кладязь для выливанія въ оный изъ купели воды, которая доселѣ выливалась на паперти въ отверстіе около стѣны храма; исправляется починкою обветшавшая каменная ограда около церкви; самый храмъ окрашенъ весь краскою очень пріятною для глазъ. Особенное вниманіе попечительства было обращено на правильное веденіе приходорасходныхъ церковныхъ книгъ. Попечительство постановило, чтобы при ежемѣсячномъ счетѣ церковныхъ суммъ присутствовалъ хотя одинъ членъ попечительства, что въ продолженіе года исполнялось въ точности. Предѣдатель попечительства присутствовалъ при каждомъ ежемѣсячномъ счетѣ и повѣркѣ церковной суммы. Вслѣдствіе такого вниманія къ церковнымъ интересамъ, въ продолженіи года, въ сундукъ церковный положено было болѣе шести тысячъ рублей серебромъ. Попечительство обратило вниманіе также на безпорядки и неблагочиніе, происходившіе во храмѣ при Богослуженіи во дни праздничные отъ многолюднаго стеченія народа. По ходатайству попечительства для соблюденія порядка и благочинія въ означенные дни являются къ Богослуженію въ церковь два или три полицейскіе служителя. Для уничтоженія въ церкви сырости и тѣсноты во дни праздничные, попечительство признало необходимымъ устроить въ церкви духовую печь вмѣсто нѣсколькихъ изразцевыхъ печей, которыя, несмотря на великое потребленіе дровъ, нагрѣвая только теплую церковь, не уничтожали въ ней сырости. Для сего членами попечительства освидѣтельствованы были опыты устроенія духовыхъ печей въ двухъ столичныхъ церквахъ по методѣ техника Влад. Карл. Вермана, и найдены очень удачными. Таковая печь по образцу освидѣльствованныхъ опытовъ въ настоящее время уже устраивается въ нашей церкви. Труды по смотрѣнію за работами и доставленіи рабочимъ людямъ матеріаловъ для стройки, согласно опредѣленію попечительства, приняли на себя три члена онаго: В. В. Кашкадамовъ, Ег. Егор. Какоринъ и Еф.

Егор. Какоринъ, которые своею неутомимою дѣятельностію и заботливостію о пользахъ церкви, своею опытностію въ постройкахъ заслуживаютъ величайшую признательность отъ всякаго благомыслящаго прихожанина, любящаго благолѣпіе дома Божія. Таковы были дѣйствія попечительства по отношенію къ церкви въ продолженіи года.

2) Дѣйствія попечительства на пользу приходской Богадельни.

Приходскую богадельню попечительство застало далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Въ зданіи богадельни помѣщаются девять бѣдныхъ старушекъ. Тѣснота, а отъ ней духота и сырость были всегдашними спутниками призираемыхъ. Самое содержаніе ихъ было очень скудное. Изъ двухъ сотъ рублей серебромъ процентной суммы, ежегодно получаемой съ билетовъ банка въ пользу богадельни, каждой изъ девяти богадѣльныхъ ежемѣсячно выдавалось по рублю серебромъ; на эту сумму богаделенныя, должны были пріобрѣтать себѣ и пищу и одежду; остальная сумма почти вся расходовалась на отопленіе и другія потребности богадельни. Каждая изъ живущихъ въ богадельнѣ имѣла свое отдѣльное хозяйство, что естественно служило причиною тѣсноты, нечистоты въ зданіи и многихъ неприяностей между богадѣльными.—Разсмотрѣвъ документы, касающіеся основанія и устройства богадельни, попечительство признало необходимымъ произвести слѣдующія перемѣны въ богадельнѣ: согласно волѣ жертвователей и правиламъ устава, утвержденнаго духовнымъ начальствомъ, завести одно общее хозяйство, общій столъ. Для сего одна изъ богадѣльныхъ сдѣлана старостихою, которой вмѣнено въ обязанность завѣдывать хозяйствомъ, наблюдать за чистотою и опрятностію въ богадельнѣ. Для уничтоженія тѣсноты въ богадельнѣ, попечительство изъ зданія занимаемаго богадельнею, удалило жившаго здѣсь нѣсколько лѣтъ училищнаго сторожа съ семействомъ его, а на мѣстѣ его помѣстили старостиху богадельни; воздухъ въ зданіи освѣжилъ устройеніемъ форточекъ въ окнахъ съ полуденной стороны. Чтобы усилить способы къ содержанію богаделенныхъ, попечительствомъ заведены

кружки, съ которыми богадельня стоятъ у дверей храма, и ходятъ по домамъ прихожанъ за священно-служителями во дни нарочитыхъ праздниковъ; устроена постоянная кружка въ пользу богадельни въ столпѣ съ правой стороны крыльца церковнаго. Кружки сіи послѣ каждаго 1-го числа мѣсяца мною со старостихою высыпаются и сумма записывается въ приходную книгу для богадельни. Послѣ такого распоряженія попечительства, средства къ содержанію богадельни значительно увеличились, а чрезъ то и попечительство имѣло возможность произвести значительное улучшеніе въ богадельнѣ. Со времени открытія попечительства по 1-е іюля 1867 года сдѣланы имъ слѣдующіе расходы по богадельнѣ: выдано богаделеннымъ въ руки 60 р. 20 к. с., израсходовано на провизію для богаделенныхъ 97 р. 62 к. с.; употреблено на приобрѣтеніе вещей, необходимыхъ для хозяйства, 58 р. 24 к. с.; всего въ продолженіе года израсходовано на богадельню 216 р. 6 к. сер. Отопленіе богадельни производилось на пожертвованія отъ прихожанъ. Несмотря на столь высокую цифру расхода, произведеннаго для богадельни, попечительство нашло способъ приобрѣсти для богадельни два банковыхъ 5% билета съ выигрышами (1866 г.), и положить въ церковный сундукъ еще наличной суммы 25 р. с. Съ 1-го ноября прошедшаго года богаделенныя имѣютъ очень приличный столъ въ обѣдъ и ужинъ, и получаютъ ежемѣсячно по 30 к. с. каждая на мелкіе расходы. Къ такому видимому улучшенію состоянія богаделенныхъ многіе изъ прихожанъ выразили свое сочувствіе различными пожертвованіями въ пользу богадельни. Такихъ пожертвованій, производимыхъ богаделеннымъ мукой, крупой, рыбой, мясомъ, чаемъ, платками, въ продолженіе года по 1-е іюля сего 1867 г. поступило болѣе, нежели на 70 р. с. Если средства для поддержанія богадельни не оскудѣютъ и въ слѣдующее время, то съ будущаго 1868 года попечительство имѣетъ въ виду оказывать пособіе богаделеннымъ въ устроеніи для нихъ одежды, обуви и произвести нѣкоторыя улучшенія въ самомъ зданіи богадельни. Таковую значительную перемѣну на лучшее попечительство произвело для богадельни въ первый годъ своего существованія.

3. Дѣйствія попечительства въ пользу приходскаго училища.

И для училища, основаннаго при нашей церкви по ходатайству моему еще въ 1863 мѣ году, дѣйствія попечительства были не менѣе благотворны. Въ училищѣ попечительство встрѣтило также не мало безпорядковъ. На 160 человекъ мальчиковъ было только два постоянныхъ учителя; въ отсутствіи учителей дѣти не рѣдко оставались безъ надзора; ученики и ученицы были принимаемы въ училище во всякое время, что слишкомъ затрудняло учителей въ обученіи ихъ; способа преподаванія въ училищѣ небыло однообразнаго; самое число предметовъ для занятій не было опредѣлено. Желая содѣйствовать успѣхамъ учениковъ, попечительство убѣдило церковнаго старосту, въ рукахъ котораго находятся средства къ содержанію училища, взять для мальчиковъ третьяго постоянного учителя изъ студентовъ семинаріи; а для надзора за дѣтьми въ отсутствіе учителей взять военнаго отставнаго служителя хорошей нравственности, которому, кромѣ смотрѣнія за дѣтьми, ввѣнено въ обязанность наблюдать за чистотою и опрятностію въ зданіи училищномъ; опредѣлено время принятія учениковъ и ученицъ однажды въ годъ съ 1-го іюня по 15-е Августа; составлена программа для преподаванія предметовъ въ училищѣ съ объясненіемъ самаго способа преподаванія; приведена въ порядокъ и умножена числомъ экземпляровъ книгъ училищная бібліотека; на пожертвованія членовъ попечительства переплетено болѣе 200 экземпляровъ училищныхъ книгъ; для чтенія учащимся въ училищѣ и прихожанамъ, по опредѣленію попечительства, съ нынѣшняго года выписываются четыре духовныхъ журнала: Душеполезное Чтеніе, Странникъ, Духовная Бесѣда и Воскресное Чтеніе. Кромѣ того стараніемъ попечительства пріобретена покупкою для училища за тысячу рублей серебромъ половина дома, коего одна половина еще въ 1863-мѣ году была отказана въ пользу училища по духовному завѣщанію умершею ямщицихою Гладковою. Такъ какъ въ училище наше поступаютъ большею частію дѣти бѣдныхъ родителей, которые не имѣютъ возможности купить

для дѣтей ни бумаги, ни книгъ ни перьевъ: то члены попечительства вынуждены были снабжать бѣдныхъ учениковъ и ученицъ и книгами, и бумагою, и перьями, и досками аспидными. Пожертвованія въ пользу училища были сдѣланы слѣдующими членами попечительства: Васил. Ѳедор. Камоловъ пожертвовалъ 5% банковый билетъ въ 100 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго употребляемы были на нужды училища; Вен. Всев. Кашкадамовъ пожертвовалъ деньгами 15 рублей и нѣсколько стопъ бумаги, нѣсколько сотъ перьевъ, грифелей, карандашей; Егоръ Егор. Какоринъ пожертвовалъ 5 стопъ бумаги, нѣсколько тысячъ перьевъ, нѣсколько десятковъ аспидныхъ досокъ и грифелей; Еф. Егор. Какоринъ пожертвовалъ деньгами 10 рублей и въ продолженіи осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ по два фунта въ мѣсяцъ сальныхъ свѣчъ для сторожа училищнаго; Иванъ Як. Тропинъ пожертвовалъ 50 аспидныхъ досокъ въ деревянныхъ рамкахъ; Гавр. Григор. Бардинъ пожертвовалъ болѣе ста экземпляровъ книгъ разнаго содержанія для снабженія оными бѣдныхъ учениковъ и ученицъ. Большаго для училища Попечительство сдѣлать не могло: не смотря на усиленное желаніе попечительства — уяснить для себя средства, заключающіяся въ доходахъ съ пожертвованныхъ домовъ въ пользу училища, которыми и содержатся оно, по встрѣтившимся затрудненіямъ попечительство не достигло своей цѣли; успѣха въ добромъ своемъ намѣреніи оно ожидаетъ въ непродолжительномъ будущемъ.

4. Дѣйствія попечительства въ пользу бѣдныхъ прихожанъ.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ на попечительство возложена обязанность изыскивать способы къ облегченію скорбной участи бѣдныхъ прихожанъ. Посему попечительство вскорѣ послѣ открытія озаботилось учрежденіемъ въ церкви особой кружки съ надписью: «въ пользу бѣдныхъ прихожанъ». Къ сожалѣнію, кружка сія мало привлекаетъ вниманіе прихожанъ, которые привыкли раздавать милостыню въ руки нищихъ, стоящихъ толпою на паперти храма. Попечительство со скорбію смотрѣло на безпорядки, нерѣдко производимые толпою

нищихъ при храмѣ; но уничтожить оныя не имѣло возможности по неимѣнію средствъ для оказанія пособій множеству бѣдныхъ. На первый годъ оно положило ограничиться оказаніемъ хотя малаго пособия тѣмъ изъ бѣдныхъ прихожанъ, которые преимущественно заслуживаютъ оное. Предъ праздникомъ Рождества Христова попечительствомъ роздано осьми бѣднѣйшимъ семействамъ по рублю серебромъ на каждое; а предъ праздникомъ Пасхи роздано 48 лицамъ, больнымъ, престарѣлымъ и малолѣтнымъ, по 50 копѣекъ серебромъ на каждое. Наличной суммы въ пользу бѣдныхъ къ 1-му іюля остается около 30 рублей серебромъ. Съ надеждою на помощь Божію попечительство не престаётъ изыскивать новые способы къ увеличенію средствъ въ пользу бѣдныхъ прихожанъ.

5. Дѣйствія попечительства въ пользу причта.

Попечительствомъ не оставлены безъ вниманія и священо и церковно-служители. Обративъ вниманіе на безмездные труды священно-служителей въ многолюдномъ приходскомъ училищѣ (болѣе 200 учениковъ и ученицъ) и вмѣстѣ на то, что изъ суммы, собираемой съ церковныхъ лавокъ, они не получаютъ никакой части, попечительство, узнавши о требованіи полиціею исправленія мостовой и строенія тротуаровъ противъ домовъ ихъ, выразило желаніе, чтобы расходъ по оному былъ возложенъ на церковь. Въ слѣдствіе сего епархіальнымъ начальствомъ разрѣшено причту Василиекесарійской церкви единовременно употребить на исправленіе мостовой и устроеніе тротуаровъ противъ домовъ ихъ до 500 рублей серебромъ, и ежегодно употреблять на починку мостовой до 50 рублей серебромъ.

Таковы были дѣйствія попечительства въ первый годъ его существованія «на пользу Церкви и чадъ ея», какъ сказано было Его Высокопреосвященствомъ въ резолюціи, положенной на прошеніи нашемъ объ открытіи попечительства. Насколько дѣйствія сіи были благотворны для Церкви и чадъ ея, судить о томъ предоставляю читателямъ. Я же съ своей стороны молю Господа Бога, да не охладѣетъ въ членахъ попечительства ревность

къ прохожденію добровольно возложенныхъ на себя высокихъ обязанностей служенія святой Церкви и обществу, да научатся изъ примѣра ихъ ревновать о пользахъ Церкви и общества и тѣ изъ членовъ нашей церкви, которые доселѣ не только не сочувствовали добрымъ предпріятіямъ попечительства, но и старались еще препятствовать исполненію оныхъ; да уразумѣютъ таковыя, что *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20), что любовь къ Богу доказывается *не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 18).

Священникъ Александръ Романовскій.

Іюля 8-го 1866 года.

ДЕНЬ ВО ВЛАДЫЧНЕМЪ МОНАСТЫРѢ, ПОДЪ СЕРПУХОВЫМЪ.

Въ настоящее время Серпуховскій Владычній (въ честь Владычицы нашей Богородицы) монастырь обращаетъ на себя особенное вниманіе: слухи о чудодѣйственной силѣ отъ гроба первостроителя этаго монастыря, Варлаама, келейника св. Алексія митрополита московскаго, привлекаютъ ежедневно большое стеченіе народа; исцѣленія слѣдуютъ за исцѣленіями, вся дорога до монастыря наполняется разсказами о нихъ.

Не распространяясь объ этомъ значеніи монастыря, обращающемъ на себя особенное вниманіе, мы бы желали передать читателямъ тѣ впечатлѣнія, которыя онъ произвелъ на насъ въ наше посѣщеніе его внутреннимъ своимъ бытомъ, подобный которому мы рѣдко встрѣчали въ какомъ-либо другомъ монастырѣ.

Монастырь основанъ, какъ говоритъ его лѣтопись, св. митрополитомъ Алексіемъ въ 1360 году, по гласу и повелѣнію Матери Божіей; въ 1806 году митрополитомъ Платономъ онъ былъ обращенъ изъ мужскаго въ дѣвичій. Много было невзгодъ для этого монастыря; онъ не разъ падалъ, приходилъ въ запустѣніе, но поддерживался добротными дателями и лептою мольщиковъ. Же-

лающимъ ознакомиться съ нимъ, въ его подробномъ историческомъ развитіи, мы рекомендуемъ недавно вышедшую книгу: *Историческое описаніе Серпуховскаго Владычняго монастыря*; здѣсь же обратимъ вниманіе на его настоящее, во многомъ очень интересное и достойное подражанія положеніе.

Съ 1861 года настоятельницею Серпуховской обители состоитъ игуменія Митрофанія (въ міру дв. Ея Импер. Величества фрейлина баронесса Прасковья Григорьевна Розень), вступившая въ 1852 году въ Алексѣевскій Московскій монастырь и перешедшая, по ея прошенію, въ 1857 году въ число сестеръ во Владычній Серпуховскій монастырь.

Со времени поступленія монастыря въ ея завѣдываніе, монастырь этотъ, не переставая быть христіанско-подвижническимъ учрежденіемъ, представляетъ трудолюбивую женскую общину, въ которой каждый членъ несетъ извѣстный опредѣленный трудъ или послушаніе. Въ каждомъ монастырѣ есть подобное, но не въ такихъ размѣрахъ.

Во время нашего посѣщенія Владычняго монастыря мы видѣли здѣсь аптеку, гдѣ вся рецептура и составленіе лекарствъ дѣлаются сестрами монастыря; мы видѣли лабораторію аптеки, которой завѣдываетъ монахиня; надъ аптекою помѣщается больница, гдѣ сестры являются по очереди сердобольными. При оной есть также пріемный покой для приходящихъ бѣдныхъ больныхъ, гдѣ получаютъ они помощь и лекарства бесплатно; рядомъ съ аптекою идутъ руководѣльныя мастерскія: живописная, капелла, золотошвейная, переплетная, портная, башмачная, пряльная, ткацкая и красильная; тутъ же не подалеку помѣщается свѣчная; во всѣхъ этихъ рабочихъ дѣйствующими лицами, работницами являются сестры обители. Кромѣ того, наемнаго труда въ монастырѣ нѣтъ вовсе; всѣ такъ называемыя черныя работы отправляются сестрами. На самой грани монастыря, въ воротахъ, всѣхъ встрѣчаетъ монахиня-привратница; завѣдываніе кухнею, погребомъ, пекарней, экономическою частію, садомъ, огородомъ, полевыми работами, пчельникомъ, скотнымъ дворомъ, все это распределено между сестрами и душой

всего этого является игуменія, настоятельница монастыря. Кромѣ общихъ заботъ, которыя налагаются этимъ званіемъ, и письменной части, она является и архитекторомъ: по ея указаніямъ, на примѣръ, строится въ настоящее время трехъ-этажная каменная гостинница и передѣлывается примыкающая къ ея кельѣ домовая церковь. Она же—учительница живописи; она также сама приводитъ въ порядокъ, соединяетъ и подбираетъ изъ мелкихъ лоскутковъ древнія принадлежащія монастырю грамоты и челобитныя. Кромѣ научнаго значенія, грамоты эти оказали и существенную пользу монастырю, возвратя въ его законное владѣніе землю, отчужденную отъ него мѣстными жителями. Она и библіотекарша, — приводитъ въ порядокъ и систему монастырскую библіотеку. Дѣятельный и энергичный характеръ игуменьи проявляется на каждомъ шагу и примѣръ этой дѣятельности видимо вліяетъ и на всѣхъ сестеръ общины. Въ послѣднее время ею открыты бесплатная монастырская школа, въ которой обучаются сестрами обители бѣднѣйшія дѣвочки окружныхъ крестьянъ, и монастырская книжная лавка, чего нѣтъ въ цѣломъ Серпуховѣ.

То и другое учрежденіе приноситъ очевидную пользу семействамъ бѣднѣйшихъ крестьянъ, распространяя грамотность въ мѣстахъ, гдѣ пріобрѣтеніе ея соединено съ неизчислимыми трудностями. Ученіе не ограничивается одною грамотою и письмомъ, но имѣетъ въ своей программѣ грамматику и ариеметику... Имѣющіе способности, и изъ крестьянскихъ дѣтей, могутъ также обучаться рукодѣльямъ, разумѣется, безъ взиманія за это платы, и со всѣми учебными пособиями отъ монастыря. Пѣніе преподается не только съ голоса, какъ это бываетъ обыкновенно, но предваряется основательнымъ изученіемъ чтенія нотъ и довольно обширнымъ знакомствомъ съ законами духовной музыки и вокализации. Вездѣ видна направляющая рука лица, получившаго основательное образованіе и перенесшаго въ монастырь изъ міра его лучшія блага—науку и искусство... Вообще разнообразіе практическихъ занятій въ соединеніи съ возвышающими душу духовными подвигами и постоянною отрадною молитвою пріятно поразило насъ въ русскомъ монастырѣ и мы

убѣдились, что и въ другихъ монастыряхъ съ пользою для спасающихся въ нихъ могли бы быть заведены подобныя порядки. Праздность и отсутствіе всякаго занятія, способнаго укрѣпить волю человѣка, особенно еще неукрѣпившагося на духовный подвигъ, вреднѣе всего дѣйствуетъ въ монастырской жизни.

Немудрено, что порядки Владычняго монастыря, окруженнаго народонаселеніемъ состоящимъ въ довольно значительномъ количествѣ изъ раскольниковъ, — имѣютъ своихъ противниковъ, — зависть и клевета пробираются и чрезъ монастырскія ограды; но несмотря на недоброжелательство людей, любящихъ видѣть вездѣ одно дурное, господствующій въ монастырѣ духъ истинной религіозности, могу сказать — даже строгаго пустыннаго общежитія, смѣлое отрицаніе дурнаго стараго въ монастырской жизни и замѣна его лучшимъ новымъ ручаются въ томъ, что монастырю предстоитъ близкая прекрасная будущность, если его направленіе пойдетъ по проложенной для него дорогѣ.

Къ чести монастыря должно сказать, что онъ не посылаетъ ни одной изъ своихъ сестеръ за сборами подаеній ни съ кружками, ни съ книжками. Всякій безъ труда согласится, что подобное послушаніе унижаетъ званіе монахини и что оно извинительно только въ безпомощномъ положеніи дальнихъ, бѣдныхъ, монастырей... Кромѣ того можетъ ли оно хорошо вліять на нравственность не говоря уже тѣхъ, на которыхъ оно падаетъ, но и на сестеръ остающихся въ оградѣ монастыря? Послѣднія, слушая разказы сестеръ возвратившихся изъ путешествій и такъ близко соприкасавшихся съ міромъ, разказы не только о семейной жизни, но и о жизни трактировъ и харчевень, въ которые нерѣдко заходятъ монахини за сборомъ, — загрязняютъ свою душу нечистыми впечатлѣніями. Во Владычнемъ монастырѣ, при ограниченности его средствъ, сборовъ такимъ путемъ не существуетъ, и никто не станетъ спорить, что это примѣръ достойный подражанія. Не могу умолчать и о томъ порядкѣ, который мы замѣтили во время богослуженія; самое многочисленство не нарушаетъ пустыннаго безмолвія, молиться здѣсь болѣе чѣмъ отрадно; богослуженія совершаются съ дол-

жнымъ благолѣпіемъ, чтеніе внятное и неспѣшное, напѣвъ превосходный, чисто-монастырской. Въ сестрахъ обители мы замѣтили особенную скромность и вниманіе къ молитвѣ; въ храмѣ нѣтъ никакой суеты; тишина и благоговѣніе сестеръ вліяютъ и на душу пришедшаго богомольца.

Владычній монастырь имѣетъ особое отношеніе къ Покровской общинѣ сестеръ милосердія, существующей въ Петербургѣ и состоящей подъ высокимъ покровительствомъ Великой Княгини Александры Петровны. Игуменья Митрофанія, въ тоже время есть начальница Петербургской общины, и кромѣ того сестры монастыря являются руководительницами сестеръ этой общины; изъ отчета о дѣйствіяхъ общины за 1866 годъ видно, что тамъ пребывало почти постоянно отъ десяти до двадцати сестеръ Владычняго монастыря. Кромѣ того игуменья и сестры Серпуховскаго Владычняго монастыря являются помощницами въ благоустройствѣ сельской общины сестеръ милосердія св. Маріи Магдалины въ Псковской губерніи Покровскаго уѣзда въ селѣ Буручахъ, состоящей подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Дѣятельность матери игуменьи Митрофаніи и сестеръ Владычней обители, имѣющая столь обширный кругъ, является достойною полного вниманія и сочувствія всѣхъ благомыслящихъ людей. И въ древнія времена Россіи монастыри являлись мѣстами, изъ которыхъ вышли первые лучи просвѣщенія; они были хранителями первыхъ русскихъ лѣтописей и историческаго преданія. Въ последнее время они уступили это исконное право свое учрежденіямъ науки, но и теперь монастыри могутъ и должны служить распространенію такъ необходимаго для Россіи народнаго образованія и вмѣстѣ быть челоуѣколюбивыми заведеніями. Это важная доля ихъ призванія... Нѣкоторые монастыри охотно и съ рвеніемъ исполняютъ его; изъ мужскихъ съ особеннымъ удовольствіемъ мы можемъ указать на Свято-Троицкую Сергіеву Лавру и на Николо-Угрѣшскій монастырь, подъ Москвою, гдѣ больница и школа своими размѣрами и приносимой ими пользой, заслуживаютъ полного вниманія. Настоятель этого монастыря отецъ архимандритъ Пименъ всевозможнымъ образомъ помогаетъ крестьянамъ, желающимъ обучиться

грамотѣ: онѣ снабжаетъ ихъ безмездно не только даровыми учебными пособиями, но подаетъ имъ также безмездно трапезу, а нуждающимся даже и обувь.

Владычній монастырь помѣщается въ живописной мѣстности, въ одной верстѣ отъ г. Серпухова; невдали отъ его ограды сливаются Нара и Ока; влѣво, какъбы въ полуверстѣ, виднѣется знаменитый Серпуховскій мостъ московско-курской желѣзной дороги. Въ настоящее время, по несогласіямъ правленія желѣзной дороги съ городомъ, временный воксаль московско-курской желѣзной дороги устроенъ въ двухъ верстахъ отъ Серпухова, гдѣ строится и каменный постоянный воксаль; а отъ воксала желѣзной дороги до монастыря считается версты три съ небольшимъ. Когда движеніе желѣзной дороги пойдетъ далѣе, Серпуховскій Владычній монастырь быть можетъ будетъ имѣть свою платформу и устроить плывучій чрезъ Нару мостъ. Такимъ образомъ, всякій имѣющій желаніе посѣтить эту во многомъ замѣчательную обитель, будетъ имѣть къ этому еще болѣе удобства, нежели въ настоящее время, хотя и теперь нѣтъ никакихъ препятствій къ посѣщенію оной: у станціи желѣзной дороги всегда имѣются наемные экипажи и чтобъ остановиться во Владычнемъ монастырѣ, нужно употребить только лишннихъ полчаса времени. Дорога ведущая въ монастырь очень хороша и пріятна. Новая гостинница монастырская открыта, какъ мы слышали, въ концѣ іюля сего года.

Н. С.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА СЪ СѢВЕРА

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Много уже писано о пользѣ путешествій къ святымъ мѣстамъ, и еще болѣе можно узнать изъ собственнаго опыта и наблюденій надъ поклонниками. Одни изъ нихъ (это большинство нашихъ православныхъ богомольцевъ) идутъ пѣшкомъ, несмотря ни на погоду, ни на дорогу,

перенося холодъ и жаръ, дождь и холодъ, несутъ послѣднюю свою трудовую копѣйку на свѣчу къ чудотворной иконѣ, или на елей въ лампаду къ ракъ угодника Божія, съ живою вѣрою и горячею молитвою. И многимъ изъ нихъ дается по вѣрѣ ихъ, какъ доказываютъ опыты благодати Божіей въ чудесахъ и исцѣленіяхъ, по молитвамъ чудотворцевъ, не оскудѣвающіе и въ наше время. Другіе посѣтители святыхъ мѣстъ, при другой обстановкѣ жизни и при любви къ исторіи отечества, имѣютъ, кромѣ молитвы, еще другую цѣль въ путешествіи: они стараются изучить дѣянія и подвиги тружениковъ Божіихъ, видѣть, если можно, самые незримые пути Промысла Божія, насаждавшаго, чрезъ избранныхъ Имъ дѣятелей, расадники вѣры и благочестія въ краяхъ пустынныхъ и безлюдныхъ. И этотъ второй видъ поклонниковъ (къ сожалѣнію теперь весьма малочисленный) также не лишень утѣшенія отъ всеблагаго Господа. Какъ человѣкъ, проведеншій нѣсколько минутъ въ комнатѣ, гдѣ приготавливаются ароматы, выносить съ собою благовонный запахъ, и долго сохраняетъ его при себѣ, такъ каждый изъ насъ (и мнѣ довелось испытать это неоднократно), посѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ сіяла и сіяетъ благодать Божія въ дивныхъ свѣтильникахъ Христовыхъ, какъ бы освѣжается душою, укрѣпляется въ вѣрѣ, становится (хотя на время) равнодушнѣе къ суетному міру и легче переноситъ невзгоды житейскія.

Давно уже хотѣлось мнѣ посѣтить сѣверный край Россіи—край, воздѣланный дивными подвигами, насажденный молитвами и слезами смиренныхъ рабовъ Божіихъ, спасшихся вдали отъ грѣшнаго міра и прославленныхъ Создателемъ міра. Почти всѣ они принадлежатъ къ одной великой семьѣ — духовному потомству великаго отца иноковъ и крѣпкаго заступника Русской земли, богоноснаго чудотворца Сергія. Духовные слѣды его мы увидимъ повсюду на пути отъ Лавры его до крайняго предѣла сѣвера, до «моря студенаго», какъ называли наши предки Сѣверный Океанъ съ его заливами. Въ Переславлѣ небольшой монастырь, основанный другомъ и собесѣдникомъ Сергія—преп. Димитріемъ Прилуцкимъ; тамъ же древній храмъ, въ которомъ Сергій принялъ рукополо-

женіе священства. Въ Ростовѣ Великомъ—родина Сергія. Близъ Ростова — обитель, для которой мѣсто избрано и благословлено Сергіемъ, по просьбѣ двухъ пустыльниковъ. Въ Ярославлѣ нельзя не вспомнить, что отсюда двинулись на очищеніе Москвы отъ Ляховъ рати Пожарскаго и Минина, того Минина, который получилъ вдохновеніе на подвигъ спасенія отечества отъ великаго отечестволюбца Сергія. Далѣе — на предѣлахъ ярославской и вологодской страны, разсыпаны по всему пространству непроходимыхъ нѣкогда дебрей, по теченію Нурмы, Обноры и Комелы, гнѣзда птенцовъ Сергіевыхъ — безчисленное множество обителей иноческихъ. За этою русскою Фиваидою — древній, благочестивый городъ Вологда, охраняемый заступленіемъ того же преп. Димитрія, который прежде подвизался въ Переславлѣ-Залѣскомъ и былъ собесѣдникомъ великаго аввы Радонежскаго. Отъ Вологды открываются двѣ дороги: одна на сѣверъ ведетъ къ Ледовитому морю, къ острову Соловецкому, гдѣ поселился Савватій, также принадлежавшій къ духовному потомству Сергія. Другая дорога, болѣе краткая, въ предѣлы Бѣлозерскіе; тамъ подвизались ученики того же дивнаго наставника, Кирилль и Ферапонтъ.

Недостатокъ времени по обстоятельствамъ семейнымъ заставилъ меня избрать послѣдній изъ этихъ путей.

Не стану говорить о быстромъ переѣздѣ отъ Лавры Сергіевой до Ярославля. За Ярославлемъ путешествіе измѣняется: вмѣсто прекраснаго шоссе предлежитъ простая дорога, по глинистой почвѣ изрытая дождями и наводненіями нынѣшней весны. Изъ Данилова, уѣзднаго города Ярославской губерніи, нужно было проѣхать еще одну станцію по большой дорогѣ ведущей въ Вологду и потомъ поворотить на проселокъ къ селу Воскресенскому на Обнорѣ, гдѣ былъ нѣкогда монастырь, основанный преп. Сильвестромъ, Обнорскимъ чудотворцемъ.

Мѣстность покрытая мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ напоминала, что здѣсь было начало необъятнаго Комельскаго лѣса, простиравшагося отсюда по всей южной полосѣ вологодской страны и далѣе на сѣверо-востокъ почти до самаго поморья. Въ эти дикія дебри, населен-

ныя одними звѣрями, приходили любители безмолвія, ставили свои хижины и полагали основаніе обителямъ иноческимъ. Прежде всѣхъ другихъ пустынножителей пришелъ въ здѣшній край преп. Сильвестръ и поселился на самомъ краю глухаго лѣса, не въ дальнемъ разстояніи отъ жилищъ человѣческихъ. Онъ получилъ духовное воспитаніе подъ руководствомъ преп. Сергія Радонежскаго и былъ однимъ изъ первыхъ по времени учениковъ великаго наставника. Окрестные поселяне долго не знали, что въ лѣсу поселился отшельникъ; но одинъ изъ нихъ, сбившись съ дороги, случайно увидѣлъ убогую келью, изъ которой вышелъ пустыжникъ, одѣтый въ рубище. Онъ рассказалъ путнику, что давно уже живетъ въ этой пустынѣ, питаясь травами и кореньями, и не желаетъ, чтобы знали объ немъ другіе. Въ первое время подвижникъ изнемогалъ отъ голода и не рѣдко лежалъ на землѣ отъ изнуренія силъ, но къ нему явился чудный мужъ, прикоснулся рукою и укрѣпилъ его.

Вскорѣ послѣ этого перваго посѣщенія, тотъ же поселянинъ вторично посѣтилъ подвижника и принесъ ему запасъ хлѣба; вслѣдъ за нимъ начали приходиться многіе за духовными совѣтами, а нѣкоторые рѣшились жить съ преп. Сильвестромъ и поставили себѣ кельи въ лѣсу. Когда число пустынниковъ увеличилось, Сильвестръ срубилъ деревянную церковь въ честь Воскресенія Христова и былъ первымъ игуменомъ новой обители, основанной прежде всѣхъ прочихъ въ томъ пустынномъ краѣ, и мирно преставился 25 апрѣля 1379 года.

Теперь нѣтъ уже здѣсь слѣдовъ прежнихъ дремучихъ дѣбрей; народонаселеніе довольно многолюдное истребило лѣса и на мѣстѣ ихъ развело нивы, зеленѣющіе луга и прекрасныя пастбища. Еще издали мелькаетъ бѣлый храмъ Воскресенскій на высокому холмѣ, окруженный новыми красивыми и уютными домами причта. Здѣсь радушно принялъ меня въ своемъ домѣ одинъ изъ двухъ священниковъ Воскресенскаго погоста, добрый и почтенный о. Алексѣй Братановскій. Немедленно пошли мы въ церковь. Храмъ каменный, сооруженный въ 1825 году, стоитъ на мѣстѣ деревянной Покровской церкви, первоначально построенной надъ гробомъ преп. Сильвестра. Храмъ

устроенъ весьма благолѣпно; въ восточной половинѣ его главный престолъ посвященъ Воскресенію Христову; по обѣимъ сторонамъ пристроены въ недавнее время два придѣла, изъ которыхъ одинъ южный посвященъ памяти преп. Сильвестра. Въ западной зимней половинѣ церкви также два придѣла.

На южной сторонѣ главнаго храма почиваютъ подъ спудомъ многоцѣлебныя мощи чудотворца Сильвестра. На помостѣ церкви возвышается рака съ изображеніемъ преподобнаго. Подъ нею полъ прорѣзанъ; съ южной стороны ея отодвигается доска и въ это отверстіе виденъ гробъ съ св. мощами, не погребенный въ землѣ, но стоящій открыто въ деревянномъ склепѣ.

Четыреста семьдесятъ лѣтъ протекло со времени кончины угодника Божія, и деревянный гробъ, вмѣщающій въ себѣ сокровище мощей его, сохраняется цѣлымъ и невредимымъ! Мощи преп. Сильвестра прославлены многими чудотвореніями еще въ XVII в., но въ послѣдствіи времени, когда монастырь въ 1764 году былъ упраздненъ и храмъ его сдѣлался приходскимъ для нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, число богомольцевъ съ каждымъ годомъ стало уменьшаться. Окрестные жители почти позабыли бывшую обитель преп. Сильвестра; только въ день памяти его 25 апрѣля ежегодно совершался молебенъ передъ ракою чудотворца. Положеніе причта было весьма бѣдное въ приходѣ, состоящемъ изъ 193 душъ.

Но въ наши дни Господу угодно было вновь прославить память угодника своего. Въ 1860 году открылся неистощимый источникъ исцѣленій и другихъ чудесъ отъ гроба преп. Сильвестра. Я не стану утомлять васъ исчисленіемъ ихъ въ этомъ письмѣ; они извѣстны уже вамъ изъ превосходной статьи С. К. Смирнова (Душеполез. чтен. 1861 года ч. 3) и изъ епархіальныхъ вѣдомостей Вологодскихъ и Ярославскихъ за послѣдніе годы. Во время пѣнія молебна, я съ благоговѣніемъ размышлялъ о неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла Божія: теперь, когда многіе стремятся отрицать все недоступное чувствамъ тѣлеснымъ, здѣсь въ этомъ скромномъ сельскомъ храмѣ сотнями и тысячами источаются сверхъестественныя проявленія всемогущей силы Божіей, по молитвамъ угод-

ника Божія! Свѣдѣнія объ исцѣленіяхъ, тщательно повѣренныя и засвидѣтельствованныя, разносятся по всей землѣ Русской, къ обличенію невѣрія и утверженію вѣры.

Еще представлялась мнѣ одна утѣшительная мысль: только одинъ этотъ храмъ (какъ увѣрили меня въ Ярославлѣ) былъ сооруженъ вновь во время краткаго управленія ярославскою паствою преосв. Филарета, архіепископа Ярославскаго, нынѣ маститаго первосвятителя Московскаго, по благословенной его грамотѣ, выданной въ 1821 году. Здѣсь видимо просіяла благодать Божія и когда же? Не задолго до того дня, когда Москва, съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Промыслу Божію, готовится праздновать пятидесятилѣтіе епископства своего архипастыря, старѣйшаго изъ святителей Русскихъ.

Въ церкви Воскресенскаго погоста сохранилось нѣсколько древнихъ иконъ: икона Спасителя на убрусь съ старинною надписью: «сему образу молился преп. отецъ нашъ Сильвестръ;» три иконы преп. Сильвестра, изъ которыхъ одна, стоящая въ теплой церкви, отличается весьма искуснымъ древнимъ письмомъ и носится въ крестныхъ ходахъ; покровъ на раку съ изображеніемъ преп. Сильвестра, вышитый золотомъ и шелками, вкладъ «чорнаго старца Сильвестра въ домъ Сильвестру чудотворцу на Обнору въ 1664 году,» какъ видно изъ вышитой надписи.

Въ бывшемъ монастырѣ преп. Сильвестра находились, кромѣ Покровской церкви, еще двѣ: Воскресенская и Срѣтенская. Обѣ онѣ разобраны въ 1824 году за ветхостью. Вышедши изъ церкви съ о. Алексѣемъ, мы пошли на востокъ по прекрасному лугу, по склону холма, къ рѣкѣ Обнорѣ. Отсюда видъ превосходный. Подъ горою течетъ быстрая, прозрачная Обнора, памятная по историческимъ преданіямъ XV в. По этой рѣкѣ, какъ говоритъ лѣтопись, в. к. Василій Темный, преслѣдуя Шемяку, «ходилъ къ Николѣ на Обнору и воротился Обнорою назадъ да Костромю вверхъ». Налѣво видѣнъ храмъ Вознесенія Господня, прежде бывший Вознесенскій монастырь; за нимъ чуть мелькаетъ Никольская церковь на Высокомъ. Направо стоитъ храмъ того же

Святителя въ селѣ Кодоровѣ. На правомъ берегу Обно-ры, сквозь мрачный лѣсъ проглядываетъ верхъ высокой колокольни села Парфеньева, лежащаго на пути къ Ярославлю. Далѣе на семь пространствъ, испещренномъ горами, рощами и полянами, живописно раскинуты помѣщичьи усадьбы и привольныя селенія земледѣльцевъ. А за нѣсколько вѣковъ здѣсь были дебри непроходимыя! И все это воздѣлали неутомимыя руки людей Русскихъ, трудившихся всю жизнь въ потѣ лица своего! Мнѣ вспомнились слова покойнаго А. С. Хомякова:

И дебри топоръ вѣковыя просѣкъ.
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
Чего онъ не сможетъ? лишь быlobъ терпѣнье,
Да сила, да воля, да Божье хотѣнье.

На скатѣ горы скрывается въ кустарникахъ колодезь, вырытый преп. Сильвестромъ, который и до сихъ поръ источаетъ струи чистой и прохладной воды. Богомольцы съ благоговѣйною вѣрою почерпаютъ и пьютъ ее.

Было и еще три колодца, ископанные тѣмъ же подвижникомъ въ «заповѣдной» его рощѣ, но они пришли въ запустѣніе и иссохли. Заповѣдная роща разстилается на сѣверъ отъ церкви; въ нее удалялся преп. Сильвестръ, когда стали стекаться къ нему богомольцы знатные и простые. Здѣсь онъ совершалъ свои безмолвные подвиги и строго заповѣдалъ не рубить этой рощи. Въ 1645 году строитель Воскресенской обители іеромонахъ Іовъ пренебрегъ заповѣдь чудотворца и вздумалъ рубить рощу. За это онъ былъ наказанъ слѣпотою, отъ которой исцѣлился при гробѣ преп. Сильвестра. Съ того времени и донынѣ никто не смѣетъ срубить дерево въ заповѣдной рощѣ. Несмотря на то вѣковыхъ деревьевъ тамъ мало; сила времени истребила ихъ. Еще одинъ памятникъ земной жизни преп. Сильвестра, на западной сторонѣ отъ церкви, далѣе домовъ причта и прекрасной гостиницы устроенной для богомольцевъ,—часовня, поставленная на томъ мѣстѣ, куда чудотворецъ Сильвестръ выходилъ къ богомольцамъ изъ заповѣдной своей рощи. У этой часовни я простился съ почтеннымъ о. Алексѣемъ и отправился въ дальнѣйшій путь, чтобы посѣтить мѣста

подвиговъ преподобныхъ Павла Обнорскаго и Сергія Нуромскаго.

Путь лежалъ сначала по извилистой проселочной дорогѣ, потомъ по большой Архангельской, которая значительно улучшается, когда переѣдешь изъ Ярославской въ Вологодскую губернію. Мы проѣхали около 20 верстъ, но еще не видно было Павлообнорской обители. Вдругъ при спускѣ съ горы открылся предъ нами монастырь въ глубокой лощинѣ, сжатый со всѣхъ сторонъ отлогими горами: По срединѣ лощины протекаетъ рѣка Нурма. Она извиается около самыхъ стѣнъ монастырскихъ и далѣе въ 8-ми верстахъ сливается съ рѣкой Великушою, составляя вмѣстѣ съ нею рѣку Обнору, которая близъ города Любима впадаетъ въ рѣку Кострому. Съ вершины горы эта смиренная юдоль представляется весьма живописною: воды Нурмы собраны тутъ въ одинъ обширный прудъ; плотина и водяная мельница придаютъ мѣстности совершенно сельскій видъ, но самая обитель носить на себѣ отпечатокъ пустынный, мѣсто и теперь еще дико. Что же было тогда, когда эти горы покрыты были дремучими дубравами и населеніе въ окрестностяхъ монастыря было малолюдно? День склонялся къ вечеру. Внутри монастыря я не встрѣтилъ никого: вся почти братія вмѣстѣ съ настоятелемъ была на работѣ. Въ чистой и уютной комнатѣ монастырской гостиницы приняла меня старушка, астраханская уроженка; она ходила съ родины на богомолье къ Соловецкимъ чудотворцамъ. На обратномъ пути зашла она сюда и здѣсь усердно и безкорыстно служить богомольцамъ въ гостиницѣ. На утро я поклонился ракъ мощей преп. Павла, почивающаго подъ снудомъ въ церкви, посвященной его имени. Образъ его древняго письма, лежащій на гробницѣ, украшенъ серебряннымъ басменнымъ окладомъ; на ракъ издревле лежитъ мѣдный литой крестъ, длиною въ четверть аршина, тотъ самый, которымъ преп. Сергій Радонежскій благословилъ ученика своего Павла, когда отпускалъ его въ дремучіе лѣса сѣвера искать мѣсто для пустынножительства.

Одинъ изъ великихъ подвижниковъ XIV и XV в., преп. Павелъ родился въ Москвѣ въ 1317 году и въ ранней юности, отрекшись отъ міра, сдѣлался ученикомъ преп.

Сергія. Онъ трудился нѣсколько времени въ обители Троицкой, потомъ въ сосѣдствѣ провель 15 лѣтъ въ отшельнической кельѣ, въ лѣсу, подъ надзоромъ своего дивнаго наставника; наконецъ, ища совершеннаго безмолвія, удалился на сѣверъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, прожилъ три года въ дикомъ лѣсу Комельскомъ надъ рѣчкою Грязовицею въ дуплѣ старой липы. Въ 1414 году уже въ глубокой старости основалъ онъ, съ благословія св. митрополита Фотія, монастырь на берегу рѣки Нурмы. Здѣсь дивный подвижникъ достигъ глубокой старости—ста двѣнадцати лѣтъ, изъ которыхъ девяносто провель въ подвигахъ монашества. Блаженная кончина его послѣдовала 10 января 1429 г.

Прославленіе памяти преп. Павла чудесами отъ гроба его послѣдовало вскорѣ послѣ преставленія, а соборъ 1547 года причислилъ его къ лику святыхъ. Казанскіе Татары, за нѣсколько лѣтъ до паденія своего царства, сдѣлали послѣдній набѣгъ на сѣверный край Россіи; тогда многія пустынные обители, и въ томъ числѣ Павловъ монастырь, были разорены огнемъ и мечемъ. Здѣсь всѣ зданія были обращены въ пепелъ и многіе старцы замучены и убиты варварами. Спустя восемь лѣтъ послѣ разоренія обители, при копаніи рововъ для каменнаго храма надъ гробомъ преп. Павла, найденъ былъ гробъ блаженнаго основателя обители, нисколько не повредившійся. Игуменъ Протасій хотѣлъ освидѣтельствовать мощи, но угонникъ Божій, явившись ему, строго запретилъ касаться гроба и съ угрозою повелѣлъ задѣлать его. Воздвигнутая тогда (въ 1548 г.) каменная двухъэтажная церковь, съ престоломъ въ честь преп. Павла внизу, гдѣ почиваютъ мощи его, а вверху—во имя наставника его преп. Сергія, примыкаетъ къ соборному Троицкому храму, построенному въ 1505 году, иждивеніемъ великаго князя Василя Іоанновича. Здѣсь былъ великолѣпный древній иконостасъ, блиставшій серебряными окладами на древнихъ иконахъ; но онъ за сто лѣтъ сдѣлался добычею пожара. Уцѣлѣли только двадцать пять образовъ, которые находятся теперъ въ верхнихъ ярусахъ нынѣшняго иконостаса.

Въ обители сохранилось нѣсколько древнихъ иконъ превосходнаго письма: небольшой образъ преп. Павла,

писанный еще при жизни его преп. Діонисіемъ Глушицкимъ; образъ Богоматери—Одигитріи, особенно чувствешый окрестными жителями; иконы святителей: Василия Великаго, Григорія Богослова и Николая Чудотворца; всѣ онѣ украшены старинными серебряными окладами басменнаго дѣла.

Въ трапезѣ Павловской церкви хранится въ стеклянномъ футлярѣ остатокъ липоваго дупла, въ которомъ преп. Павелъ обиталъ три года по подобію пернатыхъ, вмѣстѣ съ ними славословя Отца Небеснаго въ необозримой дубравѣ. Нельзя безъ умиленія смотрѣть на эту необычайную келью дивнаго отшельника; внутри дупла около четырехъ аршинъ въ окружности. Благоговѣнно облобызалъ я это священное древо и просилъ удѣлить мнѣ хотя малѣйшую отъ него частицу, какъ бы въ благословеніе отъ самого преп. Павла. Просьба моя была исполнена почтеннымъ настоятелемъ монастыря.

Никогда не забуду я тѣхъ не многихъ часовъ, въ которые удалось мнѣ насладиться духовною бесѣдою о. игумена Іоасафа. Онъ началъ свое монашеское поприще въ Саровской пустынѣ, былъ ученикомъ и келейникомъ блаж. старца Серафима и съ горячею любовію воспоминаетъ о своемъ наставникѣ, котораго подвиги изданы имъ въ свѣтъ. Онъ сообщилъ мнѣ копію съ писемъ къ нему о. архимандрита Н...а, который въ молодости имѣлъ случай видѣть о. Серафима. Вотъ отрывокъ изъ этихъ писемъ.

«Еще въ молодости моей (пишетъ о. архимандритъ П...ъ), предъ окончаніемъ семинарскаго курса въ 1827 году, я жилъ въ августѣ мѣсяцѣ, по приказанію старца Божія о. Серафима, въ Саровской пустынѣ до трехъ недѣль, и въ теченіи этого времени неоднократно удостоенъ былъ келейной бесѣды о. Серафима, въ коей онъ говорилъ мнѣ: зачѣмъ ты хочешь идти въ монахи? вѣроятно, ты гнушаешься бракомъ.—Я на это отвѣчалъ: о св. таинствѣ брака я никогда не имѣлъ худыхъ мыслей; а желаю идти въ монахи съ тою цѣлію, чтобъ удобнѣе служить Господу. Послѣ сего старецъ сказалъ: «благословенъ путь твой! но смотри, напиши слѣдующія слова мои не на бумагѣ, а на сердцѣ:

1. Каждодневно выметай свою избу, да имѣй хорошій вѣ-
 никъ. 2. Станови утромъ и вечеромъ самоваръ да грѣй
 воду, подкладывая углей: ибо горячая вода очищаетъ тѣ-
 ло и душу (а). 3. Учись умной молитвѣ сердечной, какъ
 учать св. отцы въ Добротолубіи: ибо Иисусова молитва
 есть свѣтильникъ стезямъ нашимъ и путеводная звѣзда
 къ небу. 4. Учись творить молитву чрезъ поздрное ды-
 ханіе, съ сомкнутыми устами. Это искусство есть бичъ
 противу плоти и плотскихъ похотѣній. 5. Къ обыкно-
 венной Иисусовой молитвѣ прибавляй: «Богородицею поми-
 луй мя.» 6. Одна молитва вѣшняя недостаточна: Богъ
 внемлетъ уму, а потому тѣ монахи, кои не соединяютъ
 вѣшнюю молитву съ внутренней, не монахи, а черныя го-
 ловешки. 7. Бойся какъ геенскаго огня, галокъ намазан-
 ныхъ (суетныхъ женщинъ), ибо онѣ часто изъ воиновъ цар-
 скихъ дѣлаютъ рабами сатаны. 8. Помни, что истинная
 маптія монашеская есть радушное перенесеніе клеветы и
 напраслины: ибѣтъ скорбей, ибѣтъ и спасенія. Все дѣлай
 потихоньку и полегоньку и не вдругъ: добродѣтель не
 груша, ее вдругъ не съѣшь.

«Вотъ какой драгоценный совѣтъ данъ мнѣ богодухи-
 веннымъ старцемъ. Онъ для меня дороже всего на свѣ-
 тѣ. Старца Божія наставленія я, недостойный, приѣмлю
 паравиѣ съ наставленіями св. отецъ Аѳонскихъ и Си-
 найскихъ. Не сказалъ бы я сего никому, но ваше пись-
 мо заставило открыть то, что старецъ напечатлѣлъ на
 сердцѣ моемъ, и что, по смерти его, остается неизгла-
 димымъ въ душѣ моей».

«Во второй бесѣдѣ о. Серафимъ говорилъ мнѣ: я знаю
 твоего отца. Селеніе ваше и двѣ церкви съ колокольни-
 ми сгорятъ; а отцу твоему суждено выстроить новый
 каменный великолѣпный храмъ съ колокольнею, и съ
 двумя флигелями; къ западной сторонѣ будетъ флигель
 для бѣдныхъ; а послѣ вторичнаго пожара и ему самому
 придется въ одно изъ нихъ пожить».

«Все предреченіе старца Божія вполнѣ сбылось. Селе-
 ніе и церкви Божія сгорѣли въ 1828 году, а въ 40 го-
 дахъ былъ вторичный пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ домъ

(а) Въ первомъ наставленіи идетъ рѣчь вѣроятно о самоиспы-
 таніи, во второмъ о памяти смертной и слезахъ.

родителя моего, протоіерея Конобѣвскаго, и онъ вынужденъ былъ долгое время проживать въ выстроенномъ имъ флигелѣ церковномъ.

«Да, у тебя есть двоюродный братъ?» спросилъ о. Серафимъ. Я отвѣчалъ: есть. «Онъ учится въ Академіи; онъ родился съ мѣшкомъ; онъ будетъ солить, да солить до самой своей смерти». Это его дорогое предсказаніе относилось къ преосвященнѣйшему Филарету Черниговскому.»

Выписываю еще другой назидательный отрывокъ изъ тѣхъже писемъ.

«Проживя три недѣли, я имѣлъ случай замѣтить въ о. Серафимѣ необычайный даръ прозорливости. Одинъ Нижегородскій чиновникъ, въ чинѣ генерала, съ семействомъ пріѣхалъ принять совѣтъ и благословеніе отъ старца. Нѣсколько разъ, бывши у двери, онъ не былъ впущенъ, несмотря на то, что семейство его было принято; а онъ самъ только чрезъ дверь слышалъ голосъ и слова о. Серафима: «меня дома нѣтъ; мнѣ не время.» Чиновникъ, удивляясь словамъ, и не понимая оныхъ, усердно желалъ разъясненія ихъ. Видя же, что я часто хожу къ нему, упросилъ меня идти съ нимъ вмѣстѣ, и когда мы сотворили молитву, то о. Серафимъ отворилъ намъ дверь и принялъ чиновника радушно, и на его слова: что я былъ пять разъ и не удостоился принять благословенія, о. Серафимъ сказалъ: вотъ почему я васъ не принималъ, а говорилъ съ вами чрезъ дверь: что ваши-то люди говорятъ приходящимъ къ вамъ по нуждамъ своимъ: барина дома нѣтъ, ему не время. Вѣдь этимъ отказомъ прогнѣвляя ближнихъ, вы прогнѣвляете самого Бога. Генераль, принявъ наставленіе съ христіанскимъ смиреніемъ, поклонился ему въ ноги и общался впредь никогда сего не допускать.»

Мнѣ хотѣлось воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить бывший Спаскій Нуромскій монастырь и поклониться гробницѣ блаженнаго основателя. Мнѣ казалось, что и въ молитвѣ не слѣдуетъ раздѣлять двухъ праведниковъ, тѣсно соединенныхъ святою любовію въ земной жизни. Преп. Сергій Нуромскій, родомъ Грекъ и постриженникъ Аѳонскій, пользовался наставленіями великаго

Сергія Радонежскаго и основаль свою обитель въ дубравѣ Комельской тогда, когда преп. Павелъ жилъ еще на берегу Грязовицы, въ дуллѣ липы. Въ послѣдствіи услышавъ, что недалеко отъ него появился новый подвижникъ, Сергій пошелъ навѣстить Павла и увидѣлъ, что стая лѣсныхъ птицъ вилась около чуднаго отшельника; мелкія пташки сидѣли на головѣ и на плечахъ старца, и онъ кормилъ ихъ изъ рукъ. Тутъ же стоялъ медвѣдь; лисица и зайцы бѣгали вокругъ, не враждуя между собою и не боясь медвѣдя. Такъ въ лицѣ праведника возобновилось первобытное владычество человѣка, еще не согрѣшившаго, надъ созданною для него тварію! Съ того времени искренняя духовная любовь соединяла двухъ великихъ пустынножителей до блаженной ихъ кончины. Преп. Сергій былъ духовникомъ преп. Павла и подалъ ему совѣтъ къ основанію монастыря. Но между тѣмъ, какъ Павелъ, почти столѣтній старецъ, ходилъ къ митрополиту Фотію въ Москву за благословеніемъ и аптимисомъ для новаго храма, преп. Сергій преставился 7 октября 1412 года.

Въ этой поѣздкѣ сопровождалъ меня молодой рясофорный монахъ Геннадій. Родомъ изъ зажиточнаго купеческаго семейства, онъ съ отроческихъ лѣтъ почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни и теперь усердно трудится въ обители преп. Павла, подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни настоятеля. Выѣхавъ изъ Павлова монастыря сквозь старинныя ворота съ рѣзными вереями и шатровымъ верхомъ, мы увидѣли на другомъ берегу на горѣ двѣ древнія часовни. Одна изъ нихъ обозначаетъ собою мѣсто кельи, въ которой провелъ послѣднія лѣта своей жизни преп. Павелъ, когда по устроеніи обители онъ передалъ управление его ученику своему Алексію, не согласившись по смиренію принять на себя ни священства, ни настоятельства. Другая часовня покрываетъ кладезь, ископанный старческими руками преп. Павла.

Малопроѣзжая извилистая дорога пролегаетъ по пригоркамъ и оврагамъ вверхъ по теченію рѣки Нурмы. Въ перелѣскѣ, не доѣзжая съ версту до села Нуромскаго (монастырь упраздненъ въ 1764 г.), спутникъ мой ука-

заль мнѣ уединенную часовню: на этомъ мѣстѣ разставались пустынножители, когда посѣщали другъ друга, потому что преп. Павелъ, какъ увѣряетъ преданіе, сохранившееся въ народѣ, имѣлъ обыкновеніе провожать духовника своего болѣе нежели на три четверти пути отъ своего монастыря.

Обширная ограда монастырская обозначаетъ теперь мѣсто обширнаго кладбища вокругъ приходской церкви. Храмъ въ два яруса весьма благолѣпный возвышается на скатѣ крутаго холма, а подъ нимъ Нурма живописно извивается по зеленой долиинѣ. Прибрежныя высоты и теперь еще покрыты тѣнистыми рощами.

Въ нижнемъ храмѣ, посвященномъ преп. Сергію, рака съ изображеніемъ его прикрываетъ собою могилу старѣйшаго изъ пустынниковъ Вологодскихъ, который пришелъ съ дальняго востока, чтобъ освятить молитвою безлюдныя дебри и огласить дремучіе лѣса церковными пѣснями. Въ церкви сохранились двѣ старинныя иконы преп. Сергія: одна изъ нихъ весьма древняя, окружена изображеніями событій изъ жизни угодника Божія и чудесъ его. На другой иконѣ, писанной въ началѣ прошедшаго столѣтія, представленъ и самый монастырь въ томъ видѣ, какъ онъ тогда былъ.

Отсюда предстоялъ мнѣ дальнѣйшій путь къ Вологдѣ. Къ сожалѣнію, я, за темнотою ночи, не могъ посѣтить двухъ обителей, основанныхъ пустынножителями Иннокентіемъ и Арсеніемъ Комельскимъ. Первая изъ нихъ давно уже упразднена; первоначальникъ ея преп. Иннокентій сынъ боярина Охлѣбнина принялъ иночество въ обители Кирилла Бѣлозерскаго, потомъ вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ преп. Ниломъ Сорскимъ долго странствовалъ на востокъ и нѣсколько времени жилъ на Афонѣ. Съ востока возвратился онъ въ Бѣлозерскій монастырь, вскорѣ послѣдовалъ за преп. Ниломъ на рѣку Сору и здѣсь нѣсколько времени жилъ съ нимъ. Прозорливый старецъ, Ниль, видя, что ученикъ его созрѣлъ для того, чтобы быть наставникомъ для другихъ и притомъ не въ скитской жизни, которую самъ рѣшилъ проводить, сказалъ Иннокентію: «иди на Нурму: тамъ будетъ у тебя общежитіе, а у меня здѣсь братія должны жить по одному въ

келліяхъ.» Послушный ученикъ, погрузясь въ глубину Комельскаго лѣса, избралъ себѣ (въ 1491 году) мѣсто на рѣкѣ Едѣ, въ 10 верстахъ отъ Нурмы и въ 70 отъ Вологды; здѣсь не долго жилъ онъ одинъ, вскорѣ собралось къ нему духовное стадо, и онъ, построивъ храмъ во имя ангела пустыни Предтечи, основалъ общежительный монастырь. Предъ кончиною написалъ онъ духовное завѣщаніе братіи. «Вотъ я убогій инокъ Иннокентій, такъ говорилъ рабъ Божій, написалъ это завѣщаніе для тѣхъ, кому Богъ повелитъ жить въ нашей пустынѣ. Прежде всего молю васъ, Господа ради, поминайте меня грѣшнаго во святыхъ молитвахъ вашихъ; объ этомъ кланяюсь до земли вамъ, отцы и братія.—Завѣщаю и то, чтобы не было между вами никакой вражды, а была бы любовь во Христѣ и миръ духовный. Юныхъ и безбородыхъ иноковъ не принимать, и не постригать здѣсь таковыхъ. Пьянственнаго житія отнюдь не слѣдуетъ намъ имѣть. О томъ, какъ въ пустынѣ нашей должно быть на молитвѣ, какъ питаться, когда выходить на руководѣіе и работу, о всемъ подобномъ установлено въ писаніи господина учителя моего старца Нила — Тамъ найдете все благоугодное Богу.»

Другой монастырь въ Грязовецкомъ уѣздѣ и теперь еще существующій, основанъ въ 1530 году преп. Арсеніемъ Комельскимъ, изъ рода дворянъ Сухарусовыхъ. Онъ былъ игуменомъ Сергіевой Лавры, въ которой началъ свои иноческіе подвиги; но, томимый жаждою безмолвія, оставилъ настоятельство въ богатой и многолюдной обители, удалился въ Комельскій лѣсъ и нашелъ себѣ мѣсто въ непроходимой глуши близъ рѣчекъ Кохтыжа и Лежи. Оттуда прогнали отшельника крестьяне, приходившіе въ лѣсъ то для рубки, то для звѣриной ловли. Онъ перешелъ оттуда въ Шилегонскій лѣсъ на берегъ рѣчки Шилengi и ручья Ингоря и здѣсь положилъ основаніе общежительной обители, а самъ возвратился снова на прежнее мѣсто, гдѣ на этотъ разъ тревожили его уже не люди, усмиранные грамотою великаго князя Василія, а дикіе звѣри; молитвою своею онъ смирилъ ихъ и медвѣдь уступилъ берлогу свою отшельнику. Преп. Арсеній не забывалъ и Шилегонской своей пустыни. По вре-

менамъ онъ посѣщаль ее. На пути изъ одной пустыни въ другую онъ имѣль обычай бесѣдовать съ встрѣчающимися съ нимъ о спасеніи души, останавливаясь въ селеніяхъ, назидаль простыхъ людей словомъ спасительнымъ. Если замѣчаль, что кто либо трудится въ полѣ въ праздники, или въ день воскресный, онъ строго обличаль за то. Разъ поселяне ослушались его, — не перестали косить хлѣбъ въ праздникъ, и внезапно поднявшійся вѣтеръ разметаль всѣ снопы ихъ. Проводя долгую иноческую жизнь въ постѣ, молитвѣ и непрестанныхъ трудахъ, старецъ предъ кончиною своею приобщился св. Таинъ и мирно предалъ духъ свой Господу, 24 августа 1550 г.

Рано утромъ увидѣль я издали зубчатая стѣны Корниліева Комельскаго монастыря. При поворотѣ къ нему съ большой дороги—часовня съ ликами чудотворцевъ Вологодскихъ, и тутъ же приготовлена свѣжая вода для путниковъ. Почти подъ самыми стѣнами многоглавой обители пужно было опять переѣхать р. Нурму, въ которую впадаетъ здѣсь у подножія сѣверо-восточной башни небольшая рѣчка Талица. Мѣстность дикая, но пріятная: съ сѣверной стороны разстилается, на мѣстѣ высохшаго пруда, обширный и прекрасный лугъ; къ югу отъ монастыря холмы усѣяны селеніями; къ востоку синѣютъ дремучіе лѣса, остатки непроходимыхъ дебрей комельскихъ.

Основатель монастыря преп. Корнилій, уроженецъ Ростова, колыбели столь многихъ великихъ мужей Русской Церкви, происходилъ изъ боярскаго рода Крюковыхъ. Родной дядя его Лукіанъ Крюковъ служилъ при дворѣ супруги Темнаго великой княгини Маріи. Удалясь отъ двора въ Бѣлозерскую обитель преп. Кирилла, онъ взялъ съ собою и сироту—племянника. Здѣсь Корнилій принялъ иноческое постриженіе, будучи 12 лѣтъ отъ роду, и неутомимо трудился въ хлѣбнѣ, а въ свободное отъ послушанія время любилъ списывать книги. Спустя нѣсколько лѣтъ Корнилій отправился странствовать, былъ въ Новгородѣ у великаго ревнителя православія, блаж. владыки Геннадія, который желаль, но не могъ удержать его при себѣ, провелъ нѣсколько времени въ Тверской Савватіевой пустынѣ и наконецъ перешелъ въ Комель-

скій лѣсъ и поселился въ 45 верстахъ отъ Вологды въ оставленной разбойниками хижинѣ, на мѣстѣ которой возвышается теперь благолѣпная обитель.

Четыре года подвизался онъ безмолвно, терпя тяжкія озлобленія отъ злыхъ людей; потомъ когда стали стекаться къ нему любители безмолвія, поставилъ храмъ въ честь Введенія Богоматери, принялъ рукоположеніе священства (въ 1501 году) и былъ первымъ игуменомъ основанной имъ обители. Въ постоянное руководство для своей братіи далъ онъ письменный уставъ, сохранившійся донинѣ въ спискахъ; для больныхъ и странниковъ поставилъ страннопріемные дома. Во время сильнаго голода, постигшаго страну Вологодскую, онъ явился отцемъ и кормильцемъ всѣхъ бѣдствующихъ. Преп. Корнилій преставился 82 лѣтъ, 19 мая 1537 года; преемникомъ его въ управленіи монастыремъ былъ ученикъ его Лаврентій «подвижникъ, постникъ и молитвенникъ,» какъ сказано въ житіи его наставника.

Другіе ученики Комельскаго пустынножителя были распространителями иночества въ сѣверномъ краю русской земли. Такъ преп. Кириллъ основалъ общежительную обитель на Красномъ островѣ новаго озера въ Бѣлозерскомъ краѣ. Преп. Филиппъ Ирабскій собралъ пустынную братію въ 45 верстахъ отъ Череповца въ Ирабской волости благочестиваго князя Андрея Шелешпанскаго. Преп. Иродіонъ Илозерскій и преп. Даниилъ Шушгорскій соорудили монастыри въ Бѣлозерской странѣ. Преп. Симонъ Сойгинскій былъ первоначальникомъ Спасской обители въ Сольвычегодскомъ краѣ, на устьѣ р. Сойги, впадающей въ Вычегду. Преп. Геннадій Любимскій послѣдовалъ за наставникомъ своимъ преп. Корниліемъ въ костромскіе лѣса на Сурское озеро. Тамъ жили они отшельниками, пахали землю и рубили лѣсъ. Когда Корнилій возвратился въ свой монастырь, Геннадій остался на Сурскомъ озерѣ; тамъ процвѣтаетъ теперь извѣстная обитель Геннадіева—предметъ особеннаго благоговѣнія Костромскихъ жителей. Вотъ сколько разсадниковъ благочестія возникло изъ пустыни Комельской!

Мощи преп. Корнилія почиваютъ подъ спудомъ въ аркѣ между церковью, посвященною его имени и южною частію

алтаря соборнаго Введенскаго храма, воздвигнутаго во второй половинѣ XVI столѣтія, на мѣстѣ той первоначальной церкви, которая, какъ говоритъ жизнеописатель преевдобнаго, сооружена была «помощію Богородицы, молитвами старца Корнилія, трудами учениковъ его, паче же постомъ и слезами.» На ракъ лежитъ изображеніе преп. Корнилія, древняго письма, покрытое богатою ризою. Тутъ же хранится фелонь его бѣлая съ краснымъ камчатнымъ оплечьемъ, весьма ветхая, и часть его власяницы. Особенно замѣчательна древняя икона Богородицы, точный списокъ съ Владимірскаго чудотворнаго образа, находящагося въ Москвѣ; она весьма богато украшена и ежегодно приносится на нѣсколько дней въ сосѣдній городъ Грязовець, прежнюю вотчину монастыря. Туда же носится и древній образъ преп. Корнилія, стоящій въ томъ же храмѣ, окруженный изображеніями сорока четырехъ чудесъ угодника Божія. Чудеса, какъ благодатная помощь великаго чудотворца, не оскудѣвають и донынѣ: 19 мая 1861 года 12-лѣтняя Евгенія, дочь живущаго въ Вологдѣ отставнаго чиновника Кубеницкаго, пропала изъ дома родительскаго; много было горя въ семьѣ, напрасно искали пропавшую дѣвочку; наконецъ обратились къ молитвѣ. Уже поздно вечеромъ сосѣдъ мѣщанинъ привезъ въ своей тележкѣ Евгенію, блѣдную и измученную. Онъ нашель ее за 25 верстъ отъ Грязовца на большой дорогѣ, за рѣкою Комелюю, которую переѣзжаютъ на паромѣ. Уже на другой день, отдохнувши, дѣвочка могла сказать, что она ушла изъ дому въ лѣсъ, запуталась тамъ, много плакала и кричала, наконецъ стала звать о помощи къ преп. Корнилію. Вдругъ она увидѣла, что къ ней подходитъ сѣдовласый монахъ съ золотымъ крестомъ на груди. Онъ далъ ей просфору и велѣлъ ей съѣсть, потомъ сказалъ: иди прямо направо, тутъ будетъ тебѣ попутчикъ. Скоро встрѣтила она сосѣда. Замѣчательно особенно то, что дѣвочка, какъ она настойчиво увѣряла, нигдѣ не переходила рѣки. Эго чудное событіе слышалъ я отъ монаховъ Корниліева монастыря

Въ монастырѣ есть еще нѣсколько храмовъ: теплый Воскресенскій, св. Александра Невскаго и св. Николая

чудотворца надъ воротами. Въ этихъ церквахъ сохранилось немало древнихъ иконъ.

Въ ризницѣ хранится ставленная грамота преп. Корнилія съ подписью и печатью митрополита Симона; житіе со службою преп. Корнилія полууставнаго письма конца XVI в.; старинный синодикъ съ нѣкоторыми свѣденіями объ исторіи монастыря и спискомъ настоятелей. Замѣчательнъ напрестольный крестъ обложенный серебромъ превосходной сканной работы, вкладъ царя Бориса въ 1504 году въ память по сестрѣ его, царицѣ инокинѣ Александрѣ (Иринѣ, вдовѣ царя Θεодора Іоанновича). Близъ монастыря находится колодезь минеральныхъ водъ, разчищенный въ 1765 году, при немъ устроены котель и ванны для нагрѣванія воды, которая оказывается особенно полезною для страждущихъ золотухою и скорбутомъ. Отъ Корниліева монастыря, по прекрасной гладкой дорогѣ прибылъ я къ вечеру въ Вологду, отсюда пишу это первое письмо къ вамъ, В. П., которое неожиданно сдѣлалось толстою тетрадью.

Графъ М. Толстой.

21 іюня 1867 года. Вологда.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1867 ГОДА.

I.

Май, іюнь, іюль и августъ.

Стран.

1. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви	3—23, 55—73,	141—168
2. Нѣчто о благотворномъ дѣйстви природы на душу		24—33
3. Пареміи изъ книги Бытія		34—40
4. Борьба вѣры съ невѣріемъ. Слово въ недѣлю 6-ю по пасхѣ		41—48
5. Нѣсколько словъ о внутренней, виѣшней и общественной молитвѣ		49—54
6. Разговоръ обратившагося въ православіе съ пребывающимъ въ святой церкви		74—106
7. Слово въ субботу седьмой недѣли по Пасхѣ		107—120
8. Христіанская свобода		122—134
9. Тронаръ въ праздникъ пятидесятницы		135—140
10. О благотворности вообще и объ участіи въ ней доблестной жены		169—204

11. Домохозяйства безопасные, расточительные и распутные. Домашняя бесѣда сельскаго священника съ прихожанами предъ литургіею.....	205—215
12. Лесть.....	216—222
13. Доблестная жена, какъ мать.....	223—240
14. Изъясненіе церковнаго стиха.....	241—248
15. О бытіи Божіемъ.....	249—288
16. Божественная литургія.....	284—299
17. Рѣчь высокопреосвященнѣйшаго Филарета митрополита Московскаго, въ день (5 августа) совершавшагося пятидесятилѣтія Его священно-начальственнаго служенія, прочтенная преосвященнымъ Леонидомъ предъ собраніемъ привѣтствовавшихъ Его высокопреосвященство.....	300—303
18. Привѣтствія Высокопреосвященнѣйшему Филарету.....	303—308

(ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.)

II.

Май, іюнь, іюль и августъ.

	<i>Стран.</i>
1. Еще нѣсколько словъ о новѣйшихъ событіяхъ въ расколѣ.	1—40
2. Необычайное вразумленіе о важности Божественной литургіи.....	40—42
3. Памятный ночлеги.....	43—48
4. Всеподданнѣйшее письмо.....	48—49
5. Сужденіе о книгѣ: Алтайская церковная миссія. С.-Петербургъ 1865 г.....	50—64
6. Обращеніе къ православію изъ безпоповщинскаго раскола.	65—74
7. Поездка въ святогорскую пустынь (Харьковской губерніи).	73—94
8. Торжество Божескаго правосудія.....	94—101
9. Исполненіе иновѣрнаго младенца освященною Богоявленскою водою.....	101—104
10. Западные и южные Славяне въ Москвѣ.....	104—110
11. Событіе 25-го мая.....	110—111
12. Воспоминаніе объ отцѣ Феофанѣ (Авсеневи.).....	113—126
13. Животныя въ церковной живописи.....	126—136
14. Походный журналъ, составленный чукотскимъ миссіонеромъ священникомъ Петромъ Суворовымъ во время путешествія его въ Аноійскую крѣпость въ 1860 году.....	137—149
15. Случаи, показывающіе силу вѣры и молитвъ церковныхъ.....	150—153
16. Извѣстія изъ Алтайской духовной миссіи.....	153—158
17. Записки миссіонера священника Петра Суворова о поездкѣ на тундру въ чукотскія жилища, для проповѣди слова Божія въ 1860 г. Чукчамъ.....	159—168
18. Отчетъ тогоже миссіонера о поездкѣ къ Аноійской крѣпости въ 1861 году.....	168—175
19. Попечительство при московской Василіекесарійской церкви.	175—184
20. День во Владычнемъ монастырѣ подл. Серпуховымъ.....	184—189
21. Путевыя письма съ сѣвера. (Письмо первое).....	189—207